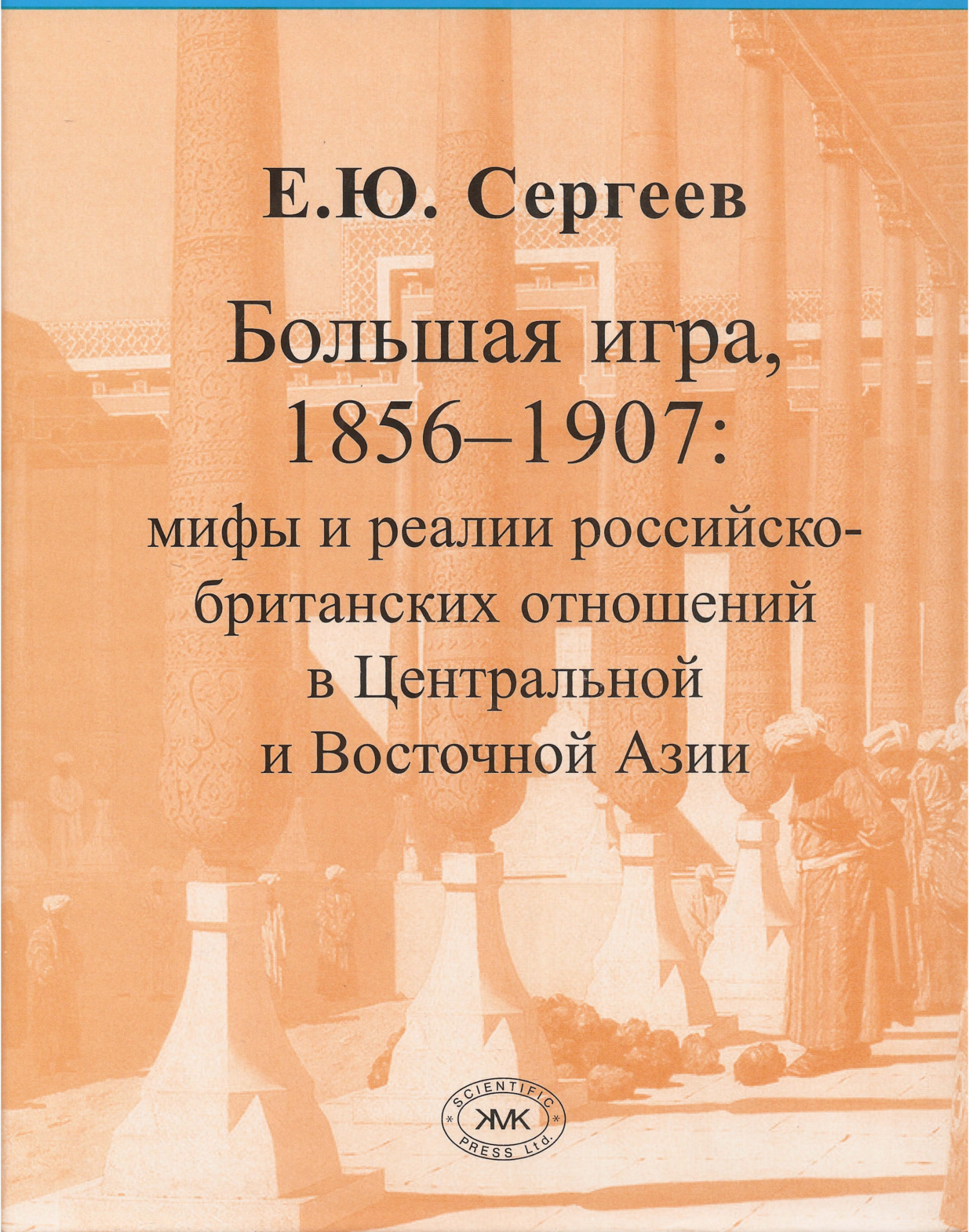
Сфера Евразии

Е.Ю. Сергеев

Большая игра, 1856–1907:

мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии



SCIENTIFIC PRESS Ltd. КМК

Сфера Евразии

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
Институт всеобщей истории
Центр «XX век: социально-политические и экономические проблемы»

Е.Ю. Сергеев

БОЛЬШАЯ ИГРА, 1856–1907:
мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии

Товарищество научных изданий КМК
Москва ❖ 2012

Серия **«СФЕРА ЕВРАЗИИ»**

Редакторы серии: С.Л. Кузьмин, К.Г. Михайлов
Редактор выпуска: К.Г. Михайлов

УДК 327.80(470)
ББК 63.3(2)-64 + 6.3.3(5Кит.)
С 32

Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. — М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. — 454 с., 8 вкл.

На основе широкой информационной базы, включающей ранее неизвестные или слабо изученные архивные материалы, автор предлагает новую концепцию Большой Игры, понимаемой им как сложный процесс взаимодействия двух наиболее могущественных империй второй половины XIX в. — Британской и Российской — на просторах Центральной и Восточной Азии. В монографии раскрываются предпосылки, основные этапы и последствия соперничества — сотрудничества англичан и россиян на протяжении нескольких десятилетий. Книга содержит анализ влияния Большой Игры не только на динамику двухсторонних отношений в контексте викторианской эпохи, но и на эволюцию тех регионов и стран Востока, которые усилиями Лондона и Петербурга оказались интегрированными в формировавшуюся систему мировых политических, экономических и культурных связей.

Для историков международных отношений, аспирантов, студентов и всех интересующихся проблемами развития российско-британского диалога в новое и новейшее время.

Рецензенты:

доктор исторических наук Г.В. Цыпкин,
доктор исторических наук В.К. Шацилло,
кандидат исторических наук Т.В. Котюкова,
кандидат исторических наук Е.Ю. Полякова

Монография подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант 09-01-00286а/р «Формирование и эволюция международно-политических систем XIX–XX вв.: место и роль России»)

ISBN 978-5-87317-784-4

© Е.Ю. Сергеев, 2012
© Т-во научных изданий КМК, издание, 2012

Посвящается моей маме — Элеоноре Викторовне Сергеевой, которой я многим обязан в жизни

От автора

Изучение истории *Большой Игры* потребовало колоссальной работы с материалами архивов, опубликованными сборниками документов, мемуарами современников, а также обширного историографического поиска в течение пяти лет. Однако она стала для автора более приятным занятием благодаря вниманию и доброму отношению многих людей, без содействия которых книга не увидела бы свет. В связи с этим хотелось бы высказать благодарность тем специалистам архивов и библиотек, которые оказывали автору поддержку и содействие в процессе исследования феномена *Большой Игры*.

Далее, выражаю признательность всем коллегам, взявшим на себя труд ознакомиться с рукописью в процессе ее подготовки и рецензирования. Особую благодарность хотелось бы адресовать сотрудникам Центра «XX век» Института всеобщей истории РАН, которые приняли самое непосредственное участие в обсуждении рукописи монографии.

Наконец, я в долгу перед своей семьей: супругой Ириной и двумя сыновьями — Денисом и Олегом, неизменно поддерживавшим меня на всем протяжении кропотливой исследовательской работы.

Книга посвящается моей маме — Элеоноре Викторовне Сергеевой, которой я очень многим обязан в своей жизни.

Москва, декабрь 2010 г.

Введение

Мы на пороге времени, наполненном событиями, но если мы начнем Большую Игру, которая нам предстоит, то результаты будут гораздо более благоприятными как для нас, так и для тех народов, чьи судьбы вместо пребывания в хаосе, насилии, невежестве и нищете могут обратиться к миру, просвещению и счастью.

А. Конолли

С незапамятных времен военные конфликты разделяли людей. Но помимо кровавых столкновений история цивилизации знает немало примеров сотрудничества между государствами, социальными общностями и отдельными индивидуумами. Взаимодействие сил притяжения и отталкивания сопровождало Человечество на протяжении пяти тысяч лет истории, нашедшей отражение в устной традиции и письменных источниках. Такая комбинация нередко принимала форму *Игры*, или другими словами, соревнования двух, реже трех и более, субъектов международных отношений, выступавших с планами господства над территориями, природными ресурсами и населением остальных государственных образований.

Будучи типичным примером сложной дихотомии соперничества — сотрудничества, феномен *Большой Игры (Great Game)* в Центральной и Восточной Азии, главными участниками которой на протяжении второй половины XIX – начала XX в. выступали две империи — Британская и Российская, требует глубокого переосмысления, связанного с уточнением хронологических рамок, географической протяженности, а также содержания основных этапов. Необходимость комплексного изучения явлений и процессов, обусловленных *Большой Игрой*, диктуется, на наш взгляд, несколькими обстоятельствами.

Прежде всего, окончание холодной войны символизировало выход отечественной исторической науки за узкие рамки давно отживших пропагандистских клише и «черно-белых» стереотипов, особенно в плане восприятия Западом России или традиционных представлений о странах Востока, характерных для советских историков. Далее, вакуум геополитического влияния в так назы-

ваемых контактных зонах цивилизаций со смешанным этно-конфессиональным составом, ставший очевидным к концу XX – началу XXI в., актуализировал необходимость свежего взгляда на предпосылки тех бурных процессов, свидетелями которых мы стали после крушения биполярного мира. Наконец, облегчение доступа специалистов к архивным фондам большинства стран Европы и Азии позволило им ввести в научный оборот корпус ранее неизвестных источников, подвергнув их перекрестной верификации с использованием компаративного и междисциплинарного подходов. Показательно, что события более чем вековой давности продолжают вызывать огромный интерес не только ученых, но и практиков — политиков, дипломатов, военных, а также представителей широкой общественности. В частности, на страницах периодических изданий и в виртуальной информационной среде можно встретить немало публикаций, авторы которых стремятся сопоставить тенденции сегодняшнего дня с наиболее показательными эпизодами соперничества великих держав в различных регионах мира. Неслучайно также в ряде университетов Европы и США студентам читаются учебные курсы по истории *Большой Игры* в контексте эволюции международных отношений Нового времени[1].

Если бы обычного читателя, который проявляет интерес к событиями прошлого, попросили объяснить, как он или она понимает *Большую Игру*, то ответ легко предугадать заранее. Скорее всего, человек, лишь немного знакомый с историей расширения имперских пределов, ответил бы, что это понятие описывает соперничество Англии и России за контроль над Центральной Азией в XIX веке, когда русские бросили вызов англичанам в странах Востока, вынудив последних решать одновременно сразу три взаимообусловленные задачи сохранения баланса сил в Европе, обеспечения безопасности Индии как главного источника благосостояния метрополии и защиты морских торговых путей.

Однако, как показали результаты исследования, которые легли в основу книги, такой взгляд на *Большую Игру* является не только ограниченным, но и устаревшим. Несмотря на множество публикаций очевидцев событий, отставных военных и дипломатов, профессиональных журналистов, наконец, исследователей-первопроходцев, совершавших на протяжении нескольких десятилетий XIX–XX вв. опасные для жизни путешествия по просторам Азии, генезис, содержание и воздействие *Большой Игры* на международные отношения все еще остаются слабо изученными или мифологизированными. В современной исследовательской литературе, как отечественной, так и зарубежной, не говоря о популярных изданиях, история *Большой Игры* по-прежнему представлена фрагментарно. Специалисты, как правило, рассматривают ее либо в границах определенных государственных образований — Персии, Афганистана, ханств Центральной Азии и т.д., либо как процесс, обусловленный исключительно военно-политическими соображениями основных «игроков», либо в качестве явления, не связанного с модернизацией традиционных восточных обществ, которую европейские держа-

вы сумели им навязать. Да и само это понятие сегодня употребляется большинством авторов скорее в качестве знаковой метафоры геополитического соперничества различных государств — от США до Китая, что лишает его конкретно-исторического смысла[2].

Поэтому главной целью исследовательской работы стало изучение *Большой Игры* как значимого компонента международных отношений, связанного с определенной эпохой и нашедшего отражение в деятельности широкого круга участников — от известных государственных и общественных деятелей, дипломатов и военных администраторов до скромных чиновников, служивших на границах империй, и бесстрашных путешественников, которые изучали географическую среду, быт и культуру азиатских этносов. Автор монографии стремился обосновать собственную концепцию *Большой Игры*, призванную изменить существующее представление о ней и демифологизировать историю англо-русских отношений в Азии, которые развивались вместе с процессом становления всемирной системы экономических, политических и социо-культурных связей. Свою задачу он видел также в анализе движущих сил и механизмов инкорпорирования доиндустриальных социумов в эту систему по британской или русской моделям, взаимодействие между которыми, включавшее как моменты соперничества, так и сотрудничества, определило, как будет показано ниже, внутренний смысл интересующего нас процесса. И хотя попытки такого рассмотрения предпринимались ранее компетентными очевидцами и участниками событий, результаты их анализа уже не отвечают требованиям сегодняшнего дня[3].

Общепризнано, что любое серьезное исследование должно базироваться на адекватном категориально-понятийном аппарате, отражающем не только современный уровень изучения объекта, интересующего историка, но и способном дать представление о методологии научного поиска. Поэтому необходимо сначала остановиться на генезисе самого термина *Большая Игра*, чтобы читатель смог разобраться в ее причинах, пространственной локализации и хронологии.

Документально установлено, что Артур Конолли, капитан 6-го Бенгальского полка легкой кавалерии, «смелый, изобретательный и амбициозный» молодой офицер на службе Ост-Индской компании, первым использовал выражение *the Great (Grand) Game* на полях копии письма, отправленного британским политическим представителем в Кабуле губернатору Бомбея в 1840 г.[4] Примерно тогда же Конолли вновь упомянул о «замечательной» *Большой Игре* в одном из личных посланий к своему другу майору Генри Роулинсону, который впоследствии стал известным востоковедом и ведущим экспертом по проблемам российской внешней политики на Востоке[5].

Но почему Конолли считал деятельность свою и коллег именно *Игрой*, учитывая тот факт, что его письма и путевые заметки содержат размышления о прогрессивной, духовно-просветительской миссии европейцев в Азии? Некоторые авторы, как, например, журналист Питер Хопкирк, утверждали, что Конолли сравнивал выполнение секретных заданий на Востоке с игрой

в овальный мяч, изобретенной неким Уильямом Эллисом в знаменитой школе Регби еще к в начале 1820-х гг.[6] Однако данное утверждение представляется хотя и любопытным, но мало что объясняющим, если мы вспомним об ином толковании, которое можно найти у Александра Бернса, также прославленного британского путешественника, а впоследствии политического резидента в Центральной Азии. Познакомившись с Конолли, преисполненного стремлением совершить новый «крестовый поход» на Восток, Бернс оставил следующий отзыв в дневнике: «Он (Конолли. — *Е.С.*) взбалмошный, хотя и неплохой парень. Он собирается оживить Туркестан, отпустить там всех рабов на свободу и рассматривает наш приход туда как промысел Божий по распространению христианства»[7].

По словам сэра Джона Кайе, секретаря Политического и секретного департамента министерства по делам Индии, описавшего впоследствии события первой англо-афганской войны 1839–1842 гг. и обнаружившего в 1843 г. упоминания о *Большой Игре* в эпистолярном наследии Конолли[8], последний даже считал возможным преобразовать деспотии Среднего Востока в более «либеральные» режимы путем реформ, которые должны были осуществить местные правители при активном содействии европейцев, прежде всего британцев, как «защитников гуманизма и пионеров цивилизации», а затем объединить эти модернизированные государственные образования в некую исламскую конфедерацию, имеющую характер «буфера», способного сдержать возможное наступление русских в направлении Персии, Афганистана, а самое главное, Индии. Таким образом, хотя Конолли трудно назвать религиозным фанатиком, следует все же признать, что он считал себя, по крайней мере, в переписке с родственниками и друзьями «орудием Провидения», ведущего с ним и подобными ему людьми «*Игру*», понимание высшего смысла которой лежит за пределами человеческого разума[9].

Однако помимо теологической, «светская» интерпретация *Большой Игры* также заслуживает упоминания. Как известно, во времена Конолли Ост-Индская компания оставалась, по крайней мере, *де-юре*, частным акционерным обществом, хотя и под контролем английского правительства. При этом большинство секретных разведывательных командировок, которые обычно выполнялись младшими отпрысками дворянских семейств Великобритании на службе Компании в затерянных уголках Азии (судьба семьи А. Конолли, три брата которого погибли в Индии, служит типичным примером), рассматривалось официальным Лондоном или Калькуттой — административным центром британских владений до 1910 г., в качестве поездок, совершаемых путешественниками-любителями на свой страх и риск без какой-либо гласной санкции правительственных органов. Так, несмотря на то, что британский посланник в Тегеране поддержал исследовательскую экспедицию Конолли в Центральную Азию, а руководство Ост-Индской компании возместило офицеру все путевые затраты, министр иностранных дел сэр Роберт Пиль публично отверг причастность к ней государственных чинов-

ников, отвечая 24 августа 1843 г. на запрос одного из членов Палаты общин относительно миссии исследователя[10].

Не подлежит сомнению, что величие цивилизаторских усилий А. Конолли и подобных ему проводников колониальной экспансии Великобритании в Азии поражало воображение европейской общественности. Стремление к насаждению среди мусульман идеалов свободы и просвещения, с одной стороны, и вполне понятное намерение не допустить их переход под скипетр «полуварваров – московитов», с другой, определяли деятельность многих подданных королевы Виктории. Неслучайно Э. Саид в своем классическом труде по истории ориентализма обратил внимание на то обстоятельство, что на протяжении викторианской эпохи первооткрыватели и миссионеры рассматривались многими современниками как герои, «спасающие Восток от темноты, враждебности и отчужденности»[11].

Наряду с приведенными выше версиями, следует обратить внимание еще на одну трактовку *Игры*, понимаемой как соревнование товаров и капиталов на азиатских рынках, где европейские компании имели возможность «испытать себя» при минимальном риске политических осложнений в сравнении со Старым Светом. По сути дела, используя выражение английского историка Макса Белоффа, «британские правящие круги принимали как данность то, что международный порядок формировался конкурирующими державами, в задачу которых входило обеспечение себя всеми доступными активами»[12].

Вместе с эскалацией дипломатической борьбы в 1870-х – 1880-х гг. трактовка *Большой Игры* претерпела заметные изменения. Примером может служить ее понимание, изложенное в памфлете, увидевшем свет в 1875 г. Название брошюры говорило само за себя — «*Большая Игра. Призыв к проведению Британией имперской политики*». Любопытно, что анонимный автор ратовал за наступательный курс лондонского Кабинета на периферии Европы, главным образом, в Центральной и Южной Азии, не исключая, впрочем, сотрудничества там Англии и России, которые, по его мнению, обладали всеми возможностями для объединения усилий, чтобы «обеспечивать мир и безопасность доброй половине света», защищая ее от атак других держав, скажем, Китая[13].

Несмотря на эту и аналогичные публикации[14], вряд ли можно предположить, что большинство английской или российской властной элиты относилось с симпатией к азиатской политике противоположной стороны в эпоху, когда обе империи временами балансировали на грани открытия военных действий друг против друга. Неслучайно поэтому Редьярд Киплинг, блестящий певец Британской Индии, «визуализировал» *Большую Игру* через восприятие англо-русского соперничества созданными им литературными героями — мальчиком-полукровкой Кимом, и его наставниками, деятельность которых была направлена на то, чтобы противодействовать интригам России на севере Индостана[15]. И хотя знаменитый писатель, бесспорно, сумел передать «дух эпохи», его рассказ о разветвленной и высоко эффективной секретной службе, созданной англичанами в Индии, отразил лишь один

из аспектов *Игры* — борьбу разведок. При этом Киплинг преувеличил масштабы деятельности «зловещих» русских агентов против англичан в глазах читающей публики[16]. Впоследствии искаженное понимание *Большой Игры* доминировало в общественном мнении европейских стран, США и Японии на протяжении десятилетий[17].

Интересно, что многие политики, дипломаты и путешественники также начали активно использовать лексику *Большой Игры* на рубеже двух столетий. К примеру, известный исследователь Азии, разведчик, а затем политический агент в Читрале, специальный уполномоченный по Тибету и представитель в Кашмире Фрэнсис Янгхазбенд так описывал свои впечатления от встречи с царскими военными администраторами в районе Памира: «Мы и русские конкуренты, но я уверен, что российские и английские офицеры по отдельности скорее найдут общий язык друг с другом, чем с лицами из других стран, которые не соперничают с ними. Мы все ведем *Большую Игру*, и нам не следует всячески пытаться скрыть этот факт»[18].

Другой хорошо осведомленный участник событий, Генри Уигхэм, следующим образом комментировал русско-британское соперничество в книге, увидевшей свет на рубеже XIX–XX вв.:

> «Опасность для нас таится не столько в игнорировании значимости государства шаха (то есть Персии. — *Е.С.*) на шахматной доске Азии, сколько в очевидной неспособности наших руководителей на Даунинг-стрит осознать тот факт, что Игра уже в самом разгаре и что без немедленного хода с нашей стороны развязка не может быть отложена на долгое время. Настоятельно необходимо, чтобы ответный ход был бы сделан в правильном направлении. Мы играем против соперника, который давным-давно составил свой план кампании и никогда не упускал возможности воплотить его в действительность. Его Игра профессиональна и последовательна, потому что он всегда знает свою конечную цель»[19].

Видное место среди работ современников занимают фундаментальные труды Джорджа Керзона, неутомимого путешественника, великолепного географа, блестящего дипломата и государственного деятеля, который подверг глубокому анализу различные аспекты англо-русского противостояния[20]. Можно без преувеличения сказать, что он внес решающий вклад в разработку понятия «естественной» или «научной» границы (*фронтира*), которая была призвана обосновать пределы расширения колониальной периферии империй[21].

История соперничества Великобритании и России нашла отражение в лекции профессора Генри Дэвиса, прочитанной в Оксфорде в 1924 г. Примечательно, что он определил *Большую Игру* как серию разведывательных миссий, совершенных европейцами — прежде всего англичанами, русскими, французами и немцами, нередко в обличье восточных купцов или паломников на отдаленных рубежах имперских владений.[22] Спустя двадцать лет британский

историк, Гай Уинт, размышляя о геополитическом соревновании англичан и русских в Азии, справедливо заметил, что «правительства с каждой стороны предоставляли лицензии своим агентам на планирование и контрпланирование, не доводя дело до настоящего взрыва, и что-то вроде Игры возникало между ними по обоюдному, хотя и не признанному официально согласию»[23].

Новое, более глубокое и объективное исследование интересующей нас проблемы было дано уже во второй половине XX в. такими крупными историками как Майкл Эдвардес, Дэвид Джилларда, Джеральд Морган, и особенно, Эдвард Ингрэм. По мнению Эдвардеса, *Большая Игра* представляла собой соревнование за политическое преобладание в Центральной Азии между демократической Британией и авторитарной Россией, что полностью отвечало романтике дальних странствий и приключений викторианской эпохи. Показательно, что он процитировал высказывание российского канцлера графа К.В. Нессельроде, который назвал секретную русско-британскую войну в Азии «турниром теней», имея в виду стремление Лондона и Петербурга избежать открытой вооруженной конфронтации[24]. С точки зрения Джилларда, расстановка сил на Евразийском континенте к концу первой половины XIX в. изменилась в пользу Великобритании и России, то есть тех государств, которые заменили Францию и Китай в гонке за доминирование в Азии*. Крымская война 1853–1856 гг. открыла новую фазу соперничества, переместив фокус восточной политики Лондона и Петербурга с Кавказа на Средний и Дальний Восток[25]. В свою очередь Морган полагал, что *Большая Игра* являлась скорее иллюзорным, чем реальным процессом. Его исследование показало необходимость перекрестной верификации разведывательной информации, собранной военными и политическими агентами на местах, поскольку многие из них преувеличивали, а иногда даже прямо фальсифицировали сведения об «агрессивных» замыслах противоположной стороны. Выражая сомнения относительно концепции упоминавшегося профессора Г. Дэвиса, который обосновал создание спецслужбами Британии и России разветвленной шпионской сети в странах Востока, Морган рассматривал «турнир теней» как миф, порожденный несколькими энтузиастами — молодыми офицерами колониальной службы в собственных интересах продвижения по лестнице военной карьеры на фоне борьбы за модернизацию традиционных азиатских социумов[26].

Исследования Э. Ингрэма внесли неоценимый вклад в расширение наших представлений о происхождении *Большой Игры*. «Между 1828 и 1907 гг., — писал он в первой из серии монографий по данной теме, — Большая Игра в Азии представляла собой поиски Британией наилучшего

** Автор использует названия «империя Цин» и «Китай» как синонимы. В действительности же в рассматриваемый период Китай был частью другой страны — империи Цин. Маньчжуры захватили Китай (как и некоторые другие государства) и включили его в свою империю Цин, созданную ими ранее вне границ Китая. Китай вновь обрел государственность уже после распада империи Цин в начале XX в., когда ханьцы создали свое национальное государство — Китайскую Республику. — Прим. ред.*

способа отражения русской угрозы Индии». Ингрэм следующим образом описывал ее генезис: «Непреложным географическим фактом являлась необходимость для британцев защищать границу (*frontier*), в то время они не могли найти никого, кто бы взялся за это дело вместо них. Указанные обстоятельства и обусловили начало Большой Игры»[27]. Отнеся это событие к эпохе Великой Французской революции, историк предположил, что «репетиции Большой Игры состоялись в Египте и Багдаде, когда в конце XVIII в. против Наполеона выступила вторая коалиция»[28]. Таким образом, по его мнению, острейшая англо-французская борьба за господство в Европе завершила так называемую эру Колумба и одновременно дала старт *Большой Игре*, в которой к началу 1820-х гг. Россия заменила Францию как ключевого участника[29]. В своем заключительном труде, охватывающем последнюю четверть XVIII – первую треть XIX в., Ингрэм пришел к неожиданному выводу о том, что *Большая Игра* была вызвана стремлением британцев навязать остальному Человечеству свои представления об устройстве мира, а затем попыткой избежать последствий провала предпринятых усилий[30]. Чтобы аргументировать эту интерпретацию, британский профессор предложил определить *Большую Игру* как «изобретение англичан в соавторстве с турками, иранцами, афганцами и сикхами, направленное против русских»[31].

Нетрудно заметить, что представленные авторы, испытавшие влияние реалий холодной войны, как правило, ограничивали причины и проявления *Игры* одним – двумя политическими или экономическими факторами. Более сбалансированную концепцию можно обнаружить в работе американца Дэвида Фромкина, который сформулировал понимание *Игры* в узком и широком планах. Если в первом случае исследователи обычно акцентировали внимание на разведывательных операциях, то во втором — они были склонны рассматривать *Большую Игру* как составную часть русско-британского имперского соперничества. Важно также подчеркнуть, что Фромкин детально проанализировал геостратегические особенности данного процесса, отразившегося на характерах и судьбах некоторых ведущих «игроков»[32].

Кризис и распад Советского Союза в конце 1980-х – начале 1990-х гг. оживил интерес специалистов и общественности к истории *Большой Игры*. Бывшие дипломаты, разведчики и журналисты взялись за перо, чтобы осветить прошедшие события с позиций новых международных тенденций. Так, например, Гордон Уиттеридж, экс-посол Соединенного Королевства в Кабуле в 1965–1968 гг., назвал *Большую Игру* серией «пробных шагов Британской и Российской империй на пространстве Центральной Азии с целью определения оптимальных границ в смысле их защищенности»[33]. П. Хопкирк, которого мы упоминали выше, внес наибольший вклад в популяризацию «теневой борьбы за политическое наследие в Азии», опубликовав серию объемистых, хотя и местами поверхностных работ, написанных в жанре исторической беллетристики[34].

Помимо книг Хопкирка, вызвавших большой интерес читающей публики, американские журналисты Карл Мейер и Шарин Брайсек создали жи-

вую, правда, далеко не всегда точную картину «викторианского пролога холодной войны», сравнив вслед за Джиллардом *Большую Игру* с геостратегическим соревнованием между СССР и США после 1945 г.[35] Вслед за ними британский историк Лоуренс Джеймс усмотрел ее причины в кардинальном несоответствии систем представлений властных элит Запада и России, сопоставимом с идеологической несовместимостью капитализма и коммунизма на протяжении эпохи биполярного мира. «Личные, политические и социальные свободы, которые характеризовали Британию и которые, по мнению многих, питали ее силу и величие, полностью отсутствовали в России», — заметил историк в своем фундаментальном труде о подъеме и падении империи, «где никогда не заходит солнце»[36]. С другой стороны, Питер Бробст, американский биограф сэра Олафа Кэро, одного из выдающихся исследователей Востока и высокопоставленного администратора Британской Индии накануне обретения ею независимости, утверждал, что «Большая Игра была преимущественно экономическим соревнованием, хотя коммерческая прибыль не выступала мерилом победы»[37].

И все же политические мотивы русско-британского соперничества продолжали доминировать среди всех объяснений, предлагавшихся специалистами. К примеру, современный британский исследователь Чарльз Аллен склонен воспринимать *Большую Игру* как «опасное состязание между блефующими и контр-блефующими участниками в условиях высокогорья», или как «длительную борьбу между Британией и Россией за политический контроль над великим открытым пространством Центральной Азии»[38].

Более ограниченный подход в духе Хопкирка развивают молодые английские историки Роберт Джонсон и Джулиус Стюарт, которые анализируют *Большую Игру* под углом зрения либо военного планирования, либо организации шпионской деятельности в Англии и России[39]. Близкой точки зрения придерживается и Фредерик Хитц, отставной офицер ЦРУ, который пространно рассуждает о глобальном соперничестве за господство над Гиндукушем и прилегающими к нему территориями Афганистана, Пакистана и Индии. «Ирония состоит в том, — отмечает он в своей книге, — что угроза религиозного терроризма потребует обращения к мастерству и технике шпионажа в предшествующую эпоху, а именно, к Большой Игре, случившейся задолго до появления специальных приспособлений, тайного фотографирования и мгновенной беспроволочной связи»[40].

Завершая анализ современных трактовок *Большой Игры*, нельзя не упомянуть гендерное понимание ее сути, отраженное в работах Элейн Шоуолтер, которая полагает, что *Игра* распространила на Азию принципы так называемой «клубной страны», или сети элитарных мужских клубов, целью деятельности которых на Британских островах, по мнению историка, было стремление закрепить границы между полами. Более того, Шоуолтер сравнила *Большую Игру* с особенным миром, созданным молодыми людьми авантюристического склада, предпочитавших опасные странствия по отдаленным ничейным землям (no man's

lands) в сердце Азии бесцельному существованию, ограниченному условностями викторианского общества[41].

Анализу работ российских востоковедов до 1917 г., раскрывающих различные аспекты взаимодействия Лондона и Петербурга на просторах Евразии, посвящен ряд заслуживающих внимания исследований последних десятилетий[42]. Труды непосредственных участников или современников событий — К.К. Абазы, М.И. Венюкова, В.В. Григорьева, Н.И. Гродекова, М.В. Грулева, Л.Ф. Костенко, А.Н. Куропаткина, А.И. Макшеева, Д.И. Романовского, А.Е. Снесарева, Л.Н. Соболева, М.А. Терентьева и других особенно ценны колоссальным фактическим материалом, собранным авторами, которые, как правило, интерпретировали его через призму жесткой критики в адрес правящих кругов Великобритании, стремившихся, по их мнению, всеми доступными средствами противодействовать цивилизаторской миссии России на Востоке[43].

К примеру, М.В. Грулев сравнил естественные, по его мнению, причины русского продвижения в Центральной Азии с искусственными предпосылками появления британцев в Индии. По его представлениям, отразившим мнение значительной части военной элиты царской России, благородная цивилизаторская миссия соотечественников на «варварском Востоке» резко отличалась от британской колониальной экспансии, напоминавшей хищнические действия испанских конкистадоров в Западном полушарии[44].

Хотя всеобъемлющий обзор советской историографии англо-русских отношений в Азии выходит далеко за пределы книги, стоит подчеркнуть, что ее возникновение было связано с разработкой общей концепции колониальной политики России. Если к 1930-м гг. доминирующее положение в ней приобрела так называемая школа М.Н. Покровского, сторонники взглядов которого выступили с безусловным осуждением деятельности царской администрации на территориях покоренных стран и народов, то после Второй мировой войны усилиями А.М. Панкратовой и других маститых отечественных историков была сформулирована теория «наименьшего зла», в которой акцент переносился с критики колониальной политики царизма на доказательство прогрессивной роли России на Востоке и добровольности присоединения владений местных правителей к империи Романовых. Таким образом, в 1950-х – 1980-х гг. концепция англо-русского соперничества, разработанная еще дореволюционными специалистами, по сути оказалась востребованной советской исторической наукой, стремившейся, однако, «втиснуть» ее в прокрустово ложе маркистско-ленинской догматики[45].

Отсюда еще одна характерная особенность, которая бросается в глаза читателю при знакомстве с трудами на колониальную тему, созданными в СССР, — идеологизация любого процесса и явления, относящегося к периоду *Большой Игры*. И хотя советские историки, за редким исключением, старались не упоминать само это словосочетание[46], отдельные аспекты борьбы двух империй за Центральную и Восточную Азию получили довольно полное освещение на страницах монографий и статей, проникнутых откровенной англофобией. Как правило, отечественные историки писали о том, что Россия и Брита-

ния являлись агрессивными империалистическими державами, которые соперничали друг с другом на протяжении всего XIX века за источники сырья и рынки сбыта в Азии с использованием военных, дипломатических и экономических методов. При этом азиатские народы рассматривали британское колониальное господство как менее гуманное и приемлемое, чем система управления, введенная русскими властями на покоренных территориях. Соответственно, агрессивные замыслы англичан относительно Центральной Азии и Дальнего Востока сопровождались стремлением сколотить коалицию местных государств, враждебную интересам России. Вот почему царское правительство разместило крупные воинские контингенты на южных и восточных границах, закрыло рынки Бухары, Хивы, Коканда и Маньчжурии для товаров из Британской империи (особенно Индии) и проводило разведывательные операции на территориях Персии, Афганистана, Северного Индостана, Западного и Северо-Восточного Китая с целью получения информации о намерениях англичан и их союзников из числа восточных владык.

Не будет преувеличением отметить, что советская историография акцентировала внимание на «коварных планах британских империалистов» против России и национально-освободительных сил. Бесконечные упоминания о них можно встретить в статьях и публикациях А.Л. Попова, Е.Л. Штейнберга, Г.А. Хидоятова, Н.С. Киняпиной, О.И. Жигалиной и других[47]. Однако наиболее полную картину утверждения российского империализма в Азии как «наименьшего зла» в сравнении с властью «британских колонизаторов» сформулировал Н.А. Халфин, работы которого базировались на документах из архивов Ташкента, Москвы и Ленинграда[48]. Неслучайно поэтому именно его докторская диссертация, переработанная в монографию, стала единственной книгой по проблемам *Большой Игры*, принадлежавшей перу отечественных историков, которая увидела свет на Британских островах, хотя и в сокращенном виде. После ее публикации автор подвергся справедливой критике зарубежных специалистов за ограниченную интерпретацию причин соперничества двух держав, которые свелись у него к столкновению их экономических интересов[49].

Приходится констатировать, что коллапс СССР и демократические преобразования в России на рубеже XX – XXI вв. не вызвали пока переосмысления истории двухсторонних отношений в контексте *Большой Игры*[50]. Хотя отечественные обществоведы усилили внимание к изучению периода русского колониального господства в Закавказье, Центральной и Восточной Азии, большинство проблем *Большой Игры* по-прежнему интерпретируются через призму противопоставления «империалистической, русофобской политики Великобритании» прогрессивной, освободительной миссии России на Востоке без какого-либо объективного анализа событий далекой эпохи. В то же время, реанимируются уже, казалось бы, канувшие в лету ложные представления, например, о том, что *Большая Игра* явилась прелюдией холодной войны 1950-х – 1980-х гг. Не утруждая себя какой-либо внятной аргументацией, часть российских авторов заявляют о том, что *Большая Игра* никогда и не заканчивалась; более того, со второй половины XX столе-

тия в нее якобы активно включились новые государства: США, Китай, Иран, Пакистан и Индия, стремящиеся к гегемонии в Азии[51]. Вот, как, например, один из современных отечественных историков определил ее смысл:

> «Термин английской историографии «большая игра» сегодня не в ходу (?), но сама «игра» — комплекс межгосударственных противоречий, борьба и соперничество в том же регионе — не только продолжается, но с распадом СССР, когда в круг ее участников были вовлечены в качестве самостоятельных государств все южные республики бывшего Союза ССР, — стала, пожалуй, даже активнее и жестче»[52].

Проникнутые патологической англофобией, некоторые современные публицисты изображают Россию и Великобританию как извечных непримиримых врагов. Характерно, что в «работах» такого рода назойливо звучит один и тот же рефрен: «Сутью исторических процессов последних столетий стало противоборство русского витязя, защищающего Родину, и британского завоевателя»[53]. Однако подлинным апофеозом тенденциозности в оценках истории англо-русских отношений стал цикл документальных телепередач, организованный одним из каналов ЦТ в 2008 г., когда его ведущий М. Леонтьев назвал *Большую Игру* «перманентной холодной войной между Россией и Западом»[54].

Учитывая всплеск религиозного экстремизма и возникновение конфликтов вдоль так называемой «Дуги нестабильности», протянувшейся от Ближнего Востока через Синьцзян, Тибет и Северную Индию в пределы Юго-Восточной Азии[55], можно было бы ожидать от азиатских историков заметного вклада в изучение *Большой Игры*. И действительно, труды специалистов, имевших возможность дополнить источниковую базу материалами из архивов Ирана, Пакистана, Индии, Китая и Кореи, заслуживают самого пристального внимания. При этом знакомство с их работами позволяет выявить любопытную закономерность: если в 1950-е – 1970-е гг. исследования большинства ученых из государств Азии скорее отражали пробританские настроения, сопровождавшиеся суровым осуждением колониального режима, который установили царские власти в Туркестане, а в отдельные периоды пытались утвердить на временно оккупированных территориях Синьцзяна и Маньчжурии, то позднее, на завершающем этапе холодной войны многие турецкие, иранские, пакистанские, индийские, китайские или корейские специалисты перешли к жесткой критике англо-русской конвенции 1907 г., знаменовавшей собой новый этап в отношениях Лондона и Петербурга. В частности, ряд авторов были склонны рассматривать это соглашение как сговор двух великих держав за спиной азиатских народов, называя предательской позицию британского правительства по отношению к демократическим движениям, которые возникли и развивались в государствах Среднего Востока, Индии, Китая и Кореи на рубеже XIX–XX вв.[56]

Типичным примером указанных взглядов на *Большую Игру* может служить сентенция одного из современных турецких историков:

> «Британцы решили противостоять России путем заключения союзов с великими европейскими державами и оказания помощи таким отсталым государствам, как Османская империя, Персия, Афганистан и Китай. Все эти страны также опасались неудержимого экспансионизма России. Таким образом, Большая Игра и холодная война (так у автора. — *Е.С.*) определяли ход истории в контексте урегулирования так называемых восточного, центральноазиатского и дальневосточного вопросов»[57].

Даже краткий обзор историографии подтверждает вывод о том, что бесконечное описание приключений и секретных операций в экзотических странах, с одной стороны, и стереотипный, «черно-белый» подход к анализу событий, с другой, продолжая доминировать в современных публикациях по тематике *Большой Игры*, мало что дают для понимания ее сущности и механизмов воздействия не только на российско-британские отношения, но и всю систему международных связей второй половины XIX – начала XX в. С точки зрения автора, уже давно возникла необходимость объединить фрагментарные эпизоды прошлого в целостную мозаичную картину, адекватно отражающую динамику и логику *Большой Игры*, по крайней мере, в трех взаимообусловленных измерениях:

– как соревнование между различными моделями включения традиционных обществ в формировавшуюся глобальную структуру политических, экономических и культурных контактов;

– как сложный многоуровневый процесс выработки и осуществления решений властными элитами России и Великобритании применительно к различным регионам Азии;

– как критически важный этап в развитии российско-британских отношений, отразивший результирующую тенденцию перехода от конфронтации к сотрудничеству обеих держав на международной арене[58].

Для того чтобы реконструировать этапы *Большой Игры*, следует остановиться на вопросе о ее временном горизонте. Так, упоминавшиеся Ингрэм, Морган, Эдвардес, Хопкирк, Мейер и Брайсэк, Джонсон, а также индийский историк Вишванатам Чавда относят начало *Большой Игры* ко второй половине XVIII в. Например, Джонсон называет в качестве исходной точки 1757 г., когда англичане приступили к систематическому покорению Индостана, тогда как его коллеги — британские историки — находят истоки этого процесса в эпохе Наполеоновских войн. Скажем, Эдвардес указывает на тильзитское свидание российского и французского императоров в июле 1807 г., во время которого, как известно, обсуждался проект совместного комбинированного похода на Индостан по суше и морям[59]. Несколько вариантов датировки начала *Игры* можно обнаружить в работах Ингрэма — 1798, 1828–1834 или 1828–1842 гг.[60] Любопытно, что в своем заключительном исследовании британской политики на Среднем Востоке, он даже предложил точную дату, а именно 29 декабря 1829 г., так как именно в этот день

лорд Эленборо, президент Наблюдательного совета Ост-Индской компании и последовательный русофоб, рекомендовал генерал-губернатору Индии лорду Бентинку проложить новый торговый маршрут в Бухарское ханство. По мнению Ингрэма, цель британского правительства, во главе которого тогда находился герцог Веллингтон — герой антинаполеоновской эпопеи, заключалась в том, чтобы решительным образом отреагировать на русско-персидский Туркманчайский и русско-турецкий Адрианопольский мирные договоры 1828–1829 гг. Как подчеркивает историк, правящие круги Соединенного Королевства восприняли эти соглашения в качестве практических шагов Петербурга для установления вассальной зависимости Персии и Османской империи от России[61]. Однако, пожалуй, самая невероятная датировка была озвучена все тем же тележурналистом М. Леонтьевым, который связал начальный этап *Большой Игры* с выступлением премьер-министра Уильяма Питта (мл.) в Палате общин, вскоре после триумфального захвата царскими войсками турецкой крепости Очаков в 1791 г.[62]

Компаративное изучение трудов зарубежных и отечественных ученых показало, что многие исследователи стремились трактовать всю историю российско-британского геостратегического соперничества, которое стало очевидным уже в ходе Северной войны 1700–1721 гг., как *Большую Игру*[63]. Несмотря на разброс мнений касательно участия британской дипломатии в подготовке заговора против Павла I и противоречивые оценки тех предложений о совместных действиях против Англии, которые Наполеон сделал Александру I в период до 1812 г., современники отмечали в целом положительную динамику отношений между Соединенным Королевством и Российским государством во второй половине XVIII – первой четверти XIX в. Как справедливо подчеркивает историк А.А. Орлов в своих работах о российско-британских контактах указанного периода, «после победы над Наполеоном, Александр I надеялся организовать работу государственного и экономического механизма своей империи на британский манер, а подданных воспитать по английскому образцу»[64]. Общественные настроения, казалось бы, одно время благоприятствовали этому стремлению, поскольку среди части дворянства в России была распространена так называемая англомания — стремление воспринять или копировать образ жизни британской аристократии. Но вскоре император убедился в утопичности своих планов[65].

Близкой к указанной точке зрения выглядит концепция авторов сборника статей о Центральной Азии в составе Российской империи, увидевшего свет в 2008 г. По их мнению, «в первой четверти XIX в. намечались лишь слабые очертания англо-русского противоборства в рассматриваемом регионе»[66]. Стоит лишь добавить, что события двух последующих десятилетий характеризовались противоречивыми тенденциями, когда напряженность конца 1820-х – первой половины 1830-х гг. сменилась к середине 1840-х гг. периодом сближения, вызванного планами Николая I предложить королеве Виктории полюбовный раздел Османской империи. Только после того, как в результате Крымской войны 1853–1856 гг. выяснилось, что великие держа-

вы, и, прежде всего, Великобритания, не заинтересованы в дележе наследства «больного человека Европы», с одной стороны, а Россия не способна решить эту проблему в одиночку, с другой, Лондон и Петербург вступили на путь соперничества в Центральной и Восточной Азии.

Хорошо известно, что так называемый восточный вопрос, то есть проблема сохранения Османской империей своего места в качестве субъекта международных отношений, сохранял актуальность на протяжении XVIII–XIX вв. Однако именно после Крымской эпопеи расстановка сил в Восточном Средиземноморье претерпела существенные изменения. И хотя Константинополь и Черноморские проливы оставались «яблоком раздора» между державами вплоть до Первой мировой войны, фокус англо-русских отношений в Азии после событий 1853–1856 гг., как будет показано в нашем исследовании, со всей очевидностью сместился в направлении Среднего, а затем и Дальнего Востока[67]. Другими словами, посткрымский период знаменовал собой качественно новый этап взаимодействия Лондона и Петербурга в Персии, Афганистане и ханствах Центральной Азии с постепенным распространением на территории северного Индостана, Восточного Туркестана, Маньчжурии и Кореи. Однако, поскольку Османская империя на западе, а Японская империя на востоке оказались, если так можно сказать, ее фланговыми ограничителями, их влияние на англо-русские отношения периода *Большой Игры* заслуживает отдельного изучения. Вот почему автор счел возможным обратить непосредственное внимание на политику турецкого и японского правительств только в связи с подготовкой и ходом как русско-турецкой войны 1877–1878 гг., так и русско-японского конфликта 1904–1905 гг.[68]

Даже если допустить на минуту, что Россия потерпела бы поражение в очередном вооруженном противостоянии с Турцией в 1878 г., вполне очевидно, что Российская и Британская империи продолжили бы борьбу в Центральной и Восточной Азии с еще большей интенсивностью. В то время как ставки в русско-турецком соперничестве касались главным образом юго-восточной Европы, Кавказа и отчасти Ближнего Востока, Россия и Британия стремились «переформатировать» всю Евразию в соответствии с представлениями их властных элит о мировом порядке. Следует подчеркнуть, что эти представления базировались прежде всего на имперских интересах, которые кардинально отличались от химерических устремлений коронованных членов Священного Союза к поддержанию монархической солидарности после завершения Наполеоновских войн. Неслучайно поэтому, А.М. Горчаков, который занял пост министра иностранных дел весной 1856 г., докладывал Александру II: «Перед Россией в Европе не стоит крупных задач, зато в Азии перед ней открывается громадное поле деятельности». Примечательно также, что император поддержал точку зрения министра, сделав пометку на полях меморандума: «Я с этим совершенно согласен»[69].

В этой связи отметим, что к середине 1850-х гг. комбинация сразу нескольких значимых факторов оказала решающее влияние на эволюцию англо-русских отношений, вызвав к жизни *Большую Игру*, несмотря на то,

что само понятие *Great (Grande) Game*, как уже было сказано выше, появилось в письмах А. Конолли десятилетием раньше. К числу этих факторов надо отнести, во-первых, окончание в 1859 г. Кавказской войны, которое фактически оставило не у дел закаленные в боях русские экспедиционные войска, готовые к военным кампаниям на других театрах. Во-вторых, мощное восстание сипаев в 1857–1858 гг., вынудившее Уайтхолл приступить к пересмотру всей политики Великобритании в Азии, включая систему колониального управления Индией. В-третьих, вторую опиумную войну англо-французских сил против Цинской империи в 1856–1860 гг., которая способствовала началу раздела территории Китая на сферы влияния между великими державами. В-четвертых, борьбу шаха Персии и эмира Афганистана за Герат в 1856–1857 гг., вызвавшую прямое вооруженное вмешательство англичан в ситуацию на Среднем Востоке. В-пятых, кульминацию британской торговой экспансии на азиатских рынках, которая почти совпала по времени с вступлением России на путь индустриальной модернизации, значительно ускоренной либеральными реформами императора Александра II. Наконец, нельзя забывать и о роли Гражданской войны в США 1861–1865 гг., результатом которой явилось серьезное сокращение экспорта хлопка-сырца в Европу, что заставило державы приступить к поискам источников ценнейшего сырьевого продукта в Северной Африке, а также на Ближнем и Среднем Востоке. Необходимо также указать на воздействие первого всемирного экономического кризиса 1857–1858 гг. на экономику европейских государств, и особенно Великобритании, поскольку английские фабриканты и торговцы стремились выйти из него путем открытия азиатских рынков для сбыта своей продукции, чтобы компенсировать возникший дефицит платежного баланса в торговле с континентальной Европой и США[70]. В то же время на протяжении всей второй половины XIX в. деспотические режимы Центральной и Восточной Азии, за исключением Японии, также приступившей, хотя и несколько позднее, к перестройке экономики и общества в результате так называемой революции Мэйдзи, безнадежно отставали от большинства государств Европы и Северной Америки, обрекая себя на постепенную утрату суверенного статуса в международных отношениях.

Ключевым аспектом *Большой Игры*, по нашему мнению, стало использование Британией и Россией различных сценариев вовлечения азиатских стран и народов в процесс индустриальной модернизации. Учитывая этот, ранее практически неизученный специалистами ракурс англо-русского соперничества, нетрудно прийти в выводу об ошибочности отнесения верхней хронологической границы *Большой Игры* к периоду после 1907 г. Речь в частности идет о том, что некоторые исследователи приводят аргументы, свидетельствующие о ее продолжении вплоть до 1917 г., когда большевистское правительство разорвало все прежние дипломатические соглашения. К примеру, американская исследовательница Дженнифер Сигел не склонна рассматривать англо-русскую конвенцию 1907 г. в качестве дипломатического шага, положившего конец *Игре*. Она указывает на то недовольство,

которое выражала часть властных элит, особенно военных, в России и Великобритании по отношению к этому документу, стремясь саботировать выполнение его статей. Сигел пишет, что для обеих стран «соглашение 1907 г. оказалось не решением, а временным мостом над пропастью, которая разделяла британские и русские цели в Центральной Азии». Характерно, что одна из глав ее книги получила название: «Смерть англо-русского соглашения в 1914 г.»[71] Близкую изложенной выше оценку можно найти в работе британского историка-востоковеда Аластера Лэмба, который также утверждает, что после 1907 г. «игра не закончилась, хотя и заняла второстепенное место в британском дипломатическом календаре»[72].

Еще более некорректным выглядит мнение другой группы специалистов, утверждающих, что *Большая Игра* подошла к концу лишь в 1947 г., когда англичане вынуждены были предоставить независимость государствам на территории полуострова Индостан[73]. Необоснованной выглядит и датировка окончания *Игры*, связанная с урегулированием англо-русско-цинского конфликта вокруг Памира в 1895 г[74]. И уж совсем странной представляется точка зрения части современных авторов, правда, в основном неспециалистов, о том, что соперничество России и Британии продолжалось весь XX век. «Большая Игра не завершилась вместе с уходом англичан из Индии в августе 1947 г. Да этого и не ожидали представители ее колониальной администрации», — пишет, например, упоминавшийся выше П. Бробст[75].

Наше исследование показывает, что действительное окончание *Большой Игры* было обусловлено так называемой дипломатической революцией 1902–1907 гг., когда выход Великобритании из «блестящей изоляции», возникновение Антанты и провал планов Германии воссоздать военно-политический союз континентальных европейских держав в противовес морским нациям коренным образом изменили расстановку сил в Старом Свете и мире[76]. Эти события стали поворотными моментами во внешней политике Британской и Российской империй, которые столкнулись с новыми внутренними и внешними вызовами, беспрецедентными для XIX в. Как справедливо подчеркивал в своих воспоминаниях Ф. Янгхазбенд, с этого момента Великобритании надо было опасаться не территориальных захватов какой-либо из держав, а экспансии идей, которые могли разрушить систему ее колониального управления[77].

С точки зрения автора монографии, эпоху *Большой Игры* можно разделить на пять последовательных периодов: начальный — с 1856 до 1864 г., когда Лондон и Петербург собирались с силами для решающей борьбы за господство в Азии; активный для России — в 1864–1873 гг., когда царское правительство предприняло полномасштабное наступление против Коканда, Бухары и Хивы, а Уайтхолл стремился остановить движение русских в Центральной Азии преимущественно дипломатическими методами; наиболее конфронтационный — с 1874 до 1885 г., когда расширение пространства взаимного соперничества, несмотря на отдельные попытки достижения компромиссов, привело Россию и Британию на грань открыто-

го вооруженного конфликта; тупиковый — с 1885 по 1905 г., когда продолжение соперничества потеряло смысл, а сотрудничество только набирало силу; завершающий — в 1905–1907 гг., когда дипломатическая революция в международных отношениях вызвала к жизни англо-русскую конвенцию 1907 г., положившую конец *Большой Игре*.

Памятуя о наиболее распространенном понимании ее локализации в полосе, протянувшейся от заснеженного Кавказа на западе, через пустыни и горные хребты Центральной Азии вплоть до Восточного Туркестана и Тибета на востоке»[78], следует подчеркнуть, что указанная ограниченная интерпретация допустима, если рассматривать *Игру* как совокупность усилий Великобритании по защите Индии. Однако факты, имеющиеся в распоряжении автора, свидетельствуют о том, что взаимодействие России и Англии протекало в пределах большей части *Pax Britannica*, занимавшего территорию от Багдада до Калькутты и дальше до Сиднея и Веллингтона[79].

С другой стороны, чтобы корректно определить пространство *Большой Игры*, следует, по мнению автора, также принять во внимание три основных направления российского продвижения на Восток: одно — через Западную Сибирь в сторону Синьцзяна; другое — через Восточную Сибирь к берегам Тихого океана и последнее — через Центральную Азию, Иран и Афганистан к Персидскому заливу. Как известно, в каждом из перечисленных случаев экспансия России сопровождалась возведением оборонительных линий, обустройством военно-административных постов на подвижной границе, использованием казаков как авангардной пограничной силы и последующей административной инкорпорацией новых территорий вместе с сопутствовавшими ей колонизацией и русификацией местных народов[80].

Высказанные соображения дают основание автору не ограничивать ареал *Игры* лишь Центральной Азией или Северо-Западной Индией, а распространить его на области, которые простираются между Каспием и побережьем дальневосточных морей. При этом географическое понятие *Средний Восток* используется в книге как синоним наименования *Центральная Азия*, основываясь на определении, которое для нее предлагают эксперты ЮНЕСКО, включающие в этот обширный регион Монголию, западную часть Китая, Тибет, северо-восточный Иран, Кашмир, Афганистан, Пакистан, а также восточную часть России южнее тайги, бывшие советские республики Средней Азии и Казахстан, а также северо-западные штаты Республики Индия[81]. По мнению специалистов, условная линия между *Центральной* и *Восточной Азией* пролегает по административной границе, отделяющей Синьцзян и Тибет от провинций ханьского Китая. Что же касается понятия *Внутренняя* или *Высокая Азия (Inner* or *High Asia)*, то оно употреблялось современниками описываемых событий преимущественно в связи с Восточным Туркестаном и Тибетским нагорьем. Соответственно географический термин *Дальний Восток* указывает на часть Восточной Азии, прилегающей к побережью Тихого океана, включая отдельные острова и архипелаги.

Следует подчеркнуть, что, как уже говорилось ранее, каждый новый этап *Игры* смещал ее фокус на северо-восток: от конфликтной зоны в персидско-афганского пограничном пространстве через ханства Центральной Азии и Северо-Западную провинцию Индии к Памиру, Тибету и далее к пределам Маньчжурии и Кореи.[82] По верному замечанию одного из британских журналистов, в начале XX в. стремление русских вытеснить британцев из Китая и получить там Порт-Артур «стало ключевым ходом в политической игре, которую европейские державы разыгрывали на Дальнем Востоке»[83].

Свидетельства путешественников и разведчиков (главным образом британских, российских, французских и немецких, не говоря уже о представителях азиатских народов), которые исследовали естественные границы Евразии, показывают, что эти рубежи далеко не всегда отделяли друг от друга местные этно-конфессиональные общности, усиливая непредсказуемость результатов соперничества в отдельных регионах *Большой Игры*[84]. Как справедливо отмечал упоминавшийся В. Чавда, борьба за так называемые промежуточные ничейные земли не раз ставила обе империи в Азии на грань войны[85].

Облик ландшафтов, в которых проходила *Большая Игра*, варьировался от малолюдных высокогорных плато Тянь-Шаня, Гиндукуша, Памира и Тибета до густонаселенных оазисов Туркестана. Ее ареал также включал протяженные пустыни и каменистые степи Центральной Азии. Тесное сосуществование мультиэтнических, поликонфессиональных, как кочевых, так и оседлых социумов, адаптировавших свой быт к резко континентальному или субтропическому климату, составляло важнейшую особенность этой зоны. Другой ее характерной чертой выступало отсутствие значительных пресноводных водоемов, за исключением нескольких крупных рек, примером которых могут служить Амударья (Окс) и Сырдарья (Яксарт). В условиях сурового климата с сезонными перепадами температур от – 30° зимой до + 40° летом сначала европейским путешественникам, затем чиновникам и коммерсантам, а позднее и колонистам приходилось отражать нападения разнообразных насекомых, пауков, змей, грызунов и других смертельно опасных животных, которые к тому же нередко являлись переносчиками инфекционных заболеваний вроде чумы, холеры и малярии. Неудивительно, что страницы путевых дневников заполнены леденящими кровь историями о гибели путешественников в «сердце Азии» из-за диких зверей, стихийных бедствий или нападений бандитских шаек, действовавших на торговых путях в любое время года[86].

Вдумчивый современник смог бы разделить пространство *Большой Игры* на следующие отдельные области:

– крупные азиатские деспотии, история государственности которых уходила в глубокую древность, например, Персия, Афганистан, Хива, Бухара, Коканд; их правители стремились к сохранению суверенитета; при этом особое место среди них занимала Цинская империя, переживавшая в рассматриваемый период упадок прежнего могущества;

– относительно небольшие ханства и эмираты, расположенные в полосе от Персии до Тибета, входившие когда-то в состав азиатских империй, а после их распада сохранившие вассальную зависимость от более крупных соседей; именно территории таких полунезависимых государств нередко рассматривалась русскими и британцами в ходе *Большой Игры* как «ничейные земли»;

– отдельные трудно доступные районы, населенные воинственными туркменскими, афганскими, памирскими, северо-индийскими, восточнотуркестанскими и т.п. племенами, находившимися на протогосударственном уровне развития; как правило, помимо скотоводства, земледелия и охоты молодые мужчины образовывали вооруженные отряды для совершения регулярных набегов на земледельческие поселения, торговые караваны и военные блокпосты англичан, русских и китайцев.

Необходимо также подчеркнуть, что большинство малых государственных образований, расположенных в регионах так называемой Внутренней Азии, то есть в поясе долин и плато от Восточного Афганистана до Тибета, фактически сохраняли внутреннюю автономию до начала XX в. благодаря изолированному географическому положению. Будучи окружены высочайшими горными хребтами с редкими, трудно доступными проходами, либо протяженными песчаными пустынями и засушливыми степями, эти «затерянные миры» являлись «крепкими орешками» для любого завоевателя, который должен был преодолеть неисчислимые естественные препятствия на пути к ним и выжить в суровом климате, чтобы подчинить своей власти местных жителей.

Краткое введение к монографии оказался бы неполным, если бы мы не остановились на источниках, которые составили информационную базу исследования. Их корпус включает как уникальные материалы, обнаруженные автором в архивохранилищах, так и опубликованные документы, уже использованные историками, хотя, пожалуй, далеко не всегда в должной мере. Среди первой и второй групп встречаются не только официальные доклады, меморандумы и записки, принадлежавшие перу коронованных особ, их министров, военных командиров и администраторов, дипломатов и исследователей, но и парламентские бумаги, политические памфлеты, мемуары, дневники, личная корреспонденция современников событий, извлечения из прессы и справочные материалы.

Большая часть неопубликованных документов, введенных автором в научный оборот, хранится в архивах и рукописных отделах крупнейших библиотек России и Великобритании. Кроме того, нами привлекались отдельные документы из архивохранилищ Туркмении, Узбекистана и Индии. К сожалению, по объективным причинам автору не удалось познакомиться с материалами иранских, пакистанских, китайских и корейских архивов.

Указанные источники могут быть существенно дополнены опубликованными свидетельствами участников *Большой Игры*. Необходимо подчеркнуть, что большинство из них являлись не только бесстрашными пер-

вопроходцами, но и талантливыми авторами, обладавшими глубокими познаниями в различных научных областях. Примечательно, что чаще всего «полевые игроки» совмещали в своей деятельности два аспекта: научно-исследовательский — в сферах климатологии, геоморфологии, ландшафтоведения, биогеографии, этнографии, религиоведения, и военно-разведывательный — в плане изучения логистической инфраструктуры возможного театра боевых действий, расположения передовых постов пограничного охранения и дислокации крупных гарнизонов. В этой связи стоит отметить, что многие экспедиции в отдаленные области «ничейных земель» финансировались как научными ассоциациями, так и государственными структурами, прежде всего, военным и дипломатическим ведомствами. Заметную роль в изучении пространства *Большой Игры* внесли, например, Королевское географическое общество Великобритании и Императорское Русское географическое общество[87].

В процессе исследования оказалось полезным сопоставить британские архивные материалы с довольно многочисленными парламентскими публикациями, т.н. «Синими книгами» (Blue Books), отразившими в определенной степени дипломатическую переписку между Лондоном и официальными представителями Соединенного Королевства в странах Центральной и Восточной Азии. Часть из этих документов была позднее включена в многотомные сборники документов[88].

С другой стороны, значительный массив полезных географических и статистических сведений автор почерпнул из соответствующих периодических изданий, осуществлявшихся российским Генеральным штабом в сотрудничестве с информационно-аналитическими службами окружных штабов — Закавказского, Туркестанского, Омского, Сибирского и Приамурского. По сути дела, указанные публикации представляли собой информационные сводки о текущих событиях, пространные выдержки из путевых дневников экспедиций и рекогносцировок с приложением картографических материалов, а также отчеты о военно-дипломатических миссиях офицеров Генерального штаба в азиатских странах. И хотя точка зрения того или иного автора могла не совпадать с позицией царского правительства или мнением военных администраторов на местах, информация и оценки, содержавшиеся в этих сборниках, оказывали влияние на принятие решений и осуществление практических шагов по обеспечению интересов России на Востоке[89].

В заключение стоит упомянуть и те документы, которые лишь косвенным образом затрагивали различные аспекты *Большой Игры*. Пожалуй, наибольшее значение среди них имеет многотомная публикация служебной корреспонденции, посвященной завоеванию и административному устройству Русского Туркестана, осуществленная подполковником А.Г. Серебренниковым по личному распоряжению тогдашнего военного министра А.Н. Куропаткина. К сожалению, это издание осталось неоконченным в связи с Первой мировой войной и революцией 1917 г.[90]

Отдельные документальные подборки, представленные на страницах *Красного архива* и нашедшие отражение в ряде других изданий по истории Центральной и Восточной Азии, несомненно, расширили источниковую базу монографии[91]. Ценным подспорьем в исследовательской работе явились картографические материалы, составленные участниками экспедиций и секретными агентами, которые действовали на различных «площадках» *Большой Игры*[92].

При этом мы не ставили перед собой задачу подробного изложения истории завоевания Россией отдельных регионов Центральной и Восточной Азии. В наши намерения также не входило воспроизведение эпизодов всех разведывательных миссий, которые по прямому указанию или с ведома Лондона и Петербурга направлялись в отдаленные регионы Азиатского Востока. Для нас подлинное переосмысление *Большой Игры* как противоречивого и длительного процесса было обусловлено стремлением получить реальное, а не мифилогизированное представление о взаимодействии России и Великобритании в Евразии.

Отвечая замыслу автора, структура монографии состоит из введения, в котором дан краткий анализ цели и задач исследования, а также показана степень изученности проблемы, шести глав, последовательно раскрывающих происхождение, основные этапы и последствия *Большой Игры*, наконец эпилога, который призван обобщить результаты научного поиска в концептуальном виде.

Разнообразные по жанру иллюстрации, карты-схемы, сноски, библиография и указатели помогают читателю лучше ориентироваться в ткани повествования, а приложения, включающие хронологическую таблицу и справочную информацию о правителях и государственных деятелях, причастных к *Большой Игре*, облегчают понимание ее реалий.

Все даты, за исключением отдельных случаев, приводятся в соответствие с Григорианским календарем нового стиля, который, как известно, опережал использовавшийся в России до февраля 1918 г. Юлианский календарь старого стиля на двенадцать дней в XIX и тринадцать дней в XX в. Мы отдаем предпочтение метрической системе измерения расстояний и площадей. Курс российской валюты по отношению к денежным единицам других государств показан на 1911 г. в соответствии со следующими котировками: 1 персидский *туман* : 3,30 руб.; 1 китайский *таэль* : 2,21 руб.; 1 индийская *рупия* : 0,60 руб.; 1 британский *фунт стерлингов* : 9,45 руб. Транскрипция имен или географических названий дается в современном написании, совпадая с общепринятой в историографии, за исключением тех уточнений, которые требовалось внести для лучшего отображения их фонетической специфики. Наименования этнических групп приводятся с учетом современной классификации.

Ссылки на документы британских и иных зарубежных архивов сделаны без указания реквизитов (фонд, опись, файл, лист), принятых в России, но с идентификацией источников по их наименованиям и датировке.

Глава 1

Происхождение *Большой Игры*

Ура, ура, мы идем на северо-запад!
Ура, ура, это шанс, которого мы так долго ждали!
Пусть они услышат хор наших голосов от Амбалы до Москвы,
Когда мы будем маршировать в Кремль.

Р. Киплинг

Причины *Большой Игры*

Общеизвестно, что начало конфликта двух миров — христианского и мусульманского, относится к временам арабского завоевания Ближнего Востока, Северной Африки и Иберийского полуострова. Их вооруженная конфронтация продолжилась во времена походов крестоносцев в Святую Землю — Палестину, а также в период Реконкисты. Однако продвижение христиан на Восток было остановлено и даже отброшено контрнаступлением Османской империи. Захват Константинополя в 1453 г. и осада Вены в 1529 г. символизировали два кульминационных момента этого процесса. Таким образом, для всех слоев общества христианской Европы — дворянства, духовенства, горожан и крестьян — угроза нашествия народов, исповедавших ислам, осознавалась в раннее Новое время как объективная реальность.

Великие географические открытия ускорили начало индустриальной модернизации. Вслед за быстрым экономическим подъемом Старого Света, баланс сил между Западом и Востоком постепенно изменился в пользу первого. Сложившиеся национальные государства приступили к захватам территорий в Америке, Азии и Африке, причем в двух последних случаях европейцы вновь столкнулись с представителями мусульманской цивилизации — арабами и покоренными ими народами. По подсчетам С. Хантингтона, между 1757 и 1919 г. произошло 92 захвата европейскими державами территорий с мусульманским населением, а каждый второй вооруженный

конфликт в период с 1820 по 1929 г. протекал при участии христианских и исламских государств[93].

Вопрос о мотивах продвижения Британии и России в глубь Евразийского континента прямо связан с продолжающейся дискуссией относительно генезиса колониальной экспансии Запада. Факты свидетельствуют, что в основе этого процесса лежали геостратегические устремления двух самых крупных держав XIX в. к естественным границам. Эти устремления традиционно связывались современниками с престижем государства, который зависел не только от пышности двора или благосостояния подданных, но и от протяженности владений, находившихся под контролем монарха. И в этом смысле Британская и Российская империи не являлись исключениями, поскольку сменявшие друг друга либеральные и консервативные Кабинеты Соединенного Королевства делали все от себя зависящее, чтобы компенсировать потерю Соединенных Штатов за счет приобретения владений в Азии и Африке, а российские самодержцы, начиная с Петра I, совершившего поход к берегам Каспия еще в первой четверти XVIII в., провозгласили достижение восточных и южных морей одним из приоритетов внешней политики[94].

Комментируя неуклонное движение России через обширные степи, песчаные пустыни и высокие горные хребты к наиболее значимым морским коммуникациям, влиятельная американская газета *Нью-Йорк Таймс* писала 29 января 1879 г.:

> «Поскольку великими магистральными путями западной коммерции являются Средиземное море, Атлантический и Индийский океаны, и в силу того, что она (Россия. — *Е.С.*) обладает крайне неподходящими средствами, чтобы достичь их, крупнейшей проблемой российской государственности продолжает оставаться, как это и было в течение последних двухсот лет, вопрос о том, каким образом обеспечить южную морскую границу»[95].

Интересы России в понимании ее властной элиты определялись необходимостью контроля над ключевыми опорными пунктами морского побережья, такими как Мурманск и Архангельск в северных водах, Константинополь в Черноморских проливах, Либава и Рига на Балтике, Владивосток и Порт-Артур на Тихом океане[96]. Таким образом, геостратегический потенциал континентальной империи усиливался за счет обретения ею морской мощи, гарантировавшей в то же время более надежную защиту границ. Характерно, что Альфред Мэхен, один из основоположников концепции «силы на морях», сравнивал продвижение России к берегам Персидского залива с аналогичными действиями Англии в Египте:

> «Россия находится в неблагоприятной позиции для аккумулирования национального богатства, иначе говоря, она испытывает нехватку средств для повышения благосостояния своего насе-

ления, принимая во внимание его первоочередную значимость. Для такого положения естественно и адекватно высказывать неудовлетворение, которое в свою очередь легко принимает форму агрессии — понятия, часто используемого теми из нас, кому не нравится любое поступательное движение нации»[97].

Хорошо известно, что устремления России в Центральной и Восточной Азии требовали значительных бюджетных ассигнований, в частности, на обустройство военных поселений и пограничных опорных пунктов, которые составляли защитные линии, а также на осуществление мер по колонизации обширных территорий с редким населением. Именно в этой связи для правительства важно было определить естественные границы, которые нередко отделяли друг от друга области компактного проживания автохтонных этнических общностей, различавшихся языком, религиозными верованиями и культурными традициями. Требовалось наладить контакты с земледельческим населением, умиротворить воинственные кочевые племена, а также обеспечить безопасность караванных дорог, пересекавших весь Евразийский континент[98].

Со своей стороны, Британия была озабочена строительством «второй империи», после того как она потеряла свои американские колонии, кроме Канады. В противоположность доктрине меркантилизма, определявшей политику Англии в период Стюартов и первых Ганноверов, «вторая империя» создавалась на принципах рыночной экономики, которые нашли отражение в классических трудах А. Смита, Д. Риккардо и Дж. С. Милля. Если в XVII–XVIII вв. «первая империя» привлекала главным образом плантаторов и перекупщиков сырья, которые курсировали между Лондоном и Нью-Йорком, чтобы обогатиться за счет эксплуатации колоний Нового Света, предприниматели «второй волны» стремились вкладывать средства в формирование азиатских рынков для продукции британских фабрик, обеспечивая их одновременно новыми источниками сырья[99].

Тем не менее к середине XIX столетия выходцы из аристократических фамилий по-прежнему занимали ключевые позиции в Российской и Британской империях, принимая внешнеполитические решения нередко в ущерб экономическим интересам промышленников и социальным нуждам наемных работников. Как справедливо писал историк, «британская элита, которая рекрутировалась из аристократии на протяжении длительного периода времени и которая преимущественно получала классическое образование в Оксфорде или Кембридже (an Oxbridge education), как правило, пренебрежительно относилась к бизнесу»[100]. Однако к концу Нового времени холодный прагматизм и трезвый расчет государственных деятелей, торговцев и предпринимателей — проводников политической и экономической экспансии Британии в странах Азии и Африки — стали постепенно брать верх над горячим стремлением молодых аристократов отправиться навстречу опасностям в экзотические регионы планеты.

Следует отметить, что одной их типичных особенностей как русской, так и британской колониальных администраций на протяжении XIX в. выступала сравнительно широкая автономия на местах военных и гражданских чиновников, назначенных туда правительствами метрополий. Нелишенные карьерных амбиций, они сочетали в себе стремление к пунктуальному выполнению служебных обязанностей «на задворках империй» с непоколебимой верой в то, что их призвание — борьба за интересы империи на Востоке. Энергичная деятельность таких лиц находила отражение не только в репортажах журналистов, но красочно описывалась в многочисленных романах и воспевалась авторами поэтических произведений[101].

Однако, несмотря на внешнюю схожесть цивилизаторских миссий Российской и Британской империй, между ними существовали серьезные отличия. Если первая к середине XIX в. оставалась континентальной, доиндустриальной страной, правительство которой, как справедливо отмечает английский историк Альфред Рибер, боролось с «оттоком населения, либо уклонявшегося от выполнения государственных обязанностей, либо стремившегося к дополнительным экономическим возможностям и повышению благосостояния»[102], вторая превратилась в крупнейшую морскую державу, «мастерскую мира», которая восстановила свое могущество после временного ослабления, вызванного американской революцией и Наполеоновскими войнами, и испытала промышленный переворот 1780–1840-х гг.[103] Неслучайно любой беспристрастный наблюдатель мог бы описать «вторую империю» как «протестантскую, коммерческую и морскую», чьи владения связаны между собой фри-тредом и чей девиз звучал как три ‘C’: «Commerce, Christianity and Civilization» («Торговля, Христианство и Цивилизация»)[104].

Далее, в противоположность царской России, британская политическая элита к середине XIX в. остро ощущала необходимость согласования либеральных принципов представительной парламентарной демократии, существовавшей в самой метрополии, с преимущественно авторитарным стилем управления Лондоном колониальной периферией, за исключением будущих «белых» доминионов, где возникли парламенты, правительства и суды по образцу Соединенного Королевства.

Наконец, по контрасту с Россией, Британия предпочитала утверждать свое господство над зависимыми территориями с помощью закулисных сделок, компромиссных подходов и денежных субсидий местным правителям, хотя Сент-Джеймский Кабинет не гнушался использовать и военную силу в случаях отказа местных правителей поддерживать «гармонию» двухсторонних отношений. Учитывая очевидное лидерство в обеспечении морских перевозок и торговли, подавляющее большинство британцев рассматривало сначала коммерческие, а затем и предпринимательские доходы как более значимые для роста благосостояния империи, чем сомнительные выгоды, получаемые в результате осуществления жесткого военно-политического контроля над ситуацией в заморских территориях.

Вот почему помимо геополитических мотивов *Большой Игры* ее начало было обусловлено комплексом экономических причин. Несмотря на общую для двух империй потребность в расширении сырьевой базы для индустриального развития, многие эксперты обращали внимание на различный характер британской и российской коммерции. По данным статистики, Англия получала значительный доход от торговли с Азией, в особенности с Китаем и Индией. Благодаря положительному торговому балансу, ей удавалось покрывать дефицит, возникавший в результате экспортно-импортных операций с компаниями США и Европы, включая Россию, которая занимала второе место после Франции по объему оборота с Британией на протяжении 1860-х – 1880-х гг. Как подчеркивают некоторые специалисты, профицит в торговле с Индией повлиял на заинтересованность Британской империи сохранить низкие взаимные тарифы в коммерческих операциях с Соединенными Штатами и государствами Европы. Неудивительно, поэтому, что имперская экспансия казалась сторонникам наступательной внешней политики (forward policy) «неизбежной данностью и величественным обязательством» по поддержанию мирового экономического лидерства Великобритании[105].

В отличие от английских промышленников, российские предприниматели не были готовы к открытой борьбе с конкурентами на европейских потребительских рынках. Однако необходимый совокупный спрос на товары отечественных компаний как внутри империи, так и в соседних азиатских странах можно было обеспечить политическими методами. Как говорилось в меморандуме атташе британского посольства в Петербурге Т. Мичелла о торговле между Англией и Россией в 1865 г.:

> «Целью, в жертву достижения которой ежегодно приносятся таможенные сборы в таких больших масштабах, допускается так много обмана и дезорганизации, а международные коммерческие связи воспринимаются с пренебрежением, и с которой, как следует помнить, связаны самые важные интересы России, этой целью выступает защита ее экономики от разрушительной иностранной конкуренции»[106].

Важно подчеркнуть, что российские купцы обычно стремились выйти на те локальные рынки, где царские дипломаты и военные обеспечивали их товарам монопольные позиции. Иначе говоря, большинство купцов, главным образом азиатского происхождения, которые занимались доставкой товаров из пределов Российской империи в Центральную и Восточную Азию, потерпели бы банкротство в случае распространения на эти регионы принципов фри-треда, потому что лишь очень ограниченное количество предметов экспорта из России могли на равных конкурировать по цене и качеству с товарами из Британской Индии или Цинского Китая. Такие российские продукты, как набивные ситцы, металлическая посуда, метизы, кожа, сахар, керосин, мука, составляли в общей сложности 80% вывоза империи Романо-

вых в страны Востока[107]. Неслучайно, русские купцы традиционно обвиняли британских торговцев в ведении нечестной конкурентной борьбы, требуя одновременно от царского правительства усиления протекционистской политики в Азии. Одновременно военные и гражданские чиновники на местах направляли высшему руководству бесчисленные меморандумы, в которых предлагались различные варианты противодействия проникновению британских, а точнее, англо-индийских товаров на рынки Бухары, Самарканда, Хивы и других центров торговли. Один из российских военных аналитиков следующим образом критиковал Великобританию за то, что ее экспорт вытеснял российскую продукцию из Центральной Азии:

> «Англия имеет на своей стороне все шансы, чтобы склонить эмира (Бухары. — *Е.С.*) на свою сторону и чтобы сделать из него самого верного союзника. Иначе сказать, Англия легко приобретет то, в чем состоит весь среднеазиатский вопрос, для выгодного решения которого необходимо только дать возможность появиться британскому купцу в Бухаре. После этого для Англии все будет возможно»[108].

Как известно, Петр Великий был первым царем, который ввел единый таможенный тариф на территории империи в 1717 г. С этого времени правительство осуществляло политику меркантилизма на протяжении долгих десятилетий. Несмотря на то, что в 1850 г. новый таможенный тариф пришел на смену старому, властям удавалось поддерживать высокие тарифные ставки на импортные товары вплоть до 1890-х гг.[109]

В этой связи отметим, что основное направление российского экспорта в азиатские государства изменялось несколько раз на протяжении первой половины XIX в. вслед за колебаниями экономической и политической конъюнктуры. Если в 1820-х гг. главным торговым партнером России выступала Персия, то в последующее десятилетие более активно развивалась коммерция с Афганистаном и ханствами Центральной Азии. «Жители Персии сообщали о высокой коммерческой активности России, — констатирует современный британский историк, — когда огромные караваны, состоявшие из 4–5 тыс. верблюдов ежегодно совершали четырехмесячное путешествие между Бухарой и владениями царя»[110].

Затем наступила эпоха русско-цинского сближения, которое сопровождалось интенсификацией двухсторонних торговых контактов на протяжении 1840-х – 1850-х гг. В то же время объем товарооборота между Россией и такими ханствами, как Бухарское и Хивинское, временно снизился. К 1856 г. русский импорт на азиатских границах составлял примерно 14% от общей стоимости ввезенных товаров, а экспорт в страны Востока превышал 60% всего вывоза за рубеж. Доля азиатских государств в ежегодном импорте России соответствовала 58,2% для Цинской империи, 20% для территорий, занятых казахскими племенными объединениями — *жузами*, 14,8% для Афганистана и Персии и лишь 7% для центральноазиатских ханств[111]. В таких усло-

виях новые российские коммерческие предприятия возникали словно грибы после дождя. К примеру, крупный предприниматель В.А. Кокорев основал Транскаспийскую торговую компанию с подачи кавказского наместника князя А.И. Барятинского. Компания стремилась выйти с российскими товарами на потребительские рынки Персии, Афганистана и туркменских племен, покупая там в свою очередь сырье, золото и драгоценные камни[112].

Протекционистская политика имела своим результатом принятие царским правительством в 1881 г. *Временных правил импортной торговли.* Положения этого документа определяли, что все караваны, следовавшие из вассальных Бухарского и Хивинского ханств в собственно Туркестанское генерал-губернаторство, должны были проходить таможенный досмотр на специальных постах для предотвращения бесконтрольного транзита через протектораты европейских, главным образом, англо-индийских товаров. Принятие правил, несмотря на декларированную «временность», свидетельствовало о том, что царская колониальная администрация сохраняла приверженность запретительной таможенной системе в Центральной Азии. Ее становление завершилось к середине 1890-х гг., когда таможенные чиновники были размещены во всех пограничных пунктах Российской империи на Востоке[113].

События в других регионах планеты также повлияли на торговые связи. Так, после начала Гражданской войны в США (1861–1865 гг.) наблюдалось резкое падение закупок хлопка-сырца русскими компаниями. В связи с этим текстильные предприятия вынуждены были приступить к переориентации на импорт этого стратегически важного вида сырья из Центральной Азии, несмотря на более низкое качество и неподготовленность оборудования для переработки коротковолокнистого узбекского хлопка (в отличие от сортов длинноволокнистого хлопка из Северной Америки или Египта). Для того чтобы контролировать источники его поступления, власти попытались монополизировать сухопутную торговлю с Персией, Бухарой, Хивой и Китаем.

Хотя отнюдь не экономическое, а, используя современную терминологию, скорее логистическое обеспечение военных перевозок выступало главным побудительным мотивом для строительства казенных железных дорог из европейской части империи и Южной Сибири в Туркестан, определенную роль в принятии этого решения сыграло также недостаточное развитие торгового флота, способного транспортировать сырье и готовую продукцию по морским путям. В результате, согласно данным статистики, общая протяженность железнодорожных магистралей в Центральной Азии, сооруженных в период с 1872 по 1915 г., превысила 5 тыс. км, не считая боковых ответвлений в Поволжье и на Урал[114].

В то же время доходы от торговли между метрополией и Индостаном обеспечивали Лондону совокупное положительное сальдо платежного баланса фактически на протяжении всего XIX столетия. Однако стоит также

подчеркнуть, что Индия играла ключевую роль еще и как перевалочная база для транспортировки сырья и товаров между Атлантическим в Тихоокеанским бассейнами. Статистические сводки 1860-х гг. показывают, что доля английских изделий в цинском импорте составляла 90%, причем на товары из метрополии и Индии приходилось соответственно 33,4% и 35,6% (оставшаяся их часть поступала в Поднебесную из Гонконга и других заморских владений Британской империи). И хотя доля Индии в цинском экспорте не превышала 0,4% в сравнении с 13% Гонконга, через ее порты транзитом проходило 61,8% перевозок товаров из Срединного государства к британским берегам[115]. «Мы обязаны оберегать Индию как краеугольный камень процветания Великобритании», — таков был непоколебимый принцип государственной политики лондонских Кабинетов на протяжении всей викторианской эпохи. Характерным в этом отношении представляется комментарий все той же *Нью-Йорк Таймс,* которая писала в 1869 г.:

> «Великобритания наблюдает с ревностью и большой опаской не только за продвижением России из бассейна Черного моря в направлении Турции и Средиземноморья, но и за аналогичными действиями русских вдоль восточного берега Каспийского моря вглубь Туркестана к Бухаре, рассматривая эти регионы с точки зрения угрозы подходам к северо-западным границам ее Индийской империи; именно поэтому линия Гиндукуша, великого естественного рубежа на этой границе, так тщательно охраняется»[116].

Отсюда становятся ясными причины затяжных локальных войн 1830-х – 1840-х гг., которые вели англичане против воинственных племен, населявших северо-западную часть полуострова Индостан. И с этой точки зрения угроза русского вторжения в Индию рассматривалась Уайтхоллом как серьезная помеха для утверждения там власти британской короны. Окончание сначала Крымской, а вслед за ней и Кавказской войн реанимировало прежние опасения Лондона на этот счет, но речь о них пойдет в следующей главе.

Было бы, однако, неверным полагать, что к середине XIX в. англо-индийские торговцы сосредоточили контроль над потребительскими рынками Азии в своих руках[117]. Хотя передовая Англия тогда занимала первое место среди внешнеторговых партнеров отсталой России, баланс русско-британской торговли складывался в пользу Петербурга. Кроме того, империя Цин, а не Великобритания продолжал выступать главным конкурентом России на рынках ханств Центральной Азии, Восточного Туркестана и небольших горных княжеств Памира и Гиндукуша, по крайней мере, в первой половине позапрошлого столетия[118].

Рассмотрев политические и экономические предпосылки начала *Большой Игры*, следует также обратиться к анализу социо-культурных и цивилизационных мотивов. Любопытно, что К. Маркс, который на протяжении 1850-х гг. являлся внештатным корреспондентом крупной американской газеты *Нью-Йорк Дейли Трибюн,* одним из первых обратил внимание на эти

факторы. Прогнозируя будущие результаты британского правления в Индии, он писал 8 августа 1853 г., что «Англии предстоит выполнить в Индии двоякую миссию: разрушительную и созидательную, — с одной стороны, уничтожить старое азиатское общество, а с другой, — заложить материальную основу западного общества в Азии»[119]. Аналогичное мнение, хотя и спустя три десятилетия, высказывали некоторые российские эксперты в отношении прогрессивной роли царской империи в Туркестане: «Русские много сделали для местной цивилизации, прекратив этот хищнический режим (имеется в виду власть хана. — *Е.С.*) и дав первый толчок к ассимиляции различных по хозяйственному типу элементов населения. Благодаря нам обезопасились исконные торговые пути»[120].

По свидетельствам современников, практически все европейцы были склонны рассматривать и британскую, и русскую экспансию в страны Востока как необходимое средство ликвидации местных деспотий с их антигуманными законами, всеобщим бесправием, нищетой и болезнями. Тем более, что Лондоном и Петербургом декларировались принципы и нормы европейских просвещенных монархий, которые были призваны заменить варварские средневековые порядки. Примечательно, что даже природные условия азиатских государств, с точки зрения путешественников из Старого Света, соответствовали застывшим формам политического устройства ханств и эмиратов. Иллюстрацией служит отрывок из отчета капитана Ч.Ч. Валиханова, выходца из знатного казахского рода, поступившего в юности на русскую службу, который описал ситуацию, сложившуюся в деспотиях Среднего Востока к середине XIX в. следующим образом:

> «Центральная Азия на сегодняшнем этапе социальной организации представляет собой поистине печальное зрелище; ее современную стадию развития можно, так сказать, назвать патологическим кризисом. Вся территория без какого-либо преувеличения является ничем иным, как огромной пустошью, которую временами пересекают брошенные акведуки, каналы и колодцы. По затерянным песчаным равнинам с кое-где встречающимися развалинами, поросшими уродливым колючим кустарником и тамариском, бродят стада диких ослов и вряд ли менее агрессивных сайгаков. В середине этой «Сахары» по берегам рек попадаются небольшие оазисы, где растут тенистые тополя, вязы и тутовые деревья, дающие людям тень. В то время как ничто не нарушает однообразия пейзажа, за исключением встречающихся местами плохо обработанных рисовых полей и плантаций хлопка, перемежающихся иногда виноградниками и вишневыми садами, оставленными ленивым и недальновидным населением заботам Аллаха. В центре этих оазисов, возвышаясь над многочисленными курганами древних городов, уже давно занесенных песками, стоят жалкие глинобитные хижины, в которых живут представители дикой, вар-

варской расы, деморализованные исламом и превращенные почти в идиотов политическим и религиозным деспотизмом их правителей...»[121]

Несмотря на различия в геостратегических амбициях великих держав, все они признавали роль христианской Европы в осуществлении цивилизаторской миссии на Востоке. Более того, монархи и политические лидеры Великобритании и России разделяли точку зрения, согласно которой христианская цивилизация, будь она католическая, протестантская (англиканская) или православная, являлась несравнимо более прогрессивной по своей сути, чем мусульманская, буддийская или конфуцианская. В одной из официальным нот на имя Ф.И. Бруннова, посла России в Соединенном Королевстве, министр иностранных дел лорд Расселл высказывался по этому поводу таким образом:

> «Я признаю цели русского правительства вполне законными, и в целом я всегда стоял на стороне цивилизованной державы против варварской страны. Мы (британцы. — *Е.С.*) сами действовали в Индии в силу непреодолимых обстоятельств, которые нередко заводили нас дальше, чем мы могли предположить заранее»[122].

Многие русские и британские высокопоставленные чиновники без преувеличения гордились той колоссальной ролью, которую, по их мнению, были призваны сыграть на Востоке обе империи. Например, лорд Лофтус, глава британского посольства в Петербурге, считал, что Англии и России «следует сообща продвигать цивилизацию и развивать как промышленность, так и торговлю в своих сферах (влияния. — *Е.С.*), без какой-либо ревности и без стремления к гегемонии»[123]. Сходную точку зрения относительно перспектив распространения идеалов просвещения в так называемых «варварских» государственных образованиях излагал и министр иностранных дел А.М. Горчаков:

> «Позиция России в Центральной Азии соответствует воззрениям всех цивилизованных стран, которые вовлечены в контакты с полудиким кочевым населением, не обладающим закрепленной общественной организацией. В таких случаях всегда происходит так, что более цивилизованное государство вынуждено в интересах безопасности своей границы и коммерческих отношений определенным образом господствовать над теми (племенами. — *Е.С.*), чей беспокойный и воинственный характер превращает их в нежелательных соседей»[124].

В данном контексте, используя метафору Э. Саида, «Запад рассматривался как герой, спасающий Восток от обскурантизма, отчуждения и непривычности»[125]. Несмотря на общеевропейское содержание концепции «бремени белого человека», фактически провозглашенной обеими державами

в XIX в., характер российского и британского продвижения в Азию отличался рядом специфических черт. В противоположность британцам, которые руководствовались принципами англиканской, а по сути протестантской этики, хотя их оппоненты утверждали, что внешнеполитическая активность Лондона направлена лишь на эксплуатацию колоний и извлечение сверхприбылей[126], многие россияне искренне полагали, что только они выступают реальными защитниками гуманистических принципов, поскольку именно Русское государство всегда защищало Европу от бесчисленных кочевых орд, намеревавшихся вторгнуться в Старый Свет из глубин Восточной Азии. Обозреватель петербургского *Экономического журнала* А. Субботин прибегнул к следующему сравнению, чтобы обосновать это утверждение:

> «Самая (так в тексте. — *Е.С.*) роль России как передового поста Европы, не раз спасавшего ее от гибели, дает ей право на те страны, откуда выходили полчища, так долго тормозившие ее государственное развитие. *Обладание смежными областями Средней Азии, вызываемое географической и исторической необходимостью, составляет отчасти справедливое возмещение за вековую борьбу с азиатской гидрой* (курсив мой. — *Е.С.*), причем России пришлось много претерпеть за то, что она стала как раз на дороге из Азии в Европу, за то, что она мешала азиатским ордам «потопить» европейские государства, ограждая последние своей широкой спиной»[127].

Испытывая к кочевым народам чувство исторической мести за прежнее унижение своих славянских предков в период ига, русские, по мнению некоторых публицистов, стремились завершить великое историческое предназначение своего государства — разгромить и подчинить своей власти наследников беспощадных завоевателей прошлого — Чингиз-хана и Тимура, хотя, например, правителями центральноазиатских ханств на самом деле таковыми не являлись. То обстоятельство, что большинство кочевников в Центральной и Восточной Азии совершали набеги не только на российские приграничные районы, но и на земледельческие поселения в Персии, Афганистане или Восточном Туркестане, дополнительно стимулировало захватнические устремления царского правительства. Свою роль играли и сведения о невольничьих рынках крупных городских центров Азии, которые никогда не были так переполнены людьми всех рас и национальностей, включая славян, как в середине 1850-х гг.[128]

Показательно также, что британская политическая элита в течение длительного времени культивировала «теорию Питера Пэна», популярного сказочного персонажа, который пожелал навсегда остаться ребенком. Ее приверженцы были склонны рассматривать азиатов как детей, которые никогда не станут взрослыми. Поэтому они нуждались в патронаже и руководстве со стороны передовых наций, включая русских, которые, невзирая на автокра-

тический режим, были обязаны, по мнению западных политиков, сотрудничать с другими европейцами в осуществлении цивилизаторской миссии[129].

Таким образом, анализ различных мотиваций *Большой Игры* позволяет выдвинуть гипотезу о том, что геостратегические амбиции в сочетании с культурно-цивилизаторскими устремлениями преобладали над экономическими интересами России и Великобритании к началу их соперничества в Азии[130]. Однако, как показывает проведенное исследование, многое зависело от личностей наиболее значимых «игроков» и неписанных «правил» самой *Игры*, постепенно сложившихся благодаря ее логике.

Основные участники Большой Игры

Продвижение европейцев в страны Востока организовывалось целым рядом политиков, дипломатов, ученых и администраторов как в столицах империй или центрах колониальных владений, так и в укрепленных приграничных крепостях. Если в первом случае главную координирующую роль играли представители высшего государственного уровня власти — от монархов до министров, генералов и их ближайших советников, то следующие категории лиц включали преимущественно чиновников и военных на государственной службе, а также исследователей, путешественников, журналистов и других людей, нередко действовавших по обстоятельствам, выходя за рамки полученных ими инструкций. Кроме того, не стоит забывать и о местных жителях, которые добровольно соглашались за определенное, хотя и небольшое, вознаграждение выполнять информационно-разведывательные задания своих кураторов: британцев или русских.

Но начнем с коронованных особ. Что касается Соединенного Королевства, то можно без преувеличения констатировать, что историки детально исследовали роль королевы Виктории в британской внешней политике на протяжении всего периода ее царствования, но особенно после Крымской войны[131]. Поэтому рассмотрение этого вопроса выходит за пределы нашей работы. Укажем лишь, что дипломатическая корреспонденция Ее Величества свидетельствует о постоянных опасениях «славянской экспансии», успех которой мог бы кардинально изменить баланс сил и привести к установлению контроля России за Евразией. Продолжая развивать контакты с Романовыми по семейной линии, приятно пораженная безупречными манерами и высокой образованностью российских самодержцев от Николая I до Николая II, которые они демонстрировали во время своих визитов на берега Туманного Альбиона, Виктория, тем не менее, в периоды обострения англо-русских отношений обычно рекомендовала министрам своего Кабинета занимать твердую позицию в общении с официальным Петербургом[132]. Сменивший ее в 1901 г. король Эдуард VII перенес главный акцент своих в целом удачных дипломатических вояжей на проблемы европейской политики, которые приобрели актуальность в связи с перегруппировкой великих держав.

В сравнении с британскими монархами, внешнеполитическая активность которых ограничивалась парламентом, российские императоры всегда считали иностранные дела собственной прерогативой. По воспоминаниям А.Ф. Редигера, военного министра в 1906–1908 гг., «все вопросы внешней политики принадлежали компетенции Его Величества (Николая II. — *Е.С.*), и министры, кроме министра иностранных дел, информировались или приглашались к дискуссии только по специальным распоряжениям императора»[133]. Неудивительно поэтому, что Романовы посвящали немало времени и усилий *Большой Игре*. К примеру, послания Александра II упоминавшемуся князю Барятинскому в марте 1857 г. содержали размышления царя о текущих планах относительно Персии в связи с позицией Великобритании. В частности, император предупреждал, что «усложнение с этой (английской. — *Е.С.*) стороны будет очень неудобно для нас», что «разрыв с Англией сейчас невозможен», что России не следует «все внимание уделять только азиатской политике, хотя вес этого вопроса велик». Только после того, как она окончательно покорит Кавказ и установит свое владычество над Амурским бассейном, можно будет наступать в Центральной Азии[134].

Важно, что некоторые ближайшие сановники стремились внушить царю упоминавшуюся выше мысль об историческом праве самодержавного монарха наследовать результаты завоеваний великих азиатских владык. Для иллюстрации стоит привести высказывания Н.М. Пржевальского, наиболее известного русского военного исследователя Внутренней Азии, который незадолго до преждевременной кончины утверждал, что «кочевые монголы, дунгане, эти китайские мусульмане, и жители Восточного Туркестана, последние в особенности, в большей или меньшей степени преисполнены желания стать подданными Белого Царя, чье имя, также как и имя Далай-ламы, по-видимому, окружено в глазах азиатских масс ореолом мистического могущества». «Эти бедные азиаты, — заключал Пржевальский, — смотрят на приближение Российской державы с твердым убеждением в том, что ее приход символизирует для них начало счастливой эры и более безопасную жизнь»[135].

Практически все российские императоры, Николай II служит типичным примером, испытывали воздействие аристократических группировок при дворе, когда, как заметил лорд Солсбери в письме к Р. Морьеру, послу в России, «каждое влиятельное лицо, военное или гражданское, принуждало его (царя. — *Е.С.*) принимать по возможности решение, которое это лицо желало бы в данный момент, что приводило к случайному совокупному эффекту всех одобренных рекомендаций»[136].

Однако в силу своего положения и занятости также вопросами внутренней жизни ни британский, ни российский монархи не могли осуществлять ежедневный мониторинг текущих событий на далеких границах их империй. Поэтому роль глав и членов Кабинетов, обсуждавших пути и средства осуществления внешнеполитических шагов или организации специальных миссий трудно переоценить. Так, в Британии премьер-министр и

статс-секретари ключевых ведомств — иностранных дел, военного, морского, по делам Индии, а позднее и колониального, с полным правом могут рассматриваться как непосредственные участники *Большой Игры*, потому что их влияние на процесс принятия и реализации внешнеполитических решений было весьма ощутимо. Сама личность и, конечно, деятельность таких национальных лидеров как Г. Пальмерстон, У. Гладстон, Б. Дизраэли и лорд Солсбери, наложили отпечаток на азиатскую политику Соединенного Королевства.

К примеру, изучение корреспонденции Пальмерстона вместе с воспоминаниями современников показывает, что глава правительства, человек сильной воли, кипучей энергии и могучего интеллекта, верил в предназначение стратегически неуязвимой Великобритании служить арбитром в «концерте Европы»[137]. Вот почему он критически воспринимал любую попытку оспорить роль Британии как светоча прогресса и основную движущую силу модернизации Востока в соответствие с классической парадигмой европейского либерализма. Комментируя перспективы русско-британского соперничества «на окраинах» двух империй, Пальмерстон писал в июле 1840 г.:

> «Кажется совершенно ясным, что рано или поздно казак и сипай, человек с Балтики и другой человек с Британских островов (так в тексте. — *Е.С.*) встретятся в центре Азии. Нам следует позаботиться о том, чтобы эта встреча произошла настолько вдали от наших индийских владений, насколько это для нас удобно и безопасно. Но ее не удастся избежать, оставаясь дома в ожидании визита»[138].

Следует подчеркнуть, что взгляды Пальмерстона на внешнюю политику базировались на двух фундаментальных принципах: необходимости поддерживать баланс сил в Европе и предотвращать покушение любого государства на торговые интересы Британии в других регионах планеты, будь это Персия, Индия или Китай. Нашумевший инцидент с неким доном Пасифико, которому Пальмерстон посвятил одно из выступлений в парламенте после того, как дом этого подданного британской короны в Афинах был разорен толпой местных жителей, подтверждает сказанное[139]. И хотя точка зрения тогдашнего главы Форин офис на геостратегические планы России могла отличаться от мнений Гладстона, Дизраэли или Солсбери, большинство ведущих английских политиков были убеждены в том, что царский режим постоянно стремился к гегемонии в Евразии, грозившей в итоге разрушением «концерта держав» и концом британского владычества над Индостаном. «Если русские возьмут Константинополь, — заявил Б. Дизраэли в ответ на запрос одного из членов парламента в октябре 1876 г., — они смогут в любое время направить свою армию через Сирию в дельту Нила, угрожая тем самым Британской Индии»[140]. В свою очередь лорд Солсбери, отражая приверженность Британии сотрудничеству с другими государствами в решении конкретных вопросов внешней политики без заключения

долгосрочных союзов, рассматривал политику России как результат сочетания идеализма, интриг и силы. Однако, будучи реалистом, он полагал также, что для обеих империй, сухопутной и морской, вполне хватит места на пространствах Евразии для утверждения там принципов свободной конкуренции и торговли[141].

Острая необходимость для правительства соотносить политический курс и экономические интересы с действиями противоположной стороны нередко заставляла Уайтхолл проявлять чрезмерную осторожность в сочетании с уступками России по региональным проблемам[142]. Помимо этого, прагматичные деятели вроде лорда Солсбери были прекрасно осведомленны о том, что британское управление Индией основывается главным образом на военной силе, хотя они никогда не отрицали уже упоминавшихся выше моральных обязательств «белого человека» перед «туземным» населением. В случае Солсбери, кажется справедливым вывод о том, что великое восстание сипаев 1857–1858 гг. произвело неизгладимое впечатление на молодого тогда Роберта Сесила, сделав его крайне осмотрительным при формулировании внешнеполитических решений, касавшихся азиатских стран[143].

Не вызывает сомнений, как уже говорилось в начале этой главы, что ключевые министры должны пополнить список лиц, которые оказывали прямое или косвенное влияние на ход *Игры*. В отличие от своих русских коллег, все они согласно традиции были подотчетны парламенту, а до известной степени и общественному мнению[144]. Вот почему большинство членов британских Кабинетов можно отнести к государственным деятелям, обладавшим достаточной решимостью и интеллектом, чтобы оказывать влияние на позицию Соединенного Королевства в международных делах. Их количество достаточно велико, но особого упоминания, на наш взгляд, заслуживают лорды Грэнвилл и Лэнсдаун, а также сэр Эдвард Грей, много сделавшие для развития англо-русских отношений[145].

Говоря о британской властной элите в целом, анализ которой требует отдельного исследования, обратим внимание читателя на дискуссию сторонников «первой» и «второй» империй, окончившейся к 1860-м гг. предсказуемой победой последних. Реформаторы колониальной политики, такие как Эдвард Уэйкфилд, Чарльз Буллер, лорд Дархэм и сэр Уильям Молесворт, выступали за поощрение эмиграции и увеличение инвестиций в заморские территории, чтобы построить «вторую» империю в Азии. Все они были убеждены в том, что война самым негативным образом отражается на бизнесе, что материальные потери, снижение торговых оборотов и сокращение кредита — эти неизменные спутники любого длительного вооруженного конфликта, вызовут в конечном итоге социальный взрыв в метрополии и ослабление международных позиций Англии.

Завершение дискуссии не привело к единомыслию среди верхушки британского общества. В связи с активизацией России на просторах Евразии от Каспия до Тихого океана правящая элита Соединенного Королевства разделилась на сторонников наступательной (forward) политики — «форвардистов» и

приверженцев курса «искусного сдерживания» (masterly inactivity) — «инактивистов». В то время как первые выступали за подчинение азиатских народов преимущественно путем установления прямого политического контроля, не исключая угроз, шантажа и применения военной силы, «инактивисты» скорее поддерживали меры Кабинета по косвенному воздействию на ситуацию и непрямому управлению зависимыми территориями путем заключения личных соглашений с правителями, предоставления им финансовых субсидий и развития торговых отношений[146].

Пользуясь поддержкой большинства гражданских и военных чиновников, особенно побывавших на службе в Индии, такие «форвардисты», как Дэвид Уркварт, Генри Роулинсон или Арминиус (Арминий) Вамбери призывали Уайтхолл к решительным превентивным шагам на границах Индии, чтобы обуздать воинственные племена и внести успокоение на территорию соседних государств с целью исключения малейшего предлога для вторжения туда русских. Как отмечал лорд Робертс, занимавший пост главнокомандующего англо-индийской армией с конца 1870-х до начала 1890-х гг., сущность форвардистской политики в Азии состояла «в распространении влияния и установлении законности там, где анархия, убийства и грабежи правили бал до британского завоевания»[147]. По мнению профессора У. Доусона, одного из авторов фундаментальной *Кембриджской истории внешней политики Великобритании*, адепты наступательного курса желали «предвосхитить события, которые они считали неизбежными, и одним махом поставить всех пограничных правителей и вождей в зависимость от британского правительства с помощью договоренностей о союзе, направлении к ним политических и военных миссий, а также денежных субсидий и поставок вооружения»[148]. Типичным представителем этой группы являлся упоминавшийся во введении Д. Кайе, высокопоставленный правительственный чиновник, который одним из первых начал обсуждать центральноазиатскую проблему в связи с ситуацией на границах Индостана. Характерно, что сэр Оуэн Берн, преемник Кайе на должности секретаря Политического и секретного департамента министерства по делам Индии также высказывался в 1874 г. в пользу активизации английской политики на Востоке[149].

С другой стороны, оппоненты «форвардизма», вроде Ричарда Монтгомери, Уильяма Муира и Джорджа Кэмпбелла, которые занимали видные посты в дипломатических миссиях и политических агентствах, разбросанных по азиатским странам, выражали несогласие с размещением экспедиционных сил преимущественно на северо-западной границе Индии, потому что, как они полагали, необходимо жестко ограничить расходы на урегулирование бесконечных конфликтов, связанных с проведением карательных экспедиций против племен, которые регулярно осуществляли грабительские набеги на купеческие караваны, земледельческие оазисы и пограничные посты. Кроме того, по их мнению, любая, даже случайная неудача Великобритании в этих регионах была способна ослабить ее внешнеполитические позиции и подорвать международный престиж. Поэтому они последовательно

выступали за компромиссы с Россией, которые позволили бы Лондону одержать верх над Петербургом в Азии экономическими и социо-культурными методами с помощью пропаганды либеральных ценностей и моральных норм среди наиболее восприимчивых слоев местного населения: торговцев, ремесленников, интеллигенции. Иначе говоря, они считали «прямое вооруженное вмешательство настолько пагубным, что его применение могло бы быть оправданным только для того, чтобы избежать еще большего риска»[150].

Конечно, это вовсе не означало, что всех «форвардистов» следовало автоматически зачислить в разряд отъявленных русофобов и наоборот, «инактивистов» безоговорочно признать русофилами. Ситуация, по-видимому, не была такой однозначной, так как многие лица из обоих «лагерей» состояли между собой в родственных связях, служили в одних и тех же ведомствах, взаимодействовали на сцене публичной политики или занимались бизнесом в составе персидской, индийской, либо цинской торгово-промышленных ассоциаций. Не забудем и о том, что, как справедливо отмечает английский историк Лоуренс Джеймс, русофобия в XIX в «затронула» умы почти каждого государственного деятеля Соединенного Королевства, будь он политик, дипломат или военный. Она сильно ощущалась среди всех социальных слоев, партий и общественных движений, когда большинство простых британцев смотрело на Россию как на государство «прочно приверженное политике захватов и экспансии для обеспечения жизненного пространства в интересах быстро растущего населения»[151]. Н.А. Ерофеев первым из отечественных ученых рассмотрел проблему восприятия британцами России в первой половине XIX в. и пришел к выводу, что, хотя ни одна из социальных групп английского общества не была целиком захвачена русофобией, в кругах военных деятелей, колониальных чиновников и оптовых коммерсантов, поддерживавших связи с азиатскими странами и недовольных поступательным движением русских на Восток, а также протекционистской политикой Петербурга, могли возникать антироссийские настроения как своеобразная психологическая компенсация за политический, экономический и моральный ущерб, причиненный их интересам на Кавказе, в Центральной Азии и на Дальнем Востоке[152]. Кроме того, как справедливо заметил Энтони Кросс, известный специалист в области русско-британских социо-культурных контактов, победы России в войнах против Османской империи наряду с тремя разделами Польши во второй половине XVIII в. сформировали негативное восприятие нашей страны британским общественным мнением. Страх перед «русской угрозой» подогревался также нелицеприятными отзывами европейских путешественников о внутренней жизни континентальной империи, столь отличной от реалий Туманного Альбиона[153].

Любопытно отметить, что американский историк Джордж Глисон предложил несколько иную концепцию генезиса анти-русских чувств на Британских островах. По его мнению, «русофобия в Англии явилась главным образом продуктом тех сил, которые определяли развитие событий в стране и Европе в годы после Ватерлоо». Глисон отмечал, что британская обще-

ственность не слишком доверяла официальным заявлениям царских дипломатов, поскольку между ними и реальной политикой российского правительства всегда существовал заметный разрыв. Именно этот скептицизм, с его точки зрения, породил русофобию в Соединенном Королевстве на протяжении викторианской эпохи. Характерно, что Глисон признавал британскую внешнюю политику даже более агрессивной, чем русская, но лицемерной и лучше замаскированной под великую миссию распространения общечеловеческих (читай — англиканских!) ценностей среди азиатских народов[154].

Ни для кого не является секретом тот факт, что Лондон уделял главное внимание проблемам Индии на протяжении всего XIX столетия. В этой связи полезно напомнить читателю об административном делении территории, которую контролировала Ост-Индская компания до Великого индийского восстания 1857–1858 гг. Ее владения состояли из трех президентств — Бенгальского, Мадрасского и Бомбейского, каждое со своим административным аппаратом и отдельной армией, но под верховной властью генерал-губернатора, Совета и командующего армией, которые размещались в Калькутте с октября по март, перемещаясь в небольшой городок Симла на время жаркой погоды с марта по октябрь. По традиции генерал-губернаторы были подотчетны Совету директоров, заседавшему в головном офисе Компании, который располагался в лондонском Сити. При этом императоры Могольской державы, проживавшие в Дели, сохраняли номинальную власть над своими вассалами — *махараджами*, которые наследственно владели отдельными территориями[155].

В 1858 г. система претерпела реорганизацию. Отныне Британская Индия включала в себя земли трех категорий: президентства, провинции и более чем 600 автономных государств, занимавших до 60% площади полуострова и управлявшихся махараджами, надзор за деятельностью которых осуществляли английские политические резиденты, аккредитованные при их дворах. В узком смысле именно последняя категория индийских владений называлась *Раджем*, хотя это наименование зачастую использовалось и в качестве синонима всей Британской Индии. При этом каждый вице-король, как отныне назывался британский генерал-губернатор, сочетал в своей деятельности законодательные и исполнительные полномочия, но нес ответственность не перед Советом, а перед министерством по делам Индии. На пост вице-короля обычно назначались представители британских аристократических семейств, не обладавшие опытом прежней административной деятельности на территории Индостана. Пятилетний срок осуществления вице-королем своих функций считался достаточным и, как правило, не продлевался. Исключением в рассматриваемый нами период стал лорд Керзон, который добился своего переназначения в 1903 г. после истечения первых пяти лет пребывания на посту[156]. О его вкладе в *Большую Игру* речь пойдет в заключительных главах книги. Пока же отметим, что Британская Индия вплоть до ухода англичан в 1947 г. обладала собственными автоном-

ными вооруженными силами — армией и флотом. По описанию одного канадского историка,

> «Двор вице-короля и региональные дворы президентств (Бомбейского и Мадрасского. — *Е.С.*) были заполнены великолепием военных мундиров, а казармы индийской армии, даже в большей степени, чем быстро растущие коммерческие кварталы Бомбея, Калькутты и Мадраса являлись центрами британской общественной жизни в Индии, поскольку армия скорее, чем гражданская служба или торговля привлекала на субконтинент многих молодых отпрысков земельной аристократии, которая продолжала составлять реальный правящий класс Британии вплоть до конца XIX в.»[157]

Автономия вице-короля и его администрации от Уайтхолла обеспечивалась собственной таможенной системой. Кроме того, принцип разделения властей, характерный для метрополии, отсутствовал в ее крупнейшей колонии, поскольку Совет при вице-короле выступал одновременно и как Кабинет министров и как Законодательное собрание. Акт об Индии (India Act) 1858 г., который ликвидировал даже номинальное существование империи Великих Моголов и положил конец косвенной системе управления полуостровом через администрацию Ост-Индской компании, предоставил вице-королю право созывать Совет в любое удобное для него время. Этот акт также уточнил функции высшего должностного лица Британской Индии, например, его прерогативу налагать вето на любое решение, принятое членами Совета[158]. Реорганизованный после восстания сипаев, этот орган осуществлял свои полномочия в пределах территории, которая непосредственно подчинялась вице-королю, сохранившему прежние резиденции в Калькутте и Симле.

Лорд Каннинг, исполнявший обязанности генерал-губернатора в период Великого индийского мятежа, был назначен королевой Викторией на пост первого вице-короля сразу после подавления восстания. Современный английский исследователь указывает на значимость этой должности в системе управления Индией: «Только Самодержец Всея Руси и Президент Соединенных Штатов могут действительно сравниться с вице-королями как правители. И хотя оба они управляли более обширными территориями, чем вице-король, а их полномочия превышали возможности последнего, население под его властью превосходило по своему количеству численность жителей России или США»[159].

Оглядываясь на историю этого института, упраздненного правительством независимой Индии в 1947 г., любой объективный наблюдатель вынужден будет признать воздействие вице-королей на всю азиатскую политику Соединенного Королевства. К сожалению, рамки нашего исследования не позволяют более подробно остановиться на их обязанностях. Однако стоит подчеркнуть, что в ряду вице-королей выделялись знаковые фигуры,

чьи заслуги в модернизации Индии неоспоримы: сэр Джон Лоуренс, занимавший свой пост с 1864 по 1869 г., лорд Литтон — с 1876 по 1880 г. и лорд Керзон — с 1899 по 1905 г.[160]

Важно обратить внимание на систему представлений того или иного вице-короля, поскольку их оценки развития событий на Среднем Востоке и в регионах Внутренней Азии нередко отличались от официальных заявлений Уайтхолла. Достаточно сказать, что британские дипломатические миссии и агентства в Тегеране и эмиратах Персидского залива патронировались не Лондоном, а Калькуттой. Кроме того, решение практически всех вопросов текущей политики Великобритании в Центральной Азии осуществлялось Уайтхоллом при согласовании с вице-королями и их администрацией. Показательно, что оценки последними Российской империи были далеки от позитивных. Как образно писал, например, один из вице-королей, лорд Райпон, управлявший Индией с 1880 по 1884 г., Россия — это «великая, беспощадная, закрытая держава, которая нависла над Европой и Азией, и о которой ни один человек не знает наверняка, сильна она или слаба, уготована ли ее населению как новой расе великая роль в мировой истории, или ее подданные, по образному сравнению Дидро, «сгнили изнутри прежде, чем созрели»; а еще этот мрачный, молчаливый российский царь, ненавистник свободы, враг любого народа, стремящегося сбросить оковы угнетения, защитник Австрии, клонящейся к упадку, чей образ напоминает описания древнееврейскими пророками вавилонских владык, готовых шаг за шагом поглотить Иерусалим»[161].

Стереотипы восприятия Российского государства властной элитой Британской империи сочетались с использованием при ее характеристике антонимов таких понятий, как свобода, демократия и прогресс. Помимо того, абсолютное большинство высокопоставленных колониальных чиновников смотрели на политическое развитие Центральной и Восточной Азии с европоцентристских позиций. Они были уверены, что всемерное ослабление влияния России и возведение вокруг нее «санитарного кордона» из буферных или дружественных Британии государств способно остановить продвижение русских по всем азимутам, что в свою очередь открыло бы для «угнетенных царизмом» народов демократическую перспективу. Проникнутые страхом перед ужасным «русским медведем», образ которого доминировал в системе их представлений, недоброжелатели России на Британских островах настойчиво требовали осуществления Англией своего исторического предназначения в Азии, с одной стороны, и обуздания мессианских устремлений России на Востоке, — с другой.

В реальности деятельность чиновников на местах иногда превосходила их компетенцию и объем функций, которые они были уполномочены выполнять в отдаленных азиатских странах, тогда как их амбиции основывались на симпатиях викторианцев к волевым личностям, преисполненным чувством долга и приверженным высоким моральным обязательствам. Чтобы составить представление об этой группе участников *Большой Игры*, до-

статочно, например, прочитать историю жизни некоего Джона Никольсона, рассказанную английским историком Ч. Алленом. Этот Никольсон находился на службе Ост-Индской компании с 1839 г. вплоть до мятежа сипаев, когда он был убит восставшими туземными солдатами. «Не будучи «командным игроком», — пишет Аллен, — Никольсон представлял собой интегральный элемент небольшого сообщества полувоенных — полуадминистраторов, или, по моей терминологии, — *господ офицеров (Soldier Sahibs)*, усилиями которых и было сформировано то, что называют в современном Пакистане Северо-Западной пограничной провинцией...»[162].

Молодые субалтерны, подобные Никольсону, выступали в качестве важных связующих звеньев между центрами разработки решений и регионами их непосредственного исполнения, специфика которых в условиях быстро менявшейся ситуации накладывала дополнительный отпечаток на деятельность «рядовых» участников *Игры*. При этом большинство из них обычно не получало достаточного финансирования, четкого руководства и координации действий, а также адекватного картографического обеспечения, особенно в ее начальный период. Гораций Рамбольд, временный поверенный Соединенного Королевства в Санкт-Петербурге, нарисовал портрет таких «игроков» в письме к министру иностранных дел лорду Кларендону от 19 мая 1864 г.:

> «На местах служит множество 'беспокойных душ' (unquiet spirits), некоторые из них проникнуты честолюбивым стремлением отличиться за счет выдающихся достижений, тогда как другие представляют собой искателей приключений или людей с неудавшейся карьерой и испорченной репутацией, которые были отправлены в эти отдаленные регионы в качестве наказания»[163].

Однако, как уже отмечалось выше, вклад таких колониальных офицеров — разведчиков и администраторов, как А. Конолли, Г. Роулинсон, А. Бернс, Н. Илайэс, Ф. Янгхазбенд и многих их коллег, в изучение, описание и топографическую съемку «ничейных» областей Евразии достоин восхищения. Показательно, что, как верно заметил один историк, «никто из британских офицеров, участвовавших в *Большой Игре*, не желал именоваться «шпионом» и предпочитал описывать свою деятельность как осуществление рискованных экспедиций с целью расширения географических представлений о мире»[164].

Возвращаясь к российским реалиям, подчеркнем, что, с нашей точки зрения, не будет ошибкой поместить канцлера А.М. Горчакова и военного министра Д.А. Милютина в список ключевых «игроков», поскольку именно этим двум государственным деятелям принадлежит пальма первенства в формулировании основных принципов внешней и военной политики России на протяжении второй половины XIX в. Однако при этом стоит обратить внимание на замечание канадского ученого Д. Макензи, автора нескольких детальных исследований по истории государственного аппарата

императорской России, о том, что «соображения власти и престижа играли для них (министров. — *Е.С.*) даже большую роль в стремлении к внешней экспансии», чем какие-либо экономические, культурные или религиозные мотивы[165]. И все-таки, несмотря на постоянное бюрократическое соперничество между двумя ведущими структурами, обеспечивавшими разработку и проведение внешнеполитического курса России на Востоке — Азиатским департаментом МИД и Азиатской частью Главного штаба, их сотрудничество имело результатом максимальное расширение территории Российской империи к концу XIX в., если оставить за скобками продажу Аляски Соединенным Штатам в 1867 г.

По модели, близкой к британской, российские цари назначали в регионы империи губернаторов или генерал-губернаторов, чтобы ослабить зависимость суверена от министров на региональном уровне, обеспечив монарху канал непосредственной связи с административными органами на местах. Другим побудительным мотивом для царского правительства по сохранению сложившейся вертикали власти выступало стремление контролировать провинциальные элиты с помощью генерал-губернаторов, чьи прерогативы распространялись не только на военную, но и на гражданскую сферу[166].

Разумеется, участники *Большой Игры* со стороны России обладали многими качествами, которые сближали их с британскими «игроками» как в центре, так и на местах. М. Эдвардес сравнил политическую наивность, недостаточное знание топографии, часто неоправданный энтузиазм и личные амбиции русских с аналогичными чертами характера английских исследователей в Центральной и Восточной Азии[167]. Среди россиян, которые внесли свою лепту в изучение «затерянных азиатских миров» выделяются имена Николая Пржевальского, Бронислава Громбчевского, Николая Нотовича, Петра Козлова, Андрея Снесарева и других, то есть тех российских первопроходцев, которые пересекали просторы Евразии в поисках новых военных и торговых маршрутов, неизвестных горных перевалов и проходов, трудно доступных городов и укрепленных форпостов, вызывая отчетами о своих поездках неподдельное изумление у коронованных особ, специалистов и обывателей. Автор убежден, что к когорте непосредственных участников *Большой Игры* следует отнести таких военных администраторов, бывших нередко офицерами Генерального штаба, как Василий Перовский, Константин Кауфман, Дмитрий Романовский, Михаил Черняев, Михаил Скобелев, Михаил Ионов, Карл Маннергейм, список можно продолжать, действовавших подчас не только за рамками инструкций официального Петербурга, но даже и вопреки им[168].

Подобно сынам Туманного Альбиона, многие из русских открыто заявляли о цивилизаторской миссии православной империи на Востоке. «В случае конфликта с Англией, — писал Н.П. Игнатьев, один из вдохновителей *Большой Игры*, деятельность которого будет рассмотрена в следующей главе, — именно в Азии мы можем бороться против нее с шансом уменьшить британское могущество»[169]. Не достигнув часто и тридцатилетнего возрас-

та, хорошо образованные и честолюбивые, молодые офицеры на русской службе были преисполнены не только патриотизмом и отвагой, но и скрытой завистью к своим старшим командирам, которые успели получить ордена и чины в ходе Кавказской или Крымской кампаний. К примеру, военный министр Д.А. Милютин, дал в своем дневнике следующую посмертную характеристику М.Д. Скобелеву, одному из ярких участников *Большой Игры*, герою русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и покорителю Туркмении в 1881 г., начинавшему свою громкую карьеру в посткрымский период:

> «Можно пожалеть о преждевременной смерти Скобелева: он был еще молод, кипел деятельностью и честолюбием, обладал, несомненно, блистательными боевыми качествами, хотя и нельзя сочувствовать ему, как человеку. У него честолюбие преобладало над всеми прочими свойствами ума и сердца настолько, что для достижения своих честолюбивых целей он считал все средства и пути позволительными, в чем признавался сам с некоторым цинизмом»[170].

Довольно типичной представляется также оценка мотивов участия в *Игре* российских военных, зафиксированная британским полковником Фредериком Барнэби в заметках о поездке через Центральную Азию в середине 1870-х гг.: «Не следует удивляться готовности царских офицеров в Туркестане продолжить завоевательные походы. Будучи преимущественно выходцами из небогатых, но родовитых семейств, не получив наследств, но обладая мечом, не имея перспектив кроме карьеры, их жажда войны выступает единственным доступным способом для быстрого продвижения по службе»[171]. Да и сами военные признавали карьерные устремления одним из главных побуждений для участия в *Игре*. Как заметил один из них, «положительный настрой на дальнейшие завоевания преобладал среди наших войск, это была болезнь, ни одно средство для лечения которой не было эффективным, особенно, когда применяемые меры перемежались такими стимулами, как чины и награды»[172].

Отсюда возникала проблема субординации на местах в условиях, когда средства коммуникации не могли еще обеспечить оперативную связь между начальниками и подчиненными, а ситуация порой менялась быстрее, чем могла поступить очередная инструкция из столицы. Недаром ряд историков утверждают в своих работах, что «полевые командиры» могли злоупотреблять предоставленной им властью, проводя собственную политику, отличную от полученных директив, и ставя затем вышестоящее начальство перед свершившимися фактами. Следует сразу же подчеркнуть, что данная проблема была общей для держав, конкурировавших в Азии, поскольку, как пишут многие исследователи, вне зависимости от континентального или морского характера экспансии, она породила в Англии и России так называемый *колониальный генералитет*, или другими словами, сообщество высо-

копоставленных военных начальников, которые всячески обосновывали и пропагандировали собственную концепцию имперской политики[173].

Таким образом, в то время как местные гражданские, а чаще всего военные администраторы наращивали активность на азиатских границах, центральные правительства, поглощенные решением вопросов европейской политики, реагировали на развитие событий в странах Востока скорее спонтанно, чем обдуманно, не имея точных сведений и действуя без какой-либо глубоко продуманной стратегии на перспективу. И если удачливый генерал одерживал победу в сражении или занимал вражеский город по собственной инициативе, его прямые начальники вынуждены были просить у монарха или главы правительства соответствующих наград и почестей для героя, поскольку «неписанным условием Большой Игры всегда являлось чудесное превращение неповиновения в инициативу»[174].

Отметим, что эта широко распространенная практика порождала обвинения в «двойных стандартах», которыми руководствовались обе стороны во взаимных пропагандистских кампаниях. По мнению Пальмерстона, царское правительство тайно одобряло действия своих генералов на местах, хотя в официальных заявлениях для Европы представляло дело так, будто бы эти командиры инициировали военные кампании против правителей Центральной Азии по своему усмотрению[175]. Похожим образом Уайтхолл, к примеру, возложил вину за вооруженное вмешательство британских экспедиционных сил в дела Тибета, а в конечном счете и Цинской империи, на полковника Янгхазбенда и лорда Керзона, хотя вице-король санкционировал его в 1903 г. только после предварительных консультаций с премьер-министром А. Бальфуром и министром по делам Индии Дж. Гамильтоном[176].

Однако использование «двойных стандартов» можно было оправдать по причинам, которые изложил Д.А. Милютин в своих воспоминаниях:

> «Требуя от местных начальников соблюдения по возможности даваемых им инструкций и указаний, я вместе с тем находил вредным лишать их вовсе собственной инициативы. Страх ответственности за всякое уклонение от инструкции может убивать энергию и предприимчивость. Бывают случаи, когда начальник должен брать на свою собственную ответственность предприятие, которое в заранее составленной программе не могло быть предусмотрено. Дело в том, конечно, чтобы подобные отступления от программы в частностях не противоречили общей цели и действительно оправдывались необходимостью»[177].

В более широком плане, несмотря на видимую или реальную нехватку субординации, большинство из победоносных генералов, действовавших на азиатских границах, знали, как надо умиротворять местное население, выступая не столько как закаленные в боях командиры, сколько как гибкие администраторы, способные регламентировать повседневную жизнь на территориях, оккупированных русскими или британскими войсками. Помимо

этого, они предпринимали немалые усилия, чтобы отменить рабство и средневековые наказания, коммутировать налоги и упорядочить сборы, а также положить конец активности бандитских шаек на торговых путях. С другой стороны, генералы обычно не вмешивались во внутреннюю жизнь сельских общин или кочевых кланов, стремясь приспособить новое административное устройство к традициям и обычаям покоренных социальных общностей.

И все же, как правило, военные администраторы относили местных жителей к так называемым «умирающим народам», то есть социумам, обреченным на физическое исчезновение. Для подтверждения сделанного вывода уместно привести цитату из донесения полковника Н.И. Гродекова, который позднее стал генерал-губернатором Туркестана, в Главный штаб после его поездки по провинциям Персии и Афганистана во второй половине 1870-х гг. Он отмечал, что «туркмены как нация являются черной дырой на Земле; они позор человечества, которое их терпит»[178]. Другой, всемирно известный путешественник Н.М. Пржевальский в своем отчете об исследованиях Восточного Туркестана утверждал, что «имеется много счетов, чтобы свести их с нашим заносчивым соседом, и мы должны показать, что русский дух и русская отвага не имеют сравнений, будь то дома или на Дальнем Востоке». Он ссылался на крупнейшего отечественного юриста Ф.Ф. Мартенса, который оправдывал аннексию азиатских территорий следующим изречением: «Международное право неприменимо к дикарям»[179].

Сравнивая шаги петербургского и лондонского Кабинетов по контролю над деятельностью «игроков» на местах с помощью административных и финансовых методов, не стоит упускать из виду систему перекрестной проверки информации, поступавшей из различных источников, созданную в обеих империях к концу XIX в., когда координирующими органами выступили Военно-Ученый Комитет Главного штаба в России и Комитет имперской обороны в Великобритании. Одновременно скрытая от посторонних глаз тайная разведывательная деятельность проходила за кулисами шумных пропагандистских кампаний в британской и российской прессе, направленных на формирование желательного для властных элит отношения общественности к тому или иному внешнеполитическому акту.

В заключении надо особо отметить, что, как уже неоднократно отмечалось, представители азиатских народов также принимали самое непосредственное участие в *Большой Игре*, выступая в роли топографов, разведчиков на местности и информаторов колониальных администраций. Они нанимались британскими и российскими властями, чтобы проводить главным образом первичное обследование местности, особенно в трудно доступных горных и пустынных районах, где само появление европейцев являлось небезопасным для их имущества и жизни. Сбор сведений об изменении ситуации внутри страны и интригах внешних сил также входил в круг их обязанностей[180]. Получая деньги из специальных фондов, большинство таких информаторов регулярно пересекали приграничные зоны под личиной тор-

говцев, паломников к святым местам или нищих дервишей. По словам индийского историка, главным критерием для рекрутирования колониальными властями жителей северо-западных районов Индостана для осуществления разведывательных операций выступали их грамотность, умение ориентироваться на местности, а также хорошее знание образа жизни непальцев, тибетцев и других народов, проживавших в высокогорных областях. Обучавшиеся в специальной школе, расположенной в местечке Дехра-Дан, будущие британские секретные агенты должны были хорошо разбираться в топографии и ландшафтоведении, уметь пользоваться элементарными приборами для ориентирования и натурной съемки местности: компасом, секстантом и т.д., а также владеть простейшей криптографией для занесения собранной информации в свои полевые записные книжки (речь о туземных агентах пойдет в следующих главах)[181]. В свою очередь русские власти организовали школы переводчиков сначала в Урге (1864 г.), а затем в Кульдже (1875 г.), которые продолжали функционировать вплоть до начала Первой мировой войны[182].

Кроме государственных чиновников, географов-путешественников, выполнявших параллельно разведывательные функции, и просто искателей приключений, стремившихся к славе и наживе, преимущественно косвенное, но иногда и самое прямое участие в *Большой Игре* принимали бизнесмены, такие, как барон Рейтер, талантливые и прекрасно осведомленные, хотя и не всегда корректные в своих описаниях, журналисты, как, к примеру, Чарльз Марвин или Валентин Чайрол; общественные деятели, как мадам Ольга Новикова, вошедшая в историю под несколько ироничным прозвищем «член Парламента от России» (the MP for Russia). Не будет преувеличением констатировать, что все они, хотя и в разной степени, оказали влияние на динамику русско-британских отношений викторианской и эдвардианской эпохи[183].

Азиатские страны накануне Большой Игры

Краткий обзор мотивов и участников *Игры* следует, безусловно, дополнить характеристикой ее основных регионов.

Прежде всего, обращает на себя внимание колоссальная протяженность территории, где разворачивалось соперничество двух империй между Каспийским морем и Тихим океаном. Этот фактор обусловил темпоральное несовпадение событий *Большой Игры* в отдельно взятых странах. Анализ ее генезиса и последующей эволюции подтверждает гипотезу автора о том, что территория Центральной Азии вообще, а Персии и Афганистана в частности, стали ее естественными стартовыми «площадками», выступая геостратегическим мостом между Европой, Восточной Азией и Индостаном. Как справедливо отмечал известный австрийский географ Фридрих фон Хеллвальд:

> «Как покоритель Туркестана, Россия сможет осуществить проникновение в Китай через Южную Монголию, непосредственно связав свои владения на Амуре с Центральной Азией. Это укрепило бы русское влияние, чего Британия очень сильно опасается в ходе борьбы за подчинения Китая и извлечения из его эксплуатации беспрецедентных прибылей, продолжая рассматривать сближения России с Востоком как явную аннексию новых территорий»[184].

Однако прежде чем активизировать политику на Среднем Востоке требовалось добиться полного «замирения» Кавказа. По мнению князя Барятинского, высказанному в 1857 г., «если Государь желает воспользоваться теперешними обстоятельствами (то есть восстанием в Индии, ослаблением Турции, дружественным расположением к нам Франции и Персии), то все-таки первым делом должно быть утверждение наше на Кавказе. Когда эта цель будет достигнута, тогда явится само собой и преобладание наше на Востоке. Добиваться же того, минуя Кавказ или перешагивая через него, также безрассудно и нелепо, как и естественно невозможно»[185].

Источники опровергают мнение некоторых зарубежных историков о том, что Крымская война 1853–1856 гг. не инициировала, а реанимировала *Большую Игру*[186]. Когда вооруженные действия на Кавказе были в полном разгаре, наблюдатели по обе стороны Атлантического океана советовали Уайтхоллу направить экспедиционный корпус численностью до 40–50 тыс. солдат и офицеров на помощь свободолюбивым северо-кавказским инсургентам, сражавшимся против царских «сатрапов». Один из британских военных журналистов озвучил аргументы в пользу этой достаточно рискованной операции:

> «После очищения Кавказского перешейка от вторгшихся туда московитов, в нашем распоряжении окажется большая масса прекрасной опытной кавалерии, чтобы сразу же нанести тяжелый удар по врагу. Россия открыта для нашей армии, и мы способны угрожать одновременно Москве, Севастополю, Одессе, а также тылу русской армии в устье Дуная»[187].

В этих условиях для Николая I и его министров было немыслимым ринуться в какую-либо военную авантюру в Центральной или Восточной Азии, за исключением осуществления коротких разведывательных экспедиций. Хотя представляется очевидным, что *Большая Игра* была не в последнюю очередь порождена результатами русско-турецкой и русско-персидской войн 1827–1828 и 1828–1829 гг., впрочем, как и англо-афганского конфликта 1839–1842 гг. Характерно, что Д. Уркварт, яростный обличитель «агрессивной политики царизма», высказался по поводу внутреннего положения Османской империи и Персии: «Небольшое население (Северного Кавказа. — *Е.С.*) без руководства со стороны западных наций и мудрых указаний

своих правительств все же оказало услугу Человечеству (своим длительным сопротивлением. — *Е.С.*). *Начинается реальная новая борьба именно с этого пункта* (курсив мой. — *Е.С.*)».[188]

Интервенция коалиции держав во время Крымской войны во многом предопределила заключительную фазу кампании на Кавказе. Хорошо известное происшествие со шхуной *Виксен* и другие попытки ряда британских и международных авантюристов доставить военные материалы лидерам мусульманского сопротивления вместе с их субсидированием на регулярной основе превращало завоевание Кавказа в необходимую предпосылку успешной азиатской политики России[189].

Серия преобразований, осуществленных наместником князем Барятинским и Милютиным как начальником штаба Кавказского корпуса, позволила русским одержать победу над инсургентами, ведомыми легендарным имамом Шамилем в 1859 г. К 1863–1864 гг. царские войска подавили последние очаги сопротивления на Северном Кавказе. Таким образом, многолетняя война на истощение завершилась, а победоносные полки численностью несколько десятков тысяч солдат и офицеров, получивших бесценный боевой опыт, были готовы для выполнения монаршей воли, будь то подавление очередного восстания в Польше, утверждение русского присутствия на Дальнем Востоке или продвижение к берегам Индийского океана.

Спешные приготовления к проникновению в Азию обусловили как для русских, так и британцев, используя современную терминологию, необходимость создания минимально необходимой логистической инфраструктуры на территории приграничных зон. Поэтому проводилось их топографическое изучение, строились грунтовые дороги, реконструировались военные посты и крепости, создавались склады амуниции, вооружения и боеприпасов, хотя большинство этих мер не носили системного характера.

В последнем случае именно Персия приобретала ключевое значение. Согласно статьям Гюлистанского и Туркманчайского договоров 1813 и 1829 гг. Россия получила привилегию учреждать свои консульства в провинциальных центрах шахского государства, тогда как Англии удалось заключить военный союз с Тегераном в 1814 г. с целью умерить пыл афганских правителей в попытках захватить северо-индийские княжества. Спустя два десятилетия на горизонте международных отношений в Азии возникла перспектива формирования анти-российской коалиции в составе Османской империи, Персии и Великобритании. Как считали в Петербурге, Лондон мог прибегнуть к этой комбинации, чтобы остановить русских на дальних подступах к странам Среднего Востока, используя волну русофобии, которая распространялась в британском обществе благодаря памфлетам полковника Джорджа де Лэси Эванса и других авторов, опасавшихся интриг царских агентов поблизости от Индии (подробнее об этом будет рассказано в следующей главе)[190].

К середине 1850-х гг. правительство Николая I фактически превратило большую часть Каспийского моря во внутреннее озеро империи. С началом

Крымской войны царские дипломаты упорно работали над тем, чтобы побудить Тегеран заключить договор о военной взаимопомощи между двумя государствами. Они подталкивали шаха к этому решению обещанием сохранения территориальной целостности его владений вместе с предоставлением ежегодной субсидии в 2 млн. туманов (около 6,6 млн. руб.), если Персия перейдет на сторону России в случае ее войны против Великобритании и Османской империи. Несмотря на то, что переговоры зашли в тупик, российским представителям удалось подписать с Тегераном конвенцию о нейтралитете 29 сентября 1854 г., что можно было расценить как новый успех официального Петербурга на Среднем Востоке[191].

По прошествии двух лет, в октябре 1856 г., атака войск персидского шаха Насир-у-Дина против Герата, ключевой крепости на севере Афганистана, получила одобрение и содействие России. Интересно, что непосредственно перед этой операцией шах даже обратился к президенту США за поддержкой в деле организации обороны Персидского залива от английского десанта, но Вашингтон ответил отказом на запрос Тегерана[192]. В свою очередь британское правительство, обеспокоенное амбициями Каджаров, нанесло по Персии ответный удар, когда экспедиционные силы, посланные из Индии, высадились на стратегически важных островах, расположенных в заливе. Короткая англо-персидская война пришла к логическому завершению после того, как британские войска оккупировали морской порт Бушир в самом конце того же 1856 года, а персидские не смогли взять Герат. Кроме того, обострение ситуации вокруг Китая накануне второй опиумной войны склонило Уайтхолл к мирному урегулированию. Как докладывал русский военный атташе в Лондоне полковник Н.П. Игнатьев 23 января 1857 г.:

> «Мнения относительно этой войны чрезвычайно различны в Англии. Многие против оной из опасения, что она вовлечет в новую борьбу с Россией… Англия чувствует, что минувшая война (Крымская. — *Е.С.*) не утвердила, а напротив того ослабила английское влияние в Азии и, видя необходимость восстановить оное, надеется, что наступило самое благоприятное для нее время при умалении России после минувшей войны… Последние события и полученные сведения с Амура, Сырдарьи и Каспийского моря встревожили Ост-Индскую компанию и вообще английское торговое сословие. Все опасаются, что Россия, удаляясь ныне от стран Запада, обратит свое внимание на Азию, где представляется обширное поле для политической, нравственной и торговой ее деятельности»[193].

Мирное соглашение между Англией и Персией, подписанное в Париже 4 марта 1857 г., превратило Лондон в фактического арбитра афгано-персидских отношений[194]. Однако Ост-Индская компания, со своей стороны, стремилась к сохранению положения, существовавшего до этого вооруженного конфликта. А это означало автономию Гератского эмирата от Ка-

була, откуда эмир Дост Мохамед проводил политику объединения всех афганских земель под своей десницей[195]. Таким образом, ситуация, складывавшаяся вокруг Персии и афганских земель, была далека от стабильности. Проведение выверенного политического курса в Центральной и Восточной Азии также осложнялось серией опасных конфликтов, самыми значимыми из которых явились восстание сипаев в Индии и вторая опиумная война в Китае, потребовавших от Уайтхолла дополнительных бюджетных ассигнований.

Тем временем русское экономическое влияние на Персию возрастало с каждым годом. Кроме того, шах, униженный провалом своей гератской авантюры и статьями мирного договора с англичанами, предпринимал дипломатические зондажи в отношении намерений нового императора Александра II. По справедливому суждению британского историка,

> «Его (шаха. — *Е.С.*) политические устремления, которые принимали форму военных захватов и территориального расширения, получили большее понимание у русских, которые хотели одновременно контролировать слабую Персию и отвратить шаха от мыслей о возвращении потерянных кавказских ханств, чем у англичан, которые желали, чтобы он сконцентрировался на внутренних преобразованиях»[196].

Многие аналитики в Британии с тревогой указывали на возможные негативные последствия русско-персидского сближения на подступах к Индостану. Еще в 1836 г. один из них, Джон Макнейлл, предупреждал правительство о недооценке военного потенциала Персии, которая могла представлять серьезную силу в союзе с Россией:

> «50-ти тыс. персидская пехота, составленная из, вероятно, наилучшего в мире человеческого материала, пригодного для службы в тех странах и обученного русскими офицерами, вооруженная примерно 50 орудиями с приданным ей неограниченным количеством иррегулярных сил, может быть послана Россией в любом направлении в течение тех 12 месяцев, когда ресурсы королевства (Персии. — *Е.С.*) будут находиться в ее (России. — *Е.С.*) распоряжении. Приобретение Россией решающего влияния на Персию позволит первой в случае войны с Англией побудить вторую принять в ней участие против нас (англичан. — *Е.С.*), что сразу же обеспечит ей полный контроль над военным потенциалом этой страны»[197].

Все приведенные выше факты свидетельствуют о том, что к середине XIX в. Россия заменила Францию в роли главного соперника Великобритании на Востоке. Именно тогда викторианское общество стало рассматривать Российское государство как самое серьезное препятствие для расширения и процветания «второй» Британской империи, хотя некоторые наблюда-

тели на берегах Темзы еще в 1800 г. пророчески писали о том, что если Россия не будет остановлена в своей территориальной экспансии, то «Персия, Турция и Индия станут добычей ее ненасытного аппетита»[198].

Серьезными катализаторами британских страхов выступали постоянные внутренние распри местных правителей Афганистана, представлявшего собой, по образному выражению исследователя Центральной Азии Ричмонда Шекспира, «стену индийского сада» («a wall of the Indian garden»)[199], а также упадок тюркских ханств — Бухары, Хивы и Коканда. В отношении первой угрозы для Великобритании было крайне важным держать под контролем районы, непосредственно примыкавшие к северо-западной границе Индии, потому что любая европейская держава, скорее всего Россия, могла воспользоваться хаосом и вакуумом власти, чтобы распространить свое влияние на *Радж*. Что же касалось второй опасности, то для политических аналитиков было неясно, какое влияние окажет упразднение ханств на позиции Британии в этом регионе. Поэтому, рассматривая Афганистан как более значимый фактор, правящие круги Соединенного Королевства сконцентрировали внимание на этой стране с середины 1830-х гг. Фактически там Лондон и Калькутта столкнулись с трудной дилеммой: либо поддерживать рыхлое объединение полуавтономных эмиратов под номинальным сюзеренитетом Кабула, либо сделать ставку на самого влиятельного среди афганских правителей, который «железной рукой» сможет объединить под своей властью различные этнополитические и конфессиональные группы в одном государственном образовании, зависимом от англичан. Однако такое развитие событий угрожало превращением Афганистана в лидера сопротивления экспансии европейцев на Среднем Востоке.

Будучи человеком незаурядного ума и сильной воли, Дост Мохамед происходил из пуштунского племени баракзаев. В 1826 г. он провозгласил себя владыкой единого Афганистана и приступил к последовательному подчинению разрозненных ханств и эмиратов вокруг Кабула — своего наследственного владения. Однако его объединительная политика сталкивалась с ожесточенным сопротивлением других феодальных властителей, поскольку Кандагар контролировался братьями кабульского правителя, Гератом управлял Камран-мирза из племени садорзаев, которое конкурировало с баракзаями, а Пешавар был оккупирован армией Ранжит Сингха, владыки Пенджаба и Кашмира[200]. Таким образом, британцы вынуждены были решать проблему определения наиболее удобного для них кандидата на кабульский престол: более сговорчивый, но слабый Шах Шуджа, или менее подконтрольный, но авторитетный Дост Мохамед. Несмотря на различия в оценках, в 1830-х гг. Уайтхолл все же больше склонялся к поддержке первого из них. Как справедливо отмечал английский историк Малькольм Япп, опубликовавший фундаментальный труд о стратегии Великобритании в Иране и Афганистане накануне *Большой Игры*, «Афганистан не должен был стать ни новым Ираном, получавшим субсидии, но неподконтрольным, ни Ассамом, занятым гарнизоном и полностью контролируемым; он был призван

оформиться в государство нового, *буферного* (курсив мой. — *Е.С.*) типа. Шах Шуджа получал полную независимость во внутренних вопросах, хотя его необходимо было постоянно побуждать к осуществлению реформ, которые бы снискали ему популярность в народных массах, сделали бы его армию эффективной, доходы продуктивными, а торговлю свободной и процветающей»[201].

Расчеты царского правительства на укрепление позиций России в Афганистане за счет договоренности с Достом Мохамедом обусловили направление к его двору в декабре 1837 г. поручика Яна Виткевича, талантливого молодого офицера польского происхождения, адъютанта генерал-губернатора Оренбурга. Однако миссия Виткевича провалилась, поскольку англичане примерно в то же время послали в Кабул своего представителя Александра Бернса, опытного офицера 3-го Пехотного бомбейского полка[202]. Последовавшая вскоре первая англо-афганской война 1839–1842 гг., которая стоила Великобритании значительных людских жертв и материальных потерь, продемонстрировала неспособность Ост-Индской компании контролировать ситуацию на подступах к *Раджу* методами прямого вооруженного вмешательства в борьбу за власть между несколькими влиятельными претендентами на роль объединителей Афганистана[203].

С другой стороны, как уже отмечалось выше, оба правительства были серьезно обеспокоены положением дел в государствах — осколках бывшей державы Тимура — Хивинском и Кокандском ханствах, а также Бухарском эмирате — последних независимых владениях в Центральной Азии. Согласно приблизительным подсчетам современников, к середине 1850-х гг. общая численность жителей этого региона составляла около 8 млн. чел., среди которых господствующее положение занимали узбеки. Помимо них население включало тюркский, иранский, еврейский и другие этносы. По данным российской статистики, тюркский элемент составлял 85–90% местных резидентов, хотя многие из них, как, например, жители Бухары, владели двумя и более языками при том, что официальная документация традиционно велась на фарси[204]. Часть населения была связана с кочевым скотоводством, перемещаясь вместе со стадами овец или верблюдов по горным пастбищам, в то время как обитатели деревень — *кишлаков* — занимались земледелием и садоводством, а горожане в *шахристанах (шахерах)* — ремеслом и торговлей. Крупными хозяйственными центрами выступали такие хорошо укрепленные города как Бухара, Самарканд, Хива и Ташкент. На их территории размещались также мусульманские святыни, образовательные учреждения и резиденции правителей.

Любопытно, что еще в 1700 г. посланники хивинского хана посетили Москву, представив на рассмотрение Петра Великого прошение о приеме Хорезмского государства под эгиду России, но война против Швеции не позволила первому русскому императору уделить больше внимания положению дел в Центральной Азии[205]. Тем не менее, с 1716 г. русские при-

ступили к сооружению так называемой Оренбургско-Сибирской оборонительной линии — цепочки укрепленных аванпостов казачьих войск, которая протянулась на расстояние 3 тыс. 500 км от Гурьева в устье реки Урал через Оренбург и Орск до Семипалатинска и границы с Китаем, защищая юго-восточный фронтир Российской империи. Однако даже завершение ее строительства в середине XVIII в. не избавило полностью российские земли от набегов кочевых народов, которые препятствовали земледельческой колонизации обширной степной полосы от Волги до Иртыша. Отряды вооруженных всадников нередко прорывались с боем или тайно проникали через эту линию, чтобы убивать, грабить и продавать в рабство на рынках Хивы и Бухары десятки русских поселенцев, включая пленных казаков. Другой проблемой продолжала оставаться безопасность торговых путей из России в Азию, поскольку любой караван, нагруженный товарами, мог подвергнуться атаке степняков. В то же время небольшие пограничные гарнизоны в укрепленных пунктах Оренбургско-Сибирской линии уступали в маневренности налетчикам, осмеливаясь преследовать их вглубь степей лишь в редких случаях. Кроме того, казачьим офицерам не всегда хватало опыта и знания жизни кочевников, да и финансирование, а также вооружение пограничных гарнизонов оставляли желать лучшего[206].

Стоит также отметить, что отношения между Бухарой, Хивой и Кокандом были далеки от дружественных. Их властители постоянно вмешивались в дела друг друга, поддерживая клики при дворах в расчете поживиться кусками территории чужого государства при малейшем ослаблении власти хана или эмира. Так, в 1810 г. хан Коканда разорил Ташкентское ханство, присоединив эти земли к своим владениям. Вскоре после этого он подчинил киргизские племена, кочевавшие к северу от Сырдарьи. В свою очередь эмир Бухары совершал регулярные вторжения на территорию Коканда, а хивинский хан вел бесконечные войны с туркменскими племенами к югу от Амударьи[207].

Чтобы обезопасить центральноазиатские границы, Николай I принял решение построить новую укрепленную линию теперь уже вдоль Сырдарьи. Другим шагом царя в 1839 г. стала организация военной экспедиции в Хиву под командованием близкого друга императора генерал-губернатора Оренбурга В.А. Перовского. Целью похода была попытка заставить местного хана прекратить набеги на российские владения и искоренить работорговлю, а главное, — он рассматривался в Петербурге как своеобразный ответ России на вмешательство англичан в дела Афганистана[208]. Однако войска Перовского вынуждены были повернуть назад на середине пути в связи с тяжелыми погодными условиями, бездорожьем и плохим знанием местности, хотя известие об экспедиции заставило хивинского хана обратиться за помощью чуть ли не к турецкому султану. Тем временем разворачивалась реконструкция старых фортификаций и строительство новых укрепленных постов вдоль рек Иргиз и Тургай. Вскоре русские создали морскую базу на Аральском море и открыли регулярную навигацию по Сырдарье в 1847–1850 гг.[209]

Предпринимались и дипломатические усилия, в частности, с 1836 по 1843 г. было направлено несколько русских миссий в Бухару, для урегулирования вопросов торговли, пошлин, освобождения рабов и установления регулярных дружественных отношений с эмиром Насруллой. Именно в 1842 г. Николай обратился к нему с просьбой, хотя и тщетной, освободить британских офицеров — полковника Стоддарта и упоминавшегося ранее капитана Конолли, заключенных в тюрьму по обвинению в шпионаже и казненных в июне того же года[210]. Обращение российского императора было передано Насрулле через полковника Бутенева, специального посланника царя, делегацию которого ко двору эмира сопровождал известный знаток мусульманского Востока Н.В. Ханыков, речь о котором пойдет в следующей главе[211].

Примечательно, что уже в 1844 г., министр иностранных дел К.В. Нессельроде предложил главе Форин офис лорду Абердину «оставить ханства Центральной Азии в качестве нейтральной зоны между двумя империями так, чтобы не допустить опасных контактов»[212]. Так была впервые сформулирована концепция *буферных* государств для Азии, целью реализации которой могло стать заполнение вакуума силы и влияния в проблемном геостратегическом пространстве между Российской и Британской империями. Согласно этой концепции азиатское государство-буфер рассматривалось в качестве промежуточной зоны, разделяющей соперничающие европейские державы, каждая из которых принимала на себя обязательство не посягать на его особый статус, близкий к нейтральному. Хотя это понятие вошло в европейскую дипломатическую практику еще в XVIII в. как один из элементов общей теории *баланса сил*, именно в ходе *Большой Игры* Великобритания и Россия попытались использовать его на практике, как будет показано ниже[213].

Рассматривая ситуацию, сложившуюся к середине XIX в. в так называемой Транскаспийской, или Закаспийской, области, населенной преимущественно туркменскими племенами, укажем, что только часть из них признавала сюзеренитет иранского шаха или хивинского хана, в то время как остальные фактически сохраняли свое общественное устройство в форме военной демократии с выборными главами кочевых кланов (или в редких случаях земледельческих общин) и советами старейшин. При этом следует помнить, что еще в 1677 г. некоторые из племен хотя бы номинально признали свою вассальную зависимость от Московского царства; другие последовали их примеру в 1745, 1802 и 1811 гг. Так, в частности, туркмены-йомуды добровольно присоединились к России в войне против Персии 1826–1828 гг. Более того, к 1850 г. около 115 тыс. туркменов по собственной воле стали подданными Российской империи, хотя значительная часть племен, например, текинцы и мервцы, продолжали воспринимать расширение русского влияния в Центральной Азии довольно враждебно[214].

Накануне Крымской войны генерал Перовский добился нового успеха, когда пехотные батальоны под его командой захватили в 1853 г. Ак-Мечеть,

ключевой опорный пункт Кокандского ханства, расположенный как раз в центре новой оборонительной линии, проектируемой Главным штабом. После ряда неудачных попыток хивинского хана, в то время номинального вассала персидского шаха, отвоевать эту крепость у русских[215], последние возвели еще два укрепления на границе между Ак-Мечетью и Аральском морем как продолжение оборонительной линии на берегах Сырдарьи. В результате они взяли под контроль пространства киргизских степей, угрожая владениям кокандского хана Мохамеда Худояра, которого в 1858 г. собственные подданные свергли с престола и вынудили покинуть страну на семь следующих лет. Тем временем русские готовились ликвидировать последний разрыв в защитной цепочке укреплений, остававшийся между берегом Аральского моря и Южной Сибирью. Как сообщала *Таймс* в номере от 29 декабря 1854 г.:

> «Вполне очевидно, что Россия постепенно прокладывает себе путь на юг к нашей границе, никогда не производя спонтанных шагов, но постоянно двигая вперед свои «пешки». Ее цель — обеспечить преобладающее влияние на различные народы Центральной Азии, внушить им благоговейный страх перед ее могуществом и убедить их, что русские гораздо сильнее, чем англичане, хотя последние и завоевали Индостан»[216].

Однако было бы некорректным обвинять только царское правительство и военные власти на местах в вынашивании зловещих замыслов против тюркских ханств, поскольку английские стратеги разрабатывали аналогичные проекты экспансии в Азии, хотя в отличие от русских эти планы были связаны не только с военно-политическим фактором, но и с намерением Великобритании получить свободный доступ к азиатским рынкам[217]. Если российские купцы занимались преимущественно бартером, обменивая свои товары на минеральное сырье, продукты животноводства или земледелия из стран Азии, то британские, точнее сказать, англо-индийские, коммерсанты продавали изделия в обмен на драгоценные металлы. С другой стороны, слухи о неизбежном продвижении англичан к Бухаре через Афганистан постоянно циркулировали на базарах крупнейших центров Среднего Востока, особенно после завершения первой англо-афганской войны и жестокой казни Стоддарта и Конолли по приказу бухарского эмира[218].

Однако и здесь викторианский прагматизм одержал верх. В 1856 г. британская дипломатическая миссия посетила Насруллу для обсуждения перспективы заключения оборонительного союза. Как свидетельствуют документы, оказавшиеся в распоряжении «летописца» покорения Центральной Азии подполковника А.Г. Серебренникова, «чтобы добиться преобладания на рынках Бухары и установить коммерческие отношения с ханством, члены миссии заявили о готовности Британии продавать товары по ценам ниже, чем это делали русские торговцы. Они (члены миссии. — *Е.С.*) также обратились к эмиру за разрешением открыть торговую навигацию по Аму-

дарье. Наконец, эмиссары предложили ему организовать прибытие британских военных инструкторов для обучения армии эмира и обеспечить ее вооружением, амуницией и артиллерией»[219].

К сожалению, автор не обладает сведениями о реакции Насруллы на эти инициативы, но обращение другого правителя, хана Худояра, к Ост-Индской компании с просьбой о военной и экономической помощи после падения Ак-Мечети имело следствием отправку трех пенджабских офицеров в Коканд в 1854 г.[220] Интересно, что хан называл якобы дружеское расположение жителей Коканда к англичанам в качестве главной причины русской оккупации этой крепости[221].

Серия подготовительных дипломатических и политических шагов, предпринятых британцами и русскими в Персии, Афганистане и ханствах Центральной Азии могут рассматриваться как прелюдия *Большой Игры*. С другой стороны, Лондон и Петербург преследовали еще одну цель — подготовиться к разделу «наследства» Цинской империи, переживавшей в середине XIX в. глубокий социально-политический кризис. Большинство европейских наблюдателей упоминали два региона потенциального соперничества Лондона и Петербурга в государстве Цин: Восточный Туркестан и Маньчжурию. В отношении первого из них употреблялись и другие наименования — Восточный Туркестан, Китайская Тартария, Внутренняя Тартария и даже Внутренняя Азия. Позже цинские власти называли эту территорию Синьцзян, или «Новая граница»[222].

Помимо своей роли в качестве транспортного коридора между Европой и Дальним Востоком, известного с древности как Великий Шелковый путь, этот регион чрезвычайно богат минеральными ресурсами, что подтверждали геологические изыскания, проведенные многочисленными экспедициями из России и стран Западной Европы[223]. Более важно, однако, подчеркнуть, что русские появились на западной границе Цинской империи только во второй четверти XIX в., когда они приступили к покорению кочевых племен. В то же время местные торговцы начали привозить британские товары на рынки Чугучака и Кульджи с востока транзитом через китайскую территорию. Сведения о коммерческой экспансии Великобритании во Внутренней Азии, полученные военными администраторами Сибирской и Сырдарьинской оборонительных линий от секретных информаторов, заставили царское правительство вступить в переговоры с Пекином о новом торговом соглашении, которое и было подписано в Кульдже в июне 1851 г. В соответствие с ним, размер импортных пошлин для товаров из России снижался, а многие ограничения для российских купцов отменялись, хотя и после вступления в силу этого договора ведение коммерческих операций в приграничной зоне было сопряжено с высоким риском из-за нападений разбойничьих шаек и коррупции пограничных чиновников[224].

В то время как Уайтхолл стремился организовать коллективное военно-дипломатическое давление великих держав на Цинское правительство, что-

бы гарантировать свободное поступление европейских (читай — британских!) товаров через открытые морские порты после завершения первой опиумной войны 1840–1842 гг.[225], царское правительство посылало одну миссию за другой с целью разведки намерений держав, главным образом, Англии, и получения объективной информации о приамурских территориях. Данные, поступавшие в Петербург, вызывали тревогу императора и его министров. К примеру, по сообщению одного исследователя, наблюдавшего ситуацию в середине 1840-х гг.:

> «Англичанин по имени Остин (Austen), якобы геолог, собирал секретную информацию различного рода в Сибири. Он узнал о гиляках в дельте Амура и о том, что они не считают себя данниками китайцам. В качестве независимого народа они могли бы быть полезны британцам, поскольку способны уступить полосу своей территории в устье Амура для создания на ней торговой фактории»[226].

Вот почему капитан 1-го ранга Г.И. Невельской, впоследствии получивший звание адмирала, приложил значительные усилия для исследований дельты Амура и острова Сахалин в конце 1840-х – начале 1850-х гг. Именно он основал Порт Николаевск — первый российский укрепленный пункт в устье великой дальневосточной реки.

Следует отметить, что кроме учреждения торговых факторий, некоторые британские стратеги требовали от правительства объявить устье Амура под протекторатом Англии, чтобы впоследствии открыть регулярное пароходное сообщение по реке. Однако после трезвого размышления и длительных дебатов Форин офис отверг эти претензии, поскольку коммерческие интересы лоббистов из так называемой Китайской ассоциации («the old China hands») — группы дельцов, представлявших торговые дома, банки и страховые компании, занятые освоением рынков Восточной Азии с начала XIX в., были сосредоточены не на северо-восточных территориях Поднебесной, а на бассейне Янцзы — крупнейшей речной артерии Центрального Китая[227].

Общее представление Сент-Джеймского Кабинета о Дальнем Востоке и восприятие им российского продвижения к Тихому океану перед началом Крымской войны отражено в работе Р. Квестед, опубликованной в университете Куала-Лумпура. «С начала и до конца отношение Британии к успехам по освоению Россией новых территорий было однозначно благожелательным, хотя и без всякого умысла, — отмечает исследовательница. — Признавалась какая-то фатальность в том, что правительство Ее Величества, обладая незначительной информацией и слабо заинтересованное в бассейнах Амура и Уссури, соответственно делало все в нужный момент, чтобы облегчить занятие этих районов русскими и договорное закрепление их за Россией»[228]. Однако изложенную точку зрения трудно признать бесспорной в силу открытой агрессии англичан против русских владений на Тихом океане в ходе Крымской войны.

Крупный вооруженный конфликт между англо-французскими экспедиционными силами и цинскими войсками в 1856–1860 гг. на фоне критического положения, в котором оказалась Цинская империя из-за продолжительного тайпинского восстания, создали, по мнению генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского, благоприятную ситуацию для давления на пекинское правительство, подкрепленного угрозой присоединения России к коалиции западных держав. Как публично заявил этот государственный деятель на церемонии открытия навигации вдоль главной водной артерии Дальнего Востока в мае 1854 г.: «Амур должен принадлежать русским; по этой реке впоследствии будет путь пароходный, который необходим как в торговом, так и военном отношении не только в сношениях с Китаем, но и в сношениях с Европой и Америкой»[229].

Благодаря кипучей энергии и дипломатическому таланту Муравьева, Россия смогла обозначить свое присутствие в бассейне Амура, и что было не менее стратегически необходимым, на острове Сахалин, который служил естественным барьером на пути любого вторжения в устье великой реки. Проникнутый англофобией и будучи серьезно обеспокоен не только разведывательной деятельностью англичан, но и попытками отдельных подданных Ее Величества прибрать к рукам дельту Амура, Муравьев считал несправедливым, что «этот небольшой остров (Британия. — *Е.С.*) мог диктовать свои законы во всех частях света, кроме Америки». Более того, он рекомендовал царю «вступить в тесный союз с США», который, по его убеждению, нанесет смертельный удар по английской торговле и престижу как мировой державы. Муравьев утверждал, что главная цель Великобритании в северной части Тихого океана — либо захват Камчатки, либо тотальное уничтожение морских портов на полуострове, чтобы отрезать Россию от Дальнего Востока». В случае реализации описанного сценария британцы, по мнению генерал-губернатора, смогли бы взять под контроль побережья Китая и Японии, чтобы организовать коммерческую перевозку товаров вплоть до Читы, превратив Сахалин и амурскую дельту в очередную колонию Англии»[230].

К началу 1850-х гг. расстояние между русскими и британскими пограничными постами на Среднем Востоке сократилось до 1 тыс. км, что было в пять раз меньше, чем в начале XVIII в.[231] Подготовка обеих сторон к *Большой Игре* завершалась. Последовавший вскоре кровопролитный военный конфликт между Российской империей и Соединенным Королевством означал наступление новой эпохи, когда правящие элиты двух держав, проникнутые стремлением расширить колониальные владения на пространствах Евразии, приступили к насильственному вовлечению восточных деспотий в глобальную систему политических, экономических и социо-культурных отношений.

Глава 2.

Российский вызов и британский ответ, 1856–1864

Россия не сердится.
Россия просто сосредотачивается.

А. Горчаков

Англия, Англия, Англия,
Окруженная океаном и небесами,
И сила мира,
И душа человечества,
И надежда, которая никогда не умирает.

У. Кэмпбелл

Русская угроза Индии — спусковой механизм *Большой Игры*

На протяжении почти всего XVIII в. англичане вносили существенный вклад в становление и развитие молодого российского военно-морского флота, оказывая содействие экспедициям, следовавшим из Балтийского моря в Средиземное. Неслучайно поэтому многие русские моряки, начиная с известных флотоводцев и заканчивая рядовыми матросами, относились к своим британским коллегам по профессии с уважением и даже восхищением, памятуя о победах адмирала Нельсона в сражениях против французов[232].

Однако восприятие российской властной элитой Великобритании как первой морской державы мира не препятствовало царским стратегам лелеять мысль о марше на Индию, которая, по мнению большинства военных и дипломатических экспертов, представляла собой «наиболее уязвимый пункт, чувствительный нерв, одно прикосновение к которому, возмож-

но, легко заставит правительство Ее Величества изменить свою враждебную политику по отношению России и продемонстрировать желаемое согласие по всем тем вопросам, где наши интересы могут сталкиваться»[233].

Экономическое, а чаще всего геостратегическое значение Индии являлось любимым предметом обсуждения как специалистов, так и публицистов в столицах Европы. Начиная с периода Семилетней войны 1756–1763 гг., когда был заложен фундамент будущего британского господства в Южной Азии, Ост-Индская компания постепенно трансформировалась из преимущественно торгового предприятия в политического и административного агента короны. Войны против племен на северо-западе Индостана в 1839–1849 гг., которые формально вела Компания, а фактически сам лондонский Кабинет, привели к окончательному подчинению полуострова англичанам.

Документы свидетельствуют, что управление *Раджем* рассматривалось подданными королевы Виктории как естественное право, дарованное им Провидением. Индия представлялась британцам необходимой составной частью их империи по нескольким причинам: прежде всего, в качестве стратегической базы для дальнейшего продвижения вглубь Азии; далее, как неограниченный рынок для британских товаров, особенно текстиля; наконец, в виде источника финансовых поступлений, необходимых для индустриализации метрополии и повышения благосостояния подданных британской короны. Кроме того, контроль над разнообразными природными ресурсами обширного полуострова, который даже называли субконтинентом, символизировал престиж Британии в качестве глобальной державы, тогда как туземная армия под командой англичан служила надежным стражем ее внешних границ. «По общему признанию, оборона Индии была сама по себе тяжелой стратегической ношей на плечах Британской империи, — отмечали кембриджские историки Р. Робинсон и Дж. Галлахер, — но для викторианских государственных деятелей она казалась особым дополнением к военно-морской силе королевства»[234].

Неудивительно, поэтому, что любая угроза Индии со стороны других держав, будь то Франция, Россия или Япония, гипотетически и в реальности, неизбежно становилась кошмаром для британского истеблишмента, а защита Индостана от потенциального агрессора приобрела характер навязчивой идеи в сознании имперской властной элиты. Вот почему всякие события в непосредственной близости от Индии воспринимались Лондоном и Калькуттой через призму безопасности индийских владений. Победа России в Кавказской войне, активизация в северо-западных провинциях Персии, начало продвижения на юг и юго-восток от Аральского моря и давление на ханства Центральной Азии вызывали тревогу как в метрополии, так и в «жемчужине» ее колониальных владений — Индии, ведь Британия выступала в регионах Среднего Востока одна, не имея возможности руководствоваться в своей политике концепцией баланса сил, что ей удавалось делать в Европе и на Ближнем Востоке[235]. Именно эта неопределенность, по

нашему мнению, и вызвала к жизни *Большую Игру*, так как для обеих держав казалось необходимым установить пределы своего продвижения в Евразии, обеспечив народы, признавшие лидерство Англии или России, своеобразной «дорожной картой» их интеграции в сообщество цивилизованных стран.

Парадоксально, но первый документально установленный проект похода на Индию был представлен на рассмотрение Екатерины II не каким-либо российским военным стратегом, а принцем Нассауским в 1791 г. Некий французский штабной офицер, автор этой схемы, предложил атаковать британские владения через Бухару и Кашмир. Однако князь Потемкин, к мнению которого прислушалась императрица, назвал план бессмысленной авантюрой[236]. Тем не менее, русский двор вернулся к рассмотрению этой идеи десять лет спустя, когда 24 января 1801 г. Павел I приказал атаману Войска Донского генералу Орлову, начать приготовления к маршу. Император мотивировал свое решение следующим образом:

> «Англичане имеют у них [индийских князей] свои заведения торговые, приобретенные или деньгами или оружием, то и цель всё сие разорить и угнетенных владельцев освободить, и лаской привести России в ту же зависимость, в какой они у англичан, и торг обратить к нам...»[237]

Хорошо известно, что убийство Павла в ходе дворцового переворота стало причиной отзыва экспедиции уже через два месяца после ее начала. Однако этот эпизод впоследствии неоднократно использовался европейскими публицистами для изображения России в качестве потенциального агрессора на Востоке, остановить которого была способна только «владычица морей». Особенно интенсивно жупел «русской угрозы» эксплуатировался политиками и журналистами в те периоды, когда сторонники наступательного курса в Англии брали верх над приверженцами политики искусного сдерживания. Именно о «форвардистах» говорил в середине 1880-х гг. Александр III в беседе с близким ко двору князем В.П. Мещерским. По воспоминаниям последнего, на его вопрос об английских чувствах к России, император ответил:

> «Англичане как отдельные личности очень симпатичны, но как нация — они инстинктивно нас не любят, и не любят потому, что боятся нас из-за Индии. Это у них *idée fixe*, которую вы ничем из головы не выбьете. А забил англичанам в голову эту *idée fixe* Павел Петрович. С минуты, когда Павел I выронил слова «поход на Индию», слова эти засели в англичанах навсегда. И отсюда неприязнь к России»[238].

В личном плане Александр I, занявший престол после смерти своего отца, относился скептически к возможной кампании против Индии, хотя он внимательно выслушал заманчивые предложения, сделанные ему Наполе-

оном во время исторического тильзитского рандеву 1807 года. Спустя два десятилетия нарастание международной напряженности вокруг черноморских проливов и Ближнего Востока повлияло на решение упоминавшегося полковника Дж. де Лэси Эванса опубликовать свои русофобские памфлеты, речь о которых шла в предыдущей главе. Их автор был твердо убежден, что русские постоянно заняты подготовкой захвата Константинополя и наступления на Индию. По мнению Эванса, такие естественные препятствия между Уральскими горами и Каспийским морем, как засушливые степи и бескрайние пустыни, отнюдь не являются непреодолимыми барьерами для казаков на пути к цветущим оазисам Бухары, Самарканда или Герата. Чтобы остановить возможный прорыв, британский полковник рекомендовал своему правительству блокировать важнейшие российские порты и высадить десант на побережье Черного моря, действуя в коалиции с Персией[239].

Другие авторы стремились выступить с близкими к изложенным разоблачениями агрессивных устремлений России. В качестве иллюстрации позволим себе вновь процитировать мнение посланника в Тегеране Дж. Макнейла, на брошюру которого о позициях России в странах Востока мы ссылались ранее. Рассматривая Персию как ключ к обороне Индостана, он писал в 1836 г., что абсолютное распоряжение ее ресурсами со стороны русских способно нарушить систему управления Индией. Согласно прогнозам Макнейлла, продвижение России на Восток изменит всю геополитическую конфигурацию, сделав затраты непосильными для бюджета Великобритании:

> «С момента, когда она (Россия. — *Е.С.*) займет это положение, настанет необходимость так усилить нашу армию в Индии, особенно ее европейскую составляющую, чтобы быть подготовленными к неожиданностям, обусловленным указанной близостью. Это приведет к увеличению расходов, которые станут постоянными, потому что, если бы Россия оказалась в Герате, мы бы не смогли посылать свои войска морем также быстро, как она делала бы это на суше»[240].

Примерно тогда же упоминавшийся Д. Уркварт, один из глашатаев «форвардизма», будучи издателем и главным редактором журнала *Портфолио,* регулярно публиковал статьи, доказывающие агрессивность русских замыслов относительно Индии. Он резко критиковал Кабинет за пренебрежительное отношение к планами обороны полуострова, называя самого лорда Пальмерстона «русским агентом»[241].

В 1838 г. было опубликовано еще одно эссе по интересующей нас тематике, на этот раз анонимного публициста, под названием «*Индия, Великобритания и Россия*». Автор старался убедить читателя в «беспрецедентной русской агрессивности по всем азимутам», заявляя при этом, что правящие круги Романовской империи охвачены идеей завоевания Индостана и просто выжидают удобный момент для претворения ее в жизнь. Он далее

утверждал, что Россия угрожает Индии на границах Персии и Афганистана, и призывал правительство не сидеть, сложа руки, «пока враг появится у ворот крепости (Индии. — *Е.С.*), а поскорее лишить его этого шанса»[242].

Однако, как показывают документы, царские стратеги, занятые планированием военных операций на Кавказе, практически игнорировали индийское направление вплоть до Крымской войны, а критические замечания в адрес Британии в кругах российской дворянской элиты ограничивались возмущением относительно поддержки Лондоном турецкого султана и интриг в Тегеране в ущерб интересам России[243].

Начало кампании 1853–1856 гг. серьезно изменило положение дел. По признанию, сделанному министром иностранных дел Н.К. Гирсом в беседе с послом в Лондоне А.П. Моренгеймом уже в начале 1880-х гг., «Крымская война отметила решительный поворот в наших отношениях с Англией», заставив Россию искать внешнеполитическое оружие против Лондона. Причем оно должно было стать еще и эффективным средством в случае заключения Великобританией союза с каким-либо третьим государством. «Такова была цель нашего движения вперед в Средней Азии», — сделал вывод Гирс постфактум[244]. Именно в ходе Крымской войны появились первые объективные оценки потенциала англо-индийской армии, насчитывавшей в то время около 300 тыс. солдат и офицеров, сделанные офицерами Главного штаба. Как указывал профессор статистики Московского университета И.В. Вернадский в своем труде «*Политическое равновесие и Англия*», если не осуществить превентивный удар по Индостану, то «великобританская власть одолеет и Китай, как она поработила Индию». В 1855 г., когда этот труд увидел свет, британские колониальные владения превышали территорию России в 27 раз, а империю Наполеона III — в 34 раза![245]

Бывший посланник в Тегеране, а затем Омский генерал-губернатор А.И. Дюгамель, а также географ и путешественник П.А. Чихачев были первыми русскими офицерами, которые независимо друг от друга попытались обосновать планы атаки на Индию в 1854 г., сопроводив свои рапорты Николаю I топографическими картами и схемами маршрутов выдвижения войск. Оба составителя считали как Персию, так и Афганистан важнейшими плацдармами для проведения указанной военной кампании. Однако в то время как Дюгамель полагал возможным ее осуществление в течение трех–четырех месяцев при условии благожелательного отношения афганцев, Чихачев намечал две последовательные стадии операции: захват Герата отрядом в 15 тыс. штыков и сабель с последующим продвижением войск, усиленных еще 15 тыс. пехоты и кавалерии, через Кандагар в направлении Лахора[246].

Но это было только начало того потока рапортов, записок и предложений, который «затопил» Главный штаб на протяжении Крымской войны. В 1856 г. еще четыре генерала, занимавших ответственные должности, представили свои соображения в военное министерство и МИД. Так, герой обороны Севастополя генерал-лейтенант С.А. Хрулев, состоявший в распоряжении командующего Кавказским корпусом, подготовил один из самых де-

тальных проектов. Он также сфокусировал внимание на проблеме прохождения армии вторжения через Афганистан. Ниже проект Хрулева будет подвергнут более глубокому анализу в связи с общей стратегией России на индийском направлении[247].

Другим примером указанных инициатив стала записка известного военного геодезиста генерал-лейтенанта И.Ф. Бларамберга, который был причастен к разработке плана захвата персидской армией Герата в ходе афгано-персидско-британской войны 1856–1857 гг. Бларамберг утверждал, что Россия имеет-де некое моральное обязательство перед Европой способствовать прогрессивному развитию Азии. «Покорение Индии — химера, не заслуживающая рассмотрения, — писал генерал, — но Россия обладает всеми средствами потрясти власть Великобритании там». Характерно, что он опять-таки обращал внимание на два взаимосвязанных условия общего успеха предприятия: содействие русским войскам со стороны населения и властей Персии, а также их поддержка афганскими племенами, которые, по мнению царя и его окружения, относились с ненавистью к англичанам после трагических событий 1839–1842 гг.[248]

В 1857 г. кавказский наместник генерал от инфантерии князь А.И. Барятинский и генерал-квартирмейстер Главного штаба генерал-лейтенант В.К. Ливен в соавторстве с начальником Кавказского отделения Генерального штаба генерал-майором А.А. Неверовским также подали меморандумы на высочайшее имя. Несмотря на близость исходных посылок, взгляды авторов на практическую возможность ведения войны против Британской Индии имели различия. Если Барятинский рекомендовал императору осуществить серию превентивных мер для противодействия попыткам британцев закрепиться на южном и юго-восточном побережье Каспия, примыкавшем к Закавказью, то Ливен и Неверовский соглашались в том, что для подчинения Индостана России необходимо будет привлечь колоссальные материальные и людские ресурсы. Они были убеждены, что «завоевание Индии потребует таких средств, какими Россия располагать не в состоянии, а некоторых даже совершенно не имеет, но если бы и могла, то счастливый исход предприятия возбудит зависть других держав и породит европейскую борьбу, последствия которой нельзя исчислить»[249].

Любопытно, что отношение к этим запискам Александра II и А.М. Горчакова также отличалось. Если император в целом одобрял шаги, которые предлагал осуществить князь Барятинский, то его министр иностранных дел испытывал гораздо меньше энтузиазма по поводу инициатив кавказского наместника, предпочитая занимать промежуточную позицию между сторонниками наступательной и оборонительной политики[250].

В свою очередь военный министр генерал от инфантерии Н.О. Сухозанет предложил довольно объективную оценку фактора Индии в докладе царю, датированном мартом 1857 г. (пометка последнего на полях: «Сов.[ершенно] согл.[асен]».):

«Опасения, внушенные возрастающим могуществом Великобритании в Средней Азии, были выражены с давнего времени и подали повод ко множеству проектов, поданных как русскими, так и иностранцами, сущность коих состоит в том, что это могущество может быть легко ниспровергнуто походом русской армии или корпуса в Индию. По отзыву многих путешественников, одно появление русского штыка на берегах Инда или даже в Герате должно произвести общее восстание в населении индобританских владений, ненавидящем своих притеснителей, и разрушить шаткое создание лондонской политики. Но, по убеждению многих, отзывы эти весьма поверхностны, преувеличены, односторонни или пристрастны. Конечно, во всей Азии заметна большая ненависть к англичанам, но в Индии еще заметнее глубокое убеждение в силе Великобритании, в непобедимости ее флотов, в превосходстве ее коварной, но искусной и непоколебимой политики. Владычество, которое удерживает более 100 млн. подданных в повиновении армией, сформированной из туземцев, при небольшой помощи английских войск, нельзя назвать шатким, и такое положение доказывает, что великобританское правительство успело связать интересы многих самых влиятельных классов населения со своими интересами»[251].

В этой связи стоит задаться вопросом об истинном восприятии России жителями Индостана к началу *Большой Игры*.

Как представляется, большинство населения полуострова, за исключением правителей и крупных землевладельцев, вообще не принимали в расчет какую-либо вероятность русского вторжения до Крымской войны. По словам индийского историка, «несколько местных газет, которые издавались с большими финансовыми и техническими трудностями, не обращали никакого внимания на политику»[252]. Однако Великое восстание сипаев 1857–1858 гг. положило начало процессу трансформации менталитета практически всех слоев кастового, мультиэтнического и поликонфессионального общества *Раджа*. Очевидно, часть лидеров зарождавшегося национально-освободительного движения впервые пришли к мысли о том, что коалиция азиатских стран под эгидой России способна оказать им поддержку в борьбе за независимую Индию, предложив альтернативу тому варианту модернизации, который англичане стремились навязать ее жителям[253].

Выступление сипаев — регулярных солдат и младших командиров, набранных из коренных народов Индостана служить по контракту в колониальной армии, рассматривается многими современными индийскими историками как первая народная война за освобождение от британского владычества. И хотя англичане после кровавого подавления восстания были вынуждены провести реформы в системе управления бывшей империей Великих Моголов, некоторые махараджи обратили свой взор в сторону далекой северной

державы. Они начали отправлять секретные «посольства» к Белому Царю в поисках финансовой и моральной поддержки, обещая ему признать сюзеренитет России. Миссии принца Рао Раджа Тула Сингха, правителя Марвара, в 1858–1860 гг. обозначили указанную тенденцию, которая, как будет показано ниже, имела продолжение вплоть до середины 1880-х гг.[254]

Исследователи, специально занимавшиеся этим вопросом, пришли к выводу, что царский МИД склонялся к довольно осторожной оценке предложений, с которыми обращались к нему индийские князья, хотя военные администраторы «на местах» не прекращали контакты с некоторыми правителями и племенными вождями, особенно в приграничной полосе, на протяжении десятилетий. С другой стороны, все намерения британской прессы отыскать какие-либо следы подстрекательства русскими сипаев к восстанию оказались тщетными. Анализ служебной переписки и свидетельств очевидцев событий показывает, что первые секретные эмиссары были направлены штабом Туркестанского военного округа в Индию только после завоевания царскими властями ханств Центральной Азии к середине 1870-х гг.[255]

Восстание сипаев сместило фокус внимания англичан с проблемы безопасности северо-западной пограничной зоны на вопросы консолидации власти во внутренних областях Индостана. Оно вызвало настоящий шок как у правящих кругов Великобритании, так и в среде колониальной администрации Индии, часть представителей которой испытывала скептицизм относительно перспектив сохранения британского владычества. «Эти опасения правительства и военных властей Индии в значительной степени способствовали ослаблению восприятия ее полезности как стратегического актива, если бы так обстояло дело», — пишет современный английский историк[256]. «Чем Крым стал для России, — отмечают К. Мейер и Ш. Брайсек, — тем Великое восстание стало для Британской Индии: таким же ударом по самодовольному старому порядку»[257]. Используя образное сравнение еще одного исследователя, «что-то кислое (sour) вошло в империю»[258].

Высказанные мнения подтверждаются оценкой движения сипаев, которую дал Н.К. Гирс в письме к Моренгейму, датированному 1882 годом:

> «Ужасное восстание индийцев 1857 г. вскрыло нам ее (Индии. — *Е.С.*) значение, а ненавистный договор 1856 г. (Парижский. — *Е.С.*), который существовал еще в самых унизительных и тягостных для нас пунктах, еще более увеличил важность ее в глазах благородного суверена (Александра II. — Е.С.), который, будучи вынужден поставить подпись под этим пагубным договором в самом начале своего правления, считал долгом чести и сыновней преданности порвать эту печальную страницу нашей истории»[259].

Важно также указать на то, что мятеж сипаев совпал по времени с первым мировым экономическим кризисом периода раннего индустриализма, который неожиданно для государственных деятелей и экспертов охватил страны Европы и Северной Америки в 1857–1858 гг., усилив торговую конкурен-

цию среди ведущих держав, особенно на периферийных рынках. Неслучайно, как отмечал видный член партии тори лорд Рэндольф Черчилль, именно торговля и финансы определяли «значительную заинтересованность Британии в превосходстве на морях»[260]. Не является секретом тот факт, что на общем неблагоприятном экономическом фоне либеральные викторианские политики и общественность прекрасно осознавали пагубность любых социальных волнений, связанных с многочисленными жертвами, подобно тому, как это случилось в период восстания сипаев. Такие политические катаклизмы, по мнению многих экспертов, неизбежно приводили к снижению налоговых поступлений, сумятице в головах местного населения и дестабилизации ситуации на имперских границах, особенно чувствительных к внешним угрозам на северо-западе Индостана.

Обоснованность этих суждений легко проиллюстрировать ссылкой на годовой отчет Азиатского департамента МИД за 1857 г., в котором говорилось, что движение сипаев «сделало возможным для России создать альянс азиатских стран, чтобы взорвать британское господство (в Азии. — *Е.С.*)»[261]. Характерно также, что в меморандуме 1858 года генерал-майор Е.И. Чириков, занимавший тогда пост комиссара в составе русско-турецкой пограничной комиссии, раскрыл взаимосвязь внешнеполитической стратегии и коммерческих интересов. К примеру, он утверждал, что «политическое вмешательство (британцев. — *Е.С.*) в дела Афганистана упрочивает [их] влияние на Персию, обхватывая ее почти со всех сторон, открывает Англии новые торговые пути, сближает с Каспийским морем, угрожает там России и, наконец, поддерживает непрочное здание индийских владений»[262].

Необходимо подчеркнуть, что, судя по свидетельствам очевидцев и дипломатической переписке, именно Великое индийское восстание 1857–1858 гг. заставило многих российских стратегов рассматривать вторжение на территорию Индостана не как диверсию, способную лишь отвлечь силы и средства англичан от европейского театра, а как катализатор внутреннего социального взрыва. Неслучайно, вновь назначенный на важнейший пост военного агента (атташе) в Лондоне капитан Н.П. Игнатьев приступил к методичному сбору секретной информации о вооруженных силах Соединенного Королевства и состоянии англо-индийской армии. Он даже завел специальный журнал для регистрации арсеналов, военных предприятий и морских верфей, которые встречались на его пути во время поездок по Британским островам[263]. Согласно имеющимся отзывам, «он посвятил себя составлению подробнейших рапортов о военном положении Англии в Индии на имя императора, который был настолько доволен ими, что вызвал автора в Варшаву для личной беседы». «Интересно, — саркастически заметил один из современников, — предвидел ли капитан Игнатьев мятеж (сипаев. — *Е.С.*), вспыхнувший вскоре (после его назначения в Лондон. — *Е.С.*), и привлекли ли внимание Александра II метод и стиль изложения, либо сам предмет и взгляды автора, отраженные в рапортах»[264].

В конце 1857 г. Игнатьев информировал Главный штаб, что стратегический потенциал Великобритании уменьшился вследствие восстания сипаев и что период после подавления мятежа представляется ему наиболее подходящим для «переформатирования» Центральной и Восточной Азии в соответствие с представлениями правящих кругов Российской империи[265]. Вернувшись в Санкт-Петербург после выполнения дипломатической миссии в Хиве и Бухаре, речь о которой пойдет ниже, он подал царю пространный меморандум под красноречивым заголовком: «*Предположение о диверсии к стороне Индии в случае разрыва с Англией*». Употребление слова *диверсия* не должно было вводить читателя в заблуждение. На самом деле документ содержал оценку ресурсов, необходимых для организации массированного русского наступления на Индию при содействии персидской армии и в союзе с афганскими иррегулярными силами. Общая численность войск, привлекаемых для этой кампании, должна была составлять, по мнению Игнатьева, от 35 до 50 тыс. пехоты и кавалерии, которые могли продвигаться к границам *Раджа* по трем альтернативным маршрутам: основные формирования численностью 27,5 тыс. чел. выступали на Кабул и Балх, дополнительный корпус казаков в 10,5 тыс. сабель направлялся из Западной Сибири через Восточный Туркестан на Кашмир, а вспомогательные отряды армии персидского шаха также вместе с казаками оккупировали Кандагар. В последующих разделах своей записки автор изложил подробные схемы снабжения наступавших войск и вероятные последствия индийской кампании. По его мнению, цель русского вторжения в Индию состояла в том, чтобы вызвать колоссальные военные затраты британского правительства и разжечь пламя освободительной войны на субконтиненте, вынудив Лондон согласится на пересмотр Парижского договора 1856 г. в пользу России[266].

Усиление напряженности в Центральной и Восточной Азии как результат англо-персидской войны, движения сипаев и тайпинов наряду с конфликтом между европейскими державами и цинским Китаем побудили Главный штаб приступить к стратегическому планированию нового крупномасштабного столкновения с Великобританией одновременно в Европе и на колониальной периферии. Однако польское национально-освободительное восстание 1863 г. дестабилизировало ситуацию в Восточной Европе. Карательные экспедиции русских войск по территории Царства Польского вызывали осуждение правительств и общественности Старого Света. Пресса, особенно британские либеральные издания, вновь после событий 1848–1849 гг. называла Россию «жандармом Европы». В таких условиях энергичный Д.А. Милютин, назначенный на пост военного министра после ухода в отставку престарелого Сухозанета, приказал обер-квартирмейстеру Оренбургского военного округа генерал-лейтенанту Н.Г. Залесову и полковнику М.Г. Черняеву, впоследствии покорителю Ташкента и военному губернатору образованной Туркестанской области, составить детальный проект наступления на Индию опять-таки по трем направлениям: вдоль берега Каспийского моря, через Кашгарию и из долины Сырдарьи[267]. По воспоминаниям самого

Милютина, «на среднеазиатских окраинах положение наше представлялось в каком-то неопределенном виде; не было у нас даже определенной государственной границы. Считавшиеся в русском подданстве киргизские роды терпели от набегов хивинских и кокандских шаек и даже от своих хищников; старый путь караванов из Бухары и Хивы в Оренбург был небезопасен»[268].

Между тем Н.П. Игнатьев, который был произведен в генерал-майоры, уведомил Горчакова о своей оценке возникшей ситуации:

> «В случае разрыва с Англией положение России тягостно главнейше потому, что мы обречены на пассивную оборону. Мы должны тотчас ставить на военное положение массы войск, вооружать все укрепленные береговые пункты, тратить миллионы еще до начала военных действий; наша морская торговля может быть уничтожена тотчас же без значительных усилий. Англичане имеют полную возможность угрожать нам на всем протяжении приморских берегов наших, изнурять нас безнаказанно или выбрать, наконец, любой слабый пункт для решительного нападения»[269].

С точки зрения автора докладной записки, Петербургу следовало доказать Лондону, что Россия обладает всеми возможностями для нанесения чувствительного ущерба Соединенному Королевству в Азии. Он предлагал сконцентрировать в водах Тихого океана сильную эскадру и ускоренно перевооружить сухопутные части, дислоцированные в Восточной Сибири и на подступах к центральноазиатским ханствам[270]. Игнатьев был убежден, что целью государственной политики должно стать постоянное военно-политическое давление на Уайтхолл. «Следовательно, — заключал он свою записку Горчакову, — чтобы быть с Англией в мире и заставить ее уважать голос России, избегая с нами разрыва, необходимо вывести английских государственных людей из их приятного заблуждения насчет безопасности индийских владений, невозможности России прибегнуть к наступательным действиям против Англии, недостатка в нас предприимчивости и достаточной для нас доступности путей через Среднюю Азию»[271]. Соответственно, по мнению Игнатьева, двумя основными направлениями предстоявшей атаки могли стать маршруты через Закаспийскую область и степную полосу, населенную племенами киргизов. Полезно иметь в виду, что большинство этих расчетов и схем впоследствии нашло применение в процессе покорения царскими войсками Коканда, Бухары и Хивы[272].

Одновременно, как уже говорилось выше, генерал-лейтенант С.А. Хрулев представил на высочайшее рассмотрение, пожалуй, наиболее детально разработанный план индийской кампании, который был нацелен на полное изгнание британцев с территории субконтинента и восстановление дружественной России империи Великих Моголов. По мнению автора плана, важнейшими предпосылками для успеха всего предприятия должны были

стать, во-первых, новое восстание среди туземных солдат англо-индийской армии, а, во-вторых, дружественное или хотя бы нейтральное отношение афганских племен к казачьим отрядам, которые будут двигаться через их территорию к границам *Раджа*. Любопытно, что стратег делал ставку на армянское меньшинство в Индии, которое, как ожидалось, могло оказать теплый прием и содействие силам вторжения. Кроме того, Хрулев предлагал восстановить анти-британский континентальный союз европейских держав, чтобы отвлечь Сент-Джеймский Кабинет и общественное мнение Туманного Альбиона от жестких действий России против польских повстанцев. Он был убежден, что Наполеон III, испытывавший к Великобритании зависть и ревность, обязательно примет русскую сторону. В разделе своей записки, посвященной непосредственно военно-техническим вопросам, Хрулев рекомендовал сконцентрировать 35 тыс. пехотинцев и казаков для 109-дневного, согласно его подсчетам, марша от юго-восточных берегов Каспийского моря на Пешавар. Другим сценарием вторжения мог бы стать 82-дневный поход русских экспедиционных войск из Астрахани на севере Каспия через Хивинское ханство к границам Кашмира. Общая стоимость экспедиции в обоих случаях, с точки зрения Хрулева, приближалась к 25 млн. золотых руб. (около 2,5 млн. фунт. стерл.). Примечательно, что компенсировать столь значительные расходы должны были индийские магараджи, благодарные Белому Царю за помощь в свержении колониального владычества Англии[273].

Изучение архивных документов дает возможность понять, как первоначальная идея «демонстрации силы», имевшая скорее пропагандистский характер, постепенно принимала форму скрупулезно выверенного проекта длительной кампании[274]. Он включил в себя не только военно-оперативные расчеты, но и сценарии создания под эгидой Российской империи, либо при ее закулисном содействии, группировки азиатских государств, включая Персию, для противодействия политике Великобритании. Поэтому автор не может согласиться с доводами советских историков, которые, осуждая британское правление в Индии, заявляли о том, что планы вторжения, разрабатывавшиеся царскими стратегами, имели-де исключительно демонстративный характер, являлись чистой воды утопией с точки зрения перспектив реализации, исключали намерение полностью вытеснить англичан с территории Индостана и вообще не были утверждены царем[275]. Как будет показано в следующих главах на конкретном фактическом материале, хотя среди военно-политической элиты существовали различные мнения по этому предмету, плохая подготовка или слабое вооружение русских войск в Туркестане не могут рассматриваться как решающие доводы в пользу суждения об иллюзорности или мифичности «славянской угрозы» *Раджу*[276]. Интересно, что Ф. Энгельс, который, как и К. Маркс, сотрудничал с газетой *Нью-Йорк Дейли Трибюн*, но в качестве военного обозревателя, не остался в стороне от оценки азиатского вектора российской политики, рассматривая его сквозь призму эвентуальной атаки против «индийской крепости». Так, в

статье «Продвижение России в Средней Азии», датированной 3 ноября 1858 г., будущий классик «научного коммунизма» отмечал:

> «С военной точки зрения, огромное значение этих завоеваний (имеются в виду те форпосты центральноазиатских ханств, как, например, Ак-Мечеть, которые к тому времени уже были захвачены царскими генералами. — *Е.С.*) заключается в том, что, благодаря им, создано ядро оперативной базы для наступления на Индию; и в самом деле, после такого глубокого проникновения русских в центр Азии план нападения на Индию с севера уже покидает область туманных предположений и приобретает до некоторой степени определенные контуры»[277].

В данном случае перо объективного наблюдателя, каковым являлся Энгельс, который не испытывал симпатии ни к царской России, ни к капиталистической Англии, опровергает мнение, высказанное на страницах одного из уже упоминавшихся сборников статей советских историков: «Даже после присоединения Средней Азии к России, когда, по выражению англичан, «расстояние до Британской Индии сократилось», в официальных кругах Петербурга не возникало никакого вопроса о походе на Индию»[278]. Думается, что наиболее резонансные проекты, проанализированные в этой главе и те, которые, как мы увидим, возникали у политиков, дипломатов и генералов в последующие годы, не оставляют сомнений в абсурдности приведенного выше суждения.

С нашей точки зрения, дискуссии вокруг планов покорения русскими Индостана в конце 1850-х – начале 1860-х гг. как раз и свидетельствовали о начале *Большой Игры* в Азии. Кроме того, мы убеждены, что в русско-британском соревновании ставки были вполне реальными, а не воображаемыми. Хотя весомую лепту в стимулировании *Большой Игры* внесли необоснованные страхи и взаимные ложные представления, обе державы — Россия и Великобритания — отнюдь не имитировали ожесточенную борьбу за лидерство в руководстве традиционной Азией на ее пути к модернизации. Неслучайно именно тогда Петербург направил в ключевые регионы Игры — Хиву, Бухару, Персию, Восточный Туркестан и Маньчжурию — несколько дипломатических миссий с разведывательными функциями. Главам этих миссий предписывалось выяснить на месте реальную расстановку внутренних сил, перед тем как отдать приказ о покорении азиатских стран и народов.

Политические миссии царского правительства в государства Азии

Несмотря на то, что к середине XIX в. в распоряжении русских имелись сведения о соседях на Востоке, полученные в результате посольств и научных экспедиций, через торговцев, а также от агентов-лазутчиков, оценка те-

кущей ситуации в Центральной Азии серьезно затруднялась внутренней политической нестабильностью, обусловленной столкновениями между этноконфессиональными группами и представителями различных хозяйственных укладов, к примеру, кочевниками и земледельцами. Царское правительство также испытывало нехватку данных об особенностях географического положения и природно-ресурсном потенциале этих стран. Важно было определить перспективы налаживания дружественных отношений с их правителями, чтобы предупредить появление англичан при дворах восточных владык и укрепить юго-восточные рубежи империи[279]. Наконец, в известной мере миссии стали ответом на обращения некоторых военных администраторов к царю и министрам с предупреждением о «коварных замыслах» британцев, как это сделал начальник Аральской флотилии капитан 1 ранга (позднее контр-адмирал) А.И. Бутаков: «Итак, — сообщал он в рапорте, датированным 1859 г., — решаясь на что-нибудь в бассейне Аму[дарьи], нам надобно ждать деятельного отпора со стороны Англии, преимущественно косвенного, то есть происков, подкупов против нас, снабжения оружием, денежных пособий и т.п.; вероятно, также отчасти прямого: присылкой к неприятелям нашим офицеров, артиллерии, инженеров и т.п.[280]»

Отдельно следует остановиться на экономических мотивах российских посольств. Так, по данным коммерческой статистики, на протяжении 1850–х гг. ежегодный дефицит России в торговле с Хивой (или Хорезмским государством согласно официальному самоназванию) достигал 100 тыс. руб. серебром, а Бухарой — 300 тыс. руб.[281] Указанные данные стоит дополнить оценками российского торгового оборота с Азией, сделанными британскими экономистами в 1860 г. Так, общий объем экспорта России составил 1 млн. 786 тыс. 135 фунтов, или около 18 млн. руб., включая долю Китая приближавшуюся к 50% (864 тыс. 946 фунтов), а импорта — 3 млн. 99 тыс. 658 фунтов, или около 30 млн. руб., из которых на Цинскую империю приходилось более 30% (1 млн. 121 тыс. 155 фунтов).[282] Значение экономического фактора было раскрыто в аналитической записке одного из высокопоставленных чиновников на имя царя от 15 декабря 1859 г.:

> «Есть намеки, что наше влияние будет состоять в противодействии англичанам; не думаю, чтобы под выражением «противодействие англичанам» можно было бы предполагать вооруженное противодействие, ибо невероятно, чтобы силы Англии и России встретились в пустынях Средней Азии или на окраинах настоящих азиатских владений Англии. Если же допустить возможность подобного события, то, мне кажется, надлежит вести дела наши в Средней Азии так, чтобы избегать всякого вооруженного столкновения с Англией в предвидении невыгодного исхода для нас от подобного столкновения. Далее под словом «противодействие англичанам» можно подразумевать только противодействие торговое. Но торговля со Средней Азией теперь для нас убыточна, и

вряд ли настанет надобность затрачивать огромные суммы теперь же, чтобы в будущем ожидать гадательных выгод».

Характерно, что Александр II согласился с общими выводами автора записки, сделав пометку на полях: «Много есть справедливого»[283].

Прибытие специальных посольств из Хивы и Бухары в Санкт-Петербург для участия в коронации нового императора предоставило царскому правительству удобную возможность поставить вопрос о направлении ответных дипломатических миссий ко дворам соответственно хана Саида Мохамеда из узбекской династии Кунград и эмира Насруллы из аналогичной по этническому происхождению династии Мангыт. Их главой был назначен хорошо известный читателю Н.П. Игнатьев. О значении, которое Александр II и Горчаков придавали этим посольствам говорил тот факт, что эскорт российского представителя включал 83 человека, хотя лорд Уодхауз, глава британской дипломатической миссии в России, очевидно, ошибочно, называл цифру в 300 чиновников, офицеров, казаков и обслуживающего персонала[284].

Достигнув Хивы в середине 1858 г., Игнатьев потребовал от хана снять запрет на коммерческое судоходство вверх по Амударье до Бухары для русских торговых компаний, одновременно разрешив им заключать сделки на столичных рынках. Любопытно, что обычная шарманка, которую Игнатьев преподнес Саид Мохамед-хану в качестве одного из подарков, стала любимым музыкальным инструментом правителя подобно тому, как резиновая подушка, подаренная несколько позднее русским послом эмиру Бухары также пришлась по душе Насрулле-хану. Однако нельзя согласиться с утверждением П. Хопкирка о том, что «русские заимствовали уловку, к которой прибегали британцы в ходе Большой Игры, когда им удалось нанести на карту течение Инда примерно таким же образом за тридцать лет до того, как Игнатьев сделал это в отношение Амударьи (Окса)»[285]. Речь идет о методе задабривания восточных владык дорогими подношениями, то есть фактически их подкупа официальными представителями европейских держав. В случае с Игнатьевым никакого заимствования русских у англичан не произошло, поскольку прибытие посольства к иностранным дворам с подарками для суверенов и вельмож всегда составляло неотъемлемую часть традиционного дипломатического протокола большинства государств, включая Россию.

Несмотря на то, что Саид Мохаммед-хан подозревал членов русского посольства в тайном подстрекательстве одного из крупнейших туркменских племен — йомудов восстать и отложиться от Хорезмского государства на юге, чтобы сделать хана более сговорчивым, Игнатьеву и его помощникам удалось собрать и обработать ценную информацию, которая подтверждала мнения других военных экспертов, в частности, М.Г. Черняева. В его записке на имя тогдашнего Оренбургского и Самарского генерал-губернатора А.П. Безака говорилось:

> «Хивинское ханство по своему географическому положению может иметь значение в административном отношении как центр управления племенами, кочующими в низовьях Аму[дарьи]. В торговом смысле оно имеет только самостоятельное значение как рынок для окрестных жителей. В отношении же торговли с Россией оно никогда не имело важности и не может приобрести ее, потому что лежит в стороне от торговых путей из Средней Азии в Россию»[286].

Прибыв из Хивы в Бухару, Игнатьев столкнулся с более трудной проблемой: он должен был разрешить по крайней мере два дипломатических «ребуса»: во-первых, предотвратить попытку эмира при содействии турецких агентов объединить тюркские государства для отпора русским, а во-вторых, выступить посредником между различными враждующими группировками в Бухаре, чтобы использовать внутреннюю смуту в интересах России[287]. Судя по отчету о поездке, представленному на высочайшее рассмотрение, Насрулла-хан пообещал Чрезвычайному Посланнику отпустить на волю всех русских рабов, взять под защиту торговцев, приезжающих из империи в эмират, даровать коммерческим судам право беспрепятственного плавания по Амударье в пределах его государства и снизить таможенные пошлины на российские товары, импортом которых занимались главным образом бухарские евреи. Однако самым примечательным результатом поездки Игнатьева стало обещание эмира Насруллы не принимать официальные миссии из Европы (читай — Великобритании!), а также не разрешать иностранцам пересекать Амударью и въезжать в эмират со стороны Афганистана. Примечательно, что хан даже предложил высокому гостю совместно выступить против Коканда. В свою очередь, Игнатьев строго запретил членам своего эскорта слоняться по улицам Бухары или выезжать из города по собственному усмотрению, дабы исключить малейшие проявления недовольства городских властей и самого правителя, памятуя о печальной судьбе Конолли и Стоддарта.

Хотя современники и позднейшие авторы, как, например, известный ориенталист С.В. Жуковский, который опубликовал специальное исследование по истории русско-хивинских и русско-бухарских отношений, обращали внимание на призрачность любых клятв и заверений со стороны восточных владык, которые получали европейские эмиссары во время переговоров, поскольку все эти договоренности, заключенные одним ханом, «не только не считались для другого хана обязательными, но даже и не сохранялись»[288], сам Игнатьев позитивно оценивал результаты командировки. Он писал, что поездка позволила ему убедиться в военной слабости и очевидной неспособности местных властителей эффективно противостоять движению России в Центральную Азию. Рапорт Игнатьева Александру II отражал убежденность Чрезвычайного Посланника в том, что словесные увещевания должны уступить место боевым действиям, которые отодвинут

границы России далеко на юг и откроют местные рынки для ее товаров. Подводя итоги миссий, царь написал на полях отчета: «Читал с большим любопытством и удовольствием. Надобно отдать справедливость генерал-майору Игнатьеву, что он действовал умно и ловко, и большего достиг, чем мы могли ожидать![289]»

Уже на склоне лет Игнатьев суммировал значение своего посольства в Хиву и Бухару следующим образом:

> «Главнейший и существеннейший результат посылки нашего агента (то есть его самого. — *Е.С.*) в Среднюю Азию в 1858 г. заключался в том, что рассеялся туман, заслонявший ханства от глаз русского правительства, которое, наконец, прозрело и узнало настоящую цену «дипломатических сношений» с хивинскими ханами и Бухарой. Сведения, добытые нашей миссией и добросовестное уничтожение прежнего «миража» вызвали крутой поворот в характере наших сношений с этими коварными и вероломными соседями, способствовали установлению более правильного взгляда на значение и основу их власти, на действительную их силу и в особенности на то положение, которое мы должны и можем занимать в Средней Азии сообразно достоинству и действительным потребностям России»[290].

Рассматривая центральноазиатский вопрос в более широком контексте, Игнатьев полагал, что правительству следовало бы поощрять персидского шаха взять Афганистан под свой контроль и заставить правителей Хивы, Бухары и Коканда изгнать из пределов их государств всех явных и тайных пособников Великобритании, чтобы те не противодействовали политике России[291].

Почти в одно время с посольством в Хиву и Бухару другая русская военно-научная экспедиция отправилась через Герат в Хорасан — самую обширную восточную провинцию Персии, пограничную с Афганистаном. Ее возглавил упоминавшийся Н.В. Ханыков, исследователь-востоковед, дипломат, основатель Кавказского отделения Императорского Русского географического общества (ИРГО). Это назначение было обусловлено прежними заслугами ученого, владевшего местными языками, например, фарси, и совершившего к 1858 г. несколько поездок по региону. Перед экспедицией ставилась задача сбора сведений о ситуации в Персии и Афганистане, особенно информации о характере взаимоотношений Дост Мохамеда и Насир-у-Дина[292].

Судя по переписке российского представительства в Тегеране и Азиатского департамента МИД, проблема Герата оставалась яблоком раздора между Персией и Афганистаном на рубеже 1850-х – 1860-х гг.. Русские были встревожены интригами англичан, особенно после поражения шаха в вооруженной борьбе за этот город. Кроме того, попытки правительства Британской Индии разыграть «гератскую карту» также беспокоили царя и его ми-

нистров. Неслучайно в декабре 1858 г. ежегодный отчет Азиатского департамента Горчакову звучал пессимистически по отношению к оценке перспектив российско-персидских отношений:

> «Эта слабая держава (Персия. — *Е.С.*) не может быть нам ни надежной союзницей, ни опасным врагом. Но ее независимость охраняет нас от сближения с владениями Англии и от столкновения с этой державой; благоустройство Персии служит залогом успехов нашей торговли с ней, а с ее внутренним спокойствием связано спокойствие нашей границы»[293].

Любопытно отметить, что в подтверждение сделанных выводов эксперты ссылались на дешифранты секретных донесений, которые британский посланник в Тегеране регулярно отправлял в Лондон и Калькутту и которые, очевидно, перехватывались секретными агентами на службе русского консульства в персидской столице[294].

Как это ни покажется странным, но большинство британских и американских ученых обошли вниманием значительный вклад главы посольства Ханыкова в исследование Среднего Востока[295]. А ведь царские стратеги, не исключая самого Милютина, высоко оценивали деятельность ориенталиста, особенно результаты той миссии, которую он осуществил в 1858 г. Чтобы достигнуть цели, Ханыков и его группа проследовали через Тифлис к побережью Каспийского моря, затем пересекли водное пространство на борту русского торгового корабля, высадились на персидском побережье и достигли Кабула через Герат. Эмиссар царя был снабжен посланием великого князя Константина Николаевича эмиру Дост Мохамеду. «Мы с ним (Ханыковым. — *Е.С.*) условились относительно переписки нашей на время его странствований; опасаясь, что сообщения его могли попадать в руки английских агентов, мы придумали особый шифр в форме метеорологических таблиц», — вспоминал позднее Д.А. Милютин[296].

Однако правительство Индии очень скоро получило соответствующую информацию о задачах экспедиции. 22 марта 1859 г. глава Департамента иностранных дел в Калькутте Пикок сообщил министру по делам Индии лорду Стэнли о поездке царского эмиссара в Герат и Кабул с целью встречи с эмиром[297]. Хотя Дост Мохамед стремился играть на русско-британских противоречиях в интересах укрепления своей власти, он отнесся к визиту Ханыкова с опаской, так и не удостоив главу посольства личной аудиенции. По мнению П. Хопкирка, можно назвать четыре важных причины для такого прохладного приема: во-первых, поражение России в Крымской войне; во-вторых, неудача упоминавшейся в предыдущей главе миссии поручика Виткевича; в-третьих, поддержка, оказанная англичанами Дост Мохамеду во время осады Герата войсками персидского шаха и, в-четвертых, давление на правителя со стороны местных фундаменталистов, не желавших вести серьезные переговоры с «неверными»[298].

Хотя указанные факторы, безусловно, сыграли свою роль, на наш взгляд, необходимо принять во внимание еще два обстоятельства. Дело в том, что, с одной стороны, афганский властитель узнал о планах России использовать некоторые туркменские племена для шантажа как Хивы, так и Кабула; а с другой, — он стремился к объединению всех народов, проживавших между Персией и Индией, в одно государство под своей властью, чтобы проводить самостоятельную политику, считая вмешательство России нежелательным. Относительная неудача миссии Ханыкова в плане установления личных контактов и передачи эмиру послания из Петербурга компенсировалась значительным объемом собранных сведений. Они позволили членам посольства прийти к важному выводу о небольших шансах англичан сформировать анти-русскую коалицию из государств Среднего Востока, крайне внутренне непрочных и враждующих друг с другом.

Тем временем некоторые высшие военные чины при петербургском дворе обратили взоры на область Или, расположенную в непосредственной близости от Восточного Туркестана, как дополнительную стартовую позицию для похода на Индию. Еще в августе 1857 г. вместе с первыми очагами антицинского восстания местных неханьских народов некто Захаров, консул в Кульдже (Инине) — административном и торговом центре в предгорьях Тянь-Шаня, взвешивая все «за» и «против» продвижения России в этот регион, адресовал Горчакову специальную записку. В ней давалось описание области Или — обширной провинции с населением около 1 млн. человек, богатой минеральными ресурсами, но особенно полиметаллическими рудами. «Если уж разрыв и война с Китаем должны последовать, то, по крайней мере, эта война, которая повлечет за собой важные столкновения и неизбежные расходы, должна выкупаться (так в документе. — *Е.С.*) подобными результатами», — подчеркивал Захаров[299]. Возникает вопрос: о каких результатах могла идти речь? Ответ на него поражал воображение современников: автор записки предлагал ни много ни мало оккупировать область Или, а заодно и прилегающую к ней часть Кашгарии, чтобы создать на этой территории вассальное ханство под покровительством России!

Суждения, высказанные скромным дипломатическим персоналом, были использованы Игнатьевым и чиновниками Азиатского департамента для давления на царя в пользу не столько образования буферного государства между Россией и Китаем, сколько ради осуществления прямой аннексии Восточного Туркестана в результате «маленькой победоносной войны» против цинских властей, занятых подавлением движения тайпинов и отражением агрессии европейских держав. «Сия богатая и многолюдная страна имеет важное стратегическое значение относительно английских владений в Индии, Средней Азии и Китая, — отмечалось в отчете МИД за 1857 г. — Занятие оной нашими войсками в случае войны с последней державой могло бы совершиться без значительных усилий и пожертвований и было бы верным залогом будущих успехов в Средней Азии»[300].

С целью уточнения путей сообщения, ведущих через Или в Кашгарию, и получения сведений о состоянии дел в этой изолированной области поручик Ч.Ч. Валиханов, имя которого уже упоминалось в предыдущей главе, отправился в опасное путешествие в июле 1858 г. Риск его командировки возрастал благодаря тому, что он выполнял исследовательскую миссию под личиной купца по имени Алимбай. Путь каравана торговцев, с которым двигался переодетый офицер, оказался тернист и продолжителен. Валиханову и его попутчикам пришлось пережить несколько снежных бурь, когда они следовали через высокогорные перевалы и пересекали протяженные горные ледники. Помимо капризов природы и естественных препятствий в виде рек, караван должен был постоянно отражать набеги бандитских шаек, которые имели обыкновение грабить проезжавших путников в глубоких ущельях. Однако пребывание Валиханова в Кашгарии, куда в конечном счете удалось добраться купцам, было направлено не только на сбор различной информации об Алтышаре, или Стране шести городов, как местные жители называли эту области Восточного Туркестана. Согласно инструкциям Главного штаба, он должен был провести рекогносцировку и нанести на карту все возможные пути вторжения в Кокандское ханство и Британскую Индию через область Или и Кашгарию[301].

По возвращению в Россию Валиханов был награжден орденом Св. Владимира и произведен в штабс-капитаны. Его доклад о совершенном путешествии на заседании ИРГО в 1860 г. вызвал большой интерес собравшихся и получил высокую оценку как военного начальства, так и ученых-географов, принимая во внимание то обстоятельство, что он оказался всего лишь пятым европейцем со времен Марко Поло, кому удалось благополучно вернуться из этого региона Внутренней Азии. Наблюдения и выводы Валиханова нашли отражение в книге, увидевший свет сначала в Берлине, а затем в одном из английских издательств. Однако сам автор, к сожалению, не дожил до этого знаменательного события, скончавшись от болезни в одном из казахских селений[302].

Сведения, которые получали в Петербурге от различных официальных, как Игнатьев, полуофициальных, как Ханыков, и секретных, вроде Валиханова, эмиссаров на Среднем Востоке, побудили императора созвать два Особых совещания по азиатским делам 2 и 9 января 1859 г. Основной целью обсуждения являлась выработка конкретного плана укрепления имперской границы на юге, особенно в пространстве между Пишкеком и Яны-Курганом. Новый генерал-губернатор Оренбурга и Самары А.А. Катенин предложил спрямить существовавшую Сырдарьинскую линию для экономии бюджетных затрат на ее содержание. Наместник на Кавказе князь Барятинский вновь постарался сфокусировать внимание высшего руководства на успехах Британии в Персии, Закаспийской области и Кокандском ханстве. В конечном счете участники совещания решили отложить дальнейшее продвижение к южным пределам Центральной Азии, обязав пограничные власти сохранять высокую бдительность относительно британских интриг[303].

Представляется наиболее вероятным, что одной из главных причин такого решения явилось опасение реанимации крымской коалиции Лондоном и Парижем в случае излишне напористых действий России. Показательно, что в 1859 г. эксперты царского МИДа провели анализ всех действующих секретных конвенций между Россией и великими державами. Они предложили правительству воспользоваться затруднениями во франко-австрийских отношениях по так называемому сардинскому вопросу. При этом ставилась задача получить заверение Луи Наполеона о прекращении поддержки Великобритании в обмен на благожелательный нейтралитет России в случае военных действий Франции против Австрии[304]. Кроме того, внутренние беспорядки в Китае и начало второй опиумной войны предоставляли удобную возможность для царя и его министров использовать ситуацию для укрепления дальневосточных рубежей, поскольку Цинская империя балансировала на грани коллапса[305].

Е.П. Ковалевский, занимавший с 1856 по 1861 г. пост директора Азиатского департамента МИД, высказал в одном из рапортов Горчакову соображения относительно получения удобной гавани на Дальнем Востоке. Анализируя ход и возможные последствия второй опиумной войны, Ковалевский отмечал, что события развиваются стремительно, после того как эскадра западных держав достигла территориальных вод Китая. По его мнению, бомбардировка стратегически важного порта Гуанчжоу на юге страны открыла военные действия, которые будут продолжены высадкой десанта и походом европейцев на Пекин. Ковалевский опасался, что неизбежное усиление влияния Англии и Франции в столице Поднебесной противоречит русским интересам в бассейне Амура. «Должны ли мы сотрудничать с державами?» — задавался вопросом автор рапорта и сам же фактически отрицал такую возможность по причине расхождения целей западных союзников и России на Дальнем Востоке[306].

В другой записке глава Азиатского департамента приводил дополнительные аргументы в пользу своего мнения:

> «Интересы наши (в Китае. — *Е.С.*) слишком отличны от интересов других европейских держав… Взятие европейцами Пекина, как и взятие англичанами Герата, будет для нас одинаково чувствительно и не позволит нам ни в коем случае оставаться равнодушными зрителями; первое парализует все наши начинания на берегах Великого океана и Амура, второе ставит во власть англичан всю Среднюю Азию»[307].

Чиновники Форин офис были убеждены, что Россия постарается выступить в роли посредника между Пекином и европейскими партнерами, чтобы расширить свое военно-политическое присутствие на берегах Тихого океана[308]. Отправка в 1857 г. со специальной миссией в Пекин бывшего военно-морского атташе в Лондоне, контр-адмирала и опытного дипломата, женатого на дочери английского военно-морского офи-

цера, графа Е.В. Путятина, который в 1855 г. фактически установил дипломатические отношения с Японией, подтвердила прогнозы британских экспертов. В частном письме императора великому князю Константину Николаевичу Александр II подчеркивал, что «если же китайцы не согласятся на наши дружественные предложения, тогда руки у нас будут развязаны и нам уже нечего будет церемониться, и лев[ый] бер[ег] Амура во всяком случае останется за нами»[309].

Чтобы сделать более убедительными притязания России на северо-восточные провинции Цинской империи, Амурская флотилия в составе трех корветов и трех клиперов предприняла морскую демонстрацию вблизи китайских берегов в кульминационный момент переговоров Путятина с пекинским правительством, которому российский эмиссар пообещал военную помощь против Англии и Франции в обмен на территориальные компенсации в пользу России на Амуре и Уссури. Занятому, как уже отмечалось, подавлением тайпинского восстания и отражением агрессии со стороны ведущих европейских государств, высшему руководству Поднебесной ничего не оставалось делать, кроме как принять требования Путятина в виду угрозы присоединения России к коалиции англичан и французов[310].

Однако тотальный распад Китая на враждующие государства также угрожал интересам европейцев, не исключая, естественно, Великобританию, Францию и Россию, поскольку развитие ситуации по этому сценарию могло привести их к войне за «китайское наследство» с непредсказуемыми результатами. С другой стороны, царское правительство опасалось реализации английских планов полного подчинения цинских властей влиянию Лондона под предлогом распространения на территории Китая свободной рыночной конкуренции. Вот почему Путятин с тревогой докладывал Горчакову 6 июля 1858 г.:

> «Китаю определено было открыть вполне и вдруг все политические, общественные и торговые сношения с прочими народами и разом признать преимущество европейской силы и знания. Но чем быстрее последовал такой переход, тем опаснее, чтобы Китай подпал не только влиянию, но и совершенной зависимости от Англии, государства, обличившего его бессилие и уже показавшего, в какой мере оно хочет пользоваться наведенным на Китай страхом. Чтобы удержать это стремление к новым насилиям со стороны других государств, Китаю необходимо скорее образовать новую военную силу, и в этих видах я не переставал настаивать на допущении наших офицеров в Пекин для сформирования регулярного войска и устройства военной части…»[311]

Члены созданного царем Особого Комитета по делам Дальнего Востока рекомендовали отправить 10 тыс. ружей, 50 артиллерийских орудий крупного калибра и пять военных инструкторов в империю Цин. Однако они смогли прибыть в Кяхту — пограничный пункт на русско-монгольской границе — только

осенью 1861 г., когда боевые действия между цинскими войсками и англо-французскими экспедиционными силами давно завершились. Тем временем Путятин подписал в мае 1858 г. Айгуньский договор с пекинским правительством. Этот документ фактически открыл перед европейскими государствами перспективу раздела Цинской империи на сферы влияния. В соответствие с его статьями империя Цин уступала России весь левый берег Амура, хотя договориться относительно бассейна Уссури Путятину не удалось, и стороны отложили этот вопрос до окончания второй опиумной войны[312].

В этой связи Александр II принял решение направить в Китай новую российскую дипломатическую миссию для завершения переговоров. Выбор царя вновь пал на неутомимого Н.П. Игнатьева, который и выехал в столицу Поднебесной после краткого отдыха, необходимого для восстановления сил, затраченных на описанную выше миссию в Центральную Азию. Помимо достижения окончательной договоренности с пекинским правительством, ему было поручено рассеять подозрения британской стороны относительно участия русских офицеров в модернизации маньчжурских войск и обороне морских крепостей. Дело в том, что некоторые англоязычные газеты в Шанхае регулярно публиковали свидетельства очевидцев о присутствии военных инструкторов из России, которые якобы корректировали огонь китайских батарей во время штурма сильно укрепленной крепости Дагу франко-британскими десантными подразделениями[313].

Детальное описание в целом успешных для русской дипломатии переговоров с цинскими властями, а также подробный анализ деятельности Игнатьева в качестве посредника между императорским двором и представителями западных держав лежат за пределами нашего исследования[314]. Необходимо, однако, подчеркнуть, что в контексте *Большой Игры* обращают на себя внимание инструкции, данные Игнатьеву, царем, Горчаковым и Милютиным, относительно противодействия любым намерениям Лондона укрепиться в устьях Амура и Уссури, которые по своему значению не уступали Янцзы — важнейшей транспортной артерии Центрального Китая[315]. Тем более, что адмирал Дж. Раундс, командующий британской Тихоокеанской эскадрой, требовал от Адмиралтейства и Уайтхолла «создать морскую империю со всеми необходимыми атрибутами — укрепленными базами, почтовой связью, гидрографической службой, верфями и доками». Он разрабатывал различные оперативные схемы установления контроля над китайскими, японскими и российскими владениями на Тихом океане. Выступая за оккупацию Маньчжурии, которую Раундс назвал «ключом к тихоокеанской торговле», он обосновывал возможность этого шага «необходимостью защитить Китай и Индию от притязаний России, используя Японию в качестве тыловой базы на Дальнем Востоке»[316]. Забегая вперед, отметим, что в соображениях адмирала можно найти обоснование будущего англо-японского союза, который служил краеугольным камнем британской дальневосточной политики с 1902 по 1921 г., то есть вплоть до созыва Вашингтонской конференции.

В ходе своей дипломатической миссии Игнатьев вступал в контакты с британскими и французскими посланниками. Более того, лорд Эльджин, представитель Соединенного Королевства в Китае, нередко консультировался у Игнатьева по различным аспектам переговоров с пекинским правительством. Он даже использовал карту столицы Цинской империи, подаренную ему российским посланником, для выяснения мест содержания военнопленных европейцев, которых цинская сторона должна была возвратить Англии и Франции после заключения мира. Между тем прагматичный Игнатьев стремился выжить из благоприятной для него ситуации максимальную выгоду. Как позднее подчеркивалось в его мемуарах:

> «Собственно для нас, русских, было необходимо, чтобы союзники (англичане и французы. — *Е.С.*) действовали самым решительным образом, напугали бы окончательно китайцев, уничтожили бы на время их спесь и упорство, заставили бы их, наконец, подумать о нас и овладели бы хоть частью городской стены, не вступая, однако, тотчас же в город. В таком только случае я мог иметь возможность попасть в Пекин, своевременно получить некоторый вес в глазах китайцев, в минуту угрожающей им опасности принять ощутительное участие в последующих событиях и привести, может быть, к благоприятному для нас окончанию пограничный вопрос»[317].

Примечательно, что во время заключительной встречи лорд Эльджин сказал Игнатьеву, что он очень высоко ценит «деликатность русских» и выражает уверенность в том, что Англии следовало бы сотрудничать с Россией на Дальнем Востоке, так как только англичане и русские хорошо понимают, какую политику надо проводить в Азии. Отвечая собеседнику, Игнатьев заверил его, что Петербург не преследует особых выгод на Востоке и не стремится чинить препятствия британской торговле на азиатских рынках:

> «Мы соперничаем исключительно по вопросу границ, которые чрезвычайно важны для России как единственного соседа Китая на суше, но которые не имеют совершенно никакого значения ни для Англии, ни для какой-либо другой державы, — отметил российский посланник. — Поскольку национальные интересы двух наших государств нигде не сталкиваются, не существуют причины, которые могут препятствовать совместной атаке объединенных русско-британских сил против врага (Китая. — *Е.С.*)»[318].

Контакты с британскими и французскими дипломатами, а также посредничество в их переговорах с цинским правительством, которые удалось организовать Н.П. Игнатьеву, позволили ему добиться от китайцев подтверждения статей Айгуньского договора и решить в пользу России вопрос о бассейне Уссури. Кроме того, он договорился с ними о делимитации западно-

го участка границы в казахских степях и у подножия Тянь-Шаня. В результате длительного дипломатического торга стороны подписали Пекинский трактат в ноябре 1860 г. Этот документ способствовал дальнейшему укреплению стратегических позиций России на Тихом океане, отодвигал границы с Цинской империей к естественным рубежам — полноводным рекам и труднопроходимым горным хребтам и предупреждал всякую попытку иностранных держав закрепиться в дельте Амура. К перечню успехов Игнатьева в Китае нужно добавить и то охлаждение англо-французских отношений, которое было вызвано его вмешательством в ход переговоров европейских союзников с цинскими властями. Несмотря на заверения, данные Игнатьевым лорду Эльджину о незаинтересованности России в торговой экспансии на рынках восточных государств, Пекинский договор открыл перед российскими купцами дверь в северные и западные провинции Поднебесной для проведения беспошлинных коммерческих операций под патронажем русских консульств в пограничных пунктах.

Благодаря всем этим изменениям роль Центральной Азии как моста между Ближним и Дальним Востоком существенно возросла. Иначе говоря, тот, кто господствовал на берегах Сырдарьи и Амударьи, получал в свои руки рычаги контроля над основными транспортными артериями и торговыми путями, связывавшими Тихий океан и Атлантику. Вот почему значение миссий Е.В. Путятина и особенно Н.П. Игнатьева трудно переоценить, поскольку с 1815 г., как справедливо писал П. Хопкирк, «Россия никогда еще не заключала таких выгодных договоров, и, возможно, никогда ранее столь молодому российскому дипломату не удавался такой мастерский ход». Британский исследователь прав и тогда, когда он утверждает, что «успехи 1860 г. позволили стереть из памяти горькие воспоминания о крымских поражениях, тем более что они были достигнуты в значительной мере за счет введения англичан в заблуждение»[319].

Суммируя сведения о русских политических миссиях, представленные в этой главе, нетрудно признать, что сторонники активизации России на азиатском направлении после завершения Кавказской войны явно брали верх в среде имперской военно-политической элиты. С другой стороны, масштабные народные восстания, которые потрясли основы Британской Индии и Цинского Китая наряду с перманентными внутренними смутами, расшатывавшими традиционные режимы в Персии, Афганистане и ханствах Центральной Азии, порождали иллюзию невысокого риска продвижения России к теплым морям. Проникнутые духом авантюризма и охваченные стремлением к быстрой карьере, представители военной элиты и офицеры пограничных гарнизонов выражали готовность немедленно приступить к захватам новых территорий во имя Царя и Отечества.

Военные кампании России в Центральной Азии и реакция Великобритании

К началу 1860-х гг. административные структуры в центре и на местах фактически закончили подготовку к продвижению вглубь Азии: офицеры Главного штаба составили топографические карты театра кампании; большая часть войск, прошедших горнило крымской и кавказской войн, была переброшена поближе к границам среднеазиатских ханств; определенные улучшения наблюдались и в обеспечении полевых частей продуктами питания, боеприпасами и снаряжением, хотя Россия по-прежнему нуждалась в новых шоссейных и особенно железных дорогах, протяженность и плотность которых существенно уступала аналогичным показателям во Франции и Германии, не говоря уже о Великобритании[320].

Усиление напряженности в отношениях России и Коканда заставило Александра II избрать это ханство в качестве первой мишени для русского наступления. Дело в том, что Милютин вместе с генерал-губернаторами ряда военных округов, как отмечалось выше, неоднократно обращались к царю с предложениями соединить Сибирскую и Сырдарьинскую оборонительные линии, что потребовало бы аннексии широкой полосы кокандской территории. Один из высокопоставленных царских администраторов генерал-лейтенант Циммерман утверждал в 1861 г., что Россия непременно столкнется с угрозой возникновения «еще одного маленького Кавказа» в лице Кокандского ханства, поддержанного англичанами как «имеющего прямое сообщение с владениями Индии», если только правительство не предпримет срочных мер. По его мнению, единственным выходом из положения могло бы стать нанесение внезапного удара по кокандцам, «чтобы окончательно смирить их и сделать хана подвластным русского скипетру». Указывая то тот факт, что «завоевательная политика и постоянное стремление расширить торговые сношения создали величие и могущество Англии», Циммерман подчеркивал, что русский экспорт значительно увеличится после «большой экспедиции в Коканд», а вся торговля России с Центральной Азией оживится, как «оживилась торговля англичан и французов после пекинской экспедиции», то есть в результате разгрома Китая во второй опиумной войне[321].

Аналогичным образом в начале декабря того же года упоминавшийся генерал-губернатор Оренбурга и Самары А.П. Безак представил императору записку, в которой взвешивал все «за» и «против» русской экспансии на юго-восток. Его заключение касательно перспектив развития среднеазиатской торговли России звучало как суровое предупреждение: «Если англичане преуспеют в этом (то есть установлении своего влияния в Кокандском ханстве. — *Е.С.*) прежде, нежели мы утвердимся в Ташкенте и обеспечим сообщение через Коканд с Восточным Туркестаном, то они сделаются полновластными властителями Средней Азии, торговля которой вместе с тор-

говлей Китайского Туркестана останется в их руках безвозвратно»[322]. Любопытно, что хотя в серии последующих рапортов Милютину тот же Безак выражал сомнение относительно успеха британской коммерции в ханствах, не исключая Коканда, в силу крайней бедности местного населения и, следовательно, низкого внутреннего платежного спроса на импортные товары, он неустанно призывал царское правительство приступить к немедленной оккупации дельты Амударьи и разместить там флотилию паровых судов для навигации вверх по реке[323].

Многие офицеры на местах разделяли эти взгляды. Один из них, подполковник Н. Казаков, прослуживший много лет в пограничных гарнизонах и командовавший кавалерийским полком в Оренбургском военном округе, 14 июня 1862 г. направил всеподданнейшую записку, изложив в ней свое видение ситуации. Как отмечал Казаков, «в Ташкенте, Коканде и в особенности в Бухаре есть уже много англичан, обучающих туземные войска военному ремеслу. Являются медные нарезные пушки, порох, холодное оружие, ситцы и даже шелковые материи английского произведения. Встречались переодетые англичане и в наших киргизских степях, что ясно доказывает стремление этой нации к владычеству в Средней Азии и далее». Он с тревогой писал, что «англичане зорко следят за тем, чтобы мы не захватили непочатые богатства Средней Азии; их радует и обнадеживает наша медлительность», хотя в англо-индийской прессе постоянно высказываются «ревность» к русским успехам и «опасения» относительно расширения влияния России на весь Средний Восток[324].

Два существенных соображения необходимо принять во внимание, когда речь идет о реакции русской военной элиты и полевых командиров на текущие события в Азии: позицию персидского шаха и польское восстание 1863 г., связавшее руки царского правительства в Европе.

Что касается Насир-у-Дина, то он делал все от себя зависящее, чтобы вытеснить из своих владений воинственные туркменские племена, совершавшие регулярные нападения на населенные пункты и купеческие караваны. В свою очередь карательные экспедиции войск шаха против воинственных соседей заставляли туркмен перенести свои грабительские набеги, или *аламаны*, с северо-восточных провинций Персидской державы на юго-восточные территории более слабого Кокандского ханства, что вызывало массовое недовольство населения, страдавшего к тому же от внутренних междоусобиц[325].

С другой стороны, несмотря на восстание в Царстве Польском, русские стратеги предполагали открыть военные действия против этого ханства прежде, чем оно станет легкой добычей соседних азиатских государств, вроде Бухарского эмирата, или окажется в орбите Великобритании. 4 июля 1863 г. Игнатьев, возглавивший Азиатский департамент МИД, представил свои аргументы Милютину: «Если бы они (англичане. — *Е.С.*) были убеждены, что мы сами перейдем в наступление и доберемся рано или поздно до Индии, то ценили бы дружбу с нами»[326]. Две недели спустя, 17 июля 1863 г., генерал

предлагал парадоксальным образом сочетать военные действия против центральноазиатских ханств с патрулированием морских путей и заключением союза с Персией, Афганистаном и даже мусульманским населением Индостана против Британии[327].

Перспектива вмешательства великих держав, не исключая Соединенное Королевство, во внутренние дела империи, как расценивались Петербургом протесты европейских Кабинетов и общественности, обусловленные трагическими событиями в Польше, заставляла царское правительство постоянно напоминать монархам Старого Света о солидарности перед лицом революционных выступлений, угрожавших их тронам[328]. Неудивительно, что многие российские аналитики рассматривали новую серию британских интриг в Центральной Азии в связи с движением за освобождение польских земель. Иллюстрацией таких представлений может служить рапорт начальника штаба Оренбургского корпуса генерал-майора И.Ф. Бабкова, поданный на имя Милютина в начале января 1864 г.:

> «Носятся слухи, передаваемые бухарцами за верные, что в Коканде есть английские агенты, при этом рассказывают, что англичане давно уже имеют сношения с кокандцами и даже просили у них об отводе земли около самого Коканда, но получили в ответ, что таковая может быть им дана за 300 верст от сказанного города»[329].

Для защиты от набегов кочевников — киргизов с севера и туркменов с юга — жители Кокандского ханства возвели несколько укрепленных постов на границах, которые теперь могли быть ими использованы для отражения русского наступления. Особенно важное стратегическое значение имели небольшие крепости между Сузаком и Пишкеком. Вот почему корреспондент *Таймс* сравнил подготовительную деятельность России на своих центральноазиатских границах с активностью «крота под землей», который напряженно работает, стремясь к подрыву местных режимов. Указывая на особенности ханств, он писал:

> «Эти полуварварские государства, постоянно враждующие друг с другом и внутренне слабые, все же обладают чрезвычайно плодородными землями и привлекательны для захватчика. То, что это правда, становится ясным из размещения 300 тыс. русских войск вдоль границы, лежащей между Каспийским морем и озером Балхаш, сил, которые излишни только для оборонительных действий»[330].

Источники свидетельствуют, что необходимо разграничить предложения, с которыми обращались к правительству «военные умы», и реальные политические шаги, предпринимавшиеся петербургским Кабинетом в Азии. Согласно переписке и мемуарам современников, крупномасштабное наступление середины 1860-х гг. было осуществлено царскими войсками прежде

всего по инициативе Милютина и генералов на местах, хотя последние зачастую проводили спорадические военные операции «без определенного плана или схемы, не испытывая серьезного направляющего воздействия Петербурга», как справедливо заметила известная американская исследовательница Барбара Джелавич[331]. Стоит ли после этого удивляться, что спустя три десятилетия, уже в середине 1890-х гг., упоминавшийся талантливый военный ориенталист А.Е. Снесарев, речь о котором впереди, довольно критически оценивал центральноазиатскую политику Петербурга. «В одном из документов, опубликованных по мысли нашего МИДа, есть попытка намекнуть на какую-то планосообразность (так в документе. — *Е.С.*) наших действий в Средней Азии, — утверждал он в одной из неопубликованных рукописей, — но с этим трудно согласиться всякому, которому знакомы картины нашего движения более близко и интимно»[332]. Аналогичным образом высказывался на страницах своих мемуаров и карьерный дипломат Р.Р. Розен, проработавший длительное время в русских дипломатических миссиях на Дальнем Востоке и в США. Он вспоминал, что правительство и армия даже в русско-турецкую войну 1877–1878 гг. вступили «без четкого представления о результатах, которые они стремились достичь силой оружия»[333]. Да и сама динамика военных кампаний против центральноазиатских ханств подтверждает точку зрения о решающей роли импровизации и личной инициативы в действиях «среднеазиатских атаманов», как называл Снесарев таких генералов, как Колпаковский, Романовский, Черняев, Абрамов, Скобелев, Ионов, которые предпочитали ставить военное ведомство и самого царя перед свершившимися захватами все новых и новых территорий. К немногим исключениям, по мнению практически всех исследователей, можно было отнести тщательно спланированное наступление на Хиву в 1873 г. и атаку на туркменские крепости в 1880–1881 гг., о которых нам предстоит рассказать в следующих главах.

Чтобы достичь консенсуса между «военной партией» и более умеренными членами правительства, к примеру, министрами иностранных дел Горчаковым и финансов Рейтерном, Александр II организовал на протяжении 1861–1864 гг. серию Особых совещаний и консультативных встреч. Несмотря на то, что глава МИД настоятельно рекомендовал суверену не допускать дальнейших изменений азиатских границ империи[334], сторонники активизации политики в Центральной Азии среди ближайшего окружения императора использовали личное влияние на него, чтобы заручиться поддержкой в осуществлении своих замыслов. Многие высокопоставленные военные деятели, например, начальник Главного штаба Н.Н. Обручев, и даже некоторые дипломаты, такие как посланник в Пекине генерал-майор Влангали, высказывали уверенность в том, что основная «забота Кабинета — не усложнять дела наши в Азии, а напротив стараться их упрощать и тем отклонять излишние затруднения, могущие только стеснять свободу действий наших в Европе»[335]. Поэтому сторонники агрессивных действий России в Центральной Азии, как правило, убеждали Александра II признать сделанные захва-

ты *post factum*, вынуждая Горчакова и его подчиненных регулярно давать иностранным дипломатическим представителям соответствующие разъяснения действий России в том или ином регионе[336].

Фактически, роль чиновников царского МИДа и представителей в столицах различных стран, по верному замечанию Снесарева, «сводилась к оправданию и дипломатическому оформлению дел, уже законченных русскими генералами»[337]. Они были призваны создавать «дымовую завесу» для осуществления захватов азиатских территорий, с одной стороны, и отражать острые стрелы критики, которые европейская и особенно британская пресса направляла в адрес петербургского Кабинета при каждом новом продвижении казаков к границам Персии, Афганистана, Индостана или Восточного Туркестана, с другой. Что же касается российских журналистов, то они информировали общественность о занятии крепостей или населенных пунктов, делая акцент на цивилизаторской миссии, которую выполняла Россия в «нехристианских, полуварварских» странах. Оправдывая двойные стандарты в ее азиатской политике, Милютин настойчиво проводил мысль об оккупации ханств как единственно действенном инструменте, с помощью которого удастся склонить Лондон к торгу по европейским проблемам. В случае войны, утверждал министр, «нам следует особенно ценить контроль над этим регионом (Центральной Азией. — *Е.С.*), потому что это приведет нас к северным границам Индии и облегчит нам доступ в эту страну. Управляя Кокандом, мы сможем постоянно угрожать Ост-Индским владениям Англии»[338].

2 декабря 1864 г. Горчаков и Милютин направили Александру II программный меморандум о стратегических целях предстоящего подчинения Центральной Азии. Авторы вновь постарались прийти к компромиссу между концепцией стабильных границ, которые должны были заменить подвижный фронтир, не дававший россиянам возможность систематически осваивать покоренные территории, и проектами ликвидации ханств как источников постоянной нестабильности на южных рубежах Российского государства. Два ведущих министра констатировали, что «к 1854 г. мы достигли со стороны Западной Сибири озера Иссык-куль и реки Чу; со стороны же Оренбургского края заняли нижнюю часть течения Сырдарьи рядом укреплений… С распространением наших владений мы вошли в ближайшее соприкосновение со среднеазиатскими ханствами Хивой и Кокандом, считавших киргизов в числе своих подданных»[339].

Таким образом, эти государственные деятели по сути впервые выступили с идеей *научной* границы задолго до того момента, когда Дж. Керзон обосновал ее в серии статей, опубликованных на страницах солидных британских журналов в конце 1880-х гг. Как следует из меморандума, Горчаков и Милютин указали на естественные рубежи — горные цепи, труднопроходимые засушливые степи и пустыни, полноводные реки и озера, а также на факторы локализации обособленных этно-конфессиональных групп, которые требовалось учитывать политикам. Признав справедливость выска-

занных аргументов, Александр II фактически санкционировал поэтапное продвижение России в Центральную и Восточную Азию, которое должно было включать «приобретение, установление военного контроля и ассимиляцию» покоренных территорий и их населения[340].

Новая стратегическая линия России нашла отражение в известном циркуляре Горчакова, адресованном русским представителям за границей 3 декабря 1864 г. Принципы, которые легли в основу азиатской политики, свидетельствовали о том, что национальные интересы, прагматически понимаемые имперской властной элитой в духе *Realpolitik*, окончательно пришли на смену догмам династической солидарности или конфессиональной общности, типичным для эпохи Священного Союза. Компромисс, достигнутый главами ключевых ведомств относительно задач, стоявших перед Россией в Центральной Азии, побудил главу МИД выступить против дальнейшего немотивированного расширения границ империи, которая сталкивалась теперь не с разрозненными кочевыми племенами, а с государствами, обладавшими традиционными институтами власти[341]. Наряду с апологией недавних территориальных приобретений России, Горчаков провозгласил ее великую цивилизаторскую миссию на Востоке, осуществляемую в целях положить конец вторжениям кочевников, покончить с работорговлей и озарить светом христианской веры языческие массы «туземного» населения. По его мнению, масштабные вызовы времени, с которыми столкнулась Россия, полностью оправдывали намерение царского правительства, как заметил один англо-индийский публицист, «установить господство над теми, кого их беспокойный и вероломный характер сделал самыми нежелательными соседями»[342].

Пока государственные деятели и дипломаты пытались сформулировать общую концепцию азиатской политики, находя благовидные оправдания русскому продвижению на Восток, генералы приступили к прямому подчинению центральноазиатских ханств, в частности, Коканда как наиболее стратегически важного государства региона. Еще в ноябре 1861 г. царские войска захватили Яны-Курган, а два года спустя ими были заняты Сузак и Аули-Ата. На протяжении 1864 г. они последовательно оккупировали такие крепости, как Йессе и Чимкент, хотя последний был взят штурмом только со второй попытки после отчаянного сопротивления оборонявшегося гарнизона. Итогом «ползучей» аннексии стало создание удобного плацдарма для дальнейшего продвижения к границам Афганистана и Британской Индии[343].

Возникает закономерный вопрос: какова была реакция Лондона и Калькутты на резкое усиление присутствия «северного колосса» в столь чувствительном для Великобритании регионе?

Чтобы дать на него ответ, полезно напомнить читателю о попытках Лондона «перезагрузить» русско-британские отношения после окончания Крымской войны. В реальности английский истеблишмент прекрасно осознавал, что, несмотря на очевидную отсталость крестьянской России в сравнении с завершающей промышленный переворот Англией, их геостратеги-

ческие потенциалы были сопоставимы. Следовательно, не стоило ожидать победы над противником за счет нанесения ему одного, но решающего удара на суше или на море. Кроме того, сокращение, а тем более коллапс взаимной торговли противоречили хозяйственным интересам обеих стран. Именно поэтому политические и экономические реформы, проводившиеся Александром II в 1860-х гг., получили одобрение среди правительственных кругов и общественности Соединенного Королевства, ведь любые шаги в направлении либерализации авторитарного режима, по мнению многих британцев, создавали предпосылки для налаживания диалога между Лондоном и Петербургом по текущим проблемам международной жизни[344].

В этой связи некоторые государственные деятели рассматривали обширное пространство *Большой Игры* как своеобразный военно-дипломатический полигон, пригодный для апробации различных политических средств, немыслимых с точки зрения решения исключительно европейских проблем. Так, британские Кабинеты не упускали из вида задачу укрепления владычества в Индии, сопоставимую по своей значимости с обеспечением глобальной коммерческой экспансии англичан.

Для подтверждения сказанного обратимся к фактам. Так, 16 января 1858 г. министр иностранных дел лорд Кларендон дал согласие на возвращение барона (с 1871 г. графа) Ф.И. Бруннова на пост посла России в Лондоне. Этот «жест доброй воли» символизировал отчетливое стремление большей части британской властной элиты нормализовать отношения с русскими, учитывая то обстоятельство, что российский дипломат пребывал в той же должности до Крымской войны на протяжении 14 лет[345].

Ранее упоминалось, что в августе того же года парламент принял Акт об Индии, согласно которому ведение дел с Персией изымалось из компетенции министерства по делам Индии и передавалось Форин офис[346]. С помощью этих мер Лондон пытался строить политику, учитывая новый баланс сил, те тенденции к прагматизму, которые демонстрировала Россия в Азии, и далеко идущие планы Франции в отношении Индокитая[347]. Примечательно, что лорд Расселл, который занял кабинет министра после Кларендона, подчеркивал «пацифистский» мотив британской политики по отношению к России в инструкциях сэру Джону Крэмптону, очередному представителю Соединенного Королевства в Петербурге, датированных 31 марта 1860 г.:

> «У Великобритании нет желания начинать борьбу против России за влияние в Центральной Азии, но мы стремимся к тому, чтобы Россия не извлекала выгоды из своих отношений с Персией и средств давления на государства Центральной Азии с целью посягательств на их территории, которые… должны остаться во владении местных правителей и быть незатронутыми внешними интригами»[348].

Такая формулировка стратегических целей была обусловлена двойственным подходом к решению проблемы границ Британской Индии в полити-

ческом и географическом смыслах. С точки зрения политики, ее пространство ограничивалось территорией под прямым британским контролем, тогда как во втором случае оно простиралось бы на все соседние государства-клиенты англичан. Показательно, что в работе кембриджского исследователя Б. Хопкинса, посвященной генезису англо-сикхского союза, рассмотренного через призму русско-британского соперничества, автор рассуждает о дилемме, которая возникла перед Лондоном на северо-западной границе Индии: либо всемерно укреплять ее, исходя из перспективы неминуемого русского вторжения, и способствовать консолидации Афганистана, либо защищать территорию *Раджа*, лишив сикхов, традиционно враждовавших с афганскими правителями, пространства для экспансии, «в которой, как в фокусе, сходились их амбиции и возможности»[349].

По всей вероятности, к середине 1860-х гг. первая точка зрения возобладала среди ведущих британских аналитиков. А. Вамбери вспоминал о своих беседах с Пальмерстоном и Кларендоном после возвращения из многомесячных странствований по дорогам Ближнего и Среднего Востока. По его мнению, оба государственных деятеля довольно индифферентно отреагировали на атаки русских войск против Коканда. Они объяснили Вамбери, что «политика России в Центральной Азии ограничена теми же рамками, что и наша (британская. — *Е.С.*) политика в Индии; она (Россия. — *Е.С.*) вынуждена постепенно продвигаться с севера на юг, также как мы должны были наступать с юга на север. Она оказывает услуги цивилизации, и мы не будем сильно возражать, если она возьмет Бухару»[350].

Однако сторонники наступательного курса не спешили складывать оружия. Дело в том, что вместе с ликвидацией Ост-Индской компании и реорганизацией англо-индийской армии после подавления восстания сипаев определенное количество профессиональных военных, часть которых также принимала участие в Крымской и второй опиумной войнах, выдвинулось на командные позиции в Индии, воздействуя на правительство и общественное мнение как Калькутты, так и Лондона в пользу более жесткой политики по отношению к России[351].

Кроме того, значительные изменения претерпели спецслужбы. Как известно, первая структура с разведывательными функциями возникла на Британских островах еще в 1803 г. под названием Депо военных знаний. Вслед за ним в 1815 г. был создан Департамент топографии, чей небольшой штат занимался сбором сведений из иностранной печати и картографированием неисследованных территорий[352]. В 1820 г. Ост-Индская компания создала собственную секретную Политическую службу для мониторинга ситуации в *Радже*[353].

Спустя почти десять лет лорд Элленборо, президент Контрольного совета по делам Индии, внес свой вклад в формирование разведывательной сети в тех регионах, которые непосредственно граничили с владениями англичан на полуострове[354]. Но привлечение на британскую службу информаторов из числа местных жителей было инициировано генерал-губернатором

по просьбе руководства Ост-Индской компании только в 1832 г.[355] Склоки и раздоры между союзниками по анти-русской коалиции во время Крымской войны вместе с неспособностью секретных агентов представить информацию о готовящемся восстании сипаев привели в 1855 г. к реорганизации Департамента топографии в Департамент топографии и статистики Военного министерства, а также назначению атташе в столицы великих держав, включая Россию[356]. По образному сравнению английского историка К. Бэйли, «многое из британской системы организации шпионажа и контроля было уничтожено за несколько дней и требовало восстановления по кусочкам»[357]. Эта «перестройка» завершилась тем, что обновленный Департамент топографии и статистики оказался способен составить около 2 тыс. различных карт, схем и чертежей общим тиражом в 237159 экземпляров с 1857 по 1870 г.[358]

Одновременно получил реализацию проект Большого тригонометрического исследования (БТИ) Индостана, которым британские власти занимались на протяжении нескольких десятилетий, не в последнюю очередь благодаря самоотверженным усилиям таких энтузиастов как суперинтенданты англо-индийской армии полковник Уильям Лэмбтон и сэр Джордж Эверест. Достаточно сказать, что капитан (позднее полковник) Томас Монтгомери, первый помощник начальника БТИ, впервые реализовал «идею организации тренировок туземных топографов, которые могли переодетыми «просачиваться» через пограничные «поры» Гималаев»[359].

Упоминавшиеся выше *пандиты* (*pundits*), или на хинди — «люди, обладающие знанием санскрита», представляли собой выходцев из различных народностей, проживавших в предгорьях Гиндукуша и на территории Восточного Туркестана, которых англичане рекрутировали главным образом для топографической съемки горных склонов на севере Индии, особенно проходов и перевалов, находившихся под контролем цинских и русских пограничных постов. Неслучайно в 1861 г. именно Монтгомери пригласил восемь добровольцев для прохождения специального четырехгодичного курса обучения в штаб-квартире БТИ, расположенной в местечке Дехра-Дан на севере Индостана, причем только два из них были приняты на британскую службу. «К 1865 г., — пишет упоминавшийся Д. Стюарт в недавно вышедшем труде по этой теме, — Наин и Мани Сингхи стали высоко квалифицированными оперативными сотрудниками разведывательной службы Раджа и были готовы совершить свою первую трансгималайскую экспедицию», хотя американский исследователь Д. Уоллер называет лето 1863 г. в качестве начальной даты отправки пандитов в путешествие через Тибет, конечной точкой которого стал Яркенд — крупный торговый центр Восточного Туркестана[360].

Специалисты продолжают высказывать различные мнения о характере и результатах деятельности этих «туземных» участников *Большой Игры*, хотя большинство авторов высоко оценивают их вклад в изучение отдаленных регионов и картографирование «ничейных» территорий в ходе БТИ[361]. На-

пример, Р. Джонсон делает акцент на сочетании географических исследований и разведывательной деятельности: «Их (пандитов. — *Е.С.*) достижения рассматривались до последнего времени исключительно в сфере географии, но мало сомнений в том, что истинная подоплека топографической работы имела много общего с добыванием разведывательной информации и гораздо менее была связана с расширением знаний для каких-то научных целей»[362].

В то же время секретные миссии, которые выполняли мусульмане, состоявшие не только на британской, но и на русской службе, известны историкам недостаточно. Поэтому любые документальные свидетельства вызывают повышенный интерес, как, скажем, записка генерал-майора М.И. Венюкова, известного русского путешественника и военного топографа, чьи исследования Азии можно сравнить с аналогичной работой, проведенной А. Вамбери для англичан. В частности, перечисляя наиболее значимые экспедиции, состоявшиеся по инициативе Главного штаба с 1856 по 1871 г., Венюков упомянул путешествия двух мусульман — некоего Абдул Меджида в 1860 г. и Мохамеда Абдул Хамида в 1863 г., причем первый из них исследовал маршрут от Пешавара до Коканда, тогда как второй произвел топографическую съемку дороги от Кашмира до Яркенда. Важно, что Мохамед Абдул Хамид методично фиксировал всех встреченных им англичан и агентов-индусов на британской службе, которых ему удавалось «расшифровать» во время поездки[363].

Эти и многие другие документальные источники подтверждают вывод о том, что правящие круги, эксперты в столицах и «игроки» на местах высказывали различные мнения относительно проведения наиболее эффективной азиатской политики в контексте *Большой Игры*, особенно с началом ускорения темпов продвижения России к берегам Окса, как продолжали называть Амударью европейцы.

Глава 3.

Дорога к Оксу, 1864–1873

Ни в коей мере не был дружественным взгляд, устремленный на экипаж белого человека. О, этот язык глаз! Именно через него я понял, что нашу расу временами даже не боятся, и всегда ненавидят.

Из письма
в редакцию газеты *Таймс*

Большая Игра и создание Русского Туркестана

Один из наиболее активных боевых командиров-туркестанцев генерал-майор Д.И. Романовский назвал период 1854–1867 гг. критически важной фазой реализации амбиций России в Центральной Азии[364]. Однако, с нашей точки зрения, принципиально значимым десятилетием в *Большой Игре* стал хронологический отрезок между 1864 и 1873 г., во время которого были покорены три ханства — Кокандское, Бухарское и Хивинское, а на большей части их территории создано Туркестанское генерал-губернаторство. При этом начало продвижения России к Амударье (Оксу) было положено наступлением на владения хана Коканда, а его завершающим аккордом явилась капитуляция хивинского правителя.

Вторжение русских отрядов в пределы Кокандского ханства обеспокоило скорее Калькутту, чем Лондон. Члены индийского правительства бомбардировали министра по делам Индии сэра Ч. Вуда шифровками об агрессивных планах Российской империи в Центральной Азии. Многие общественные деятели публиковали памфлеты о казаках, приближающихся к границам *Раджа*. Несмотря на провал попытки царских войск захватить Ташкент схо-

ду, вице-король лорд Лоуренс и его министры с тревогой сообщали в Лондон 22 ноября 1864 г., что «эмиссары, прибывшие из Коканда, при встрече с ними в Лахоре обратили наше (английских властей. — *Е.С.*) внимание на движение вперед, которое российская держава совершает в Центральной Азии, и ту угрозу, которую она создает для Кокандского государства, неспособного самостоятельно справиться с силами, посягающими на его суверенитет и даже само существование. Посланцы настаивали на помощи, которая требуется их стране, и особенно просили отправить британских офицеров и солдат для организации Кокандом вооруженного отпора...»[365].

Хотя вице-король по инструкциям из Лондона воздержался от оказания широкомасштабного вооруженного содействия кокандцам, британские власти попросили эмиссаров «подобрать способных и энергичных молодых людей» для отправки в Индию с целью их обучения «в различных областях военной службы, для чего будут созданы все необходимые условия при получении согласия на это правительства Коканда»[366].

В свою очередь Форин офис устами министра иностранных дел лорда Расселла обратился к послу Ф.И. Бруннову с запросом о развитии ситуации вокруг ханства. Отвечая на него, представитель России озвучил позицию петербургского правительства относительно его решимости положить конец вторжениям отрядов «степных бандитов» с кокандской территории, равно как и необходимости обеспечить защиту торговых путей от нападений воинственных племен на торговые караваны и мирные поселения в приграничной зоне. К тому же Бруннов указал на то, что британская администрация сталкивается с аналогичными вызовами во многих азиатских странах, включая «пояс полунезависимых малых горных княжеств на северо-западе Индостана». Однако он воздержался от конкретизации пределов, которые русские намерены достичь в Центральной Азии[367].

Следует заметить, что еще в январе 1863 г. секретарь политического резидента Великобритании в Пенджабе Р. Дэвис составил обзор состояния торговли между европейским государствами, Китаем и странами Центральной Азии для своего шефа генерал-лейтенанта Р. Монтгомери. Примерно через два года военному агенту в Лондоне полковнику Н. Новицкому удалось получить этот документ, который он представил в виде приложения к своему еженедельному отчету в Главный штаб. Сравнивая русские и британские цели в сфере внешней торговли, Дэвис утверждал, что «товары и изделия из Европы должны и в значительной степени уже находят более широкий спрос на региональных рынках, когда они ввозятся из Индии, а не из России». Вывод, который он сделал в своем обзоре, гласил:

> «Мы уже убедились, что значительный объем торговли со странами Центральной Азии и повышенный спрос на товары из Европы и Индии существуют в реальности; мы также увидели, что, определяя Яркенд, Бухару и Герат в качестве врагов развития коммерции в Центральной Азии, мы практически более востребова-

ны на рынках, чем Россия; нам следует поэтому не жалеть усилий для развития этой торговли и предпринять все от себя зависящее для устранения любых препятствий на ее пути»[368].

Отсюда становилась понятной озабоченность прежде всего англо-индийского правительства в связи с русским наступлением на Ташкент, самый крупный центр торговли, расположенный на Великом шелковом пути. В то же время, циркуляр Горчакова от 3 декабря 1864 г., речь о котором шла в предыдущей главе, открывал возможность осуществления цивилизаторской миссии в «полуварварских» средневековых ханствах в интересах других стран Европы. Ведь порядок и стабильность, которые царская администрация стремилась установить в регионе, объективно представляли для европейцев лучший выбор, чем хаос и правовой вакуум, не позволявшие сформировать там благоприятный инвестиционный климат[369].

Вот почему британские политики стояли перед дилеммой: с одной стороны, они не могли отрицать роль России как державы-цивилизатора в Азии, а с другой, — стремились всячески ограничить ее экспансию, опасаясь перехода обширных территорий и многочисленных народов под контроль своего главного геополитического соперника, способного, кроме того, интегрировать азиатские страны в систему международных политических и хозяйственных связей без участия Великобритании. Передовые статьи в *Таймс* служат ярким примером такого двойственного восприятия. Когда царские войска под командованием генерал-майора М.Г. Черняева безуспешно штурмовали Ташкент повторно в мае 1865 г., потеряв, по некоторым, оказавшимся завышенным данным, более 4 тыс. чел. убитыми и ранеными, корреспондент ведущей британской газеты, высказав сожаление в связи с этим печальным обстоятельством, счел все же уместным подчеркнуть:

«Как бы ни было справедливым утверждение, что политика России традиционно агрессивна и что в Петербурге все еще размышляют над неопределенными проектами включения Востока в одну большую империю, на протяжении нескольких поколений такие проекты будут неизбежно представлять собой сумасбродную и невыполнимую мечту, а в условиях постоянно меняющейся политической компоненты власти, столь далеко идущие прогнозы не способны оказать влияние на действия разумных политиков...»[370]

Историография военных кампаний против ханств Центральной Азии насчитывает немало исследований российских и британских авторов, как современников описываемых событий, так и историков[371]. И хотя они подробно разбирали динамику процесса, его главные мотивы остаются по-прежнему дискуссионными. Представляется, однако, что завоевание азиатских территорий обеспечило колоссальный рост престижа Российской империи, что и создавало важнейший стимул для экспансии России на Восто-

ке. При этом расширение русского влияния, впрочем, как и нередко британского, достигалось за счет комбинации силового давления, финансовых субсидий и ориентации на определенные социальные слои или конфессиональные группы, что будет показано ниже. К сожалению, нередко захват кокандских или бухарских городов и опорных пунктов сопровождался массовыми убийствами не только их гарнизонов, но и тысяч мирных жителей. Вот как, например, описывал один из таких эпизодов П.И. Пашино, журналист, востоковед, путешественник и секретный агент военного ведомства:

> «Чимкент (крепость на подходах к Ташкенту. — *Е.С.*) стал русским 20 сентября (2 октября. — *Е.С.*) 1864 г. благодаря штурму, произведенному генералом Черняевым. Резня была жестокая: солдаты, разграбивши базар, врывались в дома жителей и душили их; пострадали также многие женщины и дети. Годовщину этого штурма туземцы сопровождают повсеместным плачем, и, пожалуй, действительно готовы бы были отомстить «кяфирам» (то есть, «неверным». — *Е.С.*) за это, но не хватает средств»[372].

Другой показательный эпизод неоправданных жестокостей со стороны военных властей связан с приказом генерал-губернатора Туркестана К.П. Кауфмана своим офицерам провести, используя современный язык, тотальную этническую чистку в отношении туркмен-йомудов, чтобы прекратить их нападения на тыловые базы войск, наступавших на Хиву в 1873 г.[373]

В то же время за актами насилия с целью устрашения следовали пропагандистские кампании, организованные колониальными администраторами среди местного населения, которое они стремились убедить в неминуемости исполнения древнего пророчества о Белом Владыке с Севера, призванном изгнать других европейцев, особенно англичан, из Азии. «Распространение этого предсказания среди кочевых племен, оседлого населения и даже местной знати, включая таких правителей, как бухарский эмир или хивинский хан, — отмечал М.И. Венюков, — создаст прочный фундамент для прогрессивного движения России в направлении Хорасана и Гиндукуша»[374].

Опасаясь, что чрезмерные репрессии оккупационных властей в отношении мусульманского населения способны вызвать *джихад* — или «священную войну» приверженцев ислама против «неверных», искры которой могли перекинуться не только на территорию *Раджа*, но и на другие британские владения, члены Кабинета и руководители Форин офис призывали Петербург к сдержанности и толерантности в отношении покоренного населения, хотя и не отказывали царским властям в праве бескомпромиссного подавления народных выступлений и борьбы против бандитских шаек[375]. Однако указанная выше двойственность британской позиции заставляла сторонников наступательной политики в России обвинять англичан в некой «скрытой» повестки дня их азиатской политики. Так, по мнению все того же Венюкова, если даже *Таймс* до известной степени поощряла русское продвижение к Оксу, то это означало, что Лондон поставил себе долговремен-

ную цель, которая состояла в эвентуальном истощении военного потенциала России за счет затрат на аккультурацию малоплодородных засушливых степных и пустынных земель, населенных к тому же беспокойным населением, требующим длительного умиротворения. Как указывал вице-король лорд Лоуренс в письмах к упоминавшемуся Вуду и его преемнику на посту статс-секретаря по делам Индии лорду Райпону в 1865–1866 гг.:

> «Любая угроза Индостану со стороны России с северо-востока Центральной Азии маловероятна. Если Индия когда-либо подвергнется вторжению русской армии, то оно станет возможно только через Герат. Поэтому в интересах Британии втянуть Россию в дела Яркенда и Бухары. Это отвлечет ее энергию, истощит ресурсы, уменьшит опасность ее интриг среди пограничных племен и создаст анти-российские настроения среди мусульман Индостана»[376].

В письме к другому видному члену Кабинета — лорду Норткоту 3 сентября 1867 г. вице-король утверждал, что «чем далее Россия расширяет свою власть, чем больше территория, которую она занимает, тем уязвимее пункты, которые она должна защищать, больше угроза, которую она должна испытывать от восстаний и значительнее сумма расходов»[377]. Неслучайно поэтому в годовых отчетах Азиатского департамента МИД середины 1860-х гг. эти замыслы «коварного Альбиона» получили всестороннее освещение[378].

Но, как уже подчеркивалось выше, сдержанность и терпимость порой уступали место авантюризму и агрессивности, особенно со стороны военных администраторов на местах. Кроме того, в Петербурге прекрасно понимали, что хозяйственные интересы торговцев, ремесленников и других слоев населения Чимкента, Ташкента, Самарканда и Бухары заставляют их поддерживать ту силу, пусть и внешнюю, которая смогла бы обеспечить им общественный порядок и стабильные коммерческие связи с российскими губерниями. Это было особенно справедливо в отношении этнических или конфессиональных меньшинств, сосуществовавших с тюркским населением, исповедовавшим по преимуществу суннитский ислам. Среди таких меньшинств в тот период выделялись персы, армяне и евреи, которых с известной долей условности можно было назвать «пятой колонной» России на территории ханств. Участник описываемых событий, а впоследствии военный историк М.А. Терентьев вспоминал позднее, что «более и, конечно, искренне всех радовались нашему вступлению в Самарканд евреи и иранцы: первые — как отверженные, получившие с нашим приходом полные права русского гражданства, а последние — как невольники или потомки пленных, рассчитывавшие на лучшие времена и на возвращение в Персию»[379].

В свою очередь военные власти охотно вступали в контакт с нетюрками и немусульманами, привлекая их к работе на низших административных ступенях. Для подтверждения сказанного сошлемся на информацию секретного британского агента в Бухаре, который сообщал своим кураторам 14 мая 1865 г., что русские освободили 12 тыс. рабов из Персии, захваченных

туркменами еще в 1859 г. и проданных ими на рынках эмирата. Из этого сообщения далее следовало, что более 10 тыс. освобожденных лиц добровольно согласились перейти на русскую службу[380]. Другие источники свидетельствуют, что многие киргизские и казахские кланы, не признававшие власть кокандцев, переходили под власть России, выполняя для царских войск функции следопытов и информаторов[381].

По рассказам очевидцев, царские власти относились к бухарским евреям, подвергавшимся дискриминации в ханстве, гораздо лучше, чем к мусульманам. При этом следует подчеркнуть, что положение евреев в Бухаре было более сносным, чем в Хивинском ханстве, правитель которого подвергал их гонениям, хотя в Коканде они даже занимали ряд государственных должностей. Вполне понятно, что многие из них с нетерпением ожидали прихода царских войск, а некоторые активно помогали русским во время осады Бухары и других городов ханства. В частности, представители самых богатых купеческих семейств Чимкента и Ташкента зачастую выступали в роли тайных осведомителей и проводников для русских офицеров. Характерно, что после утверждения российской власти вплоть до 1889 г. евреи Центральной Азии пользовались равными правами со всеми другими подданными империи, включая разрешение беспрепятственного въезда в европейские губернии России, поскольку для большинства торговля являлась основным занятием. Неудивительно поэтому, что к концу XIX в. только в Ферганской области насчитывалось 693 торговых и промышленных заведений, принадлежавших местным евреям[382].

Как уже отмечалось выше, англофобия продолжала выступать сильным побудительным мотивом движения русских к Оксу. По верному замечанию одного российского путешественника, «роль страха перед Англией в ходе постоянных завоеваний не следует недооценивать», поскольку правители и претенденты на их троны в ханствах частенько апеллировали к Калькутте в борьбе за власть, используя жупел «царской агрессии». Выше мы приводили пример с посланниками из Коканда, прибывшими в столицу Британской Индии с мольбой о помощи. Другим типичным эпизодом в этом отношении стало бегство в *Радж* Абдул Мелик-хана, старшего сына бухарского эмира Саида Музаффар-у-Дина, после поражения восстания, которое он поднял против своего отца-коллаборациониста и русских оккупационных властей. Заручившись покровительством англичан, он продолжал настаивать на своих правах в качестве законного претендента на престол в течение многих лет[383].

Данный сюжет иллюстрирует одну из причин сохранявшейся англофобии в кругах военно-политической элиты России. Чтобы противопоставить европейскому либерализму в британской упаковке некий идейный концепт, понятный и привлекательный для традиционных азиатских социумов, царские стратеги предлагали императору начать широкую пропаганду традиционных духовных ценностей Святой Руси на Востоке, стремясь поддерживать дружественные отношения с двумя «большими азиатскими соседя-

ми», имея в виду Персию и империю Цин, дабы в случае открытой борьбы с Англией, как подчеркивал Венюков, «иметь их за себя хотя бы нейтральными, а не против»[384].

В свете сражений, которые вели царские войска против кокандцев, а затем и бухарцев, любому беспристрастному наблюдателю становилось ясно, что уничтожение первого ханства откроет дорогу беспрепятственному проникновению русских в Восточный Туркестан, а установление протектората над вторым будет означать контроль России над важным духовным центром ислама. Неслучайно в июле 1865 г. после очередного вторжения в Кокандское ханство эмир Бухары стал рассматриваться многими правоверными на Среднем Востоке как «новый Тимур», способный при благоприятных условиях объединить весь регион, включая Афганистан, под своей десницей для отпора притязаниям персидского шаха с запада, русского царя — с севера и англичан — с востока[385].

В то же время царские дипломаты продолжали заявлять своим британским партнерам о беспочвенности опасений Лондона и Калькутты относительно неограниченного русского экспансионизма. Так, в беседе с послом сэром Э. Бьюкененом 12 сентября 1865 года А.М. Горчаков поспешил сослаться на пример Великобритании, указав, что императорское правительство намеревается учредить генерал-губернаторство в Азии по примеру англичан, создавших на территории Индостана вице-королевство вслед за подавлением восстания сипаев[386]. При этом, однако, он невольно открыл перед собеседником основную дилемму российской политики на Востоке: стремиться к прямому поглощению завоеванных территорий, либо вести дело к превращению их в буферные государства между имперскими владениями Британии и России[387].

Очевидно, под впечатлением этих высказываний американский историк М. Холдсуэз пришла в своей монографии к ошибочному выводу, что «система буферных стран и более или менее признаваемые сферы влияния, которые составили *modus vivendi* между Великобританией и Россией в Центральной Азии, были тем, что как Горчаков, так и Гирс стремились учредить на протяжении всей второй половины века (девятнадцатого. — *Е.С.*). Этому хрупкому балансу неизбежно угрожал каждый новый шаг в ходе русского продвижения вперед, и именно это соображение сдерживало и откладывало более агрессивные планы военных администраторов, причем не только ответственных лиц в Туркестане и Западной Сибири, но и на Кавказе»[388]. Наше исследование показывает, однако, что царское правительство так и не сделало окончательного выбора в пользу одного из сценариев, понимая статус буферов не совсем так, как его рассматривали творцы британской внешней политики. Если для русских буферное государство являлось протекторатом, фактически лишенным суверенитета, то англичане признавали его независимость, хотя и ограниченную личными договоренностями с местными правителями.

Ранее мы уже упоминали идею буферных государств, предложенную К.В. Нессельроде в бытность его министром иностранных дел при Николае I. Позднее, уже в период царствования Александра II некоторые высокопоставленные региональные администраторы развивали эту концепцию. К примеру, генерал-губернатор Оренбурга и Самары Н.А. Крыжановский предложил Горчакову восстановить Ташкентское ханство, существовавшее в начале XIX в. и позднее разгромленное Кокандом. Согласно точке зрения генерала, такое буферное государство могло эффективно прикрыть границы России на Амударье[389]. Ниже будет также показано, как всесильный Кауфман одно время выступал со сценарием поддержки Петербургом создания буфера в Восточном Туркестане.

Возвращаясь к объяснению мотивов завоевания центральноазиатских ханств, полагаем, что не следует сбрасывать со счетов дополнительные факторы, оказывавшие влияние на этот процесс: честолюбивые амбиции сильных личностей, вроде Игнатьева, Кауфмана или Черняева; соперничество различных политических клик при петербургском дворе за благосклонное внимание императора, а также трения между центральным правительством и формировавшимися региональными элитами, — все эти обстоятельства снижали оперативность и эффективность принятия решений в конкретных ситуациях[390].

Наконец, вопрос о цене перманентных завоеваний очень скоро встал на повестку дня общественной дискуссии, что свидетельствовало о начале складывания в России гражданского общества на рубеже 1860-х – 1870-х гг. Систематическое покорение Туркестана, этого региона, который стал для империи, по словам одного из британских консулов, «великой военной школой»[391], представлялось в статьях некоторых публицистов гораздо менее дорогим предприятием, чем бессчетные спорадические карательные операции по умиротворению воинственных племен и разбойных шаек, совершавших набеги из регионов, неподконтрольных русским[392].

Решение царя учредить на территории Коканда постоянные военно-административные органы привело к обнародованию высочайшего повеления о создании новой провинции на землях, которые раскинулись от озера Иссык-Куль на востоке до Аральского моря на западе. 6 февраля 1865 г. генерал-майор М.Г. Черняев, прозванный современниками «Ташкентским львом» за взятие крупнейшего города Центральной Азии, был назначен военным губернатором Туркестанской области с оперативным подчинением генерал-адъютанту Крыжановскому. Несмотря на это, Черняев продолжал действовать во многом на свой страх и риск в соответствии со складывавшейся обстановкой, а больше с собственными амбициями, которые он стремился оправдать происками англичан и экспансией Бухары против Коканда. Зачастую игнорируя распоряжения своего непосредственного начальника, не говоря уже о приказах военного министра, находившегося вдали от туркестанского театра, избегать немотивированных атак кокандских укреплений, новоявленный «конкистадор» использовал любой предлог для карьерного роста.

Так, штурм Ташкента и вторжение в Бухарский эмират он опять-таки представил как превентивный удар с целью нейтрализации коварных планов Англии укрепить свои позиции в ханствах[393]. Однако регулярные нарушения субординации со стороны генерала, методично фиксировавшиеся Крыжановским, и просьбы Горчакова обуздать строптивого военачальника, импровизированные операции которого выставляли Россию в крайне невыгодном свете перед международной общественностью, все же вынудили царя отозвать Черняева в Петербург, назначив специальную комиссию для расследования его деятельности. Любопытно, что, несмотря на временную опалу, «Ташкентский лев» впоследствии оказался востребованным на фронтах русско-турецкой войны 1877–1878 гг., по завершении которой получил пост генерал-губернатора Туркестана уже в царствование Александра III[394].

Длительная военная кампания против Бухары, которая продолжалась с 1864 по 1868 г., то есть фактически параллельно с покорением Коканда, наряду с намерением центра положить конец «вольнице» со стороны полевых командиров предопределили повышение статуса Туркестана до генерал-губернаторства согласно очередному указу императора[395]. Работа специальной комиссии под руководством Милютина завершилась 23 июля 1867 г. назначением на пост первого в истории российского «вице-короля» Туркестана близкого царю генерал-адъютанта К.П. Кауфмана. Мы неслучайно назвали его вице-королем, поскольку Александр II предоставил своему любимцу поистине неограниченные полномочия во всех сферах его административной деятельности. Властные функции Кауфмана были столь всеобъемлющи, что местные жители именовали генерала «полуцарь», в то время как некоторые остряки среди офицеров Генерального штаба дали ему прозвище «купца из милютинской лавочки»[396]. Впрочем, сам военный министр прокомментировал это событие следующим образом:

> «Генерал Кауфман получил как от министерств иностранных дел и военного, так и лично от самого Государя, положительное указание — избегать всяких новых завоеваний, всякого распространения пределов империи, как бы ни казались эти приобретения заманчивыми и легкими. Цель нашей политики в том крае должна была состоять в том, чтобы соседние ханства подчинить лишь нравственному нашему влиянию, установить мирные и торговые с ними сношения и прекратить грабежи в наших пределах»[397].

Образование Русского Туркестана символизировало наступление новой эпохи в интересующем нас регионе[398]. Как метафорически высказался один из историков, «Средняя Азия до некоторой степени стала выступать в качестве заморской колонии России, отделенная от нее колоссальным пространством песчаных пустынь»[399].

Справедливости ради упомянем все же и о критике, которая раздавалась в адрес правительства со стороны некоторых наблюдателей относительно

той модели военно-административного устройства Туркестана, которую избрали петербургский Кабинет и сам Кауфман, направивший на высочайшее имя целую серию записок с проектами обустройства покоренных территорий. В частности указывалось на недостаточное знание географических, политических и экономических особенностей Туркестана военным и гражданским персоналом создававшегося генерал-губернаторства. Например, Венюков выражал сомнения в степени информированности о странах и народах, с которыми русские вынуждены иметь дело, чтобы проводить какой-то стратегически выверенный курс. Впоследствии эксперт указывал на географическое невежество Горчакова, якобы проявленное им в 1873 г., когда, поздравляя Кауфмана с завершением хивинской кампании, канцлер попросил генерала «на пути из Ташкента в Хиву не заходить в Кашгар, ибо это привело бы к затруднениям со стороны Англии». О систематическом непонимании реалий Центральной Азии высокопоставленными царскими бюрократами свидетельствовал и Черняев[400].

Развивая критику туркестанской политики правительства, начальник штаба Кавказского военного округа генерал-майор А. Свистунов даже составил специальную памятную записку о негативных последствиях установления российского протектората над Закаспийской областью. Проводя параллели между завоеванием Кавказа и систематическим покорением Средней Азии, автор записки утверждал, что всякие новые территориальные приобретения там неизбежно сдвинут фокус русской политики на восток, ослабив связи между географическим центром империи и ее западными, то есть европейскими, «окраинами», которые в дальнейшем проявят склонность к сецессии. По его мнению:

> «Если действительно преимущественное для нас значение Средней Азии заключается в том, что в случае войны России с Англией она (Средняя Азия. — *Е.С.*) может представить единственный путь для наступательных с нашей стороны действий против английских владений, если на этом только пути мы в состоянии открыть уязвимую для нас сторону британского могущества, то и в предвидении этой случайности несравненно выгоднее для нас в отношении Закаспийской степи система действий, ныне предлагаемая, чем покорение Россией всей страны до истоков Амударьи и отрогов хребта Гиндукуш. Покорив страну, в случае войны с Англией и усиленных при этом подстрекательств среднеазиатских племен, как со стороны нее, так и непременной ее союзницы Турции, мы должны бы были или наводнить среднеазиатские наши владения войсками, которые, расточив неимоверные усилия на поддержание спокойствия в крае, не могли бы ни в каком случае предпринять активных операций против Английской Индии; или, ограничившись самой пассивной ролью, совершенно очистить от войск наших Закаспийский край, оставить его на произвол судьбы

с тем, чтобы впоследствии предпринять сопряженное уже с гораздо большими трудностями новое его завоевание»[401].

В свете продолжавшихся дискуссий о перспективах Русского Туркестана особое внимание аналитиков привлек проект Кауфмана по административному обустройству края, который он разослал во все министерства и ведомства, имевшие отношения к внешней и внутренней политике. Поскольку критики справа и слева указывали на несоответствие предлагавшихся *Установлений* интересам Российской империи, так как проектируемая система управления Туркестаном значительно увеличивала финансовое бремя, которое уже нес государственный бюджет, в доводах, приведенных Кауфманом, вновь зазвучали англофобские нотки[402]. Например, делались ссылки на сильное влияние, которое оказывала бухарская и кокандская диаспоры на двор турецкого султана при поддержке британских дипломатов. Далее говорилось о благоприятной среде для распространения идей панисламизма, которую создают эти диаспоры на Ближнем и Среднем Востоке. Учитывалось и то обстоятельство, что правители ханств регулярно направляли своих эмиссаров в столицу Османской империи, чтобы заручиться поддержкой турецкого султана — формального главы всех правоверных.

Приведем отрывок из пространного меморандума ветерана туркестанских кампаний полковника Генерального штаба Л.Н. Соболева, в котором он обобщил практику утверждения русского влияния в Центральной Азии. Выводы автора дополняли англофобские рассуждения Кауфмана в отношении выгодности для Британии панисламизма в качестве знамени сопротивления продвижению России на Восток:

«Под влиянием англо-индийского правительств Шер Али-хан (эмир Афганистана. — *Е.С.*) решил, когда слухи достигли Бухары, Самарканда и других центров Туркестана, создать могущественный альянс мусульманских государств, направленный против России. Население Бухары пришло в возбуждение; народ Хивинского ханства потерял покой, а войска вышли на границу; оренбургские степи «запылали» благодаря кочевым племенам. Такое положение дел создало угрозу нашим интересам в Центральной Азии. Нам требовалось в действительности торпедировать оформление любого союза исламских стран, отделить воинственных туркмен от Хивинского хана и перейти в наступление против последнего как можно скорее»[403].

Соответственно, уже в июле 1868 г., то есть сразу же после победы над Кокандом и Бухарой, генерал-губернатор Кауфман строго запретил их правителям какие-либо контакты с иностранными эмиссарами без ведома русских властей[404]. Одновременно, чтобы «подсластить горькую пилюлю», «полуцарь» заверил ханов в том, что русские власти предпримут все от себя

зависящее для прекращения набегов туркменских племен на земледельческие оазисы бассейна Амударьи[405].

Интересно, что вопрос об отношениях с туркменскими племенами был поднят еще в декабре 1864 г. тогдашним директором Азиатского департамента МИД П.Н. Стремоуховым, который составил меморандум о необходимости занятия русскими восточного побережья Каспийского моря. Он представил убедительные аргументы в пользу скорейшего создания опорного пункта России в западном секторе туркменских земель, чтобы опередить другие восточные (читай — Персию!) и европейские (читай — Англию!) страны в попытках утвердить там свое влияние. Таким образом, превращение Каспийского моря в Русское озеро было обозначено в документе как реальная стратегическая цель политики России на Среднем Востоке[406]. Однако пока руки у правительства были связаны кампаниями против Коканда и Бухары, далеко идущие планы Стремоухова оказались в «долгом ящике», поскольку высокие петербургские начальники посчитали их преждевременными для исполнения.

Только в конце 1860-х гг. после ликвидации самостоятельности Коканда и Бухары к его соображениям вернулись. Согласно тщательно разработанному плану операции, пехотные батальоны под командованием полковника Н.Г. Столетова, впоследствии одного из видных участников *Большой Игры*, высадились 5 ноября 1869 г. на восточном берегу Каспийского моря неподалеку от существовавшего ранее древнего устья Амударьи. Основной задачей десанта являлось строительство Красноводской крепости, которая была призвана стать аванпостом для последующего движения вглубь туркменских земель. Другая цель этой акции заключалась в том, чтобы отрезать племена воинственных туркмен и последнее из формально независимых государственных образований Центральной Азии — Хивинское ханство — от гипотетических союзников в лице Персии и Афганистана[407].

Подчинение Закаспийской области означало решение только одной стороны проблемы, ведь, как отмечалось выше, Кауфман и офицеры его штаба подвергались критике со стороны ряда министров, военных экспертов и представителей общественности в связи с колоссальными затратами на обустройство края. Ответом на нее призван был стать меморандум от 12 декабря 1868 г., в котором генерал-губернатор изложил калькуляцию расходов на указанные цели. Поскольку оппоненты Кауфмана определяли средний ежегодный дефицит бюджета Туркестана в 3 млн. 300 тыс. руб.[408], его задача состояла в опровержении этой цифры. Распределив расходы на три категории: снабжение туркестанских гарнизонов, проведение военных операций и осуществление собственно административных функций, — генерал-губернатор постарался оспорить мнение критиков. Согласно его расчетам, первая группа не должна была в дальнейшем увеличиваться прежними высокими темпами, вторая имела тенденцию к сокращению вместе с укреплением русских позиций в регионе, а третья компенсировалась налоговыми поступлениями от местного населения. Характерно, что в одном из первых

обращений к жителям Самарканда и окрестностей 4 мая 1868 г. Кауфман объявил о том, что впредь все налоги горожан и селян будут поступать в бюджет России вместо казны бухарского эмира[409].

Поддержку туркестанской политики Кауфмана оказали известные государственные деятели и публицисты. К примеру, военный аналитик Л.Ф. Костенко доказывал, что независимо от бюджетного дефицита, Россия должна политически «переформатировать» Центральную Азию, потому что правительство сможет в таком случае получать больше доходов из этой части империи, чем из какой-либо другой, за счет эксплуатации минеральных богатств Туркестанского края. По подсчетам другого горячего сторонника деятельности Кауфмана — М.А. Терентьева, общая сумма поступлений из Туркестана в казну составила в 1873 г. 3 млн. 123 тыс., тогда как расходы едва превысили 2 млн. 509 тыс. руб., что образовало профицит в сумме 614 тыс. руб., если прибавить к доходам России контрибуцию, которую ей ежегодно выплачивали ханства[410]. Неудивительно, что еще один адепт обустройства Русского Туркестана по рецептам Кауфмана генерал-адъютант Крыжановский убеждал министра финансов М.А. Рейтерна в выдающейся роли, которую Центральной Азии предстоит сыграть на протяжении ближайших десятилетий для развития торговли и финансовой системы империи[411].

Активизация России в интересующем нас регионе не застала лондонский Кабинет врасплох. Хорошо понимая невозможность остановить процесс покорения ханств, представители как британского, так и англо-индийского правительств очень внимательно следили за действиями русских, надеясь все же «сохранить лицо» в отношениях как с азиатскими правителями, так и европейскими монархами[412]. Изучение переписки между дипломатами двух стран позволяет понять доводы тех политиков на берегах Темзы, кто в сложившихся обстоятельствах стремился извлечь из русского наступления хоть какую-то выгоду. «Мы (англичане. — *Е.С.*), — отмечал министр иностранных дел лорд Расселл в ноте послу Бруннову 16 сентября 1865 г., — не можем никак сочувствовать эмиру Бухары, который проводит казнь британских подданных (Стоддарта и Конолли. — *Е.С.*), но все же желательно, чтобы Афганистан оставался независимым, неприкосновенным государством, и чтобы Персия получила содействие как России, так и Англии»[413].

В этой связи становится понятным, почему зондажи персидского шаха относительно возможности получения ханствами какой-либо военной поддержки со стороны правительства Индии встретили довольно сдержанный прием у вице-короля Лоуренса[414]. Однако руководители Форин офис все же стремились уточнить возможные пределы русской экспансии в регионе. Отвечая на их запрос, Бруннов повторил «магическую формулу» российской политики на Востоке:

> «В принципе императорское правительство поддержало бы структуру местной администрации под протекторатом России. Но отсутствие социальных слоев, которые обладали бы авторитетом

среди населения и могли бы сформировать административный орган, заставили жителей Ташкента желать, чтобы общественный порядок охранялся под скипетром императора»[415].

Складывавшаяся ситуация означала, что для Британии затруднительно и даже опасно оказаться непосредственно вовлеченной в дела ханств. Самое лучшее, что могли сделать Лондон и Калькутта, заключалось в вынужденном признании роли России как гаранта стабильности и порядка в регионе. Одновременно они продолжали убеждать царя и петербургский Кабинет в необходимости соблюдения принципов справедливого коммерческого соперничества на Среднем Востоке, что составляло основу политики «искусного сдерживания». Поскольку в этот период угрозы британским заморским владениям казались значительной части представителей властной элиты Туманного Альбиона почти что химерическими, именно задача внутренней консолидации *Раджа*, как и других колониальных территорий, составляла альфу и омегу курса либералов в Азии. По словам министра иностранных дел лорда Грэнвилла, «мы (англичане. — *Е.С.*) не наступаем, потому что, полагаем, что лучший метод сохранения нашей обширной Индийской империи — оставаться там, где мы есть. Русские же вынуждены вольно или невольно защищать каждое новое приобретение аналогично тому, как мы это делали в предшествовавший период индийской истории»[416]. Близкую точку зрения выражали вице-король лорд Нортбрук и министр по делам Индии герцог Аргайлл, которые выступали против активного сопротивления поглощению ханств Россией. 28 марта 1873 г. Нортбрук писал Аргайллу:

«Я полностью согласен с Вами о ненужности какого-либо волнения среди народа Англии по поводу событий в Центральной Азии. Мое мнение может показаться парадоксальным, но оно заключается в том, что чем больше Россия расширяет свои владения в этих регионах, тем более она открыта для нашего удара и тем меньше у нее сил его отразить… Чем ближе (к границе Индии. — *Е.С.*) она подходит, тем менее ее вмешательство в Индии рассматривается как благословение местными мусульманами, которые наиболее опасны для нас как социальная группа»[417].

Существенно, что блестящие военные успехи Пруссии, создавшей Германскую империю на полях сражений с Францией, вдохновляли оппонентов «искусного сдерживания». Хорошо представляя себе безостановочную экспансию русских в Центральной Азии и сравнивая ситуацию на европейском субконтиненте с положением дел в пограничных районах Индии, некоторые колониальные генералы и чиновники, как, например, главнокомандующий англо-индийской армии сэр Уильям Мэнсфилд и член правительства в Калькутте сэр Генри Дюранд выступали за прямое соотнесение задачи обороны полуострова с прусскими методами, стратегией и военной организацией[418].

Тем временем напряженность в англо-русских отношениях возросла из-за решения царского правительства 21 ноября 1870 г. в одностороннем порядке аннулировать статьи Парижского мирного договора, запрещавшие России иметь боевой флот и укрепленные базы на Черном море. Дело в том, что франко-прусская война создала для такого решения благоприятные международные условия, поскольку из четырех великих держав — Великобритании, России, Франции и Пруссии (Германии) — только первая могла выступить с решительным протестом, хотя даже в этом случае, по мнению осторожного Горчакова, существовала угроза начала новой англо-русской войны[419].

Расценив заявление царского МИДа как фактический выход из «концерта держав» *ad hoc*, что подрывало наряду с франко-прусским конфликтом стабильность в Европе, премьер-министр У. Гладстон выразил мнение, что «искра войны, зажженная в Центральной Азии, распространится по всему земному шару, туда, где у Англии и России имеются владения, и втянет другие государства в пламя пожара»[420]. Однако это признание отнюдь не означало решительного перехода лидера либералов на позиции «форвардистов», так как кроме вполне ожидавшейся в Петербурге ноты протеста, Лондон не представил царскому правительству каких-либо других, более весомых аргументов, указывавших на возможный жесткий отпор российским амбициям. Интересно, что некоторые специалисты расценили данное заявление Гладстона как исторический прецедент, использованный уже в 1930-х гг. национальным правительством Великобритании для умиротворения нацистской Германии и фашистской Италии[421].

Но даже «умиротворители» среди британской властной элиты были твердо убеждены, что Амударья призвана стать последним естественным рубежом русского продвижения вперед. В одном из частных посланий 1869 г. вице-король Индии лорд Майо выразил это мнение следующим образом:

> «Если только Россия не будет вынуждена действовать в согласии с нами, это означает, что она не подвергнет обструкции нашу торговлю, не будет поощрять враждебных действий или интриг против Афганистана, Яркенда, либо территорий лежащих у наших границ, и что она сильной рукой остановит внутренние смуты среди различных народов, на которые она оказывает влияние, она обнаружит, что выполнение ее миссии в Азии значительно облегчится, и что внесение цивилизации в дикие районы Средней Азии, а также окончательное установление ее власти получат существенное ускорение»[422].

Разногласия в британском истеблишменте относительно стратегии и тактики действий на Востоке свидетельствовали о несовпадении интересов отдельных социальных слоев и групп: политиков, военных, банкиров, промышленников, коммерсантов и, наконец, обывателей. «Мы постоянно растягивали линию нашей границы в Индии из-за складывавшихся обсто-

ятельств, — писал один военный эксперт в 1869 г., — несмотря на нашу природную склонность оставаться, насколько возможно, в разумных пределах»[423]. Именно в этот период признанным рупором «форвардистов» стал упоминавшийся ранее сэр Г. Роулинсон. На протяжении тридцати лет он отстаивал свою концепцию азиатской политики в речах, статьях и меморандумах. Ее квинтэссенция заключалась в том, что «Россия враждебна, Россия — экспансионистская страна и Россия имеет замыслы в отношении Индии, чему имеется огромное количество доказательств»[424].

Программный меморандум от 20 июля 1868 г. содержал упреки Роулинсона в адрес правящих кругов Британии за пассивную позицию, занятую Кабинетом во время Крымской и Кавказской войн по отношению к горским повстанцам Черноморского региона, когда Россия, со своей стороны, несмотря на враждебность западных держав, «постепенно прокладывала свой путь с берегов Аральского моря через соленые болота нижнего Яксарта (Сырдарьи. — *Е.С.*) к пределам аллювиальных долин, лежащих выше пустынь...» Роулинсон разоблачал так называемую цивилизаторскую миссию России в Азии, называя ее не более чем «дымовой завесой», за которой царские стратеги разрабатывали планы прорыва к Индийскому океану. Несмотря на обещания остановить наступление, подчеркивал британский аналитик, Россия упорно продвигается к Афганистану. Он также указывал на то, что в результате оккупации Коканда и Бухары «царизм» получил удобные плацдарм и предлог для вмешательства во внутренние дела эмирата. По мнению Роулинсона, в самом ближайшем будущем Великобритания столкнется с большой опасностью: «Если Россия займет позицию, которая либо через размещение войск на Оксе, либо через оказание решающего влияния на Афганистан позволит ей в воображении туземцев бросить вызов нашему (британскому. — *Е.С.*) превосходству в Азии, неблагоприятный эффект будет колоссальным»[425].

Согласно Роулинсону, группа высокопоставленных алармистов при дворе Александра II продолжала запугивать императора «сказками» об антирусском альянсе мусульманских государств под эгидой Англии. Он проводил параллели между постепенным, хотя и неминуемым наступлением России в Центральной Азии и правильной осадой британской «крепости» — Индостана. Для того, чтобы не потерпеть поражение в битве за господство на Среднем Востоке и выиграть *Большую Игру* как глобальное соревнование двух империй, утверждал Роулинсон, важно как можно скорее усилить приготовления к войне на границах британского *Раджа* и взять под контроль ситуацию в Афганистане. Он предлагал направить специального политического резидента в Кабул, занять войсками Герат и Кандагар, и, наконец, построить сеть телеграфных, а, главное, железнодорожных линий в направлении северо-западного индийского фронтира[426].

Многие современники полагали, что идеи Роулинсона как нельзя лучше соответствуют менталитету властной элиты Соединенного Королевства, или, по крайней мере, большинства ведущих политических деятелей

страны. Аналогичное заключение делалось и в отношении части военно-экспертного сообщества, а также прессы Великобритании и Индии. Даже лорд Майо, один из последовательных противников «наступательной» политики, заявил в декабре 1870 г.:

> «Что касается России, то если эта страна будет настолько глупа, чтобы атаковать Индию, горстка британских агентов и несколько сотен тысяч фунтов стерлингов золотом поднимут всю Центральную Азию против нее в священной войне. Я мог бы припасти горячую сковородку, чтобы наш друг Медведь поплясал на ней»[427].

С другой стороны, представим на мгновение, что Туркестанское генерал-губернаторство не было бы создано в 1867 г. и русские не высадили бы десант в Красноводске на восточном побережье Каспия в 1869 г. Очевидно, что при таком развитии событий Форин офис вряд ли предложил бы Петербургу проведение дипломатических консультаций по проблемам Центральной Азии. В то же время, царское правительство, обеспокоенное антицинским восстанием мусульман в Кашгарии на территории Китайского Туркестана в непосредственной близости от русского фронтира, а также пока неясными перспективами умиротворения Хивинского ханства, стремилось выиграть время, чтобы укрепиться на завоеванных территориях. В письме к Милютину от 7 марта 1872 г. Кауфман признавался, что он будет считать большой победой, если ему удастся разрешить противоречия с Хивой и Кашгарией мирным путем, поскольку каждый новый шаг в дипломатии и торговле достигался кровью. «Наш триумф в Азии будет полным, когда мы прекратим браться за оружие, чтобы заставить соседние государства исполнять наши скромные, хотя и законные требования», — подчеркнул туркестанский генерал-губернатор[428].

Можно предположить, что к началу 1870-х гг. обе стороны, но, прежде всего, Англия, осознали необходимость передышки для оценки состояния дел и принятия решений о путях и средствах дальнейшего ведения *Большой Игры*.

«Искусное сдерживание» или «искусный идиотизм»?

Наше исследование показывает, что британский Кабинет зондировал почву в Петербурге относительно достижения компромисса в Центральной Азии с конца 1868 г., то есть после разгрома Коканда и окончательного подчинения Бухары. 21 августа того же года, англо-индийское правительство обратилось к статс-секретарю герцогу Аргайллу со следующим заявлением:

> «Мы полагаем, что необходимо предпринять попытки для заключения четкого соглашения с петербургским двором относительно

> его проектов и планов в Центральной Азии, и что ему необходимо дать понять твердым, но вежливым языком, что вмешательство в дела Афганистана и всех тех стран, которые граничат с нашими владениями недопустимы… Истина для нас заключается в том, что продвижение России вкупе с постоянными упоминаниями в газетах о ее успехах по сравнению с тем, что называют пассивностью британского правительства, создало в умах европейцев и азиатов несколько преувеличенное, по нашему мнению, представление о ее ресурсах и силе. Хорошее взаимопонимание между двумя державами, хотя и трудно достижимое, дало бы нам возможность предпринять меры по противодействию необоснованным слухам и предотвращению ненужного алармизма»[429].

Учитывая это коллективное мнение, министр иностранных дел лорд Кларендон предложил Бруннову признать нейтральными «некоторые территории между владениями Англии и России, которые составят их пределы, и соглашения о которых будут скрупулезно соблюдаться обеими державами». В ответ Горчаков поддержал инициативу Лондона по определению «зоны, предохраняющей две империи от любого непосредственного контакта»[430].

Выступая за достижение компромисса между Лондоном и Петербургом, вице-король Майо наметил ряд принципов, которыми, по его мнению, могли бы руководствоваться сотрудники Форин офис на переговорах с петербургским Кабинетом. Он полагал, что англичанам следует смотреть на Азию как на естественное и законное поле активности русских, стремившихся использовать его как рычаг для укрепления своих позиций в Европе. Поэтому вице-король выражал уверенность, что пришло время заключить соглашение между Британией и Россией о фиксации их границ в Азии. Однако, по его мнению, империя Романовых обладала гораздо меньшими ресурсами в сравнении с Соединенным Королевством в силу своей политической и хозяйственной отсталости, и поэтому Лондону было нечего опасаться Петербурга. «Что касается населения, поступлений в казну и возможностей для обеспечения существования промежуточных (читай — буферных! — *Е.С.*) государств, Россия пока не достигла того уровня, который мы прошли еще три четверти века назад», — подчеркивал Майо в меморандуме, датированном 1869 годом[431].

Его двойственное отношение к покорению русскими Центральной Азии, столь характерное для многих британских политиков и общественности в викторианскую эпоху, выпукло представлено в переписке все с тем же герцогом Аргайллом. Так, 1 июля 1869 г. Майо сообщал министру по делам Индии:

> «Ничто не опечалит меня более всего, как если в течение моего пребывания на посту возникнет какое-либо недопонимание с Россией, — я верю, что этого может никогда не случиться, если она не будет намеренно искажать наши намерения. Однако если цели ее

> политики таковы, как они представлены в *Московской Газете* от 5 апреля, то есть она намеревается превратить Центральную Азию в стратегической форпост против Англии в случае Восточной войны, — тогда ей (России. — *Е.С.*) не стоит ожидать, что британское правительство будет наблюдать за ее действиями с апатией и индифферентностью»[432].

Многие критики «форвардистской» концепции Роулинсона озвучивали близкие взгляды, включая намерение сотрудничать с Россией на договорных началах. К примеру, Джон Маклеод, лейтенант-губернатор Пенджаба, отмечал в записке от 10 октября 1868 г.:

> «Корректность и спокойствие, проявляемые по отношению к нашим офицерам повсюду в России, готовность, с которой географическая и топографическая информация, полученная ее военными, сообщается нам, и открытость, с которой русские газеты обсуждают события в Центральной Азии, — все, кажется, указывает, что у нее нет намерения скрывать свои шаги от нас. И как бы ни настойчива она была в стремлении обеспечить экспорт и обезопасить ведение торговли с теми регионами (то есть Центральной Азией. — *Е.С.*), я не склонен думать, что она предпримет попытку или пожелает вытеснить нашу коммерцию, пробивающуюся на рынки тех же стран. Я надеюсь, что там хватит места для нас обоих. Во многих случаях каждый может выиграть от присутствия другого. И я убежден, что дружественная конкуренция, открытая и беспрепятственная с обеих сторон, принесет самые выгодные плоды»[433].

Осенью 1869 г. политический представитель британского правительства в Пешаваре сэр Томас Форсайт, чьи обязанности предусматривали наблюдение за ситуацией на северо-западной границе, отправился в Петербург для консультаций с российскими дипломатами. Аналитическая записка лорда Тендердена, представленная членам парламента почти десять лет спустя, позволяет установить точную дату встречи эмиссара с канцлером российского правительства: «30 октября [1869 г.] он (Форсайт. — *Е.С.*) передал Горчакову для ознакомления письмо от лорда Майо, отражающее самое серьезное намерение достигнуть полнейшего *сердечного согласия* (*entente cordiale*) (sic!) между Россией и Англией в Азии»[434]. Таким образом, это выражение впервые появилось в дипломатическом лексиконе задолго до формирования известного военно-политического союза в конце XIX – начале XX в.

Со своей стороны, царское правительство, выигрывая время для освоения завоеванных территорий и устраняя малейшую возможность оформления анти-российской коалиции на Среднем Востоке, не видело препятствий для вступления в дипломатический торг с Уайтхоллом. Министерство ино-

странных дел ознакомило британских партнеров с доводами петербургского Кабинета в пользу ослабления напряженности в отношениях двух империй. Еще 7 марта 1869 г. Горчаков передал Бруннову следующие инструкции: «Вы можете, мой дорогой барон, заверить премьер-министра (Гладстона. — *Е.С.*), что мы рассматриваем Афганистан вне сферы, на которую распространяется влияние России. Любое вмешательство и посягательство на независимость этого государства несовместимы с ее интересами»[435]. Важно подчеркнуть, что все последующие годы вплоть до окончательной делимитации российско-афганской границы, российский МИД продолжал убеждать Форин офис в том, что эта вербальная нота остается в силе[436].

Судя по служебной переписке, Горчаков в целом позитивно оценивал как официальные, так и частные контакты с британскими представителями на протяжении 1869–1872 гг. Так, 30 марта 1870 г. он писал Кауфману:

> «Из многократных сообщений МИД в конце минувшего и в начале нынешнего года Вашему Превосходительству во всех подробностях известен ход дружественных объяснений, происходивших между русским и английским правительствами по поводу среднеазиатских дел. Наш откровенный обмен мыслей с лондонским Кабинетом уже начал приносить несомненную пользу, и мы видим, что, с одной стороны, в общественном мнении в Англии совершается заметный переворот, а с другой, — что главное местное начальство в Индии, по-видимому, частично отличает наш взгляд по некоторым политическим и торговым вопросам в Средней Азии от прежнего недоверия к нам и подозрительности по отношению к каждому из наших действий»[437].

На протяжении 1869–1872 гг. публикации прессы и выступления общественных деятелей обеих стран также отражали потепление двухсторонних отношений. Российские и британские периодические издания, такие как *Московская газета* и *Таймс* явно снизили критический накал своих оценок политических шагов противоположной стороны. Характерно, что 16 марта 1869 г. *Таймс* даже опубликовала комплиментарный обзор книги генерала Д.И. Романовского «*Заметки по среднеазиатскому вопросу*». В ответ российские военные обозреватели призывали морское ведомство следовать примеру британцев по перевооружению флота[438].

Пауза в потоке обвинений, направленных на разоблачение агрессивных планов противоположной стороны, сопровождалась дипломатическим сотрудничеством держав в Персии. Прежде всего, британский посланник в Тегеране убедил шаха, который относил земли закаспийских туркмен к сфере своего влияния, снять все возражения против русской оккупации Красноводска[439]. Во-вторых, совместный русско-британский арбитраж в отношении демаркации границы между Персией и Османской империей способствовал заключению соответствующего договора, а военно-дипломатические эксперты Англии и России обменялись топографическими картами соответ-

ствующего района в рамках комиссии по пограничному размежеванию, которая работала на протяжении всего 1870 г.[440] Наконец, британские и русские представители прибыли ко дворам эмиров соответственно Афганистана и Бухары, чтобы проинформировать их о наметившихся пределах территориального расширения двух империй, которые обсуждались Лондоном и Петербургом[441].

Между тем встреча Кларендона и Горчакова в начале сентября 1869 г. на одном из германских курортов была призвана активизировать возникший диалог. Коснувшись вопроса о Центральной Азии, британский министр высказал идею о превращении этого региона в некое подобие Бельгии через распространение действия международного права на ханства. Как сообщал Горчаков в Петербург, Кларендон обосновал свое предложение следующим аргументом: «Мы (британцы. — *Е.С.*) не испытываем тревоги относительно планов Вашего правительства в Центральной Азии, однако мы опасаемся того, что амбиции второстепенных администраторов на местах могут быть воплощены в жизнь…», поскольку «они не обращают особого внимания на указания центральных властей»[442].

Очевидно, либеральный Кабинет демонстрировал тем самым глубокую озабоченность по поводу серьезных разногласий, которые могли возникнуть в двухсторонних отношениях из-за неконтролируемой активности российских и британских официальных представителей в странах Востока. Кроме того, ряд членов индийского правительства, за спиной которых стояли группы торгово-промышленных лоббистов, также оказывали влияние на диалог по ситуации в пограничном пространстве Центральной Азии[443]. Неудивительно, что в беседе с Горчаковым посол Бьюкенен признал:

> «Такой могущественный сосед как Россия может заставить индийское правительство уделить гораздо больше внимания военным установлениям на северо-западной границе, чем требовалось до настоящего времени, и если бы они (русские. — *Е.С.*) убедились, сколь многие люди в Англии заинтересованы в финансовом процветании Индии, то он (Горчаков. — *Е.С.*) понял бы, насколько чувствительным может стать общественное мнение в отношении событий, которые способны поставить под угрозу это процветание, и на какой ранней стадии правительству необходимо будет вынуждено принимать во внимание эти настроения»[444].

С другой стороны, те англофобы среди военно-политической элиты России, которые выступали против любой идеи превращения Афганистана в буферное государство по британскому сценарию, все же не оставляли попыток остановить сближение двух держав. Типичной в этом плане представляется записка полковника П.И. Кутайсова, военно-морского агента в Лондоне, которая свидетельствовала о том, что надежды на реванш после крымской катастрофы не оставляли элитное российское офицерство. По его мнению:

> «Англия с замечательным постоянством является помехой во всем, что касается России, и очень хорошо известно, что у России нет злейшего врага, чем Англия, всегда, везде и неизменно преследующая во всех своих политических действиях лишь одни личные интересы и коварные цели, и при этом не стесняя себя никоими нравственными и человеческими началами, и никакими правилами справедливости, добросовестности и законности права… Несокрушимое могущество Англии только кажущееся, и на случай войны с нею только от энергии русского правительства будет зависеть доказать эту истину и отбить у нее охоту постоянно и дерзко вмешиваться в наши дела и на каждом шагу оскорблять самолюбие величайшего государства на земном шаре»[445].

Далее автор записки приводил аргументы в пользу внутренней слабости Соединенного Королевства, мнимое величие которого, с его точки зрения, определялось двумя факторами: превосходством на морях и господством над Индией. Для того чтобы сокрушить Великобританию, полагал Кутайсов, требовалось провести внезапную атаку на метрополию, а также организовать постоянное крейсирование военных кораблей на коммуникациях в Атлантическом, Тихом и Индийском океанах. Он даже предлагал реанимировать средневековое каперство, которое, с его точки зрения, могло дезорганизовать британскую торговлю и положить конец обогащению Англии за счет заморских владений. Интересно, что идеи Кутайсова нашли отклик среди российских морских стратегов, которые, как будет показано в следующих главах, приступили к разработке плана крейсерской войны на океанских торговых путях. Более того, под впечатлением этих проектов, Александр II в 1872 г. отдал приказ о переводе штаба морских сил России на Тихом океане из Николаевска, закрытого льдами и туманами в течение шести месяцев, в более свободную ото льда гавань Владивостока[446].

Открытие навигации через Суэцкий канал в 1869 г. внесло коррективы в систему морских коммуникаций и еще больше повысило стратегическую ценность Среднего Востока для Лондона, в то время как, с другой стороны, волнения в Восточном Туркестане вызвали обеспокоенность Петербурга. Именно на этом фоне и развивался в течение трех лет русско-британский диалог усилиями Кларендона, Горчакова, Форсайта и других дипломатов. При этом часть правящих кругов Соединенного Королевства склонялась к тому, чтобы признать право на реализацию Россией авторитарной модели догоняющей модернизации азиатских стран, хотя претворение в жизнь этого сценария, как считало большинство экспертов, могло привести к занятию Российской империей доминирующего положения на пространствах Евразии, что в свою очередь ставило под угрозу глобальное лидерство Британии.

Принимая во внимание то обстоятельство, что одним из ключевых регионов для реализации указанной авторитарной модернизации выступал бассейн Амударьи, утверждение там России означало, как справедливо заме-

тил английский историк, «опасность русского господства над афганцами, угрозу постоянных рейдов через северо-западную границу Индии, искры, которые могли воспламенить горючий материал на севере Индостана», а в конечном итоге распад установленного порядка в результате всеобщего мятежа против британской администрации[447].

Вот почему правительство Индии выступало за юридическое признание царским правительством отказа Бухары как российского протектората от «всех законных прав своего владения землями к югу от Окса, за исключением Чарджуя и Керби»[448]. При этом в Калькутте учитывали то значение, которое стал приобретать в глазах предпринимателей и торговцев Бадахшан, историческая область к северо-востоку от Кабула, известная месторождениями драгоценных камней и стратегически значимая торговыми путями, которые ее пересекали, соединяя между собой Персию, Индию и Восточный Туркестан. Таким образом, если англичане считали Бадахшан входящим в состав территории Афганистана, русские продолжали отстаивать вассалитет этой области по отношению к бухарскому правителю, а, следовательно, и главе Российской империи[449].

В противоречие с официальной политикой невмешательства в дела Афганистана, влиятельные лица как в Лондоне, так и в Калькутте разделяли концепцию Роулинсона и его сторонников, которые рекомендовали консультативному органу при статс-секретаре — Совету по делам Индии обеспечить афганского эмира Шер Али ежегодной субсидий в 60 тыс. фунтов стерлингов и военными материалами, необходимыми для модернизации его армии. Они также выдвинули идею предоставления политического убежища упоминавшемуся Абдул Малик-хану — старшему сыну эмира Бухары, который после разгрома анти-российского восстания и неудавшегося дворцового переворота нашел приют в Кабуле с ноября 1868 г.[450] По воспоминаниям Ф. Робертса, прослужившего более сорока лет на различных военных должностях, включая пост главнокомандующего англо-индийской армией, «форвардисты» по сути реанимировали старую доктрину генерал-губернатора Индии лорда Окленда, который еще в 1830-х гг., подразумевая Афганистан, провозгласил настоятельную необходимость для Великобритании «создать сильное и дружественное государство на северо-западе Индии»[451].

Идеи наступательной политики вошли в противоречие с попытками Англии заключить исторический компромисс с Россией по азиатским делам. Так, весной 1871 г. один из экспертов, некто Э. Иствик, представил на имя лорда Грэнвилла, возглавлявшего Форин офис, меморандум, в котором после резкой критики политики «искусного сдерживания», или «идиотизма», как некоторые «форвардисты» иронично называли этот курс (здесь, конечно, присутствовала игра слов: *masterly inactivity* or *imbecility*. — *Е.С.*), он привел различные аргументы в защиту более жесткой позиции, которую призвана занять Великобритания в ответ на действия России. Прежде всего, Иствик напомнил о результативности для англичан наступательного подхода в период военного конфликта с Персией 1856–1857 гг., когда войска шаха безуспешно

осаждали Герат. Теперь Лондон, по его мнению, столкнулся с проблемой превращения Персии во «внешнюю линию обороны Индии, непроходимую для России или любой другой державы». Соответственно, эксперт призывал Кабинет проводить более благожелательную политику по отношению к Тегерану, выделить финансовые ресурсы шаху, отправить ему военных инструкторов и вооружение для войск, не останавливаясь перед уступкой ему Герата и Мерва. Такой комплексный подход, с точки зрения Иствика, позволил бы обеспечить преобладание англичан на Среднем Востоке[452].

Для упрочения позиций в Персии еще с середины 1860-х гг. деловые круги Туманного Альбиона при содействии либеральных Кабинетов приступили к инвестированию капитала в развитие региональной инфраструктуры. Группа финансовых лоббистов, представителями которой выступали такие дельцы, как барон Д. Рейтер, вкладывали средства в строительство телеграфных линий, дорог с твердым покрытием, складов и морских гаваней. Медленно, но верно англичане прибирали к рукам коммерческое судоходство в Персидском заливе. Британские инженеры составляли проекты меридиальных железных дорог, сеть которых должна была протянуться от Бушира и Бендер-Аббаса на побережье залива до Тегерана и Каспийского моря. Все это свидетельствовало о том, что, невзирая на официально провозглашенный Уайтхоллом курс достижения с Россией «мира любой ценой» через заключение компромисса по азиатским вопросам, британские правящие круги продолжали рассматривать «форвардистские» концепции даже в годы смягчения напряженности между двумя державами как своеобразный запасной сценарий политики на Востоке[453].

Роль Восточного Туркестана в *Большой Игре*

Восточный или Восточный Туркестан вошел в ареал *Большой Игры* с 1860-х гг. Оценивая специфику его географического положения, исследователи указывали на хребет Тянь-Шань, который разделяет эту территорию на два исторических региона — Джунгарию к северу с административным центром г. Кульджа и Кашгарию к югу со столицей в г. Кашгаре[454]. Еще в 1771 г. цинский император Цяньлун подчинил Восточный Туркестан своей власти. В то время как Джунгария была полностью разорена имперскими войсками, а ее жители, относившиеся к группе монгольских народов, вырезаны завоевателями, тюркское население Кашгарии, включая уйгуров как представителей наиболее многочисленного местного этноса, сохранили традиционный уклад жизни под властью империи Цин. По мере миграции кочевых племен в Джунгарию происходила тюркоизация и исламизация населения Восточного Туркестана. Любопытно, что с течением времени часть нетюрок, например, дунгане, также приняли ислам[455].

Четыре крупных административных центра, столько же средних по размеру населенных пунктов и двадцать три небольших оазиса Восточного Туркестана были окружены обширными пустынями, каменистыми степя-

ми и высокими горными хребтами, представлявшими собой природные барьеры, которые защищали эти земли от вторжений извне, за исключением долины реки Или — естественного прохода в горной цепи Тянь-Шаня. Известная с незапамятных времен своими месторождениями железных и медных руд, а также нефти и золота, долина Или являлась как бы продолжением Восточного Туркестана. Ее оседлое население выращивало зерновые культуры и хлопок-сырец. Статистика указывает на удвоение экспорта сырья из этой области в Российскую империю с 1852 по 1856 г.[456]

В 1861 г. чиновник англо-индийской администрации Р. Дэвис, упоминавшийся в этой главе, составил записку о природно-ресурсном потенциале стран, расположенных к северу от Британской Индии, и перспективах торговли с ними. Автор обратил внимание правительства на стратегическое значение Восточного Туркестана как опорной базы для распространения влияния на всю Внутреннюю Азию, рынок для фабричных изделий, а также средство давления как на империю Цин, так и Россию угрозой поддержки освободительного движения проживавших там народов под знаменем ислама. Документ содержал прогноз коммерческой и политической экспансии европейских держав, особенно, России, в один из наиболее труднодоступных регионов мира. Примечательно, что спустя всего лишь пять лет торговый оборот *Раджа* с Восточным Туркестаном превысил 100 тыс. рупий, а к 1868 г. он уже достиг 1 млн. 38 тыс. рупий[457].

Согласно цинским историческим хроникам, антиправительственные выступления под исламскими лозунгами происходили там с завидной регулярностью. Только в первой половине XIX в. на территории Восточного Туркестана было зарегистрировано четыре крупных восстания местного населения. Кроме того, проникновение туда отрядов тайпинов в 1862 г. спровоцировало очередной конфликт между влиятельными тюркскими и ханьскими кланами[458]. Вскоре он вылился в восстание уйгуров, дунган и других мусульман против цинских властей. Его участники вырезали китайские семьи, вынудив избежавшее этой участи немусульманское население спешно покинуть мятежную провинцию[459]. Вот как Милютин в одном из посланий Горчакову характеризовал последствия этих погромов для ситуации на границах Русского Туркестана:

> «Занятие дунганами Кульджи и Чугучака (в 1866 г. — *Е.С.*), как известно Министерству иностранных дел, поставило всю пограничную с Китаем часть Семипалатинской области в весьма невыгодное положение. Полная неурядица, господствующая ныне в Тарбагатайской и Илийской провинциях, составляет постоянную приманку для наших киргизов, которые пользуются всяким удобным случаем, чтобы перейти границу и принять участие в грабежах дунганей, вызывая тем возмездие… и вторжения китайских киргизов, присоединив к тому набеги дунганей, постоянные переходы к нам ищущих спасения китайских подданных, общее напряженное со-

стояние всего пограничного населения… При этом есть основание опасаться, что дунгане, одушевленные, как известно, сильнейшим мусульманским фанатизмом, оправившись от своей борьбы с китайцами, могут сделаться опасными для нашего господства в степи, что подтверждается нападением, которые они решались делать не только на наших киргизов, но и на наши отряды»[460].

Навстречу беженцам, спасавшимся от от восставших мусульман, двигались те люди, которые отказались подчиниться царским властям в покоренных ханствах. Часть из них направилась в Восточный Туркестан, где постепенно на авансцену выдвинулся некто Якуб-бек, происходивший из состоятельного таджикского рода и служивший на протяжении двух десятилетий в качестве военного командира различным правителям Центральной Азии[461]. Дело в том, что с ослаблением цинской власти на территории Восточного Туркестана возникли семь небольших княжеств вокруг укрепленных городских центров. Именно тогда и наступило благоприятное время для авантюристов вроде Якуб-бека, не боявшихся рисковать жизнью. Оставив своего бывшего патрона — хана Коканда, силы которого были разгромлены русскими, этот не лишенный военных и административных способностей, хотя и жестокий военачальник захватил власть в одном из таких княжеств в 1867 г., а затем постепенно подчинил своему влиянию остальные государственные образования, «экспортируя исламскую революцию» даже в собственно китайские провинции Шаньси и Ганьсу. К 1870 г. Якуб-беку удалось очистить от цинских войск и администрации практически весь Восточный Туркестан и прекратить междоусобные распри местной знати, а в конце 1873 г. объединить вассальные территории в эмират Йеттишар, или Страну семи городов[462]. «Его правление было теократическим, а структура созданного им государства напоминала политический режим раннего халифата. Строгое следование принципам Корана было обязательным (для населения. — *Е.С.*)», — констатировал британский историк[463].

Следует иметь в виду, что еще в октябре 1864 г. российские и цинские представители подписали так называемый Чугучакский протокол, который в развитии Пекинского договора 1860 г. фиксировал рубежи двух империй в Центральной Азии и регулировал их приграничную торговлю.[464] Как писал А. Вамбери в одной из работ, «все же нельзя забывать о том, что вопрос заключается не в обладании тысячью квадратных миль или несколькими миллионами жителей, а скорее в возрождении великого древнего торгового пути из внутреннего Китая на запад, который процветал до конца средних веков, и превращении его в могучий и плодотворный канал, несущий благословение и изобилие огромному телу Российской империи»[465].

Однако появление нового сильного исламского государства грозило нарушить баланс сил на востоке Центральной Азии, там, где встречались границы трех империй — Российской, Цинской и Британской. Каждая из них явно не

желала, чтобы государство Якуб-бека попало под влияние соперников. Если Цинская империя стремилась восстановить свой контроль над Восточным Туркестаном, то царское правительство было заинтересовано в поглощении Семиречья — области, граничившей с Джунгарией, а англо-индийские власти не желали допустить интриги русских агентов в Йеттишаре, дальнейшее усиление которого создавало угрозу безопасности *Раджа* на северном фланге его обороны и блокировало линии коммуникации между Китаем и Индией. Необходимо также отметить, что торговые палаты и ассоциации промышленников в Манчестере, Лидсе, Брэдфорде, Галифаксе, Ливерпуле, Бристоле и Глазго, которые вели дела со странами Среднего Востока, настойчиво требовали от министерства по делам Индии как можно скорее открыть эту часть Туркестана для британских изделий. Вот почему правительства России и Англии, опасавшиеся неконтролируемого распада Поднебесной империи, первоначально отнеслись с большой осторожностью к попытке сецессии и образованию нового мусульманского государства под властью Якуб-бека[466].

Одновременно Лондон и Санкт-Петербург не оставляли надежды переиграть друг друга в этом регионе, для чего на протяжении второй половины 1860-х – первой половины 1870-х гг. в Кашгар было командировано несколько русских и британских военно-дипломатических миссий. 6 января 1866 г. командующий Западно-Сибирским округом генерал-лейтенант Хрущов докладывал Милютину:

> «По сведениям, доставленным из Намангана и Уч-Турфана, англичане отправили ученую экспедицию из Кашмира к пределам Восточного Туркестана. Экспедиция уже успела пробраться через Бадахшан к озеру Сарыколь, занимаясь внимательным осмотром страны и также разведкой путей и горных проходов»[467].

Через год некто К. Павлинов, российский консул в Кульдже, сообщал директору Азиатского департамента МИД Стремоухову о британских эмиссарах, посетивших интересующий нас регион:

> «Англичане в большом числе, будто бы около 600 человек, прибыли из Кашмира в западную (очевидно, описка автора. — *Е.С.*) часть Туркестана, называемую некоторыми Кашгарией, для переговоров с Якуб-беком об открытии торговли в Туркестане, по какому предмету состоялось у них соглашение, и англичане будто бы обещали Якуб-беку поддержку против Буркан-у-Дина (владетеля округов Аксу, Куч и отчасти Турфана в восточной части Восточного Туркестана. — *Е.С.*). (…) Продолжающееся доселе мятежное состояние Туркестана, можно полагать, не остановит англичан в их намерении завладеть торговлей Восточного Туркестана и Средней Азии со всем Западным Китаем точно так же, как не остановил их громадный мятеж тайпинов устроить свою торговлю в Центральном Китае…»[468]

Докладная записка близкого ко двору генерал-майора Воронцова-Дашкова указывала на глубокую обеспокоенность царя и его министров перспективой укрепления позиций Великобритании во владениях Якуб-бека. «Появление английского агента в Хотане (одном из крупных торговых центров Йеттишара. — *Е.С.*), благосклонный прием, оказанный ему здесь, — подчеркивал автор записки, датированной 1867 г., — предложение, присланное ему из Яркенда о принятии этого города под покровительство Англии и приглашение, полученное им от кокандского хана вступить с Англией в непосредственные торговые сношения, ясно доказывают домогательства Англии утвердить свое влияние в Восточном Туркестане». Если правитель Коканда будет надеяться на помощь британцев через Якуб-бека, подчеркивал Воронцов-Дашков, то такая комбинация способна привести к широкому анти-российскому движению мусульман всей Центральной Азии. Помимо этого, рынки Западного Китая будут навсегда потеряны для русских купцов, торговля которых «производится точно таким же образом, как она производилась в прошедшем столетии», поскольку «мы (русские. — *Е.С.*) еще не сделали никаких усилий для проложения (так в документе. — *Е.С.*) более кратких и дешевых путей из Средней Азии в Россию»[469].

Соображения дипломатических представителей и военных экспертов о закулисных маневрах англичан находили подтверждение в информации об уже упоминавшихся поездках членов Королевского географического общества (КГО) и визитах политических представителей различного уровня из Индии в Йеттишар. Примером первого рода стала миссия 1869 года в Кашгарию Роберта Шоу, которого интересовала возможность расширения торговли со Страной семи городов[470]. «Он (Якуб-бек. — *Е.С.*) надеется, что королева разрешит ему «погреться в лучах ее славы», — писал этот путешественник вскоре после своего возвращения, — и ему бы хотелось поддерживать добрые отношения с англичанами, потому что он окружен врагами и завистливыми соперниками… Он называет русских и гениями, и злодеями»[471]. Почти одновременно с Шоу другой исследователь Джордж Хэйуорд, переодетый пуштуном, тайно пересек границу Йеттишара для топографического изучения территории этого государства. За свои труды по исследованию Западных Гималаев он был награжден золотой медалью КГО[472]. Наконец, Роберт Мичелл, офицер Политического департамента индийского правительства, составил аналитический обзор ситуации в Восточном Туркестане, уделив главное внимание антицинскому восстанию и утверждению Якуб-бека в качестве независимого правителя. Мичелл рекомендовал министерству по делам Индии направить специального посланника в Кашгарию с целью основательного зондажа дальнейших намерений властителя Йеттишара[473].

Этот меморандум, во многом основанный на информации, собранной ранее британскими путешественниками и секретными агентами, открыл возможность для официального визита туда сэра Т. Форсайта, речь о котором уже шла ранее. В отличите от Шоу и Хэйуорда его поездка была официально санкционирована министерством по делам Индии и вице-королем лор-

дом Майо[474]. По словам старейшин и влиятельных купцов, с которыми Форсайт встретился в Ладакхе (Кашмир) перед отъездом в Кашгарию, Якуб-бек не скрывал-де стремления всячески поощрять торговлю с британскими подданными. Но в то же время правитель Йеттишара серьезно опасался наступления русских под предлогом оказания военной поддержки империи Цин для реставрации ее власти. Известные прецеденты вторжения казаков на территорию Кашгарии в 1859 и особенно в 1867 гг., когда царские эмиссары предлагали Якуб-беку установить прямое сообщение через перевалы Тянь-Шаня между Верным в Семипалатинской области и г. Кашгар, вызывали тревогу правителя, объявившего себя вскоре эмиром с согласия турецкого султана. Но еще более важным являлось то, что русские, по мнению Якуб-бека, были осведомлены о его плане добиться признания державами «буферного» статуса его владений по примеру Афганистана[475].

Чтобы избежать предлога для вмешательства русских в дела Йеттишара, Форсайт должен был согласно полученным им инструкциям убедить новоявленного эмира занять более осторожную позицию по отношению к России[476]. И хотя английский представитель опустил этот эпизод в своем отчете для лондонского Кабинета, российские агенты информировали Петербург о батарее горной артиллерии и 10 тыс. винтовок, которые Форсайт предложил доставить владыке Кашгарии в качестве дара индийского правительства[477].

В то же время почти все российские эмиссары, прибывавшие ко двору Якуб-бека, будь это капитан Рейналь в 1868 и 1875 гг., капитан Каульбарс в 1872 г. или капитан Куропаткин двумя годами позже, предпринимали попытки не допустить консолидации его государства на границах Русского Туркестана. Несмотря на то, что посланники эмира, которых он периодически направлял с визитами вежливости в Петербург на протяжении 1869–1873 гг., убеждали Александра II в стремлении их повелителя поддерживать дружественные отношения с великой Российской империей, царское правительство проявляло понятную сдержанность[478]. Таким образом, у современников создавалось впечатление, что официальный Петербург просто использует Якуб-бека как «пешку» на «шахматной доске» *Большой Игры* для того, чтобы заставить как китайцев, так и англичан смириться с усилением постоянного присутствия русских в этой части Азии. Кроме того, для России было крайне важно ограничить влияние Османской империи на Якуб-бека, поскольку султан специальным указом взял Йеттишар под свое покровительство и даже послал туда нескольких военных инструкторов для обучения армии новоявленного эмира[479].

Возникновение крупного тюркского государственного образования вслед за восстанием уйгуров и дунган не могло не отразиться на восприятии ситуации военными администраторами Сибири и Туркестана, которые энергично выступали против выжидательного образа действия на границах с Йеттишаром. «Пришло время оставить осторожную политику по отношению к Восточному Туркестану», — заявил, например, генерал-губернатор Восточной Сибири граф Н.Н. Муравьев-Амурский на совещании под предсе-

дательством Милютина в сентябре 1870 г. Предложение о срочном занятия Урги и Улясутая — крупных центров на территории Внешней Монголии — было изложено им в письме военному министру 23 декабря того же года[480]. Не стоит поэтому удивляться, как резонно заметил один из зарубежных историков, что «возможность вторжения Якуб-бека в долину реки Или при поддержке Британии стимулировала превентивный удар, нанесенный Кауфманом». Еще одной причиной возникновения кризиса вокруг этой области, по мнению английского историка, вероятнее всего стало запланированное Петербургом окружение территорий, населенных монголами-ойратами, владениями, зависимыми от России[481].

Непосредственным поводом для приказа Кауфмана командующему войсками Семиреченской области генерал-майору Г.А. Колпаковскому оккупировать верхнюю часть Илийской долины и горные проходы в Тянь-Шане явилось разорение отрядом восставших дунган российской торговой фактории в Кульдже летом 1871 г. И хотя в правительственных кругах Петербурга некоторое время дебатировался вопрос о том, помогать или нет империи Цин в процессе восстановления контроля над мятежной провинцией, а в 1872 г. было даже подписано торговое соглашение с Якуб-беком и учреждено консульство России в Кашгаре с функциями политического агентства[482], победило мнение о необходимости представить вторжение царских войск в пределы Поднебесной империи как вооруженную акцию по наведению порядка в пограничных районах совместно с цинскими властями[483]. При этом посланник Поднебесной в Петербурге получил заверения царского МИДа в том, что после восстановления спокойствия в долине Или русские оккупационные силы будут немедленно выведены из Кульджинской области, а вся занятая ими территория возвращена империи Цин при условии надлежащего управления и недопущения вылазок вооруженных групп[484].

Любопытно процитировать основные пункты инструкции русскому консулу в административном центре Восточного Туркестана, полномочия которого после возвращения цинских властей были ими подтверждены:

«Обязанности агента нашего в Кашгаре будут распадаться на два отдела:

А. Покровительство русской торговле в Йеттишаре и охрана интересов пребывающих во владениях Бадаулета (официальный титул, принятый Якуб-беком. — *Е.С.*) русских подданных.

Б. Наблюдение за ходом политических событий в крае и отношений Кашгара к соседним странам и к Великобританскому правительству…»[485]

Чтобы закамуфлировать истинные стратегические цели царского правительства, некоторыми военными обозревателями, как, например, Л.Ф. Костенко, был сочинен миф о стремлении подавляющего большинства мусульман Восточного Туркестана перейти из китайского в российское подданство[486]. Однако цинская военно-политическая элита, очевидно, не разделяла это мнение. Как докладывал императору опытный полководец и влиятельный государственный деятель, победитель тайпинов генерал Цзо Цзунтан 12 апреля 1875 г., «оккупация Или русскими произошла в момент, ког-

да мы были заняты внутренними беспорядками. Они заявили, что пришли, чтобы сохранить город (Кульджу. — *Е.С.*) для китайцев, но их настоящий мотив был грабеж. Им было известно, что территория Или необычайно богата и что она расположена вблизи их южной границы, поэтому они могли прийти и уйти без особых проблем»[487].

В ответ на действия России, которые привели к занятию Илийской провинции с территорией 1400 кв. миль и населением 130 тыс. человек, в сентябре 1873 – апреле 1874 г. Якуб-бека посетило второе посольство Т. Форсайта. На этот раз его состав включал более 350 дипломатов, военных и ученых в сопровождении кавалерийского эскорта. Сама численность миссии должна была продемонстрировать эмиру серьезность намерений англичан. Принятый Якуб-беком со всеми подобающими почестями, Форсайт подписал соглашение, близкое по контексту к упоминавшейся российско-кашгарской договоренности. В частности, одним из его пунктов стало учреждение в Яркенде британского консульства с назначением на этот пост уже известного читателю Р. Шоу. Важно, что члены миссии, ответственные за разведку местности, использовали пребывание в Кашгарии для того, чтобы исследовать и нанести на карту несколько горных проходов в Гиндукуше, остававшихся ранее вне поля зрения европейцев[488].

Несмотря на то, что сам Якуб-бек старался не проводить, по крайней мере, открыто, каких-либо акций, направленных против России, в Петербурге нарастали недовольство и ревность по поводу развития диалога между Великобританией и Йеттишаром. В традиционном годовом отчете Азиатского департамента МИД Стремоухов скрупулезно перечислил достижения геополитических соперников в интересующем нас регионе: направление Якуб-беку артиллерийских орудий, винтовок, короны суверена и парадного костюма, расшитого жемчугом в подарок от вице-короля лорда Нортбрука; обучение кашгарских воинов инструкторами, прибывшими вместе с Форсайтом; создание мастерских по производству легкого стрелкового оружия и т.д. Любопытно, что именно по инициативе англичан Якуб-бек принял титул эмира, о чем говорилось ранее, и начал чеканить монету с выгравированными именами — турецкого султана Абдул Азиза и своим[489].

Таким образом, хотя и косвенно, но политический кризис в Восточном Туркестане привел к осложнениям в отношениях между Петербургом и Пекином, сыграв свою роль в срыве российско-британского компромисса, о чем речь пойдет ниже[490]. К неблагоприятным факторам, осложнившим двухсторонние отношения добавилась и аннексия Россией Хивинского ханства в 1873 г., которая окончательно продемонстрировала нереальность окончания *Большой Игры* в обозримый период времени. По верному суждению современного британского историка, «если какой-либо конфликт, взятый в отдельности, мог бы рассматриваться в качестве главного мотива переосмысления характера обороны Индии, то им, безусловно, стало русское завоевание Хивы в 1873 г. и алармизм, ощущавшийся с различной интенсивностью на протяжении последующих тридцати лет»[491].

Захват Хивы и споры о политике в отношении Индии

23 января 1873 г. статс-секретарь по иностранным делам лорд Грэнвилл уведомил лорда Лофтуса, британского посла в Петербурге, что «правительство Ее Величества не может умолчать о том, что, если Бадахшан и Вахан, которые, как оно понимает, рассматриваются эмиром (Бухары. — *Е.С.*) в качестве части его владений, будут признаны Англией или Россией, либо вместе, либо по отдельности, независимыми от его власти, эмир будет стремится подкрепить свои претензии силой оружия; в таком случае Бухара может также искать случая захватить районы, зависимые от Афганистана, и тогда мир в Центральной Азии будет нарушен и возникнет прецедент для новых трений между Великобританией и Россией, который при всех условиях желательно избежать, и который, как уверено правительство Ее Величества, будет также неприемлем для императорского правительства»[492].

12 февраля того же года Горчаков ответил Грэнвиллу в духе сильного и искреннего стремления российской стороны строить свою политику в Азии согласно принципам, изложенным в ноте лондонского Кабинета[493]. Воодушевленный столь позитивной реакцией, Гладстон заявил в Палате общин 22 апреля 1873 г., что обмен нотами между главами дипломатических ведомств, или соглашение Грэнвилл – Горчаков, как назвала договоренность пресса, отнюдь не ущемляет право Британии действовать в Афганистане в соответствии с национальными интересами при трех непременных условиях: исключения последнего из российской сферы влияния, уточнения его границы в согласии с двумя державами и обещания афганского эмира воздерживаться от актов агрессии против правителя Бухары как вассала царя[494]. Однако, если «инактивисты», главным образом либералы-гладстонианцы, надеялись на скорейшее окончание *Большой Игры*, путь к которому открывало это «джентльменское соглашение», то адепты наступательного курса преимущественно из лагеря тори, о воззрениях которых говорилось выше, считали его бесполезным в свете якобы неспособности Англии остановить победный марш России по Центральной Азии. К примеру, известный читателю Д. Мичелл, теперь уже на посту вице-консула на берегах Невы, сослался на односторонний выход России осенью 1870 г. из Парижского договора, завершившего Крымскую войну, как пример коварства и двуличия царя и его правительства, с одной стороны, и вялой ответной реакции Уайтхолла, с другой[495].

Несмотря на то что, большая часть правящей элиты России допускала компромисс с Британией, имея в виду делимитацию границы в нижнем течении Амударьи, военная партия при дворе вкупе с туркестанским офицерством иронично нарекли соглашение Грэнвилл – Горчаков *un pain a cacheter sur une voie d'eau* — «тонкой прокладкой от воды в пробоине»[496]. Их следующей мишенью должна была стать Хива, что объяснялось несколькими при-

чинами: во-первых, это ханство оставалось последним барьером, который сохранялся на пути продвижения русских к устью Амударьи; во-вторых, его правитель не скрывал своей враждебности по отношению к царским эмиссарам, которые периодически посещали Саид Мохаммед-хана по распоряжениям Горчакова и Милютина; в-третьих, русским агентам были известны попытки хана установить тесные связи с Якуб-беком Кашгарским; наконец, именно в это время Александр II заключил с Германией и Австро-Венгрией союзный договор трех императоров, поставив Великобританию в изолированное положение на европейском субконтиненте, если учесть то плачевное состояние, в котором пребывала Франция после военного разгрома и революции 1870–1871 гг.

Выступая в поддержку новой кампании, правая русская пресса упоминала «постоянные посягательства на нашу (российскую. — *Е.С.*) территорию, огромные налоги, взимаемые с наших подданных и очаги восстания против наших властей, тлеющие в приграничных степях», то есть те факторы, которые «побуждали правительство решиться на ответные меры»[497]. Одновременно газеты помещали многочисленные комментарии, авторы которых во всех деталях, со ссылками на свидетельства очевидцев описывали ужасные условия существования русских людей, захваченных кочевниками и проданных в рабство на рынках Хивы[498].

Действительно, пропагандистская кампания в прессе России летом – осенью 1873 г. произвела должное впечатление на европейскую общественность, не исключая англичан. Даже такие консервативные органы печати, как газета *Таймс* и журнал *Квотерли Ревью*, переключили внимание читателей на разоблачение жестокостей, допускаемых ханом и его сатрапами. «Грабежи караванов и подстрекательство киргизов к совершению аналогичных набегов — это лишь наименее значительные из преступлений, совершаемых у ворот ханства», — отмечал британский журналист. «Торговля похищенными русскими рыбаками, которой занимается хивинское правительство вместе с пиратами на Каспийском море, является более серьезной проблемой»[499].

В феврале 1873 г., когда чернила на нотах Грэнвилла и Горчакова еще не высохли, российский Главный штаб составил детальный план операции против ханства, хотя военачальники вроде М.Д. Скобелева предлагали различные сценарии вторжения еще в 1870–1872 гг.[500] В свою очередь Саид Мохаммед-хан отчаянно пытался заручиться поддержкой турецкого султана, вице-короля Индии, персидского шаха и правителя Йеттишара, игнорируя все более грозные ультиматумы России[501]. Позднее Милютин вспоминал:

> «И на этот раз хан отклонил наши требования и послал посольство в Калькутту с письмом на имя великобританской королевы и с просьбой о заступничестве за Хиву против России. Вице-король посоветовал хивинским посланникам вступить в дружественные

сношения с русским пограничным начальством и выдать русским пленных. Однако же и затем хан Хивинский не смирился»[502].

Таким образом, заранее спланированное наступление на Хиву под общим командованием Кауфмана тремя колоннами войск с запада, севера и востока стало неизбежным. Вполне понятно, что закаленные в предшествовавших боях, хорошо вооруженные пехотные батальоны и казачьи сотни легко сломили сопротивление иррегулярных хивинских отрядов, захватив столицу ханства в середине июня 1873 г.[503] Стремительный успех операции далеко не в последнюю очередь объяснялся тщательной предварительной разведкой театра кампании, проведенной многими военными и гражданскими лицами на русской службе[504]. Заслуживает упоминания тот факт, что часть туркменских племен, союзных владыке Хивы, перешла затем на сторону сил вторжения, а хан Коканда и особенно эмир Бухары снабжали царские войска провизией, обеспечив их свободный проход через территории своих владений[505].

В результате подчинения Хорезмского государства Россия включила в состав империи все тюркские ханства кроме юго-восточных районов Закаспийской области, населенных туркменами. Комментируя разгром Хивы войсками царя, обозреватель *Таймс* в редакционной колонке мрачно констатировал: «Так исчез… последний реликт независимости в Центральной Азии»[506]. Однако более существенным, по мнению английских комментаторов, являлось изменение тональности, которую Россия использовала в общении с другими державами по европейским проблемам, в сторону все более решительной[507]. И хотя слабые голоса протеста все же раздавались в Лондоне и других столицах Старого Света, европейское общественное мнение в целом склонялось к точке зрения о благотворности нового завоевания, поскольку оно положило конец работорговле и набегам кочевых племен. Неслучайно, уже в июле 1874 г. на опубликованной в Британии «*Карте Центральной Азии*» были отмечены цветом Российской империи все ее последние территориальные приобретения[508].

Но, как и следовало ожидать, сторонники «наступательной политики» среди правящей элиты Великобритании не могли оставить без внимания кампанию против Хивы для того, чтобы усилить критику правительства и указать на новые слабости в обороне Индостана. Например, Вамбери педантично перечислял все мотивы будущего русского вторжения:

«Россия желает Индию, прежде всего, чтобы включить такую роскошную жемчужину в свои азиатские владения, жемчужину, ради которой она так долго и с такими огромными затратами пробивала путь через самые пустынные степи в мире; далее, чтобы заполучить величайшую силу для своего влияния на мир ислама (чьим крупнейшим и злейшим врагом она стала сегодня), потому что хозяин Индии в глазах мусульман приобретает необычайное могущество и величие; и, наконец, чтобы смирить Британско-

го Льва с другой стороны Гиндукуша, имея в виду проведение в жизнь своих замыслов на Босфоре, в Средиземноморье, да и повсюду в Европе»[509].

Как позднее вспоминал полковник Ф. Уэллесли, военный атташе в Петербурге, «невозможно, конечно, отрицать тот факт, что вторжение в Индию занимало мысли многих русских военных и государственных деятелей, особенно, первых, которые мечтали вести туда победоносную армию так же, как адмирал Попов (командующий Балтийским флотом. — *Е.С.*) мечтал возглавить победоносную эскадру в водах Темзы»[510].

Регулярные секретные визиты посланцев индийских князей в Оренбург, Ташкент и другие укрепленные пункты приграничной полосы Российской империи в 1865, 1866 и 1870 гг., казалось, подтверждали эти опасения. Только Рамбир Сингх, махараджа Кашмира, отправлял своих представителей к генерал-губернаторам Оренбурга и Туркестана несколько раз. В то время как царские администраторы, руководствуясь указаниями центра, отказывались дать конкретный ответ на все просьбы о военной помощи, опасаясь ловушки со стороны англо-индийского правительства, Лондон и Калькутта, хорошо осведомленные об этих встречах, были по-настоящему встревожены распространявшимися слухами о казаках, готовых по приказу своих начальников перечь Амударью и двинуться на Балх, Герат или Кабул[511]. Согласно мнению лорда Кларендона, которым он поделился с послом Бьюкененом еще 27 марта 1869 г., «если не будут приняты строгие меры безопасности, мы скоро можем обнаружить, что какой-нибудь честолюбивый русский генерал вошел в контакт с неким беспокойным или злонамеренным индийским принцем, и что возникла интрига, нарушающая покой местного населения на границе»[512].

В то же время, сторонники политики «искусного сдерживания», такие, как Лоуренс, Нортбрук и Аргайлл, указывали на маловероятность агрессивных действий против Индии до того момента, пока Кауфман и его офицеры не закончат аккультурацию завоеванных территорий. «Если русская армия решится пойти прямо на Индию, не опасаясь тех препятствий, которые, как показал опыт, необходимо преодолеть для успеха в современной войне, — утверждал капитан Ф. Тренч в книге о перспективах решения индийского вопроса, — ее (русской армии. — *Е.С.*) уничтожение при столкновении с английскими силами, экипированными всеми необходимыми военными материалами, будет неизбежно»[513].

Однако оба лагеря — «инактивистов» и «форвардистов» — были единодушны в стремлении как можно быстрее перенацелить секретные службы Индии на решение задачи ее более эффективной обороны. «Главная выгода, которую мы все же ожидаем от создания постоянно действующего агентства, — писал Вамбери, — состоит в том, чтобы Англия, будучи точно информирована о событиях в Центральной Азии, о военных и политических движениях России, больше не оказалась застигнутой врасплох в том или

ином случае, и не была бы лишена способности принять меры предосторожности из-за неосведомленности о реальном положении вещей»[514].

Поэтому реформы военного управления Британской империей, предпринятые Э. Кардуэллом в начале 1870-х гг., внесли также изменения в организацию разведывательной деятельности. Как известно, военный министр выступил с речью в Палате общин 24 февраля 1873 г., то есть вскоре после заключения соглашения между Грэнвиллом и Горчаковым. Помимо вопросов изменения порядка комплектования и дислокации вооруженных сил империи, Кардуэлл объявил о планах Кабинета создать Разведывательный отдел под руководством генерал-майора Патрика Макдугала со штатом в 27 опытных офицеров. Новая структура была призвана заменить прежнее Топографическое и статистическое управление[515]. Интересно, что лорды Солсбери и Хартингтон, которые в то время возглавляли соответственно Форин офис и министерство по делам Индии, оценили реформу гораздо более высоко, чем некоторые военные стратеги, так как они полагали, что разведывательная служба может со временем стать еще одним действенным инструментом обеспечения защиты индийской границы[516].

Некоторые историки указывали на тот факт, что Кардуэлл внимательно изучал опыт британской секретной службы в Индии перед тем, как предлагать реорганизацию таковой в метрополии[517]. Справедливости ради, однако, отметим, что российские Генеральный и Главный штабы, а также окружные генерал-квартирмейстерства опережали своих британских «коллег» в реформировании специальных служб, поскольку, как отмечалось ранее, Азиатская часть Главного штаба и военно-топографическое отделение в штабе Туркестанского округа функционировали с 1866–1867 гг.[518]

Упомянутые векторы *Большой Игры* определили противоречивую комбинацию политических, экономических и социальных факторов. В результате начавшегося диалога стороны сумели прийти к договоренностям, открывшим перспективу достижения компромиссов по региональным проблемам. Таким образом, первые, хотя и хрупкие ростки будущего сотрудничества, как свидетельствовало соглашение Грэнвилл – Горчаков 1873 года, уже начинали пробивать себе дорогу через тернии недоверия и непонимания. Однако прежде, чем они принесли свои плоды, Россия и Великобритания должны были пройти через апогей соперничества в середине 1870-х – начале 1880-х гг.

Глава 4.
Кульминация *Большой Игры*, 1874–1885

Мы отдаем предпочтение английской схеме цивилизации, которая в настоящее время демонстрирует такие прекрасные и удивительные результаты в Индии и повсюду, где она имеет дело с азиатами.

А. Вамбери

Большая Игра должна продолжаться!

К середине 1870-х гг. русские и англичане оставили позади большую часть своего пути к Амударье, «единственного природного препятствия, представляющего стратегическую значимость между границей России и Индом, за исключением Гильмендских гор на дороге в Кандагар», по мнению члена Королевского Азиатского общества, известного журналиста и писателя Деметриуса Боулджера[519]. Подчинение Хивы и оккупация долины реки Или царскими войсками дали дополнительные козыри в руки сторонников «наступательной политики» среди британского истеблишмента, включая премьер-министра Б. Дизраэли и большинства членов правительства. Старые предрассудки и фобии, временно ушедшие на второй план после обмена нот между Грэнвиллом и Горчаковым в 1873 г., опять взяли верх в двухсторонних отношениях.

Вместе с тем к середине 1870-х гг. расстановка сил в Европе претерпела изменения в связи с объединением Германии и Италии, которые вступили на путь соперничества за мировые ресурсы, а значит, колонии и сферы влияния. С другой стороны, начавшаяся экономическая депрессия 1873–1896 гг. самым негативным образом повлияла на торговлю, особенно на уровень доходов от коммерческих операций Великобритании в ее заморских владениях, о чем свидетельствовали стагнация, а затем и снижение объема товарооборота после достижения к 1872 г. максимального уровня в 250 млн. фунтов стерлингов[520].

Если либеральное правительство У. Гладстона проводило в целом достаточно сдержанную политику на Востоке, публично отрицая непосредственную русскую угрозу интересам Британии, приветствуя там цивилизаторскую миссию России и выступая за минимально необходимый комплекс оборонительных мероприятий на индийской границе, то консервативный Кабинет Б. Дизраэли взял курс на резкое ужесточение позиции в отношении традиционного геостратегического противника[521].

Сокрушительное поражение, которое потерпела Франция от Германии в 1870 г., привлекло внимание британских правящих кругов. В соответствии с формулировкой целей Лондона на внешнеполитической арене, предложенной Дизраэли, для Великобритании представлялось чрезвычайно важным использовать Германию как противовес России, одновременно шантажируя Берлин эвентуальной русской оккупацией турецких проливов. Р. Блейк, один из современных биографов знаменитого лидера консерваторов, ссылается на эпизод из его жизни, когда, будучи спрошенным, «почему бы Британии не последовать совету тех, кто желает, чтобы она забыла о Константинополе и обеспечивала путь в Индию, аннексировав Египет», Дизраэли заявил:

> «Но ведь ответ очевиден. Если русские займут Константинополь, они в любое время смогут направить свои армии через Сирию к устью Нила, и тогда какой прок нам в удержании Египта? Даже господство на море не помогло бы нам в этом случае. Люди, которые так говорят, должно быть, совершенные профаны в географии. Наша сила на море. Константинополь, а не Египет и Суэц является ключом от Индии…»[522]

Стоит ли удивляться после этого, что европейские публицисты рассматривали симпатии премьер-министра к Османской империи через призму «бескомпромиссной защиты суверенной власти султана и целостности государства от русской агрессии»[523]. Как справедливо отметил русский историк-эмигрант спустя полвека, «единственное возможное оправдание для британских консерваторов из лагеря Дизраэли, которые тряслись над своими азиатскими владениями, было полное отсутствие у них адекватного понимания России и русских, о которых они знали не более чем об ацтеках или инках древнего мира; русская нация оставалась для них постоянной загадкой, так и нерешенной до конца столетия (XIX. — *Е.С.*)»[524].

Однако слабая осведомленность в российских реалиях не мешала Дизраэли и его сторонникам смотреть на «евразийского колосса» в духе *Realpolitik,* то есть вполне прагматично, считая царскую власть главной консервативной силой в Европе, способной остановить революционную волну во Франции и ограничить экспансию Германии. Будучи хорошо осведомлены о нередко бескомпромиссной, даже оскорбительной манере, в которой правительство тори под руководством Дизраэли общалось с другими Кабинетами по международным проблемам, некоторые государственные деятели,

особенно либералы, критиковали его за экстремизм и авантюризм, проявленные во второй половине 1870-х гг.[525] Истина, как свидетельствуют источники, состояла в том, что Уайтхолл составил план широкомасштабной военной кампании, которая должна была развиваться против России по трем направлениям: через Кавказ, Ближний Восток и Центральную Азию, причем в комбинации с инспирированными британскими агентами восстаниями на южных рубежах Российской империи[526]. Показательно, что Н.В. Чарыков, политический представитель в Бухарском эмирате, вспоминал даже о намерениях Кауфмана возвести фортификации на подступах к Самарканду в ожидании удара со стороны англичан и их союзников из числа соседних государств[527].

Говоря об азиатском векторе политики Лондона, мы имеем все основания предположить, что Дизраэли делал все от него зависящее, чтобы продолжить *Большую Игру*. Безусловно, значительное влияние на него и членов Кабинета оказал новый труд Г. Роулинсона, опубликованный в 1875 г. Глава, посвященная англо-персидским отношениям, содержала, например, следующий пассаж:

> «То, чего она (Россия. — *Е.С.*) действительно желает, и против чего мы должны особенно беречься, заключается в господстве над страной (Персией. — *Е.С.*) с помощью морального и политического давления, которые позволят ей использовать Персию как рычаг против соседних народов, турок, с одной стороны, и туркмен вместе с афганцами — с другой»[528].

Эти суждения совпадали с представлениями о положении дел, которые были характерны для многих военных. Так, упоминавшийся ранее атташе России в Лондоне полковник Кутайсов сообщал Милютину о встрече с командующим англо-индийскими силами генерал-лейтенантом У. Робертсоном в марте 1873 г. Во время разговора оба собеседника признали дефицит коммуникационных линий и ту ненависть, которую местные мусульмане питали ко всем европейцам, прибывавшим в этот регион. По заключению Кутайсова, британские военные осознавали, насколько трудно наладить англо-русское сотрудничество на азиатских границах[529].

Конечно, предлагались различные выходы из тупика. Например, генерал-майор Э. Казалет, прослуживший долгое время в Индии, писал в одной из своих работ:

> «Усиление политического влияния и коммерческой активности через соединение Средиземного моря с Персидским заливом посредством железнодорожной линии, поставило бы нас в настолько выгодную позицию, что мы могли бы более либерально подходить к интересам России. Гибралтар, Кипр, Сирия и Месопотамия завершили бы систему коммуникации с Индией самым коротким маршрутом под нашим контролем»[530].

Стоит также отметить, что планы по строительству путей сообщения в Центральной Азии специально обсуждались на совещании царских министров 3 января 1875 г. Правда, как отметил в своем дневнике Милютин, все его участники, за исключением Кауфмана, отвергли схему создания сети железных дорог, предложенную знаменитым французским инженером Ф. Лессепсом — главным архитектором Суэцкого канала, тогда как более затратная и трудно реализуемая идея переброски вод Окса по его древнему руслу в Каспий встретила понимание некоторых сановников[531].

В этой связи как британская, так и российская правящая элита постоянно сопоставляли две модели управления колониями, которые обе империи применяли соответственно в Индии и Туркестане. Судя по оживленным дискуссиям в прессе и пропагандисткой тональности бесчисленных политических памфлетов, эта тема постоянно находилась в поле зрения государственных и общественных деятелей. «Политика России в Центральной Азии до сих пор была менее великодушной и благородной, чем наша в Индии, — писал уже известный нам Д. Боулджер, — но она была более расчетливой. Они (русские. — *Е.С.*) не извлекали значительную выгоду из своих новых подданных, но сделали свое правление безопасным и гарантированным»[532]. Другие английские эксперты справедливо утверждали, что «если полное разделение прерогатив между судьей и правителем» типично для Индии, в русской Азии «преступления против государства и личности одинаково входят в компетенцию судов, независимых от исполнительной власти, которая в своей основе осуществляется военными и принимает во внимание только соблюдение решений этих трибуналов»[533]. По мнению современного историка, «основной проблемой, которая волновала умы некоторых британских администраторов, являлось стремление не копировать методы, применяемые в Российской империи, рассматривавшейся многими из них как образец деспотизма»[534]. Отсюда Лондон старался избегать «объединения» «внешних» и «внутренних» (по отношению к владениям Англии) этнических групп, посредством дифференцированного «задабривания» племен, чтобы, как отмечал О. Лэттимор, «сократить не приносящие прибыли затраты на их прямое завоевание и умиротворение...»[535] Но этот американский географ считал такую тактику достаточно рискованной, поскольку английские чиновники сами могли легко оказаться в зависимости у местных ханов и эмиров, которым они покровительствовали, а их рядовые соплеменники воспринимали косвенное присутствие британских властей как вмешательство чужестранцев в их внутреннюю жизнь. Нетрудно представить себе, что указанный образ действий мог спровоцировать воинственные племена, особенно в горной местности, к восстаниям против европейцев, что в свою очередь заставляло бы правительство Индии отправлять в эти районы дорогостоящие карательные экспедиции[536].

Будучи хорошо осведомлены о достижениях англичан в Индии, таких как прекращение постоянных распрей мелких князьков, строительство железных дорог и телеграфных линий, создание основ современной системы об-

разования и здравоохранения, запрещение наиболее варварских обычаев, российские политики, дипломаты и стратеги тем не менее противопоставляли «моральную силу» своего правления в Туркестане «насилиям и лицемерию» британских властей по отношению к *Раджу*[537]. Следует отметить, что такая интерпретация находила поддержку у некоторых европейских наблюдателей. Например, упоминавшийся австрийский географ Ф. фон Хелльвальд отмечал в своих трудах противоречия между заявлениями и реальной практикой правительства Индии. Более того, вслед за русскими коллегами ученый высказывал мнение, что британское правление основывается главным образом на высоком подушном налоге и безжалостном подавлении малейшего социального протеста[538].

Углубленное изучение этой проблемы привело многих авторов к выводу о том, что ряд похожих черт обеих систем колониального правления — британской и русской, обусловленных стремлением модернизировать традиционные восточные общества, исходя из цивилизаторской миссии, все же не делают их тождественными[539]. Подчеркивая это обстоятельство, необходимо назвать несколько причин: упоминавшееся запаздывающее социально-экономическое и политическое развитие России в сравнении с Великобританией, существенные отличия в их географическом положении и принципах функционирования государственной власти, конфессиональные противоречия и т.д. Данный список, очевидно, может быть дополнен, но для нас важно обратить внимание на специфику Русского Туркестана и Британской Индии. Если в первом случае относительно низкая плотность населения препятствовала ускоренной аккультурации степей и пустынь, то во втором, наоборот, английские власти вынуждены были учитывать демографический фактор в связи с проблемой голода и массовых эпидемий в климатических условиях влажных тропиков. Не стоит упускать из виду еще одно важное обстоятельство: как известно, британская администрация утвердилась на землях бывшей Могольской державы в результате длительной борьбы не только с местными правителями, но сначала с португальцами, а затем французами. Россия же не имела серьезного соперника в Туркестане, за исключением все тех же англичан, и поэтому хронологические рамки его подчинения царской власти оказались сжатыми. Наконец, экономическое значение Индии для Туманного Альбиона в рассматриваемый период, как говорилось выше, значительно превосходило роль Центральной Азии в хозяйстве Российской империи вплоть до начала XX в.

Резюмируя, можно предположить, что российская модель колониального управления, хотя и не такая прогрессивная, как британская, оказалась более адаптированной к политическим и экономическим реалиям традиционных обществ. Относительно первого аспекта укажем на более понятный для азиатских народов принцип авторитарного правления, а в связи со вторым отметим чужеродность идеи свободной конкуренции для доиндустриальных социумов, основы формирования связей внутри которых отличались от европейских стран. Как справедливо характеризовал экономические условия,

типичные для азиатских деспотий, один американский синолог, «коммерция в торговых портах Внутренней Азии или вдоль побережья Китая регулировалась, по крайней мере, теоретически, в соответствии с установлениями, которые были внутренне несовместимы с возможной эволюцией рыночного механизма по известному закону соответствия спроса и предложения. Этот механизм не мог существовать в рамках ограничений, затруднявших доступ на рынок и «цены», по которым совершался обмен»[540].

Справедливости ради укажем, что, помимо обоюдной критики, на берегах Темзы и Невы даже в период обострения соперничества были слышны голоса в поддержку русско-британского диалога по проблемам Востока. К примеру, Ф.Ф. Мартенс, один из лучших российских юристов-международников, задавался вопросом: «Кто получит выигрыш от постоянной борьбы России и Великобритании в Азии?» Пытаясь найти ответ, он фактически пришел к мысли о неизбежности в перспективе взаимного сближения:

> «Чем более Англия и Россия будут проникнуты чувством солидарности их обоюдных интересов, чем более они будут убеждены, что отличительная черта цивилизации заключается в духе совместной деятельности ради одной высокой цели, тем более сделаются прочными основы их господства над азиатскими народами и станут более действенными гарантии всеобщего мира в Европе и в Азии»[541].

Близкие соображения высказывались и в брошюре анонимного английского автора, призывавшего обе империи объединить усилия для распространения цивилизации на пространствах Евразии:

> «Россия и Британия — две великие державы, которые могут сделать друг другу много хорошего и плохого, и поэтому они имеют все основания быть друзьями. При наличии дружественных отношений они приобретут все и ничего не потеряют. Объединившись, они станут достаточно сильными, чтобы установить мир и безопасность на более чем половине планеты, даже если шумный колосс на западе (США. — *Е.С.*) полностью достигнет своего угрожающего размера. Если Россия будет с нами, кто осмелится выступить против нас, либо против нее. Союз с ней является условием успеха нашей империи в жизненно важных вопросах защиты от китайской и египетской опасности Индии. Пускай, следовательно, англичане не будут слишком привередливы. Русская культура и мораль действительно не на уровне Германии и в некоторых отношениях ниже французской и американской. Но недостатки России свойственны первой юности, а не испорченной старости. Она осознает свои дефекты и полна желания учиться у более зрелых (государств. — *Е.С.*) Она определенно самая прогрессив-

ная из континентальных европейских стран. И, прежде всего, она стремится более любой другой державы идти по пути прогресса, ориентируясь на Англию и учась у Англии»[542].

К сожалению, оптимистические оценки и прогнозы, подобные приведенному выше, казались многим наблюдателям в описываемый период утопичными, поскольку суровая действительность соперничества и даже конфронтации продолжали формировать восприятие политиками окружающего мира. Так, скажем, как явствует из переписки лордов Солсбери и Нортбрука, которые занимали посты соответственно министра по делам Индии и вице-короля, первый был убежден, что петербургский Кабинет не способен эффективно контролировать своих генералов в Центральной Азии, в то время как афганский эмир и персидский шах оставались, по его мнению, исключительно коррумпированными властителями, что могло быть использовано русскими военными администраторами на местах. Поэтому Солсбери обращался к Нортбруку с настоятельной просьбой «быть готовым двинуться на Герат, также как пруссаки совершили марш на Париж», имея в виду стратегический маневр немцев в войне против французов[543].

Прибыв в Лондон с государственным визитом в мае 1874 г., Александр II и Горчаков вручили своим собеседникам ноту, в которых предложения о развитии диалога по проблемам Среднего Востока сочетались с жалобами на активность англичан в Кашгарии, Северной Персии и центральноазиатских ханствах, будто бы имевшую цель настроить мусульман против русских[544]. В ответ Дизраэли и министр иностранных дел лорд Дерби обвинили Россию в постоянных нарушениях договоренностей по азиатским делам, включая соглашение Грэнвилл – Горчаков. 2 июня премьер-министр сообщил лорду Солсбери: «Я не уверен в возможности достижения какого-либо эффективного договора с Россией»[545]. В свою очередь министр по делам Индии отправил Нортбруку послание следующего содержания:

«Может быть, это и верно, что Россия не может вторгнуться в Индию и что афганцы, если Россия будет их подстрекать к такому вторжению, будут разбиты. Однако истинная причина для беспокойства состоит в том, что если Россия действительно оккупирует Афганистан войсками или «дипломатически», за ней придется наблюдать, используя большие силы; другими словами, она будет сковывать значимую часть небольшой британской армии»[546].

Большинство английской общественности полагало, что, используя метафору все того же Солсбери, «русские стремились осадить Константинополь с высот над Пешаваром». Спустя пять лет Д. Боулджер выразил эти настроения следующим образом:

«Очевидно, мы (британцы. — *Е.С.*) вынуждены признать упрямый факт, что российские гарантии не делать такие и такие вещи не заслуживают доверия. В Центральной Азии, где отсутствуют

суды великих держав, поддерживающие стандарты международной справедливости, Россия доминирует и осуществляет свои политические акции, не оглядываясь на устои, которые наносят ущерб политике менее удачно существующих правительств и народов»[547].

Вот почему как для элит, так и обывателей в обеих империях было характерно скептическое отношение к суждениям о необходимости покончить с англо-русским соперничеством в Азии. Скорее, наоборот, политики, дипломаты, военные, бизнесмены и журналисты были убеждены, что во имя национальных интересов *Большая Игра* на просторах Центральной и Восточной Азии непременно должна иметь продолжение!

Аннексия Коканда и соперничество в Кашгарии

После того, как Россия установила протекторат над Бухарой и Хивой, разгромленное, но формально сохраненное в сильно урезанном виде Кокандское ханство рассматривалось царскими стратегами как главный очаг анти-русских интриг в бассейне Амударьи при том, что, как уже отмечалось, в отличие от крупных землевладельцев и исламского духовенства население городских центров, а также многие кланы кочевников были готовы принять российское подданство[548].

В 1873 г. высокие налоги, которые Мохамед Худояр-хан ввел в своем государстве, спровоцировали восстание против его сатрапов и сборщиков податей. Результатом всеобщего недовольства правлением хана стало его бегство в Русский Туркестан. Тем временем восставшие захватили г. Коканд и провозгласили старшего сына хана — Саида Насир-у-Дина — новым правителем[549]. Однако, как это часто случается, разногласия в среде инсургентов, главным образом между кочевыми киргизскими кланами и оседлыми общинами земледельцев, преимущественно таджиков, привели государство на грань распада. С другой стороны, смута в Коканде угрожала также интересам России, поскольку участники восстания объявили всем «неверным» священную войну, распространяя погромы на территорию собственно генерал-губернаторства. Внимательный наблюдатель этих событий Д. Боулджер привел в своей книге одну из прокламаций восставших, которые потребовали от русских либо принять ислам, либо убираться из ханства[550]. В довершении всех бед Кауфман получил информацию о поддержке восстания кашгарским эмиром Якуб-беком. По мнению тогда еще капитана А.Н. Куропаткина, совершившего в 1876 г. поездку в государство Йеттишар,

«Огромный личный успех Якуб-бека… и его безграничная власть над огромной страной окружили его персону ореолом, не

совсем незаслуженным. Достаточно сказать, что многие люди смотрят на него как на второго Тамерлана благодаря его многочисленным амбициям. Ресурсы этого правителя также сильно преувеличены. Точная информация о приобретении Якуб-беком большой партии скорострельных винтовок в Константинополе, как предполагают, при посредничестве англичан, дала солидную основу для этих преувеличений»[551].

Понимая, что возникает реальная перспектива превращения Кашгарии в центр сопротивления российской экспансии со стороны всех мусульман Центральной Азии, Кауфман, Скобелев и ряд других генералов-туркестанцев убеждали царя и канцлера Горчакова в необходимости покончить с Кокандом, а затем взяться за Кашгарию. В результате предпринятое наступление войск Туркестанского округа на Коканд под предлогом наведения порядка и восстановления законной власти хана завершилось 11 сентября 1875 г. разгромом мятежников и разорением столицы. По условиям мирного договора, подписанного Кауфманом и Саид Насир-у-Дином последний уступил России свои владения, расположенные на правом берегу Сырдарьи вместе с землями, лежавшими между ней и рекой Марин. Аннексированные территории были немедленно провозглашены Кауфманом Наманганской областью в составе Туркестанского генерал-губернаторства. Вслед за последней отчаянной, но неудачной попыткой хана получить военное снаряжение и деньги из Пенджаба, чтобы возобновить сопротивление, он был лишен престола в феврале 1876 г., а оставшаяся территория его государства составила Ферганскую область Русского Туркестана[552].

Хотя европейская общественность продолжала рассматривать такой исход как меньшее зло по сравнению с хаосом, царившем в ханстве перед его аннексией русскими, правящие круги Великобритании опасались, что Россия использует кокандскую войну как предлог для активизации *Большой Игры* теперь уже в Кашгарии, которая фактически граничила с бывшим государством Саид Насир-у-Дина. Обострение международной обстановки на Балканах как раз в этот период еще более усиливало эти опасения, поскольку консервативный Кабинет, стоявший за спиной Османской империи в очередном русско-турецком конфликте, рассчитывал принять все необходимые меры, чтобы остановить Россию как на Балканах, так и у ворот Индии[553].

Со своей стороны, представители русской общественности, к примеру, профессор Санкт-Петербургского университета по кафедре восточных языков В.П. Васильев, вновь обращали внимание высших сановников империи на возможные британские интриги в тылу царских армий, если им придется отражать наступление турок на Закавказском фронте. В ноябре 1876 г. он направил письмо на имя Милютина, в котором предупреждал военного министра:

«Англичане, вступив с нами в войну, не упустят, конечно, ни одной мелочной меры, чтобы нам вредить; они попробуют, веро-

ятно, вооружить против нас таких ничтожных врагов, как туркмены; будут подбивать Хиву, Бухару, Якуб-бека, афганского эмира; вышлют эмиссаров к нашим мусульманским подданным и к нашим социалистам (sic!)»[554].

Любопытно, что автор послания предлагал российскому правительству заключить военный союз с Китаем для того, чтобы принудить Пекин направить военные контингенты в Бирму, Непал и Кашгарию с задачей отвлечь внимание Уайтхолла от северо-западной границы Индостана. Выполнение этих условий, по мнению Васильева, позволило бы России вытеснить англичан из Индии[555].

Другой упоминавшийся военный ориенталист М.И. Венюков и вовсе пытался сформулировать новую концепцию политики в Евразии. Он утверждал, что Россия и Китай как крупнейшие континентальные империи должны объединить усилия для борьбы со своими противниками — Великобританией, ее марионетками среди мусульманских владетелей и воинственными племенами, подстрекаемыми англичанами против русских. Венюков был убежден, что распад Китая будет иметь катастрофические последствия для Российской империи[556]. Полагая, что идея создания пояса буферных государств между владениями России и Британии в Центральной Азии является утопией, он считал, что появление такой «нейтральной зоны» отнюдь не укрепит границу первой, обрекая ее тем самым, подобно Османской империи, на постоянные локальные войны в пограничных районах[557].

Колебания между силовым и дипломатическим сценариями решения проблемы Кашгарии не прекращались в официальных кругах Петербурга все 1870-е гг. С одной стороны, эксперты Азиатской части Главного штаба все больше склонялись к оказанию военного давления на правителя Йеттишара. В то же время Кауфман не возражал против создания буфера, намереваясь даже оказать поддержку Якуб-беку, если он признает сюзеренитет Российской империи. По мнению всесильного генерал-губернатора, такой выход из положения мог бы обеспечить геополитические и экономические интересы России в Восточном Туркестане с наименьшими материальными и моральными затратами[558]. Неслучайно, он продолжал официальную переписку с кашгарским эмиром и его старшим сыном Бек Кули-беком — наиболее вероятным преемником отца на троне, предлагая им стать третьим после Бухары и Хивы российским протекторатом. Упоминавшийся ранее директор Азиатского департамента МИД П.Н. Стремоухов также считал такой вариант действий отвечающим интересам России[559].

Ликвидация Коканда и осложнения на Балканах заставили царское правительство направить чрезвычайную политическую миссию в Йеттишар в мае 1876 г. Как уже отмечалось, капитан А.Н. Куропаткин, назначенный ее главой, был проинструктирован Кауфманом обсудить с Якуб-беком поправки к прежним договоренностям по пограничным вопросам. Однако существовала и «скрытая повестка» этого визита, обусловленная стремлением

Кауфмана собрать максимум информации о подлинных намерениях эмира и расстановки сил в его ближайшем окружении. Впоследствии Куропаткин вспоминал:

> «Знания о Кашгарии, которыми мы обладали в то время, являлись не просто неполными, но в значительной степени преувеличившими истинные возможности правителя страны и значимость государства, которое он основал. Мы увидели в Кашгарии могущественное мусульманское государство, к которому, как к центру, были бы привлечены симпатии населения не только тех мусульман, которые сохранили свою независимость, но также и тех, кто проживает в провинциях, уже завоеванных нами. Важность Кашгарии в наших глазах еще более возросла в связи с попытками англичан переманить ее на свою сторону, то есть, сначала включить ее в зону нейтральных государств, которая призвана отделить Россию от Индии; и затем приобрести в Кашгарии свежий рынок для продажи своих промышленных товаров»[560].

Некоторые современники и позднейшие историки сопоставляли эту миссию с почти аналогичными по целям поездками в Йеттишар хорошо известного читателю Т. Форсайта[561]. В реальности прагматичный кашгарский эмир уклонялся от конкретных обещаний как британцам, так и русским, предпочитая единственно верную, с его точки зрения, политику лавирования между двумя империями, чтобы сохранить независимость и укрепить свою власть любой ценой, ожидая контр-наступления цинских войск[562]. Правда, в конечном итоге, как показали дальнейшие события, Якуб-бек все же пошел на сближение с англичанами, которые пообещали содействовать примирению эмира с пекинским правительством, а также предложили финансовые субсидии и поставки вооружения. Тайные контакты с турецкими агентами и массовая миграция дунган из Йеттишара в Русский Туркестан не могли не повлиять на выбор, сделанный эмиром к концу 1876 г., в пользу формально протурецкой, а фактически пробританской ориентации. Как представляется, визиты его ближайшего советника Сеид Якуб-хана в Константинополь, Калькутту и даже Лондон вместе с попытками, хотя и безуспешными, очередного вице-короля Индии лорда Литтона «замолвить за кашгарского правителя словечко» в столице Поднебесной, подтверждают сделанный нами вывод[563]. Дополнительно отметим, что надвигавшаяся русско-турецкая война, по расчетам Якуб-бека, могла предоставить ему удобный случай для организации всеобщего анти-русского восстания в Центральной Азии, которое, как он ожидал, будет с готовностью поддержано турками и англичанами. Победа восставших, с его точки зрения, привела бы к полному изгнанию царских властей из Кульджи и Коканда, что превратило бы Йеттишар в сильнейшее мусульманское государство региона[564].

Таким образом, царскому правительству было чего действительно опасаться. Как еще в июне 1870 г. заявил Кауфман, «есть основание полагать,

что возбуждение, которое преобладает во всех этих странах (Среднего Восток. — *Е.С.*), и особенно среди афганцев, обусловлено неистребимой ненавистью, которую питают друг к другу русские и англичане и благодаря которой рано или поздно они нанесут взаимные удары в Азии»[565]. Вряд ли приходится удивляться поэтому, что сторонники наступательных действий на берегах Невы решительно критиковали идею сохранения Йеттишара. Даже Горчаков и Кауфман, встревоженные интенсификацией диалога между Якуб-беком и британской администрацией Индостана, в результате согласились с мнением военного министра о прекращении контактов с эмиром Кашгарии. Для уточнения позиций Александр II созвал Особое совещание, большинство участников которого признали Цинскую империю более желательным соседом России, чем государство Якуб-бека. Царь утвердил решение совещания об отказе правителю Йеттишара в помощи против карательных сил под командованием генерала Цзо Цзунтана, которые Пекин концентрировал на границах Восточного Туркестана. Более того, в Петербурге сочли более приемлемым для интересов России организовать снабжение цинских войск продовольствием во время их похода на Йеттишар, хотя вплоть до его начала Кауфман все же не прекратил запугивать правительство Поднебесной кашгарской угрозой[566].

Таким образом, сочетание внутренних (недовольство крестьян и торговцев высокими податями, жестокие репрессии против немусульман или тех, кто недостаточно ревностно соблюдал предписания шариата) и внешних (наступление хорошо вооруженной, закаленной в боях против тайпинов армии Цзо Цзунтана и давление со стороны России) причин дестабилизировало внутренний порядок в Йеттишаре, а внезапная смерть Якуб-бека 29 мая 1877 г. привела эмират к коллапсу[567]. Цинским войскам удалось достаточно быстро подавить последние очаги сопротивления и занять Кашгар в конце того же года. Показательно, как сам Кауфман в одном из частных писем оценивал развитие событий: «15 (27) декабря 1877 г. Здесь (в Ташкенте. — *Е.С.*) получено известие, что Кашгарское ханство, это излюбленное детище англичан, это могущественное, по их мнению, мусульманское государство, которое затруднит наше наступательное движение в Индию, пало»[568].

«Реконкиста», которую провели цинские власти на территории Восточного Туркестана в 1877 г., почти совпала по времени с двумя другими войнами, оказавшими влияние на ход *Большой Игры*. Речь идет о русско-турецком и англо-афганском конфликтах. Используя ситуацию, Пекин обратился к России с требованием очистить от ее войск долину Или, оккупированную ими в 1871 г. При этом цинская дипломатия активизировала свою деятельность на берегах Альбиона с целью обеспечить поддержку своему требованию, а Сент-Джеймский Кабинет не преминул осуществить зондаж позиций Франции и Германии относительно совместного демарша против России не только по балканской проблеме, но и в Центральной Азии[569].

Согласно точке зрения американского историка китайского происхождения Иманнуила Сюэ, чье исследование специально посвящено кризису во-

круг Или, британский посланник в Пекине «запросил Лондон о возможности приглашения английских офицеров» в Поднебесную, на что министерства иностранных дел и военное, а также Адмиралтейство дали свое согласие, разрешив, конечно, с ведома Дизраэли, британским военным поступать на службу в империю Цин в ожидании назревавшей русско-китайской войны[570]. Большинство региональных ассоциаций английских предпринимателей, особенно те, члены которых имели бизнес в странах Азии, с одобрением отнеслись к такой перспективе. Кроме того, следует отметить, что сотрудники британского посольства в Петербурге добровольно взяли на себя роль неофициальных консультантов китайской дипломатической делегации, прибывшей на берега Невы для обсуждения проблемы Или, а сэр Х. Маккартни, сын которого стал позднее консулом в Кашгаре, даже исполнял обязанности личного секретаря цинского посланника Чун Хоу при дворе Александра II во время переговоров[571].

Многие российские историки традиционно возлагают вину за Илийский кризис на англичан, которые, якобы, спровоцировали напряженность в отношениях между Петербургом и Пекином, чтобы отвлечь внимание царского правительства от Балкан и Афганистана. Например, А.Д. Воскресенский утверждает, что Дизраэли и министры торийского Кабинета были разочарованы заключением русско-цинского договора 1879 г., потому что он мог ограничить влияние Великобритании в Центральной Азии[572].

Между тем, дипломатическая переписка показывает, что Россия сама форсировала военные приготовления на случай войны с Китаем после отказа богдыхана ратифицировать это соглашение в связи с нежеланием идти на серьезные территориальные и экономические уступки в соответствие с Ливадийским договором, который под русским давлением подписал Чун Хоу. Действительно, по этому соглашению 1879 года Цинская империя обязывалась выплатить России 5 млн. руб. компенсации за ущерб, который понесли российские подданные в период оккупации Кульджи мусульманскими инсургентами. Кроме того, Пекину предлагалось открыть новый караванный путь для чаеторговцев из России. Наконец, и это самое главное, правительство Поднебесной должно было уступить Российской империи 70% всей области Или вместе со стратегически важными горными проходами, открывавшими царским войскам дорогу в Восточный Туркестан[573].

Секретные документы из дипломатического и военного архивов дают все основания утверждать, что в Петербурге и Ташкенте разрабатывали планы нанесения военных ударов по империи Цин с двух направлений — из Центральной Азии и с Дальнего Востока. Чтобы принудить Цинов согласиться на условия Ливадийского договора, Кауфман составил схему «молниеносной» наступательной кампании в Восточном Туркестане. Одновременно намечались меры по значительному усилению, перевооружению и реорганизации частей, которые были размещены вдоль всей русско-китайской границы с целью успешного отражения вероятных контратак со стороны цинских войск в Восточной Сибири, Приамурской и Уссурийской областях[574]. По-

мимо этого, эскадра боевых кораблей Балтийского флота получила приказ взять курс на Тихий океан, потому что, как докладывал Милютину в ноябре 1877 г. военный атташе в Лондоне генерал-майор Горлов, среди британских офицеров активно муссировались слухи о морской войне, которая должна была начаться на Дальнем Востоке между Россией, с одной стороны, и Китаем в союзе с Англией, — с другой. Вот почему Горлов предлагал Главному штабу подумать над ответными мерами, вплоть до найма группы террористов из числа ирландцев, проживавших в Сан-Франциско, для организации атаки на гавань Ванкувера в Канаде — доминионе Великобритании. Любопытно, что по информации военного атташе, ряд лидеров ирландского националистического движения обращались к нему с предложением сформировать отдельную бригаду волонтеров в составе русской армии, чтобы сражаться против англичан в Центральной Азии. Другой заслуживающей внимания идеей Горлова стало предложение нанять в Гонконге агентов из числа местных китайцев для проведения актов саботажа против британских морских властей с целью вызвать конфликт между Лондоном и Пекином[575].

Необходимо подчеркнуть, что военный и морской министры получали в рассматриваемый период десятки инициативных записок, составленных военными экспертами, дипломатами, гражданскими чиновниками, учеными, общественными деятелями и обывателями, которые излагали собственные, нередко совершенно фантастические, проекты обеспечения позиций России в Восточной Азии. Например, в марте 1878 г. некий капитан-лейтенант Семечкин призвал морское ведомство вернуться к проектам организации крейсерской войны против Британской империи с помощью создания группы специальных паровых судов, способных оперировать на ее торговых коммуникациях[576]. Примечательно, что еще ранее, в январе того же года, морской министр предписал командиру Тихоокеанской флотилии контр-адмиралу Лесовскому отдать приказания консулам, аккредитованным в крупных портах Китая с европейскими сеттльментами, собирать информацию об организации англичанами обороны побережья[577].

Сохранившиеся документы британского Адмиралтейства проливают свет на реакцию Уайтхолла. Так, меморандум, подготовленный двумя военно-морскими экспертами, содержал следующие комментарии:

> «В 1878 г., когда наши отношения с Россией были натянуты, преобладало мнение, что в случае военных действий между двумя странами, цели России в морской кампании могли бы состоять в захвате судов и разрушении нашей коммерции в океанских водах, а также в атаке на наши тогда почти незащищенные колонии»[578].

Приложение «D» к меморандуму указывало на разработку в России конкретных схем ведения боевых операций на морях в период 1877–1878 гг. Одна из них принадлежала перу полковника Бодиско — российского военно-морского атташе в Великобритании. Он ратовал за одновременную морскую атаку Ньюкасла в Атлантике, Гонконга и Сингапура в Тихом оке-

ане, Сиднея и Мельбурна в Австралии. При всей фантастичности идея Бодиско встретила одобрение упоминавшегося выше Лесовского, который направил пятерых морских офицеров с секретной разведывательной миссией в важнейшие порты Австралии[579].

Тем временем, по мере углубления Илийского кризиса зимой 1879–1880 гг., критические голоса в Китае все громче и отчетливее обвиняли Россию в стремлении аннексировать те провинции Поднебесной, которые примыкали к пограничной зоне обеих империй. Сэр Роберт Харт, многолетний Генеральный инспектор морских таможен Китая, чье авторитетное мнение признавали многие современники[580], сообщал другу, что настроение при пекинском дворе самое решительное:

> «Если Россия попытается принудить Китай, он будет сражаться, но, не поддержанный материально иностранцами, будет разбит. Урегулирование после такого поражения отрежет от его территории значительный кусок: таможенная служба, вероятно, сильно пострадает в ходе этой свары»[581].

Служебная переписка царских дипломатов, политических агентов и военных администраторов свидетельствовала о критической ситуации в русско-китайских отношениях. 24 июня 1880 г. еще два старших офицера Генерального штаба были командированы на Дальний Восток для выяснения как намерений Пекина, так и общего положения дел в регионе[582]. Вскоре после этого контр-адмирал Лесовский предложил Главному штабу организовать высадку в Китае десанта по примеру англичан и французов в период второй опиумной войны. Согласно подробным расчетам командующего Тихоокеанской эскадры, общая сумма расходов на операцию составила бы 6 млн. руб., а для самого десанта потребовалось бы 25 тыс. человек живой силы, 100 орудий и около 90 морских паровых транспортных судов, чтобы перевезти войска из Одессы в Желтое море[583].

Однако волна политического терроризма, захлестнувшая Россию в этот период наряду с дефицитом государственного бюджета после окончания русско-турецкой войны вынудили царское правительство отказаться от проведения этих замыслов в жизнь. С другой стороны, группа цинских сановников, среди которых ведущую роль играл губернатор столичной провинции Ли Хунчжан, осознавали высокий риск для правящей династии вступить в открытую вооруженную конфронтацию с Россией, даже при поддержке Англии, на фоне японо-китайского конфликта вокруг принадлежности островов Рюкю[584]. Вот почему Пекин и Петербург провели второй раунд консультаций на берегах Невы в конце 1880 – начале 1881 года.

В результате все пункты нового договора были успешно согласованы, что позволило сторонам подписать его 24 февраля 1881 г., то есть всего за несколько дней до гибели Александра II от рук террористов. Петербургский договор подвел черту под кризисом вокруг принадлежности долины Или. Спустя три месяца была учреждена специальная комиссия по делимитации

границы между Русским и Восточным Туркестаном. Что же касается местного неханьского населения, то к 1883 г. более 50% жителей предпочли бежать из Кульджинской области на территорию России вслед за уходившими царскими войсками. На следующий год пекинские власти объявили о создании самой западной провинции империи.

Историки обычно рассматривали итоги кризиса вокруг Или в двух измерениях: некоторые из них указывали на дипломатический успех Пекина, достигнутый благодаря усилиям таких патриотов, как маркиз Цзэн — глава цинской делегации во время второго тура переговоров; другие были склонны считать урегулирование компромиссом, выгодным обеим державам[586]. Однако, по мнению автора, наряду с причинами внутриполитического характера уступчивость России была связана с опасениями новых осложнений в Европе[587]. К тому же не последнюю роль в разрядке напряженности между Россией и Китаем, видимо, сыграли торгово-финансовые соображения, поскольку привилегии, полученные русскими у маньчжуров в качестве «компенсации» за Кульджу, как писал знакомый читателю Игнатьев канцлеру Горчакову еще в июне 1878 г., «более ценны, чем несколько тысяч квадратных миль гор и пустынь, которые бы перешли от Китая во владение России»[588].

Забегая вперед, отметим справедливость этого суждения. Как свидетельствовал очевидец в 1886 г., «рынки Кашгарии были наводнены русскими товарами, и без преувеличения можно сказать, что вся торговля страны находится в руках русских подданных, называемых здесь андижанцами»[589]. Назначение в конце 1882 г. полковника Н.Ф. Петровского, бывшего финансового эксперта в туркестанской администрации Кауфмана, на пост консула в Кашгар имело целью дальнейшее продвижение экспорта из Российской империи в регионы Внутренней Азии. Прослужив на этой должности в Синьцзяне более двадцати лет (с 1895 г. — как генеральный консул), он получил у китайских властей и англичан прозвище «настоящего правителя» Кашгара. «Человек с большими амбициями и харизмой, темпераментный и тщеславный», по мнению современников, Петровский «был способен на невероятные грубости и жестокую ненависть, но он мог, когда сам этого хотел, быть очаровательным и остроумным хозяином, учтивым и поразительно хорошо информированным о событиях в мире»[590].

Роль этой незаурядной личности в реализации замыслов правительства обусловлена степенью влияния, которое он стал оказывать на представителя цинских властей — амбаня — вскоре после приезда в столицу Восточного Туркестана вместе с женой, сыном, личным секретарем и эскортом, состоявшим из 45 казаков. Дело дошло того, что амбань начал регулярно занимать деньги у российского консула, чтобы вовремя расплатиться с солдатами гарнизона Кашгара, часто не получавшими вовремя положенной платы из казны[591]. Следует отметить, что помимо официальных функций, Петровский был также известен богатейшей личной коллекцией древних манускриптов на восточных языках, которая насчитывала более 1500 наиме-

нований. Именно она составила впоследствии основу материалов его личного фонда, находящегося на хранении в Государственном Эрмитаже.

Показательно, что Дж. Маккартни, сын Х. Маккартни, который сопровождал делегацию Цинской империи на переговоры с царским правительством в Петербург во время Илийского кризиса, очень высоко оценивал деятельность Петровского для защиты российских интересов в Центральной и Восточной Азии, будучи сначала специальным помощником по китайским делам британского политического резидента в Кашмире, а затем заняв, как и Петровский, должность консула в Кашгаре. Такие известные первопроходцы, как Ф. Янгхазбенд и Р. Кобольд, которые неоднократно следовали через Восточный Туркестан во время своих экспедиций на протяжении 1880-х – 1890-х гг., считали необходимым прислушаться к мнению Петровского по наиболее актуальным вопросам азиатской политики России и Великобритании в регионе[592]. Согласно утверждениям современных английских авторов, когда Кобольд прибыл в административный центр Кашгарии в 1898 г., он нашел, что российский генеральный консул является одним из наиболее осведомленных людей из тех, с кем ему приходилось встречаться, а Янгхазбенд был особенно заинтересован коллекцией топографических инструментов, принадлежавшей Петровскому[593]. Даже лорд Кимберли — министр по делам Индии в середине 1880-х гг., счел необходимым в письме вице-королю лорду Дафферину указать на значимость российского консульства в Кашгаре — удобного пункта наблюдения за обширной пограничной зоной между территориями Афганистана, Индии и России:

> «Британскому консулу следует обеспечить такое же безопасное положение, которое занимает его русский коллега, — отмечал Кимберли, — а само местоположение консульства представляется мне важным для контроля за передвижениями русских на северной границе Афганистана и Читрала, а также для стимулирования нашей торговли»[79].

В самом деле, помимо своих прямых обязанностей, Петровский создал целую сеть тайных агентов для сбора сведений не только об изменении ситуации в Синьцзяне, но и на Памире. Он явился пионером в разработке оригинальной схемы рекрутирования и последующего обучения разведчиков из числа местных жителей, которую представил на усмотрение министра иностранных дел Н.К. Гирса в феврале 1887 г. Любопытно, что Петровский даже подготовил памятку для туземных агентов с перечислением основных вопросов, интересовавших политическую и военную разведку России[595]. К сожалению, МИД не поддержал его инициативу, хотя один из самых опытных специалистов штаба Туркестанского военного округа Н.И. Нотович, который, как и Петровский, принимал участие в *Большой Игре*, очень высоко оценивал вклад генерального консула в проведение агентурной разведки на границах Российской империи[596]. Неслучайно упоминавшийся Кобольд во время своей памирской экспедиции 1897–1898 гг. был особенно потрясен

прекрасной осведомленностью многих российских офицеров о событиях на Среднем Востоке. «Это я связываю с обширной системой шпионажа, которая поддерживается российским правительством по всей индийской границе», — написал путешественник в своей книге о путешествии по просторам Центральной Азии[597].

Впоследствии появились различные оценки результатов англо-русского соперничества на территории Восточного Туркестана. К примеру, 5 декабря 1884 года полковник Генерального штаба Белявский, адресуя свой доклад военному министру П.И. Ванновскому, обрисовал контуры стратегии России следующим образом:

> «Западный Китай составляет самую слабую часть Китайской империи, так как эта обширная пустынная область населена враждебным китайцам мусульманским населением, неоднократно поднимавшим знамя восстания… Естественные условия Восточного Туркестана, отделенного значительными пустынными пространствами от внутренних населенных и производительных местностей Небесной империи, крайне затрудняют для китайцев оборону этого района и сосредоточение в нем войск; но вместе с тем те же условия лишают и наше наступательное движение в этом направлении серьезного военного значения, так как подобное движение за отсутствием первостепенных целей не может повести к решению борьбы в нашу пользу. Поэтому высказывалось [мнение], что в случае борьбы с Китаем этот театр войны будет иметь только второстепенное значение»[598].

Среди стратегов и аналитиков находились даже такие «военные умы», которые полагали, что Кашгария неизбежно попадет в руки России подобно спелому яблоку, поскольку влияние последней на Восточный Туркестан преобладающее, а ненависть мусульманских подданных к цинским властям будет со временем только усиливаться[599].

Примечательно, что англо-индийская пресса вспомнила о кризисе вокруг Или в связи с событиями в Закаспийской области, анализ которых будет представлен ниже. Так, газета *Пайонир Мейл* опубликовала 26 июля 1885 г. статью под заголовком «Англо-китайский союз». Ее автор вернулся к идее превращения Кашгарии в «новый фронт» борьбы против экспансии России:

> «При условии того, что мы находимся на хорошем счету у китайского правительства и пользуемся расположением мусульман в Азии, мы смогли бы превратить Тянь-Шань в непреодолимый барьер для русских, по крайней мере, до Кашгара на западе; мы также смогли бы создать военные поселения в Кашгарии и таким образом усилить нашу власть в Афганистане. Далее, заключив союз с Персией и Турцией, мы получили бы все основания надеяться на изгнание русских из Туркестана и Армении (sic!)»[600].

Хотя российские и британские путешественники, такие как Н.М. Пржевальский, Б.Л. Громбчевский и П.К. Козлов, или Н. Илайэс, А. Хози и Ф. Янгхазбенд, не говоря о многих других бесстрашных искателей приключений, продолжали пересекать пустыни и преодолевать горные хребты Восточного Туркестана[601], после урегулирования Илийского кризиса этот регион стал постепенно терять свое значение в качестве одной из главных «площадок» *Большой Игры*. Внимание мирового сообщества оказалось вновь привлечено к Синьцзяну спустя полвека — в 1930-х гг., когда массовые восстания мусульман Восточного Туркестана привели к провозглашению Уйгурской Республики под неофициальным советским контролем. Проблема самоопределения народов, проживающих в западных регионах КНР, остается нерешенной и сегодня. Однако она требует отдельного рассмотрения.

Афганский узел: попытка организации марша на Индию

Затишье, наступившее в Восточном Туркестане после нескольких бурных десятилетий, позволило царскому правительству перенести акцент на другие стратегические зоны Восточной Азии, и, прежде всего, Афганистан, который на протяжении десятилетия — со второй половины 1870-х до середины 1880-х гг. — выступал основным раздражителем в русско-британских отношениях.

Чтобы лучше понять общую международную ситуацию того времени, полезно вспомнить об острой фазе соперничества держав на Балканах, Ближнем Востоке и в Африке. Прежде всего, как уже отмечалось выше, усиление напряженности вокруг черноморских проливов, а также национально-освободительное движение в населенных славянами балканских провинциях Османской империи дестабилизировали баланс сил на европейском субконтиненте. «В общем, Россия для славян Европы есть средство, а не цель (подчеркнуто в тексте документа. — *Е.С.*), — отмечал начальник Азиатской части Главного штаба хорошо знакомый читателю полковник А.Н. Куропаткин в записке от 18 марта 1879 г. — Раз, достигнув при помощи России автономии, или независимости, славянские земли при всякой дальнейшей попытке со стороны России руководить ими не только отнесутся к нам недоверчиво, но даже весьма легко могут перейти на сторону наших врагов». Чтобы исключить такой сценарий, автор записки вновь обращал внимание высшего руководства на необходимость окончательного решения проблемы турецких проливов в контексте соперничества с Британией: «Владея Босфором, подчеркивал Куропаткин, — мы сделаемся неуязвимы для Англии и будем иметь более других шансов владеть и всем Балканским полуостровом как в политическом, так и в экономическом отношениях»[602].

Открытие военных действий между Россией и Турцией 27 апреля 1877 г. и последовавшее стремительное наступление царских армий через Балканы

к проливам шокировали европейских политических деятелей при том, что многие представители общественности с пониманием и симпатией относились к освободительному движению славян против гнета турок, желая ухода последних с Балкан. «Если русские достигнут Константинополя, королева будет чувствовать себя настолько униженной, что она предпочтет немедленное отречение от престола», — писала Виктория премьеру Дизраэли, заклиная его «быть храбрым» в случае открытой конфронтации с русскими[603]. Властная элита Великобритании серьезно опасалась, что дальнейшая консолидация позиций России в Восточном Средиземноморье, а также ослабление турецкого контроля над Ближним Востоком будут иметь эффект «домино» для развития ситуации в Персии, Афганистане, а, в конечном счете, и в Индии. Еще за два года до начала русско-турецкой войны посол в Петербурге А. Лофтус поделился с лордом Дерби, занимавшим в середине 1870-х гг. пост министра иностранных дел, своими соображениями о возможной трансформации геополитического ландшафта на Среднем Востоке:

> «По информации из частных источников, которые мне доступны, я склонен полагать, что русское правительство имеет намерение сформировать независимое государство в провинции Герат, нарушающее суверенитет Афганистана, и договорилось с Персией подчинить своей власти туркменское племя теке. Если же создание независимого государства окажется неосуществимым, то они (русские. — *Е.С.*) могут попытаться заручиться полной поддержкой Персии, позволив шаху надеяться на завоевание Герата с окружающими его районами в качестве вассального владения Абдур Рахмана (будущего эмира Афганистана. — *Е.С.*), который содержится русским правительством в Самарканде»[604].

Как уже отмечалось, для поднятия престижа Великобритании на Востоке, Виктория официально приняла титул императрицы Индии, преподнесенный ей Дизраэли 26 апреля 1876 г. Как следует из регулярного обмена письмами между королевой и ее первым министром, последний с нетерпением ожидал момента, когда он «отдаст приказ ее армиям сначала очистить от московитов Центральную Азию, а затем сбросить их в Каспий»[605]. В английской прессе появилась информация о том, что правительство уже приняло план военной кампании против России, который предусматривал отправку 60 тыс. англо-индийских войск в Малую Азию через Афганистан в соответствие с секретным соглашением, будто бы подписанным англичанами с эмиром[606]. Неслучайно поэтому 10 ноября 1876 г. Милютин проинформировал генерал-губернатора Восточной Сибири Б.В. Фредерикса, что поскольку петербургский Кабинет ожидает разрыва дипломатических отношений с Англией в ближайшем будущем, необходимо подготовить регламент оборонительных мероприятий на случай войны[607].

Стоит отметить, однако, что помимо сторонников «наступательной политики» более осторожные политики стремились дать взвешенную оценку си-

туации. Так, лорд Солсбери высказал мнение, что «Россия, столкнувшаяся с угрозой революции, балансирующая на грани банкротства, не имеющая сколько-нибудь стоящих военных командиров и обязанная справится даже при обороне своих границ с экономическими трудностями, огромными расстояниями и редким населением, — такая Россия беспомощна для нанесения дальнего удара»[608].

Дискутируя с министром по делам Индии, вице-король Литтон указывал на прогресс соперника Британии в регионе, который он объяснял хорошо организованной русской разведкой: «Сейчас в Центральной Азии успехи российской дипломатии полностью зависят от того, что ее дипломатические агенты неофициально везде считаются первопроходцами и авангардом ее армий, причем и дипломатия, и армии неуклонно продвигаются вперед...»[609]

Неудивительно, что многие современники обращали внимание на бум в организации различных разведывательных миссий, как официальных, так и тайных, которые Лондон и Петербург отправляли на Средний Восток в интересующий нас период[610]. Согласно многочисленным запискам и донесениям военных экспертов в Политический и секретный департамент министерства по делам Индии, британцы и русские тщательно готовились к таким поездкам, делая все от себя зависящее, чтобы выявить агентов противника в приграничных районах[611]. Любопытно, что автору этих строк попался документ, в котором Милютин запретил капитану Фредерику Барнэби проехать в Индию через Российский Туркестан в 1875–1876 гг. В качестве мотивов запрета военный министр привел небезопасность коммуникаций по маршруту следования, а также регулярные отказы индийского правительства в ответ на запросы о разрешении для русских офицеров посещать *Радж*[612]. Детально обосновывая свою позицию по этому вопросу в письме Кауфману, Милютин констатировал:

> «Помимо того, что английское правительство, со своей стороны, своим обращением с нашими путешественниками по северо-западной границе Индии вовсе не дало нам повода быть особенно предупредительными к так называемым английским туристам в Средней Азии, нельзя не обратить внимание на слишком частые в последнее время посещения великобританскими офицерами нашей границы на р. Атреке (между Персией и землями туркмен в Закаспийской области. — *Е.С.*) и на сношения их с соседними нам текинцами»[613].

Источники свидетельствуют, что период 1870-х – 1880-х гг. может быть назван эпохальным в истории специальных служб Российской и Британской империй. Военные реформы Милютина и Кардуэлла привели к появлению таких структур, как, например, Военно-Ученые комитеты Главного штаба и Главного Морского штаба России, или Разведывательного отдела и Иностранного разведывательного комитета Соединенного Королевства[614]. Помимо них, с целью изучения угрозы со стороны русских на дальних ру-

бежах империи англичане создали Комитет обороны колоний (Colonial Defence Committee), который начал свою деятельность зимой 1878–1879 гг.[615] И хотя первоначально он функционировал довольно нерегулярно, премьер-министр Солсбери потребовал реорганизовать этот орган, воспользовавшись кризисом вокруг туркменских земель[616]. Так, Комитет обороны колоний получил возможность для того, чтобы впоследствии трансформироваться в Комитет имперской обороны (Committee of Imperial Defence), который с 1903 г. вносил заметный вклад в планирование ключевых направлений внешней политики Великобритании[617]. Кстати сказать, одновременно с описанным процессом проходила реорганизация Департамента разведки, подчинявшегося англо-индийскому правительству[618].

Возвращаясь к анализу афганского направления *Большой Игры*, отметим, что после своего прибытия в Калькутту, вице-король лорд Литтон предложил меры, направленные не только на дальнейшее укрепление обороны собственно Индостана, но также и на превращение Афганистана по сути в протекторат Великобритании по образцу Бухары и Хивы. Как пишет Р. Джонсон, «едва заняв свой пост (в 1876 г. — *Е.С.*), Литтон составил проект нового соглашения с ханом Келата и определил Кветту как передовую базу, из которой следовало ударить по Кандагару. Он также полностью поддержал идею Солсбери о незамедлительном направлении в Кабул британского политического резидента[619]. Вице-король решил назначить на эту должность одного из высших чиновников своего правительства Луиса Пелли, полномочия которого как главы специальной дипломатической миссии к эмиру Афганистана допускали заключение с ним нового соглашения. Задачи Пелли также состояли в выяснении степени устойчивости политического режима Шер Али-хана и информировании его о вступлении Литтона в должность. Однако эмир отказался принять британскую делегацию. Англо-афганские переговоры, вызванные продвижением русских в Закаспийской области, возобновились только в январе–марте 1877 г. на конференции в Пешаваре. Но все попытки Литтона получить у эмира разрешение разместить своих политических агентов в нескольких пограничных пунктах на севере Афганистана для мониторинга ситуации в сопредельных странах, и, прежде всего, России, Персии и Китая, оказались тщетными. На бумаге провозглашалось подчинение воинственных горных племен, занимавших стратегические проходы в хребтах между оазисами Центральной Азии и джунглями Северной Индии, представителям британских колониальных властей, хотя на практике это было далеко не так[620].

Дипломатический тупик на Пешаварской конференции возник не в последнюю очередь в связи с неожиданной смертью полномочного посланника афганского эмира в конце марта 1877 г. К тому же британская дипломатия оказалась в своеобразной политической ловушке из-за противоречивых тенденций, которые наблюдались в развитии ситуации на Среднем Востоке. С одной стороны, приближение России к северным границам Персии и Афганистана, вызвавшее оживленную полемику в европейской прессе, означа-

ло усиление напряженности в северо-западном пограничном пространстве *Раджа*. Но, с другой, — «форвардисты» в Лондоне и Калькутте продолжали лелеять мысль об объединении таких буферных государств, как Афганистан и малых ханств Гиндукуша и Гималаев в единую мусульманскую лигу на анти-российской основе, хотя этот сценарий, как неоднократно указывали «инактивисты», грозил подорвать позиции самой Великобритании на Среднем Востоке[621]. Вот почему и лондонскому Кабинету, и англо-индийскому правительству при Литтоне требовались весомые аргументы, чтобы прибегнуть к решительному давлению на Кабул вместо долгих уговоров эмира, которые практиковали прежние вице-короли. Такими аргументами, с точки зрения адептов наступательного курса, как раз и явились победы русского оружия в войне против турок на Балканах и в Закавказье вкупе с военными приготовлениями царских властей в Туркестане.

Тем временем воинственная панслависткая партия при дворе Александра II искала шанс, чтобы «убить двух зайцев одним выстрелом»: во-первых, осуществить многовековую мечту о царском штандарте, развевающемся над куполом Святой Софии, а, во-вторых, превратить Афганистан в оперативную базу для похода к берегам Инда и Персидского залива. В последнем случае царские стратеги опять извлекли на свет старые планы кампании против Британской Индии для внесения в них необходимых уточнений. Как подчеркивал Венюков:

> «Материковые земли английской Азии могут и должны быть рассматриваемы как театр войны, в которой шансы успеха (так в тексте. — *Е.С.*) во многом будут зависеть от того, как противники Англии — будь они внешние или внутренние — сумеют воспользоваться физическими свойствами территории, приспособиться к ним и поставить англичан в невозможность оборонять обширную страну, ими захваченную, но чуждую и даже враждебную им по составу населения, а по отдаленности от самой Англии не могущую ожидать из нее больших подкреплений»[622].

По мнению этого и других военных обозревателей, слабое развитие логистической инфраструктуры и уязвимость коммуникационных путей, которые могли быть использованы британцами, играли на руку русским, особенно в начальной фазе будущей кампании. Мультиэтнический, а равно и мультиконфессиональный состав англо-индийских сил являлись дополнительными предпосылками конечного успеха предприятия. Достаточно напомнить читателю, что британцы составляли менее трети вооруженных сил колонии, тогда как остальная часть 175-тысячного воинского контингента приходилась на жителей Индостана — последователей индуизма, ислама и других религий, говоривших на нескольких языках, да еще и разделенных кастовыми перегородками. Как с горечью отмечали сами англичане, «туземные солдаты не обладают ни преданностью нашему режиму, ни способностью выказать нечто большее, чем нейтралитет, если бы мы пожелали про-

вести дальнейшие реформы (в системе управления Индией. — *Е.С.*)»[623]. По мнению же российских аналитиков, «внушаемое англичанами превосходство белых» могло воспрепятствовать боевому духу англо-индийской армии при столкновении с казаками, «даже если индусы не будут вовлечены в восстание и останутся верными своему долгу»[624].

Однако было бы явным упрощением игнорировать взгляды тех русских комментаторов, которые, подобно их британским коллегам, старались привлечь внимание властной элиты и общественности к опасности всеобщей священной войны исламистов в тылу царских армий по образцу Кавказской войны, тем более, что попытки протурецких сил поднять восстания мусульманских народов в Черноморском регионе имели место на протяжении 1877–1878 гг. К примеру, уже известный читателю профессор Васильев представил очередную записку в военное ведомство, предупреждая Милютина о планах англичан по снабжению некоторых кочевых племен на южных границах Русского Туркестана вооружением и боеприпасами. Кажется фантастичным, но Васильев приписывал англичанам намерение завербовать агентов-провокаторов для «пропаганды социализма мусульманским подданным царя (sic!)»[625].

13 февраля 1878 г. английская боевая эскадра бросила якорь в Мраморном море неподалеку от Принцевых островов. Вслед за этим торийский Кабинет запросил, а парламент одобрил кредит в 6 млн. фунтов стерлингов (60 млн. руб.) на военные нужды; резервисты призывались на действительную службу, а семь полков англо-индийской армии были переправлены из Индии на Мальту. Будучи прекрасно осведомлены о внушительных приготовлениях своего геостратегического противника, которые сопровождались беспрецедентным дипломатическим давлением, царские генералы сочли за благо остановить наступление у ворот Константинополя. Когда шовинистическая кампания в прессе достигла кульминации, а партии сторонников решительных действий в обеих империях громогласно требовали их начала, новое вооруженное столкновение между традиционными соперниками казалось современникам неизбежным.

При таких обстоятельствах полковник Л.Н. Соболев, ветеран туркестанских кампаний и очередной начальник Азиатской части Главного штаба, представил на суд Милютина план, основными пунктами которого была отправка специального российского посланника в Кабул как симметричный ответ на миссию Пелли и организация похода к Верхнему Оксу (Амударье), а при благоприятных обстоятельствах и далее в Индию через Афганистан[626]. Сам Соболев был глубоко убежден, что «движение русских войск не только потрясут, но уничтожат Британскую империю в Индии, тогда как последствия такого разрушения будут настолько значительны, что весь мир содрогнется. Англия после этого будет вычеркнута из списка великих держав, а Россия превратится в абсолютного властелина Азии»[627].

Заручившись содействием военного министра, Соболев направил свой план Кауфману, чтобы офицеры его штаба детализировали первоначальный

замысел. Ситуация еще больше накалилась после того, как герой русско-турецкой войны, победоносный генерал-лейтенант Скобелев озвучил идею вступить в союз с эмиром Шер Али, уже давно стремившимся-де освободиться от каких-либо обязательств перед англичанами. Такой союз, по мнению «Белого генерала», как называли Скобелева современники, обеспечил бы беспрепятственный и быстрый проход царских войск к Инду[628]. В свою очередь Кауфман делал ставку на превращение Афганистана в еще один российский протекторат по типу Бухары и Хивы, вслед за которым должно было последовать установление сюзеренитета России над Персией. Согласно взглядам туркестанского генерал-губернатора и его окружения, реализация данного сценария могла окончательно подорвать престиж Великобритании в Азии, вывести русских к берегам Индийского океана и отдать Балканы в руки России. 4 апреля 1878 г. Кауфман послал шифрованную телеграмму начальнику Главного штаба графу Ф.Л. Гейдену:

> «Интересам Англии в Азии можно угрожать выставкой Туркестанского отряда ближе к Аму[дарье], примерно у Ширабада, и сверх того движением к Мерву с Кавказа и Петро-Александровска, направив в Мерв десять или пятнадцать тысяч. Успех зависит от положения, какое примет Афганистан. Можно войти в сношения»[629].

Спустя две недели Милютин доложил царю, что, хотя поход на Индию представляется ему чрезвычайно рискованным из-за отсутствия достаточных экспедиционных сил и скудости бюджетных средств, русским следует нейтрализовать враждебность афганцев и провести разведку доступных маршрутов продвижения к Инду[630].

После того как Россия и Турция заключили перемирие в Сан-Стефано, Александр II собрал министров, дипломатов и генералов для обсуждения дальнейшей политики на Среднем Востоке. Примечательно, что специальная записка, подготовленная к этому совещанию тайным советником бароном Н.Е. Торнау, предусматривала вторжение в Индию через Астрабад, расположенный в персидском Хорасане, и Герат, нарушая, таким образом, суверенитет сразу двух государств — Персии и Афганистана[631]. Однако это не смутило Барятинского и Кауфмана, поддержавших проект, в то время как Гирс, Крыжановский и великие князья испытывали сомнения в его реализуемости. Милютин, со своей стороны, указал на некоторую преждевременность столь широкомасштабной операции, хотя и не отрицал саму идею. Компромиссное решение, которое он рекомендовал принять, состояло в отправке к афганской границе 60 рот пехоты (12 тыс. штыков) и 26 эскадронов казаков (3 тыс. 328 сабель)[632].

Интересно, что агентам Рональда Томпсона, британского посланника в Тегеране, удалось перехватить копию стенограммы выступления Милютина на совещании у царя. Судя по комментариям к докладу, сделанным английским дипломатом, аргументация военного министра произвела на него весьма сильное впечатление:

«Его общая идея сводится к необходимости ограничить алчность и ненасытность «Деспота морей»; в нем сказано, что английская казна обогащается на 20 млн. фунтов в год от налогов, собираемых в Индии; что общая прибыль Великобритании от Индии составляет 6,5 млн. фунтов в день; что, если англичан выгонят из Индии, смута уничтожит правительство и сведет к нулю политическое влияние, которым Англия пользуется в отношениях с другими нациями; далее, не предполагается, что Россия должна захватить Индию сама, но англичане должны быть лишены ее, а страна возвращена прежним владельцам, поскольку население Индии восстанет, когда услышит, что русские войска маршируют в направлении их страны, чтобы вернуть им свободу. Еще одним фактором успешной реализации этого плана станет соглашение с афганцами, которые с нетерпением ожидают шанса, предоставленного им союзником (Россией. — *Е.С.*) с его приближением, чтобы отомстить Англии за прошлое. Движение русских войск на Индию заставит англичан направить значительную часть ее военной силы на защиту ее территории, и таким образом ее мощь в Европе будет ослаблена»[633].

Интересно, что Милютин предусмотрел осуществление контактов наступающей русской армии с влиятельными индийскими принцами, знатью и старейшинами с помощью секретных курьеров, нанятых и подготовленных русскими в Афганистане, а также при содействии армянских священников, проживавших на территории Северо-Западной Индии[634].

Одним из важных вопросов, от решения которого зависел успех похода, была персидская проблема, обсуждению которой был посвящен не один десяток записок, рапортов и обзоров. Несмотря на состояние упадка, в котором пребывала древняя держава, многие эксперты рассматривали ее как важное в стратегическом плане государство Среднего Востока. Например, британский подполковник А. Кори, опубликовавший специальный труд об «угрозе с Востока» полагал, что эта страна занимает фланкирующую позицию, которая позволяет с ее территории нанести удар по Русскому Туркестану и Кавказу[635]. По мнению известного американского востоковеда Ю. Шуйлера, «единственная опасность для Индии с территории России пролегала через Персию»[636]. Л. Иессен, чиновник российского МИД, также пришел к выводу о роли Персии в качестве континентального моста между Средиземным морем и Южной Азией[637].

Вместе с тем другие русские военные обозреватели указывали на тот факт, что заключение оборонительного альянса с Тегераном приведет только к расширению операционного театра и усилит подозрения афганского правителя Шер Али-хана относительно русских намерений к удовольствию англичан. Вот почему, с их точки зрения, более уместным являлось достижение не союза, а благожелательного нейтралитета Персии[638]. В то же вре-

мя правительство шаха, как и многие азиатские государства, которым удалось сохранить независимость во второй половине XIX в., стремилось лавировать между великими державами, продолжая беспринципный дипломатический торг с Петербургом и Лондоном. Так, во время беседы Солсбери с персидским посланником Малькольм-ханом последний открыто заявил:

> «Политика, проводимая Россией, направлена на аннексию Мерва, шаг который Персия могла бы предотвратить при содействии Англии; наиболее очевидный способ предоставления такого содействия является отдача Герата в ее руки, хотя есть и другие, а именно, поставка современного оружия. В общем, наступил решающий момент, когда определяется вектор политики Персии: в сторону России или по направлению к Англии»[639].

Тем временем директива Милютина Кауфману от 25 апреля 1878 г. требовала форсировать подготовку к походу. Необходимо было срочно увеличить контингент царских войск в Туркестане до 12 тыс. чел. в начальный период проведения операции с последующим призывом еще 8 тыс. запасных, которые должны были прибыть на театр военных действий к июлю 1878 г. Главными силами был назначен командовать генерал-майор В.Н. Троцкий. Его частям ставилась задача проследовать через Бухару и Самарканд на Кабул и Хайберский перевал. Вспомогательная колонна полковника А.А. Гротенхельма получила приказ продвигаться с запада из крепости Петро-Александровск на Чарджуй. Третьей группировке войск под командованием генерал-майора А.К. Абрамова предписывалось выступить из Самарканда через Алайские горы на Читрал и далее в Кашмирскую долину. Общую координацию движением всех колонн царских войск было приказано осуществлять генерал-губернатору Кауфману. Кроме того, ему вменялось в обязанность направить полномочное посольство в Кабул к эмиру Шер Али[640].

В соответствие с откорректированной схемой, части, привлекаемые для участия в походе, насчитывали 12 тыс. пехотинцев и 4 тыс. 292 казака, имевших на вооружении 50 артиллерийских орудий и 12 ракетных батарей. Пунктом сбора основной группировки сил был определен Джам, небольшой населенный пункт в 45 км к югу от Самарканда. Однако даже к 17 июля 1878 г. численность войск, собравшихся в Джаме, не превысила 9 тыс. 600 пехотинцев и 3 тыс. 560 кавалеристов. Все они очень страдали от песчаных бурь и адской жары. Судя по итоговому рапорту, только одна колонна достигла сборного пункта, тогда как две другие так и остались в местах постоянной дислокации[641]. По прошествии двух недель, 1 августа 1878 г., расположившиеся в Джаме батальоны получили приказ возвратиться к своим прежним гарнизонам. Современные историки довольно единодушно объясняют отказ от похода подписанием русско-турецкого мира на международном конгрессе в Берлине, однако эта версия справедлива лишь отчасти.

Источники свидетельствуют, что неудача попытки похода на Индию была связана не только с европейским вектором российской политики, но и с из-

менением ситуации в Афганистане. О том, что запланированный марш мог стать отнюдь не простой демонстрацией силы, говорит настоящая «военная лихорадка» в Ташкенте весной – летом 1878 г., когда командиры и солдаты высказывали общий энтузиазм относительно будущей кампании, не зная наперед, против кого она будет вестись: афганцев, туркмен, китайцев или англичан[642]. Как уже было показано, вся операция тщательно планировалась и обсуждалась в высших инстанциях военного руководства России. Ее проведение осуществлялось в запланированные сроки, но было остановлено на начальном этапе. Достаточно сказать, что 7 июня 1878 г. приказом Кауфмана был сформирован полевой штаб похода. Кроме того, о серьезности намерений царского правительства свидетельствует высочайшее распоряжение приравнять передвижение и сосредоточение войск в Джаме к другим военным кампаниям в Туркестане[643].

Сделанный вывод находит подтверждение и в том внимании, с которым отнеслись к известию о концентрации царских войск на границах с Афганистаном в Лондоне и Калькутте. Назначенный на пост министра иностранных дел лорд Солсбери получил первые, хотя и неточные сведения об этом предприятии от посла в Константинополе О. Лаярда еще 12 мая 1878 г. Искажение информации заключалось в неверном подсчете сил и средств, привлеченных к участию в операции, поскольку Лаярд определил их в 50 тыс. чел.[644] В то же время запрос Форин офис в Петербург сначала столкнулся со стеной молчания, а затем вызвал традиционные успокоительные заверения исполняющего обязанности министра иностранных дел Н.К. Гирса, который заявил послу Лофтусу: «Был момент, когда война казалось почти неизбежной, а при таких обстоятельствах военные командиры на местах, безусловно, считали своим долгом предпринять меры, которые они считали необходимыми и полезными для страны»[645]. По свидетельству британского дипломата, Гирс отрицал какие-либо русские интриги при дворе эмира Шер Али, хотя военно-политическая миссия генерал-майора Н.Г. Столетова уже готовилась отправиться из Ташкента в Кабул.

Было бы неверным, однако, связывать очередной маневр царского правительства по привлечению афганского властителя на свою сторону лишь с инициативой военной партии, особенно Милютина[646]. Дипломатические круги устами Гирса 11 мая 1878 г. информировали Кауфмана о целях миссии Столетова. С точки зрения временного главы министерства иностранных дел, чрезвычайному посланнику необходимо было запугать эмира якобы имеющимися у англичан планами присоединить Афганистан к британским владениям, лишив правителя трона. Столетов получил инструкции предложить Шер Али значительную сумму денег в обмен на обязательство эмира вступить в военный союз с Россией против Англии[647].

Можно упомянуть несколько причин отказа от продолжения кампании: недостаток коммуникационных линий, особенно железных дорог; нехватка войск, снаряжения и продовольствия для широкомасштабной операции в условиях постоянного отдаления войск от тыловых баз снабжения и т.п.

Но главными факторами срыва операции, на наш взгляд, явились опасения негативной реакции Великобритании и сомнения в надежности каких-либо договоренностей с эмиром Афганистана. Другие предлагавшиеся объяснения кажутся все же далекими от истины. Например, утверждение ряда современных авторов об инфекционных болезнях, которые якобы воспрепятствовали походу, не подтверждаются источниками[648].

Анализ переписки между Кауфманом и Шер Али-ханом на персидском языке за почти десятилетний период — с марта 1870 по февраль 1879 г., захваченной англичанами после оккупации Кабула в ходе второй англо-афганской войны, позволил специалистам раскрыть истинные намерения царского правительства. Через Столетова официальный Петербург предложил Шер Али-хану объявить его духовным главой всех мусульман вместо турецкого султана — «этой марионетки в руках британцев», по словам российского эмиссара. Стоит также отметить, что в инструкциях, полученных генералом, завершающим аккордом его посольства должно было стать взятие им на себя командования объединенной русско-афганской армией, если бы удалось заключить военный союз между двумя странами[649].

22 августа 1878 г. русское посольство в сопровождении более чем трехсот казаков и бухарских кавалеристов прибыло в Кабул. Столетову и его свите был оказан теплый прием со всеми подобающими случаю церемониями. В период пребывания, которое продолжалось две недели, российский посланник беседовал с эмиром почти каждый день. Проект конвенции, которую Столетов вручил Шер Али-хану, содержал 11 статей. В соответствии с ними афганский правитель должен был признать протекторат России над своей страной, а генерал-губернатор Туркестана принимал на себя обязательства по предоставлению Афганистану необходимой военной помощи. По информации британских секретных агентов, русские, как уже отмечалось, предложили эмиру крупную субсидию в 30 млн. индийских рупий (18 млн. руб.) за содействие проходу войск через территорию его владений в Индию и обратно[650]. Кроме того, русские намеревались добиться согласия эмира на сооружение железной дороги из Самарканда в Кабул через Герат и телеграфной линии из того же Самарканда до Кандагара. Они также планировали создание сети складов боеприпасов, провианта и фуража в северных провинциях страны[651].

Важно подчеркнуть, что именно Кауфман настаивал на взятии Афганистана под протекторат России, однако в результате оживленной дискуссии как Александр II, так и его военный министр отказались от реализации этой идеи, приказав амбициозному генерал-губернатору вести дела более осторожно, учитывая сложную ситуацию в Европе, Османской империи, Персии и Туркмении[652]. Кроме того, дипломатическое давление Лондона, встревоженного паническими телеграммами из Калькутты о приготовлениях русских, также обесценило миссию Столетова. В меморандуме, предназначенном для Кабинета, эксперт военного ведомства полковник Ф. Кларк отмечал:

> «Русские ежедневно расширяют свое влияние на киргизов Алая и Памира. Недавно они обследовали Сарыкол на Памире, расположенный всего в девяти или десяти маршах от Гилгита в Кашмире. Они находятся в пределах слышимости от тех княжеств Верхнего Окса, которые, гордясь своей независимостью и ведя свое существование со времен Александра Македонского, были только что аннексированы против своей воли Афганистаном, от населения которого они отличаются в религиозном отношении (имеются в виду различные деноминации ислама. — *Е.С.*)»[653].

Даже такой противник наступательной политики, как герцог Аргайлл, открыто заявил во время поездки Столетова о своих опасениях относительно деятельности русских в Афганистане:

> «Я обязан сразу же высказать мнение, что исходя из каких бы то ни было обстоятельств или руководствуясь какими бы то ни было мотивами, при которых русская миссия была послана и принята, для британского правительства представлялось невозможным хранить молчание в наших контактах с эмиром относительно ее предмета. Мы не можем позволить России получить преобладающее или даже равное с нами влияние в Афганистане. Поэтому Кабинет не только оправдан в принятии мер, но настоятельно обязан выяснить истинные цели этой миссии, и если она имеет политический характер, позаботиться о том, чтобы больше подобных миссий не отправлялось»[654].

Показательно также, что Милютин записал в своем дневнике 22 сентября 1878 г.:

> «Новым поводом к раздражению Англии против России служат дела афганские. В Лондоне не могут переварить, что Шер Али, не допуская к себе британские посольства, принял чрезвычайно радушно русское посольство Столетова. Но какой еще поднимется крик, когда узнают, что сам афганский владетель прислал свое посольство в Ташкент с просьбой о принятии Афганистана под покровительство России и с заявлением, что он не примет англичан в Кабуле без «разрешения» генерала Кауфмана»[655].

Связывая чрезвычайное российское посольство с организацией похода на Индию, укажем на обещание Столетова вернуться в Кабул с 30 тыс. контингентом войск, призванных защитить Афганистан от британцев. Покидая столицу, российский эмиссар распорядился об оставлении в городе нескольких членов своего посольства, которые должны были ожидать прибытия русского экспедиционного корпуса из Ташкента, якобы уже готового выступить на помощь Шер Али-хану. В свою очередь эмир вручил генера-

лу письмо, адресованное Александру II, которое содержало признание вассальной зависимости Афганистана от Российской империи[656].

Анализ британской служебной корреспонденции, перехваченной русскими агентами, дает основания утверждать, что миссия под общим командованием генерал-майора Невилла Чемберлена в сопровождении эскорта из 250 кавалеристов-индусов отправилась в Кабул только после того, как Литтон убедил Дизраэли и Солсбери в том, что Великобритания действительно может потерять свои позиции в Афганистане[657]. По сообщению военного атташе в Лондоне генерал-майора Горлова, составленному им 6 октября 1878 г., Англия была полна решимости начать войну против режима эмира Шер Али, рискуя даже вооруженной конфронтацией с Россией, хотя большинство политиков высказывали мнение, что царское правительство все же не решится вмешаться в англо-афганскую распрю после отказа от марша на Индию[658].

Характерно, что только 27 сентября, после того, как Столетов уже вернулся в Россию и был принят царем в Ливадии, Горчаков сообщил временному поверенному Планкетту, что поездку генерал-майора в Кабул следует рассматривать всего лишь как визит вежливости эмиру и что в таком деликатном вопросе российский император не предоставил бы никому из своих подданных действовать по собственной инициативе[659].

Известно, что советские историки давали очень скромную оценку военным приготовлениям царских властей в Туркестане весной–летом 1878 г., если вообще упоминали о готовившемся индийском походе на страницах своих трудов[660]. Аналогичным образом в духе успокоительных заверений российских дипломатов, адресованных англичанам, отечественные авторы характеризовали миссию Столетова как сугубо мирную поездку, лишенную какой бы то ни было «скрытой повестки»[661]. Теперь мы видим, что эти взгляды далеки от действительности. И хотя члены посольства были награждены орденами и повышены в чине по возвращению на Родину, провал российской политики на афганском направлении был позднее признан самими царскими сановниками. Впрочем, как это нередко бывало, посол в Великобритании князь А.Б. Лобанов-Ростовский в беседе со статс-секретарем по иностранным делам лордом Грэнвиллом возложил вину за фиаско на самого Столетова, который, по словам дипломата, вышел за рамки инструкций[662].

Последовавшая вскоре агрессия британцев против Афганистана и ужасы второй англо-афганской войны, которая продолжалась с ноября 1878 по май 1879 г., достаточно подробно отражены в многочисленных воспоминаниях ее участников и работах специалистов[663]. С точки зрения предмета нашего исследования, интерес представляют попытки некоторых британских колониальных администраторов найти поддержку у жителей Кафиристана в борьбе с пуштунскими племенами[664]. Дело в том, что по сообщениям туземных разведчиков, включая упоминавшихся пандитов, которым удавалось время от времени проникать в малодоступные горные долины Гиндукуша, автохтонное население Кафиристана было светлокоже и имело русые волосы, почитая многих богов, но не Аллаха, как это делали соседние

племена, принявшие ислам. Поэтому уже после второй англо-афганской войны специальная миссия во главе с У. Локкартом была направлена индийским правительством в Кафиристан с заданием собрать все возможные сведения о его загадочных обитателях. Любопытно, что Первый корпус индийских скаутов рекрутировался в 1878 г. также из жителей Кафиристана, главным образом афридов, чтобы с их помощью взять под защиту важный в военном и торговом отношении Хайберский перевал[665].

С началом британского вторжения в Афганистан эмир Шер Али пригласил генерал-майора Н.О. Разгонова, оставленного Столетовым в качестве главы российской миссии, и попросил его ускорить прибытие обещанных русских войск для отражения агрессии. Однако ничего определенного Разгонов сообщить афганскому властителю не смог. По мере продвижения англичан к столице Шер Али-хан посылал все более отчаянные просьбы о помощи генерал-губернатору Кауфману, а затем направил в Ташкент посольство, членам которого царские власти заявили, что наилучшим выходом из создавшегося положение явилось бы принятие эмиром условий англичан и заключение с ними компромиссного соглашения. Будучи спрошенный правителем, какие действия следует предпринять в случае оккупации страны англо-индийскими войсками, Разгонов посоветовал эмиру начать партизанскую войну против интервентов[666]. Глубокой ночью 13 декабря 1878 г. последние представители военно-дипломатической миссии России спешно покинули Кабул в направлении пограничного городка Мазари-Шариф. Незадачливому эмиру ничего не оставалось делать, как последовать за своими покровителями на территорию Русского Туркестана, где он скончался 20 февраля следующего года. Как записал Милютин в своем дневнике еще 25 октября 1878 г., «по возвращении графа Шувалова (посла России в Великобритании. — *Е.С.*) в Лондон предполагается сделать попытку к восстановлению прежних полюбовных (?) соглашений с Англией по делам Средней Азии в тех видах, чтобы по возможности отклонить какое-либо решительное со стороны Англии препятствие против Афганистана, независимость которого существенно необходима для поддержания в Азии равновесия в политическом положении России и Англии»[667].

Все это означало, что Петербург фактически бросил на произвол судьбы своего потенциального союзника — афганского эмира после неудачной попытки марша на Индию. Таким образом, планы военной партии при дворе, направленные на превращение Афганистана в очередной протекторат России, потерпели неудачу. По мнению Горчакова, изложенному в письме к Кауфману, для интересов империи оказалось важнее подписать с англичанами соглашение об их невмешательстве в дела Бухары в обмен на аналогичное обязательство со стороны России относительно Афганистана. Как подчеркивал канцлер, «всякие симпатии азиатских правителей чрезвычайно ненадежны, неустойчивы и могут вовлечь нас в осложнения, которые приведут к неизбежному разрыву с Англией»[668].

Интересно, что, вступив в Кабул, британские войска обнаружили много предметов, напомнивших им о пребывании русских в столице. Как позднее вспоминал главнокомандующий англо-индийской армией генерал Ф. Робертс, «афганские вельможи и офицеры были облачены в стандартную русскую военную форму, российские деньги были найдены в казначействе, русские товары продавались на базарах, и хотя дороги, ведущие в Среднюю Азию явно были не лучше тех, которые вели в Индию, русские извлекли из них больше преимуществ, чем мы...»[669].

Автор этих строк согласен с современным британским историком второй англо-афганской войны Б. Робсоном, который охарактеризовал попытку совершить поход на Индию и миссию Столетова ко двору эмира Шер Али как два важнейших события, которые повлияли на дух и букву Гандамакского договора, предоставившего значительные льготы англичанам, включая контроль над внешней политикой нового эмира Афганистана, что впоследствии привело к возникновению буферной зоны между российскими и британскими колониальными владениями, о целесообразности которой дискутировали Кларендон и Горчаков еще в 1860-х гг.[670] Следует, однако, не упускать из виду, что, потерпев поражение в этом раунде соперничества с Англией, Россия попыталась взять реванш на другой, расположенной ближе к ее владениям «площадке» *Большой Игры* — в Закаспийской Туркмении.

Туркменская проблема в *Большой Игре*

К концу 1870-х гг. туркменские земли оставались последними «ничейными» территориями в Центральной Азии, расположенными между владениями России и Великобритании, хотя правители Персии, Афганистана, Хивы и Бухары претендовали на сюзеренитет над туркменами, состоявшими как народ из четырех основных групп: йомудов (150 тыс. чел.), теке (300 тыс. чел.), эрсаров (150 тыс.) и алимисов (250 тыс.), а также нескольких десятков автономных кланов. Некоторые туркмены составляли земледельческое население плодородных оазисов, однако большинство занималось кочевым скотоводством на обширных пространствах сухих степей и полупустынь. Весьма популярным занятием мужчин, особенно молодых джигитов, являлся упоминавшийся *аламан*, или вооруженный набег на поселения соседних народов, ведь помимо туркмен, Закаспийская область была населена и другими этническими группами: курдами, пуштунами, персами и т.д., особенно в персидско-афганском пограничье[671]. Исторический эскиз, посвященный *аламану,* содержит следующую эмоциональную характеристику этого занятия туркмен:

> «Все воспитание, как их самих, так и их ближайших друзей и помощников — лошадей, было приноровлено к наилучшему выполнению разбойничьих набегов. Никакие расстояния, никакие пустыни не были страшны для них. Везде находили дорогу их

> хищные шайки, и всюду несли они с собой смерть, огонь и тяжелое рабство. Жизнь человека и его страдания не имели в их глазах ни малейшего значения, и они избивали при сопротивлении или уводили на веревках в плен и на продажу в Хиву и Бухару сотни и тысячи несчастных персиян и персиянок. «На коне туркмен не знает ни отца, ни матери!» — гласит их поговорка»[672].

По описаниям европейских путешественников, климат в Закаспийской области был еще более континентальным, чем в Хивинском или Бухарском ханствах. Удушливая жара с апреля по ноябрь, пыльные бури, отсутствие пресных водоемов, нападения опасных для жизни человека животных, распространение инфекционных болезней, включая чуму, холеру и дизентерию — все эти неблагоприятные факторы серьезно затрудняли изучение туркменских земель экспедициями европейцев[673].

Еще в ходе хивинской кампании 1873 г. царские стратеги, прежде всего Кауфман, потребовали от йомудов выплаты контрибуции в 300 тыс. руб. за поддержку хана в борьбе против русских. Согласно информации, полученной упоминавшимися ранее Барнэби и Шуйлером, отказ йомудов от погашения этой суммы стал предлогом для внезапной атаки царских войск в июле 1873 г. Как нетрудно догадаться, нападение завершилось резней йомудов, разорением их кишлаков и захватом большего количества домашнего скота — овец и верблюдов[674]. Стоит отметить, что хивинский хан был также заинтересован в обуздании туркменской «вольницы», поскольку тем самым его владения получали избавление от их регулярных набегов[675]. После подчинения йомудов только два крупнейших оазиса — Ахал-Теке и Мерв — оставались вне сферы влияния России.

21 марта 1874 г. Александр II одобрил *Установления для учреждения Закаспийского военного отдела*, назначив генерал-майора Н.П. Ломакина военным губернатором области с подчинением наместнику на Кавказе. Это решение знаменовало собой следующий шаг по пути инкорпорации туркменских земель в Российскую империю. В записке уже знакомого нам Соболева, датированной концом 1878 – началом 1879 г., подчеркивалось:

> «Правильное устройство нашего среднеазиатского театра военных действий необходимо особливо в настоящее время, когда Великобританское правительство напрягает все свои силы к созданию могущественного военно-стратегического положения в Южной Азии (так в документе. *Е.С.*), начиная от западной части Малой Азии и до восточных пределов Ост-Индии, для чего, между прочим, оно и ведет современную нам афганскую войну»[676].

Рекогносцировки, проведенные Ломакиным в западной части Закаспийской области на протяжении 1875–1876 гг., свидетельствовали о серьезности намерений русских завершить подчинение туркменских земель[677]. Такие «военные умы», как Скобелев, Черняев, Гродеков и Куропаткин при-

ступили к составлению планов кампании и расчетам затрат на ее проведение. В своих рапортах царю и военному министру они настаивали на скорейшей оккупации туркменских земель, традиционно указывая на увеличение количества секретных миссий британских агентов в пограничных районах Персии и Афганистана. Среди имен, которые называли командиры-туркестанцы, фигурировали опытные офицеры-востоковеды — полковники Бейкер и Макгрегор, майор Нэпир и капитан Батлер. Все они являлись типичными участниками *Большой Игры*, много сделавшими для исчезновения «белых пятен» на карте Азии. Русские консулы в городах северной Персии сообщали о попытках указанных эмиссаров подтолкнуть наиболее влиятельные и крупные по численности туркменские племена к объединению в конфедерацию под патронажем шаха для борьбы с Россией. Даже в публикациях ведущих английских газет проскальзывали упоминания о том, что британцы снабжают старейшин племен деньгами и военным снаряжением, убеждая их оказывать сопротивление царским войскам[678]. Однако результаты визитов посланцев Калькутты и Лондона оказались скромными, поскольку достижение прочного единства всех туркмен даже перед лицом общей для них опасности было делом весьма проблематичным из-за племенной разобщенности и недоверия к инициативам англичан. Кроме того, в Тегеране всякие проекты объединения туркмен рассматривались как явная угроза территориальной целостности Персидского государства[679].

Все эти обстоятельства учитывались русскими военными стратегами, например, Н.И. Гродековым, выполнявшим обязанности начальника полевого штаба Кауфмана в период подготовки к несостоявшемуся походу на Индию. Он разработал схему оккупации Северного Афганистана, или Афганского Туркестана, как современники нередко называли этот регион, предлагая создать там новый российский протекторат, поскольку местное население якобы неоднократно обращалось к царским властям с просьбами о принятии его в подданство Бухарского эмира — вассала России. В качестве оправдания этой акции Гродеков обвинил Лондон в организации анти-русской пропаганды на территории северных провинций Персии, представив следующий пессимистический прогноз дальнейшего развития событий:

> «Английские военные люди высказывают, что в случае войны с Россией должны быть заняты Тегеран и южный берег Каспийского моря. Тогда английская армия станет на фланге относительно путей, ведущих с восточного Каспия к Герату. По занятии Тегерана, английская армия в союзе с турецкой, двигается на Тифлис, возмущает народы Кавказа и поднимает против России все темные силы Азии во имя мусульманства»[680].

Следуя логике Гродекова, оккупация текинских оазисов, расположенных в непосредственной близости от персидского Хорасана, могло бы стать ответной мерой на усиление британского влияния в этом регионе.

Почти в то же время генерал-майор А.А. Тер-Гукасов, назначенный на должность военного губернатора Закаспийской области после Ломакина, и полковник Н.Г. Петрусевич, военный географ, проводивший исследование бассейна Амударьи, выступили со своим планом подчинения свободолюбивых туркмен, рассчитанным на четыре года и требующим для выполнения около 40 млн. руб. Важно, что они впервые наметили основной маршрут будущего наступления: от российских фортов на восточном побережье Каспия в направлении Ахал-Теке, Мерва и далее к Пянджу и Герату[681]. После посещения Хорасана в докладной записке на имя Кауфмана Петрусевич подчеркнул, что:

> «В случае столкновения с Англией и необходимости движения к английской Индии мы должны будем идти через Ахал-Текинский оазис, и текинцы никогда нас не пропустят без боя; следовательно, сначала придется заняться ими, а потом уже двинуться далее… Нам необходимо познакомить с русским именем племена, населяющие эти страны, и завязать там связи, потому что иначе мы, если бы пришлось действовать в местности между Гератом и Кабулом и границей Индии, не найдем даже проводников»[682].

В то время как аналитики Туркестанского военного округа по понятным причинам были склонны акцентировать внимание на связи туркменской проблемы с развитием ситуации вокруг Афганистана, их коллеги в штабе Кавказского наместничества рассматривали ее через призму интересов России, прежде всего в Малой Азии и западной Персии. Взгляды, изложенные начальником штаба генерал-лейтенантом Павловым, дают представление о мотивах продвижения русских к Мерву от восточных берегов Каспия. Комментируя меры, принятие которых могло бы стабилизировать южные границы Российской империи, Павлов утверждал, что «овладение Текинским оазисом и прочное там водворение есть первый и, можно сказать, главнейший шаг наш к окончательному решению вопроса о Мерве, о замкнутии (так в документе. — *Е.С.*) границы нашей пространством между фактическими владениями Персии, Афганистана и Бухары»[683].

Обращаясь к мыслям, высказанным Павловым, помощник главнокомандующего Кавказской армией генерал-адъютант князь Д.И. Святополк-Мирский 19 февраля 1879 г. составил пространную аналитическую записку на имя наместника великого князя Михаила Николаевича. В ней автор высказывал согласие также и с взглядами посла в Лондоне графа П.А. Шувалова о действиях, которые необходимо предпринять, чтобы расстроить британские планы в Персии и Афганистане. Святополк-Мирский предложил создать прямую оперативную линию от реки Атрек через оазис Ахал-Теке на Герат. Он рассматривал занятие Ахал-Теке как важнейшую цель предстоящей кампании, выполнение которой предотвратило бы втягивание туркмен-текинцев в орбиту влияния англичан после завершения второй

англо-афганской войны. Поднимая тему Афганистана, Святополк-Мирский счел необходимым подчеркнуть:

> «Мне кажется очевидным и не требующим подробных доказательств, что защита Индии против покушения России будет для англичан делом гораздо более трудным, когда они будут иметь Афганистан сзади себя, а не впереди. Держать такой край, как Афганистан в послушании и порядке и обеспечить свои сообщения через такую страну, а равно снабжение значительного числа войск — дело может быть не по силам даже для англичан, в особенности в случае войны с Россией, когда наши войска подступили бы к Афганистану в качестве избавителей»[684].

Переписка между Форин офис и российским МИДом раскрывает опасения царских дипломатов по поводу решительной позиции, которую могла бы занять Великобритания в случае захвата русскими Мерва. Для официального Петербурга оставалось неясным, насколько далеко на юг в земли туркмен следует отодвинуть пределы империи без риска войны с англичанами[685]. Тем более, что, отвечая на ноту Горчакова, его визави лорд Дерби, уведомил Петербург, что:

> «Каким бы не является высшее предназначение России в процессе осуществления ее цивилизаторской миссии в Центральной Азии, невозможно не видеть, что в видах теперешнего состояния туркменских племен, тех отношений, в которых они состоят с правителем Афганистана, с одной стороны, и отношений, в которых этот властитель состоит с правительством Индии, с другой, любое успешное продвижение российской границы по направлению к Афганистану может повлечь за собой осложнения, избежать которые в интересах как Англии, так и России; оно (продвижение. — *Е.С.*) может также создать самые серьезные препятствия на пути продолжения политики, которая до сих пор направляла обе державы к сохранению целостности афганской территории»[686].

Анти-британское восстание в Кабуле, которое вспыхнуло после второй англо-афганской войны, отвлекло внимание Калькутты от событий в Туркмении. При таких благоприятных обстоятельствах царские стратеги горели желанием предпринять немедленное наступление на земли текинцев[687]. Комментируя условия Гандамакского мира, генерал-майор Горлов докладывал Милютину 4 июня 1879 г., что англичане заняли пятнадцать горных проходов, отделяющих Белуджистан от Афганистана, и сократили прямой путь из Индии в Персию, передвинув границу *Раджа* на значительное расстояние к западу[688]. Характерно, что 15 июля 1879 г. заместитель министра иностранных дел России барон А.Г. Жомини заявил послу в Петербурге лорду Дафферину:

> «Хотя мы не собираемся идти на Мерв или делать что-нибудь, что может быть истолковано как угроза Англии, вы не должны обманывать себя, поскольку мы вскоре создадим операционную базу, раз уж британское правительство угрожает нашим позициям в Центральной Азии оккупацией Герата»[689].

Важно отметить, что ликвидация восставшим населением Кабула британской дипломатической миссии, возглавляемой политическим резидентом в Кабуле майором Л. Каваньяри, непосредственно предшествовала атаке Ломакина против Геок-Тепе, хорошо укрепленного пункта на пути в Мерв, предпринятой царским генералом в сентябре 1879 г. По сообщениям российской прессы, экспедиционные силы имели задачу очистить караванные маршруты между Красноводском и Хивой от бандитских шаек и освободить при этом более 40 тыс. рабов: русских, персов, узбеков и таджиков[690]. Однако недостаточно подготовленная экспедиция потерпела фиаско на подступах к крепости, что вынудило русские отряды отступить с потерями к месту постоянной дислокации 27 сентября 1879 г. Военный обозреватель М.А. Терентьев подробно описал ужасающие детали неудачной операции: туркмены расчленили всех захваченных в плен русских солдат и вырезали у трупов подкожный жир, чтобы прикладывать его к ранам своих воинов[691].

В ответ на попытку нового продвижения царских войск к границам Афганистана правительство Дизраэли разработало программу расширения британского влияния на Среднем Востоке. Помимо борьбы с восстаниями местного населения, у членов лондонского Кабинета возникла идея полного разрушения Кабула с переносом столицы в Кандагар, поближе к границе Британской Индии. Далее, предлагалось создать «санитарный кордон» из военных постов на линии от Пешавара через Газни опять-таки до Кандагара. Наконец, планировалось передать Герат Персии в обмен на лояльность Великобритании в случае англо-русского столкновения и, что еще важнее, установить контроль над Мервом как форпостом, выдвинутым в направлении Русского Туркестана[692].

Победа либеральной партии во главе с неутомимым Гладстоном на парламентских выборах отложила выполнение этой программы. 20 июня 1880 г. королева заявила новому премьер-министру, что «Россия — наш реальный враг и соперник, возможно, единственный, которого мы имеем»[693]. Как предсказывал Р. Эшер, личный секретарь министра по делам Индии лорда Хартингтона, «в течение следующих пяти лет вы вполне можете увидеть русских в Мерве, персов дружески настроенных к ним и враждебных нам, а Абдур Рахмана (эмира Афганистана — ставленника англичан. — *Е.С.*), играющего на руку Скобелеву»[694].

Тем временем высокопоставленные царские военные и гражданские чиновники остро ощущали необходимость восстановить престиж империи среди азиатских народов, пошатнувшийся в результате провала похода на Индию и поражения генерала Ломакина под Геок-Тепе. Вот почему сра-

зу же после возвращения потрепанных туркменами русских войск в Красноводск и другие опорные базы на восточном побережье Каспия, царские стратеги засели за планирование новой экспедиции. Ее цель нашла отражение в докладной записке, подготовленной офицерами штаба наместника 3 февраля 1880 г. (напомним, что Закаспийская область административно подчинялась Тифлису):

> «Если бы даже Англия отказалась от завладения Гератом и передала его Персии, то одновременно с переходом Герата в персидские руки в нем появились бы английские агенты, помешать которым сноситься с туркменами персидское правительство едва ли будет в состоянии. Поэтому наша задача в Средней Азии стать в такое положение, чтобы сделаться независимыми со стороны англичан и поставить их в положение обороняющихся. Для этого нужно, чтобы наша граница пролегала по водоразделу Гиндукуша и Парапамирского хребта и по гребню Копетдага, то есть, чтобы все реки и ручьи, текущие с названных горных хребтов к северу и западу со всеми притоками Амударьи принадлежали нам. Такая граница наша будет вместе с тем и научной и стратегической; тогда мы будем географически отделены от английских владений и получим возможность угрожать англичанам в Афганистане, а, следовательно, и в Индии»[695].

В свете приготовлений русских к повторному штурму Геок-Тепе и в ходе второй афганской войны, сопровождавшейся борьбой претендентов на престол эмира, Россия и Британия продолжали активно исследовать туркменские земли и прилегающие к ним с юга провинции Персии. Начальник Азиатской части Главного штаба полковник Соболев информировал Скобелева, которому было приказано возглавить новую экспедицию против текинцев, что британцы расширяют свою шпионскую деятельность среди туркмен, особенно после поражения англо-индийского контингента от афганцев в битве при Майванде в июле 1880 г. Некоторые секретные агенты докладывали своим русским вербовщикам, что британские эмиссары распространяют слухи среди местного населения о том, что царские власти в Туркестане ввели высокие налоги на туземцев, заставляют их принять православие и насильно забирают туркменских девушек из их семей[696].

Одним из таких эмиссаров, чья деятельность на севере Персии и в Закаспийской области на протяжении 1879–1882 гг. находилась в центре внимания информаторов русской разведки, являлся Эдмунд О'Донован, специальный корреспондент газеты *Дейли Ньюс*. По мнению П. Хопкирка, официальный предлог для его поездки в этот регион заключался в том, чтобы сопровождать отряды Скобелева в их походе на Геок-Тепе, но генерал отклонил обращение к нему английского журналиста, который считался русофобом[697]. Когда О'Донован все же достиг Мерва, невзирая на запреты персидских властей, он выступил перед туркменскими старейшинами о сроч-

ной необходимости объединения племен при поддержке Британии для отпора русскому наступлению. При этом он провел топографическую съемку крепости и ее окрестностей, а также рекогносцировку дороги, ведущей в пограничный персидский город Мешхед. Будучи все же свидетелем штурма царскими войсками Геок-Тепе 23–24 января 1881 г., О'Донован вскоре отбыл, минуя Персию, в Константинополь, объявив себя «посланником свободных туркмен в европейских государствах». Следует, впрочем, отметить, что почти все донесения журналиста-разведчика, включая планы и чертежи Мерва, перехватывались и копировались русской агентурой в Мешхеде[698].

Другая заслуживающая внимание секретная миссия была осуществлена полковником Пятого Пенджабского пехотного полка Чарльзом Стюартом, который внес значительный вклад в топографическое описание северных районов Персии и Закаспийской области. Переодетый в костюм армянского торговца лошадьми, он кропотливо работал над созданием сети местных агентов-информаторов, способных отслеживать и передавать англичанам сведения о передвижениях русских войск в пограничном пространстве. Любопытно, что Стюарт виделся с О'Донованом несколько раз, но предпочел не открывать последнему характера своей миссии[699].

И.А. Зиновьев, занявший в 1883 г. пост директора Азиатского департамента МИД, докладывал Гирсу о двойственности английской стратегии:

> «С одной стороны, они (британцы. — *Е.С.*) стараются запугать мервских туркмен слухами об афганском эмире, который собирается предпринять военную экспедицию против Мерва, чтобы отомстить кочевникам за их набеги в провинцию Герат прошлой осенью. Но с другой стороны, они стремятся внушить обитателям Мерва необходимость прийти к соглашению с эмиром, чтобы отвергнуть российские требования и иметь право обратиться к англичанам за моральной и материальной помощью»[700].

Взятие Скобелевым Геок-Тепе и последовавшая страшная резня более чем 6,5 тыс. его защитников, а также 8 тыс. женщин, стариков и детей вызвали ужас среди туркмен и шокировали европейскую общественность. Хотя историки расходятся в своих комментариях этой победы, рассказы очевидцев опровергают благостные описания гуманного отношения казаков к поверженному противнику и его семьям[701]. Истина состоит в том, что Скобелев отдал Геок-Тепе на разграбление офицерам и солдатам в течение трех дней, будучи твердо уверен, что «в Азии продолжительность мира находится в прямой пропорции с уничтожением противника. Чем сильнее вы бьете их, тем дольше они будут сохранять спокойствие впоследствии»[702]. Примечательно, что за операцию по взятию крепости Александр II наградил командующего войсками орденом Св. Георгия и повысил его в чине до генерала от инфантерии.

Последовательное продвижение русских войск от одного укрепленного пункта туркмен к другому, включая Ашхабад, существенно ослабило их со-

противление. Хотя, как отмечалось ранее, царские дипломаты успокаивали Форин офис заявлениями о том, что у России отсутствуют планы занятия Мерва, члены лондонского Кабинета прекрасно понимали неизбежность падения последнего независимого оазиса в скором будущем, принимая во внимание указ нового императора Александра III об аннексии земель текинцев, обнародованный 24 марта 1881 г.[703]

Во второй половине того же года уже знакомый читателю полковник Н.И. Гродеков и П.М. Лессар, по образованию военный инженер, перешедший на службу в дипломатическое ведомство, отправились в экспедиции по Закаспийской области и Хорасану для прояснения ситуации, сложившейся в результате зимней кампании Скобелева[704]. Помимо сбора информации и топографической съемки местности, эти поездки сыграли свою роль в ускорении русско-персидских переговоров о делимитации границы между двумя странами. Конвенция, подписанная 21 декабря 1881 г., оставаясь неизвестной англичанам вплоть до 1884 г.[705] Петербург и Тегеран устанавливали пограничную линию по реке Атрек, впадающей в Каспийское море, и далее на восток вдоль горного хребта Копетдаг. Так завершился процесс территориального размежевания между Российской империи и шахской Персией, начало которому положили походы Петра I в регион южного Каспия еще в первой четверти XVIII в. Другие пункты конвенции провозглашали невмешательство Тегерана в дела туркменских племен и предоставляли право русским войскам на свободный проход через персидскую территорию в случае новых осложнений в Закаспийской области. Согласно статье VII, царское правительство резервировало за собой возможность получать аккредитацию для своих политических агентов в пограничных городах Персии[706].

Русско-персидская конвенция 1881 г., освободив местных жителей от постоянных набегов воинственных туркмен, буквально опустошавших многие населенные пункты в соседних районах Персии и Афганистана[707], заложив основы для быстрого распространения русского политического, экономического и культурного влияния на севере Ирана. С конца 1870-х – начала 1880-х гг. все больше и больше предпринимателей, торговцев и финансовых дельцов приезжали в эту страну, чтобы инвестировать средства в промышленные концессии; царское правительство учредило Русско-Персидский банк; консулы и политические резиденты России разместились в провинциальных центрах; русские врачи помогали властям в борьбе против эпидемий холеры и чумы; наконец, в Тегеране с 1879 г. началось формирование специальной казачьей бригады, состоявшей из 2 тыс. хорошо вооруженных кавалеристов и предназначенной стать личной гвардией шаха[708].

После подчинения туркмен-текинцев некоторые аналитики в России высказывали мнение о необходимости завершить операции в Закаспийской области, остановиться на достигнутых рубежах и закрепить их в диалоге с британцами. Так, Л.Ф. Костенко в военно-статистическом обзоре Туркестанского края, переведенном на английский язык и опубликованном британскими властями в Калькутте, указывал:

«Особенно выгодным для нас будет иметь соседом такую сильную и влиятельную державу, как Англия. Страх англичан перед нашим приближением в их индийской границе постепенно исчезнет, когда они убедятся, что ни амбициозные проекты, ни эгоистические расчеты руководят Россией в ее поступательном движении в Центральной Азии, но единственное желание умиротворить этот регион, придать импульс его производительным силам и открыть кратчайший путь, по которому товары из ее (России. — *Е.С.*) туркестанских владений будут поступать в европейскую часть ее империи»[709].

В то же время уже упоминавшийся Ч. Марвин, британский журналист, который совершил несколько поездок по Российской империи и имел возможность побеседовать с рядом государственных деятелей и генералов, оценивал в 1882 г. перспективы достижения компромисса между Лондоном и Петербургом по азиатским делам следующим образом:

«Большим недостатком для Англии и России является то обстоятельство, что политические обозреватели каждой из стран так мало знают друг о друге. Даже нерегулярное общение рассеяло бы многие из ошибочных представлений, которые ограничивают дружеские отношения двух народов. Большинство англичан, пишущих о Центральной Азии, лично не знакомы с Россией и не знают русского языка. Большинство из них, прослужив в Индии, судят о центральноазиатской проблеме с индийской точки зрения, но они не имеют представления о русском взгляде на этот вопрос, кроме искаженных сведений, которые появляются в газетах»[710].

Вице-король Индии лорд Райпон излагал близкие, хотя и более осторожные, взгляды на изменение ситуации в Азии. Высмеивая традиционную британскую русофобию, он писал лорду Хартингтону:

«Я думаю, что страхи перед вторжением русских в Индию при всех обстоятельствах сегодняшнего дня — химера чистой воды, и я отвергаю их сразу же по практическим соображениям. Больше справедливости я усматриваю в утверждении, что с приближением русских к нашим границам они смогут, будучи с нами в плохих отношениях, попытаться вызвать недовольство и осложнения путем интриг внутри наших владений; отсюда настоящая проблема заключается в том, как лучше всего подготовиться и защититься от этих интриг?»[711]

Однако адепты силовой политики среди военно-политической элиты России считали, что пока рано успокаиваться на достигнутом. Словно в подтверждение мнения лорда Райпона, генерал-майор Столетов по возвраще-

нии из трехмесячной командировки в Индию для сбора информации о состоянии ее вооруженных сил докладывал Милютину 3 марта 1880 г.:

> «Чтобы произвести общий взрыв в Индии, нужен какой-нибудь новый веский фактор, а именно: или наша война с Англией, или решительные неудачи англичан в Афганистане (чего нельзя ждать без нашей, по крайней мере, негласной помощи оружием и волонтерами), или война Англии с Турцией или Персией»[712].

Точка зрения хорошо знакомого читателю М.Г. Черняева, назначенного на пост туркестанского генерал-губернатора в 1882 г. после кончины Кауфмана, совпадала с мнением Столетова. В беседе с Ч. Марвиным Черняев заявил, что «Россия не имеет планов и не стремится вторгнуться в Индию, но, если вы спросите, возможно ли вторжение или нет, я должен ответить утвердительно, хотя признаю, что эта задача не из легких»[713]. Аналогичным образом, новый наместник на Кавказе князь А.М. Дондуков-Корсаков посылал в Петербург один меморандум за другим, убеждая царя в том, что России непременно следует играть роль самой влиятельной державы на Востоке, принуждая Англию быть более покладистой в других регионах мира, и, прежде всего, в европейских делах[714].

Проводя подготовку к аннексии Мерва, получившего у местных жителей наименование «Королева мира» благодаря своему древнему происхождению и стратегической важности, царское правительство согласилось открыть новую серию дипломатических консультаций с Уайтхоллом в 1882 г. Тем временем лейтенант М. Алиханов в сопровождении еще одного офицера, оба переодетые в костюмы мусульманских торговцев, прибыли в Мерв, чтобы добиться присоединения оазиса к России мирным путем. Вполне вероятно, что приглашение группы туркменских старейшин и глав некоторых влиятельных кланов посетить церемонию коронации Александра III в Москве в мае 1883 г. повлияло на их настроения в пользу принятия российского подданства, поскольку впечатления от посещения столицы могущественной империи не могли не поразить воображение членов туркменской «делегации»[715]. Не следует, однако, забывать и о международном фоне, который благоприятствовал ползучей аннексии Мерва со стороны России, а, именно, вовлеченности Британии в борьбу против исламских повстанцев на территории Египта и Судана в первой половине 1880-х гг., что существенно связывало англичанам руки в Центральной Азии. Наконец, вспомним о русско-персидской конвенции 1881 г., которая фактически отдала мервских туркмен на «откуп» российским властям[716].

Нарушив многократные заверения царских дипломатов об отсутствии у России каких-либо агрессивных замыслов относительно Мерва[717], губернатор Закаспийской области генерал-лейтенант А.В. Комаров 13 февраля 1884 г. телеграфировал в Петербург об «удовольствии всеподданнейше донести Его Императорскому Величеству, что сегодня в Ашхабаде ханы четырех племен мервских туркмен и двадцать четыре избранных делегата, по

одному от 2 тыс. кибиток, приняли безоговорочную присягу Вашему Величеству, подтвержденную торжественной клятвой за себя и все население Мерва»[718].

Причины такого единодушия видятся главным образом в отсутствии необходимых ресурсов у мервских туркмен для сопротивления царским войскам, ожидавшим исхода переговоров со старейшинами в 150 км от крепости. Определенную роль сыграло и честное слово генерала Комарова, данное им главам племен, о невмешательстве русской колониальной администрации во внутреннюю жизнь оазиса.

Хотя для Уайтхолла и британской общественности заявление российского МИДа о добровольном присоединении жителей Мерва к империи Романовых не стало таким уж большим сюрпризом, дипломатические представители Соединенного Королевства в Петербурге и эксперты в Разведывательном отделе военного ведомства не скупились на мрачные прогнозы о катастрофических последствиях этого события[719]. Некоторые «форвардисты», вроде Вамбери, поначалу даже не восприняли информацию о новом русском успехе всерьез. Последний довольно образно и эмоционально откликнулся на мирную аннексию Мерва статьей в номере *Таймс* от 24 февраля 1884 г.:

> «Действительно странно! Самые неуправляемые авантюристы центрально-азиатских степей, которые двадцать лет тому назад хвастались перед автором этих строк, что монархическое правление им не по вкусу и что у них каждый сам себе король..., и вот эти авантюристы и воры внезапно загорелись желанием иметь вождя, нет, императора, и, к нашему великому удивлению, они демонстрируют готовность, чтобы ими управлял, взимал с них налоги и вел по дороге современной цивилизации могучий наставник с берегов Невы»[720].

Одновременно на либеральный Кабинет Гладстона обрушивалась критика консервативной оппозиции за «пассивность» во внешней политике. Тори обвиняли своих политических противников в падении престижа Британской империи на Востоке и неминуемом ухудшении ситуации в Индии.[721]. Как известно, английский язык даже пополнился новым словом — *мервозность (mervosity)*, образованным от сходного по звучанию существительного *нервозность (nervosity)*. Лидер консерваторов лорд Солсбери заявил в Палате лордов 10 марта 1884 г., что главными вызовами, с которыми столкнется правительство, станут «возбуждение интриг и восстаний среди туземцев Индии, постепенное снижение уважения к английскому оружию, разочарование в Британском Радже и истощение ресурсов, прежде чем Россия нанесет удар по нашей границе»[722]. Примечательно, что в это же самое время российская пресса, как официозный *Журналь де Сент-Петербург*, так и полуофициозные *Новое Время* и *Неделя*, старались убедить читателей в том, что дебаты

по туркменской проблеме в стенах британского парламента проходят спокойно, без какой-либо серьезной полемики между Кабинетом и оппозицией[723].

Ответом британцев на переход Мерва под русское управление и последовавшее вскоре признание российского подданства туркменами оазиса Серахс на реке Теджен стало поощрение хана Абдур Рахмана к оккупации нескольких малых княжеств Южного Памира — Рошана, Шугнана и Вахана, ранее признававших номинальную власть Бухары. Это вынудило царское правительство в июле 1884 г. согласиться на создание двухсторонней пограничной комиссии по разграничению российской и афганской территорий, учитывая то обстоятельство, что афганцы также заняли Пенде — последний оазис, населенный туркменами, на пути в Герат[724]. Член парламента У. Бакстер находил аналогии между покорением Коканда и аннексией туркменских земель, опубликовав популярную брошюру с анализом русско-британских противоречий. «Сегодня, — писал он еще до провозглашения Мерва частью Российской империи, — возникло подобное (взятию Коканда. — *Е.С.*) осложнение с Мервом, и русофобская партия прилагает все усилия для демонстрации либо запрета для русских взять Мерв, либо, если они все же овладеют им, ответной оккупации Герата»[725]. По его мнению, обе великие державы должны были бы прибегнуть к международному арбитражу для разрешения всех пограничных разногласий. Политик рекомендовал объясниться с русскими относительно пределов их продвижения, — мысль, как мы хорошо знаем, отнюдь не новая, но постепенно овладевавшая умами наиболее дальновидных представителей властной элиты Альбиона[726].

Одновременно, как это обычно бывало при возникновении кризисных ситуаций, целая когорта профессиональных военных администраторов — Макгрегор, Колдуэлл, Бофорт и другие, а также поддержавшая их группа решительно настроенных общественных деятелей — Роулинсон, Вамбери, Марвин, Мичелл, потребовали от правительства немедленно предпринять какие-либо меры для укрепления обороны Индии и других владений Британии в Азии[727]. Среди обилия книг, статей и публикаций такого рода выделялась фундаментальная работа Чарльза Макрегора — одного из ведущих экспертов и практиков среди военных чинов администрации Индии. В ней автор стремился доказать необходимость формирования широкой анти-русской коалиции держав Европы и Азии, включая Великобританию, Германию, Австро-Венгрию и Турцию, чтобы обладать достаточным резервом живой силы и получить доступ к самым уязвимым стратегическим пунктам на российской территории. Далее он считал важным для Англии вступить в союз с Персией, чтобы превратить Герат и Туркмению в англо-персидский кондоминиум по модели англо-египетского Судана. Дополнить этот альянс в Восточной Азии был призван договор о взаимопомощи с Китаем, который бы отвлек внимание России от европейских дел. Наконец, по его мысли, исламские эмиссары должны были поднять восстание в ханствах Центральной Азии, а британский королевский флот запереть Черноморские проливы и блокировать важнейшие русские морские порты. О значении труда Ч. Макрегора свидетель-

ствовала его публикация на русском языке в начале 1890-х гг. Концепция обороны Индии, предложенная руководителем военной разведки, тщательно изучалась на протяжении двух десятилетий как самими британцами, так и русскими. Впоследствии целый ряд тезисов Макгрегора получил развитие и воплощение в жизнь усилиями вице-короля Дж. Керзона[728].

Между тем, откликаясь на предложения военной партии, Александр III одобрил проект железнодорожной ветки, которую планировалось протянуть от Мерва на юг в направлении Герата. По общему мнению, его осуществление давало русским возможность стать доминирующей силой на севере Афганистана и действительно выводило их на дальние подступы к Индии[729]. Особое совещание, которое состоялось в конце декабря 1884 г. приняло схему проведения новой границы империи в районе оазиса Пенде, то есть всего в 110 км от Герата[730]. Как гораздо позднее констатировал один уважаемый британский эксперт, приближение русских к городу не с востока от верхнего течения Амударьи, а с северо-запада от Каспия и Мерва позволило бы им избежать большинства трудностей на пути в Индию[731].

В то время как объединенная пограничная комиссия погрязла в обсуждении массы технических деталей, русские официальные лица открыли пропагандистскую кампанию в европейской прессе, которая с их подачи печатала репортажи и статьи о непреодолимом желании туркмен Пенде принять российское подданство по примеру остальных племен. Хотя царская дипломатия традиционно убеждала британцев в мирных устремлениях Петербурга[732], казачьи сотни под командованием все того же Комарова двинулись к оазису, где на укрепленных позициях располагались передовые посты афганских войск. В этих сложных условиях требовались мудрость, опыт и спокойствие государственных деятелей, чтобы довести до конца процесс пограничного размежевания без взаимных угроз, не говоря о силовом давлении. Предупреждения Форин офис о том, что Британия не признает захвата русскими горных перевалов и проходов, ведущих прямо к Герату, например, главного Зульфикарского прохода, несколько отрезвило горячие головы в Петербурге и Ташкенте[733]. О нарастании раздражения в правительственных кругах Британской империи свидетельствовал комментарий одного из экспертов, полковника А. Камерона, служившего в Политическом и статистическом департаменте министерства по делам Индии:

> «Каждое требование России в отношении изменения этой границы находится в прямой связи с предполагаемым наступлением на Герат, а ее единственным желанием является получение любого возможного преимущества перед неизбежной кампанией против Индии»[734].

Риск открытой конфронтации казался очевидным даже для королевы Виктории, которая поспешила обратиться с просьбой к Александру III взять ситуацию на русско-афганской границе под свой личный контроль[735]. И все же 30 марта 1885 г. колонна русских войск, ведомая уже знакомым нам лейтенантом

Алихановым, внезапно атаковала противостоявших ей афганцев при Таш-Кепри, вынудив их к отступлению. Время атаки странным образом совпало с визитом эмира Афганистана Абдур Рахмана к вице-королю лорду Дафферину. Согласно российским источникам, противник потерял в этом бою более 500 чел. убитыми и ранеными, тогда как потери русских не превысили 42 казака. В донесении вышестоящему военному начальству генерал Комаров объяснял атаку угрозой прорыва афганцев при поддержке 1 тыс. туркмен-сарыков, нанятых англичанами, к Мерву и далее к Бухаре. В качестве оправдания Комаров указал и на присутствие среди афганцев группы английских советников во главе с генерал-майором П. Лумсденом — начальником комиссии по демаркации афганской границы с британской стороны, которые якобы готовили эмира к неизбежности столкновения и даже войны с Россией из-за Пенде[736].

Хотя Дафферин не отрицал пребывания британских офицеров в районе конфликта[737], истинная его картина в описании англичан существенно отличалась от той, которая была представлена Комаровым царю. Так, посланник в Тегеране Р. Томпсон на основании имевшихся у него сведений утверждал, что русские спровоцировали конфликт огнем своей артиллерии. По версии Томпсона, в ходе боя они потеряли 250 человек убитыми и ранеными, а афганцы — 255 воинов. Он телеграфировал министру иностранных дел лорду Грэнвиллу 21 апреля 1885 г.: «Афганцы делали все, что было в их силах, чтобы избежать столкновения, и только благодаря их терпению и выдержке на протяжении двух месяцев непрерывного напряжения (на границе. — *Е.С.*), мир сохранялся так долго»[738].

Несмотря на упоминавшуюся ранее глубокую вовлеченность Британии в борьбу против суданских повстанцев под знаменем *Махди*, или Спасителя в исламской трактовке, Форин офис выступил с очередным энергичным протестом, осудив акт агрессии, совершенный царскими войсками на юге Туркмении, учитывая продолжавшиеся консультации между представителями двух стран в составе пограничной комиссии по Афганистану[739]. Именно в этот период лондонская печать сделала всеобщим достоянием словечко *мервозность,* о происхождении которого мы уже говорили выше, а военные и дипломатические эксперты методично подсчитывали в своих меморандумах общее количество царских войск, сконцентрированных в Закаспийской области[740].

«Паника на фондовом рынке, голосование в поддержку чрезвычайных кредитов, оккупация острова Гамильтон у берегов Кореи и другие меры предосторожности (включая печатание афиш с объявлением о начале военных действий) (sic!) — все эти признаки свидетельствовали, что великие державы подошли ближе к конфликту, чем когда-либо ранее с 1878 г.», — писал американский историк П. Кеннеди в своем исследовании британской внешней политики[741]. Как позднее вспоминал лорд Гамильтон, «при таких обстоятельствах для Гладстона ничего не оставалось делать, кроме как занять решительную позицию перед лицом угрозы, и он, спешно собрав заседание Палаты (общин. — *Е.С.*), потребовал кредит в 11 млн. фунтов стерлингов

и отдал распоряжение Адмиралтейству и военному министерству предпринять подготовительные шаги к мобилизации сил империи»[742].

В свою очередь на русской стороне, согласно мемуарам князя В.П. Мещерского, имя которого мы упоминали ранее на страницах этой книги, торжествовали успех. После того как германский император Вильгельм I поздравил Александра III с «блестящей победой при Пенде», самодержец пообещал своему окружению потратить личные накопления на войну с Англией, если государственный бюджет не вынесет этих расходов. Напряженная обстановка нашла отражение в воспоминаниях все того же князя Мещерского:

> «Первая половина 1885 г. была тревожной, так как мы жили все время в атмосфере угрозы войной (так в тексте. — *Е.С.*) с Англией из-за афганского вопроса… Невзирая на продолжавшиеся переговоры между Англией и Россией, английское правительство самым демонстративным и активным образом пыталось нас запугивать своими воинственными мерами: собирались войска для отправки в Индию, парламент единогласно голосовал 11 млн. фунтов кредита, заговорили о занятии англичанами о-ва Гамильтон в Японском море, о переговорах с Турцией относительно пропуска в Черное море английского флота и т.д.»[743]

Как это бывало и ранее, осложнения в Азии вновь вызвали волну возбужденного патриотизма, получившего на берегах Темзы наименование *джингоизм*, которая захлестнула обе империи. Один из самых известных русских политических эмигрантов князь П.А. Кропоткин рассказывал, что призрак континентальной коалиции, которую лондонский Кабинет собирался сколотить, чтобы вести войну против России в Азии, не оглядываясь на нерешенные европейские проблемы, просто витал в воздухе и живо обсуждался в кругах эмиграции[744]. «Весь мир, европейский и азиатский, — передавал царившие апокалипсические настроения российский журналист С.Н. Южаков, — давно ожидает этой войны и давно почитает ее неизбежной. Она и будет. Сегодня ли, завтра, или еще позже, из-за Пенде, из-за Кореи, из-за Босфора, или из-за дипломатической щепетильности, но она будет, — это все знают и чувствуют, хотя и не все высказывают и не все сознаются»[745].

«Ястребы» при петербургском дворе и многие генералы на местах выступали за твердость в отношениях с Лондоном. К примеру, генерал-губернатор Туркестана Н.О. Розенбах забрасывал императора паническими докладами о секретных визитах офицеров британской военной разведки в Бухару на протяжении весенних месяцев 1885 г.[746] Несмотря на опровержения, поступавшие из Форин офис, Гирс информировал посла в Англии Стааля о планах российского Главного морского штаба минировать бухту Владивостока в качестве ответа на превентивные мероприятия, которые британцы осуществляли в Гонконге[747]. 27 апреля 1885 г. военный министр П.С. Ванновский обратился с запросом в морское ведомство о возможности транспорти-

ровки дополнительной живой силы на среднеазиатский театр военных действий судами Каспийской морской флотилии[748]. Высшее военное руководство вернулось к рассмотрению планов организации крейсерской войны на линиях коммуникаций между метрополией и ее доминионами — Канадой и Австралией, а также Индией и Китаем, о разработке которых говорилось в предыдущих главах[749].

30 мая 1885 г. бывший посол в Константинополе, а затем директор Азиатского департамента МИД тайный советник И.А. Зиновьев сказал О. Новиковой, известной на Британских островах представительницы российской общественности: «Англия не прекращает своих обманных трюков. Вместо того, чтобы честно объединиться с нами и составить общую силу с Россией в глазах азиатских народов, она сейчас вооружает Герат против нас»[750].

Тем временем в Великобритании авторы секретных меморандумов и газетных статей выступали с различными рецептами противодействия российскому продвижению в Закаспийской области, будь то отзыв посла из Петербурга, принуждение персидского шаха к протесту против захвата Россией туркменских земель, отправка эскадры боевых кораблей в Персидский залив, строительство железной дороги от морских портов на юге Персии до Тегерана или даже инспирирование воззвания афганского эмира ко всем мусульманам начать «священную войну» с «неверными» в Туркестане[751]. Так, составители одного из докладов, подготовленных экспертами британского Адмиралтейства для Кабинета в мае 1885 г., предусматривали скорейшее создание морской базы в Корейском проливе, а также обеспечение защиты торговых судов от нападений противника путем патрулирования морских путей и организации конвоев силами легких крейсеров[752]. Но даже в период апогея военной истерии здравомыслящие государственные деятели Альбиона высказывали скептицизм по поводу шумихи в общественном мнении и джингоистской пропаганды: «Внимание публики целиком поглощено перспективами войны с Россией, — писал в письме к другу упоминавшийся Р. Эшер, будущий секретарь Комитета имперской обороны. — Со своей стороны, я не верю в то, что ее цель — Индия. Поэтому я не вижу причины, почему, если война сейчас не начнется, мир (в Азии. — *Е.С.*) не может быть сохранен до тех пор, пока она не вспыхнет в Восточной Европе, где у нас, в любом случае, есть союзники, которые в настоящий момент для нас недоступны»[753].

Даже *Таймс* рассматривала в качестве единственного способа предотвратить дальнейшую эскалацию напряженности возобновление работы совместной комиссии на российско-афганской границе[754]. Как много позднее один царский дипломат охарактеризовал состояние русско-британских отношений весны–лета 1885 г., «можно только удивляться, как мир был тогда сохранен»[755].

Падение либерального Кабинета в июне того же года под огнем критики оппонентов за просчеты во внутренней и внешней политике, как ни странно, снизило напряженность между Россией и Великобританией, хотя сре-

ди высших сановников царя по-прежнему находились лица, которые лелеяли мысль о вооруженной борьбе против англичан[756]. Однако начавшаяся перегруппировка держав и интриги Германии беспокоили как Англию, пребывавшую на международной арене в «блестящей изоляции», так и Петербург, неуверенный в эффективности поддержки центральными державами или Францией своей азиатской политики. Определенную роль играли и нарастающие опасения у части военно-дипломатической элиты Соединенного Королевства по поводу того, что не Россия, а, возможно, Франция в Африке и Германия в Азии представляют для империи наибольшую угрозу[757].

Все это заставило обе державы предпринять усилия к скорейшему мирному урегулированию инцидента в Пенде. Поэтому пограничная комиссия, как и рекомендовала *Таймс*, возобновила работу в форсированном режиме, что позволило сторонам уже 22 сентября 1885 г. подписать основной протокол, хотя работа экспертов на местности продолжалась еще три следующих года, поскольку демаркация некоторых спорных или труднодоступных участков местности потребовала продолжительного времени[758]. По условиям соглашения, оазис Пенде, старейшины которого явились после боя у Таш-Кепри к генералу Комарову с просьбой принять их в подданство Белого Царя, отошел России, а стратегически важный Зульфикарский проход остался во владениях афганского эмира[759]. Важно отметить, что почти одновременно с достижением общей договоренности по русско-афганской границе англичане смогли добиться от персидского шаха согласия на заключение конвенции, аналогичной по содержанию русско-персидскому документу 1881 года. Однако англо-персидская конвенция, подписанная 30 сентября 1885 г., исключала возможность свободного прохода через персидскую территорию для войск любой державы[760].

Таким образом, хрупкое равновесие, установившееся к середине 1880-х гг. между Россией и Великобританией в Азии, означало стратегический тупик *Большой Игры*. Он был вызван «способностью каждой из сторон оказывать давление на другую» при возникавших чрезвычайных обстоятельствах, как верно заметил американский историк[761]. Обеим державам удалось сохранить и даже усилить свои стратегические позиции в Центральной и Восточной Азии, достигнув на большинстве так называемых «ничейных территорий» естественных рубежей. При этом, как это ни выглядело парадоксальным, обратной стороной усиления их позиций явилось снижение уровня русской угрозы Индии, а британской — Туркестану. Реализм или, если угодно, здоровый прагматизм постепенно вытеснял старые предрассудки. На место «политики отчаяния», как определил постоянное враждебное соперничество один британский дипломат, приходило трезвое понимание и признание интересов друг друга. «Я не апологет России и не испытываю сомнений относительно коррупции и угнетения, которые столь часто характеризуют ее режим, — признавал все тот же дипломат в письме к лорду Хартингтону, — и часто может быть, что ее стремления такого рода, которые нам следует справедливо осудить и противодействовать; но

она, при всем прочем, является великим фактором, и следует помнить, что с российской точки зрения, Англия может естественным образом рассматриваться как главное препятствие к достижению некоторых наиболее вожделенных предметов ее национальных чаяний»[762].

Ветер перемен в русско-британских отношениях после инцидента в Пенде не заставил себя ждать. Уже в октябре 1885 г. консервативный Кабинет Солсбери разрешил присутствовать на военных маневрах, которые проводились в пограничном пространстве на северо-западе Индии, двум полковникам из России. Царь в ответ направил ценные подарки шести британским офицерам, которые сопровождали гостей во время поездки[763]. Однако, перефразируя известную пословицу, даже «две ласточки весны не делают». В нашем же случае переход от соперничества к сотрудничеству потребовал еще двух десятилетий усилий с обеих сторон на фоне смещения фокуса *Большой Игры* сначала в район Памира, а затем Тибета и Маньчжурии.

Глава 5.

Стратегический тупик, 1886–1903

С берегов Тихого океана и высот Гималаев Россия смогла бы доминировать не только в делах Азии, но и Европы.

С.Ю. Витте

Послушайте, ребята, ветер с севера приносит беду.
Топот копыт, о, впереди казаки, серые шинели сзади в скатку.
Страшная беда на границе,
Беда на Оксе.

Р. Киплинг

Борьба держав за Памир

Итак, кульминация *Большой Игры* на Среднем Востоке завела обе стороны в стратегический тупик, который вынудил их перенести ее в такие трудно доступные и мало изученные регионы, как Памир, Тибет и Маньчжурия, где существовал вакуум влияния великих держав. В то же время позиции, на которых остановились Россия и Великобритания к середине 1880-х гг., могли послужить в дальнейшем новыми стартовыми площадками для продолжения соперничества за раздел еще остававшихся «ничейных» территорий[764].

Одновременно продолжалась конкуренция двух моделей колониального управления, яркими примерами которых, как уже отмечалось, служили, с одной стороны, Британская Индия, а с другой, — Русский Туркестан. Сопоставляя положение дел у англичан и русских, отметим, что, согласно статистическим данным, к 1880-м гг. инвестиции британцев в экономику Индостана составили 270 млн. фунтов стерлингов, или около 20% всех капиталовложений за пределами метрополии[765]. Эти сведения опровергают мне-

ние историков, которые утверждали, что Англия лишь выкачивала ресурсы из своих колоний, воздерживаясь от экспорта туда капитала[766]. Что же касается российского варианта, то Туркестан вплоть до начала XX века оставался финансовой «черной дырой» империи, приводя этим в замешательство прагматичных англичан, которые не могли взять в толк, почему европейские губернии России должны содержать ее колониальные окраины. Ведь, как было нами показано, Индия во многом обеспечивала экономический рост метрополии и благосостояние ее жителей[767]!

Новые, еще не освоенные Англией и Россией территории предоставляли возможность для практической реализации обоих вариантов модернизации традиционных азиатских обществ. К таким территориям, как уже отмечалось, относился Памир, расположенный почти в самом «сердце» Евразийского континента на стыке владений трех империй — Российской, Британской и Цинской[768]. Захваты и аннексии в ходе *Большой Игры* привели к тому, что к 1890-м гг. расстояние между передовыми русскими и англо-индийскими постами на некоторых участках в районе Памира не превышало 200 миль (около 322 км). Пекинское правительство, со своей стороны, продолжало рассматривать памирских ханов в качестве вассалов маньчжурского императора, разместив посты пограничной стражи в Каракорумских проходах на крайних западных рубежах Цинской империи.

По данным, собранным в ходе нескольких поездок по региону известным востоковедом капитаном А.Е. Снесаревым, впоследствии назначенным на должность командира Памирского отряда[769], эта область лежала между Заалайскими горами на севере, Гиндукушем — на юге, верхним течением Амударьи — на западе и Сарыкольскими горами — на востоке. Несмотря на довольно значительную площадь в 70 тыс. кв. миль, количество жителей Памира составляло к концу XIX в. всего 16 тыс. человек, относившихся к тюркам в его восточной части и таджикам — в западной. Благодаря малой плотности населения и труднопроходимости горных перевалов, он долго оставался одним из наименее исследованных участков земной поверхности[770].

Напомним читателю, что после подчинения британцами Пенджаба, а русскими — ханств Центральной Азии две конкурировавшие империи фактически достигли естественных, или «научных», границ на Среднем Востоке, главной из которых выступала Амударья по соглашению Грэнвилла и Горчакова. Однако дальше на восток пограничная ситуация оставалась довольно запутанной, поскольку три памирских княжества — Шугнан, Рошан и Вахан, бывшие прежде вассалами сначала Коканда, а затем Бухары, автоматически должны были бы войти в состав Российской империи, хотя цинские власти имели на них свои исторические права, нарушенные экспансией кашгарского эмира Якуб-бека в начале 1870-х гг.[771]

Как уже отмечалось ранее, подписание в 1881 г. Петербургского договора между Россией и Китаем вернуло цинским властям область Или. В условиях военной тревоги середины 1880-х гг. они усилили свое присутствие на

Памире, требуя завершить демаркацию границы, начатую членами совместной комиссии в районе озера Кара-Куль в 1882–1884 гг.[772]

Тем временем летом 1883 г. с молчаливого согласия и даже поощрения Кабула правитель соседнего с Памиром Бадахшана, будучи вассалом афганского эмира, ввел свои войска на территорию Шугнана, Рошана и Вахана. Б.Л. Громбчевский и другие русские путешественники сообщали в Ташкент и Петербург о репрессиях афганцев-шиитов против суннитов и исмаилитов Шугнана, в результате которых сотни семей бежали на территорию, подконтрольную царской администрации[773]. Однако Лондон остался глух к протестам российского МИД, хотя вице-король лорд Райпон направил запрос о ситуации в Южном Памире эмиру Абдур Рахману[774]. Поддерживая идею создания трехсторонней пограничной комиссии для урегулирования памирского вопроса, Уайтхолл, с другой стороны, выделил дополнительно 1 млн. 200 тыс. рупий в качестве единовременной субсидии правителю Афганистана, чтобы финансировать оккупацию его войсками трех памирских княжеств. Помимо этого, Лондон и Калькутта усилили внимание к внутреннему положению в Гилгите и Читрале, а также горных ханствах — Хунзе (Канжуту), Нагару и Ясину, закрывавших русским дорогу в Кашмир[775].

Мы уже имели возможность высказаться о российских и британских офицерах, служивших в колониальной администрации, которые стремились снискать расположение местных правителей или племенных вождей, контролировавших торговые пути и высокогорные проходы в «широком поясе независимого варварства»[776]. Похоже, что эта практика оказалась особенно востребованной в борьбе за Памир, которая помимо России и Британии осуществлялась также Китаем и Афганистаном. Неслучайно один известный участник *Большой Игры* заметил в письме к вице-королю лорду Лэнсдауну в июле 1890 г.:

> «Мы (британцы. — *Е.С.*) имеем здесь в сердце Азии четыре нации, которые сгруппировались вокруг гор, окруженных пустынями: афганцы опасаются китайцев, китайцы — афганцев, англичане подозревают русских в стремлении на юг, а русские — англичан в продвижении на север»[777].

При этом для лондонского Кабинета казалось даже более приемлемым, если ослабленная маньчжурская династия установит свою власть над всем Памиром, который в таком случае мог бы послужить своеобразной территориальной «прокладкой» между владениями России и *Раджем*, хотя такой сценарий имел немного шансов для осуществления опять-таки по причине внутренней рыхлости Поднебесной[778]. С другой стороны, пекинское правительство было заинтересовано в затягивании англо-русского соперничества вокруг Памира. Как справедливо отмечал Ф. Янгхазбенд, тогда молодой лейтенант Королевского драгунского полка, впоследствии переведенный на службу в Разведывательный отдел военного ведомства Индии, «китайские чиновники настроены к нам благожелательно, хотя, когда сталкива-

ются русские и английские интересы, они (китайцы. — *Е.С.*) склонны принимать сторону русских скорее, чем нашу, чтобы избежать раздражения последних, у которых в Кашгаре есть консул, а у нас нет (статус британского представителя был повышен до консульского уровня только в начале XX в. — *Е.С.*); но, хотя они одинаково смотрят на нас и русских как на варваров, я думаю, они смотрят на нас как на меньших варваров из двух и относятся к нам с уважением как к покорителям Индии»[779].

В 1885–1886 гг. под влиянием инцидента у оазиса Пенде экспедиция, возглавляемая упоминавшимся ранее полковником У. Локкартом, квалифицированным и опытным сотрудником того же Разведывательного отдела, что и Янгхазбенд, исследовала долину Читрала в памиро-индийском пограничном пространстве. Члены миссии пришли к выводу, что никакие крупные русские экспедиционные силы не в состоянии использовать проходы и перевалы Памира для прорыва в Индию как в зимнее время, так и в летний период, поскольку непреодолимыми барьерами для них станут соответственно снежные лавины и стремительные полноводные горные реки. Однако проникновение небольших вооруженных групп через эти проходы представляло, по их мнению, реальную угрозу для англичан[780].

Почти в то же время другой известный исследователь и разведчик Ней Илайэс совершил путешествия по маршрутам, которые вели из Восточного Туркестана через Памир и Гиндукуш в Индию. Получив инструкции от сэра Генри Дюранда, главы внешнеполитического ведомства индийского правительства, Илайэс тщательно обследовал районы маршрутов и собрал ценную информацию о горных племенах, населявших земли, где до него не ступала нога европейцев. Еще более важным достижением исследователя стало картографирование притоков Амударьи в той области, где, по его мнению, надлежало провести границу между Цинской империей и Афганистаном, отделив, таким образом, территорию Русского Туркестана от Британской Индии[781].

Помимо англичан другие европейские путешественники, например, группа французских исследователей, также довольно интенсивно изучали Памир в рассматриваемый период 1880-х – 1890-х гг.[782] Однако именно миссия капитана Б.Л. Громбчевского вызвала самое пристальное внимание властей Индии[783]. Дело в том, что осенью 1888 г. Исхак-хан, наместник Афганского Туркестана и кузен эмира Абдур Рахмана, поднял мятеж против своего сюзерена, вытеснив из Бадахшана войска, верные последнему. Более того, стремясь сохранить свою власть, он обратился за помощью к генерал-губернатору Русского Туркестана Н.О. Розенбаху, заверяя его в лояльности России[784]. Вот почему Громбчевский с небольшим эскортом казаков оказался в эпицентре событий как раз перед тем, как восстание было безжалостно подавлено карательными силами, отправленными Абдур Рахман-ханом на северо-восток Афганистана весной 1889 г. Показательно, что Дюранд прореагировал на сведения об экспедиции Громбчевского следующей фразой: «Игра началась!» В самом деле, новый тур *Большой Игры* разворачивался именно на Памире[785].

Между тем российский эмиссар нанес визит правителю Хунзы Сафдар Али-хану, который еще раньше направил послание в Кашгар консулу Петровскому о своем намерении стать вассалом России. Дипломатическая корреспонденция между Петровским и Зиновьевым, возглавлявшим в те годы Азиатский департамент МИД, позволяет сделать вывод, что, хотя Громбчевский был уполномочен провести всего лишь разведку состояния дел в этом высокогорном ханстве, он превысил свои полномочия, когда упомянул о возможности оказания финансовой и военной поддержки Сафдар Али-хану при условии признания им сюзеренитета России. В своих посулах визитер пошел так далеко, что пообещал правителю Хунзы скорый приезд нескольких офицеров-инструкторов для формирования и обучения стрелкового батальона из числа местных жителей, а также поставку необходимого военного снаряжения. Перехваченная позднее англо-индийскими экспедиционными силами в Балтите, одной из крепостей Хунзы, секретная переписка Петровского и Сафдар Али-хана не оставляла сомнений в их постоянных контактах, тем более, что последний в 1891 г. направил группу своих доверенных лиц в Ош для ускорения отправки к нему обещанной партии оружия[786].

Путевые заметки, сделанные Громбчевским 23–25 октября 1889 г., свидетельствуют о том, у него произошла неожиданная встреча с капитаном Янгхазбендом в районе Хайан Аксай. Любопытно, что в результате беседы российский офицер по собственной инициативе вручил своему британскому визави, к его немалому удивлению, выверенную карту района верхнего течения Амударьи со всеми притоками. Примечательно, что вскоре индийское правительство использовало ее как основной источник для делимитации границы на Памире. «Мы простились, обещав продолжать знакомство, поддерживая переписку. Английская экспедиция, а в особенности бравый начальник ее, оставили самое лучшее впечатление», — записал Громбчевский в своем дневнике после расставания с отрядом Янгхазбенда[787]. Однако, несмотря на дружеские взаимоотношения, сложившиеся между двумя исследователями, британский капитан рекомендовал своему новому знакомому продвигаться далее по маршруту, который «не имел абсолютно никакого значения и вел в никуда», как позднее признавался сам Янгхазбенд, не отрицая того, что путешествие Громбчевского могло завершиться его гибелью в горах[788]. Похоже, что мотивом для такого «низкого трюка» явились не опасения возможности получения царскими властями точных сведений о путях сообщения, пригодных для прохода войск и провоза снаряжения, а месторождения золота и нефритов в Южном Памире, которые вызывали коммерческий интерес британцев[789]. Тем не менее, новая встреча Громбчевского и Янгхазбенда в Яркенде годом позже, 9–10 октября 1890 г., оказалась довольно теплой при том, что английский офицер скрыл реальную цель новой миссии в Синьцзян, упомянув лишь о своей роли в качестве посредника между афганцами и китайцами по вопросу о границе[790].

Сообщения остальных русских путешественников, совершавших поездки в область Памира, таких, как Потанин, Покотило, Нотович, братья Грум-

Гржимайло и других, вместе с донесениями Петровского из Кашгара привели царское правительство к выводу о том, что пришло время прочно закрепить этот горный край за Россией, вытеснив оттуда не только слабых китайцев, но и англичан, стоявших за спиной афганского эмира. Историческим обоснованием подобных претензий, по мнению российских экспертов, могла стать прежняя вассальная зависимость памирских ханств от Коканда, вошедшего в состав Романовской империи[791]. Военные администраторы разных уровней на местах поддерживали планы оккупации Памира из стратегических соображений. Так, один из них штаб-капитан Скерский рекомендовал правительству аннексировать область по двум главным причинам: первой, для создания угрозы Бадахшану с отвлечением афгано-британских сил на его оборону и второй, чтобы отрезать Афганистан от Британской Индии в случае русско-английского конфликта[792].

Со своей стороны, военные аналитики в Лондоне и Калькутте сосредоточили внимание на проблеме закрытия последней бреши в оборонительной линии на северо-западе *Раджа*. В качестве типичного примера комментариев и рекомендаций, которые получало британское и индийское правительства, укажем на серию статей упоминавшегося Джорджа Керзона, известного путешественника, государственного и общественного деятеля. Именно на волне шумихи вокруг Памира он выступил с обновленной концепцией «научной границы» между владениями двух империй в Азии. Разделяя опасения касательно неизбежного, по его мнению, похода русских на Индию, Керзон, который сумел пересечь верхом все северо-западное пограничное пространство Афганистана и Индии в 1887–1888 гг., утверждал, что «в конкретном случае северо-западных рубежей Индостана понятие «научная граница» фактически означает пограничную линию, проведенную на дальнем расстоянии от горных проходов, которые ведут в долину Инда, вместо рубежной черты, которая исключала бы эти перевалы из владений Британии»[793].

С его точки зрения, существующая граница России в Центральной Азии не могла рассматриваться как «научная». Поэтому царское правительство было заинтересовано в достижении пределов, являвшихся таковыми в силу комбинации физических, этнографических или политических факторов. Согласно взглядам Керзона, вероятными территориями дальнейших русских захватов могли стать Кашгария, «наиболее подверженная влиянию России часть Цинской империи», и верхнее течение Окса на Памире, где искусственный характер российского фронтира казался наиболее очевидным. По мнению британского эксперта, который отрицал наличие у него стремления «приписать российской политике какие-либо зловещие мотивы в духе Макиавелли», хотя считал, что продвижение вперед «царизма» должно быть остановлено англичанами, Уайтхоллу следовало сотрудничать со своим соперником, насколько это возможно, «в великой работе по подчинению Востока Западу»[794].

Хорошо известно, что концепция Керзона, развитая им позднее в объемистом труде о политике России и Англии в Центральной Азии, оказала значи-

тельное влияние на внешнеполитический курс лондонского Кабинета, поскольку многие государственные деятели, ученые и военные аналитики указывали на скрупулезность проведенного им исследования всех гипотетических направлений русского вторжения в Индию, включая маршруты, пролегавшие через Памир. Типичным в отношении последних выступало мнение полковника Э. Эллеса, помощника генерал-квартирмейстера по Разведывательному отделу в Индии:

> «В 1888 г. индийское правительство в послании министру по делам Индии пришло к выводу, что значение Хунзы заключается в возможности достичь из нее Восточного Туркестана через тогда еще неисследованные горные проходы, а также в разрыве между территориями Афганистана и Китая, находившемся к северу (от Хунзы. — *Е.С.*) в районе Киликского прохода. Прорвавшись через этот разрыв или став хозяевами Кашгарии вместо китайцев, русские могли бы в любое время приобрести очень неудобные (для англичан. — *Е.С.*) права на Канжут (Хунзу), если ранее сюзеренитет Кашмира над ним не будет обеспечен»[795].

Для наблюдения за русскими и китайскими интригами на Памире индийское правительство в 1889 г. восстановило пост британского политического агента в Гилгите, первоначально учрежденный во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг., но ликвидированный после ее окончания. Кроме того, задача снабжения пограничных гарнизонов отныне возлагалась на Кашмирские имперские войска — новый вспомогательный контингент в составе англо-индийской армии, личный состав которого, кроме офицеров, рекрутировался среди населения Кашмира — союзного Англии княжества на северо-западе Индостана. Таким образом, отдельные элементы системы обороны Индии, предложенной Ч. Макгрегором, начали приобретать реальные очертания[796].

Однако правители Пенджаба и Кашмира не оставляли попыток вести «двойную игру», тайно обращаясь к российскому императору с просьбами о поддержке. Один из них, Дулеп Сингх, младший сын Ранжит Сингха, объединителя Пенджаба в период первой англо-афганской войны, о котором мы упоминали в предыдущих главах, совершенно неожиданно для царских властей прибыл на территорию Русского Туркестана в 1887 г. В своем послании Александру III этот индийский принц утверждал, что он представляет большинство владетельных особ *Раджа* и от их имени просит царя стать новым сюзереном Индостана. Согласно Дулеп Сингху, почти все индийские принцы ненавидят британское правление и могли бы выступить на стороне русского экспедиционного корпуса в случае вторжения, выставив вспомогательную армию в 300 тыс. чел., чтобы изгнать англичан с территории полуострова. В конце письма наследник пенджабского престола предлагал направить в *Радж* двух–трех опытных офицеров, владеющих английским языком, чтобы убедиться в искренности сделанного им заявления[797].

Как справедливо писал один историк разведки, «обеспокоенность правительства Индии насчет того, что Россия могла бы использовать жалобы индийских принцев, достигла своего апогея в период, когда вице-королем являлся лорд Дафферин (1884–1888 гг.). На короткое время казалось, что появились шансы для проникновения русских в ключевой по своему стратегическому значению Пенджаб»[798].

После истечения срока пребывания Дафферина на посту вице-короля в ноябре 1888 г. «среди бури недовольства подданных Ее Величества», вызванной его неудачным правлением, ситуация, однако, не претерпела значительных изменений[799]. Несмотря на сдержанную реакцию царских властей в отношении обращений индийских принцев, британская разведка подозревала русских в стремлении расширить шпионскую деятельность как внутри *Раджа*, так и на его внешних границах. Так, 12 ноября 1891 г. министр по делам Индии лорд Кросс поддержал негативное мнение нового вице-короля лорда Лэнсдауна о перспективах поездки двух царских офицеров — графа Кройца и барона Нольде:

> «Вы совершенно правы в том, чтобы не допускать их в Кашмир, хотя мне вообще не нравятся русские в Индии. Каким бы ни была сфера их деятельности, всегда имеется скрытая истинная цель, поэтому, чем меньше мы встречаемся с ними, тем лучше»[800].

Даже кругосветное путешествие наследника российского престола великого князя Николая Александровича Романова, совершенное им в 1890–1891 гг., вызвало подозрения у британских властей. «Я не в восторге от этого тура цесаревича, — писал Кросс Лэнсдауну 7 ноября 1890 г. — Конечно, дело не в его личности, а в сопровождении. Я полагаю, нам следовало бы прикомандировать к путешественникам двоих русскоговорящих англичан, Уоллеса и Гардинга, чтобы избежать всякого недоразумения и при любых обстоятельствах быть способными наблюдать и охранять их»[801].

С целью предотвращения вспышки анти-британских настроений среди индийских князей, Лэнсдаун организовал *дурбар,* или съезд местных правителей, в 1892 г. Пресловутая русская угроза Индии, усиленная политическим сближением Петербурга и Парижа, стала одним из главных пунктов неформальной повестки дня высокого собрания[802]. В связи с последним обстоятельством, надо сказать, что еще в 1886 г. тогдашний министр по делам Индии лорд Кимберли заявил, что враждебность Франции к Британии повсюду играет на руку России, а руководитель военной разведки генерал-майор Г. Брэкенбери признал в одном из секретных докладов, что наихудшей комбинацией, опасаться которой у британцев есть все основания, стал бы союз Франции и России. Частный визит, совершенный в Россию осенью 1887 г. лордом Р. Черчиллем с целью зондажа стратегических планов России в Европе и Азии, также подтвердил эти опасения[803].

Меморандум все того же Брэкенбери от 7 августа 1887 г. на имя военного министра Эдварда Стэнхопа содержал критическую оценку пассивной

позиции Кабинета относительно завершения делимитации северо-западной границы Индии и Афганистана, которая, по его мнению, могла бы уменьшить амбиции русских на Среднем Востоке[804]. Любопытно, что в то же время воинственные голоса на берегах Темзы предлагали поделить Памир между Великобританией, Китаем и Францией, чтобы «покончить с грабежами, насилием и угнетением, столь характерными для государств, расположенных в британо-русско-китайском пограничном пространстве»[805].

Оборонительные проекты, подготовленные главнокомандующим англо-индийской армией генералом Ф. Робертсом в начале 1890-х гг. для отпора возможной русско-французской атаки на Индию[806], вызвали оживленную дискуссию в правящих кругах Соединенного Королевства. Как, например, Кимберли писал Лэнсдану в июле 1893 г.:

> «Не может быть, я полагаю, ни малейшего сомнения, что эта страна не пойдет на войну с Россией за Шугнан и Рошан, тем более, что происходящее сейчас с Сиамом подчеркивает важность воздержания от ссоры с Россией (имеется в виду англо-французский конфликт вокруг сфер влияния этих держав в Индокитае. — *Е.С.*). Альянс между Россией и Францией является, возможно, самой значительной из всех комбинаций против нас. Я опасаюсь, что наши сильно натянутые отношения с Францией, во всяком случае, сделают Россию менее сговорчивой»[807].

Аналогичным образом Керзон предупреждал правительство в своих статьях и публичных выступлениях против совместного русско-французского нападения на Индию с северо-запада и юго-востока, а именно, из Туркестана и Индокитая. Опубликованная в популярном общественно-политическом журнале *Найнтинс Сенчури (The Nineteenth Century)* за август 1893 г., его статья по этому вопросу привлекла особое внимание российской дипломатической миссии на берегах Темзы[808].

Но еще раньше, летом 1891 г., произошли события, которые стимулировали интерес правящих кругов и общественности к проблеме окончательного разрешения памирского вопроса в качестве составной части более крупной проблемы обеспечения обороны Индии. Речь идет о действиях отряда под командованием полковника М.И. Ионова, командира Второго Туркестанского линейного батальона, который направился в район Южного Памира как раз с целью разведки «ничейных» земель в пограничном пространстве между владениями России, Британии, Афганистана и Китая. Отодвинув рубеж Российской империи максимально на юг, Ионов и его казаки начали воздвигать пограничные столбы высоко в горах, вынудив цинских подданных силой оружия ликвидировать свой наблюдательный пост в этом районе. Кроме того, встретив британскую экспедицию во главе все с тем же Янгхазбендом и еще одним исследователем Дэвисоном, которые направлялись в ту же область Памира, что и русские, Ионов фактически арестовал и депортировал англичан за, как он выразился, «недозволенную властями

России деятельность на русской территории». Раздосадованные этой провокационной, по их мнению, акцией и напуганные поступившей разведывательной информацией, которая впоследствии оказалась ложной, о царских войсках, получивших приказ усилить отряд Ионова и продвигаться с ним далее на юг к Гилгиту, чтобы «захватить форты, прикрывавшие горные проходы, ведущие в Индию», Кабинет тори выступил с чрезвычайно энергичным протестом против политики «свершившихся фактов». Как было сказано в ноте Форин офис, она угрожала привести две империи к открытому разрыву всех ранее заключенных русско-британских соглашений[809]. По воспоминаниям генерала Робертса, он и его штаб пребывали в полной готовности «воевать с русскими» осенью 1891 г. В качестве ответного удара британский экспедиционный корпус осуществил молниеносный, учитывая сложные погодные условия, марш на Хунзу, занявший ноябрь и декабрь того же года. Власть местного правителя Сафдар Али-хана была свергнута, сам он бежал, а его преемник подписал с представителями индийского правительства соглашение о присоединении территории ханства к *Раджу*[810]. Хотя консул Петровский запугивал цинские власти в Синьцзяне возможным захватом царскими войсками Сарыкола и других пограничных укрепленных пунктов на Памире, стремясь инспирировать их протест против британской оккупации Хунзы, ему не удалось подбить цинские власти на прямое военное противодействие англичанам в интересующем нас регионе[811].

Не вдаваясь в изложение всех перипетий конфликта вокруг памирских походов Ионова, детально описанных отечественными и зарубежными историками[812], отметим, что очередной кризис в англо-русских отношениях, на этот раз по вопросу о разграничении территории Памира, привел обе стороны, как это уже бывало не раз, за стол переговоров. Однако если царские дипломаты настаивали на строгом соблюдении соглашения Грэнвилл – Горчаков, эксперты Форин офис указывали на возникшие новые обстоятельства стратегического, экономического и этно-конфессионального характера, которые изменили положение дел в пограничном регионе. Начавшиеся зимой-весной 1891–1892 гг. консультации оказались вскоре прерванными из-за русского продвижения на юг в районе верхнего течения Амударьи[813].

Неудивительно, что Сент-Джеймский Кабинет и особенно правительство Индии стремилось сочетать дипломатические и военные методы борьбы за Памир, хотя посол Е.Е. Стааль неоднократно заверял Форин офис в искреннем желании царя зафиксировать границы в этом «медвежьем углу» как можно скорее[814]. «Если информация, которую я отправил Вам из Берлина верна, — сообщал Кимберли Лэнсдауну 1 сентября 1892 г., — русские играют на Памире в опасную игру… Я надеюсь, однако, что они все же более разумны, чем мы ожидаем. Самое худшее в том, что невозможно верить ни единому слову, которое они говорят»[815].

Поражение, которое отряд Ионова нанес летом 1892 г. афганским пограничникам в бою у Иешил Гола, и возобновившееся вытеснение китайских представителей с территории Восточного Памира заставили Лондон

и Калькутту прийти на помощь афганскому эмиру, игнорируя возможные протесты со стороны Пекина[816]. Британская пресса развернула кампанию в поддержку выполнения данных эмиру Абдур Рахману обещаний остановить продвижение России и принудить царское правительство все же пойти на разграничение Памира[817]. В январе 1893 г. Кимберли выразил разочарование фактическим саботажем со стороны Петербурга усилий лондонского Кабинета в письме к Лэнсдауну:

> «Ответ российского правительства Морьеру (послу в России. — *Е.С.*) относительно Памира довольно типичен. Они явно хотят отложить соглашение по делимитации до тех пор, пока не закрепят за собой линию, которую решили удержать. Я ожидаю, что, как только позволит погода, полковник Ионов возобновит свои операции, и что мы узнаем о том, что русские посты установлены в Бозай Гумбазе (стратегическом перевале в горах Гиндукуша. — *Е.С.*) и настолько далеко к востоку, насколько будет необходимо, чтобы устранить все препятствия для свободного прохода русских войск. Я не предвижу, что китайцы действительно выступят против и не буду удивлен, если узнаю, что эмир заключил секретное соглашение с Россией»[818].

Участники Особых Совещаний, созванных Александром III в апреле 1892 – марте 1893 г., одобрили стратегию последовательных, хотя и раздельных двухсторонних консультаций по памирскому вопросу сначала с китайцами, а затем англичанами. Тем временем, генерал-губернатор Туркестана барон А.В. Вревский отдал приказ о формировании специально Памирского отряда в середине 1893 г. Он включал батальон пехоты, три сотни казаков и батарею горной артиллерии под общим командованием все того же полковника Ионова, который за заслуги в освоении Памира дослужился до чина генерал-майора, получив спустя десятилетие в управление Семипалатинскую область[819].

Обращаясь к истории возникновения и эволюции памирской проблемы, эксперт Главного штаба капитан Зайченко верно отметил в своем труде, что интересующий нас регион представлял собой конфликтную зону, где сталкивались интересы нескольких государств на протяжении всей второй половины XIX в.[820] Неслучайно поэтому военные приготовления русских на памирском направлении у «ворот» *Раджа* вызвали очередной приступ русофобии в Лондоне и Калькутте, когда Форин офис, военное министерство и министерство по делам Индии проводили экстренные совещания для обсуждения способов заставить царские власти остановить продвижение казаков в долинах Гиндукуша и усадить доверенных лиц Александра III за стол переговоров[821].

Суммируя данные источников, легко признать, однако, что споры между «форвардистами» и «инактивистами» продолжались среди властных элит обеих империй. Падение консервативного правительства и формирование

Гладстоном своего четвертого Кабинета в 1892 г. изменили расстановку внутриполитических сил в пользу достижения компромисса с традиционным соперником. Как образно писал этот выдающийся либеральный лидер одному из своих корреспондентов, «согласие между Англией и Россией служит залогом успешного разрешения всех великих политических проблем вселенной»[822]. Вот почему вскоре после занятия кресла премьер-министра Гладстон поддержал инициативу британской дипломатии учредить новую совместную комиссию по разграничению области Памира.

В то же время 31 мая 1893 г. Стааль сообщил министру иностранных дел лорду Розбери, что, поскольку владения обеих империй неуклонно сближаются друг с другом, пришло время заключить новое соглашение о границе на основе взаимной выгоды. Характерно, что вновь после начала 1870-х гг. российский дипломат употребил словосочетание *общее согласие*, хотя и в несколько иной трактовке: вместо *entente cordiale* он использовал термин *entente commune,* которое, по его мнению, следовало зафиксировать в тексте итогового документа[823].

Чтобы исключить вероятность достижения сепаратной договоренности между Россией и афганским эмиром, а также пекинским правительством, англичане в лице Г. Дюранда пошли на подписание 12 декабря 1893 г. специального соглашения с эмиром Абдур Рахманом. По условиям трактата, земли, лежащие в так называемом Ваханском коридоре, признавались владениями эмира. Иными словами, создавалась буферная территория в виде узкой полосы гористой местности шириной от 19 до 300 км, которая отделила Русский Туркестан от Британской Индии[824]. Еще одним важнейшим следствием англо-афганского соглашения явилась фиксация восточной границы владений Абдур Рахман-хана и соответственно западного предела Британской Индии по рубежной черте, которая получила наименование «линии Дюранда», сохраняющей значение до сегодняшнего дня[825].

Подписанию этого дипломатического акта предшествовали англо-русские переговоры, в ходе которых Лондон потребовал от Петербурга отказаться от притязаний на памирские горные проходы. Дипломатические эксперты рекомендовали Уайтхоллу «войти в двухстороннее военное соглашение, по которому Россия возьмет на себя обязательство, чтобы ее войска не переходили реки Мургаб, а Великобритания признает необходимым не отправлять свои войска за пределы Гилгита, Ясина, Мастуджа и Читрала». Фактически русские не должны были пересекать 38-ю параллель северной широты, а Хунза и Нагар вслед за Кашмиром становились протекторатами Великобритании. Форин офис также предложил царскому правительству заранее уведомлять противоположную сторону о любой акции военного характера в пограничной зоне, направленной на восстановление порядка и мира среди местных племен[826]. Как записал в своем дневнике 3 мая 1894 г. граф В.Н. Ламздорф, один из ведущих экспертов российского внешнеполитического ведомства, «государь считает, что нам удастся в конце концов договориться с англичанами относительно Памира, не делая им никаких существенных уступок»[827].

Сначала провозглашение Читрала британским протекторатом в 1892 г., а затем его оккупация экспедиционным корпусом англо-индийской армии весной 1895 г., предпринятая с целью освобождения политического резидента, осажденного мятежниками вместе с 400 чел. личной охраны, расстроила планы некоторых русских командиров-туркестанцев пересечь Гиндукуш и установить контроль над этим высокогорным княжеством[828]. Несмотря на положительные примеры сотрудничества между Россией и Британией в этот период по разрешению армянского вопроса и японо-китайского конфликта, царский МИД потребовал от Форин офис разъяснений относительно британского марша на Читрал[829]. Повышенная нервозность Петербурга объяснялась германскими интригами против России в Европе и сближением между Парижем и Лондоном, которое, по мнению некоторых русских дипломатов, могло привести даже к восстановлению Крымской коалиции[830].

Однако, невзирая на далекий от позитивного фон переговоров, обе стороны согласились провести делимитацию Памира путем обмена нот между Кимберли и Сталем 11 марта 1895 г., что означало завершение *Большой Игры* в регионе Гиндукуша. Правда демаркация границы на местности была осуществлена только к концу того же года[831]. В результате последняя «ничейная» территория Азии оказалась поделенной между державами, а каждая из трех империй, включая Цинскую, получила естественные или, если воспользоваться словами Керзона, «научные» границы. В то время как России удалось сохранить за собой большую часть Памира, Британия гарантировала неприкосновенность небольших высокогорных государств, находившихся под ее протекторатом, а Китай окончательно оставлял за собой Синьцзян, делая невозможными любые проекты его захвата иностранными державами. С другой стороны, северная граница Афганистана наконец получила юридическое оформление на всем своем протяжении.

И все же, хотя такие государственные деятели, как лорд Розбери, полагали, что длительное соперничество подошло к концу[832], военная партия в России, а также многие администраторы на местах, вроде губернатора Закаспийской области генерал-майора А.Н. Куропаткина, продолжали выступать за немедленную оккупацию Герата «под шумок» вспыхнувшей летом 1894 г. на Дальнем Востоке японо-цинской войны[833]. Аналогичным образом, как свидетельствуют современники, царские стратеги все еще лелеяли планы пересмотра границ Центральной Азии. Так, Р. Кобольд, речь о котором шла в предыдущей главе, отмечал в своей книге:

> «Похоже, что проекты вторжения в Бадахшан и Читрал из района верхнего течения Окса выступают предметом общей дискуссии за обеденным столом губернатора Ферганы, а офицеры в Хороге (пограничный пост на Памире. — *Е.С.*) сообщили мне, что в Маргелане (там располагался штаб Туркестанского военного округа. — *Е.С.*) нынешняя русско-афганская граница на Оксе рас-

сматривается как исключительно временное соглашение. То же можно сказать о границе, установленной комиссией по Памиру. Они уверены, что соответствующим образом передвинут границу на юг к Гиндукушу, пересекут Окс и оккупируют Бадахшан. Они ожидают, что наше правительство сдастся и не осмелится рисковать войной с ними от имени эмира»[834].

Ситуация могла стать еще хуже, если бы началась борьба за трон в Кабуле после смерти престарелого эмира Абдур Рахмана. В этом случае русско-французский альянс, возникший в начале 1890-х гг., был способен заставить Великобританию проводить более взвешенную политику в Афганистане[835]. Дж. Керзон, который совершил тщательно спланированную поездку в столицу этого государства по приглашению афганского правителя, придерживался аналогичного мнения, хотя последний гарантировал свою абсолютную лояльность Британии[836].

В более широком смысле, несмотря на то, что русско-британское разграничение на Памире внесло свою лепту в урегулирование разногласий между двумя империями, было еще слишком рано ожидать, что семена согласия дадут всходы долговременного сотрудничества. Оба Кабинета продолжали создавать укрепленные посты и вести разведку в приграничном пространстве, направляя туда секретных агентов и провокаторов, чтобы агитировать среди местного населения за восстание против соответствующих колониальных администраций. Примерами служили беспорядки в Вазиристане, который контролировали британские власти, и в Ферганской области на территории Российской империи в 1897–1898 гг.[837]

Но прежде чем подвернуть анализу процесс перемещения акцента *Большой Игры* со Среднего Востока в Тибет и далее к берегам Тихого океана, представляется необходимым остановиться на событиях, значительно приблизивших начало переговоров о сферах влияния двух держав на азиатском Востоке. Мы имеем в виду заключительные эпизоды соперничества России и Великобритании в регионах, имевших стратегическое значение для обороны Индостана, прежде всего, Афганистане и Персии.

Завершение *Большой Игры* на северо-западных подступах к Индии

Как явствует из предыдущих глав, царские стратеги не оставляли проектов организации марша на Индию всю вторую половину XIX в., несмотря на те компромиссы, которые удавалось достичь правительствам обеих империй в ходе *Большой Игры*. Со своей стороны, английские военные эксперты искренне или намеренно полагали, что владения Великобритании находятся под угрозой, хотя их восприятие «русской опасности» претерпевало изменения на протяжении нескольких десятилетий. Если в 1860-х – 1870-х

гг. основное внимание уделялось проблеме провоцирования жителей Индостана на новое восстание против колониальной администрации[838], позднее акцент переместился на борьбу с анти-британской агитацией агентов России среди пограничных племен, которые должны были присоединиться к казакам, либо пропустить их через свою территорию во время марша к берегам Инда. Такие военные аналитики и одновременно практики, как Макгрегор, Робертс или Маллесон обсуждали этот сценарий в многочисленных конфиденциальных меморандумах и открытых публикациях[839]. Типичным в этом смысле представляется мнение Янгхазбенда, занимавшего пост политического агента в Читрале. В одном из донесений, датированном февралем 1895 г., он сообщал:

> «Эти дикие племена могут быть использованы как оружие против нас, и нам совершенно невозможно оставаться на равнине и просто ожидать атаки, когда бы она ни состоялась, потому что, если мы так поступим, русские будут способны тихо утвердить свое влияние среди многих племен, населяющих пояс гор, и броситься на равнины Индии тогда, когда они сочтут нужным»[840].

Следует также заметить, что еще в 1884–1885 гг. после кропотливого изучения более ранних проектов Куропаткин составил подробную схему операции царских войск против Индии, которая должна была развиваться по двум направлениям — через Афганистан и Памир. Как указывал в своем анализе этой схемы капитан Гриерсон из Разведывательного отдела военного ведомства, ее автор «осознает тот факт, что вторжение в Индию из нынешних русских владений недостижимо в течение одной кампании, и поэтому он (Куропаткин. — *Е.С.*) предлагает сначала оккупировать Герат, Майману, Балх и Бадахшан, а затем во вторую кампанию, которую следует провести через два–три года после первой, взять Кашмир, Кашгар, Кабул и Кандагар. Он полагает, что после успеха второй кампании Британская империя в Индии окажется в таком «жалком состоянии», что от русских потребуется лишь немного дополнительных усилий, чтобы завершить работу»[841]. Но особенно поразило эксперта почти полное совпадение концепции Куропаткина с анализом Макгрегора возможных маршрутов наступления на Индию из Закаспийской области и Туркестана, изложенных в упоминавшейся работе последнего. Любопытно, что примерно тогда же Ч. Марвин подготовил обзор фактически всех планов индийского похода, составленных политиками и военными России и ставших известными британской стороне[842].

В самом конце XIX в. офицер Генерального штаба В.Т. Лебедев вслед за Марвиным составил из них брошюру, содержание которой позволяет уяснить три главных мотива русского вторжения в Индию: вытеснение Англии из Среднего Востока, установление контроля за коммуникационными линиями между Европой и Азией, а также получение доступа к незамерзающему морскому порту. «Результатом наших побед над англичанами», — подчеркивал автор, — может быть образование или русско-индийской монар-

хии (sic!), или союза государств под покровительством России, или, наконец, сохранение власти англичан при условии тесного союза России с Великобританией»[843]. Издание было переведено на английский язык и прилежно изучалось штабными офицерами англо-индийской армии. Интересно, что спустя двадцать пять лет Ф. Раскольников, высокопоставленный советский военный и дипломатический чиновник, критиковал эти цели как абсолютно утопические по тем же причинам, какие часто упоминались в трудах дореволюционных аналитиков. «Можно вообразить, какое зрелище представляли бы царские генералы в роли апостолов индийской революции», — иронично писал Раскольников в одном из номеров журнала *Новый Восток* за 1923 г.[844]

Чтобы регулярно получать сведения о ситуации в соседних странах, военные администраторы на местах осуществляли постоянный мониторинг действий индийского правительства по подготовке к гипотетическому вторжению царских войск[845]. Например, начальник штаба Закаспийской области генерал-лейтенант Проценко сообщал в Петербург осенью 1892 г. о строительстве укреплений, прокладке телеграфных линий и сооружении шоссе с твердым покрытием. Подготовка вспомогательных подразделений туземных войск и реорганизация структуры англо-индийской армии также доказывали активность Калькутты в процессе усиления обороны *Раджа*. «Все это производится Англией, очевидно, по одной общей идее или общему плану, явно направленному против России; исполняется с большей, чем обыкновенно поспешностью как бы в предвидении близкого кризиса в англо-русских отношениях», — отмечал автор докладной записки[846].

На рубеже XX в. внимание Петербурга привлек план лорда Керзона о реорганизации регулярных и вспомогательных частей англо-индийской армии в соответствие с тремя основными принципами. Хорошо понимая острую необходимость реформ, вице-король объявил о своем намерении покончить с дислокацией регулярных войск вдали от баз снабжения, передать функции полицейского патрулирования местности вспомогательным отрядам, набранным из числа местных жителей и обученным британскими инструкторами, а также развернуть строительство железных дорог и шоссе, чтобы соединить войсковые базы и лагеря с административными центрами северо-западной Индии[847]. Инициированная Керзоном реорганизация разведывательной службы индийского правительства произвела сильное впечатление на военные власти Русского Туркестана. В ноябре 1901 г. административная реформа вице-короля, которая предусматривала слияние Пенджаба с соседней зоной племен вплоть до «линии Дюранда» вызвала замешательство петербургского Кабинета. «Пока мы управляем Индией, мы являемся самой великой державой в мире, — объяснял Керзон свой реформаторский пыл в письме к будущему премьер-министру А. Бальфуру в 1901 г., — если мы потеряем ее, то скатимся прямо в третьеразрядные государства»[848]. По словам историка, политика Керзона в Индии была направлена на то, чтобы сделать страну «гомогенной по составу вместо гетерогенной смеси», и этого, как он свято верил, можно было достичь только с помощью сильного центрального

правительства, которое контролировало ситуацию во владениях магараджей. Вот почему вице-король «ликвидировал внутренние различия в принципах управления, унифицируя также системы образования и сбора налогов»[849].

В этой связи возросло значение разведывательной деятельности, осуществляемой на территории Индостана как дипломатами, так и военными. Например, годовой бюджет российского консульства в Бомбее, начавшего работу 22 ноября 1900 г., составлял 22 тыс. 500 руб., включая 5 тыс. 250 руб. на осуществление шпионажа[850]. В сентябре 1900 г. управляющий министерством иностранных дел В.Н. Ламздорф поручил статскому советнику В.О. Клемму, который предназначался на должность генерального консула в Бомбее, добывать, сопоставлять и анализировать информацию о политической ситуации и военно-морской активности англичан а Аравийском море. «Индия имеет первостепенное значение для нас (русских. — *Е.С.*), потому что она остается наиболее уязвимым пунктом Британской империи, — констатировал Ламздорф в инструкциях Клемму. — По имеющейся в нашем распоряжении информации, — продолжал он, — эгоистичная политика Великобритании в Индии и высокомерное отношение англичан к туземным жителям по-прежнему вызывают глубокую ненависть многомиллионного населения Индии к их правителям»[851]. В свою очередь генеральный консул сообщал в Петербург, что «англо-индийская администрация считает, что основания британского управления Индией лежат не в воображаемой благодарности народа, но исключительно в многочисленных кастовых предрассудках и различиях между ее племенами»[852].

Неслучайно офицеры русского Генерального штаба продолжали сочетать официальные поездки в Индию и конфиденциальные миссии под прикрытием журналистской и научной деятельности, а также проведения досуга (альпинизм, охота). Только между 1897 и 1904 гг. командировки с разведывательными целями в пределы Индостана совершили подполковники Серебренников и Корнилов (совместно), подполковник Полосов, капитан Новицкий и тогда еще штабс-капитан Снесарев. Регионом, который по понятным причинам представлял для них главный интерес, выступал Кашмир и северо-западное пограничное пространство, куда они имели доступ после получения санкции правительства Индии. Фокусируя свое внимание на политических и военных аспектах, российские офицеры попутно занимались описанием природных условий, обычаев и традиций в тех местностях, через которые пролегал их путь[853].

Что же касается секретных эмиссаров, которые направлялись в пределы Британской империи, то есаул Д.И. Ливкин, знаток восточных языков, может быть указан в качестве одного из типичных их представителей. Переодетый в костюм персидского торговца драгоценными камнями по имени Мохамед Хасанов, он сумел скрытно проникнуть на территорию *Раджа* через Мадрас в конце 1898 г. Ливкину принадлежала заслуга создания в Хайдарабаде целой сети агентов с помощью мусульманских купцов. Наряду со сбором сведений об эпидемиологической обстановке в северных штатах

Индии, где как раз свирепствовала чума, ему удалось получить важную информацию политического характера. Секретные донесения Ливкина в Петербург способствовали переоценке политиками и военными чинами реального положения дел в различных областях Индостана. В итоговом отчете он констатировал:

> «Надо признать господство англичан очень прочным, так как организация в смысле поддержания своей власти у них образцовая. Возникни где-либо частичное восстание или мятеж, немедленно, благодаря целесообразной передислокации войск и рельсовым путям, в данной местности будет сосредоточено нужное для подавления мятежа количество войск. Несмотря на то, что присутствие англичан в Индии мало заметно, надзор их повсюду сильно чувствуется»[854].

Офицеры штаба Туркестанского военного округа также были заняты в составлении разведывательных сводок о текущих политических событиях в странах, которые граничили с российскими владениями в Азии. Многие из них открыто выражали стремление «омыть сапоги в водах Индийского океана» после того, как Афганистан наконец подчинится русскому могуществу, а ожидаемое восстание народов Индии значительно облегчит вторжение на полуостров. Характерно, что именно в эти годы близкий к царской семье почитатель Востока князь Э.Э. Ухтомский назвал одно из стихотворений: «Завтра мы будем в Индии!»[855]

Еще одной иллюстрацией алармистских настроений среди представителей высшего офицерства, мечтавших достичь «теплого океана», может служить дневниковая запись, сделанная рукой одного из российских добровольцев в ходе англо-бурской войны 1899–1902 гг. Выражая уверенность, что «рост и благородство царской империи еще не достигли своего апогея», он утверждал, что продвижение России в Азии кажется хаотичным, фатальным и неудержимым, потому что направляется самим Провидением![856]

Не следует забывать, что помимо сухопутного театра *Большой Игры*, существовал и морской, где активность России значительно возросла в последние десятилетия XIX в. Материалы Адмиралтейства свидетельствуют, что англичане внимательно изучали персонал, вооружение кораблей и техническое оснащение доков русского флота. Много места в публикациях для служебного пользования уделялось российским крепостям на море, а также проектам десантной операции царских войск на Британские острова. Офицеры Адмиралтейства скрупулезно подсчитывали увеличение количества быстроходных крейсеров и судов так называемого Российского добровольного флота, включавших коммерческие плавсредства, которые быстро можно было трансформировать в легкие боевые корабли, тем более, что вооружение для них хранилось не в столицах, а в портах их постоянной дислокации — Одессе и Владивостоке[857]. Существенно, что в 1887 г. слухи о гипотетической войне с Англией на море активно циркулировали в петербург-

ских салонах и кабинетах высоких начальников. Поэтому многие в России поддержали новую морскую программу, принятую правительством в 1887 г. Ее девиз звучал характерным образом: «Британия больше не управляет водами!»

В ответ эксперты Адмиралтейства предложили Кабинету ввести так называемый *двойной стандарт,* который впоследствии определял суть британской политики на морях вплоть до Вашингтонской конференции 1921–1922 гг. Новый билль о морской обороне успешно прошел через парламент в 1889 г. на волне опасений возраставшей мощи царского флота, способного в союзе с французами бросить вызов Британии. Показательно, что У. Лэнгер, крупный американский историк дипломатии, указывал на выход в свет романа У. Ле Ке «Великая война в Англии в 1897 г.» как на знаковое событие, поскольку его автор изобразил разгром британского флота франко-русскими силами с последующим десантом на Британские острова, который способствует захвату индустриальных центров вроде Манчестера и Бирмингема, а также оккупации Лондона[858].

Без сомнений, стратеги, которые присутствовали на Особом совещании, созванном Николаем II в самом начале декабря 1895 г., предложили молодому монарху более сбалансированный взгляд на морское соперничество. Все были согласны с тем, что необходимо воспрепятствовать проникновению английских броненосцев в Черное море через Дарданеллы и Босфор, имея в то же время сильную эскадру на Балтике для отпора немцам и стремясь к получению незамерзающего порта где-нибудь в китайских или японских морях. Примечательно, что ничего не говорилось о намерении царского правительства добиваться создания русской военно-морской базы в Индийском океане[859]. Тремя годами позже инцидент в местечке Фашода, африканской деревне, где экспедиционные силы Британии и Франции столкнулись друг с другом в попытке каждой из сторон зафиксировать границы своих владений, а также борьба держав за концессии в Китае на рубеже XIX–XX вв., подвигли петербургский Кабинет к масштабной реконструкции морских форпостов на Черном и Балтийском морях, необходимых для совместной с французами борьбы против англичан в случае начала вооруженного конфликта[860]. Посол России сообщал министру графу М.Н. Муравьеву о новом подъеме джингоизма на Британских островах, а Николай II задал риторический вопрос на полях депеши Е.Е. Стааля: «Почему Англия одна имеет право так дерзко вооружаться среди всеобщего мира?»[861]

Англо-бурская война 1899–1902 гг. и неудачи британских экспедиционных сил в течение первых месяцев сражений породили у Петербурга иллюзию легкости получения Россией геостратегических компенсаций у Лондона за соблюдение Россией нейтралитета. К ним, по мнению Ламздорфа, следовало бы причислить морские базы в Средиземноморье или Персидском заливе, а также на Дальнем Востоке. Кроме того, он полагал, что Лондон обязан сделать уступки Петербургу в Персии и Афганистане. Этот ведущий дипломатический эксперт рекомендовал царю установить прямые полити-

ческие контакты между Петербургом и Кабулом, что явилось бы нарушением прежних договоренностей с англичанами. 6 февраля 1900 г. российское посольство в Лондоне направило меморандум в Форин офис, аргументируя изменение позиции России в отношении Афганистана. Хотя Стааль успокаивал главу Форин офис лорда Лэнсдауна заявлениями о неизменности статуса эмирата, находящегося вне сферы российского влияния, политический резидент в Бухаре М. Игнатьев сразу же предложил афганскому правителю Абдур Рахман-хану заключить торговый договор между Ташкентом и Кабулом[862]. Существенно, что сценарии внешней политики в различных регионах, которые Муравьев изложил царю в самом начале 1900 г., строились главным образом на концепции международных отношений, принадлежавшей перу его фактического заместителя Ламздорфа. После одобрения Николаем II именно они составили программу деятельности России как в Европе, так и в Азии на ближайшее десятилетие[863].

Тем временем большинство британских военных экспертов, примерами здесь могут служить Брэкенбери и Робертс, все еще разделяли мнение, что геостратегическое соревнование приведет к неизбежной русско-британской конфронтации в гористой местности Памира или Гиндукуша. Чтобы избежать просачивания казаков на территорию Индии, генерал-майор Джон Ардаг, сменивший Брэкенбери на посту руководителя военной разведки в 1898 г., полагал необходимыми следующие меры:

> «Нам следует попытаться обезопасить границу, которая удержит ее (Россию. — *Е.С.*) как можно дальше, иначе, когда придет время для действительной демаркации, мы можем обнаружить русских в такое же нежелательной близости от нас, в какой они находятся сейчас к северу от Читрала. Аналогичные доводы применимы к Тибету как буферному региону. Если мы не обеспечим возвращение Лхасы к прежнему состоянию (контролю со стороны цинских властей. — *Е.С.*), русские придут туда прежде нас»[864].

Помимо затронутой в его меморандуме проблемы Тибета, речь о которой пойдет ниже, британские военные аналитики обращали серьезное внимание на связь между Памиром и регионом Черного моря через Закаспийскую область. Они рекомендовали Кабинету подготовить превентивную атаку на коммуникационные линии русских с трех направлений, включая удары по Батуму из района Черноморских проливов, закавказским владениям России с баз в Средиземном море через Малую Азию, а также Южному Туркестану из укрепленных пунктов в Персидском заливе через государство шаха[865]. Хотя наиболее влиятельные члены торийских и либеральных Кабинетов относились к этим проектам довольно скептически, почти все они были согласны с точкой зрения лорда Солсбери, которую он высказал Лэнсдауну в конце 1880-х гг.: «Даже одно поражение (англичан. — *Е.С.*) от рук России могло бы иметь катастрофические последствия для Индии»[866]. Тот факт, что сценарий «форвардистской» политики в интерпретации Солсбери всегда,

или почти всегда, являлся прагматичным и умеренным, также следует принять во внимание, поскольку он действительно стремился продвинуть имперские рубежи на север ровно настолько, чтобы Афганистан, Кашмир или даже Персия могли бы получить своевременную помощь в случае наступления русских, а беспокойные племена в горах и других трудно доступных районах были бы поставлены под контроль администрации Индии[867].

Однако такой политический курс во многом определялся отношением восточных владык к европейцам как представителям иной, христианской цивилизации. Бесчисленные разведывательные сводки и меморандумы военных и гражданских администраторов на местах свидетельствовали о том, что Форин офис и правительство Индии постоянно подозревали ханов, эмиров и иных правителей в «двойной игре», а также в стремлении углубить противоречия между англичанами и русскими, чтобы получить дополнительные политические и экономические дивиденды. Типичным примером в этом плане выступал Абдур Рахман-хан, который, секретно переписывался с генерал-губернатором Туркестана все 1890-е гг., несмотря на клятвы и заверения о полном взаимопонимании между ним и вице-королями Индии. Неслучайно поэтому упоминавшееся решение Николая II о начале прямого дипломатического диалога с эмиром также как и проект сооружения железнодорожной ветки от Закаспийской магистрали к Кушке — самому южному населенному пункту Российской империи, одобренный в 1899–1900 гг., привели большинство членов Кабинета Солсбери, и особенно вице-короля лорда Керзона, в ярость[868].

Соответственно, англо-бурская война, как уже отмечалось выше, вызвала у царя и его окружения соблазн воспользоваться ситуацией, чтобы вернуться к прежним агрессивным замыслам относительно оккупации Герата и Бадахшана. Кончина эмира Абдур Рахмана в 1901 г. еще более осложнила ситуацию, вызвав дополнительную напряженность в англо-русских отношениях, поскольку вопрос о наследниках престола традиционно рассматривался Лондоном и Петербургом как ключевой с точки зрения сохранения преемственности договорных обязательств восточных владык. В случае с Афганистаном, сын умершего эмира по имени Хабибулла-хан, занявший кабульский престол и поощряемый царскими властями Туркестана, решил избавиться от связывающих ему руки прежних договоренностей отца с англичанами. «Сообщалось, — гласила одна из британских разведывательных сводок за июль 1902 г., — что между эмиром и русскими происходит переписка, одним из результатов которой стало стремление эмира освободиться от английского влияния, в обмен на которое Россия гарантировала свою помощь, если Афганистан подвергнется нападению британцев»[869].

Сведения подтверждали информацию о посланнике из России, который, как Столетов четверть века назад, якобы прибыл в Кабул, чтобы установить прямые дипломатические отношения между новым эмиром и Николаем II. В ответ на них А. Бальфур предложил временно воздержаться от контактов с Хабибуллой-ханом, вступив в переговоры непосредственно с Рос-

сией[870]. Однако лорд Керзон по собственной инициативе отправил в Кабул миссию во главе с Луисом Дейном, статс-секретарем по иностранных делам в правительстве Индии. Цель миссии заключалась в оказании давления на Хабибуллу-хана, чтобы принудить его к подписанию нового договора с взамен соглашений 1880 и 1893 гг.[871]. Запугивая нового правителя будто бы готовившемся маршем царских войск на Герат и в то же время предлагая ему дополнительные финансовые субсидии, Дейну удалось все же склонить Хабибуллу-хана на сторону британцев. Нетрудно догадаться, что решающую роль сыграли поражения России в войне против Японии. Таким образом, новое соглашение между Калькуттой и Кабулом было подписано 21 марта 1905 г.[872]

Персия оказалась еще одним государством Среднего Востока, где *Большая Игра* вступила в завершающую стадию после урегулирования инцидента вокруг оазиса Пенде в 1885 г. и окончательной демаркации границы с Россией два года спустя. Однако ситуация вокруг этой страны обострилась, после того как шах пригласил Германию обозначить свое политическое и коммерческое присутствие на Среднем Востоке. Это предложение вызвало отправку первого немецкого посольства в Тегеран весной 1885 г. Тем не менее, Бисмарк все же отклонил просьбу шаха о командировании в Персию группы военных инструкторов, а также проект инвестирования германских капиталов в строительство железных дорог на ее территории[873].

Первые контакты между Берлином и Тегераном не остались вне поля зрения представителей России и Британии, так как политическое и экономическое проникновение Германии в Персию ставило под угрозу те права и привилегии, которых Лондон и Петербург смогли добиться от шаха за несколько десятилетий[874]. Так, к примеру, заключив с Тегераном торговое соглашение в 1883 г., царское правительство закрыло для свободного провоза товары из Европы, поступавшие на рынки Персии через Кавказ. Русско-Персидский и Англо-Персидский банки успешно действовали в столице страны и других крупнейших городах, а в 1890-х гг. там открыли свои представительства частные страховые компании и общества. Российские и британские предприниматели соревновались друг с другом за телеграфные и табачные концессии. Кроме того, в конце XIX – начале XX в. русские и англичане предоставили несколько крупных денежных займов шахскому правительству, поставив под свой контроль финансовую систему Персии[875].

В то время как британский флот господствовал в Персидском заливе и устье реки Карун — притоке Шат-эль-Араба, влияние России фактически преобладало в северных и центральных провинциях страны, причем его политическая составляющая во многом определялась той большой ролью, которую во внутренней жизни играла упоминавшаяся выше Отдельная казачья бригада. К середине 1890-х гг. это подразделение превратилось, пожалуй, в ведущую боеспособную единицу персидской армии, оставаясь в то же время личной конной гвардией шаха. В частном письме Валентину Чайролу, влиятельному и хорошо осведомленному обозревателю *Таймс*, бри-

танский посланник в Тегеране сэр Сесил Спринг-Райс оценивал значение бригады следующим образом:

> «Единственная дисциплинированная сила здесь — это 1000 казаков, вооруженных и подчиняющихся русским офицерам. Они могут взять Тавриз в один день, Мешхед — в два, Тегеран — в шесть. Если персы сделают что-нибудь к неудовольствию русских, последние двинут свои войска вперед. Мы можем только оперировать морскими портами в заливе (Персидском. — *Е.С.*), которые влияют на их положение в гораздо меньшей степени, чем они могут угрожать столице»[876].

Сам Чайрол также уделял много места анализу информации о личном составе казачьей бригады в своих публикациях, посвященных анализу ситуации на Среднем Востоке в связи с проблемой обороны Индии. По его мнению, все закончившие службу в бригаде кавалеристы направлялись затем в провинции, продолжая служить в качестве «телохранителей губернаторов, агентов российского влияния и получателей сведений, интересовавших их русских покровителей»[877]. Поэтому имеются все основания полагать, что к началу XX в. бригада превратилась в непременный атрибут персидской политической сцены, и этот вывод подтверждается воспоминаниями человека, который командовал ею на протяжении нескольких лет — генерал-майора В.В. Косоговского[878]. Вполне понятно, что эта боевая единица оставалась важнейшим рычагом давления России на шахское правительство, хотя современники указывали на постоянные трения между российскими посланниками в Тегеране и командирами бригады. «Она подчиняется русскому генералу на службе шаха, — писал один французский исследователь в начале XX в., — и этот генерал докладывает непосредственно военному министру подобно тому, как директор Русско-Персидского банка подчиняется напрямую министру финансов»[879].

Со своей стороны, британцы пытались превратить Персию в буферное государство со стабильным политическим режимом и восстановить свой несколько пошатнувшийся престиж в глазах местного населения. Так, в Мешхеде — одном из религиозных центров шиитов — англичане создали эффективно работающий центр сбора информации о Центральной Азии[880]. Чтобы укрепить свои позиции на севере Персии, в октябре 1887 г. Солсбери назначил сэра Генри Вольфа новым посланником в Тегеране. Его обязанности включали мониторинг северо-восточных границ Персии и оказание давления на правительство шаха с целью реформирования местных органов власти. Как справедливо подчеркнул один британский историк, Англия опасалась не могущества России, а, прежде всего, слабости Персии[881]. Однако на практике главная задача Вольфа состояла в том, чтобы противодействовать российскому влиянию путем распространения свободной торговли и побуждения шаха к политическим преобразованиям. Прибыв в Тегеран, Вольф предложил посланнику России князю Н. Долгорукому объединить

усилия для подталкивания шаха к реформам. «Мне кажется, — писал британский представитель, — что, направляя эту страну по пути прогресса и помогая ей развивать свои ресурсы, два соседа (Россия и Британия. — *Е.С.*) могут иметь нейтральную территорию между своими границами, тогда как Персия получит выгоду от их поддержки и ощутимого влияния»[882].

Однако переписка царских чиновников демонстрирует прохладное отношение целого ряда дипломатов и генералитета к перспективам сотрудничеству с Великобританией по персидским делам, например, относительно сооружения железнодорожных линий. Этот вопрос получил всестороннее обсуждение во время лондонской встречи Стааля и Вольфа, а также в меморандуме последнего от 2 сентября 1889 г. о препятствиях на пути развития англо-русского диалога[883]. Оставляя в стороне детали переговорного процесса, следует констатировать, что Вольфу не удалось убедить царских чиновников в целесообразности для них поддержать осуществление политических реформ в Персии. К сожалению, официальные визиты шаха Насир-у-Дина в Петербург и Лондон, которые состоялись уже после аудиенции, полученной Вольфом у Александра III в октябре 1889 г., также не имели в этом плане серьезных последствий. Беседуя с Вольфом, уже упоминавшийся ранее британский посол в Петербурге Морьер объяснил коллеге, что его надежды на осуществление Англией и Россией совместной цивилизаторской миссии на Среднем Востоке далеки от претворения в жизнь. По его мнению, царское правительство представляет собой для находящихся в упадке азиатских наций что-то вроде путеводной звезды, а их нищета и отсталость лишь толкают такие нации «под крыло» российского императора[884]. Как будто подтверждая это мнение, 12 ноября 1890 г. Насир-у-Дин взял на себя обязательство перед Россией не строить железные дороги на персидской территории и не предоставлять концессий иностранным компаниям и частным лицам в течение десяти лет[885].

Справедливости ради, следует признать, что мнение Лондона по текущим персидским делам нередко входило в противоречие с точкой зрения Калькутты. Отчасти оно возникло из-за принципа распределения ответственности между Форин офис, который отслеживал ситуацию в северных провинциях, включая столицу, и правительством Индии, которое реагировало на события в южных регионах страны и в Персидском заливе[886]. Это противоречие может быть проиллюстрировано ссылками на ставший классическим труд Дж. Керзона о проблемах Персии, который был опубликован в 1892 г. вскоре после возвращения автора из поездки по Среднему Востоку:

> «Россия считает Персию государством, которое временно можно потерпеть, над которым можно даже иногда посмеяться или приласкать, но в длительной перспективе, безусловно, обреченным. Она (Россия. — *Е.С.*) полагает будущий раздел Персии как перспективу, едва ли менее невыполнимую, чем достигнутый раз-

дел Польши; и она уже ясно наметила себе долю, которую она потребует в этом случае»[887].

Однако среди российских государственных деятелей далеко не все были способны различать нюансы в подходе представителей различных партий и группировок внутри британской властной элиты к проблемам Среднего Востока. В частности, упоминавшийся А.М. Дондуков-Корсаков прогнозировал дальнейшую политическую экспансию англичан в Закаспийскую область вслед за коммерческим проникновением[888]. Другой военный администратор, генерал-майор А.Н. Куропаткин разделял серьезные опасения Дондукова-Корсакова относительно постепенного вытеснения российского предпринимательства из Персии благодаря энергичной деятельности британских бизнесменов. Посетив Тегеран со специальной миссией в 1895 г., Куропаткин докладывал Николаю II:

«Несмотря на близость к нам персидского рынка, несмотря на то, что соседство России на 2 тыс. верст дает всем примыкающим к нашей границе персидским владениям спокойствие и сбыт произведений в наши пределы, мы не являемся полными хозяевами даже на северных рынках Персии. Большая же часть Персии по ввозу в нее иностранных произведений находится в сфере экономического влияния главным образом Англии, за исключением отчасти Азербайджана, где в последние годы начинает прочно укореняться немецкая торговля»[889].

Кроме активизации англичан на севере Персии, тревогу официального Петербурга вызывала их деятельность на юге страны — в Сеистане, через который царские войска также могли совершить вторжение на территорию Индостана в обход Герата[890]. С точки зрения начальника Генерального штаба генерал-лейтенанта Ф.Ф. Палицына, британская оккупация Сеистана явилась бы серьезным препятствием на пути возможного продвижения России к Индийскому океану[891]. Любопытно, что один немецкий специалист в области изучения российской правящей элиты сравнил Бендер-Аббас, важный стратегический порт на побережье Персидского залива, с Владивостоком — крупнейшей тихоокеанской базой России. Он прогнозировал строительство прямой транс-азиатской железнодорожной магистрали между Дальним и Ближним Востоком через Сибирь, Туркестан и Персию[892].

Определенное значение для завершения *Большой Игры* на Среднем Востоке имела миссия Перси Сайкса, известного британского ориенталиста, который был командирован департаментом внешних сношений индийского правительства в Белуджистан и Сеистан. Та роль, которую играл этот регион в планах вице-короля Керзона и главнокомандующего англо-индийской армией генерала Г. Китченера, хорошо видна из их совместного меморандума, датированного августом 1903 г.:

> «Опасность окончательного русского утверждения в Сеистане (помимо больших возможностей, которые он предоставляет для атаки на Кандагар), как нам кажется, связана не с открытием маршрута вторжения в Индию через Белуджистан в направлении Синда, а в шансах, которые он дает для возмущения всего пограничного пространства от Сеистана через Мехран к морю. Россия уже занимается интригами через своих агентов на границе, и ситуация может легко получить развитие в плане возникновения таких же неприятностей, с какими мы уже сталкивались на пуштунской границе в Индии»[893].

По сведениям, собранным и проанализированным Сайксом в 1893–1894 гг., руководителям российских разведывательных структур удалось создать сеть информаторов и агентов влияния на юге Персии. В своих донесениях британский эксперт рекомендовал предпринять серию ответных мер для нейтрализации шпионской активности русских. Неслучайно вскоре он был назначен консулом в Мешхеде, где его главной обязанностью являлось наблюдение за всеми действиями вероятного противника на подступах к Британской Индии, используя доверенных лиц среди местного населения[894].

Тем временем Главный штаб России неоднократно информировал царя о замыслах англичан относительно сооружения круговой железной дороги из города Кум через Исфаган, которая позволила бы им взять под контроль большинство центральных и восточных провинций Персии. По данным различных российских консульств, правительство Индии намеревалось вдобавок построить несколько укрепленных постов в Белуджистане по типу сооружений аналогичного характера, возведенных ранее на ее северо-западной границе[895]. К этой информации добавлялись панические рапорты консула в Багдаде о том, что 85% коммерческого оборота и почти все инвестиции капитала в регионе Персидского залива приходятся на долю британских подданных[896].

Кончина Насир-у-Дина в 1896 г. вызвала ожидаемую дестабилизацию внутриполитического положения в Персии. Британские дипломаты, к примеру, Г. Дюранд, испытывали тревогу перед неизбежной, как им представлялось, русской оккупацией Тегерана и северных прикаспийских провинций[897]. Однако в действительности ни Петербург, ни Лондон не готовы были нести бремя ответственности за поддержание территориальной целостности Персии. «Было бы намного лучше, — комментировал события Керзон, — если бы каждая из сторон играла в свою игру там, где их интересы абсолютно различны, вместо попыток добиться их общности, которая не существует и которая в любом случае может быть достигнута одной стороной за счет другой»[898].

Приход к власти наследника престола Муззафар-у-Дина не улучшил ситуацию. По всей вероятности, угроза распада Персии также как Османской империи и Китая повлияла на предложение лорда Солсбери Николаю II за-

ключить соглашение по Черноморским проливам во время официального визита царя в Лондон осенью 1896 г.[899] Двумя годами позже это предложение было дополнено схемой раздела турецких и цинских владений, не встретившей, однако, позитивной реакции со стороны Петербурга, хотя и подвигнувшей Дюранда на модификацию концепции «сфер влияния» Англии и России, которую он в феврале 1899 г. изложил в меморандуме для юнионистского Кабинета. Примечательно, что даже Керзон, упрямо отвергавший возможность заключения какого бы то ни было соглашения с традиционным соперником Великобритании, признал, что, «если Россию можно было бы уговорить признать сферы интересов в Персии, то все бы нормализовалось, если нет, то Кабинету пришлось бы принимать меры для нейтрализации там активности русских»[900].

И все же скептики продолжали доминировать среди политиков, дипломатов и военных в обеих империях. Приведем образец критического подхода, изложенного С. Спринг-Райсом в донесении из Тегерана от 23 августа 1899 г.:

> «Похоже, что в Великобритании существует общая надежда, что Англия и Россия могли бы прийти к соглашению о сферах интересов в Персии. Наши представители здесь и местные жители смеются над этой идеей. Представляется абсолютно справедливым, что Россия не собирается захватывать какую-либо часть Персии; у нее достаточно забот в других местах и довольно территории в настоящее время. Но если она желает чего-то, то желает это целиком. Персия — это маршрут, по которому она намеревается достичь моря, а один конец дороги ни к чему без другого… Наилучшая политика для нее (России. — *Е.С.*) — постепенная подготовка почвы к распаду Персии и торможение ее прогресса. Ожидание шанса, когда Англия будет где-то занята, и его немедленное использование»[901].

Восприятие персидского вопроса в правящих кругах России, казалось, оправдывало такой скептицизм. «Мы (русские. — *Е.С.*) стоим перед иной проблемой на Среднем Востоке, — провозгласила газета *Новое Время* в передовой статье от 13 ноября 1899 г. — Мы должны достичь океанского побережья, чтобы выйти на широкие просторы мировых транспортных путей в пункте, который расположен недалеко от европейской части империи. Вот почему кратчайший и наиболее прямой путь к океану пролегает через Персию»[902]. Аналогичным образом, 13 декабря 1902 г. министр иностранных дел Ламздорф проинструктировал А.К. Бенкендорфа, ставшего преемником Стааля в должности посла на берегах Темзы:

> «…В случае разграничения согласно стремлениям англичан взаимных сфер влияния обеих держав в Персии, Россия не приобрела бы никаких преимуществ, а между тем узаконила бы за Ве-

ликобританией гораздо большие права, чем те, коими она ныне пользуется. Поэтому императорское правительство неизменно уклонялось от всяких подобных сделок с Англией на почве персидских дел»[903].

Проникновение российских боевых кораблей в Персидский залив на рубеже XIX–XX вв. явилось еще одним неприятным сюрпризом для англичан в период их войны против буров. Если обратиться к истории появления европейских держав в заливе, то пальму первенства следует отдать португальцам, вслед за которыми к середине XVIII в. там обосновались британцы. На протяжении последней четверти следующего столетия представители Соединенного Королевства подписали ряд договоров с местными правителями — номинальными вассалами слабеющей Османской империи — султанами Омана, шейхами Бахрейна и Кувейта. Однако вскоре новые морские державы начали отправлять свои миссии в государства залива. За визитом японского военного судна в 1880 г. последовало плавание американского фрегата *Бруклин*, посетившего важный стратегический порт Бушир спустя шесть лет. На следующий год в заливе появились вымпелы австро-венгерского учебного корабля и итальянской канонерской лодки. В 1895 г. немецкий крейсер также бросил якорь в этих водах. Наконец, Франция приступила к отправке своих коммерческих судов в Персидский залив на регулярной основе.

Согласно данным архивов, посещение Маската и Яска вспомогательным российским крейсером *Нижний Новгород* в сентябре 1893 г. открыло «новый фронт» британо-российского соперничества в азиатских странах[904]. Интересно, что лорд Нортбрук пророчески написал в одном из докладов для министерства по делам Индии за двадцать лет до этого события, что «попытка расширить территорию России или создать ее протекторат на берегах Персидского залива была бы такой прямой угрозой Индии, что она оправдала бы использование оружия с целью сохранения теперешнего нашего преобладания там». Поэтому еще в мае 1873 г. он выступил перед Кабинетом с инициативой объявить залив сферой исключительных британских интересов[905].

Спустя четверть века именно Дж. Керзон в качестве члена директората Англо-Персидской банковской корпорации и неформального лидера средневосточной группировки предпринимателей после своего назначения на пост вице-короля Индии возглавил «крестовый поход» под лозунгом закрытия вод залива для остальных держав[906]. Он и другие «форвардисты» полагали, что любое европейское государство, США или Япония нарушат британскую монополию в регионе, если к ним в руки перейдет узкая прибрежная полоска земли, военная база или угольная станция. Событие такого рода, по их мнению, непременно произведет впечатление на местных жителей и подорвет усилия англичан по укреплению административной вертикали в Индии. Керзон отмечал с сарказмом в своем труде по персидской проблеме:

> «Русский порт в Персидском заливе, эта голубая мечта многих патриотов с берегов Невы или Волги, даже в мирное время несет в себе элемент беспокойства в жизни залива, который нарушил бы хрупкое равновесие, созданное таким трудом, погубил бы торговлю, оцениваемую миллионами фунтов и открыл бы шлюзы для настроений беспокойных народов, слишком готовых перерезать друг другу горло»[907].

Стоит упомянуть, что интенсивность обмена посланиями между вице-королем и британскими политическими представителями в странах залива, такими как П. Кокс или полковник Р. Мид, значительно возросла в конце 1890-х – начале 1900-х гг. Тогда как они подробно информировали Керзона о текущей обстановке, вице-король направлял им инструкции, которые, надо признать, далеко не всегда соответствовали решениям лондонского Кабинета. В то же время Керзон предпринимал немалые усилия, чтобы привлечь внимание главы правительства и министра по делам Индии к текущим событиям, а именно, анти-турецкому восстанию в Йемене, планам России получить угольную станцию в Кувейте, активности российских врачей на юге Персии в связи с эпидемиями чумы и холеры, а также намерениям Франции установить протекторат над Маскатом. В сентябре 1899 г. он представил свой план противодействия амбициям других держав на юге Персии посредством активной политики, включавшей применение военной силы, которая шла вразрез с осторожным курсом лорда Солсбери на международной арене[908].

Внезапный визит германского крейсера в Бушир во второй половине марта 1899 г. способствовал новой волне опасений со стороны британских представителей и членов правительства Индии, подготовивших план переброски более чем 8 тыс. английских солдат и офицеров и 3 тыс. туземных войск на театр бурской войны в течение 1899–1900 гг.[909] Слухи о претензиях России на получение исключительного права аренды персидского порта Бендер-Аббас, намеренно распространявшиеся в столицах Европы шахским правительством, еще больше усилили обеспокоенность Лондона и Калькутты. «Поступали неоднократные сообщения о присутствии русских и других иностранцев в различных районах залива; во многих случаях оно обусловлено незаконной торговлей оружием», — комментировали эксперты развитие ситуации в оперативных сводках для Керзона[910].

Ситуация обострилась после того, как в европейской прессе появились сообщения об эскадре французских боевых кораблей, прошедших через Ла-Манш в направлении Мадагаскара. «Джордж Керзон телеграфирует из Индии, что он предполагает здесь какой-то замысел в отношении Персидского залива и хочет, чтобы за ними (французскими кораблями. — *Е.С.*) было установлено негласное наблюдение», — писал один из высокопоставленных чиновников Уайтхолла своему сыну 2 ноября 1899 г.[911] Симптоматично, что эта новость совпала по времени с отправкой морским министер-

ством России канонерской лодки с неглубокой осадкой в Персидский залив по инициативе посланника в Тегеране с целью продемонстрировать англичанам и местным правителям, что русские рассматривают доступ туда свободным для судов всех наций, несмотря на желание британского правительства превратить залив в «закрытое море», лежащее в сфере их исключительных интересов[912].

Упомянутая канонерская лодка совершила вояж по Персидскому заливу с заходом в важнейшие порты в апреле – мае 1900 г. За этим визитом последовали миссии трех русских крейсеров *Варяга, Аскольда* и *Боярина* (последнего в сопровождении французского боевого корабля *Инфернет*), состоявшиеся на протяжении 1901–1903 гг. Одновременно торговые компании России открыли коммерческие рейсы в залив, первым из которых стало плавание судна *Корнилов* в феврале 1901 г. с грузом товаров для арабских шейхов. Министр финансов С.Ю. Витте настойчиво убеждал царя в необходимости учреждения прямых пароходных линий между русскими и персидскими портами[913].

Таким образом, действия России на морских подступах к Индостану в начале XX в. становились все более активными. Тревога англичан возросла вместе с заключением Петербургом новой торговой конвенции с Тегераном в феврале 1903 г., продолжением строительства Туркестанской железной дороги, предложением шейху Маската защиты со стороны российского флота, запросами шахского правительства об условиях приобретения угольных станций или гаваней в заливе. Как отмечал один из аналитиков в докладе для военного ведомства, «похоже, все (в России. — *Е.С.*) с оптимизмом ожидают, что, когда Ташкент — Оренбургская железная дорога будут закончена, либо близка к завершению, последует дальнейшее продвижение вперед, что будет, вероятно, означать ее продолжение через Персию к морскому порту как конечной цели»[914].

Дж. Керзон, как уже говорилось выше, был особенно пессимистически настроен относительно сохранения британского доминирования в Южной Персии на длительную перспективу. «Если российский морской порт будет сооружен в заливе и если российский флот (вполне вероятно вместе с французским) выйдет в Индийский океан, — писал он в министерство по делам Индии, — мы не сможем, либо для защиты нашей торговли, либо для безопасности наших берегов, ограничиться существующей ныне мощью Ост-Индской эскадры. Нам следует тогда привести порты на восточном побережье Индии в состояние более надежной обороны»[915]. Здесь необходимо иметь в виду, что вице-короля Индии, как и других видных британских политиков, смущал довольно прохладный прием со стороны Петербурга почти всех дипломатических инициатив юнионистского Кабинета, направленных на совместное решение региональных проблем. Характерно, что Николай II написал на полях донесения Стааля в ноябре 1901 г., то есть еще до окончания англо-бурской войны: «Я и пальцем не пошевельну, чтобы пойти на какое бы то ни было соглашение с Англией»[916].

Ответной мерой, разработанной Керзоном, явилась отправка в регион новейшего броненосца *Ренаун (Renown)* из состава Ост-Индской эскадры. Тем не менее, как сообщают источники, власти Персии и арабские шейхи фактически проигнорировали его прибытие в воды Персидского залива. «Неужели мы отдадим Бендер-Аббас России?» — вопрошали журналисты в своих комментариях сложившейся ситуации для ведущих газет[917].

Вот почему потребовалось специальное заявление министра иностранных дел лорда Лэнсдауна в парламенте 5 мая 1903 г. Основываясь на аргументации Керзона, главным тезисом которого являлось утверждение о необходимости обороны Индии на дальних подступах к ней, имея в виду и Персидский залив[918], глава Форин офис предупредил державы против любых попыток создания военной базы или аренды морского порта на юге Персии, либо небольших островах в Персидском заливе, которые будут расценены Лондоном как «очень серьезная угроза британским интересам» и получат отпор всеми имеющимися в распоряжении империи средствами. Для смягчения языка угроз, столь нетипичного для британского дипломатического протокола, Лэнсдаун объявил о том, что правительство Его Величества Эдуарда VII гарантирует права свободной торговли и предпринимательства в этом регионе всем иностранным частным компаниям и лицам[919].

«Декларация Лэнсдауна», как назвали это заявление современники, вызвала прилив энтузиазма у «настоящих империалистов». «Вы можете судить, какое удовлетворение я чувствую, — заметил Керзон в письме Солсбери вскоре после выступления Лэнсдауна. — Это то, за что я выступал, используя аналогичный язык, который стал известен благодаря моей книге одиннадцать лет назад; это то, что я отстаивал и что просил во многих письмах Вам на протяжении последних четырех лет..., и поэтому... я не могу не поздравить также лично себя»[920].

Нельзя отказать вице-королю Индии в справедливости такого суждения. Ведь наряду с участием в дипломатической борьбе вокруг получения концессии на строительство Багдадской железной дороги в начале 1900-х гг., речь о которой пойдет в следующей главе, он совершил трехнедельный вояж в Персидский залив, который, очевидно, стал последним аккордом *Большой Игры* на Среднем Востоке перед началом Русско-японской войны. Надо сказать, что этот инспекционный тур был впервые предложен Керзоном для утверждения Уайтхоллом еще в мае 1901 г., то есть именно тогда, когда корабли российского флота обозначили свое присутствие в водах залива. Однако участие Великобритании в конфликте на юге Африки стало основным аргументом Солсбери и Лэнсдауна, чтобы наложить вето на это предприятие. Двумя годами позже, после майской декларации главы Форин офис и ухода в отставку престарелого лидера консерваторов, Керзон посчитал, что пришло время «показать Юнион Джек» в портах Персии и арабских эмиратов залива. На этот раз у Кабинета Бальфура, сменившего Солсбери в премьерском кресле, не нашлось аргументов, чтобы удержать предприимчивого вице-короля[921].

16 ноября 1903 г. Керзон в сопровождении супруги отплыл из Карачи на флагмане Ост-Индской эскадры — броненосце *Гардинг (Hardinge)* с эскортом, состоявшим из четырех боевых кораблей. Его путь лежал через Персидский залив с посещением султаната Маскат, а также эмиратов Кувейт и Шарджа. Флагманский линкор также бросил якорь в Бендер-Аббасе и Бушире, хотя сам вице-король отменил высадку на берег в последнем из упомянутых портов из-за интриг российского консула в Бушире Н. Пасека[922].

Историки расходятся в оценках «скрытой повестки» персидского вояжа Керзона. Современный автор Д. Гилмор, например, рассматривает ее как исключительно церемониальное событие или даже прогулку, хотя и признает, что «турне также предоставило возможность для военного флота изучить стратегическую ситуацию в заливе на случай обороны от атаки русских»[923]. Первый биограф вице-короля лорд Рональдсхэй, напротив, уверен, что великая заслуга Керзона состояла в расстройстве замыслов России подчинить Персию и приобрести морскую базу в заливе[924]. Советские историки, как, скажем Г.Л. Бондаревский, обвиняют вице-короля в решающем противодействии осенью 1903 г. наметившегося было англо-русского диалога, который можно рассматривать в качестве прелюдии к официальным переговорам 1906–1907 гг.[925]

С нашей точки зрения, поездка Керзона имела большое значение в двух аспектах: во-первых, она высветила региональные проблемы, с которыми все больше и больше сталкивалась Великобритания, оставаясь в «блестящей изоляции», а, во-вторых, подготовила аргументацию английской стороны для обсуждения персидского вопроса на переговорах с Россией, положивших конец соперничеству двух империй в Азии.

Тибетский регион *Большой Игры*

«Страна снегов» или «Сердце Азии», как европейцы обычно называли Тибет, всегда привлекал их устремления, представляя собой загадочное, трудно доступное высокогорное плато, которое со второй половины XVIII в. находилось под контролем Цинской империи. Слухи и свидетельства о баснословных минеральных богатствах Тибета вместе со старинными легендами о необычных жителях этой страны, управлявшейся духовным авторитетом Далай-ламы, вдохновляли путешественников из Европы на все новые экспедиции для открытия «затерянного мира»[926].

Существование Тибета в изоляции от внешнего влияния, кроме зависимости от маньчжурской династии, а также его стратегическое значение как естественного препятствия на северо-восточной границе *Раджа*, побудило правительство Индии еще в 1863 г. учредить тренировочный центр в пригороде Симлы, чтобы, как уже говорилось в предыдущих главах, обучать наиболее способных представителей местного населения выполнять разведывательные функции в качестве пандитов. Существенно, что помимо сведе-

ний по географии и этнографии в тех местностях, которые они посещали, им удалось обнаружить крупные залежи золота и серебра в верхнем течении трех великих азиатских рек — Инда, Сатледжа и Брахмапутры на высоте 16 тыс. 300 футов (более 5 тыс. метров)[927]. По сведениям Экая Кавагучи, буддистского монаха из Японии, получившего консультации у наиболее известного пандита Сарата Чандра Даса перед посещением Лхасы в 1901–1903 гг. под личиной китайского лекаря, тибетцы в течение нескольких десятилетий разрабатывали золотые рудники недалеко от столицы под контролем цинских властей[928].

Со своей стороны, петербургский Кабинет старался нейтрализовать политические и экономические планы англичан в Тибете прежде всего из опасений, что Лондон сможет тогда манипулировать «адептами ламаизма», проживавшими на территории Российской империи[929]. Симптоматично, что секретная записка, составленная в апреле 1878 г. чиновником по особым поручениям при генерал-губернаторе Туркестана Н. Головиным и направленная в Азиатскую часть Главного штаба, рассматривала Тибет как будущую арену *Большой Игры*, поскольку именно туда регулярно вторгались войска правителей Кашмира и Непала при невмешательстве вице-королей Индии. Кашмирцы и непальцы разоряли поселения и нарушали нормальный цикл сельскохозяйственных работ, а цинские власти большей частью устранялись от противодействия этим вторжениям, заставляя поверить в номинальный характер «сюзеренитета» маньчжурской династии. Поэтому Головин имел все основания утверждать, что:

> «Индийские властители, находящиеся в полной зависимости от Англии (как магараджи Кашмира или Непала. — *Е.С.*), пользуются всяким предлогом для притеснений буддистов, вынуждая, например, уплату податей непременно золотом, отягощая личными повинностями. Англичане также без всякого снисхождения относятся к буддизму, разоряя даже те памятники буддистского господства, которые сохранялись с древних времен, и, не задумываясь, обременяют буддистов чрезмерными за последние годы тягостями, особенно после Якуб-бековского появления в Кашмире, при постоянных сношениях по доставке англичанами орудий, инструкторов, разных снарядов (так в тексте. — *Е.С.*) и пр., по перевозке посольств Форсайта и Шоу через Гималаи и необычных передвижениях между Индией и Кашгарией»[930].

Автор записки предлагал военному ведомству командировать опытного офицера-разведчика с секретной миссией в Лхасу для сбора сведений о происках британцев и установления контактов с правительством Далай-ламы. По его мнению, означенный тайный эмиссар в облике паломника должен был получить сопровождение группы из десяти буддийских монахов, хорошо знающих маршрут движения к столице Тибета. Для проведения в жизнь своего плана Головин разработал несколько сценариев поездки и сделал не-

обходимые подсчеты расходов на это предприятие в сумме 12 тыс. руб.[931] Реагируя на инициативу из штаба Туркестанского военного округа, Милютин запросил МИД о практической значимости такой миссии. В ответ Н.К. Гирс, исполнявший обязанности министра, сообщил главе военного ведомства, что хотя предложение небезынтересно, оно может быть исполнено полковником Пржевальским, который готовился к своей третьей экспедиции во Внутреннюю Азию. Таким образом, добавлял Гирс, автор записки мог быть прикомандирован к ее составу[932].

Одновременно знаменитый исследователь Внутренней Азии, которого сравнивали с Марко Поло и Дэвидом Ливингстоном[933], сам направил рапорт в Главный штаб. С точки зрения Пржевальского, «научные исследования скроют реальные политические цели экспедиции и исключат вмешательство наших противников»[934]. Он также указал на неотложность привлечения Далай-ламы, самого влиятельного духовного лидера буддистов, к тесному сотрудничеству с Россией, чтобы отвратить его от втягивания в орбиту британской политики[935].

К сожалению, как третья, так и четвертая экспедиции, предпринятые Пржевальским, не смогли достичь Лхасы из-за нежелания правительства Тибета разрешить европейцам посетить его столицу[936]. Хотя в нашем распоряжении нет документов, которые могли бы пролить свет на осуществление замысла Головина, неудача тибетских экспедиций Пржевальского исключает положительный ответ на поставленный вопрос. Очевидно другое, к началу 1880-х гг. новые осложнения в Центральной Азии временно сняли с повестки дня царского правительства вопрос о Тибете, хотя российский МИД продолжал внимательно следить за британскими действиями на дальних и ближних подступах к нему — в Бирме, Непале, Бутане и Сиккиме[937].

Описанная ситуация претерпела изменения спустя примерно десять лет. Помимо составления в России новых проектов похода на Индию, два дополнительных фактора оказывали возрастающее влияние на тибетскую политику Великобритании: во-первых, неминуемый, как тогда представлялось, распад Цинской империи, а во-вторых, вооруженные конфликты на северной границе *Раджа*, одним из которых стала конфронтация между Непалом и Тибетом в 1884–1885 гг. Именно тогда британская администрация Индии предпочла выступить в поддержку непальцев, которые в свою очередь обещали Калькутте всемерную помощь на случай войны с Россией. Стратегическое значение Непала, по мнению британских экспертов, примерно соответствовало положению, которое занимал Афганистан на границе с Русским Туркестаном. Судя по донесению Н. Илайэса в Форин офис, которое датируется мартом 1887 г., «безусловно, Тибет привлекал русских в качестве «черного входа», через который можно было интриговать в Непале». Он отмечал, что Россия способна превратить это высокогорное государство в «новый Афганистан» для англо-индийского правительства[938]. Как пишут современные китайские историки, пока Англия пыталась связать *Радж* и Поднебесную через Тибет, царское правительство взяло курс

на усиление там своего влияния с целью окружения владений Цинской империи и открытие «второго фронта» против британского господства в Индии на ее северо-восточной границе[939].

Чтобы предотвратить реализацию этого сценария, Лондон оказывал значительное давление на Пекин политическими и экономическими средствами. Осенью 1888 г. более 2 тыс. англо-индийских войск вторглись в долину Чумби — южные «ворота» Страны снегов. Они были готовы продолжить марш на Лхасу после того, как выполнение конвенции, подписанной британскими и цинскими представителями в 1886 г., оказалось фактически сорванным. Тем не менее, в 1890 г. между Калькуттой и Пекином было заключено соглашение о разграничении территорий Британской Индии, с одной стороны, и Бирмы, Сиккима и Тибета, с другой, а тремя годами позже англичане и цинские власти установили новые правила пограничной торговли в этом регионе. Стратегической целью Уайтхолла было полное открытие Тибета для свободной торговли и недопущение соединения русских владений в Туркестане с французским Индокитаем[940]. Довольно показательным в этом смысле являлось мнение, высказанное одним из представителей Китайской ассоциации, упоминавшейся в предыдущих главах, корреспонденту газеты *Инглишмен (The Englishman)*, издававшейся в Поднебесной: «Если долина великой реки Янцзы должна быть ограждена от проникновения (небританских компаний. — *Е.С.*), важно также, чтобы ни Франции, ни России не было бы позволено протиснуть руки между ней и Индией. Мы обязаны доминировать в Тибете, учитывая как теперешние преимущества, так и будущие возможности»[941].

В марте 1893 г. Петр (Жамцаран) Бадмаев, крещеный бурят, который окончил Санкт-Петербургский университет, некоторое время служил в Азиатском департаменте МИД, а затем открыл в столице частную практику в качестве специалиста по тибетской медицине, направил С.Ю. Витте через упоминавшегося известного востоковеда-этнографа, камер-юнкера князя Э.Э. Ухтомского обстоятельную записку. В ней раскрывался грандиозный план приведения всех буддистов Монголии, Маньчжурии и Тибета под скипетр Романовых. Бадмаев полагал, что он может быть исполнен без особого риска военного конфликта и с небольшими затратами путем провоцирования антицинского восстания населения и строительства железнодорожной ветки от озера Байкал к городу Ланьчжоу и далее в Синьцзян. План предусматривал также организацию широкой пропагандистской кампании, направленной на формирование у коренных жителей указанных регионов образа русского царя как истинного защитника всех азиатских народов от ига европейцев, главным образом, англичан[942].

О том, что идеи Бадмаева могли встретить благожелательный прием в придворных кругах, свидетельствовал эпизод, упомянутый послом Соединенного Королевства в России сэром Николасом О'Коннором в информации для Форин офис. Глава британской дипломатической миссии сообщил о беседе с С.Ю. Витте, состоявшейся 1 января 1898 г. По словам О'Коннора,

министр финансов, в кабинете которого висела огромная карта мира, широко раскинул руки, закрыв ими несколько провинций Поднебесной империи, и торжественно заявил, что Россия, вполне вероятно, рано или поздно «поглотит» эти территории, при условии, что новые железные дороги свяжут Транссибирскую магистраль с китайским хинтерлендом. Еще одним подтверждением сказанного можно считать неоднократные заявления вышеупомянутого князя Ухтомского о том, что никакие фиксированные границы не остановят продвижение России в Азии, если она соберется с силами»[943].

Хотя Александр III вначале отверг проект Бадмаева как абсолютно фантастический, Витте удалось убедить императора выделить из бюджета 2 млн. золотых рублей для учреждения чаеторговой компании под руководством пресловутого «тибетского доктора». В ноябре 1893 г. царь согласился предоставить Бадмаеву заем на 10 лет под 4% годовых. Одновременно российским консулам в Урге, Кульдже и Кашгаре было поручено внимательно наблюдать за его деятельностью в Монголии, Синьцзяне и Тибете[944]. Многочисленные записки этого авантюриста на высочайшее имя в конце 1890-х – начале 1900-х гг. имели целью привести доказательства того колоссального ущерба для престижа России в Восточной Азии, который она якобы понесла из-за преобладания англичан в Цинской империи и Тибете. Чтобы исправить положение, Бадмаев предлагал установить прямые секретные контакты с Далай-ламой, который якобы по собственной воле признает затем протекторат России. Развивая эти идеи на практике, чаеторговая компания «тибетского доктора» фактически превратилась в прикрытие для посылки разведывательных миссий в Монголию и Тибет. Одновременно поощряемые царскими чиновниками на местах, сотни бурятских и калмыцких юношей стали совершать паломничество в тибетские монастыри, добровольно взяв на себя функции не только информаторов, но и агентов русского влияния в Стране снегов[945].

Вполне понятно, что действия Бадмаева вызывали серьезное беспокойство в Калькутте и Лондоне, где Тибет помимо Кашгарии рассматривался с трех точек зрения: как плацдарм для русского проникновения во Внутреннюю Азию, преграда на пути в Индию и религиозный центр мировой религии — буддизма. Британские опасения касательно возможности вторжения царских войск в Тибет объяснялись, по мнению Янгхазбенда, тем соображением, что эта агрессия могла заставить англичан сконцентрировать силы на северо-восточной границе *Раджа*, ослабив северо-западный сектор его обороны[946]. Аналогичным образом О. Уоддель, врач, сопровождавший Янгхазбенда в знаменитом походе на Лхасу в 1903–1904 гг., речь о котором впереди, предостерегал общественное мнение метрополии против доминирования России в Стране снегов. С точки зрения Уодделя, при наихудшем сценарии большинство малых высокогорных государств в Гималаях способны вступить в коалицию против Англии, что опять-таки потребовало бы от нее значительных затрат на исправление ситуации[947].

Выступление Гомбожаба Цыбикова, бурята, выпускника восточного факультета Санкт-Петербургского университета, совершившего несколько паломничеств в Центральный Тибет на рубеже XIX – XX вв. и занявшего впоследствии кафедру буддологии университета Владивостока, на годовом общем собрании членов ИРГО, которое состоялось 20 мая 1903 г., подтвердило опасения англичан. Вот как оратор мотивировал значение Тибета для империи Романовых:

> «Россия едва ли может рассчитывать на Тибет как на выгодный рынок сбыта своих товаров, но иметь сношения с Тибетом важно в том отношении, что это центр ламаизма, к которому прикованы помыслы современных монголов, из коих около полмиллиона под названием бурятов и калмыков находятся в русском подданстве»[948].

Японо-цинская война 1894–1895 гг. продемонстрировала всему миру кризисное состояние Цинской империи. Великие державы вступили в бескомпромиссную схватку за концессии и сферы интересов на Дальнем Востоке. При таких обстоятельствах царские стратеги решили наладить секретные политические связи с тибетскими ламами параллельно с деятельностью Бадмаева. 4 июня 1895 г. О'Коннор выразил свою обеспокоенность в послании вице-королю лорду Эльджину:

> «Некоторое время назад русские офицеры (имеются в виду В.И. Роборовский и П.К. Козлов. — *Е.С.*) вступили в контакт с тибетскими властями… и внушили им значимость поддержания дружественных отношений с русскими, которые одни способны защитить их от амбициозных замыслов англичан, очевидно, желающих овладеть Тибетом»[949].

Дальнейшее развитие событий, а именно, аренда китайских морских баз Германией и Россией в конце 1897 – начале 1898 гг., повысили градус напряженности на Дальнем Востоке. Ответная оккупация порта Вэйхайвэй англичанами весной 1898 г. стимулировала командирование новых секретных агентов и экспедиций в Тибет. Так, капитан Баранов, бывший адъютант Пржевальского, тайно посетил Страну снегов в 1898–1899 гг. Он передал два конверта с письмами для Тубдэн Гьятцо, провозглашенного Далай-ламой XIII за четыре года до поездки Баранова. При вторжении англо-индийских войск, правитель Тибета получил возможность немедленно направить эти письма в адрес ближайшего пограничного гарнизона Российской империи. Однако Далай-лама вручил их цинскому амбаню, чтобы снять у него подозрения в каких-либо тайных договоренностях с русскими[950].

Источники свидетельствуют, что в конце 1890-х гг. Агван Доржиев и упоминавшийся Петр Козлов являлись наиболее заметными фигурами на тибетской «площадке» *Большой Игры*. Согласно биографии Доржиева, написанной в 1921–1922 гг., он происходил из семьи халха-монголов, которая

проживала в деревне к югу от Улан-Удэ, административном центре российской Бурятии. В возрасте 21 года Доржиев прибыл в Тибет, чтобы стать буддистским монахом. Там он обучался в монастырях на протяжении нескольких лет, в результате чего получил ученую степень Лхарамба и был назначен Цанит Кхенпо (наставником) юного Далай-ламы XIII[951].

Спустя три десятилетия в своих воспоминаниях Доржиев не изменил мнения о том, что англо-тибетские отношения оказались испорченными благодаря британской оккупации Сиккима, находившегося длительной время в вассальной зависимости от Лхасы. «В меру своего разумения я рассуждал следующим образом, — писал он в автобиографии. — Так как русские и англичане не ладят между собой, то русские могут помочь тибетцам уберечь Тибет от захвата его англичанами. И поскольку все это еще неопределенно, было необходимо попытаться объяснить русским ситуацию в Тибете»[952].

Доржиев делал все от себя зависящее, чтобы убедить Далай-ламу и его окружение в том, что Россия и Британия — две империи, конкурирующие друг с другом в Азии. Поскольку власть маньчжурской династии клонилась к упадку, говорил Доржиев, Петербург способен стать единственным возможным союзником Лхасы против Лондона. «Если Россия возьмет Тибет под свое покровительство, — продолжал он, — то и у бурят их религия обретет благополучие. А Тибет, получив такую защиту, вырвется из пасти иноземного врага»[953]. Судя по донесениям русских и британских дипломатов, взгляды Доржиева соответствовали намерению Далай-ламы добиться независимости Тибета от империи Цин, сославшись, в частности, на прецедент невмешательства цинских властей в действия англичан при захвате ими соседних княжеств Сикким и Ладакх в 1890–1892 гг.[954]

Именно Доржиев выступил с инициативой первой полуофициальной тибетской миссии в Петербург якобы с целью сбора пожертвований на строительство буддистского храма на берегах Невы. В декабре 1898 г. царь удостоил Доржиева частной аудиенции с участием Ухтомского и Бадмаева. Вдохновленный перспективой получения эксклюзивных прав на территории Тибета, Николай II пообещал поддержать население Страны снегов в борьбе за независимость, как против империи Цин, так и британцев. Царь также рекомендовал военному министру А.Н. Куропаткину отправить военных инструкторов и снаряжение в Лхасу[955].

Существенно, что спустя три месяца во время встречи английского политического резидента в Сиккиме с цинским амбанем в местечке Ятунг на тибетской границе последний предупредил собеседника, что, если правительство Индии будет и далее настаивать на подписании пограничной конвенции без участия Лхасы, то этот шаг заставит Далай-ламу обратиться за поддержкой к России. Ряд высокопоставленных лам подтвердили британскому представителю эту озабоченность цинского чиновника, что косвенно говорит в пользу не только религиозной, но и политической подоплеки визита Доржиева в Петербург[956].

Вместе с тем активизация его усилий на российском направлении вовсе не означала, что ученый бурят выступал агентом влияния, получая вознаграждение через военное ведомство, хотя некоторые хорошо осведомленные авторы упоминали об участии Доржиева как переводчика в последней экспедиции Пржевальского к границам Тибета в 1884 году[957]. «Я не думаю, что он больший интриган, чем казался бы любой азиат при первой встрече, — сообщал в государственный департамент американский посланник в Китае У. Рокхилл, делясь своими впечатлениями от беседы с Доржиевым, правда, спустя почти десятилетие после описываемых событий[958]. С другой стороны, турне Доржиева по Франции, Англии и Италии в 1899–1900 гг. также как его встреча с видным французским политиком Ж. Клемансо позволяют прийти к заключению, что профессор метафизической философии настойчиво искал надежного европейского союзника для Тибета помимо России.

Вторая встреча Доржиева с царем состоялась в середине октября 1900 г. Во время пребывания в Ялте эмиссар Далай-ламы убеждал самодержца, что тибетцы с нетерпением ожидают прихода земного защитника, который выступил бы мечом Господа для спасения их от врагов. Доржиев назвал Николая II Посланником Неба и 169-й реинкарнацией Будды, что соответствовало намерениям царя стать «Властелином Тихого океана»[959]. Следует обратить внимание, что повторная поездка Доржиева в Россию совпала по времени с апогеем военных неудач британцев в ходе войны против буров. На этот раз визит носил, можно сказать, официальный характер, поскольку по распоряжению Николая II с Доржиевым встретился глава внешнеполитического ведомства В.Н. Ламздорф, а в газете *Журналь де Санкт-Петербург* было опубликовано сообщение об аудиенции, данной императором 19 октября 1900 г. посланнику Далай-ламы в Ливадийском дворце[960].

Тем временем несколько экспедиций с разведывательными целями под руководством Цыбикова, Черемпила и Нарзунова, бурят и калмыков на службе военного министерства, переодетых в костюмы буддийских паломников, отправились изучать пути, ведущие в Лхасу, не забывая проверить сведения о золотых приисках в окрестностях столицы Тибета. Примечательно, что еще 18 апреля 1899 г. министр по делам Индии лорд Гамильтон секретным меморандумом уведомил вице-короля Керзона о том, что русские могут опередить частную компанию некоего влиятельного пробритански настроенного предпринимателя (барона Ротшильда?), если золотые месторождения, расположенные между Трокъялангом и Шигацзе попадут под их контроль[961].

По информации, полученной Сарат Чандра Дасом и другими пандитами, курировавшими тибетское направление в разведывательной службе правительства Индии, вернувшись из России, Доржиев вручил Далай-ламе целый свиток с упоминанием благих поступков, которые якобы совершил российский император. Это должно было убедить духовного лидера Тибета в без-

упречности Николая II как основного кандидата на роль спасителя Страны снегов. Далее Доржиев указал на множество преимуществ, которые получат буддисты после установления дружественных отношений с таким великим государем, и предложил своему патрону организовать его визит в Санкт-Петербург с целью обращения в буддизм российского самодержца. Наконец, ученый бурят поведал Далай-ламе древнюю легенду о мистической стране Шангри-ла и о могущественном буддийском принце, который должен появиться в государстве, лежащим «где-то к северу от Кашмира», и который призван объединить весь мир под своим скипетром. Молодой и благородный царь, добавил Доржиев, может рассматриваться как реинкарнация принца, только притворяющегося христианином в целях временной необходимости[962].

Под влиянием продолжительных бесед с Доржиевым и опасений британских интриг на подступах к Тибету Тубтен Гьяцо повелел собрать ассамблею высшего буддийского духовенства и наиболее влиятельных мирян для обсуждения вопроса об отправке третьей тибетской миссии в столицу Российской империи под началом вездесущего Доржиева, чье влияние на правителя Тибета в тот момент явно превосходило воздействие на Далай-ламу XIII британофильских или прокитайских группировок среди властной элиты Страны снегов.

Таким образом, членам очередной миссии были предоставлены самые широкие полномочия. 6 июля 1901 г. Николай II торжественно приветствовал тибетское посольство в Петергофском дворце. Спустя пять лет С. Спринг-Райс, замещавший посла в качестве временного поверенного в момент визита Доржиева, прокомментировал это событие следующим образом:

> «Реальным мотивом выступает мысль, которую он (царь. — *Е.С.*) зафиксировал в своей голове, что, если он примет или будет облечен правом действовать как временный протектор главного центра буддийской веры, он станет моральным лидером всего азиатского континента»[963].

Чтобы еще больше подогреть амбиции самодержца, посланец Далай-ламы преподнес ему проект секретного русско-тибетского договора о союзе, текст которого, по свидетельству очевидцев, был выгравирован на специальном золотом блюде. Однако большинство членов Особого совещания, созванного в Петербурге для обсуждения статей договора, отвергли его как преждевременный и рискованный, хотя и выгодный для России в качестве инструмента сдерживания агрессивных поползновений англичан в Восточной Азии[964].

Скептицизм относительно практической ценности русско-тибетского договора не повлиял на личные симпатии царя к «чаяниям народов Тибета» и его уверения Доржиеву о твердой приверженности обещанию поддержать Далай-ламу в любое время, не взирая на британские протесты. Тибетский посол получил щедрые подарки самодержца — полное облачение архиерея

Русской православной церкви. Перед отъездом Доржиеву вручили также специальное послание от императора и министра иностранных дел Ламздорфа для передачи лидеру Тибета с подтверждением самых дружественных чувств России к его стране. Пока российская, а за ней и европейская пресса оживленно комментировала этот визит, два каравана, состоявших из 200 и 300 верблюдов, нагруженных слитками серебра, богатыми подарками и военным снаряжением, отправились в путь от российско-монгольской границы по направлению к Лхасе[965].

Параллельно с дипломатической активностью Доржиева, другой видный участник *Большой Игры*, в прошлом один из ближайших соратников и друзей покойного Пржевальского, неутомимый исследователь «затерянных миров» Восточной Азии П.К. Козлов возглавил экспедицию с целью достичь столицы Тибета. Зимой 1899–1900 гг. он в сопровождении трех младших офицеров и четырнадцати казаков прошел по маршруту от российско-монгольской границы до пределов Страны снегов. Сотрудники Разведывательного отдела при военном ведомстве Индии, внимательно наблюдавшие за всеми русскими экспедициями, которые направлялись в Центральную и Восточную Азию, сообщали руководству: «Не удовлетворившись планами захвата порта в Персидском заливе, Россия намерена опередить нас в Тибете. Цель поручика Козлова — Лхаса, по специальному распоряжению императора (Николая II. — *Е.С.*)»[966].

Хотя попытка исследователя добраться до пункта назначения закончилась неудачей из-за отказа тибетских властей в Чамдо, небольшом городке, лежащем примерно в 480 км северо-восточнее Лхасы, разрешить дальнейшее продвижение экспедиции к цели, ему удалось собрать важные сведения о политической ситуации, географических особенностях и этно-конфессиональных противоречиях в этой части Тибета, населенной племенами тангутов[967]. Согласно информации, представленной Козловым в итоговом отчете, Тибетское нагорье можно было разделить на три относительно самостоятельных региона: Центральный, Восточный и Северный. Если первый из них управлялся самим Далай-ламой, то два других контролировались непосредственно цинскими властями. С точки зрения Козлова, население Тибета разочаровалось в маньчжурской династии после сокрушительного поражения Китая от Японии в 1895 г. Окончательно пекинское правительство уронило свой авторитет среди тибетцев в результате разгрома великими державами восстания ихэтуаней (боксеров) и вступления их экспедиционных сил в столицу Поднебесной империи. Однако Тибет не обладал достаточным военным потенциалом, чтобы сбросить иго Цинов, и поэтому искал могущественного покровителя, который оказал бы содействие в получении независимости. Великий Белый Царь занимал первое место в списке возможных протекторов Тибета, потому что он не запрещал своим подданным — бурятам и калмыкам — исповедовать буддизм на территории Российской империи[968].

Данные, собранные Козловым, получившим в награду следующее воинское звание после возвращения на Родину, составили основу нескольких

аналитических записок офицеров Генерального штаба, которые на протяжении 1901–1903 гг. выступали за оказание тайной военной помощи Тибету с целью отделения его от Цинской империи и установления над ним протектората России[969].

Не приходится удивляться поэтому, что британский истеблишмент отнюдь не горел желанием увидеть казаков, патрулирующих улицы Лхасы, как обещал Доржиев Далай-ламе и его окружению в 1902 г. Представляется вполне вероятным, что большинство английских политиков, прежде всего лорд Керзон, были убеждены в том, что пока Цинская империя сохраняет свою территориальную целостность, особенно в приграничных регионах с Россией, последняя не представляет прямой угрозы для северо-восточных рубежей Британской Индии. Но если господство маньчжурской династии пошатнется, как это произошло во время тайпинского восстания или войны против Японии, а уж тем более если ему придет конец, то Тибет неизбежно окажется в руках России, что усилит англо-русскую конфронтацию в Азии[970]. Помимо этого, многие политики, включая Керзона, подозревали царя в стремлении использовать традиционную ксенофобию китайцев в отношении представителей европейских держав к выгоде русских[971].

11 июня 1901 г. Керзон направил Гамильтону меморандум о замыслах России в Тибете. По мнению вице-короля, Британия не обладала достаточными силами и средствами, чтобы воспрепятствовать переходу Монголии или Синьцзяна под контроль России, однако Кабинет был обязан не допустить установления российского протектората над Тибетом, что представляло бы «явную угрозу» и «источник опасений» для Индийской империи. «Если русские достигнут границ Непала, — утверждал автор меморандума, — эта страна превратится во второй Афганистан вместо того, чтобы служить буфером между нами и Россией»[972]. Осуждая позицию сторонников политики «искусного сдерживания» в Азии, Керзон с возмущением писал в министерство по делам Индии:

> «Молчаливое согласие с целями России в Тегеране или Мешхеде не спасет Сеистан. Молчаливое согласие в Сеистане не отвратит ее взор от залива. Молчаливое согласие в заливе не предотвратит интриг и осложнений в Белуджистане. Молчаливое согласие в Герате и Афганском Туркестане не спасут Кашгарию. Молчаливое согласие в Кашгарии не отведет глаз России от Тибета. Каждый новый кусок только разжигает ее аппетит для господства во всей Азии. Если Россия призвана удовлетворить эти амбиции, то еще больше прав имеет Британия; она просто вынуждена защищать то, что она завоевала, и давать отпор посягательствам, являющимся всего лишь частью более обширного плана»[973].

Вице-король ратовал за обновление концепции активной обороны Индии с учетом тибетского направления, которое приобрело актуальность в конце

1890-х гг. «Тибет, я полагаю, в реальности более склонен искать защиты у нас, чем у России, — писал Керзон в частном послании Гамильтону, — и я лелею тайную надежду, что связь, которую я пытаюсь установить с Далай-ламой может открыть хоть какие-то отношения между нами»[974]. Как справедливо заметил один современный индийский историк, «Керзон не только передвигал фигуры в Большой Игре на традиционных площадках Персии и Афганистана, но также впервые вовлек Тибет в ее (Игры. — *Е.С.*) сферу»[975].

Однако все попытки вице-короля Индии вступить в переписку с Далай-ламой, сначала через амбаня, а затем путем отправки курьеров непосредственно к правителю Страны снегов на протяжении 1899–1901 гг. окончились неудачей. Примечательно, что еще в марте 1899 г. Керзон уведомил Гамильтона о препятствиях на пути установления прямых сношений между Калькуттой и Лхасой:

> «Похоже, что мы (индийское правительство. — *Е.С.*) двигаемся по замкнутому кругу. Если мы обращаемся в Тибет, мы либо не получаем ответа, либо нас переадресовывают к китайскому представителю. Когда же мы апеллируем к последнему, он объясняет свою пассивность невозможностью оказывать какое-либо давление на Тибет»[976].

«Почти что королевские почести», которых А. Доржиев, этот представитель, используя выражение Керзона, «хунты тибетских священнослужителей», был удостоен в Петербурге, произвели на вице-короля сильное впечатление. Тем более, что информация, которую он получал о визитах Доржиева в Россию, далеко не всегда отражала истинное положение дел. Тревога Керзона и британских правящих кругов относительно видов России на Тибет значительно возросла после того, как царские дипломаты предъявили пекинскому правительству ультимативное требование подписать отдельную русско-цинскую конвенцию по Тибету в обмен на вывод царских войск из Маньчжурии, оккупированную ими в ходе подавления движения ихэтуаней. К этому добавилась информация, полученная в январе–феврале 1902 г. британским политическим резидентом в Катманду от премьер-министра Непала, о предложении, сделанном ему Далай-ламой оказать совместное вооруженное сопротивление англичанам в случае попытки силой «открыть» Страну снегов. Еще больше насторожили Калькутту и Лондон сведения о контактах между губернатором китайской провинции Сычуань и правителями Бутана и Ладакха с целью формирования анти-британской коалиции с участием Тибета при поддержке и поощрении со стороны России. Согласно будто бы разработанному плану, предполагалось заманить англо-индийские экспедиционные силы в высокогорные ущелья Гималаев, где туземные воины, обученные русскими инструкторами, должны были уничтожить агрессоров с помощью горных лавин, инициированных направленными взрывами, подготовленными царскими военными инженерами[977].

С начала 1900-х гг. в англоязычной прессе Индии и Китая циркулировали панические слухи о зловещих намерениях России в Тибете. Сообщалось, например, о трех инструкторах, которые якобы прибыли в Лхасу, чтобы обучить солдат формировавшейся тибетской армии пользоваться пулеметами. Говорилось также о том, что губернаторы юго-западных провинций Китая были якобы подкуплены российскими агентами, чтобы не препятствовать транспортировке в Тибет оружия и боеприпасов из России[978]. В апреле 1902 г. телеграфное агентство Рейтер передало информацию о том, что посланник в Китае П.М. Лессар обратился к пекинскому правительству с предложением о предоставлении независимости Тибету, которое правительство Индии расценило как первый шаг на пути превращения высокогорной страны в российский протекторат[979].

Донесение посланника в Пекине, опытного ориенталиста сэра Эрнеста Сэтоу, поступившее в Форин офис 2 августа 1902 г., серьезно поколебало традиционное скептическое отношение Бальфура и Лэнсдауна к публикациям в прессе. Комментируя текст русско-китайской конвенции по Тибету, якобы согласованной сторонами и опубликованной в *Чайна Таймс, Тяньцзин Дэйли Ньюс* и некоторых японских газетах в конце июля 1902 г., Сэтоу отнюдь не исключал вероятности того, что документ действительно готов к подписанию. По версии газет конвенция состояла из двенадцати статей, согласно которым Китай уступал России свой сюзеренитет над Тибетом в обмен на содействие Пекину в переговорах с Британией, Германией и Японией по политическим и торговым вопросам. Далее, по этому документу дипломатические и военные представители России приобретали право аккредитации в Лхасе для контроля за внешними сношениями и, что было еще важнее, для надзора за разработкой минеральных ресурсов Тибета (читай, месторождений золота!)[980].

Как говорилось ранее, активность русских в Стране снегов, действительная или вымышленная, стала решающим аргументом для лорда Керзона в его масштабных планах реконструкции обороны Индостана. «Россия заключила определенное соглашение с правительством Тибета, которое ныне будет иметь результатом прибытие российского посла в Лхасу, а спустя немного времени установление российского протектората, — возмущенно писал вице-король в середине 1902 г. — Это абсолютно неспровоцированный и совершенно недопустимый вызов нашей власти и позициям, должен встретить, по моему мнению, скорейший и самый решительный отпор. Если мы ничего не сделаем сейчас, когда все карты пока еще у нас на руках, то заслужим худшее, что может с нами случиться»[981].

Испытывая нежелание пускаться в дальнейшие авантюры после окончания войны против буров и памятуя о необходимости неизбежных дополнительных затрат, лондонский Кабинет колебался между «твердым» и «мягким» курсом в отношении Тибета. В первом случае многие представители властной элиты испытывали опасения создать прецедент для силового решения проблемы, которым впоследствии могли воспользоваться русские в

Афганистане и Персии. Кроме того, любая военная акция, по мнению членов влиятельной Китайской ассоциации, была способна ускорить дезинтеграцию Цинской империи, что нарушало планы торгово-промышленных кругов по превращению долины Янцзы во «вторую Индию» с точки зрения размеров извлекаемой там прибыли[982]. Неслучайно поэтому весной — летом 1903 г. английская дипломатия неоднократно зондировала в Петербурге мнение царского правительства относительно условий соглашения по Тибету. Представляется верным утверждение, что Кабинет и особенно Комитет имперской обороны, о предыстории создания которого говорилось выше, интенсивно дебатировали проект сделки с Россией. В обмен на отказ от сближения с Лхасой, англичане предлагали русским расширить сферу сотрудничества по Афганистану, к примеру, открыв рынок этой страны для торговых операций с Русским Туркестаном[983].

Хотя министр Ламздорф и его подчиненные старались рассеять страхи Лондона и Калькутты по поводу грозящего Тибету перехода под скипетр династии Романовых[984], петербургское правительство отвергало предлагаемый компромисс под влиянием жесткой позиции, занятой Николаем II и военной кликой при дворе, члены которой, ожидая скорого распада Цинской империи, намеревались «застолбить» за Россией наиболее важные территории: Маньчжурию, Монголию, Корею, Кашгарию и, конечно, Тибет. Упорное нежелание российской стороны вести предметный диалог вынуждало лондонский Кабинет к принятию точки зрения лорда Керзона, который убеждал его членов в том, что русские агенты, вроде Доржиева, уже готовы разрушить систему договорных отношений Британской Индии с буферными государствами в Гималаях, а петербургское правительство тайно согласовало конвенцию о передаче цинскими властями Страны снегов под протекторат России. «История с русско-китайским соглашением по Тибету, — сообщил Лэнсдаун министрам 1 октября 1902 г., — подтверждается многими свидетельствами»[985]. Масла в огонь, как уже говорилось выше, добавили маневры царских дипломатов и военных вокруг требований пекинского правительства о выводе русских войск из Маньчжурии. Речь в частности шла о попытке командующего вооруженными силами России на Дальнем Востоке адмирала Е.И. Алексеева еще 27 октября 1900 г. заключить сепаратный договор с генерал-губернатором Мукденской провинции Цзен Ци о ее фактически бессрочной оккупации. Повторение маньчжурского сценария в Тибете явно не входило в планы лондонского Кабинета и правительства Индии[986].

Чтобы исключить даже намек на российско-тибетское сближение, Керзон предложил направить «дипломатическую миссию» ко двору Далай-ламы с «достаточным эскортом, обеспечивающим безопасность». Ее официальная цель состояла в проведении консультаций с тибетской стороной относительно заключения «договора дружбы и торговли», хотя истинное намерение вице-короля состояло в создании противовеса нараставшему влиянию России в Тибете[987]. Меморандум Керзона от 18 января 1903 г. с развер-

нутой аргументацией и кампания в защиту имперских интересов, поднятая британской прессой, которая публиковала свидетельства об эскадронах казаков и караванах с оружием, прибывавших в Лхасу, о колоссальных финансовых субсидиях, выделенных царем Далай-ламе, а также о подготовке к сооружению железной дороги от российской границы в направление Тибета, убедили Кабинет дать санкцию на отправку посольской миссии к правителю Страны снегов[988].

Но, верный известному принципу — «не класть все яйца в одну корзину», Сент-Джеймский Кабинет все же не прекращал усилий добиться от России компромиссного решения проблемы. Об этом свидетельствует точка зрения правительства относительно попытки «определить тот *модус вивенди*, который можно достичь, чтобы ослабить постоянные трения между британцами и русскими в Азии[989]. Разъясняя российскому послу в Лондоне А.К. Бенкендорфу отношение Великобритании к государству Далай-ламы, Лэнсдаун заявил:

> «Поскольку мы (британцы. — *Е.С.*) гораздо больше заинтересованы в Тибете, чем Россия, если она проявляет активность, мы обязаны принять еще более масштабные ответные меры. Мы просто пытаемся заставить тибетцев выполнять соглашение 1890 г., поскольку бесполезно стараться это сделать через Китай»[990].

В очередном ежегодном бюджетном послании правительства Индии Керзон решительно отстаивал свой план принуждения Далай-ламы к достижению согласия с Британией на условиях, сформулированных вице-королем. В прессе журналисты каламбурили, что он горел желанием покончить с предыдущей политикой «терпеливого ожидания (patient waiting)» в пользу наступательного курса «нетерпеливой спешки (impatient hurry)». «Индия подобна крепости с протяженными рвами в виде морей по обе стороны и горами в качестве стен на остальной территории», — образно высказался Керзон в одной из депеш Гамильтону. «Но за этими стенами простирается передний край с различной шириной и другими измерениями. Мы не хотим оккупировать его, но мы не можем допустить, чтобы он был захвачен нашими врагами»[991].

Вице-король нашел горячего сторонника своей концепции обороны Индии в лице Ф. Янгхазбенда, вдохновленного перспективой возглавить миссию в Тибет. «Это действительно великолепное предприятие, в котором я принимаю участие, — сообщал он 21 мая 1903 г. в письме к отцу. — Именно подписание или попытка подписания русскими секретного договора с Тибетом и привели события к нынешнему состоянию, хотя их посол в Лондоне (Бенкендорф. — *Е.С.*) клялся лорду Лэнсдауну, что это самое последнее дело, о котором мечтает его правительство. Но из Индии, Пекина, Парижа и Санкт-Петербурга поступают одинаковые донесения, поэтому, очевидно, по крайней мере, что русскими была предпринята попытка заполучить Тибет; и поэтому меня посылают, чтобы опередить их и установить наши отноше-

ния с Тибетом на такое основание, какое позволит нам не допустить никакую державу приобрести там доминирующее влияние»[992]. В меморандуме от 26 октября того же года Янгхазбенд уже на официальном уровне мотивировал поход англичан на Лхасу высокомерным пренебрежением британских запросов со стороны тибетских лам, агрессивностью царских генералов и слабостью местных цинских властей, то есть набором аргументов, типичным для регионального кризиса в период *Большой Игры*:

> «Сталкиваясь с растущим влиянием России, с направлением Далай-ламой собственноручных посланий царю при одновременном отказе принять письма вице-короля и его представителей, мы не можем допустить, чтобы наше влияние уменьшалось, и мы вынуждены в силу естественной необходимости принять меры к убеждению, что оно (влияние. — *Е.С.*) не только равно, но и превосходит влияние русских»[993].

Хотя в апреле 1903 г. первая попытка Янгхазбенда как главного уполномоченного по пограничным вопросам провести переговоры с представителями Далай-ламы в местечке Хамба Йонг уже на территории Тибета потерпела фиаско, его вторая миссия в сопровождении вооруженного отряда англо-индийской армии численностью 1200 чел., основу которого составляли гурки и сикхи под командованием бригадного генерала Джеймса Макдональда, пробилась с боями в столицу Страны снегов, несмотря на тяжелые климатические условия осенне-зимнего перехода через Гималаи. Начавшись в ноябре 1903 г., этот поход, подробно описанный в мемуарах участников и проанализированный в монографиях историков, успешно завершился к середине августа следующего года[994]. Остается лишь заметить, что Янгхазбенду и членам его посольства не удалось отыскать в столице крупных партий вооружения и амуниции из России, за исключением тридцати ружей с русским клеймом. «Завод по производству винтовок», о котором ранее сообщала британская разведка, оказался в реальности мастерской под управлением двух мусульманам — выходцев из Британской Индии. Аналогичным образом, члены миссии не смогли обнаружить даже следов горных пушек и пулеметов в Лхасе и других укрепленных пунктах по маршруту своего продвижения[995].

Хотя Янгхазбенду был показан проект русско-китайского договора о совместной защите Тибета, этот документ составили, как затем выяснилось, еще в начале 1890-х гг. Кроме того, он никогда не был официально одобрен ни Петербургом, ни Пекином. Таким образом, миссия потерпела фиаско в сборе доказательств и предъявлении артефактов масштабного присутствия русских в Тибете. «Ни одного следа «квалифицированных механиков» или военных советников из азиатской России, о которых так часто сообщалось в донесениях, не было обнаружено», — подчеркивает автор исследования, посвященного тибетской экспедиции начала XX в. Более того, как Далай-лама, так и почти все его приближенные, включая Доржиева, покинули Лхасу перед вступлением в город англичан[996].

На первый взгляд, поход Янгхазбенда следовало рассматривать как триумф «форвардистской» концепции британской политики в Азии, особенно, если сопоставить его с серией военных поражений на суше и на море, которые терпели царские войска в борьбе против Японии на протяжении 1904–1905 гг. (подробнее об этом будет рассказано в следующей главе). В реальности миссия Янгхазбенда сумела достичь двух главных целей, сформулированных лордом Керзоном в меморандуме от 25 июня 1904 г., а именно: установить официальные отношения между правительством Индии (а значит и Великобритании) и Тибетом и расстроить планы петербургского Кабинета, предусматривавшие постепенное втягивание Страны снегов в орбиту российского влияния. «Мы хотим быть уверенными, что Тибет будет соблюдать новый договор после его подписания, что он не будет заигрывать с Россией, и что как только мы «отвернемся», положение дел, ради исправления которого мы пошли на такие жертвы, не вернется сразу же к прежнему состоянию», — констатировал Керзон в том же меморандуме[997].

Действительно, англо-тибетская конвенция, которая была подписана в Лхасе 7 сентября 1904 г. под прямым давлением Янгхазбенда и благодаря щедрым денежным субсидиям, символизировала преобладание Британии в Тибете. Согласно статье IX, никакая часть его территории не могла быть уступлена, продана, сдана в аренду или дарована иной иностранной державе. Кроме того, политический представитель вице-короля получал аккредитацию в тибетской столице, а правительство Далай-ламы обязывалось уплатить англичанам колоссальную сумму контрибуции, составившую 500 тыс. фунтов стерлингов (5 млн. руб.). В качестве гарантии выполнения тибетцами этих условий англо-индийские войска оккупировали долину реки Чумби, через которую пролегала дорога из Индии в Лхасу. Справедливости ради, необходимо сказать, что конвенция явилась первым актом международного права, подписанным Тибетом с европейской державой без участия империи Цин[998].

Однако это была Пиррова победа англичан. Прежде всего, общественное мнение метрополии отнюдь не единодушно поддержало тибетский поход: мнения в парламенте и прессе варьировали от прямого осуждения до завуалированного недоумения[999]. Либералы жестко критиковали Кабинет и особенно вице-короля за эту «авантюру», потребовавшую дополнительных бюджетных ассигнований во время русско-японской войны, да к тому же перед лицом растущей германской угрозы в Европе. Ряд членов правительства Индии, в основном личные недоброжелатели Керзона, осуждали Янгхазбенда за превышение полномочий. Так Китченер предсказывал нежелательный эффект, который это военное предприятие окажет на осуществляемые им реформы англо-индийской армии из-за нехватки средств[1000]. В то же время, почти все заинтересованные державы, например, США, выражали свою озабоченность действиями британской миссии в Стране снегов. Уже упоминавшийся У. Рокхилл, сам тибетолог и ближайший советник по азиатским проблемам государственного секретаря Джона Хэя, высказал свое отрицательное мнение английскому посланнику Сэтоу:

> «Миссия в Тибет была самым неудачным шагом, который неизбежно приведет к падению престижа, контроля и суверенитета Китая над тем, что мы все считаем неотъемлемой частью Цинской империи, и может быть позднее использована некоторой другой державой как законный прецедент для территориальных приобретений в Китае. Далее, мы (американцы. — *Е.С.*) все-таки считаем мотивы этой «войны с Тибетом» совершенно неубедительными, торговые интересы незначительными и опасность со стороны России, по крайней мере, в этом регионе, слишком малой, чтобы оправдать средства, потраченные правительством Индии»[1001].

По сути дела, экспедиция Янгхазбенда и англо-тибетская конвенция 1904 г. открыли заключительный этап кризиса и распада Цинской империи, завершившийся Синьхайской революцией 1911–1912 гг., поскольку обширный регион оказался выведен из-под ее контроля пекинского правительства. В то же время бегство Далай-ламы и его двора из Лхасы в Ургу — столицу Внешней Монголии — создало вакуум власти в самом Тибете, что могло вызвать внутриполитические осложнения не только в Стране снегов, но и в других регионах с населением, исповедовавшим буддизм. Планы Керзона о замене пророссийского Далай-ламы на прагматичного Панчен-ламу, второго лица в религиозной иерархии, в качестве верховного правителя Тибета были расценены лондонским Кабинетом и членами правительства Индии как утопичные. Например, Дж. Бродрик, в то время глава военного ведомства, писал лорду Амтхиллу, исполнявшему обязанности генерал-губернатора Индии во время отсутствия там вице-короля: «Различие между нами и Керзоном состоит в том, что, как мы полагаем, сражение лучше вести в Лондоне, чем в Лхасе»[1002].

Неудивительно, что российское общественное мнение, безусловно, с подачи правительственных кругов обрушилось с яростной критикой на политику англичан в Тибете. Пресса Петербурга и Москвы внимательно следила за ходом экспедиции Янгхазбенда, описывая неделя за неделей все перипетии похода. Летом 1903 г., еще до его начала *Новое Время* представило российскую точку зрения на это событие:

> «Итак, англичане решили подчинить своему влиянию Тибет. Им уже мало Индии и поэтому они хотят раздвинуть ее границы к северу. Надеясь в будущем овладеть долиной Янцзы, англичане заблаговременно заботятся об обеспечении своих прав на страну, в которой находятся истоки этого китайского «Нила»[1003].

Поход на Лхасу 1903–1904 гг. не мог не усилить англофобию в России, начало новой волны которой положило подписание в январе 1902 г. англо-японского союзного договора и те симпатии к Токио, которые не скрывали в Лондоне в ходе русско-японской войны, несмотря на официально объявленный нейтралитет Британии. На основании сведений, полученных из ди-

пломатических источников, в частности от генерального консула в Бомбее Клемма, Ламздорф информировал Куропаткина о военных приготовлениях Китченера на северо-западной границе и тайной поддержке, которую англичане оказывали японцам на протяжении боевых действий[1004]. Большинство русских аналитиков писали о том, что Британия стремится восстановить свой престиж, несколько подорванный в результате тяжелой войны против буров, «маленькой победоносной кампанией» в Тибете[1005].

Хотя 7 ноября 1903 г. Бенкендорф проинформировал Лэнсдауна о стремлении царя «убрать все источники недоразумений между двумя правительствами» и высказал надежду на «перемену к лучшему» в русско-британских отношениях[1006], поступившие в Петербург сведения об англо-индийской военно-дипломатической миссии, продвигавшейся к Лхасе, вызвали возмущение Николая II и его министров. Царское правительство немедленно отвергло зондаж короля Эдуарда VII относительно условий достижения компромисса между двумя империями по Афганистану и Тибету. 17 ноября 1903 г. Бенкендорф направил ноту протеста в Форин офис в связи с экспедицией Янгхазбенда. Так, был упущен очередной шанс для начала полномасштабных переговоров Лондона и Петербурга по проблемам Азии.

Свой вклад в срыв англо-русского диалога внес все тот же Клемм, который посылал одну алармистскую депешу за другой в Азиатский департамент МИД, обвиняя правительство Индии и особенно Керзона в том, что они намерены учредить в Лхасе политическое агентство на постоянной основе, запугивая цинские власти утверждениями о присутствии российских военных инструкторов в Тибете, обучающих его защитников воздвигать фортификации и использовать современное вооружение против британцев.

Чтобы проверить эту информацию и оценить результаты военно-дипломатической миссии Янгхазбенда уже знакомый читателю капитан Козлов провел собственный анализ ситуации, отраженный в рапорте начальнику военно-статистического отдела Главного штаба: «Из изложенной записки можно видеть, что к намерению Англии открыть Тибет, казалось бы, следует присоединиться и нам, — подчеркивал Козлов, — но в то же время необходимо настоять, чтобы Россия в равной мере с Англией участвовала в установлении там своего дипломатического представительства и чтобы страна перестала быть запретной как для богомольцев России, так и для ее товаров». Любопытно, что в конце анализа Козлов предлагал не ограничиваться дипломатическими мерами, а послать в Тибет русский экспедиционный отряд по примеру Англии[1007].

Следует упомянуть, что еще в 1902 г. царское правительство приняло решение направить туда секретную разведывательную миссию под командой двух калмыков — подъесаула Нарана Уланова и ламы Дамбе Ульянова. Однако подготовка их поездки заняла два следующих года. О значении, которое придавали ей в Петербурге, свидетельствовала личная аудиенция, данная Николаем II Уланову и Ульянову перед отъездом в январе 1904 г. Эмис-

сары получили инструкции наблюдать за походом Янгхазбенда на Лхасу. Из источников явствует, что царь попросил их также «настраивать тибетцев против англичан». Чтобы достичь этой цели, Куропаткин отдал распоряжение военному ведомству выделить более 14 тыс. руб. на экспедицию. Кроме того, с целью подстраховки еще один секретный агент,Буда Раб-данов, переодетый в костюм паломника-буддиста, был направлен в город Дарцедо (кит.: Дацзяньлу) на севере Тибета для обеспечения связи между членами миссии и Доржиевым, пребывавшим вместе с Далай-ламой в Урге[1008]. О том, насколько успешно Рабданов выполнял свои функции, можно судить по информации, которую он передал Доржиеву для Далай-ламы в апреле 1904 г. В сообщении говорилось о подготовке русскими широко-масштабной военной кампании на северо-западе Индостана. Получив это известие, как ожидалось, глава Тибета должен был согласиться на перемещение своей постоянной резиденции в пределы России[1009].

Экспедиции потребовалось больше года, чтобы достигнуть Лхасы через Русский Туркестан и Кашгарию. Преждевременная кончина Уланова от неизвестной инфекционной болезни, вынудила Дамбе Ульянова взять на себя руководство миссией. Визитерам из России был оказан в Тибете теплый прием как блестящим знатокам буддизма. Они оставались в столице с конца мая до середины августа 1905 г., занимаясь сбором сведений о происках британцев в Восточной Азии. Ульянов был даже удостоен аудиенции у ламы Голдана Тивы-Рамбуче, исполнявшего обязанности верховного правителя в отсутствие духовного лидера. Во время аудиенции Ульянов получил заверения, что как буддийское духовенство, так и простые люди ненавидят британские оккупационные войска, дислоцированные в долине Чумби, и с нетерпением ожидают возвращения Далай-ламы в столицу. Эти сведения позднее легли в основу схемы организации его обратной поездки в сопровождении специального русского политического представителя, которую совместно разработали МИД и военное ведомство[1010].

Практически в то же время подполковник Л.Г. Корнилов, опытный офицер Генерального штаба, ставший главнокомандующим русской армии в июле 1917 г., был откомандирован в Индию для сбора информации о проведении Китченером военных реформ[1011]. По донесениям Клемма, Корнилову не удалось прибыть в Бомбей инкогнито, как изначально планировалось. Его опознали агенты британской разведки, поэтому он вынужден был официально представиться сэру Арчибальду Джентеру, генерал-лейтенанту Бомбейского президентства в феврале 1904 г. Как ни странно, Китченер не препятствовал намерениям Корнилова посетить основные укрепленные пункты на севере Индии, хотя багаж гостя, включая личные записи, фотоаппарат и бинокль, оказался похищенным злоумышленниками в Пешаваре, как раз за день до возвращения в Бомбей[1012].

Инцидент у Доггер-Банки в октябре 1904 г., который случился вскоре после подписания англо-тибетской конвенции, привел отношения России и Британии к самой низкой точке со времен русско-турецкой войны 1877–

1878 гг. и конфликта вокруг Пенде в 1885 г. 31 октября вице-консул в Бомбее Некрасов телеграфировал в Петербург об инструкциях, которые Керзон будто бы дал Китченеру относительно выдвижения армейских частей в направлении Кабула и Кандагара с началом военных действий между двумя державами[1013]. При сложившихся обстоятельствах царское правительство решило направить еще одну секретную миссию, на этот раз в Ургу, чтобы выяснить планы Далай-ламы относительно возвращения в Тибет. Куропаткин приказал все тому же П.К. Козлову сопровождать буддийского первосвященника на пути в Лхасу, извлекая из бесед с ним сведения, представлявшие интерес для России. Попутно Козлову и его спутникам поручался сбор информации и оценка на ее основе общего положения дел в Монголии и Западном Китае, изменившегося под влиянием русско-японской войны[1014].

Прибыв в Ургу и получив аудиенцию у Далай-ламы в апреле 1905 г., Козлов докладывал в Главный штаб, что тибетский лидер ожидает признания независимости его страны европейскими державами при посредничестве России. Кроме того, Далай-лама сообщил русскому эмиссару, что его правительство в изгнании старается поддерживать спокойствие среди буддистов Монголии ради добрых отношений с русскими, поскольку царские войска, сражающиеся с японцами, нуждаются в сохранении «порядка и гармонии» у себя в тылу[1015]. Результатом миссии Козлова стала организация тайного отъезда Далай-ламы из Урги в декабре 1906 г. сначала в монастырь Кумбум в тибетской области Амдо, а затем в Лхасу. Но план царских стратегов оказался выполненным лишь наполовину, поскольку новый министр иностранных дел А.П. Извольский, занявший место Ламздорфа в мае 1906 г., посчитал рискованной аккредитацию российского политического представителя в Лхасе в видах негативной реакции на этот шаг со стороны Лондона и Пекина[1016].

В то же время, поддержанная европейскими державами, российская дипломатия выступила с резким протестом против оккупации Лхасы британцами и условий англо-тибетской конвенции 1904 г. Упреки в адрес Сент-Джеймского Кабинета совпали по времени с решением его членов не обострять далее отношений с Россией после урегулирования инцидента у Доггер-Банки. В этом взгляды Лондона и Калькутты далеко не совпадали, однако, справедливости ради, подчеркнем, что не вся информация, поступавшая на берега Темзы по различным каналам, доводилась до сведения правительства Индии, и наоборот, поэтому различия или нюансы во взглядах Уайтхолла и индийского правительства являлись неизбежными[1017].

«Мы должны дать ясно понять, — писал Бродрик Амтхиллу в октябре 1904 г., — что Янгхазбенд «продал» нас. Его экспедиция стала копированием действий России. Но ситуация действительно ухудшилась, когда Лэнсдаун решил, что здесь была затронута его честь...»[1018] Чтобы понизить градус критики в адрес тибетской авантюры, как ее расценили некоторые представители британской общественности, лондонский Кабинет отдал распоряжение Янгхазбенду и Макдональду, то есть дипломатическому и военному руководителям экспедиции, вывести войска из Лхасы только после того, как

будут пересмотрены слишком жесткие для Тибета условия конвенции[1019]. Однако данное условие выполнено не было, и 6 октября 1904 г. британская миссия в сопровождении войск покинула столицу Страны снегов. Согласно российским источникам уход англичан из Лхасы сопровождался «проклятьями тех тибетцев, чьи родственники были убиты или ранены в ходе столкновений с британцами», хотя Янгхазбенд свидетельствовал о том, что местное население демонстрировало искреннее дружелюбие во время проводов членов его посольства[1020].

Среди министров лондонского правительства Бальфур и Лэнсдаун сняли с себя всякую ответственность за действия Керзона и Янгхазбенда. Премьер с возмущением писал, что последний отказался выполнять распоряжения из Лондона и сделал невозможным для Кабинета «отвергнуть обвинения в повторении самых неприемлемых методов российской дипломатии». Более того, официальный Лондон признал Янгхазбенда виновным в нарушении субординации, когда он покинул Лхасу без внесения поправок в текст конвенции по требованию правительства[1021]. Вскоре и лорд Керзон был вынужден подать в отставку с поста вице-короля Индии, который он в нарушении традиции занимал на протяжении почти двух сроков с декабря 1898 по август 1905 г. Его преемник — лорд Минто стал проводить более взвешенную политику в русле концепции «искусного сдерживания», хотя генерал Китченер, личная ссора которого с Керзоном явилась непосредственным поводом для отставки последнего, продолжал реформу индийских вооруженных сил вплоть до 1909 г.

Новая англо-цинская конвенция от 27 апреля 1906 г. носила компромиссный характер в отношении Тибета. Документ утверждал сюзеренитет империи Цин над Страной снегов, предоставляя Британии там самые широкие коммерческие права. Уайтхолл значительно снизил сумму контрибуции, навязанную Янгхазбендом тибетскому правительству[1022]. Однако положение Тибета между тремя империями было далеко от стабильного и безопасного. Неудивительно, поэтому, что эта проблема нуждалась в дальнейшем урегулировании.

Подводя итоги тибетской эпопеи, отметим, что только при поверхностном взгляде Страну снегов можно было бы назвать второстепенной «площадкой» русско-британского «турнира теней». На самом деле роль Тибета в *Большой Игре* являлась не менее значимой, чем Персии, Афганистана или ханств Центральной Азии. При этом не стоит упускать из виду то обстоятельство, что развитие ситуации вокруг Тибета происходило в связи с положением дел на Дальнем Востоке — последнем из регионов геостратегического соперничества России и Великобритании в конце XIX – начале XX в.

Глава 6

Конец *Большой Игры*

Туркестан, Афганистан, Закаспийская область, Персия — для многих эти названия несут только смысл крайней отдаленности или воспоминание о странных превратностях и об отживающей романтике. Для меня, признаюсь, они фигуры на шахматной доске, на которой идет игра за господство над миром.

Дж. Керзон

Дальний Восток в *Большой Игре*

В течение короткого промежутка времени после второй опиумной войны и подавления восстания тайпинов многие британские и российские государственные деятели продолжали рассматривать Дальний Восток как значимый регион мировой политики. Однако с начала 1870-х гг. их внимание переключилось на решение других первостепенных проблем: подчинение Центральной Азии и колонизацию Восточной Сибири — для России, укрепление северо-западной границы Индии и распространение принципов фри-треда в Азии — для Великобритании[1023].

Что же касается Дальнего Востока, то Особое совещание, созванное в Петербурге 29 июля 1883 г., одобрило административную реорганизацию, нацеленную на развитие Амурского бассейна, усиление влияния России на ее тихоокеанских соседей — империя Цин, Японию и США, а также обеспечение прочного «тыла» империи в случае войны в Европе. В связи с этим учреждалось новое Приамурское генерал-губернаторство, объединившее три прежних области — Забайкальскую, Амурскую и Уссурийскую, плюс важные в стратегическом плане остров Сахалин и полуостров Камчатка[1024]. Принятые решения казались назревшими и необходимыми с учетом возможных попыток Пекина вернуть территории на Дальнем Востоке, потерянные в середине XIX в., тем более, что китайцы прилагали к этому все усилия в 1885–1886 гг., когда Россия и Британия вновь балансировали на грани войны из-за

событий на границах Афганистана, о которых шла речь в предыдущих главах[1025].

Источники свидетельствуют, что до японо-китайской войны 1894–1895 гг. вряд ли существовала какая-либо серьезная угроза позициям Великобритании на Дальнем Востоке. Правда, конфликт мог возникнуть из-за попытки царских дипломатов и военных добиться права на создание морской базы в порту Лазарева на Корейском полуострове в 1885 г., реагируя на просьбу о российском покровительстве со стороны *вана* (короля) Кореи, находившегося в вассальной зависимости от цинского императора. Как уже говорилось ранее, англичане ответили на это симметрично, оккупировав порт Гамильтон на островах Комундо, контролировавших вход в Корейский пролив[1026].

Не обладая достаточными ресурсами, чтобы одновременно воевать с афганскими войсками в Пенде и британской морской эскадрой на Тихом океане, при отсутствии коммуникаций, по которым можно было оперативно снабжать войска, Россия вынуждена была отказаться от занятия порта Лазарева и приступить к сооружению великой Транссибирской железнодорожной магистрали в начале 1890-х гг. Хотя некоторые публицисты считали этот проект очередной «никчемной бюрократической затеей» и «самым затратным предприятием в мирное время в современной истории»[1027], стратегические и экономические последствия его реализации трудно было переоценить. В конечном итоге дорога позволила российскому правительству связать воедино отдаленные тихоокеанские провинции, Сибирь и европейскую часть империи. Кроме того, ее правящие круги получили в свое распоряжение, используя современный язык, надежную логистическую структуру, чтобы осуществлять транспортировку живой силы и военного снаряжения в хинтерленд Евразии, недостижимый для британского флота — опоры глобального могущества Британской империи.

Осознавая значение коммуникаций, сооружаемых Россией в Туркестане и на Дальнем Востоке, британские военные эксперты посвятили немало времени анализу результатов реформ, проведенных министром Д.А. Милютиным[1028]. «Я почувствовал впервые за долгое время, — признавал лорд Гамильтон в личном письме Керзону 2 ноября 1899 г., — что мы должны, насколько это касается русских, признать изменение ситуации, вызванное расширением сети железных дорог, с точки зрения реального военного потенциала Британии и России». Существенен также довольно пессимистический вывод, к которому Гамильтон пришел в конце своего послания: «Я не верю, что мы сможем успешно бороться против России на суше, кроме как поблизости от наших границ в Индии»[1029].

Развитие событий на Балканах и в Восточном Средиземноморье, побуждало юнионистский Кабинет корректировать свою позицию относительно продвижения России на Дальний Восток. «При условии вовлеченности России в Маньчжурии, — подчеркивал генерал-майор Ардаг в июле 1900 г., — наши опасения касательно ее активности в Афганистане, Персии и Турции

уменьшатся, а шансы оказания какой-либо русской поддержки Франции также снизятся»[1030].

Но еще раньше, во второй половине 1880-х гг., как это явствует из доклада о российских территориях на Тихом океане, подготовленном предшественником Ардага на посту начальника военной разведки генерал-майором Брэкенбери 1 мая 1886 г., английские стратеги хорошо осознавали значение поиска союзника для сдерживания России в Восточной Азии аналогично тому, как они делали это на Ближнем Востоке. Если во втором случае стратегическим партнером выступала Османская империя, то в первом на эту роль первоначально могла претендовать только Цинская империя, несмотря на кризис, в который она погрузилась с середины XIX в. Поэтому многие эксперты в военном ведомстве и в Адмиралтействе были убеждены, что только совместной атакой британского флота и цинских сухопутных войск против Владивостока, Николаевска, Посьета, Хабаровска и Петропавловска-Камчатского — этих главных опорных пунктов России на Тихом океане — можно довести войну с ней до успешного завершения. Таким образом, получалось, что Британии следовало заручиться поддержкой империи Цин, пообещав ему, в свою очередь, содействовать возврату территорий, отторгнутых Россией в 1850-х – 1860-х гг. с учетом опыта дипломатического давления на Россию в 1881 г., когда империи Цин удалось вернуть область Или, оккупированную Россией на протяжении десяти лет. Согласно мнению Брэкенбери, заключив союз с Пекином, Сент-Джеймский Кабинет «убил бы сразу двух зайцев», обеспечив торговые интересы в северной части Тихого океана и одновременно взяв под контроль внешнюю политику империи Цин[1031]. Керзон, который разделял эти взгляды, также заявил в интервью *Таймс*, что задача Британии на Дальнем Востоке двойственная: она должна «переформатировать» Китай и одновременно создать тройственный альянс с ним и Японией, чтобы противостоять агрессии «коварных московитов»[1032].

Изучение документации российского Генерального штаба доказывает серьезность угрозы для владений России на Дальнем Востоке в случае возникновения такого союза. Общеизвестно, что британский флот превосходил по боевой мощи объединенные морские силы Франции и России и что поэтому Русский Медведь не имел шансов нанести поражение Британскому Льву (или в данном случае — Киту) на море[1033]. Кроме того, к 1890 г. маньчжурское командование в рамках политики «самоусиления» сосредоточило военно-морскую эскадру в северной части Тихого океана, избрав местом ее стоянки Порт-Артур. В результате Владивосток оказался весьма уязвим как для наступления сухопутных сил через Маньчжурию, так и для атаки с моря, например, из базы в Порт-Артуре. Следует помнить, что снабжение Приморского края продуктами питания и военным снаряжением осуществлялось главным образом по океанским маршрутам вплоть до открытия движения по Транссибу в 1903 г.[1034] Помимо этого, дополнительные силы из ближайших Иркутского и Омского военных округов были в состо-

нии прибыть на театр военных действий в районе Амура или Уссури только по прошествии пяти месяцев, за которые, согласно оценкам российских генштабистов, Китай сумел бы оккупировать Приамурскую и Уссурийскую области[1035].

Выходом из данного стратегического тупика для России явилось бы уничтожение британских морских сил на Тихом океане. В предыдущих главах уже описывались соответствующие планы царских стратегов высадить десанты в Гонконге и Сингапуре, чтобы изолировать эти морские базы от метрополии и перерезать линии коммуникации Великобритании с ее владениями в Восточной Азии. Симптоматично, что 10 мая 1888 г. во Владивостоке начала свою работу специальная комиссия по рассмотрению сценариев действий крейсеров на море против британского и цинского флотов. Через полгода ее члены под руководством капитана 1-го ранга С.О. Макарова — будущего вице-адмирала и командующего Тихоокеанской эскадрой в первые месяцы русско-японского конфликта, подготовили детальный план крейсерской войны на океанских просторах между Канадой и Австралией. Невзирая на значительный риск его осуществления, офицеры Морского Генерального штаба продолжали рассматривать возможность такого варианта борьбы на море вплоть до начала войны против Японии[1036].

Соперничество великих держав за преобладание в Корее явилось еще одним значимым фактором в региональных отношениях на пороге XX в. Ее выгодное географическое положение между Китаем и Японией наряду с богатыми минеральными ресурсами и колоссальными запасами древесины превратили полуостров в «яблоко раздора» между Россией, Британией, Китаем и Японией. Открытие Кореи японцами в 1876 г., а также посягательства русских и англичан на ее морские порты в середине 1880-х гг., о чем говорилось выше, знаменовали начало новой эры корейской истории.

После того как британцы эвакуировали свои морские силы с островов Комундо в феврале 1887 г., Особое совещание, созванное Александром III 8 мая 1888 г., приняло резолюцию, которая предусматривала блокирование попыток других государств «превратить Корею в орудие анти-российской политики»[1037]. С началом японо-цинской войны в июле 1894 г. новое Особое совещание признало нейтралитет Кореи, хотя и подтвердило ее вассалитет от Цинской империи *ante bellum*[1038].

Победа Японии в значительной степени изменила геополитический ландшафт Дальнего Востока, так как японо-китайский мирный договор 1895 г. положил конец даже номинальной вассальной зависимости Пхеньяна от Пекина[1039]. С этого времени Япония, а немного позднее и США стали государствами, вступившими в конкурентную борьбу с европейскими державами за господство в Восточной Азии. Если до этого Страна восходящего солнца рассматривалась в Европе как «военно-политический карлик», судя по впечатлениям, которые цесаревич Николай вынес из своего неофициального посещения Японских островов в 1891 г.[1040], то отныне она казалась вполне готовой вмешаться в *Большую Игру* Лондона и Петербурга.

Новые вызовы обусловили те противоречия в российской дальневосточной политике, о которых свидетельствуют документы эпохи. Если до японо-цинской войны большинство государственных деятелей, особенно дипломатов, заявляли, что желательно поддерживать баланс сил между Россией, Британией, Китаем и Японией, чтобы противостоять влиянию Лондона на Пекин[1041], то укрепление японских позиций в результате военной победы открыло три альтернативы для царского правительства на Тихом океане: прийти к соглашению со Страной восходящего солнца относительно разграничения сфер интересов в Маньчжурии и Корее, договориться с Англией и другими европейским державами об ограничении амбиций Токио или добиваться союза с империей Цин, чтобы втянуть его в орбиту русской политики и устранить угрозу с суши своим азиатским владениям[1042].

Начальник Главного штаба генерал-адъютант Н.Н. Обручев склонялся к первому варианту, который предусматривал оккупацию русскими войсками Северной Маньчжурии. С его точки зрения, России не следовало препятствовать переходу Кореи под контроль Японии. Под впечатлением быстрой победы японцев над гораздо более многочисленными цинскими армией и флотом Обручев провидчески указывал на огромные логистические трудности, с которыми столкнутся царские войска в случае войны против империи микадо[1043].

Генерал-адмирал великий князь Алексей Александрович при поддержке министра иностранных дел князя А.Б. Лобанова-Ростовского отстаивали второй сценарий. Они полагали, что противодействие России способно «толкнуть Токио в объятья Лондона». Чтобы избежать такого развития событий и изолировать японцев мирными средствами, правительству следовало организовать общий демарш европейских стран под предлогом чрезмерности требований Японии к Китаю. Князь Лобанов-Ростовский, со своей стороны, во всеподданнейшей записке от 6 апреля 1895 г. утверждал, что поскольку Англия привыкла делать ставку на Китай в своей антироссийской политике, то британцы и далее будут рассматривать Страну восходящего солнца как потенциального конкурента на Тихом океане, особенно после ожидавшегося распада Цинской империи. В то же время Япония как усиливающаяся морская держава вряд ли избежит столкновения с Британией, по крайней мере, на морях, омывающих берега Поднебесной. Поэтому министр выступал за продолжение диалога с лондонским Кабинетом относительно ситуации, сложившейся на Дальнем Востоке, используя опыт переговоров по Памиру[1044].

Однако после того как царская дипломатия не смогла привлечь английское правительство к демаршу России, Франции и Германии против Японии в апреле 1895 г., С.Ю. Витте вместе с военным министром П.С. Ванновским убедили царя принять третий вариант действий в регионе. Вдохновленный амбициозной перспективой создания некоего подобия «Русской Индии» на берегах Тихого океана, Николай II и некоторые советники из его ближайшего окружения, вроде князя Э.Э. Ухтомского, в конечном итоге пошли на со-

трудничество с дряхлой маньчжурской династией, пожертвовав нормальными отношениями с Токио[1045].

Записки и схемы, составленные офицерами Генерального штаба на основе донесений разведки, позволяют прийти к парадоксальному выводу о том, что большинство военных экспертов полагали необходимым превратить империю Цин в вынужденного союзника России, чтобы устранить опасность крупномасштабной сухопутной войны между двумя империями, если проанглийской группировке при пекинском дворе удастся взять верх[1046]. Так, сама логика *Большой Игры* в Синьцзяне и Тибете, о чем рассказывалось в предыдущих главах, побуждала царских стратегов вступить в борьбу за Корею и Маньчжурию. Характерно, что А. Мэхен, один из первых американских геополитиков, сопоставил продвижение России к берегам Тихого океана с попытками заполучить морской опорный пункт в Персидском заливе[1047]. С другой стороны, возраставшие аппетиты Японии в Корее, которые угрожали дальнейшим изменением регионального баланса сил, вносили дополнительную интригу в соперничество Петербурга и Лондона[1048].

Меморандум о ситуации на Дальнем Востоке, подготовленный полковником Генерального штаба В. Альфтаном, содержал утверждение о том, что только Корея смогла бы обеспечить Россию желаемым всепогодным морским портом на Тихом океане со всеми вытекающими преимуществами. «Наша дорога в Корею проходит через Маньчжурию, — подчеркивал эксперт. — Корея — цель, тогда как Маньчжурия остается лишь средством к достижению цели»[1049]. Другой военный аналитик князь Волконский призывал правительство установить над Кореей российский протекторат по примеру Бухары[1050]. А генерал-майор Н.М. Чичагов, временно исполнявший обязанности начальника штаба Приамурского военного округа, в своем докладе, датированном 1898 годом, называл Японию наиболее реальным кандидатом в союзники Великобритании, обращая внимание высшего руководства на принятую японским правительством программу ускоренной модернизации и перевооружения сил армии и флота, которая, по его мнению, должна была завершиться к 1903–1904 гг. Дальнейшие события подтвердили этот прогноз[1051].

Суммируя точки зрения российских политических и военных обозревателей на дальневосточный курс петербургского Кабинета, следует также иметь в виду нюансы в их подходах. Некоторые из них жестко критиковали цинские власти и призывали царское правительство все же пойти на соглашение с Японией, как до, так и особенно после войны 1894–1895 гг.[1052] Другие предсказывали возникновение паназиатской империи под эгидой России с Маньчжурией в роли индустриального сердца[1053]. Раздавались также голоса, которые запугивали обывателей так называемой «желтой угрозой». Это словосочетание, введенное в оборот публицистом И.С. Левитовым в серии памфлетов с разоблачением якобы зловещих признаков наступления азиатов на Европу[1054]. Наконец, ряд авторов предостерегали россиян против возникновения у дальневосточных границ империи марионеточного государственного образования под эгидой Японии наподобие действитель-

но созданного впоследствии Маньчжоу-Го, которое существовало под японским протекторатом с 1932 по 1945 г.[1055]

9 июня 1896 г. Московский протокол, подписанный русскими и цинскими дипломатами, предоставил России исключительные права на строительство железной дороги через Маньчжурию. В соответствие с его статьями, Пекин был обязан консультироваться с Петербургом по наиболее важным вопросам своей политики, а царское правительство учреждало Русско-Китайский банк для финансирования новых проектов и получало возможность направить военных инструкторов не только в Китай, но и Корею[1056]. Общеизвестно, однако, что различные точки зрения и межведомственная борьба группировок в высших эшелонах российской власти серьезно затрудняли проведение выверенного политического курса на дальневосточном направлении. Поэтому вскоре после заключения фактически антияпонского по своей направленности союза между Россией и Китаем, царская дипломатия в лице посла барона Р.Р. Розена пошла 25 апреля 1898 г. на подписание отдельного соглашения с Японией по Корее, противоречившего некоторым статьям Московского протокола[1057].

Если часть европейских интеллектуалов рассматривали продвижение России в северо-восточной Азии как упреждающий маневр в отношении Китая и Японии, британцы связывали его с политикой окружения Индии государствами, зависимыми от России и враждебными Англии, что грозило нарушением баланса сил, существовавшим в дальневосточном регионе с середины XIX в.[1058]

Однако среди политиков, общественных деятелей и журналистов имелись и другие точки зрения. Так, Керзон указывал главным образом на негативные геополитические последствия глубокого проникновения России в хинтерленд Поднебесной империи. Комментируя ситуацию в этой части Азии после завершения японо-цинской войны, он отмечал:

> «Именно Россия угрожает ее (Цинской империи. — *Е.С.*) границам в Восточном Туркестане и на Памире, Россия, которая постоянно под предлогом научного изучения покушается на Тибет, Россия, чья тень нависает над Кореей, Россия, которая строит великую Транссибирскую железную дорогу, способную позволить ей доставлять войска в любой пункт границы с Китаем, протяженностью 3 тыс. 500 км»[1059].

Керзон обращал внимание правительства на осложнения, которые возникнут для коммерческого судоходства и военно-морской деятельности в бассейне Янцзы, а также на Желтом море, если Россия будет в состоянии дислоцировать корабли своей Тихоокеанской эскадры в порту Лазарева или Фусане на Корейском полуострове. Характерно, что члены Китайской Ассоциации единодушно поддержали эту точку зрения[1060]. По словам отставного вице-адмирала Чарльза Бересфорда, одного из рупоров этой группы, ко-

торый совершил поездку по английским сеттльментам в Шанхае, Гонконге и других портовых городах Китая в 1897–1898 гг.:

> «Британские торговцы указали, что, если Россия открыто аннексирует Маньчжурию, Корея будет отрезана и попадет под ее (России. — *Е.С.*) полную власть; Монголия будет легко поглощена, а вместе с ней и обширные пространства для скотоводства, необходимые Китаю. Это позволит России контролировать орды иррегулярной кавалерии, которые до недавнего времени опустошали весь Китай, и также даст им (русским. — *Е.С.*) контроль над многими миллионами закаленного и выносливого населения, которое нужно только натренировать и дисциплинировать, чтобы использовать в качестве наилучших в мире солдат. Они (британские торговцы. — *Е.С.*) также подчеркнули, что, если Россия овладеет этими территориями, то ничто не сможет остановить ее продвижение с севера Китая к его центру, а из центра — к Индии, парализуя тем самым английскую торговлю и предпринимательство»[1061].

Хорошо знакомый читателю заведующий внешнеполитическим отделом газеты *Таймс* В. Чайрол также испытывал страх перед «русской лавиной» в Восточной Азии, сметающей на своем пути британские порядки при содействии местных народов. Он был глубоко убежден, что в случае выступления России в роли «патрона» Цинской империи, этот «больной человек» Дальнего Востока «окажется в коллапсе, а его наследство будет присвоено царизмом соответствующим образом»[1062].

Более широкую интерпретацию данной проблемы можно найти в эссе Альберта Бевериджа, американского журналиста, который высказал свои суждения о дальневосточной политике России на страницах памфлета, вышедшего из печати в 1903 г. Его метафорическое описание русского натиска, безусловно, заслуживает упоминания в связи с *Большой Игрой*:

> «Итак, русское наступление — это финансовое и коммерческое движение от Владивостока, напоминающего Гибралтар, на севере вдоль берегов Тихого океана вплоть до самой цитадели английского влияния на крайнем юге Китая. Это также и дипломатическое наступление через провинции Королевства цветов (Кореи. — *Е.С.*) все туда же на крайний юг. Это наступление торговыми судами и боевыми кораблями из Одессы в Порт-Артур (после его аренды Россией, о чем речь пойдет ниже. — *Е.С.*); русскими крестьянами, создающими хозяйства и постоянное жилье в бассейне Уссури, богатой плодородными землями, и даже в пределах Маньчжурии; городами и поселками в самом ее сердце, которую до настоящего времени все мудрейшие государственные деятели мира считали, хотя и не без опасений, исконно китайской территорией»[1063].

Вместе с проведением параллелей между интересами России и Германии в Восточной Азии, Беверидж упомянул об опасной ситуации, вызванной появлением немцев на берегах Тихого океана. Он призывал лондонский Кабинет учитывать германский фактор в геостратегических построениях, поскольку планы кайзера Вильгельма, подкрепленные значительным экономическим потенциалом, представлялись ему гораздо более далеко идущими, чем амбиции русского царя[1064]. В доказательство американский журналист приводил оккупацию немцами китайской бухты Цзяочжоу, создание на полуострове Шаньдун морской базы, а главное вытеснение британских товаров немецкими на азиатских рынках[1065].

Если Керзон и другие «форвардисты» настаивали на союзе сначала с Цинской империей, а позднее — с Японией, особенно после подписания договора о торговле и мореплавании между Лондоном и Токио в 1894 г. и японской победы в войне против Китая год спустя[1066], их противники, как уже говорилось выше, скорее проявляли намерение заключить компромисс с Россией, мотивируя такой подход укреплением ее позиций в регионе, действием франко-русского союза и, что более важно, возрастанием германского влияния в Европе.

Так, упоминавшийся Деметриус Боулджер констатировал в солидном британском журнале *Фортнайтли Ревью*:

> «Процесс (движения России к Тихому океану. — *Е.С.*) почти такой же, каковым он был для этой страны (Великобритании. — *Е.С.*) в ее стремлении господствовать на всех водах мира и проникать на каждый континент в те места, где можно было бы заполучить выгодную территорию без особых трудностей»[1067].

Оценивая франко-русское сотрудничество в ходе демарша великих держав, поддержанного Германией, накануне подписания Симоносекского мира между Японией и Китаем, Р. Харт, о котором говорилось в предыдущих главах, писал, что ситуация ухудшается по мере того, как позиции Англии на Дальнем Востоке ослабевают, потому что «Россия и Франция стоят рука об руку единым фронтом», и англичане «скоро ощутят на себе их мертвую хватку»[1068]. Если к ним присоединится Германия, хотя бы только для умиротворения Японии, такая комбинация, по мнению Харта и других экспертов, поставила бы под сомнение способность Британской империи осуществлять лидерство в мире. Словно в подтверждение этих опасений, министр иностранных дел В.Н. Ламздорф записал в своем дневнике 16 февраля 1895 г.: «Прежде всего, для нас (России. — *Е.С.*) важно обеспечить безопасность и целостность Кореи, потому что даже такое сотрудничество *ad hoc* (с Францией и Германией. — *Е.С.*) способно ограничить британские амбиции в Азии, представив европейские проблемы совершенно в ином свете»[1069].

Таким образом, политика «блестящей изоляции» оказывалась несостоятельной перед лицом вызовов конца XIX – начала XX в. «Пекин демонстрирует признаки нового кризиса. — сообщал Харт одному из друзей в янва-

ре 1899 г. — Похоже, что Англия в китайском вопросе может столкнуться с объединенной оппозицией России, Франции, Германии и Китая»[1070]. Отсюда распространение среди британской политической элиты настроений в пользу заключения оборонительных союзов по региональным вопросам в Азии. Их свидетельством стала, например, книга путевых очерков английского журналиста Норманна Генри. «Почему бы не вступить в соглашение с Россией на Дальнем Востоке, чтобы разграничить там сферы влияния, несмотря на споры по европейским делам?» — задавал автор риторический вопрос в эпилоге своего сочинения, которое было опубликовано в 1895 г.[1071] Аналогичным образом все тот же Харт писал другу 7 июня 1896 г.: «Что касается политики, нужно смотреть фактам в лицо: мы не можем остановить, мы не можем подавить Россию, и лучшим выбором для Англии было бы дружественное соглашение с этой большой державой»[1072].

Хотя оценка дипломатической деятельности лорда Солсбери не входит в задачу автора книги, ее дальневосточный вектор, безусловно, заслуживает отдельного рассмотрения[1073]. На наш взгляд, ключом к ее пониманию может служить высказывание премьер-министра, относящееся к декабрю 1885 г.: «Держава, способная укрепить свои позиции в Китае, получит первенство в мировой торговле»[1074]. Оно как нельзя лучше объясняет его стремление избежать риск и не форсировать ход событий на международной арене, чтобы сохранять свободу рук в любом регионе мира, не исключая Дальний Восток, который превратился в «горячую точку» к концу XIX в.

Очевидно, было бы упрощением рассматривать прагматичное отношение лидера консерваторов к России как русофобское. «Русские только подтверждают мое мнение о том, что они не такие ужасные парни в конечном итоге», — сообщал он лорду Литтону в разгар войны 1877–1878 гг. Даже на протяжении кризисных периодов в истории двухсторонних отношений Солсбери сохранял уверенность, что «Россия не сильно отличается от многих других цивилизованных наций»[1075]. Но, хотя он отвергал непосредственную опасность русского вторжения в Индию, отстаивание умеренно жесткой позиции перед лицом традиционного оппонента всегда оставалось его политическим кредо. «Если Россия продемонстрирует нам, что для нее и также для нас в Азии недостаточно пространства, наша политика по отношению к ней должна быть непримиримой и возможно более эффективной», — заявил он в сентябре 1885 г., инструктируя Р. Морьера перед утверждением последнего на должность посла в Санкт-Петербург[1076].

Учитывая неблагоприятное для интересов британской империи развитие международной ситуации, а также изложенные выше взгляды, вряд ли стоит удивляться, что премьер-министр не упустил благоприятный момент для зондажа возможного компромисса с Россией во время официального визита Николая II в Великобританию, о чем говорилось ранее. Вместо общей дискуссии, Солсбери предложил царю обсудить животрепещущие проблемы англо-русского соперничества в региональном ключе, начиная с Египта и Черноморских проливов и заканчивая Дальним Востоком. Записи его бесед

с российским императором в Бальморале 27–29 сентября 1896 г. показывают, что глава Сент-Джеймского Кабинета высказывал намерение, используя современный язык, «перезагрузить» двухсторонние отношения, чтобы положить конец *Большой Игре*, хотя он сам не был уверен в реальности осуществления своего замысла. К тому же Николай с подозрением воспринял реверансы Солсбери в сторону России, находя их не чем иным, как дипломатической ловушкой, цель которой состояла в том, чтобы вбить клин в дружественные отношения Петербурга с Парижем и Берлином[1077].

Схватка за концессии и морские базы на Дальнем Востоке побудила Солсбери возобновить предложения о дипломатическом сотрудничестве двух империй в январе 1898 г., перенеся акцент на ситуацию вокруг Китая. Разрастание дальневосточного кризиса даже заставило осторожного премьер-министра отозвать главу британской дипломатической миссии, сторонника решительной политики сэра Николаса О'Коннора из столицы Поднебесной, назначив его послом в Петербург. Ему были даны инструкции попытаться вновь открыть дискуссию с министром иностранных дел России Н.Н. Муравьевым о ситуации в Азии. По сообщению О'Коннора, «Муравьев был вполне готов к обсуждению любого предложения, которое бы привело стороны к лучшему пониманию (*entente*) между двумя странами»[1078]. Несмотря на внешне позитивную реакцию, царское правительство тормозило проведение даже предварительных консультаций под предлогом того, что британский заем Китаю и оккупация ее войсками порта Вэйхайвэй нарушили-де и без того хрупкое равновесие интересов в северо-восточных провинциях Цинской империи[1079]. Аналогичным образом российские дипломаты сдержанно отнеслись к инициативе Форин офис провести международную конференцию по проблемам Дальнего Востока, используя опыт Берлинского конгресса, участники которого поделили Африканский континент на сферы влияния европейских государств в 1884–1885 гг.[1080]

Свое разочарование политическим курсом Петербурга Солсбери продемонстрировал в выступлении на ежегодном съезде так называемой Лиги Подснежника, объединявшей сторонников консервативных идей, заявив, что Россия допустила серьезную ошибку, навязав Китаю аренду Порт-Артура в начале 1898 г., так как этот порт совершенно бесполезен для нее[1081]. Наоборот, сторонники «наступательной политики», включая членов Китайской Ассоциации, приветствовали оккупацию Британией Вэйхайвэя как ответную меру. Согласно информации Стааля от 2 марта 1898 г., Харкуорт и Керзон одобрили ужесточение английской политики на Дальнем Востоке, которая, по их мнению, должна была базироваться на трех принципах: сохранение целостности и независимости Китая, защите договорных обязательств и безопасности свободной торговли[1082]. В то время как Солсбери и другие министры рассматривали эту акцию скорее как вынужденную меру для успокоения критиков в парламенте и прессе, Керзон и другие «форвардисты» назвали решение о занятии китайского порта «объявлением с нашей (британской. — *Е.С.*) стороны, что мы не оставим поле в Северном Китае

нашим конкурентам, но продолжим требовать равного голоса в защите наших интересов в этом регионе, а также в определении будущего Китая»[1083]. Как докладывал Стааль Муравьеву, Уайтхолл собирается «ударить Россию ножом в спину» на Дальнем Востоке, заключая с Китаем договор о долгосрочной аренде морской базы в Вэйхайвэе, расположенной в Чжилийском заливе напротив русского Порт-Артура[1084].

Некоторые историки справедливо полагают, что русофобия в Британской империи оказала все же влияние на стремление Солсбери прийти к соглашению с царским правительством по проблемам Дальнего Востока[1085]. Негативный образ России в сознании представителей властной элиты Соединенного Королевства формировался не только благодаря преувеличенной русской опасности Британской Индии, но и стремлению «царизма» получить черноморские проливы и поучаствовать в дележе цинского наследства[1086]. Чтобы проиллюстрировать эту взаимосвязь, достаточно, например, упомянуть о впечатлениях военного атташе в Лондоне полковника Н.С. Ермолова, который указывал на несколько парадоксальное восприятие политиками и военными пресловутой угрозы со стороны Российской империи: «Им всё кажется, что война с Россией — это морские операции их Тихоокеанской эскадры и более ничего. — докладывал Ермолов в Главный штаб 21 марта 1898 г. — Затруднения Англии в Индии (горцы, неподготовленность театра, чума, безденежье, бедность) более чем когда-либо дают России возможность удержать Англию от враждебных против России действий на Крайнем Востоке»[1087].

Учитывая динамику *Большой Игры*, не приходится удивляться, что российские бюрократы и интеллектуалы платили британцам той же монетой. Типичным представляется взгляд также военного атташе, но на этот раз Соединенного Королевства, полковника У. Уотерса, который дал следующую характеристику англофобии в России:

> «Чувства русских по отношению Великобритании горячи почти сверх всякого понимания. Действительно, мне не раз говорили, что враждебность к нам (британцам. — *Е.С.*) теперь сильнее, чем это было во времена Крымской войны, причем враждебность не ограничивается взрослыми людьми какого-либо сословия. Наоборот, она всеобща и ее внушают школьникам, подрастающему поколению, которое выражает и ощущает ее… Как нацию нас уважают, но недоверие, о котором уже упоминалось, и которое существовало перед японо-китайской войной, не показывает признаков уменьшения и ощутимо как у англофилов, так и у англофобов. Как часто нам говорят: «Мне нравятся англичане, но я ненавижу их политику». Стоит только сожалеть, что подозрительность относительно британских замыслов цветет пышным цветом, даже приносит плоды, и гораздо более, чем ранее, укоренена в национальном сознании»[1088].

К счастью, здоровый прагматизм и добрая воля все же брали верх в англо-русских отношениях, по крайней мере, тогда, когда Петербург и Лондон решали сообща текущие вопросы международной жизни. Результатом достижения компромисса, например, на Дальнем Востоке явилось соглашение по разграничению сфер строительства железных дорог в Китае, подписанное двумя сторонами 28 апреля 1899 г., которое с полным правом можно считать еще одним шагом к прекращению *Большой Игры*. Договоренность устранила опасность столкновения российских интересов с британскими в бассейне Янцзы и в северо-восточных провинциях Цинской империи[1089].

Но даже такие ограниченные в пространственном аспекте компромиссы вызывали отторжение у «ястребов» при петербургском дворе, настаивавших на проведении политики полного вытеснения англичан из Восточной Азии, для чего предлагалось поставить пекинское правительство в полную зависимость от российских военных инструкторов, советников, займов и концессий.

Активность держав вокруг сфер влияния в Поднебесной совпала по времени с подготовкой и началом англо-бурской войны, а также реформами, проводившимися Керзоном, а позднее и Китченером в Британской Индии. В ответ, как уже говорилось выше, Николай II повелел усилить войска Туркестанского военного округа. Одновременно хорошо известный читателю ориенталист М.И. Венюков был направлен в двухгодичную командировку на Дальний Восток с целью выяснения ситуации и сопоставления британских действий там с мероприятиями, которые осуществляло индийское правительство[1090].

Несмотря на текущие осложнения в российско-британских отношениях, наиболее трезво мыслящие и прозорливые политики Соединенного Королевства, как, например, лорд Розбери, продолжали выступать за достижение согласия с Россией, которое позволило бы урегулировать спорные вопросы в Азии[1091]. Стремление преодолеть русофобию наблюдалось на протяжении 1890-х гг. и в кругах общественности. Так, Роберт Уотсон, президент Национальной либеральной федерации, основал Общество друзей российской свободы, члены которого издавали журнал *Свободная Россия*. В его публикациях проводилось различие между авторитарным самодержавным режимом и российской интеллектуальной элитой, а также простым народом[1092]. Еще один общественный деятель, генерал-майор в отставке Эдвард Казелет создал в начале 1890-х гг. Англо-русское литературное общество. Он председательствовал в нем более тридцати лет до своей кончины в 1923 г. Показательно, что с российской стороны два великих князя — Георгий и Константин, патронировали эту организацию, а Николай II дважды принимал ее членов в 1896–1897 гг.[1093]

Позитивные тенденции, пробивавшие себе дорогу в отношениях двух империй, побудили Муравьева 15 июня 1898 г. в беседе с послом О'Коннором заверить его, что российское правительство желало бы культивировать дружеские отношения с Великобританией, особенно в делах Дальнего Восто-

ка. Упомянув, что Россия не стремится к концессиям в бассейне Янцзы, министр иностранных дел отверг причины, по которым «дух скрытого, а еще меньше и военного антагонизма продолжал бы существовать между двумя странами»[1094].

Однако двойственность и колебания в дальневосточной политике России продолжались, ибо практически по каждому серьезному вопросу царю приходилось выступать арбитром в спорах между шовинистически настроенными, панславистскими кругами и менее агрессивными, проевропейскими группами властной элиты, склонными к проведению ускоренной модернизации по примеру Западной Европы. Кроме того, германские интриги в Европе и Азии вкупе с алармистскими публикациями в прессе Старого Света приводили к всплескам анти-российских или анти-британских настроений в обеих империях. Типичным для первого случая явилась брошюра некоего Й. Поповски, австрийского публициста, который еще в 1890 г. писал, что «в архивах русского Главного штаба насчитываются сотни планов кампании против Индии, и каждый год составляются новые». Он далее упрекал лондонский Кабинет в политической пассивности, военной некомпетентности и абсолютном соглашательстве с русским продвижением в Азии. Поповски рекомендовал правительству Великобритании вступить в коалицию Центральных держав — Германии и Австро-Венгрии, чтобы остановить предстоящий марш казаков на Индию. Английская версия этого памфлета вышла из печати тремя годами позже[1095].

Доверие и безопасность всегда оставались главными проблемами международной жизни. И российско-британские отношения не были в этом смысле исключением. Так, 21 ноября 1895 г. Лобанов-Ростовский писал Сталю относительно вовлеченности Британии в кризис вокруг репрессий турок против армянского населения Османской империи:

> «Если, как Вы заявляете, мы не можем выдвинуть каких-либо обвинений в адрес Англии, то мы не в состоянии и похвастаться откровенностью ее методов или подлинно лояльным содействием с ее стороны. Манера действий лорда Солсбери, бесспорно, не относится к таким, которые внушают полное доверие. Более того, его действия и высказывания неоднократно были способны вызвать лишь вполне законные опасения»[1096]. Соответственно Солсбери, хотя и по другому вопросу, признавал в письме к одному из дипломатов, что «надо что-то делать с Маньчжурией; я нахожу, что не мог бы доверять им (русским и немцам)»[1097].

И все же в кругах британской политической элиты медленно, но верно вызревало понимание срочной необходимости трансформации внешнеполитического курса. И *Большая Игра* на Дальнем Востоке способствовала указанному процессу, поскольку защита британских интересов в этом регионе, несомненно, требовала союзника, который бы подстраховал Лондон в

случае одновременного вовлечения в борьбу с несколькими великими державам, как показала война против буров[1098].

Глубокое разочарование правящих кругов Великобритании в потенциале Китая после событий 1894–1895 гг. привело политиков и военных к мысли о переориентации на союз со Страной восходящего солнца, которая, судя по газетным публикациям, вдруг стала напоминать подданным Ее Величества Англию на заре промышленного переворота. Публицисты находили сходство в геополитическом положении Великобритании и Японии, а также в том, что японцы, как и британцы, сплошь записные патриоты, прирожденные моряки и прагматики в житейских вопросах. «Одна сторона прекрасно вооружена, дисциплинирована и руководима командирами, а у другой полностью отсутствуют эти качества», — писала солидная *Таймс* в январе 1895 г., сравнивая подданных микадо с китайцами[1099].

Одновременно возрастали и симпатии японцев к Британии, которые видели в англичанах близких по духу островитян, способных, во-первых, помочь в ускоренной модернизации страны, а во-вторых, содействовать в борьбе против российских и германских происков на Дальнем Востоке[1100]. «Общее чувство в Японии таково, что Англия — ее естественный союзник не из-за любви к нам, а из-за ненависти России», — сообщал британский дипломат в письме к другу из Токио еще в мае 1893 г.[1101] Достаточно процитировать передовые статьи одной из ведущих японских газет *Джиджи Симпо*, которая после отказа Лондона присоединиться к антияпонскому демаршу трех европейских держав писала в середине 1895 г., что «на Англию и только на Англию можно спокойно положиться как на надежного друга». И далее газета приводила следующие любопытные аргументы в пользу двухстороннего партнерства:

> «Англия держится в стороне от европейской политики и сохраняет неоспоримое первенство на морях. Англия и Япония — естественные союзники; у них обширные общие интересы, которые надо защищать от общего врага. Российские планы в этом регионе — прямая угроза интересам как Японии, так и Англии. Со своей стороны Япония готова пожертвовать всем, чтобы не дать России заполучить морской порт в Корее или Маньчжурии, и Англия должна быть заинтересована в этом равным образом. Так, общность интересов неизбежно приведет обе страны к естественному союзу, который прочнее, чем обычно заключаемые по договору альянсы»[1102].

В то же время, по справедливому замечанию известного американского дипломата Роберта Маккордока, Лондон не намерен был ради особых интересов Японии поступаться принципами свободной торговли, которые обеспечивали первенство британских товаров на внутреннем рынке Поднебесной. Неслучайно поэтому Уайтхолл демонстративно поддержал концепцию «открытых дверей», изложенную в ноте государственного секретаря США

Джона Хэя 6 сентября 1899 г.[1103]. Но еще ранее посол в Токио Сэтоу получил успокоительные заверения японского премьер-министра Окумы относительно поддержания территориальной целостности Цинской империи. 22 октября 1896 г. последний заявил, что, хотя он не знает в точности, каковы цели России, «для общего блага Китай должен сохранять независимость и выполнять функции, для которых он так хорошо подходит, а именно, служить рынком для мировой торговли»[1104].

По мере возрастания угрозы распада Китая даже ранее скептически настроенные по отношению к Японии Керзон и Янгхазбенд заговорили о желательности соглашения с Токио. «Когда задают вопрос об альянсе с Японией, — оправдывал Керзон решение об аренде британцами Вэйхайвэя в меморандуме от 13 марта 1898 г., — то следует ответить, что, если мы отступим на севере (Китая. — *Е.С.*), у нее не будет другой альтернативы, кроме достижения соглашения с ее противниками (Россией и Германией. — *Е.С.*)»[1105]. В тон ему Янгхазбенд писал 9 августа 1898 г.:

> «Если русские запугают китайцев, например, ограничив наши интересы в Маньчжурии, я не стану поддерживать их в сопротивлении требованиям России, потому что я уверен, что китайцы в конечном итоге бросят нас сражаться против русских один на один, когда на самом деле это не наше дело, а дело их самих»[1106].

Сдержанная реакция Петербурга на зондажи Лондона относительно регионального сотрудничества, о чем говорилось выше, и двойственная позиция Берлина в связи с проблемой сохранения целостности цинского государства не могли вызвать удовлетворения на берегах Темзы. Юнионистский Кабинет, вероятно, за исключением Солсбери, все более и более склонялся к партнерству с Японией как для ограничения амбиций России и Германии, так и для контроля над действиями подданных микадо в Поднебесной[1107].

Восстание боксеров и карательный поход международного воинского контингента на Пекин против инсургентов, осаждавших посольский квартал в течение нескольких недель летом 1900 г., еще более накалили ситуацию на Дальнем Востоке. Оккупация русскими войсками Маньчжурии под предлогом защиты Китайской восточной железной дороги (КВЖД) и борьбы против бандитов (*хунхузов*) летом–осенью 1900 г. совпала по времени с провокационными действиями царского правительства на границах Афганистана и Персии, а также его интригами в Тибете, описанными в предыдущей главе. Все эти события окончательно подвигли Уайтхолл к заключению союзного договора с Японией 30 января 1902 г., который положил начало выходу Великобритании из «блестящей изоляции»[1108].

Англо-японский союз шокировал правящие круги и общественность как в России, так и в Европе, поскольку даже некоторые ведущие британские политики полагали, что угроза со стороны «желтой расы» интересам «белых держав» становится все более ощутимой день ото дня[1109]. Тем не менее, новый глава Кабинета А. Бальфур взял курс на дальнейшее развитие англо-

японского военно-политического партнерства. Как свидетельствует переписка между различными британскими ведомствами, уже 7 июля 1902 г. состоялось совещание английских и японских военных экспертов, которое завершилось договоренностью о взаимном обмене текущей секретной информацией касательно ситуации в Маньчжурии и Корее. Союзники решили открыть разведывательное бюро с отделениями в Шанхае и Тяньцзине — двух крупнейших китайских городах того времени. Интересно, что генерал-майор Фукусима, истинный руководитель японской секретной службы, нанес визит вице-королю лорду Керзону в конце того же года[1110]. Кроме того, британские банки начали щедро кредитовать своих японских партнеров, а европейские компании с готовностью приступили к выполнению военных заказов из Японии, проводившей форсированную подготовку к войне на Дальнем Востоке. Наконец, в Россию стали поступать сообщения о британских морских офицерах, обучающих команды боевых кораблей японского флота. Забегая вперед, отметим, что некоторые из этих офицеров, вероятно, находились на борту броненосцев и крейсеров эскадры адмирала Того во время Цусимского сражения, состоявшегося в конце мая 1905 г.[1111]

Учреждение наместничества на берегах Тихого океана и создание царем Особого Комитета по делам Дальнего Востока в августе – октябре 1903 г. вызвали поток докладов, записок и меморандумов в адрес юнионистского Кабинета. Их авторы рассматривали назревающий русско-японский конфликт через призму угрозы возникновения континентального союза России, Франции и Германии, вероятность которого нельзя было исключить, несмотря на франко-германские противоречия. Адмиралтейство, к примеру, в том же году провело штабную игру в Королевском морском колледже, расположенном в Гринвиче. Ее сценарий предусматривал совместные действия британского и японского флотов в Тихом океане с целью защиты английских морских баз от русской атаки, в то время как Средиземноморская эскадра Англии сражалась бы с силами России и Франции в европейских водах[1112]. Меморандум Бальфура от 22 декабря 1903 г. раскрывал позицию Кабинета в связи с назревавшим японо-русским конфликтом:

> «Мы (британцы. — *Е.С.*), конечно, имеем незначительные интересы в Корее, за исключением поддержки там Японии. Со всех других точек зрения (кроме торговли), для нас не было бы ничего лучше, чем, если бы Россия втянулась в расходы и осложнения посредством корейской авантюры с таким результатом, что в лучшем случае она станет обладателем ненужной провинции, которая стоила бы больше, чем могла бы дать сама и которую можно бы было сохранить только за счет большого флота на Дальнем Востоке и огромной армии в тысячах миль от тыловых баз, и которая стала бы постоянной гарантией против того, что, когда бы Россия ни собиралась воевать с другой державой, неважно, где и за что, Япония всегда была бы у нее за спиной»[1113].

По сути дела, Лондон использовал Токио для того, чтобы Россия «завязла в Маньчжурии настолько глубоко, что у нее не было бы ни времени, ни денег на Константинополь или Персидский залив»[1114]. При этом, однако, англичане серьезно рисковали, поскольку победа русских в войне противоречила интересам Великобритании, ведь она могла привести к укреплению альянса Петербурга и Парижа, их совместной агрессии против Индии и возобновлению попыток добиться гегемонии на Среднем Востоке[1115].

Чтобы избежать такого неблагоприятного сценария, члены Кабинета детально обсуждали меры, которые следовало принять для блокирования выхода Черноморского флота в Средиземное море через проливы. Совещание состоялось 27 января 1904 г., всего за две недели до начала Русско-японской войны. В результате дискуссии Бальфур предупредил посла Бенкендорфа, что любая попытка такого рода со стороны российских кораблей будет рассматриваться как открытая агрессия против Соединенного Королевства. Так, новая расстановка сил на Дальнем Востоке, несмотря на официальный нейтралитет Великобритании, стала реальностью[1116].

По мере расширения масштабов военных операций русофобы в правящих кругах Британии все более настойчиво требовали от Кабинета дальнейшего укрепления имперской обороны. Так, еще 18 февраля 1904 г. военный атташе в Петербурге подполковник Нэпир докладывал послу Чарльзу Скотту:

> «Если дела у России пойдут плохо на Дальнем Востоке на суше или на море, вероятно, она будет смотреть на юг, чтобы восстановить потерянный престиж путем, как считают многие русские, более легкой и выгодной кампании против Индии, или в попытке за счет концентрации войск заставить Англию отвернуться от Японии»[1117].

Испытывая серьезные опасения перед возможной враждебной реакцией России на японофильскую позицию Уайтхолла, Комитет имперской обороны принял решение о том, что «следует внимательно отслеживать развитие ситуации на границах Российской империи с целью выявления слабых мест, которые могли бы быть использованы для атаки в случае войны (Британии против России. — *Е.С.*)»[1118]. Более того, экспертам Комитета даже пришлось разработать специальную программу усиления морской обороны Австралии, чтобы, учитывая планы крейсерской войны Главного морского штаба России, обезопасить от них южную часть Тихого океана — морские «ворота» в Индию[1119].

Необходимо отметить, что, хотя царское правительство было раздражено отсутствием возможности привлечь к операциям Черноморский флот, оно хорошо понимало тот катастрофический эффект, который имело бы для положения России вступление Великобритании в войну на стороне Японии. «Собственно говоря, — признавал один из дипломатических экспертов весной 1904 г., — частью негласно, а частью гласно Японию поддержала нрав-

ственно вся Европа за малым исключением, доказательством чему служит отсутствие энергичных протестов против явных нарушений Японией международного права и прочих насилий в Корее». Любопытно, что далее эксперт предостерегал царское правительство против намерений Лондона якобы спровоцировать еще и русско-китайское столкновение с целью полного вытеснения России из северо-восточной части Тихого океана[1120].

Как известно, закрытие Черноморских проливов для царских линкоров и крейсеров побудило морское министерство направить в воды Тихого океана большую часть Балтийского флота. Кроме того, Петербург сделал попытку ввести в действие план организации крейсерской войны на морских коммуникациях, согласно которому самым быстроходным русским военным кораблям ставилась задача не только перехватывать иностранные транспорты с военными материалами, предназначенными для Японии, но и патрулировать Средиземное и Красное моря[1121]. Неудивительно, что эти решения повысили градус напряженности в англо-русских отношениях, вызвав резкий официальный протест, а также новую волну анти-российских настроений на берегах Туманного Альбиона, когда газеты и общественные деятели принялись обвинять Петербург в нарушении международного морского права[1122].

Инцидент у Доггер-Банки — отмели вблизи британского порта Гуль, 22 октября 1904 г., который упоминался выше, действительно поставил обе империи на грань разрыва отношений и войны. Потопление эскадрой адмирала Рожественского английских рыболовецких траулеров, принятых русским офицерами в ночной туманной мгле за японские миноносцы, могло дорого обойтись царскому правительству. В ответ возмущенная британская пресса назвала эскадру «флотом сумасшедших» (“this fleet of lunatics”)[1123]. С другой стороны, по воспоминаниям Извольского, именно это последнее в истории двухсторонних отношений балансирование на грани войны и повлияло на осознание им бесперспективности продолжения соперничества Петербурга и Лондона в Азии[1124].

Хотя подробное освещение русско-японского конфликта не входит в нашу задачу, важно подчеркнуть, что к началу XX в. все больше и больше прагматически мыслящих бюрократов в правящих кругах России подобно многим представителям властной элиты Великобритании начинали задумываться о контр-продуктивности перманентной конфронтации, особенно в свете инцидентов, подобных Гулльскому. Примером может служить беседа А.Д. Калмыкова, тогда еще молодого дипломата, с уже известным читателю П.М. Лессаром, которая состоялась в октябре 1904 г. Будучи спрошенным собеседником, что он думает о вероятности нападения Англии на Россию, Лессар только улыбнулся: «Пускай попробует, будет ей же хуже». «А мы? Не собираемся ли мы атаковать ее первыми?» — поставил Калмыков новый вопрос. «Нам ни к чему», — лаконично ответил Лессар[1125].

Сергей Колоколов, выпускник Восточного института, открытого в 1899 г. во Владивостоке, который после его окончания занял место Н.И Петровско-

го на посту генерального консула в Кашгаре осенью 1904 г., также разделял мнение о необходимости скорее покончить с *Большой Игрой*. Согласно его оценке, российским и британским представителям на местах следовало избегать любого недопонимания, которое могло быть вызвано их деятельностью в странах Азии. Реализуя свои суждения на практике, Колоколов постарался путем более тесного общения со своим британским коллегой Дж. Маккартни внести посильный вклад в урегулирование остававшегося спорным вопроса о принадлежности Сарыкола — небольшого, но стратегически важного населенного пункта в Восточном Памире[1126].

Несмотря на длительное соперничество и существовавшие стереотипы восприятия друг друга общественностью России и Великобритании, те новые проблемы, с которыми они столкнулись в рассматриваемый период, оказывали воздействие не только на менталитет властей, гражданских или военных, но и на общественное мнение. Одним из таких вызовов, как уже говорилось, являлся страх перед «агрессией желтой расы». Он нашел отражение, к примеру, в письме лорда Эшера — видной политической фигуры начала XX в. 22 июля 1904 г., то есть в разгар русско-японской войны, он писал сыну:

> «Японцы, похоже, не нашли Куропаткина «легким орешком». И все же они повернули его спиной к морю так, что линия его коммуникаций находится под серьезной угрозой. Если бы у них было достаточно войск, и свежих войск, они могли бы уничтожить часть его армии. Я рад, что он дал им хороший бой и что Запад не так безнадежно побит Востоком. Для нас было бы нехорошо в длительной перспективе, если бы это было так»[1127].

А Роберт Харт в постоянной переписке с другом высказался на эту тему еще определеннее:

> «Мнения китайцев все еще расходятся: одни уверены, что русские в конечном итоге победят и соответственно приспособятся; другие верят в Японию, но среди них развивается отвратительная черта, поскольку они начинают глумиться и выражать убеждение, что следующим шагом Япония избавит Китай от всех иностранцев!»[1128]

Существенно, что вслед за поражением царских армии и флота некоторые британские государственные деятели начали думать, что если Япония выиграет войну, то она превратится в самого грозного противника Австралии. Как писала в мае 1904 г. *Пэлл Мэлл Гэзет,* «мы признаем их (японцев. — *Е.С.*) прекрасные качества…, но мы уверены, что их идеология нам не подходит и что их влияние несло бы разрушительное воздействие на наше будущее развитие»[1129]. По сообщению генерального консула В.О. Клемма из Бомбея, победы японцев на полях сражений, особенно в битве под Мукденом в

феврале 1905 г., возбудили в Британской Индии серьезные опасения перед «желтой угрозой»[1130].

Несмотря на это, в августе 1905 г. Кабинет Бальфура счел необходимым пролонгировать действие англо-японского союза на пять лет, хотя дискуссия по этому вопросу на заседании Комитета имперской обороны 12 апреля того же года выявила неоднозначное отношение его членов к дальневосточному союзнику. Как писал О'Коннор новому министру иностранных дел Эдварду Грею 25 января 1906 г.:

> «При любом продлении (союза. — *Е.С.*) важно, чтобы оборонительный характер договора строго соблюдался и чтобы его статьи были сформулированы таким образом, каким можно избежать представления его как угрозы, в реальности или восприятии, позициям дружественных держав, таких как Франции (после заключения Антанты в апреле 1904 г.) и США, а также направленности против Европы»[1131].

Любопытно отметить, что некоторые политики на берегах Альбиона предлагали использовать англо-японский союз даже для урегулирования ситуации на Среднем Востоке, что могло бы повлечь за собой присоединение к нему Османской империи. Однако этого не последовало ввиду необходимости достижения «разрядки» в отношениях с Россией.

Изучение материалов Комитета имперской обороны вместе с британской дипломатической корреспонденцией позволяет выявить цели, которые преследовал Уайтхолл, продлевая союз с Японией на фоне *Большой Игры*: во-первых, ограничить аппетиты сторонников агрессивной внешней политики в России, включая их планы похода на Индию; во-вторых, предотвратить возможность сколачивания континентального блока европейских держав против Англии; в-третьих, осуществлять контроль за адептами паназиатской доктрины в Японии и странах Дальнего Востока. Не стоит сбрасывать со счетов также экономические и военные аспекты союза, ведь лондонский Кабинет получал возможность экономить значительные средства на дислокацию многочисленной эскадры в Тихом океане, поскольку теперь функция сдерживания там России, Германии и Франции переходила к Японии. Характерно, что в декабре 1905 г. Адмиралтейство направило меморандум в Кабинет с настоятельной рекомендацией унифицировать сигнальные и телеграфные коды, используемые флотами Англии и Японии. Кроме того, морские эксперты предлагали интенсифицировать обмен разведданными и взаимное снабжение различными военными материалами в экстренных случаях согласно секретному приложению к тексту договора[1132].

Дальневосточный кризис, апогеем которого стала русско-японская война, самым непосредственным образом повлиял на ход *Большой Игры*. Прежде всего, как верно указывает современный японский историк, война изменила восприятие локальных конфликтов в контексте международных отношений: если раньше ситуация в Европе определяла расстановку сил в других

регионах планеты, то теперь события в Азии или Африке вносили коррективы в группировку держав Старого Света [1133]. Далее, отметим волну антиевропейских настроений у азиатских народов, получившую дополнительный импульс в связи с победой «желтой» Японии над «белой» Россией. Сошлемся на компетентное мнение Дж. Кларка, секретаря Комитета имперской обороны, который писал в 1908 г., что «поражение России поставило вопрос о праве и возможности Европы управлять остальным миром, и, таким парадоксальным образом, сделало больше для ослабления Британской империи, чем все шумные угрозы (русского. — *Е.С.*) вторжения в Афганистан»[1134]. Для него и таких политиков, как Керзон, или общественных деятелей, как Чайрол, вступление Японии в «клуб» великих держав укрепило надежды индийских националистов опереться на Страну восходящего солнца в борьбе за независимость[1135].

Таким образом, как это ни странно, но падение престижа России в Азии означало не только удар по амбициям «царизма», но и по всей концепции лидерства Европы в модернизации азиатских народов! Кроме того, судя по официальной переписке и мемуарам, многие политики и военные на Британских островах и в Индии всерьез опасались стремления Петербурга отомстить Лондону за поддержку Японии, прикрытую формальным соблюдением нейтралитета. Так, например, генерал Китченер указывал на активное железнодорожное строительство в Русском Туркестане как на признак подготовки транспортной инфраструктуры к будущей войне. И основания для таких опасений действительно существовали, поскольку Николай II одобрил сооружение ответвлений от основной магистрали, пересекающей Центральную Азию от берегов Каспия до отрогов Алайского хребта на границе с Кашгарией. Эти боковые ветки имели стратегическое значение, так как подходили к границе с Афганистаном в районе Кушки и Термеза. Завершающим аккордом создания этой сети стало строительство Оренбург — Ташкентской железной дороги, которая соединила Среднеазиатскую магистраль с Транссибирской. Не стоит также забывать и о водных путях сообщения, например, Аральском море, Амударье и Сырдарье, которые контролировались русскими речными судами[1136].

В процессе развертывания вооруженного противостояния между Россией и Японией разведывательные службы Британии пересматривали оценки потенциала Туркестанского военного округа, усилившегося благодаря, как отмечалось в аналитических записках, совершенствованию логистической инфраструктуры, которая обеспечивала транспортировку сил и средств из других областей империи к ее границам с Персией, Афганистаном и Китаем[1137].

Неслучайно поэтому Комитет имперской обороны в 1904–1905 гг. обсуждал три сценария войны против России — «А» — для Европы, «В» — для Центральной Азии и «С» — для Кавказа и всего Черноморского бассейна. Как видим, усилиями японского союзника дальневосточный регион уже не рассматривался стратегами Комитета в качестве угрожающего направления возможной русской экспансии. Зато предложение генерала Китче-

нера о нанесении превентивного удара по Русскому Туркестану путем захвата Герата, оккупации Сеистана и последующего вторжения в Закаспийскую область привлекло внимание членов Комитета. Для оценки реализуемости такой схемы военные эксперты должны были сопоставить численность русского контингента в Туркестане, которая равнялась 42 тыс. регулярных войск и 30 тыс. иррегулярной кавалерии эмира Бухары, с количеством англо-индийских войск, составлявшим 75 тыс. британцев и более 155 тыс. туземных солдат. Вместе со вспомогательными силами небольших азиатских государств, правители которых являлись союзниками англичан, общая численность вооруженных сил, противостоявших российским войскам, к 1905 г. превышала 330 тыс. человек. Вот почему рассуждения о казаках, совершающих марш на Индию через территорию Афганистана, все тот же Дж. Кларк назвал «чистой воды бредом»[1138].

Наконец, опыт кровавого русско-японского конфликта, по верному замечанию канадского историка Д. Макдональда, показал необходимость прочного тыла, особенно в такой обширной стране, как Россия, где революционные события, несомненно, связали руки царскому правительству в реализации амбициозной внешнеполитической программы[1139]. При этом большая часть властной элиты, пожалуй, впервые серьезно задумалась о том, что крупномасштабное вооруженное столкновение Российской и Британской империй способно в соответствие с принципом домино вызвать коллапс династии Романовых. Поэтому даже твердолобые англофобы при дворе и на имперских границах были вынуждены скрепя сердце поддержать усилия наиболее прагматичных царских сановников по окончательному урегулированию спорных вопросов в ключевых регионах Азии.

Дипломатическая революция 1902–1907 гг.

К началу XX в., казалось, что Британская империя достигла зенита своего могущества. Высокий уровень индустриализации, торжество принципов свободной торговли и мощный флот обеспечивали жителей Туманного Альбиона беспрецедентным материальным и моральным превосходством, которое вызывало зависть других наций, не исключая Россию. Достаточно было сравнить совокупный ежегодный товарооборот Соединенного Королевства, достигавший 800 млн. фунтов стерлингов, с аналогичным показателем России, не превышавшим 119 млн. фунтов. В то время как численность городского населения Великобритании составляла почти 80%, Россия оставалась преимущественно аграрной страной, в которой доля горожан, а значит, представителей среднего класса едва достигала 10–15% подданных царя[1140].

Празднование бриллиантового юбилея королевы Виктории в 1897 г. должно было продемонстрировать всему миру, что Британская империя, хотя и представлявшая собой, по меткому определению П. Кеннеди, «скопление различных государственных образований, движущихся вперед с разными скоростями», все же обладает колоссальным потенциалом, чтобы не про-

сто сохранить ведущие позиции на международной арене, но и продолжить расширение в регионах, которые имели стратегическое или экономическое значение[1141]. Хотя внешняя политика Великобритании, как справедливо отмечает современный историк, находилась в руках небольшой гомогенной властной элиты, скорее аристократии крови, чем мантии[1142], все больше и больше государственных и общественных деятелей осознавали необходимость скорейшего реформирования империи путем превращения разношерстного конгломерата доминионов, колоний и зависимых территорий в сплоченную мировую державу, способную не уступить никакому иному государству завоеванного ею «места под солнцем». Тем более, что в глазах обывателей, после англо-бурской войны империя действительно выступала как средство разрешения внешних и внутренних трудностей, а вступление в эпоху развитого индустриализма происходило «в интересах занятости, рынков, цивилизации, безопасности и будущего величия»[1143].

Кроме того, искушенные наблюдатели обращали внимание на признаки стратегического перенапряжения мирового лидера. По сути дела, именно осознание этой истины привело прагматиков среди правящих кругов к решению положить конец «блестящей изоляции», чтобы, опираясь на соглашения с другими державами по региональным вопросам, сохранять возможность игры на нескольких «шахматных досках» одновременно. По всей видимости, творцы политического курса Великобритании столкнулись с трудной дилеммой: либо всеми силами поддерживать имидж либеральной, или «открытой империи», основанной на принципах свободной торговли и конкуренции, либо проводить ее постепенную реорганизацию по пути создания «империи – крепости», окруженной стеной запретительных импортных пошлин и защищенной системой оборонительных союзов[1144].

Как полагает большинство современных историков, истоки этого поворота следует искать в решении второго Кабинета Солсбери остаться в Египте в 1889 г. Оно знаменовало фактический отказ Лондона от поддержки территориального единства Высокой Порты и сотрудничества с центральными державами по этой проблеме[1145]. Как высказался сам Солсбери в одном из писем личного характера, датированном августом 1896 г., «не знаю, смогу ли я охарактеризовать нынешнее направление английской политики лучше, чем утверждением, что мы занимаемся медленным освобождением от опасных ошибок 1846–1856 гг.», имея в виду, прежде всего, конфронтацию с Россией и сохранение целостности Османской империи любой ценой[1146].

С другой стороны, сравнение различных точек зрения, которые можно найти в российской дипломатической переписке, убедительно демонстрирует тот факт, что военная партия при дворе, воодушевленная сравнительно легкой оккупацией Маньчжурии летом 1900 г., стремилась принудить Лондон отказаться от противодействия России в Восточной Азии. Вот почему большинство царских стратегов отвергло идею тройственного англо-японо-русского союза, озвученную, как отмечалось выше, одним из британских

дипломатов в Петербурге на пороге XX в. Характерно, что Е.Е. Стааль докладывал Николаю II в ноябре 1901 г.:

> «Союз втроем с Великобританией и Японией сможет облегчить решение самых трудных вопросов на Дальнем Востоке, но, мне кажется, что отыскать формулу для подобного союза будет не легче, чем раскрыть квадратуру круга. К тому же этот союз, возможно, будет больше отвечать интересам Англии, чем нашим»[1147].

Царь согласился со своим представителем. Вот почему он, как уже отмечалось выше, отнесся негативно к инициативе премьер-министра Солсбери начать консультации по выработке соглашения, затрагивавшего Черноморские проливы, Центральную Азию и Дальний Восток. Более того, заключение англо-японского союза в 1902 г. только убедило самодержца в преждевременности сближения с Великобританией[1148].

Тем временем быстрое становление Германской империи как промышленной и торговой мировой державы побуждало Вильгельма II санкционировать реализацию обширной программы военно-морского строительства. Обеспокоенный вызовом британскому лидерству со стороны Берлина, Керзон писал Гамильтону 25 сентября 1901 г.:

> «Самым заметным фактором международного развития в ближайшую четверть века будет не прогресс России, который в любом случае неизбежен, или враждебность Франции, имеющая наследственный характер, а возвышение Германской империи за счет Великобритании; и я полагаю, что любой английский министр иностранных дел, который пожелает служить хорошо своей стране, не должен упускать из виду это соображение»[1149].

Пока стратеги и разведчики Соединенного Королевства традиционно концентрировали внимание на оценках российского военного потенциала или прогнозах дальнейшего укрепления франко-русского альянса, экономическое развитие Германии и ее политическое влияние на ситуацию в регионах Азии достигли такой степени, что это потребовало от экспертов в феврале 1903 г. подготовить меморандумы для членов Кабинета Бальфура[1150]. В результате некоторые из министров предложили отказаться от многолетнего противодействия намерениям России отобрать Черноморские проливы у Турции. «Это принесло бы, как указано выше, некоторые преимущества России на море, — гласила резолюция, принятая на заседании Кабинета 11 февраля, — но они теперь не окажут решающего влияния, как считалось когда-то»[1151].

Одновременно многие российские политики, дипломаты и публицисты также по иному стали расценивать роль Берлина в международных отношениях. Несмотря на влиятельную прогерманскую партию при петербургском дворе, включавшую некоторых великих князей, которые рассматривали любое действие российской дипломатии с точки зрения сохранения традици-

онных династических связей между Романовыми и Гогенцоллернами[1152], общественное мнение России постепенно приходило к выводу, что ее имперские интересы не совпадают с амбициями кайзера в регионах планеты. На этом фоне в дипломатических кругах возникало понимание необходимости ухода от традиционной конфронтации с Великобританией. Характерно, что еще в мае 1891 г. Ламздорф сделал следующую дневниковую запись:

> «Зиновьев (директор Азиатского департамента МИД. — *Е.С.*) полагает, что вся наша политика должна быть направлена на заключение соглашения с лондонским Кабинетом; время для этого, по его мнению, конечно еще не наступило, но он думает, что мы должны подготовлять (так в документе. — *Е.С.*) железнодорожные линии и материальные средства в Средней Азии. Средняя Азия представляет ту арену, на которой в более или менее близком будущем мы придем или к грандиозной борьбе, или же к соглашению, которое было бы шедевром дипломатического искусства!»[1153]

В этом смысле также показателен разговор известного английского журналиста У. Стэда с упоминавшимся Лессаром, который состоялся в 1899 г. Отвечая на просьбу собеседника сравнить отношение России к Британии и Германии, царский дипломат использовал следующую метафору:

> «Англия — это наш дурной кот, а Германия — наш дурной тигр. Вы можете царапаться и шуметь, как вам нравится, но вы никогда не вызовете больше, чем раздражение у России. С Германией не так. Обращение Германии с Россией во многих отношениях замечательно… Но Германия, если она когда-нибудь поссорится с Россией, может ударить ее по голове. Поэтому, раз нации должны соотносить свои расчеты со своими жизненными потребностями, а не с чувствами своего населения, Россия, которая пока еще пользуется расположением к ней Германии и презирает все гадости, которые пытается ей сделать Англия, никогда не сможет забыть того, что Англия не представляет для нее реальной угрозы, а Германия всегда обладает способностью ударить в ее сердце»[1154].

Парадоксально, но поражение России на Дальнем Востоке усилило антигерманские настроения среди военных и дипломатов, хотя Берлин стремился представить свою роль в ходе конфликта чуть ли не как союзника Петербурга, обеспечившего безопасность российских границ на западе. Объяснение этому явлению можно найти в воспоминаниях одного из сотрудников МИД, который поинтересовался у военного атташе в Берлине полковника А.А. Михельсона, как немцы воспринимают русских после неудач в японской войне. Ответ «дипломата в погонах» был краток, но выразителен: «С презрением, как обнищавших родственников»[1155].

Ранее уже говорилось, что эскалация международной напряженности в Азии, вызванная прежде всего русско-японской борьбой за Корею и соперничеством держав вокруг получения концессии на строительство Багдадской железной дороги, побудила Кабинет Бальфура возобновить зондажи позиции Петербурга по целому комплексу региональных проблем. Из документов явствует, что осенью 1903 г. Лэнсдаун даже передал Бенкендорфу проект соглашения с Россией, не получивший развития в связи протестом Петербурга против тибетского похода Янгхазбенда[1156]. Одновременно, как известно, Форин офис, обеспокоенный кризисом на Дальнем Востоке, инициировал начало диалога с Францией, который и привел в конечном итоге к «сердечному согласию», достигнутому Лондоном и Парижем в апреле 1904 г.[1157]

Начало боевых действий в тихоокеанских морях вновь отдалило Англию от России, поскольку самодержец решил за счет «маленькой победоносной войны» поднять престиж империи и остановить революционное движение. Однако, как показывает наше исследование, было бы ошибкой считать именно русско-японскую войну тем событием, которое блокировало старт официальных переговоров между Лондоном и Петербургом по спорным проблемам Азии. Наоборот, военные действия на Дальнем Востоке в целом ускорили намечавшееся сближение двух держав, поскольку царское правительство оказалось в меньшей степени обеспокоено постепенным проникновением Германии в северные провинции Персии, где Россия уже добилась преобладания, чем реализацией положений англо-японского союза 1902–1905 гг. Характерно, что сразу после нападения японцев на Порт-Артур Ламздорф счел необходимым сообщить Куропаткину:

> «Что касается затем вопроса о возможном поведении Англии в будущем, то, конечно, не следует терять из виду, что держава эта, заявившая официально о союзных обязательствах своих по отношению Японии, при известных условиях способна была бы перейти на сторону нашего противника. Вследствие этого принятие подготовительных мер на случай разрыва с Англией являлось бы небесполезным. С другой стороны, однако, мне кажется, что слишком явные военные приготовления против Англии, не оправдываемые до сих пор ее внешними отношениями к России, могли бы лишь побудить великобританское правительство прибегнуть к действиям, прямо враждебным нам и таким образом создать затруднения в других странах, где сталкиваются русские и английские интересы»[1158].

Подтверждением вывода о первостепенной значимости для Петербурга именно дальневосточного вектора российско-британских отношений в этот период служит журнал Особого совещания, созванного 4 апреля 1904 г. для обсуждения новой десятилетней программы строительства военно-морского флота. В записке для Ламздорфа помощник начальника Главного морского штаба А.Ф. Гейден отмечал:

> «Англия опасается влияния России в Персии и Афганистане, но настанет время, когда она поймет, что в Персии ее соперник не Россия, нуждающаяся лишь в персидском хлопке и в сбыте ей минеральных богатств и сахара, т.е. тех продуктов, которых Англия не может дать Персии, — а Германия, вытесняющая ее своими блестящими успехами в торговле изделиями обрабатывающей промышленности — сталелитейной и химической. Чем скорее сойдутся непосредственные границы Англии и России в Афганистане, тем легче и прочнее будет достигнуто соглашение с Англией по вопросам азиатской политики к обоюдной выгоде обоих государств».

Примечательно, что, завершая анализ международного положения, автор записки обосновывал реальную возможность «достигнуть *полного политического и экономического сближения* (выделено нами. — *Е.С.*) с Англией для умиротворения всегда готового вспыхнуть Ближнего Востока и для прочного поддержания мира посредством самой могущественной англо-франко-русской союзной морской силы в Средиземном море»[1159].

Изменение настроений среди высшей российской военной и гражданской бюрократии не осталось незамеченным для англичан. Руководитель Форин офис лорд Лэнсдаун, обратил внимание на стремление Петербурга воздерживаться от каких-либо шагов, способных вызвать неудовольствие Лондона. «Война против Японии, — размышлял он в письме от 4 мая 1904 г. временному поверенному в Петербурге С. Спринг-Райсу, — сделала текущий момент неблагоприятным для вступления в переговоры, но русское правительство никогда еще не было столь расположено к искреннему взаимопониманию (с Британией. — *Е.С.*) в случае, если правительство Его Величества сформулирует справедливые условия, которые они (русские. — *Е.С.*) хотели бы видеть в его основаниях»[1160].

Со своей стороны, российские дипломаты все чаще указывали британским коллегам, говоря словами В.Н. Ламздорфа, на «цветную туземную опасность» для «белых» держав в Азии, что требовало объединения их усилий для защиты границ колониальных владений. Стоит обратить внимание на примечательный пассаж в письме от 30 августа 1904 г. главы внешнеполитического ведомства послу России в Лондоне Бенкендорфу:

> «Зная хоть сколько-нибудь азиатские народы, нельзя отрицать возможности и даже вероятия самых неожиданных последствий от таких движений (национально-освободительных. — *Е.С.*), которые начинаются в одном месте, а сказываются в совершенно ином, даже через значительный промежуток времени. Между тем на различных границах мы имеем одинаковые жизненные и существенные интересы, нарушение коих мы не можем допустить; в силу этого обстоятельства мы и принимаем безусловно необходимые, по нашему мнению, меры предосторожности, которые вовсе

не носят экстренный или чрезвычайный характер и строго отвечают внутренней сути положения»[1161].

Новая серия взаимных зондажей была предпринята сторонами летом–осенью 1905 года. И опять-таки решающее влияние на планы сторон оказали события в азиатско-тихоокеанском регионе. Военные поражения России на суше и на море, а также упоминавшееся выше продление англо-японского союза привели Петербург и Токио к заключению мира 5 сентября того же года. Но еще ранее, в конце июля 1905 г. императору Вильгельму удалось навязать Николаю договор, который мог привести к воплощению самого страшного «кошмара» для Британии — созданию коалиции в составе России, Франции, Германии и Австро-Венгрии. Конфиденциальная информация о соглашении в Бьорке очень скоро стала известна англичанам, поскольку посол в России Ч. Гардинг обладал сетью тайных информаторов среди придворных и высших чиновников царской империи[1162].

Вероятно, излишне акцентируя внимание на стремлении Лондона начать переговоры, но в целом верно отражая настроения британцев, царь сообщал «кузену Вили» осенью 1905 г.: «Англия энергично старается добиться от нас соглашения по вопросу об азиатских границах и притом приступила к этому немедленно после возобновления англо-японского союза. Я не имею ни малейшего желания начать с ней переговоры»[1163]. Однако самодержец явно лукавил, поскольку целый ряд факторов объективного характера заставлял Россию вступить в переговорный процесс. Об этом свидетельствует, например, серия редакционных статей в газете *Новое Время*, авторы которых проводили идею насущной необходимости поддержания статус-кво между Британией и Россией на Среднем Востоке. «Эти статьи явились предметом благоприятных комментариев в английской прессе, — делился Гардинг своими наблюдениями с Лэнсдауном в сообщении от 8 октября 1905 г., — и стали средством достижения разрядки (détente) в отношениях между печатными изданиями двух стран»[1164]. Таким образом, именно с октября 1905 г., как справедливо отмечали первые исследователи Конвенции 1907 г. И. Рейснер и Р. Черчилль, в правительственных кругах и общественном мнении России произошел решительный поворот в пользу сотрудничества с традиционным противником[1165].

К сожалению, в работах отечественных и зарубежных историков все внимание обычно уделяется германскому фактору, которому приписывается основная роль в том, что стороны сумели перейти от общей дискуссии к договоренностям по конкретным вопросам. Разумеется, было бы ошибкой недооценивать воздействие политики кайзера Вильгельма на принятие Лондоном и Петербургом решения о начале официальных переговоров. Однако помимо этого обстоятельства следует не упускать из виду другие предпосылки как внешнего, так и внутреннего характера.

К числу первых относились англофильская позиция союзника России — Франции, объективная невозможность «сколотить» альянс континентальных

держав, да еще и с участием США (любимая идея С.Ю. Витте), возобновление англо-японского союза и угроза эвентуального подключения к нему Османской империи, наконец, общая заинтересованность России и Англии в сохранении статус-кво на азиатских границах[1166]. Определенную роль играли и расчеты, которые были проведены военными штабами обеих империй. Они показали, что ни Россия, ни Британия не в состоянии обеспечить неприкосновенность рубежей своих обширных владений в случае широкомасштабных боевых действий. Как видно из докладных записок, подготовленных военными аналитиками, перед Петербургом стояли задачи обороны западных губерний, побережья северных и восточных морей, владений в Закавказье и Центральной Азии, областей на Дальнем Востоке[1167], а перед Лондоном, помимо предотвращения десанта на Британские острова и борьбы с ирландскими националистами, охрана интересов на Ближнем Востоке, в бассейне Персидского залива и на северо-западном фронтире Индии[1168]. Патовую ситуацию, которая сложилась к этому времени в отношениях России и Великобритании с точки зрения колоссальных затрат на вооруженное противостояние друг другу при неопределенном исходе, даже с учетом ослабления первой и наращивания морской силы второй, вынуждены были признать члены британского Комитета по имперской обороне и высшие чины Генерального штаба России. В случае атаки русских войск на Индию, помимо участия 100 тыс. армии, требовалось направление из метрополии дополнительного 500 тыс. контингента, которым Сент-Джеймский Кабинет не располагал[1169]. Очевидно, что даже финансово состоятельная Британская империя не могла позволить себе значительные расходы на сухопутную оборону Индии в условиях гонки вооружений на морях. С другой стороны, российское правительство, столкнувшееся с огромным дефицитом бюджета в связи с затратами на войну против Японии и борьбу с революционными выступлениями, также было неспособно выделять все новые и новые средства на индийский или какой-либо иной поход во владения Великобритании. Характерно поэтому, что после отказа Берлина и уклончивой позиции Парижа премьер-министру С.Ю. Витте ничего не оставалось делать, как обратиться зимой 1905–1906 гг. к представителям лондонского Сити с просьбой о крупном займе для покрытия бюджетного дефицита[1170].

Среди внутриполитических факторов сближения Лондона и Петербурга необходимо отметить изменение ситуации в обеих странах, вызванное демократизацией самодержавного режима в России и приходом к власти либеральной партии в Великобритании. Именно эти трансформации внутри властных элит, которые сопровождались появлением на дипломатической авансцене новых фигур, прежде всего Э. Грея и А.П. Извольского, позволили перевести полуофициальные зондажи в плоскость реального переговорного процесса. Стоит принять во внимание и еще одно немаловажное обстоятельство: на смену поколению Ламздорфа и Лэнсдауна, взгляды которых сформировались в эпоху наиболее острой фазы русско-британского соперничества, пришли лица, мировоззренческий кругозор которых не ограничи-

вался вопросами европейской политики, а включал в себя проблемы защиты имперских интересов в других регионах мира, прежде всего, в Азии[1171].

Говоря о взглядах Э. Грея, уместно сослаться на его неоднократные выступления в поддержку концепции выхода из «блестящей изоляции» и скорейшего разрешения противоречий с Россией на азиатских границах[1172]. Неслучайно он с воодушевлением воспринял известие о подписании англо-французского соглашения 1904 г., видя в нем залог формирования более широкого альянса с эвентуальным подключением к нему Российской империи[1173]. В одном из первых инструктивных писем С. Спринг-Райсу от 22 декабря 1905 г. Грей подчеркнул: «Мне бы хотелось видеть Россию вновь представленной в структурах Европы и, надеюсь, более расположенной к нам, чем прежде»[1174].

Что касается позиции А.П. Извольского, то в отличие от В.Н. Ламздорфа, никогда не входившего в ближайшее окружение Николая II, новый руководитель МИД сумел заручиться полным доверием царя благодаря умению налаживать личные контакты с коронованными особами Европы. Примером служат беседы Извольского с новым британским монархом Эдуардом VII весной 1904 г., когда дипломат занимал должность посланника в Дании. Именно тогда, по его воспоминаниям, идея формирования англо-русской Антанты получила одобрение короля[1175]. Характерно, что влияние молодого, энергичного министра иностранных дел на Николая II в начальный период было столь велико, что даже императрица Александра Федоровна, не расположенная к Англии, предпочитала воздерживаться от вмешательства в ход переговоров[1176].

К сожалению, историография британо-российского диалога не свободна еще от одного мифа, а именно, мнения о том, что переговорный процесс осуществлялся в тиши кабинетов исключительно силами дипломатических представителей обеих стран. В действительности значительное влияние на формулирование повестки дня и поиск развязок по основным проблемам оказали военные руководители, представители финансово-промышленных кругов, журналисты, а также ряд высших администраторов на местах в Британской Индии и Русском Туркестане.

По оценкам непосредственного участника переговоров посла А. Никольсона, к числу их сторонников в России относились министры, представители влиятельных аристократических фамилий (Бенкендорфов, Гейденов, Долгоруких, Нарышкиных) и промышленников, особенно имевших экономические интересы в азиатских странах, при общем безразличии широкой публики[1177]. В то же время англичане опасались прогерманских настроений у части придворных, связанных с кайзером Вильгельмом, и традиционного скепсиса членов военной партии, особенно председателя Совета государственной обороны великого князя Николая Николаевича (мл.) и начальника Генерального штаба Ф.Ф. Палицына[1178].

Неслучайно поэтому на всех этапах переговоров А.П. Извольский вынужден был просить царя о периодическом созыве Особых совещаний для вы-

работки консолидированной позиции по спорным статьям будущей Конвенции. Участники первого из них, которое состоялось 20 сентября 1906 г., высказались в пользу переговорного процесса, причем со стороны министра финансов В.Н. Коковцова достижение соглашения мотивировалось необходимостью охраны финансовых интересов России в Персии, а военных — угрозой новой японской агрессии на Дальнем Востоке[1179]. Второе Особое совещание, созванное 14 февраля 1907 г., уделило главное внимание ситуации вокруг Багдадской железной дороги и перспективам сотрудничества с Англией при проведении курса на ограничение стратегических аппетитов Германии в бассейне Персидского залива[1180]. Высшие сановники, присутствовавшие на третьем и четвертом совещаниях, соответственно 27 апреля и 24 августа 1907 г., обсуждали ситуацию вокруг Афганистана, которая для обеих держав осложнялась попытками эмира Хабибуллы выступить в роли покровителя всех мусульман Центральной Азии и Индии при поддержке германской агентуры[1181]. Любопытно, что на завершающем заседании, посвященном дебатам вокруг проекта конвенции, главным оппонентом выступил министр торговли М.А. Остроrорский, предложивший потребовать от Лондона компенсаций для российских компаний, ведущих торговлю с афганскими партнерами. В свою очередь высшие чины Генерального штаба, успокоенные подписанием 30 июля 1907 г. русско-японского соглашения, которое значительно смягчило японскую угрозу дальневосточным территориям, заняли в результате благожелательную позицию, отказавшись от каких-либо планов похода на Индию[1182].

Следует также подчеркнуть, что проект статей конвенции по афганскому вопросу был согласован Извольским не только с Генеральным и Главным штабами, но и с региональными военными руководителями, включая генерал-губернатора Туркестана Н.И. Гродекова и офицерами его штаба, которые провели специальное обсуждение этого вопроса в Ташкенте 27 мая 1907 г. По мнению его участников, из четырех возможных сценариев развития событий наиболее приемлемым для России могло бы стать согласие Петербурга на признание доминирующего влияния Великобритании в Афганистане, который превращался в буфер между двумя державами[1183]. Письмо генерала Гродекова министру иностранных дел от 17 марта 1908 г. содержало утверждение, что отказ от договоренности повлек бы за собой тяжелые последствия для России, поскольку сохранялась вероятность столкновения с Англией при постоянной угрозе восстания мусульман Центральной Азии, «что крайне стеснило бы свободу наших действий в политическом и военном отношениях на всех фронтах»[1184].

Возвращаясь назад, отметим, что окончательное решение о начале официальных переговоров было принято британской стороной в апреле 1906 г. после обсуждения сложившейся внешнеполитической ситуации на дружеском ужине ведущих министров либерального Кабинета — Э. Грея, Р. Холдена, Г. Асквита и Дж. Морли, когда их беседа продолжалась около четырех часов[1185]. Вызванное острой дискуссией в Комитете имперской оборо-

ны вокруг меморандума его секретаря Дж. Кларка о вероятных целях Британии в войне против России, а также записки генерала Г. Китченера о выделении дополнительных ассигнований на усиление англо-индийских вооруженных сил[1186], это обсуждение привело участников к решению ответить положительно на зондажи Петербурга и направить в российскую столицу нового посла А. Никольсона. Перед ним была поставлена конкретная задача: обеспечить интересы Британской империи в Европе, Индии, на Среднем и Дальнем Востоке путем заключения взаимовыгодной сделки с Россией, причем ее следовало оформить таким образом, чтобы у европейской, и, прежде всего российской, общественности сложилось мнение о серьезных уступках, сделанных Лондоном Петербургу по тибетскому и персидскому вопросам в обмен на признание Россией статус-кво в Афганистане.

Преодолевая сопротивление большей части британской администрации в Индии, военных и представителей упоминавшейся выше средневосточной группировки колониальных дельцов, Грей стремился убедить истеблишмент Соединенного Королевства в том, что соглашение с Россией является «единственной реальной альтернативой политики дрейфа с ее постоянными жалобами, перебранками и опасными трениями»[1187]. В одном из частных писем С. Спринг-Райсу глава Форин офис указывал также, что оно представляет собой уникальную возможность для Британии избежать значительного роста военных обязательств как Индии, так и империи в целом, позволив разрядить общую напряженность с Россией[1188]. Наконец, в послании президенту США Т. Рузвельту, датированному декабрем 1906 г., Грей обосновывал цели британо-русских переговоров следующим образом: «Мы желаем сохранить и укрепить Антанту с Францией, иначе она подпишет свой собственный договор с Германией из-за страха, что мы можем изменить ей... Чтобы завершить этот базис, мы хотим заключить соглашение с Россией... Если мы не будем друзьями, то во всяком случае не будем и врагами»[1189].

Помимо дипломатов и военных, весомую лепту в переговорный процесс внесли известные британские журналисты Эдвард Диллон и Джеймс Уоллис, а также историк-славист Бернард Пэрс. Все трое считались на Британских островах знатоками России, однако первую скрипку, без сомнения, играл Уоллис, который, по отзыву А.П. Извольского, «свободно говорил по-русски, так как жил в одной из центральных губерний России в семье сельского священника и имел знакомства во всех классах русского общества». Примечательно, что именно Уоллис обеспечивал конфиденциальный канал связи между Эдуардом VII и Николаем II, выступая наряду с Диллоном и Пэрс неофициальными экспертами Форин офис по оценке ситуации в России и секретными информаторами посла Никольсона. Содействие этих лиц британской дипломатии в разработке и осуществлении конкретных внешнеполитических шагов на российском направлении трудно переоценить[1190].

В задачи автора не входит детальный анализ перипетий англо-русских переговоров, которые продолжались с 7 июня 1906 г. по 31 августа 1907 г., прерываясь порой на недели согласований тех или иных инициатив обеих

сторон, тем более, что основные стадии переговорного процесса получили достаточно подробное освещение в историографии[1191]. При этом, однако, некоторые ключевые эпизоды подготовки конвенции нуждаются в новой интерпретации или уточнении на основе источников, ставших известными специалистам за последние годы.

Прежде всего, следует особо подчеркнуть, что, хотя русские первыми провели зондаж позиции Форин офис относительно начала переговоров незадолго до парламентских выборов 1905 г.[1192], именно члены либерального Кабинета и персонально Э. Грэй инициировали их старт в июне 1906 г. Соответственно, окончание *Большой Игры* следует, на наш взгляд, отнести к хронологическому отрезку между декабрем 1905 и августом 1907 г., когда англо-русский диалог принес плоды в виде двухсторонней конвенции по Афганистану, Персии и Тибету.

Соответственно, переговорный процесс, занявший четырнадцать месяцев, прошел два основных этапа: с июня по ноябрь 1906 г. и с марта по август 1907 г. Наименьшее количество времени было потрачено на согласование первого из затронутых вопросов — тибетского[1193], а наибольшее — на обсуждение второго по очередности региона — афганского с временным перерывом, во время которого дебатировалась важная для России и Британии проблема раздела сфер влияния в Персии[1194]. Стоит также подчеркнуть, что общий благоприятный фон для переговорного процесса создали официальные контакты между Петербургом и Токио в январе 1906 г. с целью разграничить интересы на Дальнем Востоке и взаимодействие будущих участников Антанты на Альхессиракской конференции по Марокко весной того же года. Характерно, что Грей приветствовал развитие событий в этом направлении, подчеркнув в послании Никольсону: «Важно, чтобы наши переговоры (с русскими. — *Е.С.*) корреспондировались с японскими (контактами. — *Е.С.*). Я настаивал перед Комурой (министром иностранных дел Японии. — *Е.С.*), чтобы они проходили теперь одновременно, хотя и отнюдь не в трехстороннем формате»[1195]. Кроме того, определенное воздействие на ход переговоров оказывали такие события, как подготовка держав ко Второй Гаагской конференции по разоружению в Европе, заключение англо-цинской конвенции по Тибету и подписание союзного франко-японского соглашения.

Формальный старт переговорному процессу дал Николай II после беседы с прибывшим в Россию Никольсоном. 7 июня 1906 г. состоялся первый обмен мнениями по широкому кругу вопросов между британским представителем и Извольским. Как известно, несмотря на большую значимость афганской проблемы, именно вопрос о Тибете стал, по выражению главы царского МИДа, «пробным камнем» в начальной фазе англо-русского диалога[1196]. По информации посланника в Пекине Д.Д. Покотилова 18 июня 1906 г., «весь интерес, проявленный нами за последнее время к тибетским делам, и к судьбе Далай-ламы в частности, может быть оправдан лишь тем соображением, что положение, занятое нами в этом деле, дает нам возможность в благоприят-

ную минуту и за подходящую компенсацию отказаться от дальнейшего вмешательства в тибетские дела, которые сами по себе едва ли когда-либо могли представлять для нас серьезное значение…; весь вопрос сводится лишь к тому, насколько могут удовлетворить нас те компенсации, которые согласится представить нам Англия за нашу уступку в делах Тибета». Примечательно, что Николай II сделал на этом донесении пометку: «По-моему, соображения Покотилова правильны»[1197]. Таким образом, Петербург фактически отказался продолжать свои контакты с Далай-ламой XIII, лишив правителя Страны снегов надежды на материальную помощь России, хотя ее представители, встречавшиеся с Тубдэн Гьятцо, не уставали заверять тибетского лидера в симпатиях царя и его окружения[1198].

Совершенно иначе обстояло дело с афганской проблемой, превратившейся в настоящий барьер на пути выработки окончательного текста конвенции. Дело в том, что помимо неурегулированных разногласий между русскими и англичанами, требовалось принимать во внимание политические, военные и экономические интересы персидского шаха и афганского эмира[1199]. В последнем случае Петербургу необходимо было помнить об англо-афганском договоре от 21 марта 1905 г., который, как отмечалось ранее, подтвердил все обязательства Хабибуллы-хана перед британской стороной. Впрочем, положительным моментом в связи с указанным договором для царской дипломатии являлось то, что устранялась опасность неспровоцированного нападения войск эмира на российские пограничные посты[1200].

Свои особенности имела и делимитация русской и британской сфер влияния в Персии. Там обе империи столкнулись с антимонархическими революционными выступлениями на протяжении 1906–1907 гг. и одновременно с настойчивым проникновением германских компаний в экономику страны[1201]. Исходя из стратегических соображений, англичане всерьез опасались укрепления германских позиций на фланге Суэцкого канала — главной водной артерией, связывавшей метрополию с Индией, тогда как русские делали все, что было в их силах, с целью, используя оценку Спринг-Райса, «остановить реализацию германской схемы строительства железных дорог вглубь Персии с востока»[1202]. По сути, царское правительство добивалось превращения этого государства в «завуалированный протекторат России»[1203]. Однако выполнить этот план даже для северных провинций Персии представлялось совершенно невозможным без сотрудничества с Британией в политической и экономической сферах. Вот почему введение буферной зоны на территории персидского государства между провинциями на севере и юге, где преобладали соответственно российские и британские интересы, становилось жизненно необходимым, закладывая фундамент *разрядки (détente)* в отношениях двух держав[1204].

Переговоры по афганской и персидской проблемам получили новый импульс в ноябре 1906 г., когда Чарльз Гардинг, назначенный после пребывания послом в России на должность заместителя государственного секретаря по иностранным делам, признал в беседе с временным поверенным

С. Поклевским-Козеллом справедливость притязаний России на Черноморские проливы. Значимость изменения позиции лондонского Кабинета для Петербурга отражена в письме представителя на берегах Босфора Зиновьева главе МИД Извольскому:

> «Представляется крайне желательным, чтобы наш Черноморский флот излечился от своей беспомощности и чтобы был обеспечен доступ к Средиземному морю. Кажется возможным поднять этот вопрос только при условии, что мы сможем установить искреннее взаимодействие с Англией. Все планы атаки на Индию неосуществимы и должны быть отнесены к области фантастики. Уступки с нашей стороны возможны по среднеазиатскому вопросу, если Англия готова помочь нам с проблемой Проливов»[1205].

Как позднее вспоминал Никольсон, получив телеграмму от Поклевского-Козелла о признании Форин офис российских интересов в Босфоре и Дарданеллах, Извольский «просиял от счастья» во время беседы с послом, подчеркнув, что считает это заявление «настоящим прорывом» и событием эпохального значения в истории международных отношений. Так, с конца 1906 г. царские дипломаты значительно смягчили критику в адрес британской позиции относительно Персии. Чтобы обосновать намерение России получить эксклюзивное право для своих боевых кораблей свободно следовать через Проливы, Извольский вручил Никольсону меморандум от 14 апреля 1907 г.[1206] Используя сдвиги в позиции англичан по Босфору и Дарданеллам в качестве главного козыря, главе МИД удалось преодолеть жесткую оппозицию переговорам со стороны части двора, генералитета и политиков — англофобов. Более того, он сумел убедить в своей правоте даже влиятельного премьер-министра А.П. Столыпина. Именно в это время редакция *Таймс* обратилась к царскому правительству с конфиденциальной просьбой поощрять толерантность и позитивные настроения по отношению к Великобритании в российской прессе[1207].

Источники не подтверждают мнение, разделяемое некоторыми историками, касательно якобы больших уступок, сделанных Извольским Грею, особенно по афганскому вопросу[1208]. На самом деле, практически по всем пунктам было выработано компромиссное решение, кроме ситуации в трех регионах: Черноморских проливах, Персидском заливе и Монголии. Что касается первого вопроса, руководитель Форин офис предложил вынести его обсуждение за скобки конвенции, отложив решение под предлогом желательности консультаций с другими державами, прежде всего Германией и Австро-Венгрией, интересами которых нельзя было в этом случае пренебречь[1209]. Извольский, в свою очередь, заверил Грея об отсутствии у России планов вмешательства в дела арабских шейхов Персидского залива, несмотря на национально-освободительное движение, которое набирало там силу[1210]. Наконец, комментируя так называемую «монгольскую формулу», имевшую ввиду признание Лондоном интересов России на севере Цинской

империи, Грей посоветовал своему визави урегулировать эту проблему путем прямых переговоров с Токио[1211].

31 августа 1907 г. в Санкт-Петербурге Извольский и Никольсон подписали договоренности по Тибету и Персии вместе с конвенцией по Афганистану. Каждый из трех документов включал пять статей, причем к соглашению по Тибету было сделано приложение, которое зафиксировало условия и сроки окончательной эвакуации британских экспедиционных сил из долины Чумби. Последовавший обмен ратификационными грамотами состоялся 25 сентября того же года[1212]. Существенно, что российская сторона настаивала на том, чтобы документы, относящиеся к Персии и Тибету, были названы не *конвенции,* а *договоренности (arrangements),* принимая во внимание возможную негативную реакцию Тегерана и Пекина на результаты секретных переговоров России и Великобритании. Хотя Грей предпочитал более обязательную форму *договора*, он пошел навстречу Извольскому. В любом случае, общественность Европы, вслед за политиками и журналистами, объединила все три документа в один, назвав его англо-русской Конвенцией 1907 г.[1213]

Новость о соглашении, достигнутом бывшими геостратегическими соперниками, шокировала особенно тех государственных и общественных деятелей, которые не видели даже возможности эвентуального сближения Петербурга и Лондона. В европейских столицах и при дворах восточных владык — турецкого султана, персидского шаха, афганского эмира, тибетского Далай-ламы и маньчжурского императора — высказывались самые разные мнения. Если, например, французские официальные лица приветствовали сближение, то большинство политиков и военных Германии отнеслись к нему с осторожным скептицизмом. «Никто не упрекнет Англию за такую политику, — комментировал происшедшее германский посол в Петербурге В. фон Шен, — можно только восхищаться умением, с которым она осуществила свои планы. Они вовсе необязательно связаны с какой-то антинемецкой тенденцией, но Германия, в наибольшей степени затронута соглашением». Любопытно, что кайзер сделал на полях донесения посла следующую пометку: «Да, взятое целиком, оно направлено против нас»[1214].

Если цинские власти воздержались от открытых протестов, поскольку их интересы гарантировались серией предыдущих соглашений с Британией, Россией и Японией, а Далай-лама, напротив, поставил себе цель использовать ситуацию для разрыва Тибета с Цинской империей, то эмир Афганистана Хабибулла отказался признать статьи, относящиеся к его владениям. Более того, он отверг попытки англичан уговорить его нанести официальный визит в Лондон, чтобы снять опасения правителя, хотя ранее высказывал такое намерение[1215]. Как пишет П. Хопкирк, подписание конвенции унизило народы Афганистана и Персии, потому что «их поделили» между двумя империями без всяких консультаций с ними[1216].

Но, похоже, что больше всех выражали недовольство в Тегеране. Дело в том, что как защитники монархии, так и сторонники демократии привыкли

считать Англию гарантом суверенитета и территориальной целостности Персидского государства в противовес царской России. Поэтому и те и другие назвали конвенцию 1907 г. «союзом с дьяволом». Как пророчески писала одна иранская националистически настроенная газета, Россия выиграла от соглашения, а Британия «обманула Персию», когда она (Британия. — *Е.С.*) перешла на сторону «врагов цивилизации и справедливости»[1217]. Спринг-Райс, в то время посланник в персидской столице, жаловался Грею, что все местные жители называют англичан ренегатами, которые «предали народ Персии»[1218].

Восприятие этого «шедевра государственного управления», по выражению одного царского чиновника[1219], английской и русской общественностью также имело отличия. В первом случае хор адептов политики Грея не мог заглушить голоса ее непримиримых оппонентов, особенно в Индии и других заморских территориях. В то время как большинство газет поддержало конвенцию, часть известных политических и общественных деятелей выступили с критическими замечаниями. Среди сторонников выделялась *Таймс*, которая в редакционной статье от 2 сентября 1907 г. одобрила документ, указав, что «мир в Азии и перспектива последующего сокращения тяжелой военной ноши Индии стоят некоторых жертв». Автор статьи выражал убеждение, что «она (конвенция. — *Е.С.*) встанет в ряд важнейших инструментов обеспечения мира во всем мире»[1220]. По мнению другого влиятельного печатного органа — *Спектейтора*, конвенция положила конец дальнейшему проникновению России в регион Персидского залива, завершив тем самым «кризисный период длительной нервозности относительно русских замыслов»[1221]. «Прежде всего, газеты подчеркивают ее большое историческое значение, потому что установлен определенный *modus vivendi* в Центральной Азии, — докладывал Поклевский-Козелл из Лондона в Петербург 2 октября того же года, — они также выражают надежду, что этот акт дипломатии кладет конец политики взаимного соревнования и недоверия, когда обе стороны постоянно подозревали друг друга в амбициозных замыслах и делали все возможное, чтобы противодействовать шагам друг друга»[1222].

Дельцы лондонского Сити также поддержали англо-русское соглашение. В начале 1908 г. Имперский банк Персии проинформировал Форин офис о полном одобрении статей соглашения, касающихся государства шаха[1223]. Именно о такой реакции писал Грей в послании Никольсону 24 февраля 1908 г.:

> «Люди здесь (в Англии. — *Е.С.*) не думают, что конвенция, как отдельная сделка, достаточна хороша: но они будут удовлетворены, если она приведет к общему дружественному отношению России к нам. Надеясь и ожидая это, они сердечно одобрили конвенцию, и России следует не разочаровать их»[1224].

Это мнение в целом разделялось многими ведущими политическими обозревателями. Упоминавшийся ранее Э. Диллон отмечал в солидном журнале *Контемпорари Ревью*:

> «Достижение сэра Артура Никольсона, далеко идущее и выгодное по своим результатам, заслуживает большего признания, чем успешная военная кампания. Обобщая все преимущества, которые оно имеет для нас, можно по справедливости сказать, что оно разрешило весь спектр англо-русского конфликта на Среднем Востоке, обеспечило безопасность всем британским концессиям на территории русской сферы влияния в Персии и лишило другие государства способности вызвать у нас внезапную панику, предотвратив кровавую войну между британским и русским народами»[1225].

Вполне понятно, что эйфория царила в рядах правящей либеральной, а не оппозиционной консервативной (юнионистской) партии. Как справедливо заметил П. Кеннеди, большинство либералов были увлечены перспективой сокращения затрат на военные цели, включая дорогостоящие мероприятия по реорганизации англо-индийской армии. Кроме того, они ожидали экономического эффекта от налаживания трехстороннего сотрудничества между Великобританией, Россией и Францией[1226].

Отвечая тем аналитикам, которые полагали, что изоляция Германии — главная цель освобождения двухсторонних отношений от «нагромождения прежних завалов», еще один публицист, скрывший свою фамилию под псевдонимом Калхас, писал в популярном журнале *Фортнайтли Ревью,* что нет и тени правды в предположении о конструировании какой-то коалиции, поскольку конвенция просто уравняла баланс сил в Евразии[1227]. Однако, помимо далеко идущих геополитических расчетов, в утверждении о скрытом анти-германском духе соглашения все же присутствовала доля истины, поскольку Бенкендорф сообщал в Петербург, что Грей и либеральный Кабинет равно опасались как коллапса царского режима, так и его внезапного превращения в военную диктатуру, возглавляемую деятелями, которые симпатизировали бы немцам. В последнем случае, исчезала бы всякая возможность для Великобритании достичь всеобъемлющего взаимопонимания с Россией[1228].

Среди наиболее последовательных критиков англо-русского сближения выделялись лица, знавшие Восток не понаслышке: Керзон, Спринг-Райс, Вамбери, Чайрол, Моррисон и другие. Любопытно, что их взгляды на соглашение во многих чертах совпадали с точкой зрения некоторых леволиберальных журналистов, близких к лейбористам, таких, например, как Л. Вольф и Г. Брэйлсфорд. Последние уверяли общественность, что «хищная царская бюрократия, одинаково враждебная к свободе других народов и своего», используя выражение Спринг-Райса, просто не могла превратиться в партнера демократической Британии за несколько месяцев переговоров[1229]. Характерно, что новости с берегов Невы, казалось, подтверждали это мнение. Так, в частности, по сообщению Чайрола от 2 сентября 1907 г., «всего лишь десять дней назад Столыпин и Извольский оказались в меньшинстве в Государственном совете, вниманию членов которого было, наконец, пред-

ставлено соглашение, и все зависело от последнего слова императора, которое стало положительным и решительным»[1230]. Газета *Дейли Ньюс* рекомендовала правительству игнорировать Россию до тех пор, пока в ней не будет установлен парламентский строй[1231]. Неслучайно с апреля по июль 1907 г. в Лондоне, Манчестере и других промышленных центрах состоялись массовые митинги протеста, организованные левой общественностью и активистами лейбористской партии, требовавших не подписывать каких-либо договоренностей с самодержавной Россией. Дело дошло до того, что Административный совет лейбористов принял резолюцию, осуждавшую Уайтхолл за проведение секретных переговоров с царскими дипломатами[1232]. Известный славист Б. Пэрс, о котором говорилось ранее, выразил эмоции части общественности следующей метафорой: «Создание настоящего конституционного режима в России будет равносильно появлению общего языка, на котором Англия и Россия смогут свободно разговаривать»[1233].

А. Вамбери, со своей стороны, также направлял гневные инвективы в адрес либерального правительства. Он назвал Конвенцию 1907 г. «унизительной» в глазах народов Персии, Афганистана и Китая, потому что ее статьи нарушили их суверенные права и территориальную целостность, открыв дорогу русской и германской (sic!) агрессии. По мнению Вамбери, «конвенция, вместо того, чтобы служить на пользу британским интересам в Азии, несет вред, давая пищу глубоко укорененному оптимизму относительно азиатских дел, доминирующему в Англии»[1234]. Показательно, что вице-король лорд Минто, главнокомандующий генерал Китченер и большинство членов правительства Индии назвали русско-британское соглашение документом, подрывавшим оборону *Раджа*. Под впечатлением их критических замечаний генеральный консул США в Калькутте сообщил в Вашингтон, что конвенция расценена ими как «абсолютно неприемлемая»[1235].

Однако наиболее последовательным противником этого дипломатического акта выступил Дж. Керзон, который использовал весь свой дар полемиста, чтобы не допустить его одобрения в парламенте. Выступая в Палате лордов 6 февраля 1908 г. на протяжении часа с четвертью, он высказал неверие в искренность стремления России действительно урегулировать все спорные вопросы с Англией. «Я, хотя и с сожалением, пришел к выводу, — заявил бывший вице-король, — что, каким бы ни оказался итоговый результат, мы во многом отбросили достижения нашей дипломатии и торговли за более чем столетие; и я совсем не уверен, что этот договор, в его части, относящейся к Персии, укрепит безопасность Индии, обеспечит независимость Персии или сохранит мир в Азии». «Сделка, — продолжал Керзон, обращаясь к достопочтенным пэрам, — сомнительна в отношении Афганистана, плоха в отношении Тибета, и ужасна в отношении Персии». Общий вердикт политика не оставлял сомнений в том, что престиж Великобритании в Азии подвергся унижению[1236]. Как заключил один из историков, «с точки зрения Керзона, соглашение с Россией предавало все, за что британское правительство боролось на протяжении истекшего столетия, ничего не предоставив взамен»[1237].

Парламентские дебаты продемонстрировали, однако, поддержку смягчению напряженности между Россией и Англией у большинства представителей правящих кругов. Лэнсдаун, постоянный заместитель Грея Т. Сандерсон и сам статс-секретарь по иностранным делам последовательно защищали конвенцию от поправок, предложенных оппозицией и выхолащивавших смысл документа. Они заверили парламентариев и общественность, что документ послужит гарантией интересов Британии в Центральной и Восточной Азии. Так, Сандерсон в своей речи перед членами Палаты общин утверждал, что «положительные и постоянно действующие обязательства, данные Россией в отношении Персии и Афганистана, призваны заменить довольно неясные заверения, которыми она ранее предпочитала отделываться от Британии»[1238]. По словам Грея, «будет гораздо ближе к истине сказать, что, подписав соглашение, мы не отказались ни от чего, что бы уже не было для нас потеряно ранее», а «то, что мы получили стратегически, вполне реально, в отличие от мнимых жертв в торговле». Заключительный аргумент Грея звучал следующим образом: «Если бы мы отказались вести переговоры с Россией, события, которые происходили с того времени на индийской и персидской границах, явно привели бы две страны (Британию и Россию. — *Е.С.*) ближе к конфликту». При этом глава Форин офис не забыл упомянуть роль восточноазиатского фактора в англо-русском сближении, подчеркнув, что Россия «испытала впечатляющее унижение на Дальнем Востоке и сможет восстановить свои позиции как великая держава, только присовокупив британскую дружбу к союзничеству с Францией»[1239].

Основываясь на приведенной аргументации, можно прийти к выводу, что по мысли ее творцов с британской стороны конвенция была призвана стабилизировать границы империи, устранив главную угрозу — потерю Индии. В этой связи следует признать правоту современного английского историка, который заметил, что этот дипломатический акт полностью учитывал стратегические цели Великобритании, демонстрируя восстановление способности правительства гарантировать имперские интересы[1240].

Нам осталось проанализировать восприятие конвенции в России. Здесь Извольский следующим образом декларировал значение подписанного документа: «Мы должны обеспечить свои интересы в Азии с точки зрения здравого смысла, иначе мы просто превратимся в азиатское государство, что было бы величайшим несчастьем для России»[1241]. Однако судя по разбросу оценок среди государственных деятелей и средств массовой информации далеко не все разделяли мнение министра иностранных дел, хотя положительные суждения о пользе конвенции для России все же преобладали. «Взгляд на российскую прессу всех оттенков и точек зрения ясно демонстрирует, насколько соглашение приветствуется как видимый признак новой эры в англо-русских отношениях, — комментировал в июне 1908 г. Чарльз Гардинг визит короля Эдуарда VII в Ревель (Таллин). — Когда я выразил удивление, что даже такая газета, как *Новое Время*, которую я всегда в свою бытность в России считал злейшим врагом Англии, стала теперь горячим сторонником англо-русского

согласия, Его Величество (Николай II. — *Е.С.*) признал, что он также был поражен той поспешностью, с которой распространилось это настроение, и что он никогда не удивлялся больше, прочитав в ура-патриотическом *Свете* теплую статью с похвалой Англии и призывом к более тесным отношениям между двумя странами»[1242]. Одно это свидетельство искушенного британского дипломата, который прекрасно разбирался в особенностях российской внутриполитической «кухни», опровергает точку зрения некоторых историков об исключительно негативном восприятии конвенции в России[1243].

На самом деле многие российские политики и общественные деятели выражали искреннее удовлетворение компромиссным исходом продолжительной гонки за лидерство в Азии. Один из них, Н.И. Нотович, сам активный участник *Большой Игры*, совершивший несколько секретных поездок по Среднему Востоку и Индии по распоряжению МИД и Главного штаба, опубликовал брошюру, в которой подчеркивал значение исторического компромисса с Британией[1244]. Другой известный представитель интеллектуальных кругов М. Ковалевский оценивал воздействие конвенции на российскую внешнюю и внутреннюю политику следующим образом:

> «Дальнейшее сближение нашей Родины со страной, которая имеет самые значительные интересы также как и самое большое влияние в Азии из всех европейских государств, послужит сохранению мира на Дальнем Востоке подобно тому, как более близкое знакомство с английской политической жизнью будет способствовать естественному развитию наших государственных учреждений»[1245].

По мнению Куропаткина, «Россия и Англия как азиатские державы должны работать сообща, так, чтобы поддерживать порядок в Средней Азии и дать в будущем отпор общей угрозе на Дальнем Востоке»[1246]. Мысли, близкие приведенному суждению, излагались туркестанским генерал-губернатором Н.И. Гродековым во всеподданнейшем отчете за 1907 г. Он подчеркнул, что Антанта с Британией должна положить конец периоду осложнений и конфликтов в двухсторонних отношениях, открыв новую эру «взаимной поддержки европейцев в Азии»[1247]. Еще одна заметная фигура среди государственных деятелей, посол в Японии, а затем в США Р.Р. Розен также испытывал энтузиазм в связи с перспективами русско-британского политического диалога, оценивая их через призму, как он надеялся, будущего англо-американо-русского союза в Азии[1248].

Ну, а что же противники? Они в России действовали подобно оппонентам конвенции на берегах Темзы. Некоторые цитировали весьма скептическое мнение Бисмарка об Англии как о ярком представителе «тех ловких держав, с которыми не только невозможно создать какой-либо прочный союз, но на которые совершенно нельзя положиться, потому что в Англии основа всех политических отношений более изменчива, чем в любом ином государстве»[1249]. Другие, как, скажем, прогермански настроенные члены дома

Романовых и сановники, опасались неизбежного разрыва с империей Гогенцоллернов из-за анти-британской политики Берлина и стремления немцев к торгово-промышленному преобладанию на азиатском Востоке. Так, для С.Ю. Витте конвенция стала триумфом английской дипломатии, сделав аннексию Персии невозможной для России. Этот государственный деятель полагал также, что Петербург лишился свободного доступа к Кабулу и Афганскому Туркестану. Витте был уверен, что при сложившихся обстоятельствах Афганистан как буферное государство превратился в «заряженное ружье», направленное против России[1250].

Военные руководители, например, генерал А.Ф. Редигер, который занимал должность министра с 1906 по 1908 г., высказывали сомнения относительно строгого соблюдения Лондоном статей конвенции[1251], а такие опытные аналитики, как А.Е. Снесарев и М.В. Грулев, признавая значение «духа сотрудничества» в отношениях с Англией для стабилизации границ Российской империи, тем не менее, полагали, что конвенция негативным образом повлияет на ее престиж в азиатских странах[1252].

Следует подчеркнуть, что в историографии двухсторонних отношений специалистами также давались различные оценки Конвенции 1907 г. К примеру, нарком иностранных дел Г.В. Чичерин считал, что это соглашение — «дело рук англо-русского металлургического империализма»[1253]. Крупный историк А.М. Зайончковский утверждал, что Россия ничего не выиграла от конвенции, потому что Англия была не в состоянии оказывать поддержку царским армиям в сухопутных сражениях Первой мировой войны[1254]. Известный советский исследователь международных отношений А.В. Игнатьев, доказывал, что предпосылки для англо-русского сближения возникли благодаря подъему национально-освободительного движения в странах Востока[1255]. Узбекский историк Г.А. Хидоятов стремился убедить читателей, что разграничение российской и британской сфер преобладания в Азии служило всего лишь ширмой для Англии при подготовке новой агрессии против народов Среднего Востока[1256]. С другой стороны, швейцарский специалист в области международного права П.-К. Теренцио находил аргументы в пользу утверждения, что конвенция «породила» анти-германский блок[1257]. Согласно же взглядам современных американских историков, «фундаментальное значение англо-русской Антанты 1907 г. было больше потенциальным, чем реальным», так как она «скорее препятствовала, чем удовлетворяла потребность Британии в безопасности», явившись «ступенькой на пути к Первой мировой войне»[1258].

Со своей стороны, автор разделяет концепцию тех специалистов, которые считают, что конвенция, подписанная Извольским и Греем, означала самое радикальное изменение британской внешней политики со времен лордов Элленборо, Веллингтона и Пальмерстона[1259]. Проведенное нами исследование показывает, что в некотором роде образцом для нее послужил договор между Великобританией и Францией, подписанный 7 апреля 1904 г., но не только. Другим дипломатическим актом, опыт заключения которого

учитывался Лондоном и Петербургом, очевидно, явилось соглашение между Россией и Австро-Венгрией о разграничении влияния на Балканском полуострове от 28 октября того же года[1260].

Конвенция урегулировала или, по крайней мере, существенно смягчила казавшиеся непримиримыми противоречия между Россией и Великобританией вдоль Дуги нестабильности от Персии до Тихого океана. Автор согласен с объективной оценкой конвенции, данной известным историком Джоном Гучем в предисловии к сборнику британских документов о происхождении Первой мировой войны: «Индия перестала занимать важное, по сути определяющее место в периодических дискуссиях о внешнеполитической стратегии, имевших место в Англии. Страх перед русским наступлением в Персии сохранился, но бремя поддержания стабильности в Центральной Азии взяли на себя скорее дипломаты, чем солдаты»[1261]. Еще более определенно высказался об этом соглашении современный английский исследователь Т. Отте, который подчеркнул, что оно «снизило извечную угрозу владениям в Индии, а также британским интересам в других частях Центральной Азии, уменьшив, таким образом, опасность перенапряжения империи»[1262]. Что касается России, то конвенция фактически зафиксировала пределы расширения ее территории, положив конец авантюристическим проектам выхода к берегам Индийского океана или утверждения на высокогорных плато в «сердце» Евразийского континента. Можно также утверждать, что не поражение России в войне против Японии, а именно англо-русское соглашение способствовало постепенному исчезновению русо- и англофобий в правящих кругах и среди обывателей обеих империй, хотя, как показали дальнейшие события, эта положительная тенденция не приобрела в дальнейшем устойчивого характера[1263].

Все приведенные выше аргументы позволяют с полным правом назвать события периода 1902–1907 гг. *дипломатической революцией* в международных отношениях, поскольку возникла система *согласий (ententes)* как новый тип коалиции, члены которой разграничивали сферы своего влияния и интересов за пределами европейского субконтинента. Именно такие дипломатические акты были заключены в указанный хронологический отрезок между Великобританией и Японией, Великобританией и Францией, Францией и Японией, Россией и Японией и, наконец, Великобританией и Россией. Невзирая на расовые, конфессиональные, культурно-исторические и географические различия, исходя из сугубо прагматических интересов своих государств, властные элиты великих держав эмпирическим путем пришли к осознанию необходимости заключения *согласий* подобного рода, которые, зафиксировав принципы двухсторонних отношений, оставляли бы свободу действия для подписантов, но в обозначенных пределах, стимулируя в то же время правительства для сотрудничества вне сфер их влияния. Таким образом, на смену хрупких альянсов XIX в., не выходивших за пределы Европы и основанных на принципах династической солидарности или конфессиональной общности, стали приходить долгосрочные союзы коалицион-

ного типа, сфера действия которых постепенно охватила основные регионы планеты. Хорошо известно, что Антанта как стратегический противовес Тройственному союзу, этому наследию традиционной дипломатии Бисмарка, просуществовала почти три десятилетия вплоть до середины 1920-х гг., чтобы затем фактически возродиться в годы Второй мировой войны.

Дипломатическая революция начала XX в. положила конец *Большой Игре* Великобритании и России на просторах Евразии. Конвенция 1907 г. изменила атмосферу двухсторонних отношений, избавив Лондон и Петербург от изнурительного соперничества за доминирование на Востоке, хотя и сопровождавшегося поисками компромиссов по отдельным региональным вопросам. Более того, соревнование двух вариантов модернизации традиционных азиатских обществ показало возможности их реализации в зависимости от конкретных условий. Наконец, разрешение большинства спорных проблем вне Европы заложило неплохой фундамент для сотрудничества двух империй в годы Первой мировой войны. Можно только согласиться с комментарием *Таймс*, опубликованным 25 сентября 1907 г.:

> «Взятая в целом, англо-русская конвенция, мы надеемся и искренне верим, выполнит задачу, обозначенную в ее преамбуле. Она разрешает путем взаимного согласия различные вопросы, оказывающие влияние на интересы двух держав в Азии, и призвана устранить антагонизм, который, будь он реальным или воображаемым, в течение более полувека постоянно угрожал миру на всей планете...»[1264]

Очевидно, что Э. Грей был абсолютно прав, когда еще 20 октября 1905 г. в одном из своих публичных выступлений незадолго до утверждения на посту главы Форин офис подчеркнул, что «дух соглашения более важен, чем его буква»[1265]. Симптоматично, что в 1912 г. *Таймс* поместила это высказывание в редакционную статью о визите британской парламентской делегации в Россию в ответ на аналогичную поездку депутатов Государственной Думы на берега Туманного Альбиона тремя годами ранее. «Англо-российское согласие гораздо больше, чем просто договоренность между правительствами наших стран, — писала *Таймс*, — оно коренится в истинной взаимной симпатии между двумя нациями и содержит в себе, таким образом, элементы стабильности и постоянства, которых не имеет на бумаге ни одно соглашение, подписанное дипломатами»[1266].

Воздействие «разрядки» в англо-русских отношениях на страны Азии

Стоит сразу же заметить, что хотя кардинальный поворот в развитии международных отношений, которым характеризовалось начало XX в., затронул европейские державы и привел к окончанию *Большой Игры* между

Британской и Российской империями, он также изменил расстановку сил в Азии, повлияв, хотя и противоречиво, на внешнюю и внутреннюю политику государств Среднего и Дальнего Востока. Тот факт, что, по верному замечанию американского историка, «дипломатическая революция не проходила гладко»[1267], в значительной степени объясняется ответной реакцией азиатских стран на снижение остроты англо-русского противостояния.

В первых главах книги уже отмечалось, что к середине XIX в. страны Центральной и Восточной Азии по сравнению с европейскими государствами характеризовались чертами традиционности в политической, экономической и культурной областях. Соперничество российской и британской цивилизаторских моделей принесло с собой изменения в эти сферы. На место социальной апатии, хозяйственной деградации и отсутствию прочного государственного устройства пришло пробуждение азиатских обществ под влиянием инноваций, воспринятых ими от Англии и России.

Как уже неоднократно отмечалось, многие аналитики проводили сравнение между российской и британской системами колониального управления в таких регионах, как Центральная Азия, Индия или Маньчжурия[1268]. Характерно, что пресса обеих держав выступала с пропагандистскими кампаниями, призванными скрыть слабости своих правительств и, наоборот, возвестить миру о достижениях имперской политики в отдаленных регионах. Однако данное исследование показало, что, невзирая на интенсивность соперничества России и Великобритании, между ними было много общего в стиле и методах осуществления цивилизаторской миссии на Востоке[1269].

Так, если группа видных государственных деятелей, колониальных чиновников, журналистов и общественных активистов апологетически связывала британское правление в Индии с наступлением «золотого века» в ее истории[1270], другие свидетели и даже участники событий той далекой эпохи, как, например, Александр Гарднер, полковник артиллерии на службе махараджи Кашмира Ранжита Сингха, сравнивали положение Индии — некогда богатейшей империи Великих Моголов, с ее «жалким», по его мнению, существованием под эгидой Великобритании на протяжении XIX столетия, когда народ становился беднее, а социальные условия постоянно ухудшались[1271]. В подтверждение этого суждения многие российские наблюдатели остро критиковали «хищническое правление» британцев на полуострове в плане вывоза природных ресурсов, эксплуатации коренного населения и восприятия его в качестве «низшей расы по сознанию, нравственным качествам и физическому состоянию». Сообщения индийских газет о частых проявлениях взаимного недоверия и вражды между англичанами и индусами давали весомые аргументы для таких выводов[1272].

Помимо журналистов, дипломатические и военные представители России в один голос указывали на негативное воздействие, оказываемое британским присутствием на азиатские общества. К примеру, упоминавшийся ранее казачий есаул Д.И. Ливкин, пребывание которого в Индии длилось несколько месяцев, сообщал в Главный штаб в 1899 г.:

> «Англичане использовали любую возможность, чтобы продемонстрировать туземцам и всему миру тот прогресс, которого они добились в области народного образования, транспортных коммуникаций и системы канализации. Однако в действительности эти достижения — ничто в сравнении с выгодой, извлекаемой Англией из Индии. Если бы британское правительство не рассматривало эту страну как прибыльное предприятие, она смогла бы наслаждаться большим процветанием и не страдать от таких бедствий, как голод, эпидемические болезни и т.п., как это происходит сейчас»[1273].

Ливкин указывал, что даже 1% грамотных индусов был лишен всякого шанса сделать карьеру в административных структурах Британской Индии, тогда как подданные русского царя — выходцы из тюркских народов Центральной Азии имели такую возможность.

Другой известный читателю дипломатический чиновник — В.О. Клемм также передавал в Азиатский департамент МИД остро критические оценки британского правления в Индии на протяжении 1899–1905 гг., то есть в период, когда пост вице-короля занимал лорд Керзон. По мнению генерального консула в Бомбее, вице-король — реформатор «ликвидировал остатки независимого статуса местных правителей», «превратил их полностью в пешки в руках британских политических агентов (аккредитованных при дворах махараджей. — *Е.С.*)», «сократил автономию туземной прессы» запрещением публиковать любых анти-британских сообщений и введением режима государственной секретности, отменил свободные выборы руководства университетов, а также упразднил конкурентную систему назначений на должности в низовой сельской и городской администрации[1274].

Но если большинство публицистов искренне видели в русском завоевании азиатских стран некий божественный промысел, который приведет их к прогрессу и процветанию под десницей Белого Царя, западные политики и интеллектуалы не уставали пускать критические стрелы в адрес методов, которых придерживались царские чиновники на местах. Наиболее часто они обвинялись в коррупции, кумовстве, репрессиях против мусульман, насильственном распространении православия и т.п.[1275] Было бы, однако, ошибкой, как и в случае оценок британского правления, игнорировать очевидные успехи российских властей на пути реализации их цивилизаторских устремлений. К этим успехам, без сомнения, следует отнести стабилизацию границ, внесение спокойствия и порядка в общественные отношения, заметное сокращение внутренних междоусобиц, сооружение современной транспортной инфраструктуры и линий связи, учреждение светских школ, библиотек и больниц. Даже местные жители признавали, что для них гораздо предпочтительнее нахождение в составе Российской империи, чем подчинение власти персидских, афганских или цинских владык. Показательно, что многие европейцы высказывали убеждение в том, что, несмотря на все

минусы и недостатки автократического режима, модель российского колониального управления не менее пригодна для условий Азии и прогрессивна по сравнению с восточными деспотиями, а в отдельных случаях и более эффективна, чем та, которую практиковали англичане. Как писал, например, известный историк Ч. Тревельян на страницах *Таймс* еще в ноябре 1878 г., участвуя в дискуссии о смысле русского завоевания Центральной Азии:

> «Вместо мира и безопасности для жизни и собственности, которые являются основой всякого прогресса, здесь (в ханствах Центральной Азии. — *Е.С.*) царили насилие и ненависть. Это самое мрачное из затерянных мест на земле было наполнено жестокостью. Умиротворение и урегулирование конфликтов там вне нашей досягаемости, поэтому нам не следует проводить обструкцию в отношении России за выполнение ею затратной и сложной задачи [в этом регионе]»[1276].

Представляется бесспорным, что подчинение кочевых племен и средневековых ханств позволило царскому правительству, как уже отмечалось, интегрировать азиатские народы в социально-политическую и экономическую жизнь огромного евразийского государства. По словам А.Н. Куропаткина, сказанным им в Ашхабаде, группе английских туристов:

> «Мы (русские. — *Е.С.*) можем с полным правом заявить, что тридцать пять лет, в течение которых Средняя Азия пользуется преимуществами твердого и цивилизованного управления, стали годами неизменного прогресса, укрепления связей и добрых отношений, соединяющих этих людей (то есть жителей Средней Азии. — *Е.С.*) со всеми российскими подданными»[1277].

Толерантность российских властей к местным традициям и обычаям, которые они стремились учесть при распространении действия законодательных актов империи на Туркестан или Маньчжурию (в период ее фактической оккупации с 1900 по 1905 г.), не спасала тем не менее гражданских и военных администраторов от взрывов недовольства населения колониальных окраин в ходе восстаний. Если российское правление и казалось менее прогрессивным, чем британское в плане темпов развития местной промышленности, системы образования или социальных стандартов, оно было более понятным для коренных жителей, которые не были готовы к ускоренной модернизации по либеральным рецептам. Неслучайно, многие наблюдатели констатировали, что в то время как англичане заставляли туземцев чувствовать себя ниже «белых господ», россияне не возражали против традиционного образа их поведения. Видимо, поэтому Г. Дюранд еще в 1888 г. заметил, что «позиции русских в Азии кажутся естественными, а британцев — искусственными»[1278].

Очевидно, что как российские, так и европейские путешественники сопоставляли двойственное отношение людей Востока, например, торговцев из

Бухары или Кашгарии, к Британии и России. Если в первом случае они поддерживали действия англичан по утверждению правил справедливой конкурентной торговли на азиатских рынках, сомневаясь в военно-политической мощи королевства, во главе которого стояла женщина, то во втором случае они восхищались могуществом великого Белого Императора, способного посылать бесчисленные армии для покорения Азии[1279].

В сравнении с Британской империей, достаточно гетерогенной по внутренней композиции, напоминавшей российским наблюдателям «коммерческий офис, созданный, чтобы получать определенную прибыль»[1280], главной особенностью Российской империи была ее пространственная непрерывность в Евразии. Подобно тому, как британцы неутомимо создавали сеть коммуникаций на морях, включавшую порты, доки, склады, телеграфные линии и военные базы, российские инженеры и техники, офицеры и казаки, предприниматели и крестьяне формировали колоссальную сеть железных дорог, призванных соединить в единый организм губернии европейской части, Сибири, Дальнего Востока, Закавказья и Центральной Азии, хотя свое экономическое значение эта сеть приобрела только в XX в.[1281] Здесь уместно привести комментарий одного немецкого публициста, который так описал роль Среднеазиатской магистрали:

> «Она прорезала пояс пустынь, который рассматривался Англией как защита Индии..., она сделала возможным одновременную переброску массы войск из Туркестана, Кавказа и поволжского региона в Ашхабад и Мерв, накрепко соединив Закаспийскую область с центром ее естественного притяжения — Туркестаном. Престиж России в Центральной Азии укрепился... Русификация ее азиатских владений была обеспечена на поколение вперед»[1282].

К 1890-м гг. помимо стратегического потенциала Туркестана, а затем и Дальнего Востока внимание правительственных кругов начали привлекать проекты хозяйственного освоения колониальных окраин. Так, посещение министром финансов И. Вышнеградским Ташкентской выставки, проходившей в 1890 г., дало ему основание назвать Туркестан «драгоценностью в короне российского царя» (сравните с эпитетом в адрес Индии!), поскольку этот край превратился для России в главный источник хлопка-сырца и натурального шелка, став, по мнению публицистов, «колонией, неразрывно связанной с империей», естественным рынком для российских товаров и потенциальной зоной колонизации[1283]. Следовательно, военно-политические модель господства России в Азии с течением времени перестала исключать методы экономического управления колониальной периферией, что обеспечило в дальнейшем развитие центральноазиатских республик в составе Советского Союза.

Как показывает наше исследование, эволюция экономической политики России в Азии происходила в направлении либерализации протекционистского режима и смягчении правил осуществления предпринимательской де-

ятельности не только для ее подданных, но и для иностранцев[1284]. Не так обстояло дело в Британской империи, где в ходе *Большой Игры* усиливались голоса сторонников восстановления политики жесткого протекционизма и даже неомеркантилизма. К началу XX в. ограничение традиционных домашних промыслов и монополизация азиатских рынков перестали быть характерными чертами только российской модели колониального управления. Вместе со всплесками джингоизма новые тенденции в экономической политике отразили амбивалентность вызовов, с которыми столкнулся Уайтхолл в последние годы *Большой Игры*: необходимость укрепления имперских владений, раскинувшихся на пяти континентах, с требованием одновременного поддержания баланса сил в Европе, где располагалась метрополия, и куда стекались доходы, полученные в заморских владениях.

Что касается России, то ее политики и интеллектуалы в конце XIX в. сформулировали концепцию Сибири и Центральной Азии как колыбели для новых поколений русской нации[1285]. Характерно, что уже к 1881 г. около 30 тыс. русских крестьян и казаков осели в Семиречье, хотя препятствием для колонизации территорий, скажем, Бухарского эмирата и бывшего Кокандского ханства являлись законы, действовавшие в империи до начала Первой мировой войны[1286]. Административный регламент для Туркестанского генерал-губернаторства, введенный царскими властями в 1886 г., ускорил казачью колонизацию южного Туркестана. Похожая динамика наблюдалась и в Приамурской области, а также Маньчжурии накануне русско-японской войны. Новые обширные территории были открыты правительством для освоения крестьянством азиатских частей империи в ходе аграрных реформ премьер-министра А.П. Столыпина, предпринятых правительством с 1906 по 1910 г.[1287] Одновременно, согласно данным ежегодных финансовых отчетов, правительственные круги начали поощрять и капитальные инвестиции как в Центральную Азию, так и в сферы влияния России на территории Персии и Китая[1288]. Симптоматично, что после подписания англо-русской Конвенции 1907 г. один из российских публицистов отмечал, что «наша насущная политика на Востоке должна быть политикой экономических преобразований, основанных на мирном культурном сотрудничестве и дружбе с определенными государствами»[1289].

И роль *Большой Игры* в том, что обе державы — Россия и Великобритания — наконец пришли к пониманию этой важнейшей истины, вряд ли можно переоценить.

Эпилог

Как ни прекрасны начала свободной торговли, но сама Англия усвоила их только по достижении промышленного совершеннолетия, а мы еще до сих пор далеки от такого возраста, и, как ни приятно нам делать угодное Англии и ее торговле, но требования нашей собственной торговли и промышленности должны стоять на первом для нас плане.

П.Н. Стремоухов

Русские подчинили народы, завоевать которые было легко, а главной целью всего этого, а также слухов о несказанных легионах солдат размещенных в собственно России, является внушение человеку Востока мысли о том, что русские обладают большей силой чем британцы, даже большей, чем у них действительно есть.

Ф. Янгхазбенд

После того, как обе державы, Россия и Великобритания, урегулировали споры в Персии, Афганистане и Тибете, заключив Конвенцию 1907 г., сотрудничество и взаимопонимание стали постепенно вытеснять вражду и конфронтацию, несмотря на сохранявшиеся отличия в политическом режиме, экономическом строе, культурных традициях, а самое главное, — психологии подданных британской и российской монархий. По справедливому замечанию Ч. Гардинга, сделанному им во время беседы с Николаем II в июне 1908 г., между обеими сторонами «могут возникать временные противоречия во взглядах на мелкие вопросы, но совпадение национальных интересов Англии и России в Европе и Азии в гораздо в большей степени перевешивают любые возможные несоответствия такого рода»[1290].

Многие современники не скрывали удивления, наблюдая за тем, насколько быстро возникали двухсторонние ассоциации, общества и комитеты. Так,

уже в 1909 г. по инициативе ряда парламентариев, общественных деятелей и представителей бизнеса были учреждены Англо-Русский комитет дружбы и Англо-Русская торговая палата. Британский парламент и Государственная Дума обменялись визитами делегаций своих членов, а упоминавшийся Б. Пэрс приступил к изданию журнала *Русское обозрение (The Russian Review)* и основал первую на Британских островах школу русистики при университете Ливерпуля в 1912 г.[1291]

О. Чемберлен, один из лидеров консервативной партии, в своей хронике предвоенных событий, сумел хорошо передать атмосферу ожидания сотрудничества, которая была характерна для обоих государств после 1907 г. Так, он присутствовал на торжественной церемонии открытия Русско-Английского банка в Петербурге 8 апреля 1912 г.[1292] По воспоминаниям другого англичанина, вице-консула Р. Локкарта, который позднее приобрел печальную известность в качестве главного организатора заговора послов против большевистского правительства летом 1918 г., шесть–семь офицеров из Великобритании стали ежегодно проходить стажировку в России, изучая ее язык и культуру, а московские семейства с удовольствием сдавали им в аренду жилые помещения и принимали участия в процессе обучения, знакомя гостей с достопримечательностями древней столицы[1293].

Хотя критические стрелы демократической прессы Англии продолжали временами беспокоить авторитарный режим, лишь прикрытый фасадом Основных законов империи и парламентских учреждений[1294], властная элита и народ Великобритании учились смотреть на Россию как на цивилизованную страну, постепенно освобождаясь от прежних стереотипов. Большое впечатление на них произвела серия реформ, инициированных энергичным премьер-министром А.П. Столыпиным с целью обеспечить Российскому государству столь необходимый ей рывок к высотам индустриальной модернизации. Показательно, как Э. Грей выразил чувства искренней симпатии к русскому народу, выступая в парламенте с разъяснение целей визита Эдуарда VII в Ревель летом 1908 г.:

> «Я вижу в России великую расу, хотя многое из ее мощи пока нераскрыто, ее характер все еще развивается и не обрел полной силы, но новые помыслы и энергия начинают будоражить ее. Я убежден, что ее ожидает великая роль в мире. Многое в поддержании всеобщего мира и многое в благосостоянии как России, так и нашего зависит от отношений между нами»[1295].

Неудивительно, что окончание бескомпромиссного соперничества между двумя империями модифицировало их внешнюю политику в различных регионах мира. К примеру, 20 марта 1908 г. глава министерства по делам Индии Дж. Морли направил меморандум вице-королю лорду Минто относительно сокращения военных расходов в этой важнейшей части Британской империи после заключения англо-русской конвенции[1296]. В августе того же года корреспондент журнала *Найнтинс Сенчури энд Афте* Э. Баркер писал,

что «в течение последних двух лет не было ни единой жалобы на российских эмиссаров в Азии. Необходимо признать, что Россия проявила величайшую корректность и лояльность по отношению к этой стране (Великобритании. — *Е.С.*)»[1297].

Тесная взаимосвязь азиатских и европейских проблем, особенно на фоне возраставшей германской опасности, заставила Грея 30 августа 1909 г. телеграфировать в британское посольство в Петербурге:

> «Вам (т.е. послу А. Никольсону. — *Е.С.*) надлежит сделать строго конфиденциальное заявление императорскому правительству, что мы получили предложение от правительства Германии не только обсудить расходы на морские вооружения, но и общие заверения в дружеском расположении… Очень важно, чтобы это предложение содержалось в секрете, так как я имею все основания надеяться, что оно будет иметь результатом какую-то договоренность общего мирного характера, к которой присоединятся Франция и Россия, а преждевременное разглашение может привести к потере такой возможности»[1298].

Такая доверительность, немыслимая во времена *Большой Игры*, свидетельствовала о том, что традиционная подозрительность и стремление переиграть соперника действительно уступали место партнерству и желанию заручиться взаимной поддержкой. Как справедливо отмечал в январе 1909 г. Гардинг, «все наше будущее в Азии обусловлено необходимостью развития лучших и самых дружественных отношений с Россией». А тремя месяцами позже, в меморандуме, получившим одобрение Грея, премьера Г. Асквита и самого короля Эдуарда VII, он утверждал, что даже прогерманская ориентация России в Европе не должна привести к коллапсу англо-русского понимания в Азии[1299]. Поэтому наряду с реформами главы военного ведомства Г. Холдена, Комитет имперской обороны и Генеральный штаб приступили к пересмотру всех прежних стратегических планов, перенося акценты с задач по укреплению обороны Гиндукуша и Сингапура на защиту северо-запада Европы от внезапного германского нападения[1300].

Похожая динамика наблюдалась в кругах российских политиков и общественности. Например, президент ИРГО А.П. Семенов Тянь-Шанский в 1908 г. высказался о ближайших политических задачах России следующим образом:

> «Для нас наступило время понять, что наши напряженные отношения с Англией в течение почти всего прошедшего столетия были в основном вызваны недопониманием, незнанием и постоянным взаимным раздражением… После того как мы разграничили сферы нашего влияния в Азии, и после того как Англия поняла, что Россия не намеревается угрожать ей ни в Индии, ни на ее торговых морских путях, она начала доверять нам, и было подписано

соглашение, которое может превратиться в союз. Мы получим колоссальный выигрыш путем смягчения враждебности к нам с помощью него как на Дальнем, так и на Ближнем Востоке»[1301].

Вывод британских оккупационных сил из долины Чумби в феврале 1908 г. в строгом соответствии со статьями англо-русской конвенции повлиял на позицию даже таких ярых англофобов, как А. Доржиев, который обратился в царский МИД с предложением установить над Тибетом протекторат в виде кондоминиума России и Англии. Любопытно, что почти одновременно с близкой по смыслу инициативой выступил отставной военный министр и неудачливый полководец А.Н. Куропаткин, озвучивший идею раздела в будущем Восточного Туркестана между двумя державами[1302].

Тем временем, Лондон и Петербург также эффективно сотрудничали на афгано-персидской границе, которую сумел взять под контроль англо-русский контингент пограничных войск, чтобы не допустить распространения германского влияния через Персию и Афганистан дальше на страны Восточной Азии. Характерно, что в 1911 г. англичане даже предложили царскому правительству проект совместного строительства железной дороги из Бомбея в Европу, которая должна была пройти по территории упомянутых выше государств Среднего Востока[1303].

Хорошо понимая, какой дестабилизацией обстановки на Среднем Востоке угрожают Англии и России панисламистские и националистические движения, Уайтхолл не протестовал, когда сторонники шаха в Персии обратились за помощью к элитной казачьей бригаде с целью подавления антимонархических выступлений народных масс, интеллигенции и национальных меньшинств. Также с пониманием отнеслись на берегах Темзы и к борьбе царских властей с мятежами под исламскими лозунгами на территории Русского Туркестана накануне и в ходе Первой мировой войны. В ответ Россия воздержалась от вмешательства в Кувейтский кризис 1912 г., предоставив Великобритании укреплять свои позиции в зоне Персидского залива, куда теперь вместо Петербурга активно стремился Берлин. Заинтересованность и понимание были проявлены Сент-Джеймским Кабинетом и в отношении серии русско-японских договоренностей по уточнению сферы их интересов в Китае после начала Синьхайской революции. И хотя срок действия англо-японского союза был снова пролонгирован Лондоном и Токио в 1911 г., его направленность изменилась: теперь во главу угла была поставлена германская, а не русская угроза[1304].

С высоты сегодняшнего дня можно констатировать, что Конвенция 1907 г. явила собой значимый прецедент относительно быстрого перехода от конфронтации к партнерству между двумя крупнейшими державами того времени в результате окончания *Большой Игры*. Разумеется, это вовсе не означало немедленного прекращения соперничества и установления полной гармонии в отношениях таких колоссальных по территории и сложных по внутреннему составу государственных образований, как Британская или

Российская империи. Оба бывших противника обладали в Азии собственными имперскими интересами, которые они стремились отстаивать, хотя отныне не в ущерб друг другу, как это происходило на протяжении второй половины XIX в. И все же основания русско-британского согласия казались многим политикам и общественным деятелям чересчур хрупкими, поскольку они опасались, что различия в подходах к европейским делам могут стать причиной краха *разрядки* между Лондоном и Петербургом с последующим новым витком конфронтации в Азии. Вот почему, несмотря на статьи англо-русской конвенции, разведывательные службы продолжали внимательно следить за действиями друг друга в зонах потенциальных конфликтов[1305].

Кроме того, по-прежнему давали о себе знать стереотипы сознания высших должностных лиц, которые тормозили превращение согласия в полноценный военно-политический союз[1306]. Неслучайно ряд историков утверждают, что русские симпатизировали англичанам лишь на министерском уровне, очевидно, намекая на взаимопонимание между Извольским, а затем Сазоновым и Греем, тогда как общий шовинистический настрой российского общества и критическое отношение к самодержавному режиму англичан препятствовали дальнейшему сближению. По мнению этих авторов, с восстановлением Романовской империи после урона, понесенного в результате русско-японской войны и революции, у ее властной элиты ослабевало стремление к развитию диалога с англичанами. Они утверждают далее, что надежды на постоянное согласование российских и британских интересов в Евразии выглядели нереалистичными, тем более, что лондонский Кабинет с большим подозрением воспринимал панславистские настроения, возобладавшие при петербургском дворе в ходе Балканских войн[1307].

Наше исследование показывает, что противники сближения подталкивали свои правительства либо к интенсификации разведывательной деятельности на территории партнера[1308], либо к каким-то отдельным акциям, нередко проводившимся по инициативе чиновников на местах, как, например, раздача британским консулом жителям Кашгара «билетов на подданство», полное вытеснение англичан русскими из северо-восточных персидских провинций или составление англичанами плана оккупации Месопотамии и железнодорожного строительства от Басры до Мосула, где уже была обнаружена нефть[1309]. Но даже те военные специалисты, которых вряд ли возможно назвать англофилами, как, например, военный атташе в Лондоне генерал-лейтенант Н.С. Ермолов, совершивший весной 1911 г. поездку в Индию, приходили к выводу о близости интересов Англии и России на Среднем Востоке. Они сообщали в Петербург о том, что Англия, в особенности военная администрация Индии, ищет «большего с нами (Россией. — *Е.С.*) военного сближения на основании и в дальнейшее развитие англо-русского соглашения 1907 г.»[1310].

Справедливости ради, укажем, что к весне 1914 г. некоторые министры и колониальные администраторы как в России, так и в Великобритании прониклись мыслью о необходимости пересмотра Конвенции 1907 г. с учетом последних событий. Показательно, например, что министерство по делам

Индии предложило в обмен на получение Россией «свободы рук» в Восточном Туркестане и Внешней Монголии добиться от нее согласия на переход Тибета под покровительство Англии[1311]. Возраставшее давление царских властей на правительство шаха также вызывало тревогу Уайтхолла. Быстрое увеличение военной мощи и промышленный бум в России побуждали осторожный Лондон искать противовес путем смягчения колониальных противоречий с Берлином, чтобы тем самым удерживать Петербург в рамках конвенции[1312]. Как писал А. Никольсон накануне Первой мировой войны, сохранявшаяся неопределенность англо-русских отношений «увеличивает мое беспокойство относительно вероятности того, что Россия в трудную для себя минуту откажется от нас и предпримет шаги по установлению более близких отношений с Германией, и, конечно, такой новый политический курс с ее стороны окажет серьезное влияние на наши отношения с ней на Среднем и Дальнем Востоке»[1313].

Для того, чтобы развеять возникшие страхи, Николай II целенаправленно укреплял англо-русские связи. О его намерении всячески способствовать этому, несмотря на оппозицию германофильских элементов, было им открыто заявлено в январе 1914 г.[1314] Цель нового раунда официальных переговоров, которые готовили дипломаты обеих стран, определялась как обсуждение и урегулирование всех спорных вопросов, накопившихся за семь лет, которые истекли со времени окончания *Большой Игры*. Несмотря на то, что Никольсон назвал эти консультации, продолжавшиеся фактически до Октябрьской революции 1917 г., «танцами на канате», англо-русское сотрудничество продолжало расширяться. Помимо военно-морской конвенции и ситуации на Балканах, оба правительства обсуждали пути трансформации согласия в военно-политический союз по типу англо-японских договоров 1902–1911 гг.[1315] При этом, как свидетельствует официальная переписка, стороны отводили немаловажную роль достижению новых компромиссов по Синьцзяну и северо-восточному Афганистану, куда англичане готовы были допустить русских в обмен на расширение зоны своего влияния в Персии и уступок России в Тибете[1316]. Правда, захватническая программа стратегов вроде А.Н. Куропаткина, предусматривала гораздо больше: помимо серьезной «коррекции» границ с Персией, Афганистаном и Китаем, он предлагал царю оккупировать черноморские проливы и разделить Османскую империю между членами Антанты[1317].

Благодаря англо-русскому сотрудничеству в годы Первой мировой войны, германские секретные экспедиции не смогли развернуть подрывную деятельность на Востоке, хотя и в свою очередь не позволили британцам, опасавшимся восстаний пуштунских племен, перебросить значительные силы англо-индийской армии с северо-западной границы Индостана на Ближний Восток[1318]. И все же Лондон и Петербург предотвратили включение Среднего Востока в орбиту интересов Четверного союза[1319]. Более того, со времен Наполеоновских войн казак и сипай впервые сражались бок о бок в Месопотамии против общего врага — турок, «вместо того, чтобы сердито смотреть

друг на друга через горы и пустыни Внутренней Азии»[1320]. Примечательно, что кульминацией развития союзнических отношений в годы Великой войны стало учреждение Общества сближения с Англией, которое состоялось в Москве 4 июня (22 мая) 1915 г.

Видимо, бессмысленно и контрпродуктивно выдвигать предположения относительно формата, который бы приобрели отношения двух стран в Азии, если бы Россия не отказалась от принятых ей на себя союзнических обязательств в конце 1917 – начале 1918 г. Но одно утверждение представляется автору бесспорным — после заключения англо-русской конвенции *Большая Игра* безвозвратно ушла в прошлое и о каком-то ее возрождении в новом качестве говорить, конечно, не приходится.

На протяжении полувека она сочетала в себе несколько конфликтовавших между собой тенденций — от дипломатического диалога и обмена результатами работы многочисленных экспедиций, включая разведывательные данные, до военных угроз и шантажа, которые периодически приводили Россию и Британию на грань войны. Наше исследование выявило своеобразное чередование «светлого и темного» начал в российско-британских отношениях, хотя соперничество и сотрудничество, похоже, всегда сопровождали их политику в Центральной и Восточной Азии. Когда дух наступательной агрессивности брал верх над прагматизмом и осторожностью, как это происходило в 1877–1878 или 1884–1885 гг., *Большая Игра* способствовала возрождению национальных фобий и шовинизма. И наоборот, вместе с проявлениями доброй воли и установлением доверительных контактов открывался путь к поиску развязок по острым текущим проблемам, касавшимся естественных границ, буферных государств и сфер влияния.

Толковый словарь Уэбстера предлагает различные толкования слова *игра (game)*. Но одно из них, на наш взгляд, наиболее соответствует предмету исследования — «испытание на сноровку и выносливость»[1321]. Именно такое испытание прошли Россия и Великобритания за полвека эволюции их отношений. Более того, автор убежден, что главный вектор *Большой Игры* нельзя сводить только к экспедициям путешественников или операциям секретных агентов, хотя эти виды деятельности, конечно, выступали ее неотъемлемыми компонентами. Показательно, что те разведывательные структуры и особые подразделения, которым *Игра* дала «путевку в жизнь», явились прообразами таких организаций, как Британская специальная воздушная служба (British Special Air Service), американские Зеленые береты (Green Berets) и Подразделение Дельта (Delta Force), созданных «как в целях, которые они надеются добиться, так и с использованием особых методов их достижения»[1322].

Наше исследование также позволило сделать вывод о том, что дуализм соперничества и сотрудничества, характеризовавший взаимодействие России и Британии, составлял внутреннюю суть всех аспектов *Большой Игры* — от политики и дипломатии до экономики и социальных отношений. По мнению автора, в то время как британская властная элита, проникнутая либеральны-

ми идеями конкуренции и свободной торговли, в ранневикторианский период преследовала не только политические, но и экономические цели при осуществлении цивилизаторской миссии на азиатском Востоке, правящие круги России вступили в соревнование с более передовой Великобританией, исходя, прежде всего, из геостратегических приоритетов. Вот почему в первом случае цивилизаторская миссия казалась более продуктивной, чем во втором. Однако заключительные годы *Большой Игры* демонстрировали обратное соотношение, когда для России мотив индустриальной модернизации вышел на первый план, особенно после поражения от Японии на Дальнем Востоке, тогда как для Соединенного Королевства империалистические амбиции начали временами заслонять соображения экономической целесообразности[1323].

Компаративное изучение этапов *Большой Игры* также дало нам возможность прийти к заключению об упрощенном взгляде на Россию как единственном источнике агрессии на пространстве Евразии. В отдельные периоды соперничества с русскими английское правительство проводило не менее жесткую, наступательную политику на территории своих заморских владений или сфер влияния. Достаточно вспомнить англо-афганские войны, вторую опиумную войну, вооруженный конфликт с Персией или поход на Лхасу, не говоря уже о бесчисленных карательных экспедициях против малых государств и племен в горных районах на северо-западе Индостана.

Более существенным представляется вывод о том, что *Большая Игра* знаменовала собой не просто соперничество двух империй, а столкновение различных культурных парадигм на фоне реалий доиндустриальных азиатских обществ[1324]. Если британская модель в целом основывалась на ценностях протестантизма (в его англиканском варианте) и экономического либерализма, то российская опиралась на догмы православия и политического авторитаризма[1325]. Как справедливо описал образ России в менталитете викторианского общества один из современных отечественных авторов, «столь близкое географическое соседство с автократической державой, подчинившей себе огромные территории евразийского материка, легко вызывало у западных наблюдателей ощущение подавленности и потенциальной опасности для себя»[1326].

Очевидно, что при оценке эволюции англо-русских отношений в контексте *Большой Игры* не стоит упускать из виду тот значительный разрыв в уровне социально-экономического развития, который существовал между двумя странами на протяжении XIX века. Если к его середине промышленный переворот в Великобритании фактически уже совершился, превратив ее в «мастерскую мира», то Россия только начинала «разбег» благодаря реформам 1860-х – 1870-х гг. Указанное стадиальное несовпадение во многом обусловило различия целей и задач, которые ставили в своей азиатской политике властные элиты обеих империй. Так, например, многие европейские наблюдатели придерживались ошибочного мнения о том, что, поскольку русским по определению не хватает деловой хватки и инициативы, а британцы одарены этими качествами в полной мере, именно английскую

модель модернизации азиатских народов следует рассматривать не просто как передовую, но и наиболее соответствовавшую условиям отдаленных колониальных рынков[1327]. Тем более, что некоторые британские публицисты продолжали парадоксальным образом рассматривать Россию одновременно как геополитического соперника и страну, нуждавшуюся в руководстве со стороны европейцев, включая представителей Туманного Альбиона[1328].

В действительности, несмотря на указанные различия, британская и российская цивилизаторские миссии на Востоке обладали, как показало проведенное исследование, рядом общих черт: ориентацией на духовные ценности христианства, ярко выраженным европоцентризмом, идеей авангардной роли белой расы в сравнении с отставшими в своем развитии азиатскими народами и т.д. Отсюда сходство и взаимное копирование некоторых методов колониального управления, например, установление власти вице-короля в Индии и наместника (или генерал-губернатора с такими же полномочиями) в Туркестане, на Кавказе и в Маньчжурии; проведение жестоких карательных экспедиций против восставших племен и правителей государств, нарушавших прежние договоренности; ликвидация варварских обычаев и замена прежней системы налогообложения на новую; создание образовательных учреждений, больниц и коммунальных сетей.

Изучение феномена *Большой Игры*, не сводимой лишь к обеспечению надежной обороны Индии, как это следует из работ некоторых историков[1329], привело автора к заключению, что это было длительное соревнование двух достойных конкурентов, которые первоначально участвовали в ней, не обладая достоверными географическими сведениями, поскольку как в центре, так и на местах, особенно в начале соперничества, довольно приблизительно представляли себе специфику «шахматной доски», на которой и развертывались основные события. Кроме того, среди викторианской элиты господствовало мнение о вынужденном характере действий Британии на Среднем и Дальнем Востоке как реакции на экспансионизм «царизма». Правда, к концу *Большой Игры* все больше и больше политиков, военных и ученых-ориенталистов стали осознавать, что российская модель модернизации традиционных азиатских обществ более естественна для народов Азии, чем британская, которая казалась искусственной и непонятной большинству представителей местного населения. Как верно заметил посол в России лорд Нэпир еще в 1875 г., «русские, будучи сами азиатами, и постоянно «адсорбируя» население покоренных стран, более глубоко укореняются в почве, которую они занимают, чем, похоже, сможем мы когда-либо сделать в Индии»[1330].

Автор также разделяет концепцию английского историка Д. Джилларда, который указывал на политическую преемственность как действительном «призе» в соревновании великих держав за господство на просторах Евразии[1331]. Неслучайно поэтому царские власти предпринимали колоссальные усилия, чтобы превратить Ташкент не просто в административный центр

Русского Туркестана, а в столицу всего Среднего Востока — символ превосходства российской модели колониального управления над британской[1332].

Споры, которые все еще продолжаются в историографии относительно приоритета политических или экономических мотивов *Большой Игры* кажутся автору лишенными смысла[1333]. Результаты исследования позволяют установить, что их роль варьировалась на различных ее стадиях. Кроме того, с нашей точки зрения, ошибочно трактовать *Большую Игру* лишь как результат авантюрного духа отдельных предприимчивых личностей, действовавших исключительно на собственный страх и риск. В реальности, почти все известные «игроки» осуществляли свои миссии с гласной или негласной санкции, а нередко и при прямой поддержке либо национальных правительств, либо администраторов на местах, которые, случалось, ставили в известность Лондон или Петербург только после успешного завершения экспедиций в «затерянные миры» Евразии.

Наконец, проделанная работа заставляет нас признать, что *Игра* выступала неотъемлемым компонентом англо-русских отношений на протяжении викторианского и первой половины эдвардианского периодов. Во многом благодаря ей дипломатическая практика обогатилась такими дефинициями, как *государство-буфер, естественная (научная) граница) сфера влияния (интересов)*, *разрядка, согласие* и т.д., которые составили впоследствии понятийный аппарат международных отношений XX столетия. Для Британии, где происходило чередование у власти либеральных и консервативных Кабинетов, именно *Большая Игра* обеспечивала преемственность азиатской политики, о необходимости которой в своих публичных выступлениях так убедительно говорил лорд Розбери[1334]. То же можно сказать и о России, учитывая особенности царствований российских императоров Александра II, Александра III и Николая II.

Если глубоко задуматься о причинах, этапах и результатах *Большой Игры*, нетрудно прийти к заключению, что победители и проигравшие в этом соревновании отсутствовали, хотя и на этот счет точки зрения историков расходятся[1335]. По мнению автора, она не может быть также названа «холодной войной викторианского периода», поскольку, несмотря на черты внешнего сходства, холодная война XX в. имеет совершенно другие причины, хронологические рамки и специфику. С нашей точки зрения, также ошибочно продолжать *Большую Игру* за пределы «дипломатической революции» 1902–1907 гг., которая вывела Великобританию из «блестящей изоляции» и подключила Россию к сотрудничеству с передовыми демократиями Европы. Начавшись сразу же после Крымской войны, когда один из российских стратегов метафорически писал, что Британия «бросила перчатку под стенами Севастополя», а Россия «приняла этот вызов»[1336], соперничество Лондона и Петербурга продолжалось вплоть до того момента, когда им стало ясно, что господство в Азии одной, пусть и могущественной державы, относится не к политическим реалиям, а к геостратегическим утопиям, хотя именно во многом благодаря *Большой Игре* азиатские страны и народы

вступили в глобальную систему политических, экономических и культурных связей, созданных в Новое время европейскими государствами.

Уже только поэтому вклад *Большой Игры* не только в развитие отношений между Россией и Великобританией, но и в общий прогресс цивилизации заслуживает самой высокой оценки.

Примечания

1 Образец лекционного спецкурса под названием 'The Great Game: The International Rivalry for Central Asia', подготовленного профессором Вашингтонского университета Д. Вогом, можно найти по адресу: www.faculty.washington.edu/dwaugh. Аналогичные или близкие по тематике исследования проводятся в Колумбийском и Лондонском университетах, Оксфорде и Кембридже, Французской школе восточных языков, университетах Тегерана, Лахора, Ташкента, Дели и Пекина. Примечательно, что содержательная диссертационная работа, близкая к тематике *Большой Игры*, успешно защищена в Техасском технологическом университете, см.: *Yetisgin M.* How *The Times* of London Covered and Interpreted Russian Expansion into Central Asia in the Second Half of the Nineteenth Century. PhD Diss. Texas Technical University, 2000.

2 Политическая ситуация в Центральной Азии и на Кавказе после окончания Холодной войны анализируется через призму *Большой Игры* во многих статьях, см.: *Page S.* The Creation of a Sphere of Influence: Russia and Central Asia // Canadian Institute of International Affairs, International Journal. 1994. Vol. 49. № 4. P. 788–813; *Cuthbertson I.* The New 'Great Game' (Central Asia and the Transcaucasus) // World Policy Journal. 1994. Vol. 11. № 4. P. 31ff.; *Ahrari M.E.* The New Great Game in Muslim Central Asia // Macnair Paper. 1996. №. 47. http://www.ndu.edu/inss/McNair/mcnair47/m047pref; *Lieven A.* The (Not So) Great Game // National Interest. 1999. P. 69ff.; *Rasizade A.* The Specter of a New 'Great Game' in Central Asia // Foreign Service Journal. 2002. № 11. P. 48–52. http://www.afsa.org/fsj/nov02/greatgame.pdf; *Kleveman L.* The New Great Game: Blood and Oil in Central Asia (oil and gas resources and the struggle to control them). New York: Atlantic Monthly Press, 2003; *Сухов И.* Солдат Большой Игры // Время Новостей, 26 февраля 2009. Показательно, что в одной из последних коллективных работ, авторы которой сравнивают положение Китая и Индии в XXI в., вновь используется понятие *Большая Игра*, см.: *Laruelle M.*, et. al. (eds) China and India in Central Asia: A New 'Great Game'? Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010.

3 См., напр.: *Vambery A.* Western Culture in Eastern Lands. A Comparison of the Methods Adopted by England and Russia in the Middle East. London: Murray, 1906; *Снесарев А.Е.* Англо-русская конвенция 1907 г. СПб.: Общество ревнителей военных знаний, 1908.

4 *Hopkirk P.* The Great Game. On Secret Service in High Asia. Oxford: Oxford University Press, 1990. P. 123.

5 *Morgan G.* Myth and Reality in the Great Game // Asian Journal of the Royal Central Asian Society. 1973. Vol. 60. Part. 1. P. 55; *Meyer K., Brysac S.* Tournament of Shadows. The Great Game and the Race for Empire in Asia. London: Abacus, 1999. P. 126–127; *Johnson R.* Spying for Empire. The Great Game in Central and South Asia, 1757–1947. London: Green Hill Books, 2006. P. 53.

6 *Hopkirk P.* Quest for Kim. In Search of Kipling's Great Game. Oxford: Oxford University Press, 1996. P. 6–7.

7 *Meyer K., Brysac S.* Op. cit. P. 127.

8 *Fleming P.* Bayonets to Lhasa. The First Full Account of the British Invasion of Tibet in 1904. London: R. Hart — Davis, 1961. P. 30; *Hauner P.* The Last Great Game // The Middle East Journal. 1984. Vol. 38. №. 1. P. 72.

9 См., напр.: India Office Library and Records (IOLR)/F/4/1385. Arthur Conolly and his 'Newswriter'. Близкая точка зрения высказывается следующими авторами: *Meyer K., Brysac S.* Op. cit. P. 126.

10 The Hansard Parliamentary Debates (PD). Ser. III. Vol. 71. Col. 1011–1012.

11 *Said E.* Orientalism. London: Routledge and Keagan Paul, 1978. P. 121.

12 *Beloff M.* Imperial Sunset. London: Methuen, 1969. Vol. 1. P. 5.

13 *Anonymous.* The Great Game. A Plea for a British Imperial Policy. London: Simpkin, Marshall, 1875. P. 174–175.

14 Подр. см.: *Кожекина М.Т., Федорова И.Е.* Политика Великобритании и США на Среднем Востоке в английской и американской историографии (очерки). М.: Наука, 1989; *Жигалина О.И.* Великобритания на Среднем Востоке (XIX – начало XX в.). Анализ внешнеполитических концепций. М.: Наука, 1990; *Данков А.Г.* Британская историография второй половины XIX в. об англо-русских противоречиях в Центральной Азии // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 300 (I). С. 87–90.

15 *Fromkin D.* The Great Game in Asia // Foreign Affairs. 1980. Vol. 58. №. 4. P. 936.

16 *Lamb A.* Britain and Chinese Central Asia. The Road to Lhasa, 1767 to 1905. London: Routledge and Keagan Paul, 1960. P. X; *Macgregor J.* Tibet. A Chronicle of Exploration. London: Routledge and Keagan Paul, 1970. P. 256.

17 *Kipling R.* Kim. London: Macmillan, 1966. P. 285–286. Любопытный анализ основных сюжетных линий романа, связанных с русской угрозой Британской Индии, представлен П. Хопкирком, см.: *Hopkirk P.* Quest for Kim. P. 202–222.

18 *Younghusband F.* The Heart of a Continent. A Narrative of Travels in Manchuria across the Gobi Desert, through the Himalaias, the Pamirs, and Hunza 1884–1894. London: J. Murray, 1904. P. 238.

19 *Whigham H.* The Persian Problem. An Examination of the Rival Positions of Russia and Great Britain in Persia with some Account of the Persian Gulf and the Baghdad Railway. London: Isbister, 1903. P. 1–2.

20 Особенно, см.: *Curzon G.* Russia in Central Asia in 1889. London: F. Cass, 1889; *idem.* Persia and the Persian Question. London: Longman, Green, 1892. Vol. 1–2; *idem.* Problems of the Far East. Japan – Korea – China. London: A. Constable, 1896.

21 *Curzon G.* Frontiers. Oxford: Clarendon Press, 1907.

22 *Davis H.* The Great Game in Asia, 1800–1844. London–Oxford: H. Milford – Oxford University Press, 1927.

23 *Wint G.* The British in Asia. London: Faber and Faber, 1947. P. 142.

24 *Edwardes M.* Playing the Great Game. London: H. Hamilton, 1975. P. VII–VIII. Также о концепции К.В. Нессельроде в приложении к Индии см.: *Sarila N.S.* The Shadow of the Great Game – The Untold Story of India's Partition. London: Constable, 2006. P. 18.

25 *Gillard D.* The Struggle for Asia, 1828–1914. A Study in British and Russian Imperialism. London: Methuen, 1977. P. 9, 95.

26 *Morgan G.* Myth and Reality in the Great Game. P. 64–65; *idem.* Anglo-Russian Rivalry in Central Asia: 1810–1895. London: F. Cass, 1981. P. 133–158.

27 *Ingram E.* The Beginning of the Great Game in Asia, 1828–1834. London: Clarendon Press, 1979. P. 13, 339.

28 *Idem.* Commitment to Empire: Prophesies of the Great Game in Asia, 1797–1800. Oxford: Clarendon Press, 1981. P. 17.

29 Ibid. P. 399–401.

30 *Ingram E.* In Defence of British India. Great Britain in the Middle East, 1775–1842. London: F. Cass, 1984. P. 7.

31 Ibid. P. 152.

32 *Fromkin D.* Op. cit. P. 936–951.

33 *Whitteridge G.* Charles Masson of Afghanistan: Explorer, Archaeologist, Numismatist and Intelligence Agent. Westminster: Aris and Phillips, 1986. P. 114.

34 *Hopkirk P.* The Great Game. P. 2. См. также: *idem.* Trespassers on the Roof of the World. The Race for Lhasa. London: J. Murray, 1982; *idem.* On Secret Service East of Constantinople. The Plot to Bring Down the British Empire. London: J. Murray, 1994.

35 *Meyer K., Brysac S.* Op. cit. P. XXV. Подробнее, см.: *Gillard D.* Op. cit. P. 181–185.

36 *James L.* The Rise and Fall of the British Empire. London: Little, Brown and Co., 1994. P. 180.

37 *Brobst P.* The Future of the Great Game. Sir Olaf Caroe, India's Independence and the Defence of Asia. Akron, Ohio: The University of Akron Press, 2005. P. 75.

38 *Allen C.* Duel in the Snows. The True Story of the Younghusband Mission to Lhasa. London: J. Murray, 2004. P. 18.

39 *Johnson R.* Op. cit.; *Stewart J.* Spying for the Raj. The Pundits and the Mapping of the Himalaya. Phoenix Mill: Sutton Publishing, 2006.

40 *Hitz F.* The Great Game. The Myth and Reality of Espionage. New York: Vintage Books, 2005. P. 6, 61.

41 *French P.* Younghusband. The Last Great Imperial Adventurer. London: Harper Collins, 1994. P. 122.

42 См., напр.: *Бокиев О.В.* Англо-русское соперничество в Средней Азии в связи с присоединением территории Таджикистана к России. — В сб.: Актуальные проблемы истории и историографии Средней Азии (вторая половина XIX – начало XX в.) / ред. М.Б. Бабаханов. Душанбе: ТГУ, 1990. С. 3–29; *Рыженков М.Р.* Роль военного ведомства России в развитии отечественного востоковедения в XIX – начале XX вв. Автореф. дисс… к.и.н. М.: ИВ АН СССР, 1991; *Сутеева К.А.* Русские военные историки XIX в. о причинах и мотивах движения России на Восток (в Среднюю Азию и Южный Казахстан), www.kungrad.com/history/st/rushis/

43 Позволим себе упомянуть здесь лишь некоторые фундаментальные труды, отсылая читателя к библиографическому списку в конце книги: *Абаза К.К.* Завоевание Туркестана. Рассказы из военной истории, быта и нравов туземцев в общедоступном изложении. СПб.: М. Стасюлевич, 1902; *Венюков М.И.* Краткий очерк английских владений в Азии. СПб.: В. Безобразов, 1875; *Григорьев В.В.* Русская политика в отношении к Средней Азии (историографический очерк). СПб.: В. Безобразов, 1874; *Гродеков Н.И.* Война в Туркмении. СПб.: В. Балашев, 1883–1884. Т. 1–4; *Грулев М.В.* Соперничество России и Англии в Центральной Азии. СПб.: В. Березовский, 1909; *Костенко Л.Ф.* Исторический очерк распространения русского владычества в Средней Азии // Военный сборник. 1887. № 8. С. 145–178; № 9. С. 5–37; № 10. С. 139–160; № 11. С. 5–35; *Куропаткин А.Н.* Завоевание Туркмении (поход в Ахал-Теке в 1880–1881 гг.). С очерком военных действий в Средней Азии с 1839 по 1876 г. СПб.: В. Березовский, 1899; *Макшеев А.И.* Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских. СПб.: Военная типография, 1890; *Романовский Д.И.* Заметки по среднеазиатскому вопросу. СПб.: Тип. Второго отделения собственной е. и. в. канцелярии,. в.го отделения собственной e.Eight Years in Iran, 1868; *Снесарев А.Е.* Англо-русская конвенция 1907 г. СПб.: Общество ревнителей военных знаний, 1908; *Соболев Л.Н.* Англо-афганская распря (очерк войны 1879–1880 гг.) СПБ.: М. Хан, 1880–1885. Т. 1–4. Вып. 1–8; *Терентьев М.А.* Россия и Англия в Средней Азии. СПб.: П. Меркурьев, 1875.

44 *Грулев М.В.* Указ. соч. С. 1–3.

45 Типичным примером в этом смысле может служить следующая работа: *Мартиросов С.З.* Англо-русские противоречия в Средней Азии в дореволюционной и советской исторической литературе. Чарджоу: Туркменский государственный педагогический институт, 1962. Современные подходы к анализу советской историографии колониальной политики России и Великобритании можно найти в таких исследованиях,

как: *Егоренко О.А.* Бухарский эмират в период протектората России (1868–1920 гг.). Историография проблемы. Автореф. дисс… к.и.н. М.: Российский государственный университет туризма и сервиса, 2008; Центральная Азия в составе Российской империи / ред. С.Н. Абашин, Д.Ю. Арапов, Н.Е. Бекмаханова. М.: Новое литературное обозрение, 2008; *Абдилдабекова А.М.* Почему была табуирована история восстания Кенесары Касымова в советское время? // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 12 (150). История. Вып. 31. С. 138–144; *Данков А.Г.* Отечественная и британская историография о соперничестве России и Великобритании в Центральной Азии (XIX – начало XXI вв.). Автореф. дисс… к.и.н. Томск, Томский государственный университет, 2009.

46 Мы не обнаружили термин *Большая Игра* ни в одном из фундаментальных изданий советского периода, таких как «Всемирная история», «История дипломатии» или «История стран Азии и Африки в новое время». Пожалуй, немногими исключениями стали труды Н.А. Халфина в 1960-е–1980-е гг. (см. ниже) и статья Б.С. Маннанова, см.: *Маннанов Б.С.* Современная буржуазная историография о некоторых аспектах истории англо-русских отношений на Среднем Востоке (из истории «Большой игры»). — В сб.: Фальсификаторы истории (критика буржуазной историографии Средней Азии и стран Зарубежного Востока) / ред. М.М. Хайруллаев, Н.А. Халфин. Ташкент: Фан, 1985. С. 51–75.

47 *Попов А.Л.* Борьба за среднеазиатский плацдарм // Исторические записки. 1940. Т. 7. С. 182–235; *Штейнберг Е.Л.* История английской агрессии на Среднем Востоке. М.: Военное издательство, 1951; *Хидоятов Г.А.* Из истории англо-русских отношений в Средней Азии (60-е – 70-е гг. XIX в.). Ташкент: Фан, 1969; *Киняпина Н.С.* Средняя Азия во внешнеполитических планах царизма (50-е – 80-е гг. XIX в.). // Вопросы истории. 1974. № 2. С. 56–71; *Жигалина О.И.* Великобритания на Среднем Востоке (XIX – начало XX в.). Анализ внешнеполитических концепций. М.: Наука, 1990. Современный взгляд на проблему, правда, относительно периода, предшествовавшего *Большой Игре*, изложен в следующей работе: *Терентьева Н.В.* Советская историография англо-русского соперничества в Средней Азии в первой половине XIX века. Автореф. дисс… к.и.н. Барнаул: БГУ, 2003.

48 *Халфин Н.А.* Английская колониальная политика на Среднем Востоке (70-е гг. XIX в.). Ташкент: Среднеазиатский государственный университет, 1957; *его же.* Политика России в Центральной Азии. М.: Наука, 1960; *его же.* Присоединение Средней Азии к России (60-е – 90-е гг. XIX в.). М.: Наука, 1965; *его же.* Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). М.: Наука, 1974.

49 *Khalfin N.A.* Russia's Policy in Central Asia, 1857–1868… A condensed version of the original Russian done by Hubert Evans. London – Oxford: Asian Research Centre – St Anthony's College Soviet Affairs Study Group, 1964.

50 Одними из немногих исключений в последние годы стали две монографии, авторы которых, хотя и вне контекста *Большой Игры*, положительно оценивают историю англо-русских контактов на протяжении XIX–XX вв., см.: *Зашихин А.Н.* «Глядя из Лондона». Россия в общественном мнении Британии. Вторая половина XIX – начало XX в. Архангельск: Поморский международный педагогический университет, 1994; *Зырянов А.В.* Великобритания: взгляд из России. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2005.

51 Среди наиболее типичных примеров литературы такого рода можно назвать следующие работы: *Широкорад А.Б.* Россия – Англия, неизвестная война, 1857–1907. М.: АСТ, 2003; *Леонтьев М. Большая Игра.* М.–СПб.: АСТ–Астрель, 2008; *Порохов С.Ю.* Битва империй: Англия против России. М.–СПб.: АСТ–Астрель, 2008.

52 *Кожекина М.Т.* Миссия генерала Н.С. Ермолова в Индию (1911 г.) // Восточный архив. 1999. № 2–3. С. 85.

53 *Порохов С.Ю.* Указ. соч. С. 6.

54 Это сравнение можно найти в опубликованной версии телесериала, которая представляет собой «коктейль» из надерганных цитат, далеких от глубины и объективности комментариев историков и политологов, не являющихся специалистами по данной проблеме, а также, мягко говоря, неадекватных сентенций на тему «Большой Холодной Игры» самого ведущего, см.: *Леонтьев М.* Указ. соч. С. 9, 67, 90–91, 115 и т.д.

55 См.: *Keith J.* The Eastern Arc of Empire: A Strategic View, 1850–1950 // The Journal of Strategic Studies. 1982. Vol. 5. № 4. P. 531–545.

56 К заслуживающим внимания работам можно отнести: *Kazemzadeh F.* Russia and Britain in Persia, 1864–1914. New Haven: Yale University Press, 1968; *Mehra P.* The Younghusband Expedition. An Interpretation. London: Asia Public House, 1968; *Hassnain F.M.* British Policy towards Kashmir (1846–1921). (Kashmir in Anglo-Russian Politics). New Delhi: Sterling Publishers, 1974; *Nazem H.* Russia and Great Britain in Iran (1900–1914). Teheran: Sherkat Iran Chap, 1975; *Addy P.* Tibet on the Imperial Chessboard: The Making of British Policy towards Lhasa, 1899–1905. Calcutta, New Delhi: Academic Publishers, 1984; *Furen Wang, Wenting Suo.* Highlights of Tibetan Policy. Peking: New World Press, 1984; *Myung Hyun Cho.* Korea and the Major Powers. An Analysis of Power Structure in East Asia. Seoul: Research Center for Peace and Unification of Korea, 1989; *Warikoo K.* Central Asia and Kashmir. A Study in the Context of Anglo-Russian Rivalry. New Delhi: Gian Publ. House, 1989; *Goradia N.* Lord Curzon. The Last of the British Moguls. Delhi, etc.: Oxford University Press, 1993; *Sukash C.* Afghanistan and the Great Game. Delhi: New Century Publications, 2002; *Mojtahed-Zadeh P.* The Small Players of the Great Game: the Settlement of Iran's Eastern Borderlands and the Creation of Afghanistan. London: Routledge, 2004.

57 *Yetisgin M.* Op. cit. P. 168–169. О традиционном и новых подходах турецких историков к проблемам политики держав на Среднем Востоке, напр., см.: *Васильев А.Д.* Взаимоотношения Османской империи и государств Центральной Азии в середине XIX – начале XX в. Автореф. дисс... к.и.н. М.: Российская академия государственной службы, 2007.

58 Наряду с указанными выше трудами наиболее заметными исследованиями по различным региональным аспектам *Большой Игры* за последние годы стали:

о **Персии**, *Wynn A.* Persia in the Great Game. Sir Percy Sykes: Explorer, Consul, Soldier, Spy. London: J. Murray, 2003; *Tchalenko J.* Images from the Endgame: Persia through a Russian Lens, 1901–1914. London: Al-Saqi Press, 2006; *Ахмедова Л.Ш.* Политика Англии в зоне Персидского залива в последней трети XIX –начале XX в. (1870–1914 гг.). СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2006; *Andreeva E.* Russia and Iran in the Great Game: Travelogues and Orientalism. London–New York: Routledge, 2007; *Сухоруков С.А.* Иран между Британией и Россией. СПб.: Алетейя, 2009; *Тер-Оганов Н.К.* Персидская казачья бригада: период трансформации (1894–1903) // Восток. 2010. № 3. С. 69–79.

о ханствах и народах **Центральной Азии**: *Page S.* The Creation of a Sphere of Influence: Russia and Central Asia // International Journal. 1994. Vol. 49. №. 4. P. 788–813; *Абдурахимова Н.А., Рустамова Г.К.* Колониальная система власти в Туркестане во второй половине XIX – первой четверти XX вв. Ташкент: Ташкентский государственный университет, 1999; *Калинин А.И.* О некоторых аспектах среднеазиатской политики России в 40–80-х гг. XIX в. // Восточный архив. 2000. № 4–5. С. 49–54; *Алымбаева Ж.Б.* История завоевания Туркестана Россией в XIX – начале XX в. Автореф. дисс... к.и.н. Ташкент: Ташкентский государственный университет, 2002; *Brower D.* Turkestan and the Fate of the Russian Empire. London: Routledge, 2003; *Лисицына Н.Н.* Закаспийский край в англо-русских отношениях (1880-е гг. – 1907 г.). Автореф. дисс... к.и.н. М.: Московский государственный открытый университет, 2006; *Sahadeo J.* Russian Colonial Society in Tashkent, 1865–1923, Bloomington and Indianopolis: Indiana University Press, 2007; *Егоренко О.А.* Бухарский эмират в период протектората России (1868–1920 гг.). Историография проблемы. Автореф. дисс... к.и.н. М.: Российский государственный университет туризма и сервиса, 2008; Центральная Азия в составе Российской империи

/ ред. С.Н. Абашин, Д.Ю. Арапов, Н.Е. Бекмаханова. М.: Новое литературное обозрение, 2008; *Шкунов В.Н.* Бухарские евреи и торговые связи России с ханствами Средней Азии во второй половине XVIII–XIX в. // Восток. 2010. № 4. С. 129–133; Россия – Средняя Азия. М.: URSS, 2011. Т. 1. Политика России и ислам в конце XVIII – начале XX в.

об **Афганистане**: *Richards D.* The Savage Frontier. A History of the Anglo-Afghan Wars. London: Macmillan, 1990; *Mojtahed-Zadeh P.* The Amirs of the Borderlands and Eastern Iranian Borders. London: Urosevic Foundation, 1995; *Noelle C.* State and Tribe in Nineteenth-Century Afghanistan: The Reign of Amir Dost Muhammad Khan (1826–1863). Richmond: Curzon, 1997; *Тихонов Ю.Н.* Новый источник по истории «Большой Игры» в Афганистане в период двух мировых войн // Восточный архив. 2005. № 13. С. 102–111.

о **Памире**: *Бокиев О.Б.* Завоевание и присоединение Северного Таджикистана, Памира и Горного Бадахшана к России. Душанбе: Таджикский государственный университет, 1994; *Смирнов А.* У стен Индии. Памирские походы при Александре III // Родина. 2001. № 8. Р. 67–70; *Постников А.В.* Схватка на «крыше мира». Политики, разведчики, генералы в борьбе за Памир в XIX в. М.: Рипол-Классик, 2005; *Улунян Ар.А.* Британский концепт «этнополитического пространства» в «Большой Игре» и его крушение (70-е – 90-е гг. XIX в.) // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. 2009. №. 1. С. 175–190.

о **Восточном Туркестане (Синьцзяне)**: *Henze P.* The Great Game in Kashgaria: British and Russian Missions to Yakub Bek // Central Asia Survey. 1989. № 2. P. 61–95; *Дубровская Д.В.* Судьба Синьцзяна. Обретение Китаем новой границы в конце XIX в. М.: Институт востоковедения РАН, 1998; *Kim Hodong.* Holy War in China: The Muslim Rebellion and State in Chinese Central Asia, 1864–1877. Stanford: Hoover Institutions Press, 2004; *Колесников А.А.* Русские в Кашгарии (вторая половина XIX – начало XX в.). Миссии, экспедиции, путешествия. Бишкек: Раритет, 2006; *Обухов В.Г.* Схватка шести империй за Синьцзян. М.: Вече, 2007.

о **Тибете**: *Hundley H.* Tibet's Part in the "Great Game // History Today. 1993. Vol. 43. P. 45–50; *Snelling J.* Buddhism in Russia. The Story of Agvan Dorzhiev, Lhasa's Emissary to the Tsar. Longmead, Shaftsbury: Dorset, 1993; *Schimmelpenninck van der Oye D.* Tournament of Shadows: Russia's Great Game in Tibet // Tibetan Review. 1994. Vol. 29. № 1. P. 13–20; *Mackay A.* Tibet and the British Raj: The Frontier Staff, 1904–1907. Richmond: Curzon Press, 1997; *Shaumian T.* Tibet. The Great Game and Tsarist Russia. New Delhi: Oxford University Press, 2000; *Kuleshov N.* Agvan Dorjiev, the Dalai Lama's Ambassador. — In: A. Mckay (ed.) *The History of Tibet*, London–New York: Routledge, 2003. Vol. 3. P. 57–68; Michael *Macrae M.* In Search of Shangri-La: The Extraordinary True Story of the Quest for the Lost Horizon. London: M. Joseph, 2003; *Madan P.* Tibet: Saga of Indian Explorers (1864–1894). New Delhi: Manohar Publishers and Distributors, 2004; *Palace W.* The British Empire and Tibet 1900–1922. London–New York: Routledge, 2005; *Андреев А.И.* Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб.: СПГУ — Нартанг, 2006.

о британском противодействии русской угрозе в **Индии**: *Waller D.* The Pundits. British Exploration of Tibet and Central Asia. Lexington, KY: The University Press of Kentucky, 1990; *Bayly C.* Empire and Information: Intelligence Gathering and Social Communication in India, 1780–1870. Cambridge: Cambridge University Press, 1996; *Литвинов П.П.* Британская Индия и русский Туркестан во второй половине XIX – начале XX в. // Россия – Индия: перспективы регионального сотрудничества / ред. Г.И. Кузнецов. М.: Институт востоковедения РАН, 2001. С. 60–68; *Barrow I.* Making History, Drawing Territory: British Mapping in India, c. 1756–1905. New Delhi, Oxford: Oxford University Press, 2003; *Johnson R.* Russians at the Gates of India? Planning the Defense of India, 1884–1899 // Journal of Military History. 2003. Vol. 67. № 3. P. 697–743; *Hopkins B.* The Myth of the "Great Game": The Anglo-Sikh Alliance and Rivalry // University of Cambridge, Centre of South Asian Studies, Occasional Paper. 2004. № 5. P. 1–36; *Кубанов К.Г.* Походы в Индию в проектах российских военных и по-

литических деятелей XVIII – начала XX в. Автореф. дисс… к.и.н. Нижневартовск: Нижневартовский государственный гуманитарный университет, 2007; *Warikoo K.* (ed.) Himalayan Frontiers of India: Historical, Geo-Political and Strategic Perspectives. London: Routledge, 2009; *Богомолов С.А.* Стратегические основы политики Британской Индии на северо-западном фронтире (последняя треть XIX в.) // Восток. 2010. № 4. С. 34–44.

о соперничестве держав на **Дальнем Востоке**: *Paine S.* Imperial Rivals: Russia, China and Their Disputed Frontier, 1858–1924, New York–London: M. Sharpe, 1996; *Evans J.* Russian Expansion on the Amur, 1848–1860. The Push to the Pacific, New York, etc.: The Edwin Mellen Press, 1999. Vol. 1–2; *Schimmelpenninck van der Oye D.* Toward the Rising Sun. Russian Ideologies of Empire and the Path to War with Japan, DeKalb, Ill.: Northern Illinois University Press, 2001; *Моисеев В.А.* Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Барнаул: Аз Бука, 2003; *Воскресенский А.Д.* Китай и Россия в Евразии. М.: Муравей, 2004; *Павлов Д.Б.* Русско-японская война 1904–1905 гг. Секретные операции на суше и на море. М.: Материк, 2004.

59 *Edwardes M.* Op. cit. P. 3. См. также: *Chavda V.* India, Britain, Russia. A Study in British Opinion (1838–1878). Delhi: Sterling Publishers, 1967. P. 23.

60 Напр., см.: *Ingram E.* In Defence of British India. P. 2; *idem.* Commitment to Empire. P. 17; *idem.* The Beginning of the Great Game. P. X, 13.

61 *Idem.* In Defence of British India. P. 7, 11.

62 *Леонтьев М.* Указ. соч. С. 16.

63 Подр. см.: *Clubb E.* China and Russia. The Great Game. New York and London: Columbia University Press, 1971. P. 91–103.

64 *Орлов А.А.* Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху Наполеоновских войн. М.: Прогресс-Традиция, 2005. С. 325. Об истории русско-британских отношений в царствование Александра I и Николая I также см.: *его же.* «Теперь вижу англичан вблизи…»: Британия и британцы в представлениях россиян о мире и о себе (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.). Очерки. М.: Гиперборея, Кучково поле, 2008.

65 Англомания в России от Ивана Грозного до Екатерины Великой и далее до Александра II рассмотрена в следующих работах: *Литвинов С.В.* Англомания в России как социокультурное явление (последняя треть XVIII – середина XIX в.). Автореф. дисс… к. культ. н. М.: МГУ, Факультет иностранных языков, 1998; *Ферцев А.В.* Феномен англомании в России XVI – первой половины XIX вв.: культурологический аспект. Автореф. дисс… к. философ. н. Саранск: Б/и, 2004. Своеобразным продолжением этих работ служит исследование: *Вязова Е.* Гипноз англомании. Англия и «английское» в русской культуре рубежа XIX–XX веков. М.: Новое литературное обозрение, 2009.

66 Центральная Азия в составе Российской империи. С. 64.

67 История так называемого восточного вопроса анализируется в большом количестве трудов отечественных и зарубежных авторов, перечисление которых заняло бы слишком много места. Позволим себе отметить лишь два исследования, наиболее значимых для понимания *Большой Игры*: *Anderson M.* The Eastern Question, 1774–1923: A Study in International Relations. London, etc.: Macmillan; New York: St Martin's Press, 1966; *Георгиев В.А., Киняпина Н.С., Шеремет В.А. и др.* Восточный вопрос во внешней политике России, конец XVIII – начало XX в. М.: Наука, 1978; *Macfie A.* The Eastern Question. London: Longman, 1989.

68 О существовании промежуточных зон вдоль евроазиатских границ, где имперские державы соперничали за влияние или прямой контроль на протяжении всего Нового времени см.: *Рибер А.* Сравнивая континентальные империи. // Российская империя в сравнительной перспективе / ред. А.И. Миллер. М.: Новое издательство, 2004. С. 33–70.

69 Цит. по: *Чичерин Г.В.* Статьи и речи по вопросам международной политики / сост. Л.И. Трофимова. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1961. С. 86.

70 *Darby P.* Three Faces of Imperialism. British and American Approaches to Asia and Africa. 1870–1970. New Haven–London: Yale University Press, 1987. P. 56. Экономический аспект нашел отражение в следующей работе, см.: *Latham A.* The International Economy and the Underdeveloped World. London: Croom Helm, 1978.

71 *Siegel J.* Endgame. Britain, Russia and the Final Struggle for Central Asia. London–New York: Tauris Publishers. P. 197. Аналогичной точки зрения придерживаются некоторые другие британские исследователи, напр., см: *Marshall A.* The Russian General Staff and Asia, 1800–1917. London–New York: Routledge, 2006. P. 161–162.

72 *Lamb A.* British India and Tibet, 1766–1910. London–New York: Routledge and Keagan Paul, 1986. P. 283.

73 Напр., см.: *Johnson R.* Op. cit. P. 24.

74 *Morgan G.* Op. cit. P. 200–214.

75 *Brobst P.*, Op. cit. P. XIII. Аналогичное мнение высказывается в работе: *Hauner M.* The Last Great Game. P. 73–4, 200.

76 См.: *Сергеев Е.Ю.* Дипломатическая революция 1907 г. в отношениях России и Великобритании // Восток. 2008. № 2. С. 80–93.

77 *Younghusband F.* The Light of Experience. A Review of Some Men and Events of My Time. London: A. Constable, 1927. P. 107.

78 *Hopkirk P.* The Great Game. P. 2.

79 Цит. по: *Keith J.* The Eastern Arc of Empire: A Strategic View 1850–1950 // The Journal of Strategic Studies. 1982. Vol. 5. №. 4. P. 534. Эмери – Ллойд Джорджу, Лондон, 8 июня 1918 г.

80 О стратегиях продвижения границ Российской империи на Восток подр. см.: *Рибер А.* Указ соч. С. 61–62. Относительно классификации азиатских границ России, см.: *Strebelsky I.* The Frontier in Central Asia. // *Bater J., French R.* (ред.) Studies in Russian Historical Geography. London, etc.: Academic Press, 1983. Vol. 1. P. 143–173.

81 Цит. по: *Улунян А.А.* Новая политическая география. М.: ИВИ РАН, 2009. С. 127.

82 См.: *Hopkirk P.* Trespassers on the Roof of the World. P. 150.

83 *Wirt G.* Greater Russia. The Continental Empire of the Old World. London: W. Heinemann, 1903. P. 308.

84 Пионерными работами по этой проблеме явились статьи Дж. Керзона, см.: *Curzon G.* The "Scientific Frontier" an Accomplished Fact // The Nineteenth Century.1888. № 136. P. 901–917; *idem.* The Fluctuating Frontier of Russia in Asia // The Nineteenth Century. 1889. №. 144. P. 267–283. Позднее он обобщил свои взгляды по вопросу границ в Азии в лекции, прочитанной в Оксфордском университете, см.: *Curzon G.* Frontiers. Oxford: Clarendon Press, 1907. Более современные теоретические интерпретации, включая концепцию так называемых конфликтных зон, можно найти в следующих исследованиях: *Lamb F.* Asian Frontiers. Studies in a Continuing Problem. London: Pall Mall Press, 1968; *Hauner M.* The Last Great Game. P. 74–75.

85 *Chavda V.* Op. cit. P. 220.

86 Любопытно и небесполезно сравнить оценки известных российских и европейских путешественников, например, Н.М. Пржевальского и А. Вамбери, см.: *Пржевальский Н.М.* Современное положение Центральной Азии // Русский вестник. 1886. № 186. С. 473–524; *Vambery A.* His Life and Adventures. London–Leipzig: T. Fisher Unwin, 1914.

87 *Hauner M.* What is Asia to Us? Russia's Asian Heartland Yesterday and Today. Boston, etc.: Unwin Hyman, 1990. P. 41. О деятельности Императорского Русского географического общества по изучению Азии, см.: Русское географическое общество: 150 лет / ред. А.Г. Исаченко. М.: Прогресс–Пангея, 1995.

88 Наиболее полные и информативные сборники документов были опубликованы британскими и американскими историками, см.: *Aitchinson C.U.* (comp.) A Collection of Treaties, Engagements, and Sanads Relating to India and Neighboring Countries. Calcutta: Government of India Central Publication Branch, 1929–1933. Vol. 1–14; *Gooch J.,*

Temperley H. (eds) British Documents on the Origins of the War 1898–1914 (BD). London: His Majesty's Stationery Office (HMSO), 1929. Vol. I–V, VIII, X ; *Lieven D.* (ed.) British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print. Russia, 1859–1914 (BDFA). Washington: University Press of America, 1983–1989. Part I. Ser. A. Vol. 1–6.

89 См.: Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб.: Типография Главного штаба, 1883–1910, Vol. 1–83. Краткий обзор выпусков сборника можно найти в следующих работах: *Walsh W.* The Imperial Russian General Staff and India: A Footnote to Diplomatic History // Russian Review. 1957. Vol. 16. № 2. P. 54–55; *Bilof E.* China in Imperial Russian Military Planning, 1881–1887 // Military Affairs. 1982. T. 46. № 2. P. 70.

90 *Серебренников А.Г.* (сост.) Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания. Ташкент: Типография штаба Туркестанского военного округа, 1914–1915. Т. 17, 19, 20–22. О вкладе подполковника Серебренникова в изучение Центральной Азии, см.: *Мирзаева Л.Р.* Сборник «Туркестанский край» А.Г. Серебренникова и его значение для среднеазиатской историографии. Автореф. дисс… к.и.н. Ташкент: Институт истории и археологии АН Узбекской ССР, 1963. Помимо этого сборника заслуживают внимания следующие издания документов: Материалы для описания Хивинского похода 1873 г. / сост. Троцкий В.Н. Ташкент: Типография штаба Туркестанского военного округа, 1881–1882. Ч. 1–2; Россия. Министерство иностранных дел. Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией 1872–1885 гг. СПб.: Типография МИД, 1886; Россия. Военное министерство. Россия и Великобритания в Средней Азии. Ташкент: Типография штаба Туркестанского военного округа, 1908.

91 Из публикаций советского и постсоветского периодов наибольший интерес представляют: Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925) / сост. Е.Д. Гримм. М.: Институт востоковедения, 1927; Материалы по истории туркмен и Туркмении. Иранские, бухарские и хивинские источники XVI–XIX вв. / ред. И.В. Струве и др. М.–Л.: Издательство АН СССР, 1938. Т. 2; Присоединение Туркмении к России. Сборник документов / ред. А. Ильясов. Ашхабад: АН Туркменской ССР, 1960; *Rezvan E.* Russian Ships in the Gulf 1899–1903. Reading: Ithaca Press, 1993; Русско-индийские отношения в XIX в. Сборник архивных документов и материалов / ред. П.М. Шаститко. М.: Восточная литература, 1997; «*Большая Игра*» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии. Сборник архивных документов. М.: Институт востоковедения РАН, 2005.

92 О привлечении британскими властями местных жителей к ведению разведывательной деятельности опубликовано несколько заслуживающих внимания свидетельств современников, особенно, см.: *Macgregor C.* (ed.) The Life and Opinions of Major-General Sir Charles Metcalfe Macgregor. Edinburgh–London: W. Blackwood and Sons, 1888. Vol. 2; *Sarat Chandra Das.* Indian Pundits in the Land of Snow. Calcutta: Baptist Mission Press, 1893; *Brackenbury H.* Some Memories of My Spare Time. Edinburgh–London: W. Blackwood and Sons, 1909. Новые оценки можно найти в недавно опубликованных исследованиях Р. Джонсона и Д. Стюарта, упоминавшихся выше. Определенный интерес представляет также работа Ч. Алена, см.: *Allen C.* Soldier Sahibs: The Men Who Made the North-West Frontier. London: J. Murray, 2000. К сожалению, практически ничего не написано об аналогичной деятельности русских в Центральной Азии, за исключением следующих статей: *Хохлов А.Н.* Российская школа переводчиков в Кульдже // Восточный архив. 1998. № 1. С. 24–30; *его же.* Российская школа переводчиков в Урге (1864–1884) // Восточный архив. 2001. № 6–7. С. 35–46. Некоторую информацию о создании разведывательных школ и вербовке населения Цинской империи для шпионажа в пользу России в период ее войны против Японии можно также найти в следующей книге: *Sergeev E.* Russian Military Intelligence in the War with Japan, 1904–05. Secret Operations on Land and at Sea. London–New York: Routledge, 2007. P. 116–140.

93 См.: *Huntington S.* The Clash of Civilizations and the Remaking of the World Order. New York: Simon and Shuster, 1996.

94 Историки в европейских странах обсуждают вопрос о подлинности «завещания» Петра Великого еще с первой половины XIX в. Обзоры этих дискуссий можно найти в следующих изданиях: *Locart L.* The Political Testament of Peter the Great // Slavonic Review. 1937. № 37. P. 38–53; *Павленко И.И.* Три завещания Петра I // Вопросы истории. 1979. № 2. С. 129–44; *Данилова Е.Н.* Завещание Петра Великого. // Проблемы методологии и источниковедения истории внешней политики России / ред. А.Л. Нарочницкий. М.: Наука, 1985. С. 213–79. Хотя детальный анализ этих споров выходит за пределы книги, автор не разделяет мнения тех специалистов, которые пытаются обосновать «французский» след в появлении на свет этой фальшивки, см., напр.: *Wint G.* The British in Asia. London: Faber and Faber, 1947. P. 136. Как показывают новейшие исследования, «завещание» первого российского императора было сфабрикована в кругах польских политических эмигрантов, чтобы расколоть антифранцузскую коалицию Австрии, Пруссии, России и Великобритании в период Наполеоновских войн, см.: *Мезин С.* Завещание Петра Великого: европейские мифы и российская реальность // Российская история. 2010. №. 5. С. 18–27. Стоит лишь заметить, что, несмотря на апокрифический характер «завещания», многие европейские публицисты охотно цитировали отрывки из него для подтверждения агрессивности, будто бы имманентно присущей Российской империи. К типичным примерам в этом плане стоит отнести работу Ф. Скрайна и Э. Росса, которые выступили со следующим комментарием «документа» в 1899 г.: «Известное «завещание» Петра Великого является фальшивкой, но никто не может сомневаться в том, что его мотивы запали глубоко в сердце русского народа. В их глазах царь — наследник Византийской империи, от которой они унаследовали законы и религию, и они твердо убеждены, что придет день, когда православный крест заменит полумесяц, оскверняющий вершину Св. Софии.» См.: *Skrine F., Ross E.* The Heart of Asia. A History of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the Earliest Times. London: Methuen, 1899. P. 409. Аналогичный комментарий можно найти и в другом эссе: *Colquhoun A.* Russia Against India. The Struggle for Asia. London–New York: Harper and Brothers, 1900. P. 199. Удивительно, но даже некоторые современные авторы продолжают цитировать сфабрикованное «завещание», см., напр.: *Mojtahed-Zadeh P.* Small Players of the Great Game: The Settlement of Iran's Eastern Borderlands and the Creation of Afghanistan. London–New York: RoutledgeCurzon, 2004. P. 18–19; *Леонтьев М.* Указ. соч. С. 10–13.

95 Цит. по: *Yetisgin M.*, Op. cit. P. 77–78.

96 Среди обилия трудов зарубежных авторов о территориальной экспансии имперской и советской России выделяются следующие работы: *Lederer I.* (ed.) Russian Foreign Policy: Essays in Historical Perspective. New Haven, Conn. – London: Yale University Press, 1962; *Jelavich B.* St Petersburg and Moscow. Tsarist and Soviet Foreign Policy, 1814–1974. Bloomington, Ind. – London: Indiana University Press, 1974; *Hunchak T.* (ed.) Russian Imperialism from Ivan the Great to the Revolution. New Brunswick, New Jersey: Rutgers University Press, 1974; *Le Donne J.* The Russian Empire and the World, 1700–1917. The Geopolitics of Expansion and Containment. New York – Oxford: Oxford University Press, 1997; *Lieven D.* Empire: The Russian Empire and Its Rivals. London: J. Murray, 2000. etc.

97 *Mahan A.* The Problem of Asia and Its Effect upon International Policies. London: S. Low, Marston and Co., 1900. P. 44. Сравнение русских и британских планов в Азии приводится автором на с. 25 и 56.

98 Хорошо известным в России, но незнакомым для европейцев детальным исследованием этнических групп в Азии остается труд: *Григорьев В.В.* Россия и Азия. Сборник исследований и статей по истории, этнографии и географии. СПб.: Типография Пантелеевых, 1876.

99 *Davis L., Huttenback R.* Mammon and the Pursuit of Empire. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 71.

100 *Hyam R.* The Primacy of Geopolitics: The Dynamics of British Imperial Policy, 1763–1963. // *King R.* and *Kilson R.* (eds) The Statemancraft of British Imperialism. London–Portland, Or: Cass, 1999. P. 29.

101 *Huttenback R.* 'The Great Game' in the Pamirs and the Hindu Kush: The British Conquest of Hunza and Nagar // Modern Asian Studies. 1975. Vol. 9. P. 2.

102 *Рибер А.* Указ. соч. С. 60.

103 Характер влияния Британии на международные отношения в период царствования королевы Виктории раскрывается во многих хорошо фундированных трудах английских историков, особенно, см.: *Morris J.* Pax Britannica: The Climax of an Empire. London: Faber and Faber, 1968; *Bourne K.* The Foreign Policy of Victorian England, 1830–1902. Oxford: Clarendon Press, 1970; *Judd D.* The Victorian Empire. London: Weidenfeld and Nicolson, 1970; *Porter B.* The Lion's Share: A Short History of British Imperialism, 1850–1970. London–New York: Longmans, 1975; *Hyam R.* Britain's Imperial Century. 1815–1914: A Study of Empire and Expansion. London: Batsford, 1976; *Lawrence J.* The Rise and Fall of the British Empire. London: Little, Brown and Co., 1994; etc.

104 *Armitage D.* The Ideological Origins of the British Empire. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 198; *Eldridge C.* Victorian Imperialism. London, etc.: Hodder and Stoughton, 1978. P. 123.

105 *Latham A.* Op. cit. P. 175; *Семенов Л.С.* Россия и Англия. Экономические отношения в середине XIX в. Л.: Ленинградский государственный университет, 1975. С. 4, 153.

106 BDFA. Vol. 1. P. 117.

107 *Curzon G.* Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian Question. London: F. Cass, 1967 (репр. изд. 1889 г.). P. 376; *Федоров М.П.* Соперничество торговых интересов на Востоке. Доклад на заседании Совета Общества востоковедов. СПб.: Электротипография Н.И. Стойковой, 1903. С. 14. В 1876 г. другой русский эксперт с гордостью отметил, что «русские набивные ситцы продавались по всей Центральной Азии и успешно конкурировали с британскими тканями», см.: *Терентьев М.А.* Россия и Англия в борьбе за рынки. СПб.: В. Меркурьев, 1876. С. 34. Общий обзор процесса экономического проникновения России на Средний Восток проанализирован в диссертационной работе: *Lunger A.* The Economic Background of the Russian Conquest of Central Asia in the Second Half of the Nineteenth Century. Ph. D. Diss. University of London, 1952.

108 Цит. по: *Рожкова М.К.* Экономические связи России со Средней Азией, 40-е – 60-е гг. XIX в. М.: Издательство АН СССР, 1963. С. 97.

109 См.: *Иванов К.Е.* Таможенная политика Российской империи в конце XIX – начале XX в.: переход к системе конвенциональных торговых соглашений. Автореф. дисс... к.и.н. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2006. С. 29–31.

110 *Stewart J.* Op. cit. P. 32. О русско-персидских торговых отношениях в первой половине XIX в., см.: *Сухоруков С.Ю.* Иран между Британией и Россией. От политики до экономики. СПб.: Алетейя, 2009. С. 53–108.

111 *Рожкова М.К.* Указ. соч. С. 59–60.

112 *Халфин Н.А.* Политика России в Центральной Азии. С. 26.

113 О русской экономической политике в Туркестане, особенно, см.: *Yetisgin M.* Op. cit. P. 240–99; *Абдурахимова Н.А.* Становление и особенности экономической политики России в Туркестане во второй половине XIX – начале XX в. // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. 2008. № 1–4. С. 62–88.

114 *Кастельская З.Д.* Из истории Туркестанского края (1865–1917). М.: Восточная литература, 1980. С. 60; *Абдурахимова Н.А.* Указ. соч. С. 74–6.

115 *Романова Г.Н.* Экономические отношения России и Китая на Дальнем Востоке, XIX – начало XX в. М.: Наука, 1987. С. 45.

116 Цит. по: *Yetisgin M.* Op. cit. P. 71. *The New York Times*, 21 March 1869.

117 Ibid.

118 Обзор внешней торговли России по европейским и азиатским границам. СПб.: Департамент таможенных сборов, 1883. С. 11, 17.

119 *Маркс К.* Будущие результаты британского владычества в Индии // The New York Daily Tribune, 8 August 1853. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собрание сочинений. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 9. С. 225.

120 *Субботин А.П.* Россия и Англия на среднеазиатских рынках. Историко-экономический этюд. СПб.: Издание редакции «Экономического журнала», 1885. С. 27.

121 Цит. по: *Michell J., Michell R.* (eds) The Russians in Central Asia, London: E. Stanford, 1865. P. 47–48.

122 Цит. по: Российская государственная библиотека. Отдел рукописей (ОР РГБ). Ф. 169. Оп. 36. Д. 36. Л. 1–2.

123 *Loftus A.* The Diplomatic Reminiscences, 1837–1862. London: Cassel, 1892. Vol. 1. P. 271.

124 Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 133. Оп. 469. Д. 79. Л. 585–586; BDFA. Part. 1. Ser. A. Vol. 1. P. 287.

125 *Said E.* Op. cit. P. 121.

126 *Curzon G.* The True Imperialism // The Nineteenth Century and After. 1908. Vol. 63. №. 371. P. 155. Это версия для печати речи лорда Керзона, с которой он выступил в Бирмингеме 11 сентября 1907 г. Примечательно, что заключительный призыв оратора к аудитории звучал так: «Поверьте смиренно, но истово, что пока мы заслуживаем этого, мы продолжаем оставаться одним из инструментов, посредством которого Он предпочитает разговаривать с Человечеством».

127 *Субботин А.П.* Указ. соч. С. 73.

128 *Yetisgin M.* Op. cit. P. 45–46.

129 Ibid. P. 48. О концепции «Питера Пэна», см.: *Darby P.* Op. cit. P. 48.

130 *Becker S.* Russia's Protectorates in Central Asia: Bokhara and Khiva, 1865–1924. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1968. P. 23.

131 Отношение королевы Виктории к наиболее острым проблемам внешней политики иллюстрируется перепиской герцога Аргайлла и лорда Нортбрука. Характерным в этом смысле является письмо от 15 июля 1873 г., в котором первый упрекал второго в том, что он ничего не писал Ее Величеству в течение длительного периода, поскольку «королева проявляет неподдельный интерес к письмам и придает значение своевременному информированию ее обо всех важных событиях и даже о малейших деталях», см.: IOLR/Mss Eur C 144/9. Argyll to Northbrook, London, 15 July 1873. Оценка роли королевы Виктории в британской внешней политики, хотя и на европейском материале, дана в труде: *Sinclair A.* The Other Victoria. The Princess Royal and the Great Game of Europe. London: Weidenfeld and Nicolson, 1981.

132 *Fromkin D.* Op. cit. P. 951.

133 *Редигер А.Ф.* История моей жизни. Воспоминания военного министра. М.: Канон-Пресс – Кучково Поле, 1999. Т. 2. С. 157.

134 Цит. по: *Захарова Л.Г.* Александр II и место России в мире // Новая и новейшая история. 2005. № 2. С. 178–179.

135 Цит. по: *Lensen G.* (ed.) Russia's Eastward Expansion. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall, 1964. P. 91.

136 *Cecil G.* Life of Robert, Marquis of Salisbury. London: Hodder and Stoughton, 1931–2. Vol. 3. P. 231. Salisbury to Morier, London, 15 September 1885.

137 См.: *Виноградов В.Н.* Лорд Пальмерстон в европейской дипломатии // Новая и новейшая история. 2006. № 5. С. 182–209.

138 Цит. по: *Guedalla P.* Palmerston. London: Hodder and Stoughton, 1926. P. 193–194.

139 Об особенностях деятельности Пальмерстона на посту министра иностранных дел также см.: *Cecil A.* British Foreign Secretaries, 1807–1916. Studies in Personality and Policy. London: G. Bell and Sons, 1927. P. 131–226.

140 Цит. по: *Blake R.* Disraeli. London: Eyre and Spottiswoode, 1966. P. 577.

141 *Kennedy A.* Salisbury. 1830–1903. Portrait of a Statesman. London: J. Murray, 1971. P. 92; *Cecil G.* Op. cit. Vol. 3. P. 231; *Taylor R.* Lord Salisbury. London: Allen Lane, 1975. P. 45; *Steele D.* Lord Salisbury. A Political Biography. London: University College of London Press, 1999. P. 105.

142 *Matthew C.* Gladstone. 1809–1874. Oxford: Clarendon Press, 1986. P. 188; *Jenkins R.* Gladstone. A Biography. New York: Random House, 1995. P. 500–516.

143 *Steele D.* Salisbury at the India Office. // *Lord Blake, Cecil H.* (eds) Salisbury. The Man and His Policies. New York: St Martin's Press, 1987. P. 117–118. Сравнение позиций Солсбери и Дизраэли через призму их реакции на угрозу русского вторжения в Афганистан в 1870-х гг. можно найти в книге: *Charmley J.* Splendid Isolation? Britain, the Balance of Power and the Origins of the First World War. London: Hodder and Stoughton, 1999. P. 18–19.

144 *Blake.* Op. cit. P. 574–575; *Ramm A.* Lord Salisbury and the Foreign Office. // *Bullen R.* (ed.) The Foreign Office. 1782–1982. Frederick, Ml.: University Publications of America, 1984. P. 47.

145 См. подр.: *Cecil A.* British Foreign Secretaries 1807–1916. Studies in Personality and Policy. London: G. Bell and Sons, 1927.

146 По данным Ричарда Темпла, который занимал посты министра иностранных дел и финансов в правительстве Британской Индии, а также состоял генерал-губернатором Бенгалии и Бомбея в 1850-х – 1870-х гг., один из колониальных чиновников, Джон Уилли, впервые использовал выражение 'masterly inactivity' в критическом обзоре британской политики в Индии, который был опубликован на страницах журнала *Эдинбург Ревью* в январе 1867 г., см.: *Temple R.* Men and Events. My Time in India. London: J. Murray, 1882. P. 342.

147 *Bruce R.* The Forward Policy and Its Results. London: Longmans, Green, and Co., 1900. P. 325.

148 *Dawson W.* Forward Policy and Reaction. // *Ward A.W., Gooch G.P.* (eds) The Cambridge History of British Foreign Policy, 1783–1919. Cambridge: Cambridge University Press, 1923. Vol. 3. P. 72.

149 *Chavda V.K.* Op. cit. P. 225.

150 *Dawson W.* Op. cit. P. 72.

151 *James L.* Op. cit. P. 180.

152 *Ерофеев Н.А.* Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825–1853. М.: Наука, 1982. С. 271–272.

153 *Кросс Э.* Британский взгляд на Россию: происхождение, живучесть и изменение национальных стереотипов мышления в период с XVI в. до Крымской войны. // От Елизаветы I до Елизаветы II: проблемы Британской истории в новое и новейшее время / ред. А. Соколов. Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет, 2008. С. 21–32.

154 *Gleason J.* The Genesis of Russophobia in Great Britain. A Study of the Interaction of Policy and Opinion. Cambridge, Ms.: Harvard University Press, 1950. P. 3, 16, 279.

155 *Allen C.* Soldier Sahibs. P. IX–X.

156 *Viscount Mersey.* The Viceroys and Governor Generals of India, 1757–1947. London: J. Murray, 1949. P. 3.

157 *Woodcock G.* The British in the Far East. New York: Atheneum, 1969. P. 35.

158 *Morris J.* Op. cit. P. 267.

159 *Bence-Jones M.* The Viceroys of India. London: Constable, 1982. P. 1.

160 История британской колониальной администрации в Индии подробно изложена также в следующих трудах: *Kaye J.* Lives of Indian Officers: Illustrative of the History of the Civil and Military Services of India. London: A. Strahan, 1867. Vol. 1–2; *Woodraft P.* The Men Who Ruled India. London: J. Cape, 1953–1954. Vol. 1–2.

161 *Wolf L.* (ed.) Life of the First Marquis of Ripon. London: J. Murray, 1921. Vol. 1. P. 80.

162 *Allen C.* Soldier Sahibs. P. 6.

163 National Archives of the United Kingdom. Public Record Office (PRO)/FO 539/9. Rumbold to Clarendon, St Petersburg, 19 May 1864.

164 *Johnson R.* Spying for Empire. P. 61.

165 *Mackenzie D.* Expansion in Central Asia: St Petersburg vs. the Turkestan Generals (1863–1866) // Canadian Slavic Studies. 1969 Vol. 3. №. 2. P. 286; *idem.* Imperial Dreams, Harsh Realities. Tsarist Russian Foreign Policy, 1815–1917. Fort Worth: Harcourt Brace College Publishers, 1994. P. 91.

166 *Robbins R.* The Tsar's Viceroys. Russian Provincial Governors in the Last Years of the Empire. Ithaca and London: Cornell University Press, 1987. P. 244–245.

167 *Edwardes M.* Playing the Great Game. P. 5.

168 Подр. см.: *Гопов О.А.* Роль офицеров Генерального штаба в осуществлении внешней политики Российской империи на мусульманском Востоке во второй половине XIX в. Автореф. дисс… к.и.н. М.: Институт востоковедения РАН, 2004.

169 Цит. по: *Попов А.Л.* Из истории завоевания Средней Азии // Исторические записки. 1940. № 9. С. 202; *Carrere d'Encause H.* Systematic Conquest. In: E. Allworth (ed.) Central Asia. 130 Years of Russian Dominance. A Historical Overview. Durham and London: Duke University Press, 1994. P. 149–150.

170 *Милютин Д.А.* Дневник / сост. П.А. Зайончковский. М.: ОР ГБЛ, 1950. Т. 4. С. 143–144. Запись в дневнике, 26 (9 июля) 1882 г.

171 *Burnaby F.* A Ride to Khiva: Travels and Adventures in Central Asia. London–Paris–New York: S. n., 1877. P. 86.

172 *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. 2. С. 66.

173 См., напр.: *Айрапетов О.Р.* Забытая карьера «русского Мольтке». Николай Николаевич Обручев (1830–1904). СПб.: Алетейя, 1998. С. 270.

174 *Meyer K., Brysac S.* Op. cit. P. 186.

175 *Yetisgin M.* Op. cit. P. 27.

176 Great Britain. Parliament. *Papers relating to Tibet.* London: HMSO, 1904; Great Britain. Parliament. *Further Papers relating to Tibet.* London: HMSO, 1904.

177 *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1863–1864. М.: Росспэн, 2003. Т. 5. С. 520.

178 Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУЗ). Ф. I–1. Оп. 1. Д. 34. Л. 256.

179 Цит. по: *Schimmelpenninck van der Oye D.* Ex Oriente Lux: Ideologies of Empire and Russia's Far East, 1895–1904. PhD. Diss. Yale University, 1997. P. 36.

180 Красочные описания деятельности туземных разведчиков на службе англичан даны в работах: *Waller D.* The Pundits. British Exploration of Tibet and Central Asia. Lexington, Kentucky: The University Press of Kentucky, 1990; *Barrow I.* Making History, Drawing Territory: British Mapping in India, c. 1756–1905. New Delhi, Oxford: Oxford University Press, 2003; *Madan P.* Tibet. Saga of Indian Explorers. New Delhi: Manohar, 2004; *Stewart J.* Spying for the Raj, etc.

181 *Madan P.* Op. cit. P. 137.

182 О деятельности этих школ см.: *Хохлов А.Н.* Российская школа переводчиков в Кульдже // Восточный архив. 1998. № 1. С. 24–30; *Он же.* Подготовка российских востоковедов-переводчиков для Дальнего Востока (школа переводчиков в Урге в 1885–1917 гг.) // Гуманитарные исследования. Альманах. 1999. Вып. 3. С. 230–244. *Он же.* Российская школа переводчиков в Урге (1864–1884) // Восточный архив. 2001. № 6–7. С. 35–46.

183 Об участии в *Большой Игре* членов Императорского Русского географического общества, см., напр.: Русское географическое общество. 150 лет. / ред. А.Г. Исаченко. М.: Прогресс – Пангея, 1995.

184 *Hellwald F.* Die Russen in Zentralasien. Eine geographisch-historische Studie. Wien: Verlag des Verfassers, 1869. S. 191–192.

185 Цит. по: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1856–1860. М.: Росспэн, 2004. Т. 3. С. 168.

186 *Gillard D.* The Struggle for Asia. P. 95.

187 *Morell J.* Russia and England. Their Strength and Weakness. New York: Riker, Thorne and Co., 1854. P. 11.

188 *Urquhart D.* Progress of Russia in the West, North, and South by Opening the Sources of Opinion and Appropriating the Channels of Wealth and Power. London: Truebner, 1853. P. 438.

189 О деле шхуны *Виксен* см.: *Urquhart D.* Op. cit. P. 291 ff. Современные интерпретации кавказской политики России в отношениях с Великобританией даны в книге: *Дегоев В.В.* Большая игра на Кавказе: история и современность. М.: Русская мысль, 2003. С. 117–155.

190 *De Lacy Evans G.* On the Designs of Russia. London: S. n., 1828; *idem.* On the Practicability of an Invasion of India; and on the Commercial and Financial Prospects and Resources of the Empire. London: S. n., 1829.

191 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 730. Оп. 1. Д. 519. Л. 1–3 об.

192 *Kelly J.* Britain and the Persian Gulf, 1785–1880. Oxford: Clarendon Press, 1968. P. 456. Оценка англо-персидской войны 1856–1857 гг. советскими историками содержится в работе: *Бушев П.П.* Герат и англо-персидская война 1856–1857 гг. М.: Восточная литература, 1959.

193 ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 241. Л. 1–32. Игнатьев – Сухозанету, Лондон, 23 января 1857.

194 *Aitchinson C.* (comp.) Op. cit. Vol. XIII. P. 85–86; АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 76. 1857. Л. 42–50об.

195 IOLR, L/P&S /18 /A3. P. 1–8. Как писал 9 февраля 1857 г. один из высокопоставленных чиновников по поводу соглашения эмира Дост Мохамеда и Ост-Индской компании, «лучшей политикой (для Британии. — *Е.С.*) было бы признать независимость Герата». P. 8.

196 *Kelly J.* Op. cit. P. 287. О русско-иранских отношениях в первой половине XIX в., также см.: *Avery P.* Modern Iran. London: E. Benn, 1965. P. 37–40.

197 *Macneill J.* The Progress and Present Position of Russia in the East. // *Evans M.* (ed.) The Great Game. Britain and Russia in Central Asia. London–New York: RoutledgeCurzon, 2004. P. 104. Первое издание памфлета вышло в Лондоне еще в 1836 г.

198 Цит. по: *Verney F.P.* Six Generations of Czars // The Nineteenth Century. 1889. № 148. P. 829.

199 *Thornton A.* The Reopening of the 'Central Asian Question, 1864–1869 // History. 1956. Vol. XLI. № 141–3. P. 123.

200 О деятельности эмира Дост Мохамеда в контексте англо-русского соперничества, см.: *Langlois V.* Herat. Dost Mohammed et les influences politiques de la Russie et de l'Angleterre dans l'Asie centrale. Paris: S. n., 1864; *Noelle C.* State and Tribe in Nineteenth–Century Afghanistan. The Reign of Amir Dost Muhammad Khan (1826–1863). Richmond: Curzon, 1997. История соперничества различных этно-конфессиональных политических группировок в Афганистане отражена в недавно опубликованной монографии иранского исследователя: *Mojtahed-Zadeh P.* The Small Players of the Great Game: the Settlement of Iran's Eastern Borderlands and the Creation of Afghanistan. London: RoutledgeCurzon, 2004.

201 *Yapp M.* Op. cit. P. 307.

202 См.: *Бларамберг И.Ф.* Воспоминания. М.: Наука, 1976. Гл. 2. Сравнительный анализ миссий Виткевича и Бернса можно найти в следующих работах: *Халфин Н.А.* Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). С. 243–255; *Meyer K., Brysac S.* Op. cit. P. 77–110. Н.А. Халфин опубликовал собственную версию самоубийства Виткевича, совершенного им в мае 1839 г., см.: *Халфин Н.А.* Драма в номерах «Парижа» // Вопросы истории. 1966. № 10. С. 216–220.

203 Об истории первой и второй англо-афганских войн см.: *Forbes A.* The Afghan Wars 1839–42 and 1878–80. London: Seeley and Co., 1892; *Eliott J.* The Frontier. The Story of the North-West Frontier of India. London: Cassell, 1968. P. 13–44; *Richards D.* The Savage Frontier. A History of the Anglo-Afghan Wars. London: Macmillan, 1990. P. 17–57.

204 *Wheeler G.* Russian Conquest and Colonization of Central Asia. // *Hunczak T.* (ed.) Op. cit. P. 266–267; *Chavda V.K.* Op. cit. P. 22; *Каландарова М.С.* Геополитика Англии в Центральной Азии в 20-е – 30-е гг. XIX в. Автореф. дисс… к.и.н. М.: Институт востоковедения, 1995. С. 12–13.

205 *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. 1. С. 20.

206 *Макшеев А.И.* Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских. СПб.: Военная типография, 1890. С. 99.

207 Дополнительную информацию об отношениях между центральноазиатскими правителями можно найти в следующих работах: *Халфин Н.А.* Россия и ханства Средней Азии. С. 199–221; *Джамгерчинов Б.Д.* Присоединение Киргизии к России. М.: Соцэкгиз, 1959. С. 83–124.

208 О подробностях кампании генерала Перовского против Хивы в 1839 г. см.: *Макшеев А.И.* Указ. соч. С. 143–214; *Попов А.Л.* Борьба за среднеазиатский плацдарм. С. 182–235.

209 *Зыков С.* Очерк утверждения русского владычества на Аральском море и реке Сыр-Дарья с 1847 по 1862 г. // Морской сборник. 1862. Т. 59. № 6. С. 311–312.

210 О миссии и судьбе Стоддарта и Конолли см.: *Wolff J.* Narrative of a Mission to Bokhara in the Years 1843–1845, to Ascertain the Fate of Colonel Stoddart and Captain Conolly. London: J. Parker, 1845, Vol. 1–2.

211 *Шепелев А.А.* Очерк военных и дипломатических сношений России со Средней Азией. Ташкент: Типография Военно-народного управления, 1879. Ч. 1. С. 67–70; *Meyer K., Brysac S.* Op. cit. P. 128–130; *Yetisgin M.* Op. cit. P. 82; *Постников А.В.* Схватка на «крыше мира»: политики, разведчики, географы в борьбе за Памир в XIX в. М.: Рипол-Классик, 2005. С. 84–85; *Johnson R.* Spying for Empire. P. 86–87. Согласно сведениям Терентьева, «нет сомнений в том, что если бы они (Стоддарт и Конолли. — *Е.С.*) переехали из города (Бухары. — *Е.С.*) в расположение русской миссии, они бы были спасены и уехали бы в Оренбург вместе с русскими дипломатами», см.: *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. 1. С. 197–198.

212 *Thornton A.* Op. cit. P. 122. О дипломатических усилиях Николая I и его министра иностранных дел сблизиться с Англией, особенно см.: *Ingle H.* Nesselrode and the Russian Rapprochement with Britain, 1836–1844. Berkeley: University of California Press, 1976.

213 См.: http://www.statemaster.com/encyclopedia/Buffer-state

214 *Sarkisianz M.* Russian Conquest in Central Asia: Transformation and Acculturation. — In: *Vucinich W.* (ed.) Russia and Asia. Essays on the Influence of Russia on the Asian Peoples. Stanford: Hoover Institute Press, 1972. P. 284. Заслуживающим серьезного внимания сборником документов по истории Туркменистана с XVI в. до русского завоевания, включающим свидетельства персидских, бухарских и хивинских авторов, является академическое издание, подготовленное известным востоковедом В.В. Струве, см.: *Материалы по истории туркмен и Туркмении* / ред. В.В. Струве. М.–Л.: Издательство АН СССР, 1938. По интересующей нас теме были особенно важны материалы, опубликованные в т. 2 на с. 205–322, 355–638.

215 Там же. С. 304.

216 Цит. по: *Yetisgin M.* Op. cit. P. 88. *The Times.* 29 December 1854.

217 *Каландарова М.С.* Указ. соч. С. 17.

218 *Аминов А.М., Бабаходжаев А.Х.* Экономические и политические последствия присоединения Средней Азии к России. Ташкент: Издательство «Узбекистан», 1966. P. 41.

219 Туркестанский край. Т. 20. С. 130.

220 АВПРИ. Ф. 701. Оп. 1. 1854. Д. 4. Л. 35–36, 108. Цит. по: *Постников А.В.* Указ. соч. С. 106–108, который утверждает, что военные инструкторы в конце концов отказались выехать в Хиву. В свою очередь турецкий исследователь М. Йетисгин приводит аргументы в пользу приезда офицеров-мусульман ко двору хана Коканда Мохамеда Худояра, см.: *Yetisgin M.* Op. cit. P. 87.

221 АВПРИ. Ф. 701. Оп. 1. 1854. Д. 4. Л. 29–30.

222 *Dabbs J.* Op.cit. P. 5; *Гуревич Б.В.* Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в. М.: Наука, 1983. С. 161.

223 *Dabbs J.* Op. cit. P. 11 ff.; *Обухов В.Г.* Указ. соч. С. 7–18. Современный взгляд на развитие геостратегической ситуации в Синьцзяне можно найти в статье: *Huggler J., Coonan C.* China Reopens a Passage to India // *The Independent.* 20 June 2006.

224 *Гуревич Б.В.* Указ. соч. С. 259–272.

225 *Клименко Н.П.* Колониальная политика Англии на Дальнем Востоке в середине XIX в. М.: Наука, 1976. С. 12–13, 32–33.

226 *Evans J.* Russian Expansion on the Amur, 1848–1860. The Push to the Pacific. New York, etc.: The Edwin Mellen Press, 1999. P. 20.

227 *Романова М.И.* Англо-русское морское соперничество на Дальнем Востоке в середине XIX в. и отношение к нему либеральных кругов Великобритании. — В кн.: Российский флот на Тихом океане: история и современность. Владивосток, 1996. Вып. 2. С. 11–15.

228 *Quested R.* The Expansion of Russia in East Asia, 1857–1860. Kuala Lumpur: University of Malaya Press, 1968. P. 282.

229 Цит. по: *Богданов Р.К.* Воспоминания амурского казака о прошлом с 1849 по 1880 г. // Приамурские ведомости. 1900. № 341. 9 июля 1854 г.

230 *Клименко Н.П.* Указ. соч. С. 32–33; *Evans J.* Op. cit. P. 88.

231 *Богданович А.Л.* Англия и Россия в Средней Азии // Русская мысль. 1900. Т. 3 . С. 139.

232 *Clarke G.* Russia's Sea Power. Past and Present, or the Rise of the Russian Navy. London: J. Murray, 1898, pp. 33–36.

233 Подр. см.: *Попов А.Л.* (сост.) Английская политика в Индии и русско-индийские отношения в 1897–1905 гг. // Красный архив, 1926. Т. 6 (19). С. 53–63.

234 *Robinson R., Gallagher J.* Africa and the Victorians. The Climax of Imperialism. New York: Anchor Books, 1968. P. 13. Общая оценка британского колониального правления дана в книге: *Porter B.* The Lion's Share. A Short History of British Imperialism. 1850–1970. London–New York: Longman, 1975. Новейший анализ системы управления *Раджа* можно найти в работе: *Allen C.* Soldier Sahibs.

235 См.: *Walsh W.* The Imperial Russian General Staff and India: A Footnote to Diplomatic History // Russian Review. 1957. Vol. 16. № 2. P. 57

236 *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. 1. С. 43; *Идаров С.* Значение Индии в политике России с Турцией и Англией // Русский вестник. 1884. Т. 171. №. 6. С. 487.

237 Цит. по: Русско-индийские отношения в XIX в. / ред. *П.М. Шаститко.* С. 28. Документальные свидетельства этих планов содержатся в публикациях и статьях: Проект экспедиций в Индию, предложенных Наполеоном Бонапартом императорам Павлу I и Александру I в 1800 и 1807–1808 гг. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. 1886. Т. 23. С. 1–93; *Лобысевич Ф.И.* Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и дипломатическо-военном отношениях. СПб.: Общественная польза, 1900. С. 60–61; *Идаров С.* Указ. соч. С. 519–549.

238 Цит. по: *Мещерский В.П.* Мои воспоминания (1850–1894). СПб: В. Мещерский, 1897. Т. 3. С. 195.

239 *Evans G. de Lacy.* On the Designs of Russia. C. 120–124, 240–242.

240 *Macneill J.* The Progress and Present Position of Russia in the East. London: J. Murray, 1854 (репр. изд. 1836 г.). — В кн.: *Evans M.* (ed.) The Great Game. Britain and Russia in Central Asia. London–New York: RoutledgeCurzon, 2004. P. 104–105.

241 *Ерофеев Н.А.* Указ. соч. С. 273.

242 *Anonymous.* India, Great Britain and Russia. P. 2–3, 11, 33–35.

243 Об этих настроениях, напр., см.: *Сухов И.* Солдат «Большой игры» // Время новостей, 26 февраля 2009 г.

244 АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 62 (1882). Л. 169. Гирс – Морегейму, Санкт-Петербург, 1882 г.

245 *Вернадский И.В.* Политическое равновесие и Англия. М.: Типография Московского университета, 1855. С. 8, 68, 70, 85, 122.

246 ЦГА РУЗ. Ф. 715. Оп. 1-а. Д. 25. Л. 5–17; Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 800. Оп. 1. Д. 18291. Л. 3–15. Записка Чихачева, 1854 г. См. также: Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. 1886. Т. 23. С. 105–129; *Colquhoun A.* Russia against India. The Struggle for Asia. London–New York: Harper and Brothers, 1900. P. 18; *Lobanov-Rostovsky A.* Russia and Asia. Ann Arbor, Mich.: G. Wahr, 1951. P.119–125.

247 *Кубанов К.Г.* Указ. соч. С. 18.

248 ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 271. Л. 1–14об.; *Бларамберг И.Ф.* Указ. соч.; также см.: *Штейнберг Е.Л.* Английская версия о русской угрозе Индии. С. 54–55.

249 ОР РГБ. Ф. 169. Оп. 50. Д. 55. Л. 119; Русско-индийские отношения в XIX в. С. 87–89; *Бушев П.П.* Указ. соч. С. 26–27.

250 Русско-индийские отношения в XIX в. С. 88, 93–94; *Халфин Н.А.* Политика России в Средней Азии. С. 74–75.

251 Русско-индийские отношения в XIX в. С. 96. Сухозанет — Александру II, Санкт-Петербург, март 1857 г.

252 *Chavda V.K.* Op. cit. P. 212–213.

253 АВПРИ. Ф. 137. Оп. 475. Д. 41. 1857. Л. 172–172об. Горчаков — Александру II, Санкт-Петербург, декабрь 1857.

254 Русско-индийские отношения в XIX в. С. 121–126, 139–141, 142; *Халфин Н.А.* Миссии из Индии в Россию во второй половине XIX в. М.: Восточная литература, 1963; *Кубанов К.Г.* Указ. соч. С. 23.

255 *Cotton S.* Nine Years on the North-West Frontier of India. From 1854 to 1863. London: R. Bentley, 1868. P. 284–285. Любопытные суждения и оценки британской политики во время Сипайского восстания можно найти в: *Muir W.* (ed.) Records of the Intelligence Department of the Government of the North-West Provinces of India during Mutiny of 1857. Edinburgh: Clark, 1902. Vol. 1–2; *Roberts R.* Forty-One Years in India from Subaltern to Commander-in-Chief. London: Macmillan, 1902. Vol. 1. P. 414–437. В советской историографии утвердилось ошибочное мнение о том, что царские власти якобы воздерживались от посылки секретных агентов в Индию на протяжении всей второй половины XIX в. Типичной в этом смысле стала докторская диссертация Н.А. Халфина, см.: *Халфин Н.А.* Политика России в Средней Азии и англо-русское соперничество (1857–1876). Автореф. дисс… д.и.н. М.: Московский государственный педагогический институт, 1962. С. 39–40.

256 *Keith J.* 'The Eastern Arc of Empire: A Strategic View, 1850–1950'. P. 537.

257 *Meyer K., Brysac S.* Op. cit. P. 151.

258 *Morris J.* Op. cit. P. 137. О воздействии Сипайского восстания на ситуацию в Центральной Азии также см.: *Mohammad Anwar Khan.* England, Russia and Central Asia (A Study in Diplomacy), 1857–1878. Peshawar: University Book Agency, 1963; *Литвинов П.П.* Указ. соч. С. 60–68.

259 АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 62 (1882). Л. 173. Гирс — Моренгейму, Санкт-Петербург, 1882 г.

260 Цит. по: *Darby P.* Op. cit. P. 26.

261 АВПРИ. Ф. 137. Оп. 475. Д. 41. 1857. Л. 172–172 об. Годовой отчет МИД за 1857 г., Санкт-Петербург, декабрь 1857.

262 Русско-индийские отношения в XIX в. С. 91. Докладная записка Чирикова в Главный штаб, 1858 г.

263 ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1, Д. 121. Л. 1–40. Личный дневник Игнатьева о его пребывании в Лондоне, 1857 г.

264 *Edwards H.* Russian Projects against India. From the Tsar Peter to General Skobelev. London: Remington, 1885. P. 158–159.

265 ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 511. Л. 1–2об. Черновик отчета Игнатьева, Лондон, 1857; также см. *Романовский Д.И.* Заметки по среднеазиатскому вопросу. СПб.: Типография Второго отделения Канцелярии е.и.в., 1868. С. X. О двух линиях в российской политике по отношению к азиатским странам см.: *idem.* Указ. соч. С. 25–27.

266 ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 275. Л. 1–30. Записка Игнатьева, 1859 г.

267 Николай Залесов. Записки / сост. *Н.Н. Длусская* // Русская старина. 1903. Т. 115. №. 7. С. 21–37.

268 *Милютин Д.А.* Воспоминания. М.: Российский архив, 1999. Т. 4. С. 208.

269 ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 507. Л. 1. Записка Игнатьева, Санкт-Петербург, 17 июля 1863 г.

270 Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Ф. 410. Оп. 2. Д. 2621. Л. 1–4об. Инструкции, данные командующим Тихоокеанской эскадрой контр-адмиралом Поповым командиру корвета *Новик,* 27 апреля 1863. О состоянии и проблемах российского флота после Крымской войны см.: *Нидермиллер А.Г.* От Севастополя до Цусимы. Воспоминания. Русский флот за время с 1866 по 1906 гг. Рига: М. Дидковский, 1930.

271 ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 507. Л. 4об.-5. Записка Игнатьева, Санкт-Петербург, 17 июля 1863 г.

272 *Залесов Н.* Указ. соч. С. 324.

273 РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4913. Л. 2–9об.; *Хрулев С.А.* Записка о походе в Индию // Русский архив. 1882. Т. 3. № 5. С. 42–66.

274 *Veniukov M.* Trans-Ili and Chu Districts. — In: *Michell J., Michell R.* (eds). Op. cit. P. 404.

275 См., напр.: *Штейнберг Е.Л.* Английская версия о «русской угрозе» Индии в XIX – XX вв. С. 52–54; *Орлов Е.А.* Вопрос об «обороне Индии» от «русской угрозы» в историографии. — В сб.: Против колониализма и неоколониализма / ред. В.И. Данилов. М.: Наука, С. 40–41; *Маннанов Б.С.* Указ. соч. С. 51–75. Точка зрения современных британских историков отражена в работе: *Marshall A.* Op. cit. P. 131–162.

276 *Шаститко П.М.* К вопросу о мифической «русской угрозе» Индии. — В сб.: Против фальсификации истории колониализма / ред. *К.М. Попов.* М.: Восточная литература, 1962. С. 182–196.

277 *The New York Daily Tribune.* 3 November 1858. Опубликовано в: *Энгельс Ф.* Продвижение России в Средней Азии // *К. Маркс, Ф. Энгельс.* Сочинения. М.: Госполитиздат, 1962. Т. 12. С. 618–619.

278 *Маннанов Б.С.* Указ. соч. С. 56–57.

279 Британские оценки этих политических миссий содержатся в следующих книгах: *Morgan G.* Anglo-Russian Rivalry in Central Asia. P. 86–99; *Quested R.* Op. cit. P. 64–275. В отечественной историографии об этом см.: *Киняпина Н.С.* Три российские миссии в Средней Азии. — В кн.: *Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В.* Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. Вторая половина XVIII в. – 80-е гг. XIX в. М.: МГУ, 1984. С. 256–269; *Калинин А.И.* О некоторых аспектах среднеазиатской политики России в 40–80-х гг. XIX в. // Восточный архив. 2000. № 4–5. С. 49–54.

280 РГВИА. Ф. 483. Оп. 1. Д. 53. Л. 7–18об. Записка Бутакова, 1859 г. Эти настроения нашли отражение в годовых отчетах МИД Александру II, напр., см.: АВПРИ. Ф. 137. Оп. 475. Д. 42. 1858. Л. 171об.– 172.

281 ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 292. Л. 1–3об. Записка Галкина, Оренбург, 19 мая 1858 г.

282 PRO/ FO 65/867, 1860.

283 РГВИА. Ф. 483. Оп. 1. Д. 53. Л. 1–6об. Записка Арцимовича на имя Милютина, Санкт-Петербург, 15 декабря 1859 г.

284 PRO/FO 181/338; PRO/FO 65/867, 1858. Уодхауз — Кларендону, Санкт-Петербург, 23 октября 1857 г.; Уодхауз — Малмсбери, Санкт-Петербург, 25 марта 1858 г.; ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 272. Л. 1–11об.; там же. Д. 315. Л. 1–6. Записка Игнатьева, Санкт-Петербург, б/д; *Халфин Н.А.* Политика России в Средней Азии. С. 30; *Хевролина В.М.* Российский дипломат граф Николай Павлович Игнатьев. М.: Институт российской истории РАН, 2004. С. 32–62.

285 *Hopkirk P.* The Great Game. P. 296.

286 Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 208. Оп. 1. Д. 4. Л. 50–59, особенно л. 54об. Записка Черняева, 1859 г.

287 О планах создания анти-российской коалиции тюркских ханств при поддержке Османской империи см.: *Мирзаева Л.Р.* Указ. соч. С. 17; *Strong J.* The Ignatiev Mission to Khiva and Bokhara in 1858 // Canadian Slavonic Papers. 1975. Vol. XVII. № 2–3. P. 236–269.

288 *Жуковский С.В.* Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг.: Труды Общества русских ориенталистов, 1915. С. 155.

289 ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 300. Л. 1–26. Отчет Игнатьева о результатах миссии в Хиву и Бухару, Санкт-Петербург, январь 1859 г.

290 *Игнатьев Н.П.* Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г. флигель-адъютанта полковника Н. Игнатьева. СПб.: Государственная типография, 1897. С. 274–275.

291 *Хевролина В.М.* Указ. соч. С. 35.

292 *Hellwald F.* Op. cit. S. 9–10; *Киняпина Н.С.* Средняя Азия во внешнеполитических планах царизма (50-е – 80-е гг.) // Вопросы истории. 1974. №. 2. С. 36–51. Специальным исследованием, посвященным деятельности Ханыкова в странах Востока, является следующая работа: *Халфин Н.А., Рассадина Е.Ф.* Н.В. Ханыков — востоковед и дипломат. М.: Наука, 1977.

293 АВПРИ. Ф. 137. Оп. 475. Д. 42. 1858. Л. 114об.–145. Отчет по Азиатскому департаменту МИД, Санкт-Петербург, декабрь 1858 г.

294 Там же. Ф. 133. Оп. 469. Д. 165. 1858. Л. 2–6. Аничков — Горчакову, Тегеран, 14 января 1858.

295 К немногим зарубежным упоминаниям о деятельности Ханыкова на Востоке, включая его миссию 1858 г., следует отнести следующие работы: *Holdsworth M.* Turkistan in the Nineteenth Century. A Brief History of the Khanates of Bokhara, Khokand and Khiva. Oxford: Central Asian Research Institute, 1959. P. 51; *Hopkirk P.* The Great Game. P. 290; *Yetisgin M.* Op. cit. P. 89.

296 *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1856–1860. Т. 3. С. 197.

297 IOLR/L & PS/5/18, pp. 72–72 rev., 74.

298 *Hopkirk P.* The Great Game. P. 290. О мотивах решения Дост Мохамеда не встречаться с Ханыковым и результатах его миссии, также см.: *Халфин Н.А., Рассадина Е.Ф.* Указ. соч. С. 119–142.

299 РГВИА. Ф. 447. Оп. 1. Д. 4. Л. 16–19. Записка Захарова, Кульджа, август 1857 г.

300 АВПРИ. Ф. 137. Оп. 475. Д. 41. 1857. Л. 206об.–207. Отчет по Азиатскому Департаменту МИД, Санкт-Петербург, декабрь 1857 г.

301 *Валиханов Ч.Ч.* О состоянии Алтышар, или шести восточных городов китайской провинции Нань-лу в 1858–1859 гг. Алма-Ата: АН Казахской ССР, 1962. Т. 2. Подробности этой миссии раскрыты в следующих работах: *Попов А.Л.* Из истории завоевания Средней Азии. С. 199–204; *Халфин Н.А.* Политика России в Средней Азии. С.106–113; *Киняпина Н.С.* Средняя Азия во внешнеполитических планах царизма. С. 36–51.

302 *Valikhanov C.* Chinese Turkestan and Dzungaria. London: E. Stanford, 1865.

303 *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1856–1860. Т. 3. С. 512–513; *Попов А.Л.* Из истории завоевания Средней Азии. С. 205–210.

304 АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 3. Л. 11об.

305 См., напр.: PRO/FO 181/336. Уодхауз — в Форин офис, Санкт-Петербург, 24 января 1857; *Engels F.* Persia and China // The New York Daily Tribune, 5 June 1857. О причинах и ходе второй опиумной войны см.: *Soothill W.* China and the West. A Sketch of Their Intercourse. London – Oxford: Oxford University Press, 1925. P. 137–153.

306 Цит. по: *Evans J.* Op. cit. Vol. 1. P. 110.

307 Цит. по: *Мясников В.С.* Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы XVII–XX вв. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 1996. С. 274.

308 PRO/FO 181/354. Crampton to Russell, St Petersburg, 14 September 1859; 7 October 1859.

309 Цит. по: *Захарова Л.Г.* Александр II и место России в мире // Новая и новейшая история. 2005. № 2. С. 179.

310 *Loftus A.* Op. cit. Vol. 1. P. 292–316. Одним из самых лучших исследований последних лет по истории делимитации русско-китайской границы на Амуре и Уссури в конце 1850-х гг. является следующая работа: *Paine S.* Imperial Rivals: China, Russia and Their Disputed Frontiers. New York – London: M. Sharpe, 1996; особенно, P. 49–106.

311 Цит. по: *Хохлов А.Н.* Военная помощь России Китаю в конце 50-х – начале 60-х гг. XIX в. — В сб.: Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (история и экономика) / ред. *И.С. Казакевич*. М.: Наука, 1967. С. 123–124 (сноска).

312 В таких условиях Россия направила в Китай 10 тыс. ружей и батарею из шести полевых орудий с 300 снарядами и запасными частями, тогда как несколько русских военных инструкторов обучали 6 китайских младших офицеров и 62 солдата с ноября 1861 по январь 1862 г., подробнее см.: *Хохлов А.Н.* Указ. соч. С. 127–129.

313 *Буксгевден А.О.* Русский Китай. Очерки дипломатических отношений России с Китаем. Порт-Артур: Новый край, 1902. С. 23. О подробностях миссии Игнатьева в Китай в 1859–1860 гг., см.: *Мясников В.С.* Указ. соч. С. 264–294; *Моисеев В.А.* Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Барнаул: Аз Бука, 2003. С. 21–41.

314 См., напр.: *Хевролина В.М.* Указ. соч. С. 63–96.

315 *Evans J.* Op. cit. P. 103; *Буксгевден А.О.* Указ. соч. С. 57.

316 Цит. по: *Клименко Н.П.* Указ. соч. С. 65, 71.

317 АВПРИ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 149. Л. 28об.–29. Воспоминания Игнатьева о переговорах с посланниками Англии, Франции и китайским правительством в 1860 г. Т. 1. Санкт-Петербург, б/д.

318 Там же. Л. 34, 50–50об.; см. также: *Буксгевден А.О.* Указ. соч. С. 112–118.

319 Цит. по: *Hopkirk P.* The Great Game. P. 300.

320 О русских исследователях и разведчиках, которые занимались топографической съемкой Центральной и Восточной Азии, включая Приамурье и Монголию, см.: *Венюков М.И.* Из воспоминаний. Амстердам: Б/и, 1895. Т. 1. С. 201–278.

321 Цит. по: *Попов А.Л.* Из истории завоевания Средней Азии. С. 208. О внутренних событиях в Кокандском ханстве, непосредственно предшествовавших завоеванию, см.: *Наливкин В.П.* Краткая история Кокандского ханства. Казань: Казанский универсритет, 1886.

322 Цит. по: *Халфин Н.А.* Политика России в Средней Азии. С. 137.

323 Туркестанский край. Т. 17. Ч. 1. С. 68–75. Безак — Милютину, Оренбург, 10 марта 1864 г.

324 РГВИА. Ф. 483. Оп. 1. Д. 66. Л. 11–11об. Записка Казакова, Оренбург, 26 июня 1862 г.

325 АВПРИ. Ф. 137. Оп. 475. Д. 44. 1860. Л. 269–275. Отчет по Азиатскому департаменту МИД, Санкт-Петербург, 1860 г.

326 ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 2170. Л. 2. Игнатьев — Милютину, Санкт-Петербург, 4 июля 1863 г. Цит. по: *Хевролина В.М.* Указ. соч. С. 116.

327 ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 507. Л. 1–12. Игнатьев — Горчакову, 17 июля 1863 г.

328 См.: *Захарова Л.Г.* Указ. соч. С. 175.

Генералъ-Адъютантъ К. П. фонъ-Кауфманъ.

Генерал-губернатор Туркестана
генерал-адъютант К.П. Кауфман

Генерал-адъютант М.Д. Скобелев

Полковникъ А. Н. Куропаткинъ.

Начальник Азиатской части Главного
штаба полковник
А.Н. Куропаткин

Генеральный консул в Кашгаре тайный
советник
Н.Ф. Петровский

Наместник на Дальнем Востоке генерал-адъютант Е.И. Алексеев

Шер Али, эмир Афганистана

Саид Абдул аль-Ахад, эмир Бухары

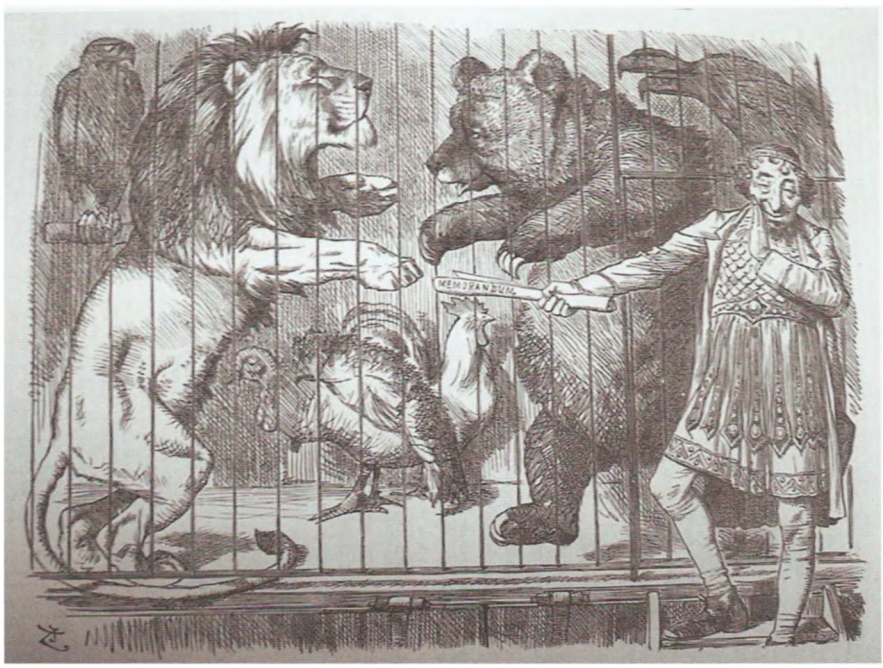
Музаффар-у-Дин, шах Персии

Саид Мохаммед, хан Хивы

Цинский сановник Ли Хунчжан

Сжимая объятья. 1877 г.

Кто уступит? 1878 г.



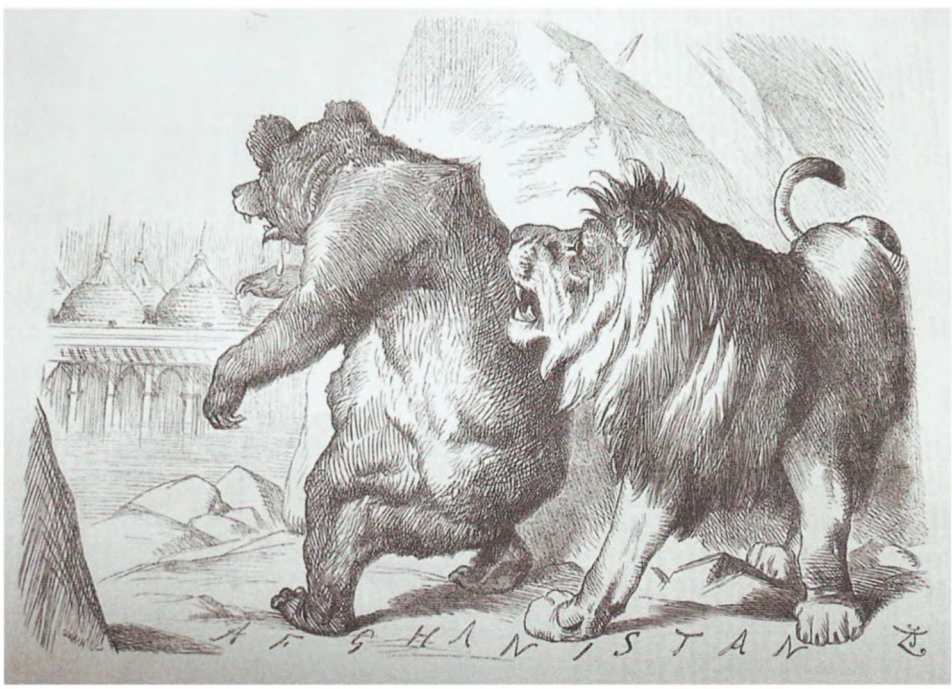
Счастливая семейка в Берлине. 1878 г.

Где мы сейчас? 1878 г.

Спасите меня от моих друзей. 1878 г.

Красавица и чудовище. 1885 г.

Готовы! 1885 г.



Нет, не позволю! 1885 г.

До следующего уведомления. 1904 г.

Внутреннее расстройство. 1904 г.

Дело прежде всего! 1904 г.

На маршруте. 1904 г.

Сват назло ей. 1905 г.

Почему нет? 1905 г.

Безобидный необходимый кот. 1907 г.

Дружественные отношения. 1908 г.

329 РГВИА. Ф. 447. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–1об. Бобков — Милютину, Оренбург, 11 января 1864 г.

330 *The Times,* 9 January 1857.

331 *Jelavich B.* St Petersburg and Moscow. Tsarist and Soviet Foreign Policy, 1814–1974. Bloomington – London: Indiana University Press, 1974. P. 171.

332 Архив Института восточных рукописей РАН (АИВР РАН). Ф. 115. Оп. 1. Д. 6. Л. 6. Черновик рукописи Снесарева «Россия и Англия в Средней Азии и Индия», 1906 г.

333 *Rosen R.* Forty Years of Diplomacy. New York: A. Knopf, 1922. Vol. 1. P. 37.

334 Большая часть наиболее важной переписки по этому вопросу опубликована в сборнике: Туркестанский край. Т. 19. Ч. 1.

335 Цит. по: *Бунаков Е.В.* К вопросу о политических и экономических связях среднеазиатских владений царской России с Восточным Туркестаном в правление Якуб Бека (1865–1877) // Бюллетень АН Узбекской ССР. 1945. №. 5. С. 22. О стратегических взглядах Н.Н. Обручева см.: *Айрапетов О.Р.* Забытая карьера «Русского Мольтке». Николай Николаевич Обручев (1830–1904). СПб.: Алетейя, 1998, особенно, С. 270.

336 *Kazemzadeh F.* Russia and the Middle East. — In: *Lederer I.* (ed.) Russian Foreign Policy. Essays in Historical Perspective. New Haven – London: Yale University Press, 1962. P. 495–496; *Mackenzie D.* Expansion in Central Asia. P. 289–290.

337 АИВР РАН. Ф. 115. Оп. 1. Д. 6. Л. 8. Черновик рукописи Снесарева «Россия и Англия в Средней Азии и Индия», 1906 г.

338 Цит. по: *Edwardes M.* Op. cit. P. 86.

339 Туркестанский край. Т. 17. Ч. 2. С. 196–201. Всеподданнейшая записка Горчакова и Милютина, Санкт-Петербург, 2 декабря 1864 г.

340 *Strebelsky I.* Op. cit. P. 169.

341 АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 78. 1864. Л. 470–474. Английский перевод этого дипломатического циркуляра находится в коллекции Р. Лайалла, хранящейся в фондах министерства по делам Индии в деле под названием «Англия и Россия в Азии, 1864–1907», см.: IOLR/F 132/37. P. 1–4. Кроме того, одну из самых ранних публикаций циркуляра Горчакова на Британских островах можно найти в брошюре: *Jerningham H.* Russia's Warnings. London: Chapman and Hall, 1885. Любопытную интерпретацию дал один из английских историков в 1960-х гг., см.: *Thornton A.* Doctrines of Imperialism. New York, London, Sydney: J. Wiley and Sons, 1965. P. 65. Он пришел к парадоксальному выводу о том, что идеи, высказанные Горчаковым в циркуляре, были впоследствии использованы экспертами Форин офис для выработки известной концепции «двойного мандата», взятой на вооружение Лигой Наций по колониальному вопросу в 1919 г.

342 *Aberigh-Mackay G.R.* Notes on [the Situation in] Western Turkestan. Calcutta, Bombay, Madras, London: Thaker, Spink and Co., 1875. P. 22.

343 Подробное описание и профессиональные комментарии свидетелей этих событий можно найти в следующих трудах: *Романовский Д.И.* Заметки по среднеазиатскому вопросу. С. 123–191; *Абаза К.К.* Завоевание Туркестана. Рассказы из военной истории, быта и нравов туземцев в общедоступном изложении. СПб.: М. Стасюлевич, 1902.

344 BDFA. Ser. A. Part 1. Vol. 1. P. 93. Меморандум Мичелла, Санкт-Петербург, 4 декабря 1865 г.

345 АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 78. 1858, Л. 370–370об. Кларендон – Горчакову, Лондон, 16 января 1858 г.

346 О влиянии этой трансформации на британскую политику см.: *Thornton A.* British Policy in Persia, 1858–1890 // The English Historical Review. 1954. Vol. 69. №. 273. P. 554–555; *Kazemzadeh F.* Russia and Britain in Persia. P. 14 ff.

347 IOLR/L & PS/ 5/ 256/ 3 rev. Записка генерал-лейтенанта Оутрама, Калькутта, 4 января 1860.

348 PRO/ FO 65/ 867, no. 66. Расселл – Крэмптону, Лондон, 31 марта 1860 г.

349 *Hopkins B.* The Myth of the Great Game: The Anglo-Sikh Alliance and Rivalry // University of Cambridge Centre of South Asian Studies. Occasional Papers. 2004. №. 5. P. 17–8, 34.

350 *Vambery A.* The Life and Adventures of Arminius Vambery. P. 308.

351 О реорганизации англо-индийской армии после восстания сипаев см.: *Cotton S.* Op. cit. P. 311–352; *Macgregor C.* (ed.) Op. cit. P. 119–211. Более критические оценки содержатся в книге: *Moreman T.* The Army in India and the Development of Frontier Warfare, 1849–1947. London: Macmillan, New York: St Martin's Press, 1998. P. 42–53.

352 *Johnson R.* Spying for Empire. P. 28.

353 *Morgan G.* Myth and Reality in the Great Game. P. 58.

354 Ibid. P. 55.

355 *Hopkins B.* The Myth of the Great Game. P. 15. Детальный анализ организации разведывательного процесса в Британской Индии содержится в работе: *Bayly C.* Empire and Information: Intelligence Gathering and Social Communication in India, 1780–1870. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 10–55.

356 *Escott T.* The Story of British Diplomacy. Its Makers and Movements. London: T. Fisher Unwin, 1908. P. 369; *Deacon R.* A History of the British Secret Service. New York: Taplinger Publishers, 1970. P. 123.

357 *Bayly C.* Op. cit. P. 365.

358 *Beaver W.* The Development of the Intelligence Division and Its Role in Aspects of Imperial Policy Making, 1857–1901. The Military Mind of Imperialism. Ph. D. Thesis. Oxford University, 1976. P. 10.

359 *Meyer K., Brysac S.* Op. cit. P. 208; *Stewart J.* Op. cit. P. 48–49.

360 *Stewart*, op. cit., p. 56; *Waller D.* Op. cit. P. 32.

361 Современные интерпретации деятельности пандитов, о которых говорилось выше, дополняет следующее исследование: *Popplevel R.* Intelligence and Imperial Defence. British Intelligence and the Defence of the Indian Empire, 1904–1924. London: F. Cass, 1995. P. 21–22.

362 *Johnson R.* Spying for Empire. P. 116.

363 РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4806. Л. 1–3об. Записка Венюкова, 1872 г.

364 *Романовский Д.И.* Заметки по среднеазиатскому вопросу. С. X.

365 IOLR/L/P&S/5/19/413B-413B rev.

366 Ibid.

367 АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 269. Л. 2–4. Бруннов — Горчакову, Лондон, 12 декабря 1864 г. (черновик депеши).

368 РГВИА. Ф. 431. Оп. 1. Д. 31. Л. 62–64об. Новицкий — в Главный штаб, Лондон, 11 ноября 1864 г. (приложение к рапорту).

369 *Keith J.* Op. cit. P. 543.

370 *The Times,* 16 June 1865.

371 Более подробную информацию о военных кампаниях против Коканда и Бухары можно найти в следующих изданиях: *Cotton S.* A Prophesy Fulfilled. 1869. A Central Asian Question. Dublin: W. Macgee; London: Simpkin, Marshall and Co., 1878; *Костенко Л.Ф.* Исторический очерк распространения русского владычества в Средней Азии // Военный сборник. 1887. № 8. С. 145–178; № 9. С. 5–37; № 10. С. 139–160; № 11. С. 5–35; *Макшеев А.И.* Указ. соч. С. 219–288; *Сярковский Г.* О туркестанских походах 1864–1865 гг. // Военный сборник. 1891. Т. 197. № 2. С. 357–381; Т. 198. № 3. С. 157–164; *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. 1. С. 336–425; Туркестанский сборник / сост. *Серебренников А.Г.* Т. 20–22; *Попов А.Л.* Из истории завоевания Средней Азии. С. 198–242; *Халфин Н.А.* Присоединение Средней Азии к России. Ценные сведения по этому сюжету также содержатся в работах Д. Маккензи и докторской диссертации М. Иетисгина, см.: *Mackenzie D.* Expansion in Central Asia: St Petersburg versus the Turkestan Generals (1863–1866). P. 286–311; *idem.* Turkestan's Significance to Russia (1850–1917) // *Russian Review.*1974. Vol. 33. №. 2. P. 167–188; *Yetisgin M.* Op. cit. P. 80–164.

372 *Пашино П.И.* Туркестанский край в 1866 г. Путевые заметки. СПб.: Типография Тиблина (Неклюдова), 1868. С. 82.

373 *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. 1. С. 269–270.

374 *Венюков М.* Россия и Восток. Собрание географических и политических статей. СПб.: В. Безобразов, 1877. С. 173.

375 АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 5. Л. 1–41. Записка Бруннова, Лондон, 29 апреля 1864 г.

376 IOLR/Mss Eur F 90/3/16. Лоуренс — Вуду, Калькутта, 27 мая 1865 г.; Лоуренс — Райпону, Калькутта, 20 апреля 1866 г. На эти письма ссылается индийский историк, см.: *Gopal S.* British Policy in India. 1858–1905. Cambridge: Cambridge University Press, 1965. P. 46.

377 PRO/FO 65/1212. Лоуренс — Норткоту, Симла, 3 сентября 1867 г.

378 См., напр.: АВПРИ. Ф. 137. Оп. 475. Д. 53. Л. 217об.-221об. Оценки военных экспертов можно найти в следующих работах: *Венюков М.* Россия и Восток. С. 197; *Попов А.Л.* Из истории завоевания Средней Азии. С. 226.

379 *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. 1. С. 425.

380 PRO/FO 65/868. Отрывок из секретного доклада, Санкт-Петербург, 14 мая 1865 г.

381 *Carrere D'Encause H.* Systematic Conquest, 1865–1884. P. 132–133; *Yetisgin M.* Op. cit. P. 96–97.

382 *Becker S.* Russia's Protectorates in Central Asia. P. 164; *Шкунов В.Н.* Бухарские евреи и торговые связи России с ханствами Средней Азии во второй половине XVIII–XIX в. // Восток. 2010. № 4. С. 129–133.

383 *Логофет Д.Н.* Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние. СПб.: В. Березовский, 1909. С. 18–19.

384 *Венюков М.* Опыт военного обозрения русских границ в Азии. СПБ.: В. Безобразов, 1873. Вып. 1. С. 141.

385 *Вамбери А.* Очерки Средней Азии. М.: А. Мамонтов, 1868. С. 172–188.

386 PRO/ FO 65/868. Бьюкенен — Расселлу, Санкт-Петербург, 12 сентября 1865 г.

387 *Mackenzie D.* The Conquest and Administration of Turkestan, 1860–1885. P. 208–234.

388 *Holdsworth M.* Op. cit. P. 55.

389 Туркестанский край. Т. 20. Ч. II. С. 127. Крыжановский — Горчакову, Оренбург, 23 октября 1865 г.

390 Группа консервативно настроенных политиков во главе с князем Барятинским и графом Шуваловым противодействовала военным реформам, проводимым Д.А. Милютиным, а такие честолюбцы, как М.Г. Черняев, нередко выступали против других генералов-туркестанцев: Веревкина, Романовского, Крыжановского, см.: ОПИ ГИМ. Ф. 208. Оп. 1. Д. 6. Л. 15–16, 40–51; *Милютин Д.А.* Воспоминания, 1865–1867. М.: Росспэн, 2005. Т. 6. С. 343–344.

391 PRO/ FO 85/869.

392 *Mackenzie D.* Turkestan's Significance to Russia (1850–1917). С. 170–171.

393 Туркестанский край. Т. 20. Ч. II. С. 187–188. Крыжановский — Черняеву, Оренбург, 14 ноября 1865 г.

394 Любопытные документы о жизни, военной службе и предпринимательской деятельности Черняева содержит его личный фонд в ОПИ ГИМ. О карьере Черняева также см.: *Mackenzie D.* The Lion of Tashkent. The Career of General M.G. Cherniaev. Athens: University of Georgia Press, 1974.

395 О подготовке и первоначальных проектах административного устройства Туркестанского генерал-губернаторства см.: *Becker S.* Russia's Protectorates in Central Asia. P. 25–43.

396 АВПРИ. Ф. 137. Оп. 475. Д. 56, 1867. Л. 334–335; *Anonymous.* Russian Advance in Asia. 1873. P. 55–56; *Попов А.Л.* Из истории завоевания Средней Азии. С. 215.

397 *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1868–1873. М.: Росспэн, 2006. Т. 7. С. 58.

398 Подр. см.: Центральная Азия в составе Российской империи / ред. С.Н. Абашин, Д.Ю. Арапов, Н.Е. Бекмаханова. М.: Новое литературное обозрение, 2008; Россия – Средняя Азия. М.: URSS, 2011. Т. 1.

399 *Lobanov-Rostovskii A.* Op. cit. P. 152.

400 *Венюков М.* Из воспоминаний. Т. 2. С. 162; *Логофет Д.Н.* Страна бесправия. С. 168.

401 ОПИ ГИМ. Ф. 307. Оп. 1. Д. 15. Л. 71–72. Записка Свистунова, 27 августа 1870 г.

402 *Венюков М.* Из воспоминаний. Т. 2. С. 154–155.

403 ОПИ ГИМ. Ф. 307. Оп. 1. Д. 24. Л. 5. Меморандум Соболева, 1870 г.

404 *Халфин Н.А.* Присоединение Средней Азии к России. С. 225–241; *Васильев А.Д.* Взаимоотношения Османской империи и государств Центральной Азии в середине XIX – начале XX вв. Автореф. дисс.. к.и.н. М.: Российская академия государственной службы, 2007. С. 19–22; *Yetisgin M.* Op. cit. P. 109–110.

405 *Yetisgin M.* Op. cit. P. 112.

406 Туркестанский край. Т. 17. Ч. 2. С. 211–221. Записка Стремоухова, Санкт-Петербург, декабрь 1864 г.

407 *Милютин Д.А.* Воспоминания. Т. 7. С. 219–222; *Попов А.Л.* Из истории завоевания Средней Азии. С. 228. Следует добавить, что первая крепость Ново-Петровск была построена русскими на восточном берегу Каспийского моря еще в 1854 г., см.: *Романовский Д.И.* Заметки по среднеазиатскому вопросу. С. 5. Но именно Красноводск приобрел статус главной тыловой базы для последующего наступления в Закаспийской области. Спустя несколько лет форт Чикишляр был сооружен в устье Атрека для прикрытия Красноводска с юга, на что британские журналисты также обратили внимание, см.: *The Daily News,* 24 April 1873.

408 *Венюков М.* Из воспоминаний. Т. 2. С. 155; *Mackenzie D.* Turkestan's Significance to Russia. P. 173. Российская статистика за 1868–1875 гг. указывала на следующие финансовые результаты царской политики в Туркестане: доходы — 10,588 459 руб., расходы — 29,497 415 руб., см.: PRO/FO 539/14. Correspondence respecting Russian Proceedings in Central Asia, 1874–1877.

409 Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 954. Оп. 1. Д. 112. Л. 18об. Записка Кауфмана, Ташкент, 16 декабря 1868; там же. Ф. 954. Оп. 1, Д. 113. Л. 1-1об. Обращение Кауфмана к жителям Самарканда и окрестностей, Ташкент, 4 мая 1868 г.

410 *Терентьев М.А.* Россия и Англия в Средней Азии. СПб.: П. Меркурьев, 1875. С. 312–313; *Mackenzie D.* Turkestan's Significance to Russia. P. 174.

411 РГВИА. Ф. 483. Оп. 1. Д. 91. Л. 1-11об. Крыжановский — Рейтерну, Оренбург, октябрь 1865 г.

412 PRO/ FO 65/869/62-4. Бьюкенен — Кларендону, Санкт-Петербург, 28 ноября 1866 г. Как, например, Горчаков признал в разговоре с Бьюкененом в 1869, «несомненно, военные в России стремятся к наградам, которые могут обеспечить им наши завоевания в Средней Азии». Любопытно, что посол в свою очередь заявил, что, «если какие-либо обстоятельства смогут нарушить доброе взаимопонимание двух правительств в настоящем, то это будет несанкционированное действие офицеров на границе», см.: *Anonymous.* Russia and England in Central Asia. P. 5.

413 ОР РГБ. Ф. 169. Оп. 36. Д. 36. Л. 1–2. Расселл — Бруннову, Лондон, 16 сентября 1865 г.

414 ОПИ ГИМ. Ф. 208. Оп. 1. Д. 6. Л. 43–44. Черняев — Полторацкому, Ташкент, 20 декабря 1865 г.

415 АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 296. Л. 8–9об. Бруннов — Горчакову, Лондон, 9 ноября 1866 г.

416 Цит. по: *Ramm A.* (ed.) The Political Correspondence of Mr. Gladstone and Lord Granville. 1868–1876, London: Royal Historical Society, 1952. Vol. 2. P. 433.

417 IOLR/Mss Eur C 144/9. Нортбрук — Аргайллу, Калькутта, 28 марта 1873 г.

418 *Preston A.* Sir Charles Macgregor and the Defence of India, 1857–1887 // The Historical Journal. 1969. Vol. 12. № 1. P. 65; также см.: *Hunter W.* A Life of the Earl of Mayo, Fourth Viceroy of India. London: Smith, Elder and Co., 1875. Vol. 2. P. 122–126.

419 Ibid. Vol. 1. P. 154–156. Меморандум Гладстона, Лондон, 10 ноября 1870 г. О российской инициативе пересмотреть Парижский мирный договор 1856 г., см.: *Мещерский В.П.* Указ. соч. Т. 2. С. 135–136; *Knaplund P.* Op. cit. P. 63–64.

420 *Anonymous.* Russia and England in Central Asia. P. 13.

421 См.: *Kennedy P.* Strategy and Diplomacy. London: G. Allen and Unwin, 1983. P. 13–39.

422 *Hunter W.* Op. cit. Vol. 1. P. 272.

423 *Cotton S.* Op. cit. P. 5.

424 *Meyer K., Brysac S.* Op. cit. P. 154.

425 IOLR/L&PS/18/C 4/1-20. Меморандум Роулинсона, Лондон, 20 июля 1868 г. Российские комментарии этого документа можно найти в книге: *Богданович Л.А.* Англия и Россия в Средней Азии // Русская мысль. 1900. Т. 3. С. 141–142.

426 IOLR/L&PS/18/C 4/1–20. Меморандум Роулинсона, Лондон, 20 июля 1868 г.

427 Цит по: *Edwardes M.* Op. cit. P. 95.

428 ОР РГБ. Ф. 169. Оп. 65. Д. 25. Л. 13–14. Кауфман — Милютину, Ташкент, 7 марта 1872 г.

429 IOLR/Mss Eur F 111/115. Correspondence respecting the Relations between the British Government and that of Afghanistan since the Accession of the Emir Sher Ali Khan (1863–1878). London: HMSO, 1878. P. 51.

430 Цит. по: *Ward A., Gooch G.* (eds). Op. cit. Vol. 3. P. 75.

431 Цит. по: *Hunter W.* Op. cit. Vol. 1. P. 279, 281.

432 IOLR/B 380/2. Майо — Аргайллу, Симла, 1 июля 1869 г.

433 IOLR/ L&PS/18/C 5/3–7. Записка Маклеода, Лахор, 10 октября 1869 г.

434 BDFA. Vol. 1. P. 293. Аналитический обзор Тендерена, Лондон, 30 ноября 1869 г. Общий ход переговоров был также рассмотрен в меморандуме, подписанном O.T.B. [Bailey?], для министерства по делам Индии, 31 ноября 1881 г., см.: IOLR/L/P&S/18/c 31/1b.

435 IOLR/P&PS/18/A 147/1-8. Correspondence on Russian assurances with regard to Afghanistan, 1869–1885, Горчаков — Бруннову, Санкт-Петербург, 7 марта 1869 г.

436 IOLR/L&PS/18/A 91/1-9. Memorandum by the India Office Political and Secret Department on the Russo-Afghan boundary delimitation, London, 2 May 1893.

437 АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 328. Л. 14–15об. Горчаков — Кауфману, Санкт-Петербург, 30 марта 1870 г.

438 PRO/FO 65/870. Извлечения из русской и британской прессы, 1869 г.

439 *Kazemzadeh F.* Russia and Britain in Persia. P. 25. Современные оценки русско-британского сотрудничества в Персии можно найти в следующей работе: *Andreeva E.* Op. cit. Ch. 4.

440 АВПРИ. Ф. 137. Оп. 475. Д. 61. 1870. Л. 288–289. Годовой отчет МИД Александру II, Санкт-Петербург, декабрь 1870 г.

441 Там же. Л. 297–297об.; также см.: *Fraser-Tytler W.K.* Op. cit. P. 120–136.

442 Цит. по: *Терентьев М.А.* Россия и Англия в Средней Азии. С. 257. Всеподданнейший рапорт Горчакова Александру II, Гейдельберг, 3 сентября 1869 г. Сегодняшнюю интерпретацию афганской проблемы в контексте *Большой Игре* дает индийский историк, см.: *Chakravarty S.* Afghanistan and the Great Game. Delhi: New Century Publication, 2002. P. 56.

443 *Edwardes M.* Op. cit. P. 96; *Alder G.* British India's Northern Frontier, 1865–95. A Study in Imperial Policy. London: Longmans, 1963. P. 287–299.

444 PRO/FO 65/869, № 311. Бьюкенен — Кларендону, Санкт-Петербург, 2 июля 1866 г.

445 ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 454. Л. 32, 63–64. Записка Кутайсова, Лондон, октябрь 1871 г.

446 *Ledonne J.* Op. cit. P. 184.

447 *Preston A.* British Military Policy and the Defence of India. A Study of British Military Policy, Plans and Preparations During the Russian Crisis, 1876–1880. Ph. D. Diss., University of London, 1966. P. 32; *idem.* Sir Charles Macgregor and the Defence of India. P. 62.

448 PRO/FO 65/870/112-117. Government of India's memorandum on northern boundaries of Afghanistan, Simla, 7 July 1869. О дипломатических переговорах Форсайта с Горчаковым и Стремоуховым, см.: *Forsyth T.* Autobiography and Reminiscences. London: Bentley, 1887. P. 43–53.

449 АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1699. Л. 4. Обзор русско-британских переговоров по делам Средней Азии; там же. Ф. 184. Оп. 520. Д. 346. Л. 7об.-8, 37–40. Горчаков — Кауфману, Санкт-Петербург, 4 ноября 1871 г.; там же. Д. 363. Л. 6–9. Грэнвилл — Лофтусу, Лондон, 24 января 1873 г. (перехвачено русской разведкой).

450 *Попов А.Л.* Из истории завоевания Средней Азии. С. 226–227.

451 *Roberts F.* Op. cit. Vol. 2. P. 46–47.

452 Цит. по: *Dutchie J.* Some Further Insights into the Working of Mid-Victorian Imperialism: Lord Salisbury, the 'Forward' Group and Anglo-Afghan Relations, 1874–1878 // Journal of Imperial and Commonwealth History. 1980. Vol. 8. № 3. P. 182–183; *Kazemzadeh F.* Op. cit. P. 26–28.

453 АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 297. Л. 8–17. Меморандум Макензи, Лондон, 1 ноября 1866 г.; также см.: *Попов А.Л.* Англо-русское соперничество на путях Ирана // Новый Восток. 1926. Т. 12. С. 127–148.

454 См.: *Kuropatkin A.* Kashgaria. Historical and Geographical Sketch of the Country; Its Military Strength, Industries and Trade. Calcutta: Thacker, Spink and Co., 1882. P. 21; *Dabbs J.* Op. cit.

455 Офицеры Разведывательного отдела в Симле не смогли установить этническое происхождение дунган. Согласно их докладу, последние «восприняли китайский язык, одежду, обычаи и имеют с ханьцами внешнее сходство, хотя выше, сильнее и лучше сложены. Их религией являлся ислам суннитского толка, см.: IOLR/L/Mil/17/14/74. *Malleson W.* (ed.) Military Report on Kashgaria prepared in the Division of the Chief of the Staff, Intelligence Branch. Simla: Government Monotype Press, 1907. P. 94.

456 *Boulger D.* The Life of Yakoob Beg, Athalik Ghazi and Badaulet, Emir of Kashgar. London: W. Allen, 1878. P. 1–13; 14–21. Современный взгляд изложен в: *Ledonne J.* Op. cit. P. 187; *Петров В.И.* Мятежное «сердце» Азии. С. 163–164; *Колесников А.А.* Русские в Кашгарии. С. 6.

457 *Басханов М.* Политика Англии в отношении государства Якуб-бека. — В кн.: Из истории международных отношений в Центральной Азии (в средние века и новое время) / ред. *Г. Исхаков.* Алма-Ата: Гылым, 1990. С. 110–111.

458 Подр. см.: *Lattimore O.* Inner Asian Frontiers of China. London–New York: Oxford University Press, 1940. С. 181–187. Причины дунганского и других антицинских восстаний исследованы в работах: *Гейнс А.К.* О восстании мусульманского населения или дунганей в Западном Китае // Военный сборник. 1866. №. 8. С. 193; *Chu Wen-Djang.* The Moslem Rebellion in Northern China, 1862–1878. A Study of Government Minority Policy. The Hague–Paris: Mouton, 1966. P. 18–23. Американский историк китайского происхождения предложил иную версию начала движения как результата вооруженного столкновения между ханьскими и уйгурскими добровольцами, которые должны были направиться по указанию цинских властей на борьбу с тайпинами, см.: *Chu Wen-Djang.* Op. cit. P. 24–25.

459 *Paine S.* Op. cit. P. 107–173.

460 РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 48. Л. 183–183об. Милютин — Горчакову, Санкт-Петербург, 28 сентября 1866 г.

461 ОПИ ГИМ. Ф. 307. Оп. 1. Д. 56. Л. 103–155. Повествование Бека Кули-бека о кашгарском хане Якуб-беке. Согласно этому источнику, Якуб-бек родился в 1822 или 1823 г. Текст документа был позднее переведен и опубликован советскими историками, см.:

Первышев И. Ресалэ-и-Якуби. Воспоминания о Якуб-беке Кашгарском Камиль Хана Ишана // Историк-марксист. 1940. № 3. С. 127–135. Аутентичные уйгурские источники о восстании 1864 г. и дальнейшей деятельности Якуб-бека были проанализированы в статье: *Усманов К.* Уйгурские источники о восстании в Синьцзяне 1864 г. // Вопросы истории. 1947. №. 2. С. 87–89. Дальнейшие исследования этой проблемы проводил также Д. Исиев, см.: *Исиев Д.* Указ. соч. С. 53–54.

462 РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 48. Л. 189–222. Записка полковников Гейнса и Гутковского о причинах восстания дунган в Восточном Туркестане, Санкт-Петербург, 26 марта 1866 г. Помимо уже упоминавшихся работ подробное описание деятельности Якуб-бека можно найти в следующих трудах: *Michell R.* Eastern Turkistan and Dzungaria and the Rebellion of the Dungans and Taranchis, 1862–1866. London: E. Stanford, 1871; *Пантусов Н.* Война мусульман против китайцев. Казань: Казанский университет, 1881. Vol. 1–2; *Фесенко П.* История Синьцзяна. М.: Институт востоковедения, 1935. С. 79–120; *Тихонов Д.И.* Восстание 1864 г. в Восточном Туркестане // Советское востоковедение. 1948. Т. V. С. 155–172; *Сушанло М.* Дунганское восстание второй половины XIX в. на северо-западе Китая и роль в нем Бай Яньху. Автореф. дисс… к.и.н. М.: Институт востоковедения, 1953; *Моисеев В.А.* Указ. соч. С. 42–66; *Kim, Hodong.* Holy War in China: The Muslim Rebellion and State in Chinese Central Asia, 1864–1877. Stanford: Hoover Institutions Press, 2004.

463 *Frechtling L.* Anglo-Russian Rivalry in Eastern Turkestan, 1863–1881 // Journal of the Royal Central Asian Society. 1939. Vol. 26. Part 3. P. 473.

464 *Моисеев В.А.* Указ. соч. С. 42–66.

465 *Vambery A.* Central Asia and the Anglo-Russian Frontier Question. A Series of Political Papers. London: E. Smith, 1874. P. 156.

466 О требованиях британских торговых ассоциаций к правительству см.: *Lamb A.* Britain and Chinese Central Asia. P. 125. Дипломатические маневры России, Британии и Китая подробно исследованы в монографии: *Pierce R.* Russian Central Asia, 1867–1917. A Study in Colonial Rule. Berkeley-Los Angeles: University of California Press, 1960. P. 27–28.

467 РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 48. Л. 21. Хрущов — Милютину, Омск, 6 января 1866 г.

468 Там же. Л. 347–351об. Павлинов — Стремоухову, Кульджа, 1 февраля 1867 г.

469 Там же. Д. 4774. Л. 1–10об. Записка Воронцова-Дашкова, 1867 г.

470 *Johnson R.* Spying for Empire. P. 110.

471 Цит. по: *Ахметжанов А.* Агрессивные устремления английского капитализма в Западном Китае в 60-е – 70-е гг. XIX в. — В сб.: Алма-Атинский государственный педагогический институт. Ученые записки. 1956. Т. 11. С. 144.

472 Более полную информацию о миссии Хэйуорда можно найти в следующей работе: *Keay J.* Where Men and Mountains Meet: The Explorers of the Western Himalayas, 1820–1875. London: J. Murray, 1977. P. 224.

473 PRO/FO 65/871. Меморандум Мичелла, 25 марта 1870 г.

474 Современные оценки этой и других подобных миссий содержатся в книгах: *Hopkirk P.* The Great Game. P. 324–329; *Johnson R.* Spying for Empire. P. 110–123.

475 РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 126. Л. 31–39. Горчаков — Милютину, Санкт-Петербург, 9 декабря 1868 г.

476 *Henderson G.* and *Hume A.* Lahore to Yarkand. Incidents of the Route and Natural History of the Countries Traversed by the Expedition of 1870 under T.D. Forsyth. Lahore: Niaz Akhmad Publishers, 1981. P. 7.

477 *Forsyth T.* Op. cit. P. 54–89; *Попов А.Л.* Из истории завоевания Средней Азии. С. 235. Дополнительные сведения об этой поездки были опубликованы в: Great Britain. Parliament. Forsyth's Mission. Extracts of Correspondence relating to the Mission of Mr. Douglas Forsyth to Yarkand. London: HMSO, 1871.

478 *Терентьев М.А.* Россия и Англия в Средней Азии. С. 137–138; *Исиев Д.* Указ. соч. С. 41–42.

479 *Rayfield D.* The Dream of Lhasa. The Life of Nikolai Przhevalsky (1839–88), Explorer of Central Asia. London: P. Elek, 1976. P. 93. Как доказывает автор, первый министр Якуб-бека — Заман-бек скрывал свои прорусские симпатии открытыми заявлениями в пользу Турции, см.: *Васильев А.Д.* Указ соч. С.23–24.

480 *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1868–1873. Т. 7. С. 332. Муравьев-Амурский — Милютину, Париж, 23 декабря 1870 г.

481 *Ledonne J.* Op. cit. P. 188–189.

482 РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 195. Л. 9–12об. Черновик инструкции Колпаковского капитану Каульбарсу, 20 июня 1872 г. Также см.: *Каульбарс А.* Заметки о Кульджинском крае // Материалы для статистики Туркестанского края.1874. Т. 3. С. 115–149; *Boulger D.* The Life of Yakub Beg. P. 192–194; *Милютин Д.А.* Воспоминания. Т. 7. С. 541; *Фесенко П.* Указ соч. С. 118–119.

483 РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 292. Л. 1–5об. Горчаков — Милютину, Санкт-Петербург, 3 ноября 1871 г.

484 Там же. Д. 128. Л. 315–316. Хрущов — Милютину, Омск, 22 октября 1870 г.; РГИА. Ф. 954. Оп. 1. Д. 116. Л. 1–11. Записка Кауфмана, Ташкент, 20 июня 1871 г. Подробнее о кризисе вокруг Или см.: *Pierce R.* Op. cit. P. 28–29; *Дубровская Д.В.* Указ. соч. С. 131–164; *Ledonne J.* Op. cit. P.188–189; *Моисеев В.А.* Указ. соч. С. 116–133.

485 РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 195. Л. 1–8. Проект инструкции Колпаковского политическому агенту в Кашгаре, 1872 (?).

486 *Костенко Л.Ф.* Указ. соч. С. 147.

487 Цит. по: *Chu Wen-Djang.* Op. cit. P. 175.

488 *Waller D.* Op. cit. P. 144–168. О второй миссии Т. Форсайта в Кашгарию см.: *Forsyth T.* Report of a Mission to Yarkand in 1873. Calcutta: Foreign Department Press, 1875; *idem.* Autobiography and Reminiscences. P. 90–126; *Bellew H.* Kashmir and Kashgar. A Narrative of the Journey of the Embassy to Kashgar in 1873–7. London: Truebner, 1875; *Frechtling L.* Op. cit. P. 481–483; *Исиев Д.* Указ. соч. С. 43–46; *Бакшанов М.А.* Указ. соч. С. 120–121; *Кляшторный С.Г., Колесников А.А., Бакшанов М.А.* Восточный Туркестан глазами европейских путешественников. Алма-Ата: Гылым, 1991. С. 44–76; *Постников А.В.* Указ. соч. С. 138–157.

489 АВПРИ. Ф. 137. Оп. 475. Д. 69. 1874 г. Л. 209–210. Годовой отчет МИД Александру II, Санкт-Петербург, декабрь 1874 г.

490 IOLR/L&PS/18/72. Меморандум Хертслета, Лондон, 21 января 1873. P. 1–10.

491 *Preston A.* Op. cit. P. 67.

492 Цит. по: *Habberton W.* Op. cit. P. 88.

493 РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 4807. Л. 1–12. Горчаков — Грэнвиллу, Санкт-Петербург, 12 февраля 1873 г. Заслуживающий внимания комментарий можно найти в следующей книге: *Богданович Е.В.* Указ. соч. С. 142.

494 PD. 1873. Ser. 3. Vol. 215. Cols 873–874; *The Times,* 23 April 1873.

495 PRO/FO 65/875. Меморандум Мичелла, Санкт-Петербург, 20 января 1873 г. О реакции британских правящих кругов см.: *Alder G.* Op. cit. P. 165–189; *Morris L.* Op. cit. P. 35; *Айзенштат М.П., Гелла Т.Н.* Английские партии и колониальная империя Великобритании в XIX в. (1815 – середина 1870-х гг.). М.: ИВИ РАН, 1999. С. 194.

496 *Loftus A.* Op. cit. Vol. 2. P. 55. Также см. *Habberton W.* Op. cit. P. 35; *Киняпина Н.П.* Средняя Азия во внешнеполитических планах царизма (50-е – 80-е гг. XIX в.) // Вопросы истории. 1974. № 2. С. 46–47.

497 Цит. по: *Yetisgin M.* Op. cit. P. 114.

498 ОПИ ГИМ. Ф. 307. Оп. 1. Д. 10. Л. 52–53. Письма русских рабов из Хивы, 1872.

499 *Aberigh-Mackay G.R.* Op. cit. P. 41.

500 ОПИ ГИМ. Ф. 307. Оп. 1. Д. 10. Л. 78–94; 96–117об., 124–50. О планах военной кампании против Хивы см.: *Скобелев М.Д.* Посмертные бумаги // Исторический вестник. 1882. Т. 10. № 10. С. 131–138. О вкладе Кауфмана в организацию хивинского похода

см.: *Глущенко Е.А.* Герои Империи: портреты российских колониальных деятелей. М.: XXI век — Согласие, 2001. С. 78 и далее.

501 Бесполезность этих попыток хорошо видна из статьи в газете *Таймс*, см.: *The Times,* 19 November 1872. Интересно, что персидский шах даже обращался к царю с просьбой предоставить его войскам возможность участвовать в хивинском походе в качестве вспомогательных сил. См.: АВПРИ. Ф. 137. Оп. 475. Д. 66. 1873. Л. 196–197об. Годовой отчет МИД Александру II, Санкт-Петербург, декабрь 1873 г.; ОПИ ГИМ. Ф. 307. Оп. 1. Д. 10. Л. 58–58об. Кауфман — Саид Мохамеду, Ташкент, 11 июня 1873 г.

502 *Милютин Д.А.* Воспоминания. Т. 7. С. 543.

503 Наиболее подробные описания хивинской кампании можно найти в следующих трудах: *Костенко Л.Ф.* Указ. соч. № 9. С. 20–37; № 10. С. 139–160; *Макшеев А.И.* Указ. соч. С. 313–326; *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. 2; *Becker S.* Op. cit. P. 65–78, etc.

504 *Morgan J.* Op. cit. P. 132.

505 PRO/FO 539/11. Correspondence respecting Central Asia, 1873–4; ОПИ ГИМ. Ф. 307. Оп. 1. Д. 14. Л. 1–286. Коллекция дневников и воспоминаний участников кампании против Хивы, 1873 г.; *Yetisgin M.* Op. cit. P. 120–123.

506 *The Times,* 26 June 1873.

507 *Trench F.* Op. cit. P. 151.

508 *Венюков М.* Из воспоминаний. Т. 2. С. 228.

509 *Vambery A.* Sketches of Central Asia. London: W. Allen, 1868. P. 33.

510 *Wellesley F.* With the Russians in Peace and War. Recollections of a Military Attaché in Russia. London: E. Nash, 1905. P. 299–300.

511 РГВИА. Ф. 483. Оп. 1. Д. 95. Л. 4–5. Черняев — Крыжановскому, Ташкент, 7 декабря 1865 г.; Туркестанский край. Т. 21. Ч. 1. С. 310–311. Романовский — Крыжановскому, Ташкент, 5 июля 1866 г. О визитах посланцев индийских магараджей в Россию см.: *Халфин Н.А.* Миссии из Индии в Россию во второй половине XIX в.; Русско-индийские отношения в XIX в. С. 88.

512 Цит. по: *Aberigh-Mackay G.* Op. cit. P. 91.

513 *Trench F.* Op. cit. P. 150.

514 *Vambery A.* Sketches of Central Asia. P. 58–59. Аналогичные взгляды были отражены в брошюре суперинтенданта, а позднее командующего войсками на северо-западной границе Синда полковника Г. Грина: *Green H.* The Defence of the North-West Frontier of India with Reference to the Advance of Russia in Central Asia. London: Harrison, 1873. P. 1–36.

515 *Deacon R.* A History of the British Secret Service. P. 123–124; *Parritt B.* Op. cit. P. 97–99; *Fergusson T.* British Military Intelligence, 1870–1914. The Development of a Modern Intelligence Organization. Frederick, Md: University Publications of America, 1984. P. 15–34; *Andrew C.* Secret Service. The Making of the British Intelligence Community. London: Heinemann, 1985. P. 11.

516 *Beaver W.* Op. cit. P. III–IV, 26–7.

517 Особенно см.: *Mohammad Anwar Khan.* England, Russia and Central Asia (A Study in Diplomacy). 1857–1878. Peshawar: University Book Agency, 1963. P. 54; *Preston A.* British Military Policy and the Defence of India. P. 72, 76–7; *idem.* Sir Charles Macgregor and the Defence of India, 1885–1887. P. 64–69; *Edwardes M.* Op. cit. P. 125–127; *Burroughs P.* Imperial Defence and the Victorian Army // The Journal of Imperial and Commonwealth History. 1986. Vol. XV. № 1. P. 55–72; *Bayly C.* Empire and Information. P. 365–369; *Waller D.* Op. cit. P. 193–208; *Barrow I.* Op. cit. P. 18–50; *Johnson R.* Spying for Empire. P. 118–150; *Stuart J.* Op. cit. P. 50–71, etc. Кроме того, интерес представляют воспоминания Сарата Чандра Даса и других пандитов.

518 *Гальков Ч.В.* Туркестанский военно-топографический отдел и его работы по картографированию Средней Азии (1867–1914). Автореф. дисс... к.и.н. Среднеазиатский

государственный университет, 1958. С. 54; *Рыженков М.Р.* Роль военного ведомства России в развитии отечественного востоковедения (XIX – начало XX в.). Автореф. дисс… к.и.н. Институт востоковедения, 1991. С. 11; История отечественного востоковедения с середины XIX в. до 1917 г. / ред. *А.А. Вигасин*. М.: Восточная литература, 1997. С. 141–142.

519 *Boulger D.* England and Russia in Central Asia. London: W. Allen, 1879. Vol. 1. P. 90.

520 *Медяков А.С.* История международных отношений в новое время. М.: Просвещение, 2007. С. 394.

521 *Howard C.* Splendid Isolation. London: Macmillan, 1967. P. 76.

522 Цит. по: *Blake R.* Op. cit. P. 577.

523 *Pirbright H.* England's Policy in the East. London: Chapman and Hall, 1877. P. 91.

524 *Korff S.* Russia's Foreign Relations during the Last Half Century. London: Macmillan, 1922. P. 29–30.

525 *Pallmer R.* (ed.) Earl of Selborne. Memorials: Personal and Political, 1865–1895. London: Macmillan, 1898. Vol. 1. P. 444–458. Анализ политической карьеры Б. Дизраэли в интересующем нас контексте *Большой Игры* содержится в следующих работах: *Blake R.* Op. cit.; *Eldridge C.* England's Mission: The Imperial Idea in the Age of Gladstone and Disraeli. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1974; *Парфенов И.Д.* Колониальная экспансия Великобритании в последней трети XIX в. (движущие силы, формы и методы). М.: Наука, 1991; *Трухановский В.Г.* Бенджамин Дизраэли, или история одной вероятной карьеры. М.: Наука, 1993.

526 См.: *Киняпина Н.С., Блиев М.Н., Дегоев В.В.* Указ. соч. С. 304.

527 *Tcharykov N.* Glimpses of High Politics. London: Allen and Unwin, 1931. P. 159.

528 *Rawlinson H.* England and Russia in the East. A Series of Papers on the Political and Geographical Condition of Central Asia. London: J. Murray, 1875. P. 134.

529 РГВИА. Ф. 431. Оп. 1. Д. 44. Л. 10–15. Кутайсов — Милютину, Лондон, 4 марта 1873. О реакции различных политических групп Соединенного Королевства на соперничество двух стран в Азии на протяжении 1860-х – 1870-х гг. см.: *Гелла Т.Н.* Политические круги Великобритании о русско-английском соперничестве на Среднем Востоке (60-е – начало 70-х гг. XIX в.). — В кн.: Россия и Европа. Дипломатия и культура / ред. *А.О. Чубарьян*. М.: Наука, 1995. С. 117–128.

530 *Cazalet E.* England's Policy in the East: Our Relations with Russia and the Future of Syria. London: E. Stanford, 1879. P. III–IV.

531 *Милютин Д.А.* Дневник. Т. 1. С. 181. О других планах по строительству железных дорог см.: Русско-индийские отношения в XIX в. С. 155–163.

532 *Boulger D.* England and Russia in Central Asia. Vol. 2. P. 124–125.

533 *Skrine F., Ross E.* Op. cit. P. 408.

534 *Popplewel R.* Op. cit. P. 36.

535 *Lattimore O.* Inner Asian Frontiers of China. P. 235.

536 Ibid. P. 236. Также см.: *Улунян А.А.* Британский концепт «этнополитического пространства» в Большой Игре и его крушение (70-е – 80-е гг. XIX в.) // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. 2009. № 1. С. 175–190.

537 ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 453. Л. 99. Записка Венюкова, 1874 г.; *Венюков М.* Россия и Восток. С. 259; *Анненков М.Н.* Ахал-Текинский оазис и пути в Индию. СПб.: Типография Петербургского военного округа, 1881. С. 6.

538 *Hellwald F.* Op. cit. S. 99–100. П.И. Пашино, дипломатический чиновник и секретный агент, а также И.П. Минаев, профессор-ориенталист Санкт-Петербургского университета, которые совершили длительные поездки по Индостану в 1873–1879 и 1880–1886 гг., опубликовали наиболее ценные свидетельства о ситуации в Британской Индии, см.: *Пашино П.И.* Вокруг света. По Индии. Путевые впечатления. СПб.: А. Суворин, 1885. Т. 1.; *Минаев И.П.* Дневники путешествий в Индию и Бирму, 1880 и 1885–6 гг. М.: Издательство АН СССР, 1955. «Скрытая повестка» этих путешествий проанализиро-

вана все тем же Ч. Марвином, см.: *Marvin C.* Reconnoitering Central Asia. P. 252–263; Русско-индийские отношения в XIX в. С. 165–177, 181–198. Также см.: РГВИА. Ф. 431. Оп. 1. Д. 54. Л. 13–15. Инструкция Милютина Минаеву перед командировкой в Индию, Санкт-Петербург, декабрь 1879 г.

539 Некоторые российские авторы продолжают и сегодня огульно критиковать британское колониальное правление в Индии, выступая одновременно с апологией царской политики Средней Азии. В качестве примера таких работ, вышедших в последние годы, см.: *Харюков Л.Н.* Англо-русское соперничество в Центральной Азии и исмаилизм. С. 15–16. Противоположное мнение высказывают современные узбекские историки, напр., см.: *Абдурахимова Н.А., Рустамова Г.К.* Колониальная система власти в Туркестане во второй половине XIX – первой четверти XX вв. Ташкент: Ташкентский государственный университет, 1999.

540 *Mancall M.* The Qing Tribute System: An Interpretive Essay. — In: *Fairbank J.* (ed.) The Chinese World Order. Traditional China's Foreign Relations. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1968. P. 82.

541 *Мартенс Ф.Ф.* Россия и Англия в Средней Азии. СПб.: Э. Гартье, 1880. С. 8.

542 *A British Subject.* The Great Game: A Plea for a British Imperial Policy. P. 174–175.

543 IOLR/Mss Eur C 144/11. Солсбери — Нортбруку, Лондон, 17 июля 1874 г.

544 Ibid. Солсбери — Нортбруку, Лондон, 22 мая 1874 г.

545 Цит. по: *Трухановский В.Г.* Указ соч. С. 314–315; также см.: *Morris J.* Op. cit. P. 75.

546 IOLR/Mss Eur C 144/11. Солсбери — Нортбруку, Лондон, 12 ноября 1874 г.

547 *Boulger D.* England and Russia in Central Asia. P. 368.

548 IOLR/L&PS/18/C 13. Меморандум Белью, Лондон, 24 июня 1875 г.; *The Times,* 17 February, 1 March 1876; *Temple R.* Op. cit. P. 93–94; *Yetisgin M.* Op. cit. P. 139.

549 *Carrier D'Encause H.* Systematic Conquest, 1865–1884. P. 146.

550 *Boulger D.* Central Asian Portraits: The Celebrities of the Khanates and the Neighbouring States. London: W. Allen, 1880. P. 184.

551 *Kuropatkin A.* Kashgaria. P. 5.

552 Наиболее полное описание войны в Коканде можно найти в работе: *Макшеев А.И.* Указ соч. С. 329–350.

553 АВПРИ. Ф. 137. Оп. 475. Д. 73. 1875. Л. 247об.–262; *The Times,* 8 May 1876.

554 РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 488. Л. 1. Васильев — Милютину, Санкт-Петербург, 20 ноября 1876 г.

555 Там же. Л. 2-2об.

556 *Венюков М.* Международные вопросы в Азии // Русский вестник. 1877. №. 6. С. 499.

557 *Его же.* Опыт военного обозрения русских границ в Азии. Т. 1. С. 381. Детальный анализ геополитических исследований Венюкова представлен в статье: *Ремнев А.В.* У истоков имперской геополитики: азиатские «пограничные пространства М.И. Венюкова // Исторические записки. 2001. Т. 4 (122). С. 344–369.

558 *Куропаткин А.Н.* Русско-китайский вопрос. СПб.: Новое Время, 1913. С. 87.

559 ОПИ ГИМ. Ф. 307. Оп. 1. Д. 44. Л. 1–2. Кауфман — Якуб-беку, Ташкент, 12 июля 1875 г.; *Кадников В.С.* Из истории Кульджинского вопроса // Исторические записки. 1911. Т. 124. №. 6. С. 896; РГВИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 6823. Л. 261. Записка Стремоухова, Санкт-Петербург, 7 июня 1870.

560 *Куропаткин А.Н.* Кашгария. Историко-географический очерк страны. Ее военные силы, промышленность и торговля. СПб.: В. Балашев, 1879. С. 5.

561 Напр., см.: *Громбчевский Б.Л.* Отчет о поездке в Кашгар и южную Кашгарию в 1885 г. Нижний Маргелан: Штаб Туркестанского военного округа, 1886. С. 112; *Pierce R.* Op. cit. P. 28–29.

562 РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 222. Л. 1–10об. Черновик рапорта Куропаткина Кауфману и в Главный штаб, Ташкент, октябрь 1876 г.

563 *Исиев Д.* Указ. соч. С. 45–46; *Басханов М.* Указ соч. С. 126–127.

564 *Boulger D.* The Life of Yakub Beg. P. 211–235; *Clubb D.* Op. cit. P. 115; *Колесников А.А.* Указ соч. С. 133–141.

565 Цит. по: *Anonymous.* Russia and England in Central Asia. P. 14.

566 ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 433. Л. 2об. Записка Игнатьева, июнь 1881 г.; также см.: *Frechtling L.* Op. cit. P. 485.

567 Офицеры британской разведывательной службы провели расследование внезапной смерти Якуб-бека, изложив результаты в меморандуме, который был направлен в министерство по делам Индии в январе 1907 г. Согласно достоверным свидетельствам очевидцев, 28 мая 1877 г. Якуб-бек пришел в ярость после беседы со своим секретарем Хамалем, которого он начал избивать прикладом винтовки, нанеся ему смертельную рану. Затем он принялся за своего казначея Сабира Ахема. Защищаясь, последний ударил эмира, который потерял сознание и умер на следующий день, 29 мая. Распространившиеся среди населения Русского Туркестана слухи о том, что Якуб-бек был отравлен своим сыном или что он добровольно принял яд, узнав о победоносном наступлении китайских войск, были лишены, по мнению британских офицеров, всяких оснований. См.: IOLR/L/MIL/17/14/74. P. 173.

568 Цит. по: *Кадников В.С.* Указ соч. С. 899.

569 PRO/FO 418/10/1. Correspondence respecting the Russo-Chinese Treaty, 1878–1880. Part. 1; также см.: *Lattimore O.* Op. cit. P. 27; *Hsue I.* Op. cit. P. 11–12.

570 *Hsue I.* Op. cit. P. 123.

571 О русско-китайских переговорах по вопросу территориальной принадлежности долины р. Или см.: *Hsue I.* Op. cit. P. 153–170; *Воскресенский А.Д.* Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 г. М.: Памятники исторической мысли, 1995; *Моисеев В.А.* Указ соч. С. 171–210.

572 *Воскресенский А.Д.* Дипломатическая история... С. 112. Несколько модифицированную версию можно найти в другой работе: *его же.* Китай и Россия в Евразии. С. 9–202.

573 *Bland J.* Li Hung-Chang. London: Constable, 1917. P. 189–190.

574 Подробное описание событий в Восточном Туркестане на протяжении Илийского кризиса изложено в статье: *Bilof E.* China in Imperial Russian Military Planning, 1881–1887 // Military Affairs. 1982. Vol. 46. № 2. P. 69–75.

575 РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4040. Л. 18–18об. Горлов — Милютину, Лондон, 13 ноября 1877 г. Двенадцать известных лидеров ирландского национального движения предложили свои услуги царскому правительству в борьбе с Англией еще 1 ноября 1876 г. См.: РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4048. Л. 34–35.

576 Там же. Л. 1–15. Семечкин — в Главный Морской штаб, Санкт-Петербург, март 1878 г.

577 Там же. Д. 4040. Л. 40–40об. Исполняющий должность военно-морского министра адмирал Пещуров — Лесовскому, Санкт-Петербург, 12 января 1878 г.

578 PRO/Adm/231/6. Меморандум Хала и Истмана, Лондон, 14 марта 1885 г.

579 Ibid.

580 *Renouvin P.* La question d'Extreme-Orient, 1840–1940. Paris: Libraire Hachette, 1946. P. 105.

581 *Fairbank J.* (ed.) The I.G. in Peking. Letters of Robert Hart, Chinese Maritime Customs. 1868–1907. Cambridge, Ma. — London: Harvard University Press, 1975. Vol. 2. P. 327. Харт — Кэмпбеллу, Пекин, 22 июня 1880 г.

582 РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 646. Л. 2–4. Записка о посылке подполковника Шнеура и капитана Бодиско на Дальний Восток, 24 июня 1880 г. (без подписи).

583 Там же. Д. 653. Л. 2–4об. Лесовский – в Морское министерство, Александрия, 30 июля 1880 г.

584 Там же. Д. 581. Л. 23–24. Посланник в Японии Струве — в МИД, Токио, 3 февраля 1881 г.

585 *Lansdell H.* Russian Central Asia. P. 256; *Лакост Г.* Указ. соч. С. 15; *Петров В.И.* Указ. соч. С. 203–207.

586 Напр., см.: *Kiernan E.* British Diplomacy in China. 1880 to 1885. Cambridge: Cambridge University Press, 1939. P. 58–72; *Hsue I.* Op. cit. P. VII; *Ахметжанов А.* Возвращение Россией Кульджинского района Китаю // Алма-Атинский государственный педагогический институт. Ученые записки. 1957. Т. 14 (2). С. 284–286.

587 PRO/F 539/15. Записка Литтона, Симла, 4 сентября 1878 г.

588 *Frechtling L.* Op. cit. P. 488; ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 433. Л. 1–11об. Записка Игнатьева, июнь 1878 г.

589 *Громбчевский Б.Л.* Отчет о поездке в Кашгар и южную Кашгарию в 1885 г. С. 90.

590 *Skrine C., Nightingale P.* Macartney at Kashgar. New Light on British, Chinese and Russian Activities in Sinkiang, 1890–1918. London: Methuen, 1973. P. 24–25.

591 АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 444. Л. 1–152. Донесения Петровского в МИД, Кашгар, 1886–1890 гг.

592 Там же. Д. 475. Л. 296–297. Петровский — Капнисту, Кашгар, 12 сентября 1887 г. Личные оценки британских путешественников деятельности Петровского можно найти в воспоминаниях: *Younghusband F.* The Heart of a Continent. P. 276–277; *Cobbold R.* Innermost Asia. P. 66–67. Об отношении самого Петровского к европейским исследователям, приезжавшим в Кашгарию, см.: *Колесников А.В.* Указ соч. С.18–19.

593 См.: *Skrine C., Nightingale P.*, Op. cit. P. 25.

594 Цит. по: *Johnson R.*, Spying for Empire. P. 167–168.

595 АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 493. Л. 2–23. Докладная записка Петровского, Кашгар, 16 февраля 1887 г.

596 Напр., см.: АВПРИ. ф. 143. Оп. 491. Д. 493. Л. 37–40. Петровский — Капнисту, Кашгар, 31 мая 1891 г.

597 *Cobbold R.* Op. cit. P. 199, 279–80.

598 РГВИА. Ф. 483. Оп. 1. Д. 120. Л. 171. *Белявский* (сост.) Материалы по Туркестану. Ташкент: Штаб Туркестангского округа, 1884.

599 Напр., см.: *Зеланд Н.* Кашгария и перевалы Тянь-Шаня. Путевые записки. Омск: Штаб Омского военного округа, 1887; *Костенко Л.Ф.* Джунгария. Военно-статистический очерк // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. 1887. Т. XXVIII. С. 1–341.

600 *The Pioneer Mail,* Calcutta, 26 July 1885.

601 Показательным в этом смысле является путевой отчет А. Хози, см.: *Hosie A.* Three Years in Western China. London: G. Philip and Son, 1897. Среди обилия книг и статей, посвященных этим путешествиям, следует обратить внимание на следующие: *Johnson R.* Spying for Empire. P. 165–180; *Постников А.В.* Указ. соч. С. 224–379; *Обухов В.Г.* Указ. соч. С. 25–31; *Бойкова Е.В.* Российские военные экспедиции в Монголии в конце XIX в. — В сб.: Алтаика I / ред. *В.М. Алпатов.* М.: Институт востоковедения, 1997. С. 23–33; *Бугрова М.С.* Британские экспедиции в Китай и соседние районы (70–90-е гг. XIX в.) // Восток. 2008. №. 1. С. 130–137. Кроме того, в этой же связи необходимо упомянуть уже цитированные выше работы Д. Кея: *Keay J.* Where Men and Mountains Meet; *idem.* The Gilgit Game. Western Himalayas, 1865–95. Hamden, Conn.: Archon Books, 1979.

602 РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 242. Л. 1–18. Записка Куропаткина (не окончена), Санкт-Петербург, 18 марта 1879 г.

603 Цит. по: *Hopkirk P.* The Great Game. P. 379.

604 IOLR/L&PS/C 23/1/12–13. Лофтус — Дерби, Санкт-Петербург, 27 апреля 1875 г.

605 Цит. по: *Harris L.* British Policy on the North-West Frontier of India, 1899–1901. Ph. D. Diss. University of London, 1960. P. 24–25.

606 См.: *Попов А.Л.* Из истории завоевания Средней Азии. С. 241. В беседах с некоторыми высокопоставленными российскими государственными деятелями и генералами британский журналист Ч. Марвин упоминает план вице-короля лорда Литтона об организации вторжения в Русский Туркестан, составленный в 1876 г. По мнению Литтона, мятеж мусульман, инспирированный британскими агентами, облегчил бы выполне-

ние стратегической задачи изгнания русских из Центральной Азии, см.: *Marvin C.* The Russian Advance towards India. P. 160.

607 РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 470. Л. 13. Милютин — Фредериксу, Москва, 10 ноября 1876 г.

608 Цит. по: *Preston A.* Op. cit. P. 307. Современную интерпретацию взглядов Солсбери на азиатскую политику Великобритании можно найти в работах британского историка Томаса Отте, см.: *Otte T.* Floating Downstream? Lord Salisbury and British Foreign Policy, 1878–1902. In: *Otte T.* (ed.) The Makers of British Foreign Policy. Basingstoke: Palgrave, 2002. P. 98–127.

609 IOLR/Mss Eur E 218/518/2. Литтон — Солсбери, Калькутта, 28 мая 1877 г.

610 Подробное описание этих разведывательных миссий и их вклада в *Большую Игру* содержится в следующих работах: *Marvin C.* Reconnoitering Central Asia; *Исаченко А.Г.* (сост.) Указ. соч.; *Johnson R.* Spying for Empire. P. 110–150. Следует подчеркнуть, что нам удалось обнаружить в архивах телеграмму из российского представительства в Тегеране, адресованную в МИД, об экспедиции капитана Ч. Нэпира, который посетил Хорасан и Южную Туркмению в 1874–1876 гг. с разрешения министерства иностранных дел Персии, см.: РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 531. Л. 2–3. Шимановский — в МИД, Тегеран, 18 декабря 1876 г. Дополнительные сведения о миссии Напира можно найти в книге: *Hopkirk P.* The Great Game. P. 366–367.

611 Напр., см.: IOLR/L&PS/18/A 9. Меморандум О.Т.Б. [Бэйли?], Симла, 20 июля 1875 г. С. 1–11.

612 РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 420. Л. 3–4; 9–10. Герцог Эдинбургский — Милютину, Лондон, ноябрь 1875 г. Милютин — герцогу Эдинбургскому, Санкт-Петербург, 8 декабря 1875 г.

613 Там же. Л. 17–17об. Милютин — Кауфману, Санкт-Петербург, 10 декабря 1875 г. (черн.)

614 См.: *Winstone V.* The Illicit Adventure. The Story of Political and Military Intelligence in the Middle East from 1898 to 1926. London: J. Cape, 1982; *Fergusson T.* Op. cit.; *Andrew C.* Op. cit.; *Sergeev E.* Op. cit. P. 11–30.

615 PRO/CAB/17/93. О создании Комитета обороны колоний см.: *Mackintosh J.* The Role of the Committee of Imperial Defence before 1914 // English Historical Review. 1962. Vol. 77. №. 304. P. 490–491; *Judd D.* Balfour and the British Empire. London: Macmillan, 1968. P. 24.

616 *Cecil G.* Op. cit. Vol. 2. P. 168.

617 См.: *Hamilton G.* Op. cit. P. 307.

618 *Colquhoun J.* Essay on the Formation of an Intelligence Department for India // Proceedings of the United Service Institute of India. 1875. Vol. 4. № 18. P. 1–73; *Plunkett G.* On the Organization of an Intelligence Department // Proceedings of the United Service Institute of India. 1875. Vol. 4. № 19. P. 123–128. Свидетельство очевидца можно найти в воспоминаниях: *Brackenbury H.* Op. cit.

619 *Johnson R.* Spying for Empire. P. 145.

620 *Grenville J.* Lord Salisbury and Foreign Policy: The Close of the Nineteenth Century. London: Athlone Press, 1964. P. 302.

621 IOLR/Mss Eur F 111/115. Further Papers relating to the Affairs of Afghanistan (Afghanistan № 2), London: HMSO, 1878. Литтон — Карнарвону, Калькутта, 21 января 1877 г.; Литтон — Солсбери, Калькутта, 25 апреля, 21 мая 1877 г. Также см.: *Preston A.* British Military Policy and the Defence of India. P. 312–314; *Юлдашева Ф.* Из истории английской колониальной политики в Афганистане и Средней Азии (70-е – 80-е гг. XIX в.). Ташкент: Фан, 1963. С. 86–90.

622 *Венюков М.* Краткий очерк английских владений в Азии. СПб.: В. Безобразов, 1875. С. 2–3.

623 *Boulger D.* England and Russia in Central Asia. Vol. 2. P. 50.

624 *Анненков М.Н.* Указ. соч. С. 33. Следует отметить, что уже знакомый читателю П.И. Пашино предлагал МИД установить контакт с Нана Сахибом — героем Великого восстания сипаев, который проживал в ссылке в городе Манипур на границе с Бирмой, чтобы пригласить его на роль руководителя нового освободительного движения в случае вторжения русских сил в Британскую Индию, см.: «Большая игра» в Центральной Азии: «индийский поход» русской армии. С. 53–55. Пашино — Гирсу, 9 апреля 1878 г.

625 *Wellesley F.* Op. cit. P. 301–302.

626 Напр., см.: *Johnson R.* Spying for Empire. P. 146.

627 АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 734. Л. 3об. Анализ состояния англо-индийской армии можно найти в следующем документе: РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 2195. Л. 23–54об. Записка Гейнса, губернатора Тургайской области, 15 апреля 1878 г.

628 *Скобелев М.Д.* Посмертные бумаги // Исторический вестник. 1882. Т. X. № 10. С. 122; № 11. С. 279; *его же.* Проект М.Д. Скобелева о походе в Индию // Исторический вестник. 1883. Т. XIV. С. 543–555. Стоит заметить, что Скобелев был убежден в необходимости превратить Среднюю Азию в плацдарм для последующих операций против англичан в Азии, см.: там же. С. 293. Оценки проектов Скобелева современниками можно найти в работе Ч. Марвина: *Marvin C.* The Russian Advance towards India. P. 105; *Edwardes M.* Op. cit. P. 260–293. Концепция этих планов в советской историографии изложена у Е.Л. Штейнберга, см.: *Штейнберг Е.Л.* Английская версия о «русской угрозе» Индии. С. 59–60. Кажется невероятным, но некоторые современные российские авторы с восторгом пишут о схеме марша на Индию, предложенной Скобелевым, напр., см.: *Масальский В.Н.* Скобелев. Исторический портрет. М.: Андреевский флаг, 1998. С. 214.

629 РГВИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 17. Л. 3–4. Опубликовано в сборнике: «Большая игра» в Центральной Азии: «индийский поход» русской армии. С. 44.

630 Присоединение Туркмении к России. С. 332–336. Милютин — Александру II, Санкт-Петербург, 20 апреля 1878 г.

631 РГВИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 17. Л. 8–13. Записка барона Торнау, 3 марта 1878 г.

632 ОР РГБ. Ф. 169. Оп. 3. Д. 2. Л. 54. Запись в дневнике Милютина, 16 апреля 1878 г.; «Большая игра» в Центральной Азии: «индийский поход» русской армии. С. 80–84; *Корнеев В.В.* Указ. соч. С. 12–13.

633 IOLR/L&PS/18/ C 23/1/31.

634 Ibid., C 20/5.

635 *Cory A.* Shadows of Coming Events, or the Eastern Menace. London: Henry S. King and Co., 1876. P. 10.

636 *Schuyler E.* Turkestan. Vol. 2. P. 264–265.

637 АВПРИ. Ф.138. Оп. 467. Д. 757а. Л. 11–13об. Записка Йессена, 1 декабря 1876 г.

638 «Большая игра» в Центральной Азии: «индийский поход» русской армии. С. 45–46; 49–50.

639 IOLR/L&PS/18/C 23/2/19.

640 РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 2195. Л. 2–6об. Милютин — Кауфману, Санкт-Петербург, 25 апреля 1878 г.

641 Там же. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6919. Л. 69–93. Кауфман — Милютину, Ташкент, 10 февраля 1879 г. Напр., см.: *Lobanov-Rostovsky A.* Op. cit. P. 164; *Hopkirk P.* The Great Game. P. 380. Некритически используя сведения Терентьева, Каземзаде и Джонсон ошиблись в расчетах численности контингента царских войск, предназначенных для похода на Индию, см., напр.: *Johnson R.* Spying for Empire. P. 146.

642 *Яворский И.Л.* Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878–1879 гг. СПб.: К. Хан, 1882. Т. 1. С. 2.

643 «Большая игра» в Центральной Азии: «индийский поход» русской армии. С. 102. Инструкции Кауфмана полевым войскам Туркестанского военного округа, Ташкент, 7 июня 1878 г.; РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 588. Л. 5–5об.

644 National Archives of India. Foreign Department (NAI FD). August 1878. № 4. Опубликовано в сборнике: «Большая игра» в Центральной Азии: «индийский поход» русской армии. С. 92.

645 PRO/FO 539/15. Further Correspondence respecting Russian Proceedings in Central Asia, London: HMSO, 1878. Лофтус — Солсбери, Санкт-Петербург, 3 июля 1878 г.

646 *Morris J.* Op. cit. P. 117–147.

647 РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 2195. Л. 75–76об. Гирс — Кауфману, Санкт-Петербург, 11 мая 1878 г.

648 Напр., см.: *Корнеев В.В.* Указ. соч. С. 13.

649 IOLR/L&PS/18/A 38/1-45. Russian Correspondence with Kabul, March 1870 — February 1879. С. 25–27; NAI FD. July 1878. №. 95–104. Опубликовано в сборнике: «Большая игра» в Центральной Азии: «индийский поход» русской армии. С. 94–95. Секретный агент британской разведки — Каваньяри, Пешавар, 13 мая 1878 г.; РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 2195. Л. 87–95об. Инструкции Кауфмана Столетову, Ташкент, 7 июня 1878 г.

650 РГВИА. Ф. 846. Оп. 2. Д. 16. Л. 10–17. Приложение к рапорту Кауфмана Милютину, Ташкент, 21 сентября 1878 г. Опубликовано в сборнике: «Большая игра» в Центральной Азии: «индийский поход» русской армии. С 156–159. Также см.: *Roberts A.* Op. cit. Vol. 2. Appendix V. P. 477; NAI FD. December 1878. №. 668. Секретный агент британской разведки — Солсбери, Кветта, 8 октября 1878 г. Опубликовано в сборнике: «Большая игра» в Центральной Азии: «индийский поход» русской армии. С. 171.

651 BDFA. Vol. 1. P. 318. Каваньяри — в министерство по делам Индии, Пешавар, 18 июня 1878 г.

652 РГВИА. Ф. 846. Оп. 2. Д. 16. Л. 2–9об. Кауфман — Милютину, Ташкент, 21 сентября 1878 г.; там же. Оп. 1, Д. 24. Л. 25–25об. Милютин — Кауфману, Санкт-Петербург, 2 октября 1878 г. Также см.: *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. 2. С. 458–461; *Раскольников Ф.Ф.* Россия и Афганистан. Исторический очерк // Новый Восток. 1923. Т. 4. С. 34–35.

653 PRO/FO 539/15/108. Меморандум Кларка, 10 августа 1878 г.

654 *Argyll, Duchess of.* George Douglas the Eighth Duke of Argyll. Autobiography and Memoirs. London: J. Murray, 1906. Vol. 1. P. 330.

655 *Милютин Д.А.* Дневник. Т. 3. С. 93.

656 *Яворский И.Л.* Указ. соч. Т. 2. С. 83–85; *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. 2. С. 450, 457.

657 РГВИА. Ф. 846. Оп. 2. Д. 16. Л. 62–64. Литтон — Шер Али-хану, Калькутта, 6 ноября 1878 г. (перехвачено российской разведкой).

658 Там же. Ф. 401. Оп. 3. Д. 15. 1878. Л. 75–76об. Горлов — Милютину, Лондон, 6 октября 1878 г.

659 NAI FD. January 1879. № 3. Планкетт — Солсбери, Санкт-Петербург, 27 сентября 1878 г. Опубликовано в сборнике: «Большая игра» в Центральной Азии: «индийский поход» русской армии. С. 167.

660 «Большая игра» в Центральной Азии: «индийский поход» русской армии. С. 30–31. Основа этих представлений исследована в диссертации К.Г. Кубанова, который вопреки очевидным фактам охарактеризовал пребывание царских войск в Джаме как «победу русского оружия на подступах к Индии», см.: *Кубанов К.Г.* Указ. соч. С. 22.

661 Напр., см.: *Халфин Н.А.* Провал британской агрессии в Афганистане (XIX – начало XX в.). М.: Социально-политическое издательство, 1959. С. 95; *Шаститко П.М.* К вопросу о мифической «русской угрозе» Индии. — В кн.: Против фальсификации истории колониализма / ред. *В.И.* Данилов. М.: Восточная литература, 1962. С. 194–195; *Хидоятов Г.А.* Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. С. 258–293; *Широкорад А.В.* Указ. соч. С. 119–124. Также см. предисловие М.Р. Рыженкова к сборнику документов: «Большая игра» в Центральной Азии: «индийский поход» русской армии. С. 31–39.

662 PRO/FO 539/19/43-5. Грэнвилл — Дафферину, Лондон, 28 января 1881 г. Напр., см.: РГВИА. Ф. 846. Оп. 2, Д. 16. Л. 68–70об. Милютин — Кауфману, Санкт-Петербург, 18 декабря 1878 г.

663 Свидетельства очевидцев можно найти в: *Roberts A.* Op. cit. Vol. 2. P. 118–242; *Selborne, Earl of.* Op. cit. Vol. 1. P. 456, ff.; *Forbes A.* Op. cit. P. 161–327. Срав. с оценками современных историков: *Preston A.* Op. cit. P. 460–511; *Robson B.* Op. cit.; *Richards D.* Op. cit. P. 74–101.

664 Об этническом происхождении и истории пуштунов особенно см.: *Caroe O.* The Pathans: 500 B.C. — A.D. 1957. Oxford: Oxford University Press, 1984.

665 *Johnson R.* Spying for Empire. P. 112; *Trench F.* Op. cit. P. 8. О *калашах,* загадочном народе, проживающем в пограничной зоне между Афганистаном и Пакистаном, см.: *Улунян А.А.* Британский концепт «этнополитимческого пространства» в «Большой Игре» и его крушение. С. 182. О роли этнических групп, особенно афридов, также см.: *Johnson R.* Spying for Empire. P. 200; *Улунян А.А.*Указ соч. С. 182–184. О миссии Локкарта в горные княжества на севере Индостана см.: *Keay J.* The Gilgit Game. P. 75–83; *Johnson R.* Spying for Empire. P. 162–164; *Постников А.В.* Указ. соч. С. 254–255.

666 *Яворский И.Л.* Указ. соч. Т. 2. С. 81; NAI. FD. 1878. №. 874. Маколей — Манро, 14 ноября 1878 г. Опубликовано в сборнике: «Большая игра» в Центральной Азии: «индийский поход» русской армии. С. 197.

667 *Милютин Д.А.* Дневник. 1878–1880. М.: ОР ГБЛ, 1950. Т. 3. С. 98.

668 РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д.238. Л. 1–3об. Горчаков — Кауфману, Санкт-Петербург, 23 января 1879 г.

669 *Roberts A.* Op. cit. Vol. 2. P. 247.

670 *Robson B.* Op. cit. P. 280.

671 *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. 3. С. 1; *Гродеков Н.И.* Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881 гг. СПб.: В. Балашев, 1883. Т. 1. С. 24.

672 *Андреев А.П.* Туркменский аламан (эскиз) // Исторический вестник. 1902. № 7. С. 110. Разбойничьи набеги туркмен с целью захвата пленных и грабежа были описаны как британскими, так и русскими исследователями, напр., см.: *Огородгников П.М.* На пути в Персию и Прикаспийские провинции ее. СПб.: М. Попов, 1878. Интересно, что средняя цена раба на рынках Центральной Азии варьировалась от 30 до 60 персидских туманов, что составляло эквивалент 100–200 рублям, или 10–20 фунтам стерлингов.

673 Описание ужасов, с которыми путешественники могли встретиться в пустыне, можно найти в книге: *Логофет Д.Н.* По Каспийскому морю и персидской границе. Путевые очерки по Средней Азии. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1903. С. 89.

674 *Burnaby F.* Op. cit. P. 217; *The Times*, 16 November 1876. Об инструкциях Кауфмана относительно репрессий в отношении туркмен-йомудов см.: *Глущенко Е.А.* Указ. соч. С. 108–115.

675 *Yetisgin M.* Op. cit. P. 131–132.

676 ОПИ ГИМ. Ф. 307. Оп. 1. Д. 24. Л. 7об.–8. Записка Соболева, конец 1878 – начало 1879 гг. Также см.: *Костенко Л.Ф.* Указ. соч. № 10. С. 152; *Мартиросов С.З.* Англо-русское соперничество в период присоединения Туркмении к России (1869–1887 гг.). Автореф. дисс… к.и.н. М.: Московский государственный педагогический институт, 1966. С. 17.

677 О неудачной экспедиции Ломакина см.: *Гродеков Н.И.* Война в Туркмении. Т. 1; *Куропаткин А.Н.* Завоевание Туркмении. СПб.: В. Березовский, 1899. С. 77–220. Новейшую интерпретацию можно найти в работе: *Yetisgin M.* Op. cit. P. 142–143.

678 См., напр.: *The Times,* 14 July 1879.

679 ЦГА РУЗ. Ф. 1. Оп. 34. Д. 437. Л. 1–2. Гротенхельм — Кауфману, 5 февраля 1879 г.; РГВИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 6907. Л. 69; ЦГА ГР. Ф. 545. Оп. 1. Д. 1552. Л. 147–52. Также см.: *Давлетов Д., Ильясов А.* Присоединение Туркмении к России. Ашхабад: Ылым, 1972. С. 123.

680 ОПИ ГИМ. Ф. 307. Оп. 1. Д. 23. Л. 28об.–29. Черновые материалы к докладу Гродекова о походе на Афганистан, 30 марта 1879 г.

681 *Гродеков Н.И.* Война в Туркмении. Т. 1. С. 134.

682 Присоединение Туркмении к России. С. 371–373. Аналитическая записка Петрусевича, 1879 г.

683 Там же. С. 373–374. Докладная записка Павлова, январь 1879 г.

684 РГВИА. Ф. 846. Оп. 1.Д. 28. Л. 50–58. Записка Святополк-Мирского, Тифлис, 19 февраля 1879 г. Опубликовано в сборнике: «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход русской армии». С. 265–269.

685 BDFA. Vol. 2. P. 67. Меморандум Форин офис, Лондон, 25 февраля 1884 г.

686 PRO/FO 539/14. Correspondence respecting Russian proceedings in Central Asia, 1874–1877. Меморандум правительства Ее Величества, Лондон, 25 октября 1875 г.

687 IOLR/F111/115. Great Britain. Parliamentary Papers. Correspondence relating to the Affairs of Afghanistan (Afghanistan №№ 1, 2, 3). London: HMSO, 1880; Great Britain. Parliamentary Papers. Correspondence relating to the Affairs of Afghanistan (Afghanistan №№ 1, 2, 3, 4, 5). London: HMSO, 1881.

688 РГВИА. Ф. 401. Оп. 3. Д. 1. 1879. Л. 185–186. Горлов — Милютину, Лондон, 4 июня 1879 г.

689 BDFA. Vol. 2. P. 71. Меморандум Форин офис, Лондон, 25 февраля 1884.

690 *The Daily Telegraph,* 9 July 1879; *The Times,* 9 October 1879.

691 *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. 3. С. 22.

692 РГВИА. Ф. 401. Оп. 3. Д. 1. 1879. Л. 191–192. Горлов — Милютину, Лондон, 23 сентября 1879 г.; *Гродеков Н.И.* Война в Туркмении. Vol. 2. P. 22–25.

693 Цит. по: *Lowe C.* The Reluctant Imperialists. British Foreign Policy, 1878–1902. London: Routledge and Keagan Paul, 1967. Vol. 1. P. 93.

694 *Brett M.* (ed.) Journals and Letters of Reginald Viscount Esher. London: I. Nicholson and Watson, 1934. Vol. 1. P. 72.

695 Присоединение Туркмении к России. С. 466–467. Записка офицеров штаба Кавказского наместничества, Тифлис, 3 февраля 1880 г.

696 ОПИ ГИМ. Ф. 307. Оп. 1. Д. 38. Переписка между Соболевым и Скобелевым, особенно см.: Д. 38. Л. 6–7об. Соболев — Скобелеву, Санкт-Петербург, 14 апреля 1880 г.; Л. 112–119об. Соболев — Скобелеву, Санкт-Петербург, 22 августа 1880 г.; Л. 144–146. Скобелев — Соболеву, Ширван, 12 марта 1881 г.

697 *Hopkirk P.* The Great Game. P. 404–405.

698 О деятельности О'Донована см.: ЦГА РУЗ. Ф. 1. Оп. 34. Д. 540. Л. 10–12. Зиновьев — в МИД, Тегеран, ноябрь 1881 г.; РГВИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 6935. Горлов — Милютину, Лондон, ноябрь 1881 г.; там же. Ф. 400. Оп. 1. Д. 704. Л. 9–10. Рерберг — в Главный штаб, Ашхабад, 24 июня 1881 г.; там же. Ф. 400. Оп. 1. Д. 704. Л. 19–25об. Аминов — в Главный штаб, Ашхабад, 31 января 1882 г.; *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. 3. С. 141; *Гродеков Н.И.* Война в Туркмении. Т. 3. С. 140–142; Т. 4. С. 96; *Лессар П.М.* О'Донован — хан Мерва // Новое Время. 1883. № 2765. Послания О'Донована в Лондон, перехваченные русскими агентами, можно найти в: ОПИ ГИМ. Ф. 307. Оп. 1. Д. 41, особенно Л. 188–190. Удивительно, но советские историки, с одной стороны, всячески осуждали подрывную деятельность О'Донована в Туркмении, а с другой, — описывали его встречу и беседу с русским консулом Власовым в персидском городе Реште. Во время беседы О'Донован поделился с Власовым полученными сведениями о ситуации в Мерве, см.: *Штейнберг Е.Л.* Указ. соч. С. 61; *Тихомиров М.Н.* Присоединение Мерва к России. М.: Восточная литература, 1960. С. 210–214; *Давлетов Д., Ильясов А.* Указ. соч. С. 215–27. Собственные впечатления были изложены им в книге: *O'Donovan E.* The Merv Oasis: Travels and Adventures East of the Caspian during the Years 1879–80–81, Including Five Months' Residence among the Tekke of Merv. London: S. p., 1882.

699 *Hopkirk P.* The Great Game. P. 402, 404–405, 407.

700 РГВИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 70. Л. 30–33. Зиновьев — Гирсу, Тегеран, 22 марта 1882 г.

701 О взятии Геок-Тепе см.: *Гродеков Н.И.* Война в Туркмении. Т. 3. С. 296; *Prioux A.* Les Russes dans l'Asie Centrale. La derniere Campagne de Skobelev (1880–1881). Paris: Libraire Militaire de L. Baudoin, 1886. О деятельности Скобелева в Закаспийской области см.: *Кнорринг Н.* Генерал Михаил Дмитриевич Скобелев. Исторический этюд. Париж: Иллюстрированная Россия, 1939. Т. 1. С. 155–180; *Тихомиров М.Н.* Присоединение Мерва к России. С. 52–54; *Хидоятов Г.А.* Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. С. 403–405; *Глущенко Е.А.* Указ соч. С. 315–316; *Муханов В.М.* Указ. соч. С. 73; *Масальский В.Н.* Указ. соч. С. 143–234; *Шолохов А.Б.* Полководец, Суворову равный, или минский корсиканец Михаил Скобелев. М.: Юнивестмедиа, 2008. С. 229–254; *Айрапетов О.Р.* Внешняя политика Российской империи. С. 355–359.

702 *Marvin C.* The Russian Advance towards India. P. 98–99.

703 BDFA. Vol. 2. P. 74–75. Дафферин — Грэнвиллу, Санкт-Петербург, 8 марта 1881 г. Обращаясь к членам парламента в Палате общин, один из депутатов-либералов утверждал, что Россия не только получила плодородные земли, но еще и 60 тыс. прекрасных кавалеристов, благодаря захватам туркменских земель, см.: PD. 3 Ser. Vol. 262. Col. 2302–231, 10 July 1881.

704 Положение дел в Афганистане, Персии и Туркмении внимательно проанализировано в следующих трудах: *Гродеков Н.И.* Через Афганистан. Путевые заметки. СПб.: Новое Время, 1880; *Лессар П.М.* Заметки о Закаспийском крае и сопредельных странах. СПб.: А. Суворин, 1884. О британской реакции на эти поездки см.: *Prioux A.* Op. cit. P. 160–161; *Marvin C.* The Russians at Merv and Herat. P. 258–271.

705 См.: *Алиханов-Аварский М.* В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Я. Либерман, 1898. С. 7–8; *Maccarthy M.* Anglo-Russian Rivalry in Persia // The University of Buffalo Studies. 1925. Vol. IV. № 2. P. 27–35.

706 ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 146. Л. 1–5об. Русско-персидская конвенция, Тегеран, 21 декабря 1881 г.; IOLR/L&PS/18/C 46/1-3. Меморандум A.W. M., 1872–1885, Симла, 5 мая 1885 г.; Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией, 1872–1885. СПб.: МИД, 1886. С. 14; *Гродеков Н.И.* Война в Туркмении. Т. 4. С. 107–11. О последствиях заключения русско-персидской конвенции см.: BDFA. Part. 1. Ser. A. Vol. 2. P. 141–146. Записка Караваева, 27 ноября 1886 г. Типичный взгляд советских историков можно найти в работе: *Хидоятов Г.А.* Британская экспансия в Средней Азии. С. 65.

707 См. *Андреев А.П.* Указ. соч. С. 111.

708 *Косоговский В.А.* Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 390–402.

709 *Kostenko L.* The Turkestan Region, Being a Military Statistical Review of the Turkestan Military District of Russia, or Russian-Turkestan Gazetteer. Calcutta: Office of the Superintendent of Government Printing, 1882–1884. Vol. 3. P. 209.

710 *Marvin C.* The Russian Advance towards India. P. 43.

711 Цит. по: *Wolf J.* Op. cit. P. 58–9. Также см.: PRO/CAB/37/5/17. Меморандум лорда Райпона, Лондон, 2 сентября 1881 г.,; *Lowe C.* Op. cit. Vol. 2. P. 37.

712 Русско-индийские отношения в XIX в. С. 246. Отчет о миссии генерал-майора Столетова в Индию, Санкт-Петербург, 3 марта 1880 г.

713 *Marvin C.* The Russian Advance towards India. P. 132–133; ОПИ ГИМ. Ф. 203. Оп. 1. Д. 56. Л. 49–71об. Записка С. Бронского, адъютанта Черняева, 1880 г.

714 АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1696. Л. 1–42; ЦГА РУЗ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 710. Л. 3–30. Записка Дондукова-Корсакова на имя Ванновского, Тифлис, 26 июня 1884 г.; РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 463. Л. 1–54. Переписка Дондукова-Корсакова с Ванновским, Тифлис, 29 июня – 17 ноября 1884 г.

715 *Tcharykov N.* Op. cit. P. 161.

716 IOLR/L&PS/18/A 48/1–8. Меморандум Нэпира, 10 января 1882 г.

717 Автор солидарен с точкой зрения известного историка, см.: *Mariott J.* Anglo-Russian Relations 1689–1943. P. 138.

718 *The Times,* 16 February 1884. Цит. по: *Yetisgin M.* Op. cit. P. 158.

719 IOLR/L&PS/18/A 50. Записка Берна, 20 февраля 1882 г.; Mss Eur F 111/699/1-34. Записка Бофорта, 1884 г.

720 *The Times,* 23 February 1884.

721 *Johnson R.* Spying for Empire. P. 158.

722 *Greaves R.* Persia and the Defense of India, 1884–1892. A Study in the Foreign Policy of the Third Marquis of Salisbury. London: The Athlone Press, 1959. P. 67; *Lowe C.* The Reluctant Imperialists. Vol. 1. P. 76.

723 *Мартиросов С.З.* Указ. соч. С. 29.

724 АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1699. Л. 17–77. Обзор русско-британских переговоров относительно оккупации Мерва и Пендского кризиса, 1884–1885 гг.; *Терентьев М.А.* История завоевания средней Азии. Т. 3. С. 395; *Greaves R.* Op. cit. P. 53–69.

725 *Baxter W.* England and Russia. London: S. Sonneschein, 1885. P. 32–33.

726 Ibid. P. 33, 72–3.

727 См.: *Macgregor C.* The Defence of India. A Strategical Study. Simla: Government Central Branch Press, 1884; *Beaufort F.* Russian Advances in Asia. London: M.O.D., 1884; *Marvin C.* The Russians at Merv and Herat. P. 61–123; *The Times,* 23 February 1884; IOLR/L&PS/18/A 133/1–4. Меморандум Мичелла, 1 декабря 1884 г. Точка зрения узбекских историков изложена в книге: *Хидоятов Г.А.* Британская экспансия в Средней Азии. С. 141–144. Современная оценка изложена в работе: *Богомолов С.А.* Стратегические основы политики Британской Индии на сесеро-западном фронтире (последняя треть XIX в.) // Восток. 2010. № 4. С. 34–44.

728 *Macgregor C.* Op. cit. P. 105–144. Также см. его работу в переводе на русский язык: Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. 1891. Т. XLIII. С. 1–264; Т. LXIV. С. 1–212. О вкладе Макгрегора в стратегию и тактику обороны империи см.: *Preston A.* Sir Charles Macgregor and the Defence of India, особенно С. 75–77. Оценка его трудов у русских военных аналитиков содержится в книге: *Снесарев А.Е.* Афганистан. М.: Государственное издательство, 1921. С. 227–228.

729 ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 90. Л. 1–12. Журнал Особого Совещания в МИД по русско-афганскому пограничному вопросу, Санкт-Петербург, 12 января 1885 г.; *Marvin C.* The Russians at Merv and Herat. P. 352–382.

730 *Lobanov-Rostovsky A.* Op. cit. P. 178–179; *Meyendorff A.* (ed.) Correspondence diplomatique du Baron de Staal (1884–1900). Paris: Libraire des Sciences Politiques et Sociales, 1929. T. 1. P. 177. Гирс — Стаалю, Санкт-Петербург, 27 марта 1885 г.

731 *Lansdell O.* Russian Central Asia. Vol. 2. P. 489.

732 *Meyendorff A.* (ed.) Op. cit. T. 1. P. 41–42. Гирс — Стаалю, Санкт-Петербург, 17 июля 1884 г.; ibid. P. 42–50. Гирс — Стаалю, Санкт-Петербург, 18 июля 1884 г.; *Beaufort F.* Russian Advances in Asia. P. 31.

733 ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 92. Л. 23–32. Грэнвилл — Стаалю, Лондон, 13 марта 1885 г. О восприятии политики создания буферных государств лордом Дафферином см.: *Ward A., Gooch G.* (eds) Op. cit. Vol. 3. P. 188–189.

734 IOLR/L&PS/18/A 60/1–6. Меморандум Камерона, 19 апреля 1885 г.

735 *Ward A., Gooch G.* (eds) Op. cit. Vol. 3. P. 189.

736 *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. 3. С. 250; *Маслов А.* Россия в Средней Азии (очерк новейших приобретений // Исторический вестник. 1885. Т. 20. С. 422; *Логофет Д.Н.* На границах Средней Азии. Кн. 2. С. 24–38. Более поздние оценки инцидента в Пенде можно найти в следующих работах: *Нуриддинов З.* Англия и афгано-русское разграничение в 80-х гг. XIX в. // Ташкентский государственный педагогический институт. Ученые записки. 1962. Вып. II. Т. XXXIII. С. 314–315; *Хидоятов*

Г.А. Британская экспансия в Средней Азии. С. 116–161; *Greaves R.* Op. cit. P. 70–84. Ценные архивные материалы, раскрывающие цели России, Великобритании и эмира Афганистана в конфликте вокруг оазиса Пенде, приведены в следующей публикации: *Лисицына Н.Н.* Пендинское сражение 1885 г. Новые документы // Восточный архив. 2004. № 11–12. С. 66–72. При этом в завершении статьи автор приходит к странному выводу о том, что «лишь амбиции англичан были причиной недоразумений между Россией и Афганистаном».

737 PRO/FO65/1242/3140. Дафферин — Грэнвиллу, Симла, 3 мая 1885 г. Также см.: *Jelavich B.* British Means of Offense against Russia in the Nineteenth Century // Russian History. 1974. Vol. 1. Part 2. P. 130.

738 АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 542. Л. 25–32. Томпсон — Грэнвиллу, Тегеран, 21 апреля 1885 г. (перехвачено русской разведкой).

739 *Yate A.* England and Russia Face to Face in Asia. Travels with the Afghan Boundary Commission. Edinburgh and London: W. Blackwood and Sons, 1887. P. 311–360.

740 PRO/FO 65/1233; PRO/FO 65/1237. Меморандумы Мюррея, 2 января и 4 марта 1885 г.

741 *Kennedy P.* The Realities behind Diplomacy. P. 93–94. Характерно, что личные послания подданных королевы русскому царю в период обострения кризиса очень хорошо отражают те чувства, которые вызывали действия царских генералов и политиков в Азии. Например, один из корреспондентов писал Александру III: «Вы собираетесь идти на войну с Англией, и у меня одна надежда, что Вы будете разбиты, думаю, что мои соотечественники желают того же. Вы сущий тиран, и я проклинаю Вас. Надеюсь, что Вас побьют и убьют. Вот все, что я хотел сказать. Ваш Враг». См.: ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 473. Л. 5, май 1885 г.

742 *Hamilton G.* Op. cit. P. 267.

743 *Мещерский В.П.* Мои воспоминания. Т. 2. С. 189–190. Также см.: *Айрапетов Р.О.* Внешняя политика Российской империи. С. 375.

744 *Korff S.* Op. cit. P. 34.

745 *Южаков С.Н.* Англо-русская распря. Небольшое предисловие к большим событиям. Политический этюд. СПб.: Товарищество «Общая польза», 1885. С. 3.

746 Цит. по: *Meyendorff A.* (ed.) Op. cit. T. 1. P. 168. Гирс — Стаалю, Санкт-Петербург, 8 марта 1885 г.

747 Ibid. P. 174-5; 186-7. Грэнвилл — Гирсу, Лондон, 25 марта 1885 г.; Гирс — Стаалю, Санкт-Петербург, 18 апреля 1885 г. О предложении Адмиралтейства Сент-Джеймскому Кабинету начать морскую войну против России на Тихом океане см.: РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 70. Л. 1-1об. Гирс — Шестакову, Санкт-Петербург, 30 марта 1885 г.

748 Там же. Д. 83. Л. 1-1об. Ванновский — Чихачеву, Санкт-Петербург, 15 апреля 1885 г.

749 Там же. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4048. Л. 65–77об., май 1885 г.; ОР РНБ. Ф. 856. Оп. 637а. Д. 12. Л. 31об., 34–34 об., 43. Записи в дневнике адмирала Шестакова, 21, 26 марта, 23 апреля 1885 г.

750 *Stead W.* (ed.) The M.P. for Russia. Reminiscences and Correspondence of Madam Olga Novikoff. London–New York: A. Melrose, 1909. Vol. 2. P. 221.

751 PRO/WO/110/9. Меморандум Алисона, Лондон, 18 апреля 1885 г.; IOLR/L&PS/18/A 64/1-2. Барроу — Лумсддену, 3 июля 1885 г.; ibid. L&PS/18/A 66/1-2. Меморандум R.H.S.C., 7 июля 1885 г.; PRO/WO/110/9. Меморандум Бофорта, 1885. Оценки современников можно найти в следующих работах: *Russel R.* India's Danger and England's Duty. London: Ward, Lock and Co., 1885. P. 23–37; *Showers C.* The Cossack at the Gate of India. London: Simpkin, Marshall and Co., 1885. P. 16–18; *Towle G.* England and Russia in Asia. Boston: J. Osgood, 1885. P. 42–44, 92–108; *Adye J.* Russia in Central Asia. Gibraltar: S. n., 1885. P. 5–10; *Heumann A.* Les Russes et les Anglais dans l'Asie Centrale. Paris: Libraire Militaire, 1885. P. 7.

752 PRO/ADM/231/6/1–17. Меморандум о защите торговли на морях, май 1885 г. Также см.: *Kiernan E.* Op. cit. P. 188–207.

753 *Brett M.* (ed.). Op. cit. Vol. 1. P. 113–114. Эшер — Уэлсли, Очард Ли, 17 апреля 1885 г.

754 *The Times,* 11 April 1885.

755 *Korff S.* Op. cit. P. 33.

756 РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 93. Л. 1–5. Ванновский — Чихачеву, 26 июля 1885 г. Также см.: А. *Yate A.* Op. cit. P. 442–444; *Habberton W.* Op. cit. P. 56; *Langer W.* The Diplomacy of Imperialism, 1890–1902. Vol. 1. P. 309–314.

757 *Beaver W.* Op. cit. P. 337.

758 PRO/FO/65/1358. Afghan Boundary Delimitation, 1887–1888. Подлинные протоколы, подписанные генерал-майором Комаровым и полковником Иейтом. P. 180.

759 *Лисицына Н.Н.* Указ соч. С. 71.

760 *Южаков С.Н.* Указ. соч. С. 86; *Mackenzie D.* Imperial Dreams, Harsh Realities. Tsarist Russian Foreign Policy, 1815–1917. P. 130. Современный взгляд на деятельность Афганской пограничной комиссии содержится в работе: *Morris J.* Op. cit. P. 356–428.

761 *Liska G.* Cycles of East-West Conflict in War and Peace. Baltimore-London: John Hopkins University Press, 1982. P. 47.

762 IOLR/L/P&S/18/C 84/1-6. Записка Маллета, Лондон, 25 сентября 1880 г.

763 АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 904. Л. 4-4об., 6, 29–30об.; Российские путешественники в Индии XIX – начала XX в. С. 256–257.

764 См.: *Покровский М.Н.* Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М.: Красная новь, 1923. С. 322–323.

765 *Friedberg A.* The Weary Titan. Britain and the Experience of Relative Decline 1895–1905. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1988. P. 219.

766 Напр., см.: *Hauner M.* What is Asia to Us? P. 52. Кажется невероятным, но некоторые российские революционеры полагали, что крестьяне могли бы выступить в Азии как новаторы, пропагандируя среди населения Индии и Китая принципы аграрного социализма, чтобы «объединить их против западной капиталистической эксплуатации», подробнее об этом см.: *Лурье С.В.* Российская и Британская империи на Среднем Востоке в XIX – начале XX вв.: идеология и практика. Автореф. дис… к.и.н. М.: Институт востоковедения РАН, 1996. С. 15.

767 Солсбери информировал Нортбрука, что ежегодные расходы русских в Туркестане превосходили доходы от генерал-губернаторства более чем на 800 тыс. фунтов стерлингов, см.: IOLR/Mss Eur C 144/11. Солсбери — Нортбруку, Лондон, 26 февраля 1875 г.

768 *Knight E.* Where Three Empires Meet. A Narrative of Recent Travel in Kashmir, Western Tibet, Gilgit, and the adjoining countries. London: Longmans, 1897.

769 *Ростовский С.* Царская Россия и Синьцзян в XIX–XX вв. // Историк-марксист. 1936. Т. 3 (55). P. 28; *Колесников А.А.* Указ соч. С. 20.

770 *Снесарев А.Е.* Памиры (военно-географическое описание). Ташкент: Штаб Туркестанского военного округа, 1903. С. 1–2, 50, 107–119. О других экспедициях такого рода см.: *Дубовитский В.* Николай Леопольдович Корженевский. Имя на карте Памира //www.ferghana.ru, 16 February 2007.

771 *Громбчевский Б.Л.* Наши интересы на Памире. Военно-политический очерк. СПб.: Типография Петербургского военного округа, 1891. С. 1; *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. 3. С. 394; *Корнилов Л.Г.* Кашгария или Восточный Туркестан. Опыт военно-статистического описания. Ташкент: Штаб Туркестанского военного округа, 1903.

772 Подробнее о работе комиссии см.: *Постников А.В.* Указ. соч. С. 216–218.

773 Архив Русского географического общества (АРГО). Ф. 45. Оп. 1. Д. 6. Л. 218–220. Записная книжка Громбчевского, 29 August 1889.

774 IOLR/Mss Eur F 111/144/317–8, 463, 466. Great Britain. Parliamentary Papers. Correspondence respecting Affairs of Asia (Central Asia № 1). London: HMSO, 1884; также см.: *Постников А.В.* Указ соч. С. 251–254.

775 АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 688. Л. 5–11. Стааль — Гирсу, Лондон, 3 апреля 1895; *Громбчевский Б.Л.*Наши интересы на Памире. С. 2; *Лужецкая Н.Л.* Очерки истории Восточного Гиндукуша во второй половине XIX в. М.: Наука, 1986. С. 3–4. Наиболее полную британскую интерпретацию *Большой Игры* на Памире можно найти в книге: *Keay J.* The Gilgit Game.

776 Цит. по: *Woodman D.* Op. cit. P. 85.

777 Ibid. P. 93.

778 IOLR/Mss Eur F 111/113. Correspondence in regard to the Pamirs Frontier, 1890–1891. Постоянный заместитель министра по делам Индии Годли — Солсбери, Лондон, 14 августа 1890 г.

779 *Woodman D.* Op. cit. P. 88. В биографиях Янгхазбенда значительное место уделено его деятельности на Памире, см.: *Seaver G.* Francis Younghusband. Explorer and Mystic. London: John Murray, 1952; *Verrier A.* Francis Younghusband and the Great Game. London: J. Cape, 1991; *French P.* Younghusband: The Last Great Imperial Adventurer. London: HarperCollins, 1994.

780 *Keay J.* The Gilgit Game. P. 75–83; *Johnson R.* Spying for Empire. P. 163; *Лужецкая Н.Л.* Указ. соч. С. 54–55; *Постников А.В.* Указ соч. С. 220–221.

781 Интересно, что современные авторы расходятся в своих оценках результативности миссий Нея Илайэса в регионе Гиндукуша — Памира на протяжении 1885–1886 гг. Если Р. Джонсон высоко оценивает его вклад в оборону северо-западной границы Индии, то А.В. Постников указывает на фиаско попыток Илайэса привлечь китайские власти к сотрудничеству против России, см.: *Johnson R.* Spying for Empire. P. 167; *Постников А.В.* Указ. соч. С. 258. Другие подробности деятельности этого выдающегося участника *Большой Игры* на Памире и Гиндукуше можно найти в монографии: *Morgan G.* Ney Elias. Explorer and Envoy Extraordinary in High Asia. London: Allen and Unwin, 1971.

782 *Knight E.* Op. cit. P. 353; *Johnson R.* Spying for Empire. P. 184; *Постников А.В.* Указ соч. С. 275.

783 К сожалению, насколько известно автору, о жизни и карьере Б.Л. Громбчевского написано очень немного, напр., см.: *Chudzikowska J., Jaster J.* Ludzie Wielkiej Przygody. Warszawa, 1955 (в пер. на русск. яз.: *Чудзиковская Я., Ястер.Я.* Люди великой отваги. М.: Государственное издательство географической литературы. 1957. С. 247–252).

784 *Громбчевский Б.Л.* Доклад в Николаевской Академии Генерального штаба, 26 марта (7 апреля) 1891 г. Ташкент: Штаб Туркестанского военного округа, 1891. С. 2.

785 *Woodman D.* Op. cit. P. 72.

786 АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1296. Л. 7–8об.; 20–23об.; 47–52об. Зиновьев — Ванновскому, Тегеран, 28 апреля 1888 г.; Петровский — Зиновьеву, Кашгар, 26 августа 1888 г.; Громбчевский — Петровскому, 5 октября 1888 г. О поездке Громбчевского в Хунзу и опасениях англичан также см.: АРГО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–260. Дневник Громбчевского о путешествии в Канжут (Хунзу) и Раскем в 1888 г. Оценки его миссии даны в следующих работах: *Huttenback R.* Op. cit. P. 26; *Лужецкая Н.Л.* Указ. соч. С. 57–58; *Johnson R.* Spying for Empire. P. 184–185; 279.

787 АРГО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 6. Л. 418. Запись в дневнике Громбчевского, 25 октября 1889 г.

788 IOLR/L&PS/8/3. Янгхазбенд — Нисбету, британскому политическому резиденту в Кашгарии, 26 октября 1889 г. Этот эпизод упоминается многими авторами, напр., см.: *Hopkirk J.* The Great Game. P. 455–457; *Verrier A.* Op. cit. P. 111–112; *French P.* Op. cit. P. 77; *Постников А.В.* Указ.соч. С. 236–238; *Johnson R.* Spying for Empire. P. 187.

789 АРГО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 6. Л. 598–604. Запись в дневнике Громбчевского, 28 октября 1889 г.; АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 431. Л. 1–6. Громбчевский — Петровскому, 15 сентября 1889 г.; там же. Л. 7–17. Доклад Громбчевского на заседании ИРГО, Санкт-Петербург, 22 января 1891 г.

790 Там же. Л. 897–898. Запись в дневнике Громбчевского, 10 октября 1890 г.; так же см.: *Younghusband F.* The Light of Experience. P. 54–55; *Постников А.В.* Указ. соч. С. 238–239.

791 Напр., см.: АРГО. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–12об. Записка Громбчевского, 4 февраля 1890 г.; *Новое Время,* 28 января (9 февраля) 1891 г.

792 Цит. по: *Walsh W.* Op. cit. P. 56.

793 *Curzon G.* The Fluctuating Frontier of Russia in Asia // The Nineteenth Century. 1889. № 144. P. 267.

794 Ibid. P. 283. Также см.: *Curzon G.* The 'Scientific Frontier', an Accomplished Fact // The Nineteenth Century. 1888. № 136. P. 901–907; *idem.* The Unscientific Frontier of Russia in Asia // The Nineteenth Century. 1889. №. 143. P. 1–17. Важно отметить, что многие британские военные аналитики, особенно служившие ранее в Индии, разделяли подход Керзона к проблеме границы. Например, генерал Ч. Браунслоу писал ему 23 апреля 1889 г.: «Ваша статья о нашей реальной политике в Индии является лучшим объяснением предмета, которое мне когда-либо встречалось. Со времени нашей встречи я виделся с Брэкенбери и сказал ему, что, я думаю, Вы понимаете в этом вопросе больше всех других, военных или гражданских». См.: *Lord Ronaldshay.* The Life of Lord Curzon. Vol. 1. P. 148.

795 IOLR/Mss Eur F 111/113. Записка Эллиса, Симла, 1892.

796 В конечном итоге англичане аннексировали Гилгит, чтобы создать там военную базу для защиты теперь уже от «большевистской угрозы» в 1918–1920 гг. Подробно о роли Кашмира в англо-русских отношениях написано в работе: *Hassnain F. M.* British Policy towards Kashmir (1846–1921). New Delhi: Pounds Publishers, 1974. См. особенно С. 60, 115.

797 ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 80. Л. 1–2. Дулеп Сингх — Александру III, 22 мая 1887 г. Также см. переписку Дулеп Сингха с русскими властями в сборнике документов: Русско-индийские отношения в XIX в. С. 265–281. Любопытно, что на страницах дневника Ламздорфа приведена выдержка из донесения австро-венгерского консула в Бомбее для венского Кабинета, перехваченного русской разведкой. В нем консул сообщал о том, что, по его мнению, англичане в Индии готовы на соглашение с любым вероятным агрессором, чтобы избежать всеобщего восстания, см.: *Ламздорф В.Н.* Дневник. 1886–1890. М.–Л.: Государственное издательство, 1926. С. 212.

798 *Popplewell R.* Op. cit. P. 24.

799 *Roberts F.* Op. cit. Vol. 2. P. 428. Автор сурово критикует политику Дафферина в Индии следующим образом: «Это (назначение лорда Лэнсдауна на пост вице-короля. — *Е.С.*) хорошее начало отказа от традиционной, эгоистичной и, по-моему, близорукой политики пребывания в стороне, и я надеюсь, что наконец-то будут сделаны попытки превратить туземцев в дружелюбных соседей к их и нашей выгоде, вместо того, что быть вынужденными прибегать к бесполезным блокадам или постоянным дорогостоящим экспедициям для их наказания, или также принуждать их не беспокоить нас, выплачивая огромные отступные суммы», см.: Ibid. P. 429.

800 The Marquess of Lansdowne Correspondence with the Secretary of State for India. Vol. 1. P. 52. Лэнсдаун — Кроссу, Калькутта, 20 марта 1889 г.; Vol. 3. P. 83. Кросс — Лэнсдауну, Лондон, 12 ноября 1891 г. Также см.: *An Indian Officer.* (Frederick Roberts). Russia's March towards India. Vol. 2. P. 78.

801 Marquess of Lansdowne Correspondence with the Secretary of State for India. Vol. 2. P. 95. Кросс — Лэнсдауну, Лондон, 7 ноября 1890 г.

802 АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 431. Л. 54. Петровский — в Азиатский департамент МИД, Кашгар, 9 апреля 1892 г. О постепенном изменении восприятия великих держав российским общественным мнением в 1880-х – начале 1890-х гг. см.: *Gruening I.* Die Russische oeffentliche Meinung und ihre Stellung zu den Grossmaechten vom Berliner Kongress bis zum Abschluss des franco-russischen Buendnis. Dokt. Diss. Berlin: Friedrich-Wilhelm Universitaet zu Berlin, 1927.

803 PRO/WO/33/47. Официальные доклады начальника военной разведки, 1887. Также см.: *Ledonne J.* Op. cit. P. 329, 331. Современная оценка поездки Р. Черчилля в Россию дана

в следующей статье: *Каспарян К.В.* Российско-британские отношения в 80-е гг. XIX в. Конец политики «блестящей изоляции» Великобритании. — В сб.: Проблемы отечественной и зарубежной истории: мнения, оценки, размышления / ред. В.П. Вернаков. Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет. Ученые записки кафедры отечественной и зарубежной истории. 2008. Т. X. С. 212–240.

804 IOLR/L&PS/18/C 57/1-6. Меморандум Брэкенбери, Лондон, 7 августа 1887 г.

805 *Barnes W.* Colonel's Grombchevsky's Expeditions in Central Asia, and the Recent Events on the Pamirs // Quarterly Review. 1892. Vol. 3. № 5. P. 48.

806 Напр., см.: IOLR/L/MIL/17/14/80. Меморандум Робертса, Симла, 14 октября 1890 г.

807 Ibid. Кимберли — Лэнсдауну, Лондон, 27 июля 1893 г.

808 *Meyendorff A.* Op. cit. T. 2. P. 218–219.

809 О подготовке этой экспедиции и последовавшей встрече с британскими путешественниками см.: РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 337. Л. 1–2. Петровский — в Азиатский департамент МИД, Кашгар, 20 сентября 1891 г.; АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 431. Л. 34–41. Вревский — Ванновскому, Ташкент, 17 октября 1891 г.; The Marquess of Lansdowne Correspondence with the Secretary of State for India. Vol. 3. P. 69, 81. Кросс — Лэнсдауну, Лондон, 24 сентября, 5 ноября 1891 г. Также см.: IOLR/ Mss Eur F 111/113. Correspondence in regard to the Pamirs Frontier, 1890–1891. P. 156–186; *Seaver G.* Op. cit. P. 145. О британских протестах см.: *Verrier A.* Op. cit. P. 134; *Johnson R.* Spying for Empire. P. 190. Рассказ очевидца можно найти в книге: *Younghusband F.* The Heart of a Continent. P. 289–294. Новейшую версию, хотя и в беллетризованной форме, излагает один из потомков Ф. Янгхазбенда: *Broadbent T.* On Younghusband's Path. Peking to Pindi. Aldwick: Head-Hunter Books, 2005.

810 IOLR/L&PS/18/A 83/1-12. Записка C.S.B (Бэйли?), 25 января 1892 г.; *Durand A.* The Making of a Frontier. Five Years Experience and Adventures in Gilgit, Hunza, Nagar, Chitral, and the Eastern Hindu Kush. London: Murray, 1899. P. 254–270; *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. 3. С. 399. Интересно, что в операции против защитников Хунзы войска под командование Дюранда впервые в истории применили пулеметы, см.: *Рустамов У.* Из истории английской агрессии на границах Памира в конце 80-х – начале 90-х гг. XIX в. // Труды Института востоковедения Академии наук Узбекской ССР. 1954. Т. 2. С. 77–78.

811 *Huttenback R.* Op. cit. P. 25–26.

812 *Meyendorff A.* Op. cit. T. 2. P. 157–160, 160–161. Морьер — Гирсу, Санкт-Петербург, 25 января 1892 г.; Гирс — Морьеру, Санкт-Петербург, 29 января 1892 г. Об экспедициях Ионова на Памир см.: *Тагеев Б.* Памирские походы 1892–1895 гг. Десятилетие присоединения Памира к России. Варшава: S. n., 1902. С. 44–47; *Зайченко.* Памиры и Сарыкол (очерк возникновения, последовательного развития и современного положения Памирского вопроса). Ташкент: Штаб Туркестанского военного округа, 1903. С. 41–42; *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. 3. С. 401–402; *Seaver G.* Op. cit. P. 144–145; *Verrier A.* Op. cit. P. 115–141; *French P.* Op. cit. P. 93–95; *Hopkirk P.* The Great Game. P. 467–469; *Постников А.В.* Указ. соч. С. 324–325; *Johnson R.* Spying for Empire. P. 190–194. Дополнительные сведения о картографировании Памира Ионовым во время экспедиции 1891 г. можно найти в книге: *Постников А.В.* Указ. соч. С. 317. Британская хроника походов Ионова зафиксирована в брошюре, выпущенной офицерами Разведывательного отдела военного ведомства Соединенного Королевства, см.: IOLR/Mss Eur F 111/700/1–23. *Maclean W., Ardagh J.* Russian Advances in Asia. London: Intelligence Branch of the Quartermaster General's Department, 1895. Наконец, общая картина политики царского правительства в этом регионе дана в монографии: *Бокиев О.Б.* Завоевание и присоединение Северного Таджикистана, Памира и Горного Бахшана к России. Душанбе: Таджикский государственный университет, 1994.

813 АВПРИ. Ф. 138. Оп.. 467. Д. 126/131. Л. 2–3, 6–7. Морьер — Гирсу, Санкт-Петербург, 2 января 1892 г.; Гирс — Морьеру, Санкт-Петербург, 22 января 1892 г.; Там же. Ф. 147.

Оп. 485. Д. 826. Л. 6–7. Сахаров (начальник Главного штаба) — Ламздорфу, Санкт-Петербург, 3 мая 1903 г. Британской военной разведке удалось перехватить это послание в Хунзе весной 1903 г. О реакции Лондона на известие о новой экспедиции Ионова в июле – августе 1892 г. см.: IOLR/L&PS/18/A 86 a/1-5. Записка S.C.B. (Бэйли?), 12 августа 1892 г. Оценка действий Ионова с русской стороны дана в работе: *Корнилов Л.Г.* Указ. соч. С. 44–48.

814 *Meyendorff A.* Op. cit. T. 2. P. 183, 186–188. Стааль — Гирсу, Лондон, 23 августа 1892 г.; Стааль — Шишкину (заместителю министра иностранных дел), Лондон, октябрь 1892 г.

815 The Marquess of Lansdowne Correspondence with the Secretary of State for India. Vol. 4. P. 56. Кимберли — Лэнсдауну, Лондон, 1 сентября 1892 г.

816 Ibid. P. 83, 105, 141. Кимберли — Лэнсдауну, Лондон, 24 ноября 1892 г.; Лэнсдаун — Кимберли, Симла, 6 сентября, 3 ноября 1892 г. О столкновении русских и афганских войск на Памире см.: *Тагеев Б.* Указ. соч. С. 86–91.

817 *The Times,* 25 августа 1892 г.

818 The Marquess of Lansdowne Correspondence with the Secretary of State for India. Vol. 5. P. 7. Кимберли — Лэнсдауну, Лондон, 19 января 1893 г.

819 АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 431. Л. 85–96. Журналы Особых совещаний по Памирскому вопросу, Санкт-Петербург, 27 апреля, 11 мая 1892 г.; Там же. Ф. 138. Оп. 467. Д 126/131. Л. 40–45об. Журнал Особого совещания по Памирскому вопросу, Санкт-Петербург, 15 марта 1893 г.

820 *Зайченко.* Памиры и Сарыкол. Очерк возникновения, последовательного развития и современного положения Памирского вопроса. Ташкент: Тип. Штаба Туркестанского военного округа, 1903. С. 114.

821 *Ledonne J.* Op. cit. P. 331. Вся история памирских походов 1891–1894 гг. изложена в следующих исследованиях: *Герцулин М.* Движение летучего отряда полковника Ионова в Рошан в 1893 г. // Военный сборник. 1900. № 4. С. 272–289; *Бокиев О.* Англо-русское соперничество в Средней Азии в связи с присоединением территории Таджикистана к России. — В сб.: Актуальные проблемы истории и историографии Средней Азии / ред. М. Бабаханов. Душанбе: Таджикский государственный университет, 1990. С. 3–29; *Смирнорв А.* У стен Индии. Памирские походы при Александре III // Родина. 2001. №. 8. С. 67–70.

822 Цит. по: *Богданович Л.А.* указ. соч. Т. 3. С. 20.

823 *Habberton W.* Op. cit. P. 63.

824 Great Britain. Foreign Office. Correspondence relating to the Occupation of Chitral. London: HMSO, 1896. P. 30–31. Об обмене мнениями между Лондоном и Калькуттой по этому вопросу см.: The Marquess of Lansdowne Correspondence with the Secretary of State for India. Vol. 5. P. 95–97, 98–99, 114–116. Лэнсдаун — Кимберли, Симла, 4, 11 июля, 1 августа 1893 г. Переговоры Дюранда и Абдур Рахман-хана были проанализированы современниками, напр., Р. Брюсом, политическим агентом в Белуджистане и уполномоченным по Пенджабу, см.: *Bruce R.* The Forward Policy and Its Results. London: Longmans, Green, and Co., 1900. P. 243–285. Современные оценки можно обнаружить в следующих работах: *Harris J.* British Policy on the North-West Frontier of India. P. 2, 108–136; 416–429; *Постников А.В.* Указ. соч. С. 385.

825 РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1832. Л. 2–18. Записка Проценко, 1895.

826 IOLR/L&PS/18/A 93/1–7. Записка Бэйли, 7 апреля 1894 г. Также см.: IOLR/Mss Eur F 111/113. *Cockerill G.* A Few Notes on the Possible Lines of Advance from the Russian Base upon Chitral and Gilgit. Simla: Government Central Printing Office, 1894.

827 *Ламздорф В.Н.* Дневник. 1894–1896. М.: Международные отношения, 1991. С. 61.

828 АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 688. Л. 1–2. Кимберли — Лэссельсу (послу в России), Лондон, 15 марта 1895 г. (передано министру иностранных дел А.А. Лобанову-Ростовскому 19 марта 1895 г.). Детальное описание британской экспедиции в Читрал

можно найти в дипломатической переписке: IOLR/Mss Eur F 111/115. Correspondence relating to Chitral. London: HMSO, 1895; Correspondence relating to the Occupation of Chitral. London: HMSO, 1896. Также о борьбе за Читрал см.: *Богомолов С.А.* Указ. соч. С. 39.

829 *Ламздорф В.Н.* Указ. соч. С. 204.

830 Еще в марте 1887 г. управляющий морским министерством адмирал И.А. Шестаков пометил в своем дневнике на заседании Комитета министров: «Оказывается, что немцы мирно захватывают нас гораздо быстрее и значительнее, чем мы думаем», см.: ОР РНБ. Ф. 856. Оп. 637а. Д. 14. Л. 33. Запись в дневнике Шестакова, 20 марта 1887 г. О франко-русских дипломатических контактах в 1893–1894 гг. см.: *Ламздорф В.Н.* Дневник. 1894–1896 гг. С. 378.

831 Подробности переговоров по делимитации Памира можно найти в следующих работах: *Богданович Л.А.* Указ соч. Т. 3. С. 148; *Тагеев Б.* Указ. соч. С.142–144; *Harris J.* Op. cit. P. 422–424; *Woodman D.* Op. cit. P. 97–98; *Lowe C.* Op. cit. Vol. 1. P. 187–190; *Brown P.* Die Verteidigung Indiens, 1800–1907. Das Problem der Vorwaertsstrategie. Koeln: Boehlau Verlag, 1968. S. 148–51. Повседневная деятельность Памирской пограничной комиссии описана в книге: *Постников А.В.* Указ. соч. С. 387–411.

832 *The Pall Mall Gazette,* 3 January 1895; *The Times,* 23 April 1895. Также см.: *Yetisgin M.* Op. cit. P. 235. По сообщениям британской прессы, в мае 1895 г. лорд Розбери выступил в поддержку сближения между Россией и Британией, произнося речь в лондонском Гайд-холле. Он отметил, что две империи более союзники, чем соперники, потому что они всегда имели общие интересы в Азии, которые должны привести к укреплению их влияния на сотни миллионов человек. «Если Англия объединится с Россией, чтобы откорректировать свою азиатскую политику, их доминирование будет принято как естественное и справедливое всеми европейскими державами», — подчеркнул британский политик, см.: РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 4807. Л. 13–18. Вырезки из британских газет и журналов, 1895 г.

833 РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1832. Л. 19–39об. Куропаткин — Обручеву (начальнику Главного штаба), Ашхабад, 14 ноября 1895 г.

834 *Cobbold R.* Op. cit. P. 269.

835 IOLR/L&PS/18/A 110/1-12. Записка Ли-Уорнера, Симла, 26 августа 1896 г.

836 IOLR/Mss Eur F 111/53/143-9. Речь Керзона в Королевском институте Великобритании, Лондон, 10 мая 1895 г.; idem. F 111/56/1–22. Меморандум Керзона, декабрь 1894 г.

837 Ibid. F 111/688/1-6. Обзор капитана Дугласа и полковника Мюррея, Симла, 1 марта 1899 г.; ibid. F 111/695. Меморандум Дугласа, Симла, 1899 г.; АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 695. Л. 170–171. Петровский — в Азиатский департамент МИД, Кашгар, 16 июня 1899 г.; АИВР РАН. Ф. 115. Оп. 1. Д. 122. Л. 2–8. Инструкции командиру Памирского отряда, Ташкент, 4 июля 1902 г. Об активности британских секретных агентов в малых государствах Памира на протяжении 1900–1905 гг. см.: *Халфин Н.А.* Россия и Бухарский эмират на Западном Памире (конец XIX – начало XX в.). М.: Восточная литература, 1975. С. 12–47. О подавлении англичанами восстания пуштунских племен в 1897–1898 гг. см.: IOLR/Mss Eur F111/115. Papers regarding British Relations with the Neighbouring Tribes on the North-West Frontier of India and the Military Operations Undertaken against Them during the Year 1897–1898. London: HMSO, 1898. Vol. 1–2; *Harris J.* Op. cit. P. 270–311; *Richards D.* Op. cit. P. 129–141.

838 Напр., см.: *Halliday A.* Op. cit. P. 142. Обзор статей британской и англо-индийской прессы можно найти в работе: *Aberigh-Mackay G.* Op. cit.

839 IOLR/L/MIL/17/14/80/14–30, 36–45, 163–9. Меморандумы Робертса, Мадрас, 31 декабря 1883 г., 22 мая 1885 г.; Форт Уильям, 6 февраля 1889 г., etc. Также см.: *Malleson G.* Herat: The Granary and Garden of Central Asia; idem., The Russo-Afghan Question and the Invasion of India. London: G. Routledge and Sons, 1885.

840 IOLR/L&PS/18/A 95/1-11. Записка Янгхазбенда, февраль 1895 г.

841 PRO/WO/106/6208/1-22. Аналитическая записка Гриерсона, август 1886 г. Совершенно секретный план Куропаткина, предусматривавший захват Черноморских проливов и русское вторжение в Британскую Индию с двух направлений, проанализирован в работе: *Beaver W.* Op. cit. P. 158–190.

842 *Pethybridge R.* Op. cit. P. 351.

843 *Лебедев В.Т.* В Индию! Военно-статистический и стратегический очерк. СПб.: А. Пороховщиков, 1898. С. 150.

844 *Раскольников Ф.* Указ. соч. С. 26.

845 О возможности использования местных племен в роли авангардных сил вторжения в Индию см.: IOLR/L&PS/18/C 62/1-13. Секретная записка российского агента-мусульманина генералу Комарову, 15 марта 1890 г. (перехвачена британской разведкой).

846 РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1626. Л. 2об. Записка Проценко, осень 1892 г.

847 В связи с вопросом об оценках стратегических основ обороны Индии представляется спорным и недостаточно аргументированным мнение отечественного историка, который приходит к следующему заключению: «При незначительных расхождениях в деталях британские эксперты были согласны в том, что создать систему безопасности на индо-афганской границе можно только при отказе от агрессивной «форвардистской политики», соблюдении неприкосновенности территории и гарантиях самоуправления племен», см.: *Богомолов С.А.* Указ. соч. С. 44.

848 Цит. по: *Friedberg A.* Op. cit. P. 220. Для оценки административных реформ Керзона стоит посмотреть следующие исследования: *Davies C.* Lord Curzon's Frontier Policy and the Formation of the North-West Frontier Province, 1901 // Army Quarterly. 1927. Vol. 13. P. 261–273; *Harris J.* Op. cit. P. 312–383; *Braun P.* Op. cit. P. 152–172; *Gilmor D.* Op. cit. P. 191–203; etc. О русских опасениях относительно результатов политики Керзона в Индии см.: *Popplewell R.* Op. cit. P. 42–56.

849 См.: *Viscount Mersey.* The Viceroys and Governors-General of India, 1757–1947. London: J. Murray, 1949.

850 РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1707. Л. 12об. Также см.: PRO/FO/65/1725/66-67. Записка о британских консульствах в Центральной Азии и российских консульствах в Индии, 1875–1899 гг. О дельности царского дипломатического представительства в Бомбее подр. см.: *Кожекина М.Т.* Форпост России на Индостане. К 100-летию российского консульства в Индии // Восточный архив. 2001. № 6–7. С. 89–99.

851 Цит. по: *Попов А.Л.* Английская политика в Индии и русско-индийские отношения в 1897–1905 гг.'. С. 59–60. Ламздорф — Клемму, Санкт-Петербург, 19 сентября 1900 г.

852 Там же. С. 63. Клемм — в Азиатский департамент МИД, Бомбей, 10 июня 1902 г.

853 Напр., см.: *Полосов А.* Северо-западная граница Индии. СПб.: В. Березовский, 1902. Комментарии можно найти в работе: *Халфин Н.А.* Английская колониальная политика на Среднем Востоке. С. 194.

854 РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1594. Л. 74. Доклад Ливкина в Главный штаб, 1899 г. Опубликовано в книге: Очерки истории российской внешней разведки. С. 179. О миссиях других царских офицеров в Индию также см.: Российские путешественники в Индии. С. 159–234; Очерки истории российской внешней разведки / ред. А.М. Примаков. М.: Международные отношения, 1997. Т. 1. С. 172–180.

855 *Ухтомский Э.Э.* Из прошлого. СПБ.: Восток, 1902. С. 7. О стратегических взглядах российских военных на состояние границ в Азии см.: РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 4777. Л. 1–12. Стратегический обзор азиатских границ штабс-капитана Левицкого, составленный по лекции генерал-майора Золотарева в Академии Генерального штаба, Санкт-Петербург, 1902 г.

856 *Аугустус Е.* Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1902 гг. // Варшавский военный журнал. 1902. Т. 3. С. 219–228.

857 PRO/ADM/231/7/9. Сводка официальных сообщений. Лондон, август 1885 г. Также см. многочисленные донесения и меморандумы морских офицеров в Разведывательный отдел Адмиралтейства в 1887–1894 гг.: PRO/ADM/231/10/9; PRO/ADM/231/14/179, 182, 184, 187; PRO/ADM/231/18/62b, 69c, 254; etc.

858 *Langer W.* The Diplomacy of Imperialism. 1890–1902. New York–London: A. Knopf, 1935. C. 469.

859 РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 2621. Л. 24–26об. Журнал Особого совещания, Санкт-Петербург, 1 декабря 1895 г.

860 Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1896. Л. 2–7об. Санкт-Петербург, 28 ноября 1898 г. –26 апреля 1899 г. Об оценке русско-французской военной конвенции, подписанной в 1892–1894 гг. см.: *Ламздорф В.Н.* Дневник. 1891–1892 гг. С. 336–340. Записка Обручева, Санкт Петербург, 12 июня 1892 г.

861 РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1896. Л. 6–7об. Стааль — Муравьеву, Лондон, 23 ноября 1898 г.

862 PRO/CAB/1/4/283/2/1–21. Меморандум Тилли, 15 января 1905 г.; IOLR/L/PS/18/A 165. Меморандум J.E.S., офицера политического департамента министерства по делам Индии, Лондон, 10 июня 1907 г.

863 ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 84. Л. 1-30. Меморандум Ламздорфа, Санкт-Петербург, 12 февраля 1900 г.; *Попов А.Л.* Царская дипломатия о задачах России на Дальнем Востоке. С. 3–29.

864 PRO/FO/17/1361. Меморандум Ардага, Лондон, 18 июля 1898 г.

865 Помимо классического труда Макгрегора, посвященного обороне Индии, эти взгляды обсуждались в многочисленных донесениях, меморандумах и аналитических записках, см., напр.: PRO/CAB/37/13. Меморандум Ротвелла, Лондон, 7 июля 1884 г.; PRO/CAB/37/19/8. Меморандум Брэкенбери, Лондон, 25 января 1887 г. Заслуживающие внимание комментарии военных и дипломатических экспертов можно найти в работах: *Dilke C., Wilkinson S.* Imperial Defence. London–New York: Macmillan, 1892. P. 95–173; *An Indian Officer* [*Roberts F.*]. Op. cit. Vol. 2. P. 273–297; *Hanna H.* Can Russia Invade India? London: A. Constable, 1895. P.37–52; *Clarke G.* Imperial Defence. London: The Imperial Press, 1897. P. 205–206. Британские планы отражения русской угрозы анализируются в следующих исследованиях: *Greaves R.* Op. cit. P. 36–41; *Lowe C.* Op. cit. Vol. 2. P. 45–46; *Jelavich B.* British Means of Offense against Russia in the Nineteenth Century. P. 129; *Friedberg A.* Op. cit. P. 216–217; *Johnson R.* Russians at the Gates of India? Planning the Defence of India, 1885–1900 // Journal of Military History. 2003. Vol. 67. № 3. P. 697–743.

866 Цит. по: *Gillard D.* Salisbury and the Indian Defence Problem, 1885–1902. — В кн.: *Bourne K., Watt D.* (eds) Studies in International History. London: Longmans, 1967. P. 242.

867 *Kelly J.* Salisbury, Curzon and the Kuwait Agreement of 1899. — В кн.: *Bourne K., Watt D.* (eds) Op. cit. P. 249–290.

868 PRO/FO/106/1. Сводки Разведывательного отдела, 1898–1899 гг.; PRO/FO/106/2. Абдур Рахман-хан — Керзону, Кабул, 1899 г.; PRO/FO/106/3. Гамильтон — Керзону, Лондон, 23 февраля 1900 г.; Керзон — Гамильтону, Симла, 17 мая 1900 г.

869 IOLR/Mss Eur F 111/696/1902.

870 Ibid. Mss Eur F 132/37. Меморандум Бальфура, Лондон, 16 декабря 1902 г.

871 Напр., см.: PRO/FO/106/10. Переписка между Дейном и Керзоном, декабрь 1904 – январь 1905 г.

872 PRO/FO/106/11; IOLR/Mss Eur F 132/37.

873 *Kazemzade F.* Russia and Britain in Persia. P. 143–144.

874 О британских оценках германского фактора в Азии см.: *Chirol V.* The Middle Eastern Question or Some Political Problems of Indian Defence. London: J. Murray, 1903. P. 185–199.

875 *Maccarthy M.* Op. cit. P. 27–67; *Ананьич Б.В.* Англия и Россия в Персии накануне соглашения 1907 г. Автореф. дисс… к.и.н. Ленинградский государственный университет, 1960. С. 9–12. Согласно российской статистике, в 1906 г. долг Персии перед Россией составлял 72, 2 млн. рублей (7, 22 млн. фунтов стерлингов), тогда как ее финансовые обязательства перед Британией не превышали 2 млн. руб. (200 тыс. фунтов стерлингов), см.: *Попов А.Л.* Англо-русское соперничество в Персии в 1890–1906 гг. С. 61. Британскую оценку влияния России на Персию, сделанную хорошо осведомленным современником описываемых событий, можно найти в книге: *Chirol V.* Fifty Years in a Changing World. P.159–160.

876 *Gwynn S.* (ed.) Op. cit. Vol. 1. P. 289. Спринг-Райс — Чайролу, Тегеран, 15 сентября 1899 г.

877 *Chirol V.* The Middle Eastern Question. P. 256.

878 *Косоговский В.В.* Персия в конце XIX в.; *его же.* Очерк развития персидской казачьей бригады. Современная оценка роли этого подразделения в истории Ирана изложена в статье израильского историка: *Тер-Оганов Н.К.* Персидская казачья бригада: период трансформации (1894–1903) // Восток. 2010. № 3. С. 69–79.

879 *Rouire A.* La rivalite Anglo-Russe aux XIX-e siecle en Asie. Golf Persique — Frontiers de l'Inde. Paris: Libraire A. Colin, 1908. P. 78.

880 Роль региона, который приобрел новое политическое значение в ходе *Большой Игры*, исследована в диссертации британского историка: *Morris L.* British Secret Activity in Khorassan, 1887–1908. Особенно см.: P. 657–675. Об ухудшении положения Персии в последней четверти XIX в. с точки зрения неевропейского наблюдателя см.: *Faris S.* The Decline of British Prestige in the East. London: T. Fisher Unwin, 1887. P. 90–130.

881 *Greaves R.* Op. cit. P. 20.

882 Цит. по: *Kazemzadeh F.* Russia and Britain in Persia. P. 157.

883 *Meyendorff A.* Op. cit. T. 2. P. 44; 49–51. Стааль — Гирсу, Лондон, 8 августа, 27 августа 1889 г.; PRO/FO/539/45. Меморандум Вольфа, Лондон, 2 сентября 1889 г.

884 *Kazemzadeh F.* Russia and Britain in Persia. P. 184.

885 *Greaves R.* Op. cit. P. 120–136.

886 *Chirol V.* Fifty Years in a Changing World. P. 151. Следует отметить, что, занимая должность вице-короля Индии, Керзон критиковал внешнюю политику Солсбери. Например, он жаловался в личном письме Гамильтону 6 сентября 1899 г.: «Мы в этом учреждении (Форин офис. — *Е.С.*) с трудом перебиваемся уже три года, как показывает мой опыт. Отсутствуют твердые принципы политики в отношении любой части света, и все, от величественного руководителя (намек на Солсбери. — *Е.С.*) до скромного клерка, сидят там в нетерпеливом ожидании, что же случится дальше». Цит. по: *Grenville J.* Op. cit. P. 296–297.

887 *Curzon G.* Persia and the Persian Question. London: Longman, Green, 1892. Vol. 1. P. 593–594. Любопытно, что одна из трех дочерей Керзона, в замужестве леди Александра Меткальф, вспоминала уже в 1950-х гг. о «зачитанном до дыр всеми сотрудниками экземпляре, который был вне конкуренции с другими подобными справочными работами и который как сокровище хранился в посольстве Британии в Тегеране», в то время как «еще один экземпляр высоко оценивался персоналом Би-Би-Си в доме Буша», см.: *King P.* (ed.) Curzon's Persia. London: Sidgwick and Jackson, 1986. P. 9.

888 АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1696. Л. 1–41. Записка Дондукова-Корсакова, 26 января 1887 г. Современная оценка роли Закаспийской области во внешней политике России и Великобритании содержится в следующей диссертационной работе: *Лисицына Н.Н.* Закаспийский край в англо-русских отношениях (1880–1907 гг.). Автореф. дисс… к.и.н. Московский государственный открытый педагогический университет, 2006 г.

889 *Куропаткин А.Н.* Всеподданнейший отчет о поездке в Тегеран в 1895 г. S. l.: S. n., 1895. С. 42.

890 См.: *Maclean D.* Britain and Her Buffer State. The Collapse of the Persian Empire, 1890–1914. London: Royal Historical Society, 1979. P. 24.

891 *Попов А.Л.* Англо-русское соперничество в Персии. Р. 63.

892 *Brunnhofer H.* Op. cit. S. 45.

893 PRO/CAB/1/4/371. Меморандум Керзона и Китченера, Симла, 7 августа 1903 г.

894 *Wynn A.* Op. cit. P. 24–37, 137.

895 *Косоговский В.В.* Из тегеранского дневника. С. 135.

896 РГИА. Ф. 560. Оп. 45. Д. 77. Л. 11–13об. Консул Машков — временному поверенному в делах России в Персии, Багдад, 22 января 1896 г.

897 PRO/FO/539/72/1–16. Меморандум Дюранда, Тегеран, 27 сентября 1895 г.

898 PRO/FO/539/73/2 rev. Меморандум Керзона, Лондон, 12 апреля 1896 г.

899 *Taylor R.* Op. cit. P. 170.

900 Цит. по: *Grenville J.* Op. cit. P. 298.

901 *Gwynn S.* (ed.) Op. cit. Vol. 1. P. 285–286. Спринг-Райс — Вилльеру, Тегеран, 23 августа 1899 г.

902 *Новое Время,* 13 ноября 1899 г. Редакционная статья была озаглавлена «Великая задача России на Среднем Азиатском Востоке».

903 Коренные интересы России глазами ее государственных деятелей, дипломатов, военных и публицистов / сост. И.С. Рыбаченок. М.: Институт российской истории РАН, 2004. С. 343. Инструкции Бенкендорфу, Санкт-Петербург, 13 декабря 1902 г.

904 *Rezvan E.* Russian Ships in the Gulf, 1899–1903. P. 2–3.

905 IOLR/L&PS/18/C 94/1–5. Записка Уорнера, 5 мая 1899 г.

906 *Бондаревский Г.Л.* Английская политика и международные отношения в бассейне Персидского залива (конец XIX – начало XX в.). М.: Наука, 1968. С. 32–33.

907 *Curzon G.* Persia and the Persian Question. Vol. 2, p. 465. О взглядах сторонников Керзона см.: *Fraser L.* Op. cit. P. 113.

908 *Бондаревский Г.Л.* Указ. соч. С. 104–106; 122.

909 РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2032. Л. 5-6об. Консул Круглов — в российское посольство в Константинополе, 13 апреля 1899 г. Оценку численности англо-индийских войск, направленных в Южную Африку можно найти в книге: *Lord Ronaldshay.* The Life of Lord Curzon. Vol. 2. P. 69.

910 IOLR/Mss Eur 111/689/1-9. Обзор, подготовленный Дугласом и Бэрроу, Симла, 2 марта 1900 г.

911 *Brett M.* (ed.) Op. cit. Vol. 1. P. 241.

912 Цит. по: *Rezvan E.* Op. cit. P. 4. Переписка о плавании российской канонерской лодки в Персидский залив содержится в следующем документе: РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2032. Л. 7-7об. Тыртов — Муравьеву, Санкт-Петербург, 29 мая 1899 г.

913 АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 4067. Л. 1–215. Коллекция документов о визитах российских боевых кораблей в Персидский залив, 1901–1903 гг. Подробности этих плаваний описаны в работе: *Rezvan E.* Op. cit. С. 5–22; *Остриков П.И.* К истории империалистической экспансии Англии в Иране в начале XX в. — В кн.: Против фальсификации истории колониализма / ред. К.М. Попов. М.: Восточная литература, 1962. С. 77–103; *Ахмедова Л.Ш.* Политика Англии в зоне Персидского залива в последней трети XIX – начале XX в. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2006. С. 45–77.

914 PRO/CAB/6/1/24 D. Рапорт капитана Смита, Лондон, 6 июня 1903 г.

915 IOLR/L&PS/18/C 105/1-6. Записка Керзона, 28 октября 1901 г.

916 Цит. по: *Бондаревский Г.Л.* Указ. соч. С. 451.

917 *Rezvan E.* Op. cit. P. 18; *Whigham H.* Op. cit. P. 57–76.

918 PRO/CAB/6/1/100/1-10. Меморандум Разведывательного отдела военного министерства, Лондон, 10 марта 1903 г.

919 PD. Lords. 4th Ser. Vol. CXXI. Col. 1348. 5 мая 1903 г. Также см.: *Lord Newton.* Lord Lansdowne. A Biography. London: Macmillan, 1929. P. 242–243; *Nazem H.* Russia and Great Britain in Iran (1900–1914). Teheran: Sherkat Iran Chap, 1975. P. 14.

920 Цит. по: *Mehra P.* The Younghusband Expedition. An Interpretation. London: Asia Publishing House, 1968. P. 98.

921 *Gilmor D.* Op. cit. P. 268.

922 *Chirol V.* Fifty Years in a Changing World. P. 168–170; *Lord Ronaldshay.* The Life of Lord Curzon. Vol. 2. P. 305–319; *Бондаревский Г.Л.* Указ. соч. С. 495–498. О провале попытки Керзона высадиться в Бушире в ноябре 1903 г. см.: *Чиркин С.В.* Двадцать лет службы на Востоке. Записки царского дипломата. М.: Русский путь, 2006. С. 105–107.

923 *Gilmor D.* Op. cit. P. 269–270.

924 *Lord Ronaldshay.* The Life of Lord Curzon. Vol. 2. P. 101–102.

925 *Бондаревский Г.Л.* Указ. соч. С. 495–498.

926 О понимании Тибета как Страны снегов и Крыши мира подр. см.: *Gordon T.* The Roof of the World: Being the Narrative of a Journey over the High Plateau of Tibet to the Russian Frontier and the Oxus Sources on Pamir. Edinburgh: Edmonton and Douglas, 1876; *Hedin S.* Central Asia and Tibet. Towards the Holy City of Lhasa. London: Hurst and Blackett, 1903. Vol. 1–2. Подробности об исследователях Тибета можно найти в труде: *Macgregor J.* Tibet. A Chronicle of Exploration. London: Routledge and Keagan Paul, 1970.

927 IOLR/Mss Eur F 111/842. Аноним. Записки о золотых копях Тибета, 28 марта 1899 г. Также см.: *Андреев А.И.* Тибет в политике царской, советской и постсоветской. С. 59.

928 *Kawaguchi E.* Op. cit. P. 405. Описание секретной деятельности Кавагучи в Лхасе и его контактов с Сарат Чандра Дасом можно найти в книге: *Hopkirk P.* Tresspassers on the Roof of the World. P. 148–158.

929 Примечательно, что генерал-губернатор Западной Сибири Н.Г. Казнаков довольно пессимистически оценивал варианты развития этой части Российской империи, см.: РГИА. Ф. 948. Оп. 1. Д. 64. Л. 1–17. Всеподданнейшая записка Казнакова Александру II, 1875 г.

930 РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 554. Л. 2. Записка Головина, апрель 1878 г.

931 Там же. Л. 3–5об.

932 Там же. Л. 10–10об. Гирс — Милютину, Санкт-Петербург, 18 июля 1878 г.

933 *Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д.* Неизвестный Пржевальский // Араиварта. 1997. № 1. С. 207–226.

934 РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 553. Л. 3–4. Записка Пржевальского в Главный штаб, Санкт-Петербург, 6 сентября 1878 г.

935 *Schimmelpenninck van der Oye D.* 'Ex Oriente Lux'. P. 31–32.

936 Ibid. P. 59–63, 75–78; *Кляшторный С.Г., Колесников А.А., Басханов М.К.* Указ соч. С. 40–43. Типичный пример таких миссий описан в работе: *Bower H.* Diary of a Journey across Tibet. Kathmandu: Ratna Pustak Bhandar, 1976.

937 См. интересный анализ ситуации в Бирме, особенно после миссии Т. Форсайта в ее столицу Мандалай в мае 1875 г.: РГВИА. Ф. 431. Оп. 1. Д. 54. Л. 1–12об. Записка неизвестного эксперта на имя Милютина, Санкт-Петербург, 26 января 1877 г. Любопытные предложения относительно усиления русских позиций в Бирме высказывал даже Д.И. Менделеев, см.: АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 988. Л. 10–11об. Менделеев — в Морское министерство, Ницца, 6 декабря 1878 г.

938 PRO/FO 17/1055. Донесение Илайэса, 5 марта 1887 г.

939 *Wang Furen, Suo Wenting.* Highlights of Tibetan Policy. Beijing: New World Press, 1984. P. 120.

940 АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 907. Л. 45–45об. Извлечения из газеты *The Chinese Times,* 1890. Также см.: *Lamb A.* Britain and Chinese Central Asia. P. 241; *Mehra P.* Op. cit. P. 73.

941 Цит. по: *Mehra P.* Op. cit. P. 149.

942 *Витте С.Ю.* Воспоминания. Берлин: Слово, 1922. Т. 1. С. 39. Записка Бадмаева проанализирована в книге: *Malozemoff A.* Russian Far Eastern Policy 1881–1904. Berkeley-Los Angeles: University of California Press, 1958. P. 48–49.

943 *Fleming P.* Op. cit. P. 29. О политической карьере Бадмаева см.: *Snelling J.* Buddhism in Russia. The Story of Agvan Dorzhiev Lhasa's Emissary to the Tsar. Shaftsbury: Element, 1993. P. 85–86.

944 АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 362. Л. 15–16об.; 17–19об. Консул Люба — временному поверенному в делах России в Китае Павлову, Урга, 9 января, 6 декабря 1897 г. О займе для Бадмаева см.: *Семенников В.П.* (сост.) За кулисами царизма. Архив тибетского врача П.А. Бадмаева. Л.: Государственное издательство, 1925. С 83–85; *Malozemoff A.* Op. cit. P. 49.

945 *Семенников В.П.* (сост.) Указ. соч. С. 49–75; *Kawaguchi E.* Op. cit. P. 495–496.

946 *Younghusband F.* India and Tibet. P. 75.

947 *Waddel A.* Lhasa and Its Mysteries. London: J. Murray. P. 39.

948 *Цыбиков Г.Ц.* О центральном Тибете. СПб.: ИРГО, 1903. С. 32. Стоит заметить, что примерно 160 тыс. бурят и 200 тыс. калмыков проживали на территории Российской империи в конце 1890-х – начале 1900-х гг., см.: *Shaumian T.* Tibet. The Great Game and Tsarist Russia. New Delhi: Oxford University Press, 2000. P. 16. О деятельности Цыбикова в качестве эксперта по буддистскому вероучению см.: *Snelling P.* Op. cit. P. 74–75.

949 Цит. по: *Lamb A.* Britain and Chinese Central Asia. P. 236.

950 *Macgregor C.* Op. cit. P. 287. Исследованию жизни и политической деятельности Далай-ламы XIII посвящена работа: *Tokan Tada.* The Thirteenth Dalai Lama. Tokyo: Centre for East Asian Cultural Studies, 1965. Оценка современного российского историка дана в диссертации: *Вуль Н.А.* Политическая история Тибета во время правления Далай-ламы XIII. Автореф. дисс... к.и.н. Санкт-Петербургский государственный университет, 2007.

951 Загадочная личность Доржиева привлекала внимание современников и историков на протяжении всего XX в. См., напр.: *Lamb A.* Britain and Chinese Central Asia. P. 253–256. Переоценка его дипломатических усилий в качестве посредника между Тибетом и Россией, а также общественного деятеля и религиозного лидера представлена в следующих работах: *Macgregor C.* Op. cit. P. 281–296; *Snelling P.* Op. cit. P. 77–89; *Дамдинов А.В.* Агван Доржиев: дипломат, политический, общественный и религиозный деятель. Автореф. дисс... к.и.н. Иркутский государственный университет, 1996; *Shaumian T.* Op. cit. P. 21–34; *Kuleshov N.* Agvan Dorzhiev, the Dalai Lama's Ambassador. In: *Mackay A.* (ed.) The History of Tibet. London: RoutledgeCurzon. Vol. 3. P. 57–68; *Андреев А.И.* Тибет в политике царской, советской и постсоветской. С. 77–103.

952 *Доржиев А.* «Предание о кругосветном путешествии» или повествование о жизни Агвана Доржиева. Улан-Удэ: Бурятский институт общественных наук СО РАН, 1994. С. 51.

953 *Его же.* Занимательные заметки. Описание путешествия вокруг света. М.: Восточная литература, 2003. С. 47–48.

954 *Ular A.* A Russo-Chinese Empire. Westminster: A. Constable, 1904. P. 169–170.

955 *Доржиев А.* «Предание о кругосветном путешествии». С. 53; *Андреев А.И.* Тибет в политике царской, советской и постсоветской. С. 81.

956 *Shaumian T.* Op. cit. P. 14. Вопреки данным источников и признанию самого Доржиева, некоторые российские историки продолжают отрицать политический аспект его поездок в Россию, а также обещания царя поддержать Тибет в борьбе против цинских властей и англичан, напр., см.: *Kuleshov N.* Agvan Dorzhiev, the Dalai Lama's Ambassador. P. 61–64.

957 Эти данные можно найти в работе: *Filchner W.* Op. cit. S. 4–5. Некоторые индийские историки вновь возрождают эту концепцию, напр., см.: *Mehra P.* Op. cit. P. 136–137. Все же большинство британских авторов настроены по отношению к ней критически, см.: *Snelling P.* Op. cit. P. 39.

958 Цит. по: *Macgregor C.* Op. cit. P. 353.

959 PRO/FO/65/1601. Гардинг — Лэнсдауну, Санкт-Петербург, 17 октября, 31 октября 1900 г.; *Gwynn S.* (ed.) Op. cit. Vol. 2. Спринг-Райс — Гардингу, 15 марта 1906 г. Об амбициях царя в Азии см.: *Addy P.* Op. cit. P. 186. Аналогичным образом известный шведский путешественник Свен Гедин приводит древнее пророчество, согласно которому «Цаган-хан, или Белый Император, однажды будет править всем миром, покорит Тибет и уничтожит Лхасу», см.: *Hedin S.* Op. cit. Vol. 2. P. 35

960 *O'Connor F.* On the Frontier and Beyond. London: J. Murray, 1931. P. 28.

961 IOLR/Mss Eur F 111/342. Гамильтон — Керзону, Лондон, 18 апреля 1899 г.; *Snelling P.* Op. cit. P. 287.

962 IOLR/Mss Eur F 111/342. Меморандум B.M.G., 26 апреля 1902 г.; *Kawaguchi E.* Op. cit. P. 497–499. Следует заметить, что Л. Берлин, первый советский исследователь миссий Доржиева в Россию, рассматривал его деятельность в контексте борьбы тибетского народа за независимость, см.: *Берлин Л.* Хамбо Агван Доржиев (к борьбе Тибета за независимость) // Новый Восток. 1923. Кн. 3. С. 139–156. Интересно, что нарком иностранных дел Г.В. Чичерин опубликовал специальную статью об истории тибетского освободительного движения, см.: *Чичерин Г.В.* Новый успех Востока // Известия, 12 августа 1925 г. О политической подоплеке легенды о Шангри-ла и буддистском принце — Спасителе Тибета см.: *Schimmelpenninck van der Oye D.* Tournament of Shadows. P. 18.

963 Цит. по: *Fleming P.* Op. cit. P. 43–44.

964 *Snelling P.* Op. cit. P. 85. Текст проекта русско-тибетского «договора» можно найти в работах: *Ular A.* Op. cit. P. 306; *Hamilton A.* Problems of the Middle East. S. l.: Eveleigh Nash, 1909. P. 216–217.

965 PRO/FO 535/3. Correspondence respecting the Affairs of Tibet. 1903. Part 3; *Доржиев А.* «Предание о кругосветном путешествии». С. 57, 90; *его же.* Занимательные заметки. С. 52–54; *Kawaguchi E.* Op. cit. С. 505–506; *Braun P.* Op. cit. P. 190; *Shaumian T.* Op. cit. P. 29; *Андреев А.И.* Указ. соч. С. 94, 102–103.

966 Цит. по: *Verrier A.* Op. cit. P. 174.

967 РГИА. Ф. 948. Оп. 1. Д. 132. Л. 12–17об. Козлов — в ИРГО, Чамдо, декабрь 1900 г.

968 РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1086. Л. 1–3. Записка Козлова, июнь 1900 г. Также см.: *Козлов П.К.* Тибет и Далай-лама. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2004.

969 РГВИА. Ф. 447. Оп. 1. Д. 60. Л. 7–30об. Записка Россова, март 1903 г.

970 См.: *Addy P.* Op. cit. P. 52–53. О тибетской политике Керзона также см.: *Lamb A.* Britain and Chinese Central Asia. P. 239–274.

971 См.: *Ular A.* Op. cit. P. 168.

972 Цит. по: *Андреев А.И.* Указ. соч. С. 107.

973 Цит. по: *Lamb A.* Britain and Chinese Central Asia. P. 239–240.

974 Цит. по: *Mehra P.* Op. cit. P. 116.

975 *Gopal S.* Op. cit. P. 235.

976 Цит. по: *Gooch G.* Continental Agreements, 1902–1907. — In: *Ward A., Gooch G.* (eds) Op. cit. Vol. 3. P. 322.

977 *Kawaguchi E.* Op. cit. P. 697–698; *Filchner W.* Op. cit. S. 64; *Lamb A.* Britain and Chinese Central Asia. P. 267; *Mehra P.* Op. cit. P. 149.

978 IOLR/Mss Eur F 111/342. Донесения Разведывательного отдела правительству Индии, 1902 г.

979 *Lamb A.* Britain and Chinese Central Asia. P. 268; *Shaumian T.* Op. cit. P. 34, 50.

980 АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 402. Л. 3–4; *Lord Ronaldshay.* On the Outskirts of Empire in Asia. Edinburgh–London: W. Blackwood and Sons, 1904. P. 353; *Fleming P.* Op. cit. P. 45–46; *Macgregor C.* Op. cit. P. 303–306.

981 Цит. по: *Edwardes M.* Op. cit. P. 147–148.

982 PRO/FO 539/88. Further Correspondence respecting Central Asia, 1904.

983 См.: *Younghusband F.* India and Tibet. P. 79–83; *Lamb A.* British India and Tibet. P. 254.

984 *Lamb A.* British India and Tibet. P. 283–284.

985 PRO/FO 17/1554; FO 17/1745. Записка Лэнсдауна, Лондон, 1 октября 1902 г.; *Lamb A.* Britain and Chinese Central Asia. P. 275; *Fleming P.* Op. cit. P. 48.

986 Подробности заключения соглашения Алексеев — Цзэн рассмотрены в книге: *Коростовец И.* Россия на Дальнем Востоке. Пекин: Восточное просвещение, 1922. С. 128–129.

987 PRO/FO 17/1745. Керзон — Гамильтону, Калькутта, 13 ноября 1902 г. Анализ инициативы Керзона представлен в книге: *Lamb A.* British India and Tibet. P. 279, ff.; *Fleming P.* Op. cit. P. 48, 55–6; *Macgregor C.* Op. cit. P. 306; *Snelling P.* Op. cit. P. 106.

988 PRO/FO 535/1. Correspondence respecting the Affairs of Tibet. 1903. Part 1. Хози — Таунли, Ченту, 1 августа 1903 г.; *Теплов В.* Английская экспедиция в Тибет. СПб.: В. Комаров, 1904. С. 65; *Snelling P.* Op. cit. P. 109; *Fleming P.* Op. cit. P. 155; *Shaumian T.* Op. cit. P. 37.

989 *Mehra P.* Op. cit. P. 170. Бальфур — королю Эдуарду VII, Лондон, 19 февраля 1903 г.

990 Цит. по: *Dawson W.* Forward Policy and Reaction. — In: *Ward A., Gooch G.* (eds) Op. cit. Vol. 3. P. 324.

991 Ibid. P. 326.

992 Цит. по: *Fleming P.* Op. cit. P. 71; *Allen C.* Duel in the Snows. P. 20.

993 PRO/FO 535/1. 1903. Part 1. Меморандум Янгхазбенда, Симла, 26 октября 1903 г.

994 *Younghusband F.* India and Tibet. P. 150–295; *Filchner A.* Op. cit. P. 72–73; *Hopkirk P.* The Great Game. P. 508–512. Наиболее интересные свидетельства об экспедиции Янгхазбенда можно найти в публикациях: *Candler E.* The Unveiling of Lhasa. London: E. Arnold, 1905; *Landon P.* The Opening of Tibet. New York: Doubleday, Page, 1905; *Waddel A.* Lhasa and Its Mysteries: With a Record of the British Tibetan Expedition of 1903–1904. London: J. Murray, 1905; *Ottley W.* With Mounted Infantry in Tibe. London: Smith, Elder, and Co., 1906; *O'Connor F.* Op. cit. P. 24–73. Оценки историков изложены в следующих трудах: *Seaver G.* Op. cit. P. 201–250; *Lamb A.* Britain and Chinese Central Asia. P. 275–317; *Fleming P.* Op. cit.; *Mehra P.* Op. cit.; *Macgregor C.* Op. cit. P. 307–347; *Verrier A.* Op. cit. P. 179–191; *French P.* Op. cit. P. 202–252; *Allen C.* Duel in the Snows; *Palace W.* The British Empire and Tibet 1900–1922. London: RoutledgeCurzon, 2005. P. 1–14; *Андреев А.И.* Тибет в политике царской, советской и постсоветской. С. 105–132.

995 *Waddell A.* Op. cit. P. 122; *Allen C.* Duel in the Snows. P. 287.

996 *Fleming P.* Op. cit. P. 268.

997 IOLR/Mss Eur F 111/342. Меморандум Керзона, Лондон, 25 июня 1904 г.

998 Great Britain. Parliamentary Papers. Further Papers relating to Tibet (Tibet № 2). London: HMSO, 1904. P. 4–7; *Mehra P.* Op. cit. P. 385–386. Англо-тибетские переговоры описаны О. Уодделем и Ф. Янгхазбендом, см.: *Waddell A.* Op. cit. P. 308–314; *Younghusband F.* The Light of Experience. P. 99–100. Комментарии советских историков изложены в книге: *Леонтьев В.П.* Иностранная экспансия в Тибете в 1888–1919 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 217–8.

999 *Fleming P.* Op. cit. P. 137.

1000 *Younghusband F.* The Light of Experience. P. 86. О военной реформе Китченера особенно см.: *Arthur G.* Life of Lord Kitchener. S. l.: Macmillan, 1920. Vol. 2. P. 140–141; *Steinberg J.* Op. cit. P. 63.

1001 Цит. по: *Addy P.* Op. cit. P. 128.

1002 Цит. по: *Mehra P.* Op. cit. P. 279. Бродрик — Амтхиллу, Лондон, 20 мая 1904 г. Об отношении членов Кабинета в экспедиции в Тибет также см.:*Lord Ronaldshay. On the Outskirts of Empire in Asia.* P. 361–362; *Lattimore O.* Inner Asian Frontiers of China. P. 237.

1003 *Новое Время,* 2 (15) июля 1903 г. Восприятие российской прессой тибетской проблемы в англо-русских отношениях проанализировано в статье: *Телепина Г.* Русская печать о политике Англии в Тибете в начале XX в. // Институт Дальнего Востока АН СССР.

Информационный бюллетень № 120. Вопросы экономики, истории, идеологии и внешней политики Китая и Японии. 1983. Ч. 2. С. 62–71.

1004 *Steinberg J.* Op. cit. P. 64.

1005 *Теплов В.* Указ. соч. С. 69.

1006 Цит. по: *Mehra P.* Op. cit. P. 216.

1007 АРГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 40. Л. 1–4. Докладная записка Козлова, 1904 г.

1008 АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 402. Л. 68. Ламздорф — Лессару, Санкт-Петербург, 1 февраля 1904 г.; ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 82. Л. 31об. Записка Извольского, 12 июня 1906 г. Подробности миссии Уланова — Ульянова можно найти в книге: Очерки истории российской внешней разведки. С. 183–190. Британский историк П. Френч ошибочно пишет о том, что Ламздорф якобы был не осведомлен об этой экспедиции, см.: *French P.* Op. cit. P. 187. О роли Доржиева при дворе Далай-ламы во время пребывания в Монголии см.: *Filchner A.* Op. cit. P. 85–107.

1009 АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 402. Л. 107–8. Рабданов — Доржиеву, Дацинлу, 27 июля 1904 г.

1010 Очерки истории российской внешней разведки. С. 188–189.

1011 АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 927. Л. 33–34об. Клемм — Гартвигу, Бомбей, 23 февраля 1904 г.

1012 Там же. Д. 1094. Л. 3–3об. Клемм — Гартвигу, Бомбей, 23 февраля 1904 г.

1013 Там же. Ф. 147. Оп. 485. Д. 927. Л. 177–178. Некрасов — Гартвигу, Бомбей, 31 октября 1904 г.

1014 АРГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 42. Л. 1–2. Черновик записки Козлова, 8 марта 1905 г.

1015 РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1086. Л. 9–10. Заключительный отчет Козлова, Санкт-Петербург, 4 сентября 1905 г. Воспоминания Козлова о беседах с Далай-ламой можно найти в документе: АРГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 134. Л. 10–17. Опубликованную версию этого отчета см.: *Козов П.К.* Тибетский Далай-лама // Известия Русского географического общества. 2003. Т. 2. С. 77–92.

1016 АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 402. Л. 96–96об. Ламздорф — Лессару, Санкт-Петербург, 18 июля 1904 г. По вопросу пребывания Далай-ламы в Монголии и возвращении в Лхасу см.: *Shaumian T.* Op. cit. P. 94–116; *Андреев А.И.* Тибет в политике царской, советской и постсоветской. С. 132–153. Об отношении британцев к Далай-ламе см.: *Palace W.* Op. cit. P. 53–72.

1017 *Verrier A.* Op. cit. P. 14.

1018 Цит. по: *Mehra P.* Op. cit. P. 335.

1019 *Allen C.* Duel in the Snows. P. 290.

1020 Вдумчивый читатель имеет возможность сравнить две интерпретации отношения тибетцев к англичанам во время их пребывания в Лхасе, см.: *Леонтьев В.П.* Указ соч. С. 102; *Younghusband F.* India and Tibet. P.144–148.

1021 *Mehra P.* Op. cit. P. 352; *Allen C.* Duel in the Snows. P. 293; *Younghusband F.* India and Tibet. P. 295–297; 335–40. Характерно, что вопреки всем обвинениям против Янгхазбенда, он был награжден королем Эдуардом VII Двойным рыцарским орденом Индийской империи в 1905 г. за вклад в защиту британских интересов во время тибетской экспедиции, см.: *Seaver G.* Op. cit. P. 251.

1022 АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 402. Л. 217–218. Англо-китайская конвенция по Тибету, Пекин, 27 апреля 1906 г.

1023 О противоречиях территориальной экспансии и поиске «естественных» рубежей со стороны царского правительства см.: *Ремнев А.В.* Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX в. Омск: Омский государственный университет, 2004. О том же, но со стороны, лондонского Кабинета, см.: *Johnson R.* British Imperialism. Houndmills, Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2003. Естественно, что историография проблемы отнюдь не ограничивается этими работами последних лет.

1024 РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 856, Л. 94–109; также см.: РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 2621. Л. 5–13. Записка анонимного российского военно-морского эксперта, 1883 г.

1025 IOLR/Mss Eur C 144/5. Нортбрук — Дафферину, Лондон, 9 января 1885 г.; *Куропаткин А.Н.* Русско-китайский вопрос. С. 90.

1026 *Norman H.* The Peoples and Politics of the Far East. New York: C. Scribner's Sons, 1895. P. 369–371; *Wilgus M.* Sir Claude Macdonald, the Open Doors, and British Informal Empire in China, 1895–1900. New York – London: Garland, 1987. P. 26–27; *Пак Б.Б.* Российская дипломатия и Корея (1876–1898 гг.). Автореф. дисс... к.и.н. М.: Институт востоковедения РАН, 2007. С. 27. Р. Харт писал своему другу за четыре года до конфликта интересов великих держав на Корейском полуострове: «Некоторые люди думают, что это домогательства Кореи; другие, что делаются приготовления, чтобы встретить Англию или иные державы в ее водах; третьи, что Корея будет аннексирована и Китай покроет все издержки, и т.д.» См.: *Fairbank J.* (ed.) Op. cit. Vol. 1. P. 339. Харт — Кэмпбеллу, Пекин, 26 сентября 1880 г.

1027 *Marks S.* Road to Power. The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asian Russia, 1850–1917. London: I.B. Tauris Publishers, 1991. P. XII, 217.

1028 PRO/WO/106/6279. Меморандум Гриерсона, Лондон, 1893 г.

1029 Цит. по: *Young L.* British Policy in China, 1895–1902. Oxford: Clarendon Press, 1970. P. 39–40. Гамильтон — Керзону, Лондон, 2 ноября 1899 г.

1030 PRO/WO/30/40/14. Меморандум Ардага, Лондон, 19 июля 1900 г. Также см.: *Young L.* Op. cit. P. 41.

1031 PRO/WO/106/6217. Доклад Брэкенбери, Лондон, 1 мая 1886 г.

1032 The History of the Times. London: The office of the Times, 1947. Vol. 3. P. 186–187. См., напр., комментарий Керзона по дальневосточному вопросу: *The Times,* 16 June 1894.

1033 РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1273. Рапорты военно-морского атташе в Великобритании лейтенанта Ухтомского в Главный морской штаб, Лондон, 1894–1896 гг.

1034 *Ledonne J.* Op. cit. P. 184.

1035 *Вогак К.И.* Извлечения из рапортов, 1893–1894 гг. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. 1895. Т. LX. С. 1–204. О подготовке царской армии к войне против Китая см.: *Malozemoff A.* Russian Far Eastern Policy 1881–1904. Berkeley-Los Angeles: University of California Press, 1958. P. 24; *Bilof E.* China in Imperial Russian Military Planning. P.73–74.

1036 РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 332. Л. 15-16об. Шестаков — Ванновскому. Санкт-Петербург, 22 июня 1887 г.; там же. Д. 296, Л. 2–14. Записка Тизенгаузена, Санкт-Петербург, 20 октября 1887 г.; там же. Д. 429. Л. 1–4, 5–12. Записка Родионова, Санкт-Петербург, 12 июня 1888 г.; там же. Л. 20. Протоколы заседания Комиссии по крейсерской войне на Тихом океане, Владивосток, 7 ноября 1888 г.; там же. Л. 84–90. Записка Казнакова, Санкт-Петербург, 7 февраля 1892 г.; там же. Л. 102–108. Записка Сергеева, Санкт-Петербург, 4 февраля 1893 г. См. также: *Стеценко В.* Крейсеры и Тихий океан. СПб.: Типография Морского министерства, 1893.

1037 *Попов А.Л.* (сост.) Первые шаги русского империализма. С. 54–61; *Пак Б.Б.* Указ. соч. С. 29.

1038 *Попов А.Л.* (сост.) Первые шаги русского империализма. С. 65–66.

1039 О роли Кореи в мировой политике см.: *Kim E., Kim H.* Korea and the Politicks of Imperialism, 1876–1910. Berkeley: University of California Press, 1967; *Myung Hyun Cho.* Korea and the Major Powers. An Analysis of Power Structures in East Asia. Ph D Diss. Seoul: Research Center for Peace and Unification of Korea, 1989.

1040 Описание Гранд Тура цесаревича Николая можно найти в книге: *Ukhtomskii E.* Travels in the East of Nicholas II when Cesarewitch. Westminster: Constable, 1900. Vol. 1–2. Оценки современников посещения Николая Японии содержатся в работе: *Michie A.* The Englishman in China during the Victorian Era. Edinburgh – London: W. Blackwood and

Sons, 1900. Vol. 2. P. 321–323. Также см.: *Schimmelpenninck van der Oye D.* 'Ex Oriente Lux'. P. 115–128.

1041 *Нарочницкий А.Л.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. М.: Госполитиздат, 1956. С. 569; *Мясников В.С.* Договорными статьями утвердили. С. 296.

1042 *Попов А.Л.* (сост.) Первые шаги русского империализма. С 67–74. О маньчжурской проблеме в российской дальневосточной политике см.: *Quested R.* Matey' Imperialists? The Tsarist Russians in Manchuria 1895–1917. Hong Kong: Centre of Asian Studies, University of Hong Kong, 1982; *Wolff D.* To the Harbin Station: The Liberal Alternative in Russian Manchuria. Stanford, CA: Stanford University Press, 1999.

1043 *Попов А.Л.* (сост.) Первые шаги русского империализма. С. 102.

1044 Там же. С. 74–76, 80–82.

1045 Подр. см.: *Романов Б.А.* Россия в Маньчжурии (1892–1906). Л.: Госполитиздат, 1928; *Schimmelpenninck van der Oye D.* Toward the Rising Sun.

1046 Наглядным примером таких взглядов является следующая работа: *Путята Д.* Китай. Очерки географии, экономического состояния, административного и военного устройства Срединной империи. СПб: Военная типография, 1893. С. 5–6.

1047 *Mahan A.* The Problem of Asia and Its Effect upon International Policies. London: S. Low, Marston and Co., 1900. P. 56, 119.

1048 *Robinson R.* Railways and Informal Empire. — In: *Davis C., Wilburn K.* (eds) Railway Imperialism. New York, etc.: Greenwood Press, 1991. P. 192.

1049 РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2119. Л. 5–54. Записка Альфтана, Санкт-Петербург, октябрь 1896 г.

1050 Там же. Ф. 165. Оп. 1. Д. 449. Л. 1–26. Записка Волконского, Санкт-Петербург, 15 декабря 1897 г.

1051 Там же. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4972. Л. 1–32. Рапорт Чичагова, Хабаровск, 1898 г.

1052 См., напр.: *Максимов А.* Наши задачи на Тихом океане. Политические этюды. СПб.: П. Бабкин, 1894.

1053 *Ремнев А.В.* Россия Дальнего Востока. С. 345.

1054 См., напр.: *Левитов И.* Желтая Россия. СПб.: Г. Бернштейн, 1901. С. 37–50.

1055 *Тарапыгин Ф.А.* Китай. СПб.: S. n., 1904.

1056 ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 126. Проект русско-китайского оборонительного союза, Санкт-Петербург, 9 мая 1896 г.; IOLR/ Mss Eur F 111/76. Капитан корабля *Нарцис* — генеральному консулу в Сеуле Джордану, Сеул, 11 июня 1897 г.; адмирал Буллер с флагманского корабля *Центурион* — в Адмиралтейство, Гонконг, 15 декабря 1897 г. О российской политике в Корее и деятельности там ее военных инструкторах подр. см.: *Нарочницкий А.Л.* Англия, Россия и корейский вопрос накануне нападения Японии на Китай летом 1894 г. // Исторические записки. 1947. № 24. С. 160–183; *Пак Б.Д.* Россия и Корея. М.: Восточная литература, 1979. С. 134–138; 160–179; 189–196, 272–276. Корейский император пребывал в российской дипломатической миссии с 11 февраля 1896 по 20 февраля 1897 г. Также см.: *Соловьев Ю.Я.* Воспоминания дипломата. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959. С. 56–100. О разведывательной деятельности генерального консульства России в Сеуле Павлова см.: *Павлов Д.Б.* Русско-японская война 1904–1905 гг. Секретные операции на суше и на море. М.: Материк, 2004. С. 267–285.

1057 ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 211. Л. 1–20. Обзор сношений с Японией по корейским делам с 1895 г. СПб.: В. Киршбаум, 1906; там же. Д. 145. Л. 3–47об. Дипломатическая переписка по Корее, 3 октября 1895 – 22 июня 1898 г. Борьба внутри царской бюрократии по дальневосточной политике отражена в следующих работах: *Романов Б.В.* Россия в Маньчжурии; *Malozemoff A.* Op. cit.; *Storry R.* Japan and the Decline of the West in Asia, 1894–1943. London and Basingstoke: Macmillan, 1979; *Lukoianov I.* The Bezobrazovtsy. — In: *Steinberg J.* et al. Op. cit. Vol. 1. P. 65–86.

1058 Об основных концепциях отношения Запада к России подр. см.: *Liska G.* Russia and the Road to Appeasement. Cycles of East-West Conflict in War and Peace. P. 47–48.

1059 *Curzon G.* Problems of the Far East. Japan – Korea – China. Westminster: A. Constable, 1896. P. 277.

1060 В декабре 1897 г. один уважаемый член Китайской Ассоциации обратился в военное министерство с призывом устранить русскую угрозу британской торговле на Дальнем Востоке: «Мне кажется, что мы можем констатировать фактический контроль России за Маньчжурией, который рано или поздно распространится и на Корею, если Япония не остановит ее (Россию. — *Е.С.*)». Другая опасность усматривалась этим деятелем в предстоящем уходе на пенсию Р. Харта, занимавшего в течение нескольких десятилетий пост генерального инспектора императорских морских таможен Китая, см.: IOLR/Mss Eur F 112/1/1b. Фоукс — Гошену, Спай Парк, 26 декабря 1897 г.

1061 *Beresford C.* The Break-Up of China. London – New York: Harper and Brothers Publications, 1899. P. 63.

1062 *Chirol V.* The Far Eastern Question. P. 66.

1063 *Beveridge A.* The Russian Advance. New York – London: Harper and Brothers Publications, 1903. P. 4–5.

1064 Ibid. P. 152–172.

1065 PRO/WO/106/17. Correspondence on the Occupation of Kiaochow by Germany, 1897–1898. Также см.: *Putnam Weale B.* The Reshaping of the Far East. London: Macmillan, 1905. Vol. 2. P. 463. О том, как Германия запугивала Британию русской угрозой в Азии, см., напр.: *Brunnhofer H.* Ruslands Hand ueber Asien. Historisch-geographische Essays zur Entwicklungsgeschichte des russischen Reichsgedankens. St Petersburg: Typographie der Aktien Gesellschaft, 1897, особенно S. 31–32.

1066 *Chirol V.* The Far Eastern Question. P. 153. Как считал этот автор, только «консервативный союз» между Англией и Японией «может встретить симпатию британского общественного мнения». Также см.: The History of the Times. Vol. 3. P. 188. Следует отметить, что *Таймс* снизила критический тон в отношении России вскоре после завершения русско-японской войны и особенно после обнародования царского Манифеста 17 (30) октября 1905 г. о даровании подданным демократических прав и свобод, см.: Ibid. P. 427.

1067 *Boulger D.* Why not a Treaty with Russia // The Fortnightly Review. 1900. Vol. LXVIII. № 406. P. 680.

1068 *Fairbank J.* (ed.) Op. cit. Vol. 2. P. 1037. Харт — Кэмпбеллу, Пекин, 20 октября 1895 г.

1069 *Ламздорф В.Н.* Дневник. 1894–1896. С. 140.

1070 *Fairbank J.* (ed.) Op. cit. Vol. 2. P. 1183. Харт — Кэмпбеллу, Пекин, 15 января 1899 г.

1071 *Norman H.* The Peoples and Politics of the Far East. Travels and Studies in the British, French, Spanish and Portuguese Colonies, Siberia, China, Japan, Korea, Siam and Malaya. New York: C. Sribner's Sons, 1895. P. 590.

1072 *Fairbank J.* (ed.) Op. cit. Vol. 2. P. 1067. Харт — Кэмпбеллу, Пекин, 7 июня 1896 г.

1073 Наиболее фундаментальным исследованием политики Солсбери в рассматриваемый период является следующий труд: *Grenville J.* Lord Salisbury and Foreign Policy: The Close of the Nineteenth Century. London: The Athlone Press, 1964.

1074 Цит. по: *Сергеев Е.Ю.* Политика Великобритании и Германии на Дальнем Востоке, С. 22. Также см.: *Kennedy A.* Op. cit. P. 269–276; 308; 321–322.

1075 *Cecil R.* Life of Robert, Marquis of Salisbury. Vol. 2. P. 154–155. Солсбери — Литтону, Лондон, 6 июля 1877 г.

1076 Ibid. Vol. 3. P. 231. Солсбери — Морьеру, Лондон, 15 сентября 1885 г.

1077 IOLR/Mss Eur F 112/9/1–3. Записки о переговорах Солсбери с Николаем II, Бальморал, 27–29 сентября 1896 г.; *Taylor R.* Op. cit. P. 170.

1078 BD. Vol. I. P. 6. О'Коннор — Солсбери, Санкт-Петербург, 20 января 1898 г. Любопытно, что Муравьев выступил с этой декларацией почти также, как в августе 1897 г. это сде-

лал Витте на встрече с О'Коннором, см.: *Palmer A.* Lord Salisbury's Approach to Russia, 1898 // Oxford Slavonic Papers. 1955. Vol. VI. P. 104; *Young L.* Op. cit. P. 57.

1079 АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 163/165. Л. 3–5об., 6–7. Меморандум Ламздорфа, Санкт-Петербург, 9 февраля 1898 г.; Нота О'Коннора в МИД России, Санкт-Петербург, 12 февраля 1898 г.

1080 *Сергеев Е.Ю.* Политика Великобритании и Германии на Дальнем Востоке. С. 43.

1081 Цит. по: *Beveridge A.* Op. cit. P. 96.

1082 *Meyendorff A.* (ed.) Op. cit. T. 2. P. 373. Стааль — Муравьеву, Лондон, 2 марта 1898 г.

1083 IOLR/Mss Eur F 111/76. Меморандум Керзона, Лондон, 13 марта 1898 г.

1084 ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 82. Л. 10–12. Стааль — Муравьеву, Лондон, 23 ноября 1898 г.; РГВИА. Ф. 447. Оп. 1. Д. 41. Л. 17–17об. Гродеков — Сахарову, Никольское, 13 августа 1898 г.; АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 160/162. Л. 5–6об. Куропаткин — Муравьеву, Санкт-Петербург, 29 ноября 1898 г.

1085 См., напр.: *Palmer A.* Op. cit. P. 114.

1086 *Wilgus M.* Op. cit. P. 40.

1087 РГВИА. Ф. 431. Оп. 1. Д. 61. Л. 74-74об. Ермолов — в Главный штаб, Лондон, 21 марта 1898 г.

1088 BDFA. Part 1. Ser. A. Vol. 2. P. 310–311. Уотерс — Гошену, Санкт-Петербург, 13 октября 1896 г.

1089 *Young L.* Op. cit. P. 267–294; *Nakami Tatsuo.* Qing China Northeast Crescent: The Great Game Revisited. — In: *Wolff D.* et al. (eds) The Russo-Japanese War in Global Perspective. World War Zero. Leiden-Boston: Brill, 2007. Vol. 2. P. 513–529, особенно, P. 518.

1090 *Попов А.Л.* (сост.) Англо-русское соглашение о разделе Китая. С. 131. Лессар — Муравьеву (частное письмо), Лондон, 6 декабря 1898 г.; РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 646. Л. 9–11. Обручев — Венюкову, Санкт-Петербург, 1898 г.

1091 Цит. по: *Гелла Т.Н.* Либеральная партия Великобритании и империя в конце XIX – начале XX в. Орел: Орловский государственный педагогический институт, 1992. С. 99–100.

1092 *Steiner Z., Neilson K.* Britain and the Origins of the First World War. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2003. P. 85.

1093 *Galton D.* The Anglo-Russian Literary Society // Slavonic and East European Review. 1968. Vol. 46 (107). P. 18–39; *Давидсон А.Б.* О роли культурных связей в международных отношениях подр. см.: *Давидсон А.Б.* Англо-российское литературное общество (1892–1930 гг.) // Новая и новейшая история. 2009. №. 4. С. 85–98. О концепции самого основателя общества см.: *Cazalet E.* England's Policy in the East: Our Relations with Russia and the Future of Syria. London: E. Stanford, 1879.

1094 IOLR/Mss Eur F 111/93. О'Коннор — Солсбери, Санкт-Петербург, 15 июня 1898 г.

1095 *Popowski J.* Antagonismus der Englishen und Russischen Interessen in Asien. Eine Militaerpolitische Studie. Vienna: Wilhelm Frick, 1890. Также см. английское издание: *idem.* The Rival Powers in Central Asia or the Struggle between England and Russia in the East. Westminster: A. Constable, 1893, особенно, P. 73, 102–103, 133–134, 202–203, 221.

1096 *Ламздорф В.Н.* Дневник. 1894–1896. С. 310.

1097 *Kennedy A.* Op. cit. P. 393.

1098 См.: *Mahajan S.* The Defence of India and the End of Isolation. A Study in the Foreign Policy of the Conservative Government, 1900–1905 // The Journal of Imperial and Commonwealth History. 1982. Vol. X. № 2. P. 168–193.

1099 *The Times,* 24 January 1895.

1100 Однако некоторые дипломаты высказывали сомнения относительно потенциала Японии как великой державы, напр., см.: IOLR/Mss Eur F 111/93. Сэтоу — Керзону, Токио, 11 января 1898 г.

1101 *Gwynn S.* (ed.) Op. cit. Vol. 1. P. 146.

1102 Цит. по: IOLR/Mss Eur F 111/76/A. Лоутер — Солсбери, Токио, 9 июля 1895 г.

1103 *Maccordock R.* British Far Eastern Policy 1894–1900. New York: Octagon Books, 1976. P. 358.

1104 IOLR/Mss Eur F 111/75. Сэтоу — Солсбери, Токио, 22 октября 1896 г.

1105 Ibid. F 111/76. Меморандум Керзона, Лондон, 13 марта 1898 г.

1106 Ibid. F 111/93. Янгхазбенд — Керзону, Раджпутана, 9 августа 1898 г.

1107 *Nish I.* British Foreign Secretaries and Japan, 1892–1905. — In: *Mackercher B., Moss D.* (eds) Shadow and Substance in British Foreign Policy, 1895–1939. Edmonton: The University of Alberta Press, 1984. P. 60.

1108 BD. Vol. 2. P. 33. Джордан — Солсбери, Сеул, 1 мая 1900 г.; *Grenville J.* Op. cit. P. 401–402; *Nish I.* The Anglo-Japanese Alliance. The Diplomacy of Two Island Empires, 1894–1907. London: Athlone Press, 1966. P. 177–181; *Lowe P.* Britain in the Far East: A Survey from 1819 to the Present. London–New York: Longman, 1981. P. 64–81, etc.

1109 О восприятии «желтой угрозы» в Европе и России, особенно см.: *Schimmelpenninck van der Oye D.* Toward the Rising Sun. P. 82–103.

1110 PRO/WO/106/48/G 3. Уилсон — Кларку, Лондон, 12 марта 1903 г.

1111 *Остриков П.И.* Английская помощь Японии во время русско-японской войны 1904–1905 гг. // Курский государственный педагогический институт. Ученые записки. 1961. Т. XIII. С. 91–116.

1112 PRO/ADM/231/38/706. Итоговый протокол стратегической военной игры, Гринвич, октябрь 1903 г. С. 1–19.

1113 PRO/CAB/1/4/43. Меморандум Бальфура, Лондон, 22 декабря 1903 г.

1114 *Hauner M.* What is Asia to Us? P. 137.

1115 PRO/CAB/1/4/39. Меморандум Бальфура, Лондон, 29 декабря 1903 г.

1116 PRO/CAB/4/1/1/15b. Меморандум Бальфура, Лондон, 28 января 1904 г.

1117 PRO/FO/539/88. Нэпир — Скотту, Санкт-Петербург, 18 февраля 1904 г.

1118 PRO/CAB/2/1. Отчет о заседании Комитета имперской обороны, Лондон, 20 мая 1904 г.

1119 *Грудзинский В.В.* На повороте судьбы: Великая Британия и имперский федерализм (последняя треть XIX – первая четверть XX вв.). Челябинск: Челябинский государственный университет, 1996. С. 158.

1120 ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д.205. Л. 1–3. Записка Толстого, весна 1904 г.

1121 Подр. см.: *Sergeev E.* Russian Military Intelligence in the War with Japan. P. 147–148.

1122 PRO/FO/899/5/29. Проект депеши Ламздорфа — Гардингу, Лондон, 19 июля 1904 г.

1123 Ibid. Correspondence on the Hull incident, 28 October – 2 November 1904. Также см.: *Marriott J.* Anglo-Russian Relations. P. 158. Современную интерпретацию Гулльского инцидента см.: *Sergeev E.* Russian Military Intelligence in the War with Japan. P. 144–146.

1124 *Извольский А.П.* Воспоминания. С. 31.

1125 *Kalmykov A.* Op. cit. P. 25–26.

1126 *Skrine C., Nightingale P.* Op. cit. P. 142, 157.

1127 *Brett M.* (ed.) Op. cit. Vol. 2. P. 61. Эшер — Бретту, Лондон, 22 июля 1904 г.

1128 *Fairbank J.* (ed.) Op. cit. Vol. 2. P. 1415. Харт — Кэмпбеллу, Пекин, 6 июня 1904 г.

1129 IOLR/Mss Eur F 111/93. Извлечения из газет, май 1904 г.

1130 AVPRI, f. 147, op. 485, d. 932, ll. 45–8. Клемм — Гартвигу, Бомбей, 15 марта 1905 г. О британском восприятии «желтой угрозы» в период русско-японской войны см., напр.: *Holdich T.* England's Strength in Asia. London: Central Asian Society, 1905.

1131 PRO/FO/181/879. О'Коннор — Грей, Константинополь, 25 января 1906 г.

1132 PRO/CAB/4/2/70b. Меморандум экспертов Адмиралтейства, Лондон, 7 декабря 1905 г. О дискуссиях по поводу пролонгации договора также см.: PRO/CAB/17/67. Correspondence on the renewal of the Anglo-Japanese Alliance, 1905–1906. О стратегических целях Великобритании после русско-японской войны см.: PRO/FO/181/873. Гардинг — Грею, 26 марта 1906 г. О попытках русских агентов подкупить британских чиновников и перехвате ими дипломатической корреспонденции см.: PRO/FO/181/873. Гардинг — Спринг-Райсу (частное письмо), Лондон, 20 марта 1906. О задачах ново-

го англо-японского союза см.: *Nish I.* Great Britain, Japan and North-East Asia, 1905–1911. — In: *Hinsley F.* (ed.) British Foreign Policy under Sir Edward Grey. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. P. 362–367. Роль германского фактора в дальневосточной политике Великобритании раскрыт в исследовании: *Сергеев Е.Ю.* Политика Великобритании и Германии на Дальнем Востоке.

1133 *Nakami Tatsuo.* Op. cit. P. 529.

1134 Цит. по: *Towle P.* Op. cit. P. 116.

1135 *Sareen T.* India and the War. — In: *Kowner R.* (ed.) Op. cit. P. 245–246; *Lieven D.* Empire. P. 109.

1136 О безопасности Индии как «скрытой повестке дня» русско-британских дипломатических переговоров см.: IOLR/L/P&S/10/54. Записка Напира, Санкт-Петербург, 10 ноября 1904 г.; ibid. Mss Eur D 573/370/5. Обзор записки Китченера от 19 июля 1905 г., Симла, август 1905 г.; ibid. Mss Eur D 573/8. Минто — Морли, 12 июня 1906 г.; ibid. IOLR/L/P&S/A 166. Записка Дейна, Симла, 13 июля 1906 г.; PRO/CAB/17/60. Меморандум G.S.C., Лондон, 16 июля 1906 г.; IOLR/Mss Eur D 573/37a/3. Вопросы, требующие обсуждения Комитетом имперской обороны по распоряжению премьер-министра, Лондон, 10 января 1907 г.; *Collen E.* The Defence of India. London: Harrison and Sons, 1906. P. 23–32.

1137 *Williams B.* The Strategic Background to the Anglo-Russian Entente of August 1907 // The Historical Journal. 1966. Vol. 9. № 3. P. 363–364. О политике России в области железнодорожного строительства в Центральной Азии см.: *Towle P.* Op. cit. P. 114; *Улунян А.А.* Магистрализация пространства. С. 16–23. Для сравнения состояния железных дорог в Туркестане и Китае см.: *Kent P.* Railway Enterprise in China. An Account of its Origin and Development. London: E. Arnold, 1907, особенно, С. 90–95.

1138 РГВИА. Ф. 16532. Оп. 1. Д. 6. Л. 7–8. Ермолов — в Главный штаб, Лондон, январь 1905 г. О роли военной разведки в переориентации российской внешней политики в течение 1905–1907 гг. см.: *Шалина А.В.* Политика Великобритании в Средней Азии и на Дальнем Востоке в 1904–1906 гг.: от противостояния с Россией к англо-русской конвенции (по донесениям российских военных агентов. — В сб.: Проблемы всеобщей истории: события, люди, факты. М.: Московский государственный областной педагогический университет, 2000. С. 80–93; *Lieven D.* Empire. P. 109.

1139 *Macdonald D.* Tsushima's Echoes: Asian Defeat and Tsarist Foreign Policy. — In: *Steinberg J.* et al. (eds) Op. cit.Vol. 1. P. 562.

1140 PRO/WO/106/48/E 3/1. Меморандум Робертсона, Лондон, 17 января 1902 г. Подробный комментарий о демографической статистике Великобритании в рассматриваемый период содержится в работе: *Mellers W., Hildyard R.* The Cultural and Social Setting. — In: *Ford B.* (ed.) The Cambridge Cultural History of Britain. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. Vol. 8. P. 3–44.

1141 *Kennedy P.* Strategy and Diplomacy 1870–1945. P. 207.

1142 *Otte T.* 'Almost a Law of Nature?' Sir Edward Grey, the Foreign Office, and the Balance of Power in Europe, 1905–12. — In: *Goldstein E., Mackercher B.* (eds) Power and Stability. British Foreign Policy, 1865–1965. London – Portland, Or.: Cass, 2003. P. 79.

1143 *Eldridge C.* Victorian Imperialism. London, etc.: Hodder and Stoughton, 1978. P. 190.

1144 См.: *Kennedy P.* Strategy and Diplomacy. P. 13–39; 216–217.

1145 См., напр.: *Eldridge C.* Op. cit. P. 239. Подробное описание этого эпизода можно найти в книге: *Morris J.* Pax Britannica: The Climax of an Empire. London: Faber, 1968; *Bourne K.* The Foreign Policy of Victorian England, 1830–1902. Oxford: Clarendon Press, 1970; *Judd D.* The Victorian Empire. London: Weidenfield and Nicolson, 1970; *Porter B.* The Lion's Share: A Short History of British Imperialism, 1850–1970. London: Longmans, 1975; *Hyam R.* Britain's Imperial Century 1815–1914: A Study of Empire and Expansion. London: Batsford, 1976, etc.

1146 Цит. по: *Penson L.* The New Course in British Foreign Policy, 1892–1902. — In: *Christie I.* (ed.) Essays in Modern History. London, etc.: Macmillan; New York: St Martin's Press, 1968. P. 321–322. О политике Солсбери в отношении Османской империи на протяжении 1886–1897 гг. см.: *Wilson K.* Empire and Continent. Studies in British Foreign Policy from the 1880's to the First World War. London – New York: Mansell, 1987. P. 1–30.

1147 Цит. по: *Бондаревский Г.Л.* Указ. соч. С. 451.

1148 Альтернативный взгляд на окончание «блестящей изоляции» изложен в диссертации: *Каспарян К.В.* Российско-британские внешнеполитические отношения и династические связи (конец 30-х гг. XIX в. – начало XX в.). Автореф дисс... к.и.н. Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2006. С. 22.

1149 Цит. по: *Lord Ronaldshay.* The Life of Lord Curzon, Vol. 2. P. 117. Керзон — Гамильтону, 25 сентября 1901 г.

1150 См., напр.: PRO/WO/106/6218. The Strategic Aspect of the Western Frontiers of Russia. London: War Office, 1888; PRO/WO/106/6221. The Armed Strength of the Russian Empire. London: HMSO, 1893. Vol. 1-2; PRO/CAB/3/1/1a. Меморандум Альтхэма, Лондон, 12 августа 1901 г.; PRO/WO/106/48/E 3/2. Меморандум Альтхэма, Лондон, 15 августа 1901 г.; PRO/WO/106/48/E 3/1. Меморандум Робертсона, Лондон, 17 января 1902 г. О германской угрозе см.: PRO/CAB/1/6/20. Меморандумы Робертсона, Лондон, 7, 10 февраля 1903 г.

1151 PRO/CAB/4/1/1. Решение, принятое на заседании Комитета имперской обороны 11 февраля 1903 г., Лондон, 23 февраля 1903 г.

1152 *Korff S.* Op. cit. P. 39, 63; *Eliott J.* The Frontier. The Story of the North-West Frontier of India. London: Cassel, 1968. P. 48.

1153 *Ламздорф В.Н.* Дневник. 1891–1892. С. 105–106. Запись в дневнике, Санкт-Петербург, 6 мая 1891 г.

1154 *Stead W.* (ed.) Op. cit. Vol. 2. P. 231.

1155 *Kalmykov A.* Op. cit. P. 210–211.

1156 PRO/FO/899/5/25A. Проект соглашения с Россией. Лэнсдаун — Бенкендорфу, Лондон, 1 января 1904 г. О подробностях британских зондажей по азиатским проблемам см.: *Charmley J.* Splendid Isolation? Britain, the Balance of Power and the Origins of the First World War. London: Hodder and Stoughton, 1999. P. 331–395. Как позднее вспоминал Гардинг, потребовалось четыре года для неофициальных зондажей в сравнении с четырнадцатью месяцами официальных переговоров, см.: *Hardinge C.* Old Diplomacy. The Reminiscences of Lord Hardinge of Penshurst. London: J. Murray, 1947. P. 146.

1157 BDFA. Vol. 2. P. 424. Спринг-Райс — Сандерсону, Санкт-Петербург, 25 ноября 1903 г. Чтобы лучше понять колебания Николая II и императрицы Александры Федоровны в отношении Британии, следует иметь в виду эпизод династической дипломатии, мало известный широкой публике. Речь идет о том, что Александр II осуществлял с 1869 по 1881 г. переводы свободных денежных средств на открытый им секретный счет в Банке Англии. Общая сумма депозита достигла к 1900 г. колоссальной величины в 50 млн. фунтов стерлингов (500 млн. руб.), см.: *Вааль В.В.* Записки. 1900 г. Апрель–июнь. — В сб.: *Воропаев Н.Г. и др.* (сост.) Англо-бурская война 1899–1902 гг. По архивным материалам и воспоминаниям очевидцев. М.: Восточная литература, 2001. С. 47.

1158 РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 361. Л. 1–1об. Ламздорф — Куропаткину, Санкт-Петербург, 12 февраля 1904 г.

1159 ГАРФ. Ф. 543. Оп.1. Д. 108, л. 131–142об.

1160 BD. Vol. IV. P. 189.

1161 РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 361. Л. 105.

1162 *Hardinge C.* Op. cit. P. 108.

1163 Цит. по: *Остальцева А.Ф.* Указ. соч. С. 125.

1164 BD. Vol. IV. P. 208–209.

1165 *Churchill R.* Op. cit. P. 103.

1166 О массовых беспорядках и нарастающем хаосе в государствах Среднего Востока свидетельствуют, например, записки упоминавшегося выше редактора *Таймс* В. Чайрола, совершившего вместе с вице-королем Керзоном поездку по региону Персидского залива в конце 1903, см.: *Chirol V.* Fifty Years in a Changing World. 168–170.

1167 РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 361. Л. 23.

1168 Подр. см.: *Williams B.J.* The Strategic Background to the Anglo-Russian Entente of 1907. P. 360–373.

1169 *Searle G.R.* A New England? Peace and War 1886–1918. Oxford, 2004. P. 483; *Williams B.J.* The Strategic Background to the Anglo-Russian Entente of 1907. P. 367–368.

1170 BD. Vol. IV. P. 214.

1171 О сопоставлении качеств «викторианцев» и «эдвардианцев» в составе властной элиты Соединенного Королевства см.: *Neilson K.* Britain and the Last Tsar. British Policy and Russia 1894–1917. P. 47–50. О проблеме восприятия Великобритании представителями военной элиты России см.: *Сергеев Е.Ю.* Имперские военные элиты России и Великобритании в конце XIX – начале XX века: опыт сравнительного анализа. — Россия и Британия. Вып.4. Связи и взаимные представления XIX–XX века. М., 2006. С. 228–247.

1172 *Grey E.* Twenty Five Years. 1892–1916. London, 1925. Vol. 1. P. 4; *Trevelyan G.* Grey of Fallodon. The Life and Letters of Sir Edward Grey, Aftermath Viscount Grey of Fallodon. Boston, 1937. P. 94.

1173 *Robbins K.* Sir Edward Grey. A Biography of Lord Grey of Fallodon. London, 1971. P. 131.

1174 *Gwynn S.* (ed.). Op. cit. Vol. 2. P. 53–54.

1175 *Извольский А.П.* Воспоминания. М., 1989. С. 13.

1176 Там же. С. 177.

1177 BDFA. Part I. Ser. A. Russia, 1859–1914. Vol. 4. P. 96–97. Никольсон — Грею, Санкт-Петербург, 16 июня 1906 г.

1178 BD. Vol. IV. P. 255–265.

1179 РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6643. Л. 80–85. Напомним, что 22 декабря 1905 г. Япония и Китай заключили договор о взаимной обороне границ, содержавший секретные статьи антироссийской направленности, подр. см.: *Шалина А.В.* Указ. соч. С. 89.

1180 *Пашуканис С.* Указ. соч. С. 19–25.

1181 РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6926. Л. 85–99; там же. Л. 140–151. Также см.: *Рейснер И.* Указ. соч. С. 54–66.

1182 См.: *Marshall A.* The Russian General Staff and Asia, 1800–1917.

1183 *Котляр П.С.* Русско-афганские отношения в середине XIX – начале XX в. и англо-русское соперничество на Среднем Востоке // Ташкентский государственный педагогический институт им. Низами. Ученые записки. История. Ташкент, 1962. Вып. 2. Т. XXXIII. С. 221–223.

1184 Подр. см.: *Тер-Егизарова Р.М.* Туркестанское генерал-губернаторство и англо-русское соглашение 1907 г. // Ташкентский государственный университет. Научные труды. Вып. 343. Материалы по истории присоединения Средней Азии к России. Ташкент, 1969. Ч. 1. С. 93–99.

1185 *Nicolson H.* Sir Arthur Nicolson, Bart. First Lord Carnock. A Study in the Old Diplomacy. London, 1930. P. 206.

1186 *Williams B.* The Strategic Background to the Anglo-Russian Entente of August 1907. P. 367–368.

1187 *Grey E.* Op. cit. Vol. 1. P. 153.

1188 PRO/FO/371/371. Грей — Спринг-Райсу, Лондон, 16 июля 1907 г.

1189 Цит. по: *Остальцева А.Ф.* Указ. соч. С. 165.

1190 *Извольский А.П.* Указ. соч. С. 126; *Gwynn S.* (ed.) Op. cit. Vol. 2. P. 54; *Pares B.* My Russian Memoirs. London: J. Cape, 1931. P. 125; *Hughes M.* Bernard Pares, Russian Studies and the Promotion of Anglo-Russian Friendship. P. 514–515.

1191 Из работ последних лет по этому вопросу, см.: *Игнатьев А.В.* (ред.) История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века. М.: Международные отношения, 1997. С. 203–206, 213–215; *Neilson K.* Britain and the Last Tsar. P. 267–288; *Hughes M.* Diplomacy Before the Russian Revolution. Ch. 2.

1192 BD. Vol. 4. P. 272. Никольсон — Грею, Санкт-Петербург, 27 января 1907 г. (с комментариями Гардинга на полях сообщения).

1193 О переговорах по тибетскому вопросу в современной интерпретации см.: *Shaumian T.* Op. cit. P. 127–136.

1194 См.: BD. Vol. IV. P. 232–305; *Nicolson H.* Op. cit. P. 238–243; *Churchill R.* Op. cit. P. 107–176.

1195 *Grey E.* The Twenty Five Years. Vol. 1. P. 163–164. Грей — Никольсону, Лондон, 1 апреля 1907 г. Ход русско-японских переговоров можно проследить по сборнику: Документы, касающиеся заключения между Россией и Японией общеполитическое соглашение, 17/30 июля 1907. СПб.: В. Киршбаум, 1907.

1196 BD. Vol. 4. P. 239–240. Никольсон — Грею, Санкт-Петербург, 7 июня 1906 г.

1197 Цит. по: *Попов А.Л.* Россия и Тибет // Новый Восток. 1928. Кн. 20. С. 49.

1198 О тибетской проблеме в повестке дня русско-британских переговоров см.: PRO/FO/800/72. Correspondence on Tibet, 1906–1907; АВПРИ. Ф. 188. Оп. 461. Д. 402. Л. 222–226. Всеподданнейшая записка Извольского, Санкт-Петербург, 12 июня 1906 г.; ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–2об. Бенкендорф — Извольскому, 11 июля 1906 г.; *Попов А.Л.* Россия и Тибет. С. 33–54. Современные оценки можно найти в следующих работах: *Кулешов Н.С.* Россия и Тибет. М.: Восточная литература, 1992. С. 118–133; *Shaumian T.* Op. cit. P. 127–136; *Андреев А.И.* Тибет в политике царской, советской и постсоветской. С. 155–166.

1199 IOLR/L/PS/18/A 169. Минто — Морли, Калькутта, 12 июня 1906 г. Также см.: *Habberton W.* Op. cit. P. 68–81.

1200 IOLR/L/PS/18/A 165. Меморандум J.E.S., Симла, 10 июня 1907. О миссии Дейна см.: *Fryser-Tytler W.* Op. cit. P. 178–179.

1201 Вопрос об экономических интересах России и Британии в Персии отражен на страницах обзоров: АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 4141. Л. 213–223. Протоколы заседания Особого совещания, Санкт-Петербург, 27 июля 1907 г.; *Ягелло И.* Багдадская железная дорога // Сведения о странах, сопредельных с Туркестанским военным округом. 1906. Т. LXXXV. № 12. С. 9–10. О политическом положении в стране см.: РГИА. Ф. 560. Оп. 45. Д. 86. Л. 15–178. Переписка о деятельности казачьей бригады в Персии, 1906–1911 гг. О германской угрозе британским позициям на Среднем Востоке см.: PRO/CAB/4/1/1/45b, 67b, 77b. Меморандумы Генерального штаба, 1904–1906 гг.

1202 *Gwynn S.* (ed.) Op. cit. Vol. 1. P. 281. Спринг-Райс — Вилльеру, Тегеран, 27 июня 1899 г.

1203 Цит. по: *Maclean D.* Britain and Her Buffer State. P. 14.

1204 См.: *Калмыкова М.В.* Политика Великобритании в борьбе великих держав за нефтяные источники Ближнего и Среднего Востока в период с 1901 по 1920 гг. Автореф. дисс… к.и.н. Владимирский государственный педагогический университет, 2006; *Романова Е.В.* Путь к войне: развитие англо-германского конфликта, 1898–1914 гг. М.: Макс-Пресс, 2008. С. 86–100; *Улунян А.А.* «Центрально-Азиатская игра» российской бюрократии. С. 97–98. Общую оценку политики Персии см.: *Kazemzadeh F.* Russia and Britain in Persia. Ch. 7.

1205 Цит. по: *Рейснер И.* Указ. соч. С. 65. Также см.: *Walsh W.* Op. cit. P. 57–58.

1206 *Лунева Ю.В.* Черноморские проливы в англо-российских отношениях (1907–1914 гг.). Автореф. дисс… к.и.н. М.: ИВИ РАН, 2003. С. 20.

1207 АВПРИ. Ф. 130. 1906. Д. 97. Л. 272. Коковцов — Извольскому, Санкт-Петербург, 15 ноября 1906 г.

1208 См., напр.: *Авдеев В.Е.* Александр Петрович Извольский // Вопросы истории. 2008. № 5. С. 73.

1209 BD. Vol. 4. P. 296. Никольсон — Грею, Санкт-Петербург, 8 мая 1907 г.

1210 PRO/FO/800/241. Личная переписка Сандерсона и Спринг-Райса, 1907–1908 гг.; BD. Vol. 4. P. 475-480; 482-483; 491–493. Переписка Грея и Спринг-Райса по делам Персии, 1907 г.

1211 Ibid. P. 284–285. Никольсон — Грею, Санкт-Петербург, 26 марта 1907 (с вложением ноты Извольского Никольсону от 5 января 1907 г.). Интересно, что полковник К.-Г. Э. Маннергейм, который впоследствии возглавил независимую Финляндию, совершил последнюю разведывательную миссию в ходе *Большой Игры* из Ташкента через Синьцзян в Пекин в августе 1906 – июне 1908 г. Ее цель состояла в сборе информации о состоянии дел в тех провинциях Китая, где Россия имела особые политические и экономические интересы. Сведения, добытые Маннергеймом во время экспедиции, позволили царскому правительству согласовать сферы влияния на Дальнем Востоке с Японией, см.: *Маннергейм К.* Отчет об экспедиции в Китай, 1906–1908 гг. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, 1909. Т. LXXXI; *его же.* Мемуары. М.: Вагриус, 1999. С. 30–44. Также см.: *Кляшторный С.Г., Колесников А.А.* Восточный Туркестан глазами русских путешественников. С. 195–218; *Шкваров А.Г.* Генерал-лейтенант Маннергейм. Рожден для службы царской. СПб.: Русская военная энциклопедия, 2005. С. 206–240; *Йоффе Э.* Линии Маннергейма. Письма и документы. Тайны и открытия. СПб.: Звезда, 2005. С. 68–89.

1212 PRO/FO/899/6; *Aitchinson C.* (comp.) A Collection of Treaties, Engagements, and Sanads Relating to India and Neighboring Countries. Calcutta: Government of India Central Publication Branch, 1932. Vol. 13; Anglo-Russian Convention signed on August 31, 1907, between Great Britain and Russia, containing Arrangements on the Subject of Persia, Afghanistan, and Tibet (Russia No. 1). London: HMSO, 1908; BD. Vol. 4. P. 618–620. Русский перевод конвенции см.: *Зайончковский А.М.* Подготовка России к мировой войне в международном отношении. С. 350–354.

1213 BD. Vol. 4. P. 299–300. Никольсон — Грею, Санкт-Петербург, 20 августа 1907 г.

1214 Цит. по: *Nicolson H.* Op. cit. P. 257. Французские оценки Конвенции 1907 г. можно найти, напр., в работе: *Rouire A.* La rivalite Anglo-Russe aux XIXe siecle en Asie. P. 239–298.

1215 *Котляр П.С.* Указ соч. С. 211–212.

1216 *Hopkirk P.* On Secret Service East of Constantinople. P. 93.

1217 *Kazemzadeh F.* Russia and Britain in Persia. P. 410; *Nazem H.* Op. cit. P. 26.

1218 Цит. по: *Wright D.* The English amongst the Persians during the Qajar Period 1787–1921. London: Henemann, 1977. P. 30.

1219 *Kalmykov A.* Op. cit. P. 211.

1220 *The Times,* 2 September 1907.

1221 *The Spectator,* 28 September 1907.

1222 РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6933. Л. 143об. Поклевский-Козелл — Извольскому, Лондон, 2 октября 1907 г.

1223 IOLR/L/P&S/18/C 140. Меморандум (б/а) с оценкой англо-русской конвенции 1907 г., Лондон, 29 января 1908 г.

1224 BD. Vol. 4. P. 616. Грей — Никольсону, Лондон, 24 февраля 1908 г.

1225 *Dillon E.* Foreign Affairs // The Contemporary Review. 1907. Vol. XCII. № 503. P. 699.

1226 *Kennedy P.* The Realities behind Diplomacy. P. 127.

1227 *Calchas.* The Anglo-Russian Agreement // The Fortnightly Review. 1907. Vol. LXXXVIII. № 490. P. 545. О так называемой тевтонофобии в Англии см.: *Barker J.* The Anti-British Policy of Germany // The Nineteenth Century and After. 1907. № 367. P. 345–364.

1228 *Izvolsky A.* Au service de la Russie. T. 1. P. 325. Бенкендорф — Извольскому, Лондон, 7 июля 1906 г.

1229 *Gwynn S.* (ed.) Op. cit. Vol. 2. P. 100. Спринг-Райс — Гардингу, 23 апреля 1907 г. Также см.: *Hughes M.* Bernard Pares, Russian Studies and the Promotion of Anglo-Russian Friendship. P. 511–512; *Packer I.* Liberal Government and Politics, 1905–15. London: Palgrave, 2006. P. 33.

1230 Цит. по: History of the Times. Vol. 3. P. 503. Чайрол — Моррисону, Лондон, 2 сентября 1907 г.

1231 Цит. по: РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 977. Л. 174. Бенкендорф — Извольскому, Лондон, 26 мая 1908 г.

1232 См.: *Кертман Л.Е.* О политических разногласиях в Англии по вопросу сближения с царской Россией во время и после революции 1905–1907 гг. // Научные записки высшей школы. Исторические науки. 1961. № 1. С. 126.

1233 Цит. по: *Hughes M.* Bernard Pares, Russian Studies and the Promotion of Anglo-Russian Friendship. P. 516.

1234 *Vambery A.* The Anglo-Russian Convention // The Nineteenth Century and After. 1907. Vol. LXII. № 370. P. 903.

1235 Цит. по: *Greaves R.* Op. cit. P. 193. О восприятии Китченером конвенции см.: IOLR/Mss Eur D 573/37e. Мнение лорда Китченера, Калькутта, 21 октября 1907 г.

1236 PD. Ser. IV. Vol. 183. Col. 1309–1310. Этот отрывок из речи Керзона также цитируется в других работах, напр., см.: *Wynn A.* Op. cit. P. 163–164; *Gilmour D.* Op. cit. P. 377. Также см.: *Ward A., Gooch G.* (eds) Op. cit. Vol. 3. P. 362.

1237 *Maclean D.* Op. cit. P. 76.

1238 PD. Ser. IV. Vol. 183. Col. 1327–1328. Выступление Сандерсона приведено в книге: *Ward A., Gooch G.* (eds). Op. cit. Vol. 3. P. 363. Выступление Лэнсдауна в защиту конвенции можно найти в: PD. Ser. IV. Vol. 184. Col. 1340–1341. Оно также цитируется в книге: *Ward A., Gooch G.* (eds). Op. cit. Vol. 3. P. 362.

1239 PD. Ser. IV. Vol. 184. Col. 476–497. Дополнительные аргументы в защиту соглашения можно найти в: PD. Vol. 190. Col. 234–246. Речь Грея в Палате общин в связи с визитом Эдуарда VII в Россию, 4 июня 1908 г. Также см.: BD. Vol. 4. P. 616. Грей — Никольсону, Лондон, 24 февраля 1908 г.; *Grey E.* Speeches on Foreign Affairs 1904–1914. London: Allen and Unwin, 1931. P. 55–76; 91–104. О реакции в России на парламентские дебаты в Британии см.: РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 977. Л. 64–65. Бенкендорф — Извольскому, Лондон, 18 февраля 1908 г.

1240 См.: *Neilson K.* 'Control the Whirlwind'. Sir Edward Grey as Foreign Secretary, 1906–16. — In: *Otte T.* (ed.) The Makers of British Foreign Policy. P. 141.

1241 Цит. по: *Sumner B.* Op. cit. P. 42.

1242 BD. Vol. 5. P. 243–244. Меморандум Гардинга, Ревель, июнь 1908 г.

1243 Типичным примером в этом плане является следующая работа: *Siegel J.* Op. cit. P. 22.

1244 *Нотович Н.А.* Россия и Англия. Историко-политический этюд. СПб.: Государственная типография, 1907. С. 16. Один из отечественных историков полагает даже, что именно Нотович явился прототипом мастера российского шпионажа, изображенного Р. Киплингом в его бессмертном романе *Ким*, см.: *Улунян А.А.* «Центрально-Азиатская игра» российской бюрократии. С. 98.

1245 *Ковалевский М.* Начало русско-английского сближения // Вестник Европы. 1912. № 3. С. 264.

1246 BDFA. Vol. 5. P. 124. Военный атташе полковник Уиндмен — Никольсону, Санкт-Петербург, 21 марта 1908 г.

1247 Цит. по: *Тер-Егизарова Р.М.* Указ. соч. С. 97–98.

1248 *Rosen R.R.* Op. cit. Vol. 2. P. 48–49.

1249 Цит. по: *Kennedy A.* Op. cit. P. 163.

1250 *Bumme С.Ю.* Воспоминания. С. 434; *Churchill R.* Op. cit. P. 321.

1251 Цит. по: *Звавич А.И.* Русско-английские отношения в 1909–1914 гг. // Московский областной педагогический институт. Ученые записки. 1961. Т. 105. № 6. С. 78.

1252 См.: *Снесарев А.Е.* Англо-русское соглашение 1907 г. С. 23–25. Интересно, что скептическое мнение Снесарева не изменилось и по прошествии многих лет, см.: *его же.* Афганистан. М.: Государственное издательство, 1921. С. 242–244. Более объектив-

ное мнение Грулева, как уже отмечалось во введении, содержится в работе: *Грулев М.* Соперничество России и Англии в Средней Азии. С. 357–380.

1253 *Чичерин Г.В.* Россия и азиатские народы // Вестник НКИД. 1919. № 2. С. 96.

1254 *Зайончковский А.М.* Указ соч. С. 147–149.

1255 *Игнатьев А.В.* Русско-английские отношения накануне Первой мировой войны. С. 69.

1256 *Хидоятов Г.А.* Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. С. 429.

1257 *Terenzio P.-K.* La Rivalité Anglo-Russe en Perse et en Afghanistan jusqu'aux accords de 1907. Paris: Rousseau, 1947. P. 169.

1258 *Habberton W.* Op. cit. P. 81; *Klein I.* The Anglo-Russian Convention and the Problem of Central Asia, 1907–1914 // The Journal of British Studies. 1971. Vol. XI. № 1. P. 126–147; *Siegel J.* Op. cit. P. VII–VIII.

1259 См., напр.: *Beloff M.* Op. cit. P. 70; *Gillard D.* Op. cit. P. 177.

1260 BD. Vol. 4. P. 377. Гардинг — Грею, Лондон, 23 декабря 1905 г.

1261 Ibid. P. 182.

1262 *Otte T.* 'Almost a Law of Nature?' P. 94.

1263 *Towle P.* Op. cit. P. 115.

1264 *The Times,* 25 September 1907.

1265 *Trevelyan C.* Op. cit. P. 92. Также процитировано в статье: *Otte T.* Old Diplomacy: Reflections on the Foreign Office before 1914. P. 41.

1266 Цит. по: *Hughes M.* Bernard Pares, Russian Studies and the Promotion of Anglo-Russian Friendship. P. 532.

1267 *Klein I.* Op. cit. P. 147.

1268 Сравнение русского правления в Маньчжурии с британской администрацией Индии можно найти в книге: *Коростовец И.Я.* Россия на Дальнем Востоке. С. 125–126.

1269 Эту концепцию также поддерживает крупный немецкий историк, см.: *Geyer D.* Der Russische Imperialismus. Studien ueber den Zusammenhang von innerer und auswaertiger Politik 1860–1914. Goettingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1977. S. 247–8.

1270 Типичным примером является заметка в газете *Таймс оф Индия*: «День за днем наш контроль за Индией становится все более жестким, благодаря улучшению коммуникаций, более тесных отношений с народом и распространению европейского образования и западных идей. Мы вызываем бесчисленные благословения у туземцев, мы для них видимое Провидение, и они ежедневно убеждаются в правдивости этого факта». Цит. по: *Aberigh-Mackay A.* Op. cit. P. 75. О концепции «золотого века» британского правления в Индии см.: *Halliday A.* The Retention of India. P. 36–37. Анализ системы взимания налогов и выполнения различных повинностей населением Индии можно найти в работе: *Bruce R.* The Forward Policy and Its Results. P. 145.

1271 *Pearse H.* (ed.) Soldier and Traveler. Memoirs [chiefly in his own words] of Alexander Gardner, Colonel of Artillery in the Service of Maharaja Ranjit Singh, Edinburgh: W. Blackwood and Sons, 1898. P. 354. Согласно оценкам, основанным на архивных источниках, жертвами голода в *Радже* с 1876 по 1900 г. стали более 26 млн. чел., см.: *Ахмеджанов Г.А.* Российская империя в Центральной Азии. С. 27.

1272 *Снесарев А.Е.* Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе. С. 70, 132, 166–167; АРГО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 40. Л. 1–15. Рукопись Г. Грум-Гржимайло, 1934 г.

1273 АИВР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 120. Л. 15об.-16. Отчет Ливкина, Санкт-Петербург, 26 сентября 1899 г. См. также: Русские путешественники в Индии. С. 207–208.

1274 *А.Л. Попов* (сост.) Английская политика в Индии. Клемм — в МИД, Бомбей, 14 сентября 1905 г.

1275 См., напр.: *Carrere d'Encausse H.* Organizing and Colonizing the Conquered Territories. — In: *Allworth E.* (ed.) Central Asia. 120 Years of Russian Rule. Durham–London: Duke University, 1989. P. 151–171; *Rieber A.* Persistent Factors in Russian Foreign Policy: An Imperative Essay. — In: *Ragsdale H.* Imperial Russian Foreign Policy. New York: Woodrow

Wilson Center Press and Cambridge University Press, 1993. P. 315–359; *Becker S.* The Russian Conquest of Central Asia and Kazakhstan. P. 21–38.

1276 *The Times,* 28 November 1878. Цит. по: *Yetisgin M.* Op. cit. P. 295

1277 Цит. по: *Skrine F., Ross E.* Op. cit. P. 426.

1278 IOL/L/P&S/18/C 58. Записка Дюранда, Симла, 1 февраля 1888 г.

1279 См., напр.: *Крестовский В.* В гостях у эмира Бухарского. Путевой дневник // Русский вестник. 1884. Т. 171. № 2. С. 462–532; № 3. С. 113–154; № 5. С. 5–75; № 6. С. 608–659; № 7. С. 49–110; № 8. С. 479–559; *Curzon G.* A Visit to Bokhara, the Noble // The Fortnightly Review. 1889. Vol. 51. P. 122–143.

1280 *Скальковский К.* Внешняя политика России и положение иностранных держав. СПб: А. Суворин, 1897. С. 407.

1281 *Glatfelter R.* Russia, the Soviet Union, and the Chinese Eastern Railway. — In: *Davis A., Wilburn E.* (eds) Op. cit. P. 142.

1282 Цит. по: *Mackenzie D.* Turkestan's Significance to Russia. P. 179.

1283 Ibid. P. 178; *Бродовский М.* Колониальное значение наших среднеазиатских владений. М.: Д. Иноземцев, 1891. С. 3–5. О роли хлопка-сырца в экономических связях Центральной Азии с Россией см.: *Holdsworth M.* Op. cit. P. 18–19, 30; *Becker S.* Russia's Protectorates in Central Asia. P. 180–183; *Абдурахимова Н.А.* Указ. соч. С. 66–8.

1284 PRO/FO/405/45, 53. Correspondence respecting Trade with Chinese Turkestan, 1888–1889, 1890–1891; PRO/FO/405/67. Further Correspondence respecting Trade with Chinese Turkestan, 1895–1897; *Клейнборт Л.* Русский империализм в Азии. СПб: Знание, 1906. С. 44–45.

1285 *Ремнев А.В.* Россия Дальнего Востока. С. 449.

1286 *Логофет Д.Н.* Страна бесправия. С. 167–181.

1287 *Mackenzie D.* The Conquest and Administration of Turkestan, 1860–1885. P. 228; *Brower D.* Op. cit. P. 26–56; *Абдурахимова Н.А.* Указ. соч. С. 65–66.

1288 См.: *Chiming Hou.* Foreign Investment and Economic Development in China, 1840–1937. Cambridge, Ma.: Harvard University Press, 1965. P. 17; *Nazem H.* Op. cit. P. 173; *Абдурахимова Н.А.* Указ. соч. С. 76–77.

1289 *Петров А.* Как защищают свои интересы в Азии Англия и Россия. СПб.: А. Попов, 1910. С. 43.

1290 *Grey E.* Twenty-Five Years, vol. 1. P. 215. Hardinge to Grey on the visit of King Edward VII to the Tsar at Reval in June 1908, London, 12 July 1908.

1291 *Hughes M.* Bernard Pares, Russian Studies and the Promotion of Anglo-Russian Friendship. P. 520–521, 524–533; *Steiner Z., Neilson K.* Op. cit. P. 274.

1292 *Chamberlain A.* Politics from Inside. An Epistolary Chronicle 1906–1914. London, etc.: Cassel, 1936. P. 471.

1293 *Lockhart B.* British Agent. New York–London: Putnam's Sons, 1933. P. 64.

1294 О критическом отношении британской элиты к России в предвоенные годы см.: *Neilson K.* Wishful Thinking: The Foreign Office and Russia 1907–1917. P. 151–180. Как справедливо заметил автор, «Форин офис желала бы, чтобы российская политика стала более либеральной, тогда Россия рассматривалась бы как приемлемый союзник Британии; в то же время она (Россия. — *Е.С.*) надеялась, что английская политика не подвергнется дальнейшей либерализации, которая сделала бы Британию менее желательной для России в качестве партнера». См.: *ibid.* P. 156.

1295 PD. 4 Ser. Vol. 190. Col. 234–246.

1296 IOLR/Mss Eur D 573/37f. Морли — Минто, Лондон, 20 марта 1908 г.

1297 *Barker E.* The Triple Entente and the Triple Alliance // The Nineteenth Century and After. 1908. Vol. LXIII. № 377. P. 9.

1298 АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 284. Л. 2– 2об. Грей — О'Бейрну, Лондон, 30 августа 1909 г.

1299 BD. Vol. 5. App. III. Цит. по: *Sweet D., Langhorne R.* Op. cit. P. 242.

1300 *Kennedy P.* The Realities behind Diplomacy. P. 131.

1301 *Семенов Тян-Шаньский А.П.* Наши ближайшие задачи на Дальнем Востоке. СПб.: Санкт-Петербургские ведомости, 1908. P. 66.

1302 См.: *Pierce R.* Op. cit. P. 298.

1303 *М.Т. Кожекина.* Миссия генерала Н.С. Ермолова в Индию (1911 г.) // Восточный архив. 1999. № 2–3. С. 84.

1304 *Новое Время,* 13 (26) мая 1912 г.; *Пясковский А.В.* Революция 1905–1907 гг. в Туркестане. Автореф. дисс… д.и.н. М.: Институт истории АН СССР, 1956. С. 27; *Sweet D., Langhorne R.* Op. cit. P. 237–42; *Mackay A.* Op. cit. Vol. 3. P. 66; *Чиркин С.В.* Указ. соч. С. 246. Следует отметить, что С.Д. Сазонов, ставший преемником Извольского на посту министра иностранных дел, сообщил одному из членов британского Кабинета в 1912 г., что Афганистан остается опасным очагом панисламистской пропаганды, дестабилизирующей ситуацию на границах как Русского Туркестана, так и Британской Индии, см.: *Котляр П.С.* Указ. соч. С. 235. Что касается русско-японского сближения, то оно достигло кульминации в секретной конвенции о разделе сфер влияния в Китае, подписанной 3 июля 1916 г. См.: *Clyde P.* Op. cit. P. 147; *Yakhontoff V.* Russia and the Soviet Union in the Far East. New York: Coward-Maccann, 1931. P. 65, 376–381.

1305 См.: РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 980. Л. 20–22. Рапорт офицеров штаба Туркестанского военного округа, Ташкент, 7 августа 1907 г.; IOLR/L&PS/10/16. Правила посещения британскими офицерами Средней Азии, Санкт-Петербург, 8 сентября 1908 г.

1306 О стереотипах в сознании российских консерваторов см.: *Зиновьев И.* Россия, Англия и Персия. СПб.: А. Суворин, 1912; *Скиф.* Персидский вопрос. Англо-русское соглашение, его основные принципы и цели и пятилетние итоги. М.: А. Стрельцов, 1912.

1307 Напр., см.: *Klein I.* Op. cit. P. 141; *James L.* Op. cit. P. 338; *Wynn A.* Op. cit. P. 164.

1308 См., напр.: *Кожекина М.Т.* Поездка П.П. Атаева в Индию (1906–1908). Из истории российской разведки в Азии // Восточный архив. 2002. № 8–9. С. 68–79.

1309 *Логофет Д.Н.* Бухарское ханство под русским протекторатом. СПб.: В. Березовский, 1911. Т. 2. С. 225; *Полинов И.Г.* Происки английских и японских империалистов в Синьцзяне // Труды Института востоковедения АН Узбекской ССР. 1954. Т 2. С. 83–84; *Винокур А.В.* От конфронтации к согласованному курсу. Политика Великобритании и России в Иране (1900–1914). Автореф. дисс… к.и.н. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2004. С. 19; *James L.* Op. cit. P. 338.

1310 Цит. по: *Кожекина М.Т.* Миссия генерала Н.С. Ермолова в Индию (1911 г.). С. 83. Подр. о миссии Ермолова см.: РГВИА. Ф. 16352. Оп. 1. Д. 68. Л. 1–9.

1311 PRO/FO/535/15. Меморандум Крю, Лондон, 12 июля 1912 г. Также см.: *Берлин Л.* Англия и Тибет // Новый Восток. 1922. Т. 2. С. 362–363.

1312 BD. Vol. 10. Part. 2. P. 775–776. Грей — Бьюкенену, Лондон, 18 марта 1914 г.; PRO/FO 371/2073/22510. Меморандум Кларка, Лондон, 23 июля 1914 г.; *Otte T.* Old Diplomacy. P. 42.

1313 PRO/FO 800/373. Никольсон — Бьюкенену, Лондон, 7 апреля 1914 г.

1314 *Macdonald D.* Tsushima's Echoes: Asian Defeat and Tsarist Foreign Policy. P. 559–560, 562.

1315 BD, vol. 10, pt. 2, pp. 780–2. Бьюкенен — Грею, Санкт-Петербург, 3 апреля 1914 г. Современные трактовки политики Грея накануне Первой мировой войны можно найти в работах: *Жданов Ю.В.* Дипломатия Э. Грея и основные направления внешней политики Великобритании в 1905–1916 гг. автореф. дисс… к.и.н. Л.: Ленинградский государственный университет, 1986; *Плеханов А.Е.* Англо-русские политические отношения в 1907–1914 гг. Автореф. дисс… к.и.н. Владимир: Владимирский государственный педагогический университет, 2006; *Лунева Ю.В.* Лорд Эдуард Грей — мастер английской тайной дипломатии начала XX в. // Новая и новейшая история. 2009. № 5. С. 182–200.

1316 Напр., см.: ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 791. Л. 1–6. Меморандум Форин офис, Лондон, 12 марта 1915 г.; IOLR/L/L&S/18/A 172. Меморандум Макартни, Лондон, 23 августа

1915 г.; IOLR/L/L&S/18/C 142. Меморандум Политического департамента министерства по делам Индии, Лондон, 1915; IOLR/L/L&S/18/C 163. Извлечение из секретной записки правительства Индии, Нью-Дели, 29 сентября 1916 г.; *Котляр П.С.* Указ. соч. С 235–237.

1317 *Lobanov-Rostovsky A.* Op. cit. P. 255–256. Цит. по: *Ремнев А.В.* «Как обустроить» Россию. Геополитические прогнозы бывшего министра Куропаткина // Родина, 2004. № 9. С. 32–34.

1318 См.: *Тихонов Ю.Н.* Новый источник по истории «Большой Игры» в Афганистане в период двух мировых войн // Восточный архив. 2005. № 13. С. 102–111.

1319 О германской активности на Среднем Востоке в годы Первой мировой войны см.: *Hopkirk P.* On Secret Service East of Constantinople. P.105–121.

1320 *Idem.* The Great Game. P. 522. Подробнее о развитии союзнических отношений в годы войны см.: *Neilson K.* Strategy and Supply: The Anglo-Russian Alliance, 1914–17. London, etc.: Allen and Unwin, 1984.

1321 *Guralnik D.* (ed.) Webster's New World Dictionary. Oxford, etc.: Oxford and IBH Publishing, 1974. P. 397.

1322 *Weale A.* Secret Warfare. Special Operations' Forces from the Great Game to the SAS. London: Hodder and Stoughton, 1997. P. XI.

1323 См.: *Davis L., Huttenback R.* Op. cit. P. 212–213.

1324 См.: *Vambery A.* Western Culture in Eastern Lands. A Comparison of the Methods Adopted by England and Russia in the Middle East. London: Murray, 1906. P. 35–46; 58–66; 117–127; 131–260. Впрочем, научная значимость сравнительного анализа в этой работе существенно снижается из-за явно критического настроя автора в отношении результатов русского управления Туркестаном, с одной стороны, и открытой апологетики британского правления в Индии, с другой.

1325 Об особенностях британского империализма в XIX в. см.: *Mackenzie J.* Propaganda and Empire. The Manipulation of British Public Opinion, 1880–1960. Manchester: Manchester University Press, 1985; *Macdonald R.* The Language of Empire. Myths and Metaphors of Popular Imperialism, 1880–1918. Manchester and New York: Manchester University Press, 1994; *Brown J., Louis W.* (eds) The Oxford History of the British Empire. Oxford: Oxford University press, 1999. Vol. 3; *Hyam R.* The Primacy of Geopolitics: The Dynamics of British Imperial Policy, 1763–1963. — In: *King R., Kilson R.* (eds) The Statecraft of British Imperialism. Essays in Honour of Roger Louis. London-Portland, Or.: Cass, 1999. P. 27–52; *Гелла Т.Н.* Либерализм и «новый империализм» в Великобритании в 80-х – 90-х гг. XIX в. // Новая и новейшая история. 2001. № 2. С. 52–65; *Armitage D.* The Ideological Origins of the British Empire. Cambridge: Cambridge University Press, 2002; *Johnson R.* British Imperialism, Houndmills, Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2003; *Степанов И.В.* Идеология и практика британского милитаризма в конце XIX – начале XX вв. Автореф. дисс… к.и.н. Самара: Самарский государственный университет, 2006; *Levine P.* The British Empire: Sunrise to Sunset, London, etc.: Longman, 2007. О российском империализме, см.: *Geyer D.* Op. cit.; *Lieven D.* Op. cit., etc.

1326 *Зашихин А.Н.* «Глядя из Лондона». С. 97.

1327 См.: *Pethybridge R.* Op. cit. P. 352–353.

1328 Ibid. P. 355.

1329 Напр., см.: *Waldron P.* Op. cit. P. 107–108.

1330 Цит. по: IOLR/L/P&S/18/C 106. Меморандум Ли-Уорнера, Симла, 6 ноября 1902 г. Специальным исследованием влияния границ на менталитет этносов является работа: *Игнатьев Р.Н.* Влияние политических границ на этническое самосознание. Автореф. дисс… к.и.н. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2002.

1331 *Gillard D.* Op. cit. P. 2.

1332 *Sahadeo J.* Russian Colonial Society in Tashkent, 1865–1923. Bloomington-Indianopolis: Indiana University Press, 2007. P. 69.

1333 О дискуссии в российской историографии см.: *Мартиросов С.З.* Указ. соч. С. 19; *Рожкова М.К.* Указ. соч. С. 135; *Басин В.Я., Несипбаева К.Р.* Внешняя торговля России со странами Востока на рубеже XIX–XX вв. — В сб.: Из истории международных отношений в Центральной Азии (средние века и новое время) / ред. Г.М. Исхаков. Алма-Ата: Гылым, 1990. С. 176–183; *Егоренко О.А.* Бухарский эмират в период протектората России (1868–1920 гг.). История проблемы. Автореф. дисс… к.и.н. М.: Российский государственный университет туризма, 2008. С. 20.

1334 *Rhodes J.* Rosebery. A Biography of Archibald Philip, Fifth Earl of Rosebery. London: Weidenfeld and Nicolson, 1963. P. 192.

1335 Напр., ср.: *Халфин Н.А.* Политика России в Средней Азии и англо-русское соперничество (1857–1876). С. 40; *Gillard D.* Op. cit. P. 179.

1336 Именно генерал-майор Л.Н. Соболев впервые использовал эту метафору в одной из своих статей, опубликованных на страницах газеты *Русь* в декабре 1884 г. См.: *Kazemzadeh F.* Russia and the Middle East. P. 495–496.

Список источников и литературы

Архивные материалы

Архивные фонды РФ

Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ)
Ф. 133. Канцелярия министра иностранных дел
Ф. 137. Отчеты Министерства иностранных дел
Ф. 138. Секретный архив министра иностранных дел
Ф. 143. Китайский стол
Ф. 144. Персидский стол
Ф. 147. Среднеазиатский стол
Ф. 154. Азиатский департамент
Ф. 184. Посольство в Лондоне
Ф. 188. Миссия в Пекине

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)
Ф. 559. Извольский А.П.
Ф. 568. Ламздорф В.Н.
Ф. 601. Николай II
Ф. 677. Александр III
Ф. 678. Александр II
Ф. 730. Игнатьев Н.П.

Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ)
Ф. 32. Алексеев Е.И.
Ф. 410. Канцелярия Морского министерства
Ф. 417. Главный Морской штаб
Ф. 418. Морской Генеральный штаб

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)
Ф. 76. Косоговский В.А.
Ф. 165. Куропаткин А.Н.

Ф. 400. Азиатская часть Главного штаба
Ф. 401. Военно-Ученый комитет Главного штаба
Ф. 431. Коллекция «Великобритания»
Ф. 447. Коллекция «Китай»
Ф. 448. Коллекция «Корея»
Ф. 451. Коллекция «Япония»
Ф. 483. Военные действия в Средней Азии
Ф. 846. Коллекция Военно-Ученого архива (ВУА)
Ф. 970. Военно-походная канцелярия Е. И. В.
Ф. 1396. Штаб Туркестанского военного округа
Ф. 2000. Главное управление Генерального штаба (ГУГШ)

Российский государственный исторический архив (РГИА)
Ф. 560. Общая канцелярия министра финансов
Ф. 853. Григорьев В.В.
Ф. 932. Дондуков-Корсаков А.М.
Ф. 948. Казнаковы
Ф. 954. Кауфманы
Ф. 1622. Витте С.Ю.

Архив Института Восточных рукописей РАН (АИВР РАН)
Ф. 115. Снесарев А.Е.

Архив Русского географического общества (АРГО)
Ф. 13. Пржевальский Н.М.
Ф. 18. Козлов П.К.
Ф. 32. Грумм-Гржимайло Г.Е.
Ф. 45. Громбчевский Б.Л.

Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ)
Ф. 208. Черняев М.Г.
Ф. 307. Гродеков Н.И.

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ)
Ф. 169. Милютины
Ф. 363. Венюков М.И.

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ)
Ф. 856. Шестаков И.А.

Архивные фонды Туркмении и Узбекистана[1]

Центральный государственный архив Республики Туркмения (ЦГА РТ)
Ф. 1. Канцелярия Начальника Закаспийской области

Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУЗ)
Ф. 1. Канцелярия Туркестанского генерал-губернатора
Ф. 715. Подготовительные материалы к сборнику документов «Туркестанский край» (сост. А.Г. Серебренников)

Государственная публичная библиотека Республики Узбекистан
Ф. Туркестанский сборник (тт. 1–600) (сост. В.И. Межов, А.А. Семенов)

Архивные фонды Соединенного Королевства (Великобритания)

National Archives of the United Kingdom – Public Record Office (Kew) (PRO)
Admiralty (ADM)
ADM 231. Naval Intelligence Department Reports

Cabinet Office (CAB)
CAB 1. Miscellaneous Records, 1866–1949
CAB 2. Committee of Imperial Defence (CID). Meetings and Minutes
CAB 3. CID. Memoranda (A Series)
CAB 4. CID. Memoranda (B Series)
CAB 6. CID. Memoranda (D Series)
CAB 8. Colonial Defence Committee
CAB 17. CID. Miscellaneous Records

Foreign Office (FO)
FO 17. China
FO 65. Russia
FO 106. General Correspondence: Central Asia, Afghanistan, India
FO 181. Embassy and Consular, General Correspondence
FO 405. China and Taiwan: Confidential Printing
FO 410. Japan: Confidential Printing
FO 418. Russia and the Soviet Union: Confidential Printing
FO 535. Tibet and Mongolia: Confidential Printing
FO 539. Central Asia: Confidential Printing
FO 800. Foreign Office Private Offices: Various Ministers' and Officials' Papers
FO 899. Cabinet Papers: Memoranda and Press Summaries

[1] Отдельные документы из этих фондов приводятся по их публикациям в сборниках или трудах историков.

War Office (WO)
WO 30. Miscellaneous Papers
WO 33. Reports, Memoranda and Papers
WO 106. Directorate of Military Operations and Military Intelligence, and Predecessors: Correspondence and Papers
WO 110. W.H. Smith Papers

British Library (BL)
Indian Office Library and Records (IOLR)

Military (MIL)
MIL 5. Compilations and Miscellaneous
MIL 7. Military Collections
MIL 17. Military Department Library

Political and Secret (PS)
PS 5. Secret Letters Received from Bengal and India
PS 7. Abstracts of Political and Secret Letters from India
PS 10. Political and Secret Subject Files
PS 18. Political and Secret Memoranda
PS 20. A. Political and Secret Library Collections, 1800–1947. Russia, China, Turkistan, Central Asia

Manuscript Division (MD)
The Balfour Papers (Add. 49683–49962)
The Gladstone Papers (Add. 44086–44835)

Private Papers (Mss. Eur)
B 380. Earl of Mayo – Duke of Argyll Correspondence
C 144. Northbrook Collection
D 558. Lansdowne Collection
D 573. John Morley Papers
E 218. Lytton Papers
F 86. Temple Collection
F. 90. John Lawrence Collection
F 111–112. Curzon Collection
F 123, C 125–126. Hamilton Collection
F 132. Lyall Collection

Microfilms
Reels (Rs) 311–325. Argyll Papers
Rs 490–535. Dufferin Papers
Rs 794, 944–945. Hartington Papers
Rs 805–822. Salisbury Papers

Сборники и публикации официальных документов

Английская политика в Индии и русско-индийские отношения в 1897–1905 гг. / сост. А.Л. Попов // Красный архив. 1926. № 6 (19). С. 53–63.

Англо-русская конвенция 1907 г. и раздел Афганистана / сост. И. Рейснер // Красный архив, 1925. №. 3 (10). С. 54–66.

Англо-русское соглашение о разделе Китая 1899 г. / сост. А.Л. Попов // Красный архив. 1927. № 6 (25). С. 111–134.

Англо-русское соперничество в Персии в 1890–1906 гг. / сост. А.Л. Попов // Красный архив. 1933. № 1(56). С. 33–64.

«Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии. Сборник архивных документов / сост. Т.Н. Загородникова. М.: Институт востоковедения РАН, 2005.

Задачи Англии на Востоке. Донесения русского военного атташе в Лондоне Н.С. Ермолова, 1902 г. / сост. Е.Ю. Сергеев // Исторический архив. 1995. № 1. С. 168–174.

Материалы для описания Хивинского похода 1873 г. / ред. В.Н. Троцкий. Ташкент: Штаб Туркестанского военного округа, 1881–1882. Ч. 1–2.

Материалы по истории туркмен и Туркмении. Иранские, бухарские и хивинские источники XVI–XIX вв. / ред. В.В. Струве и др. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. 2.

Первые шаги русского империализма на Дальнем Востоке / сост. А.Л. Попов // Красный архив, 1932. №. 3 (52). С. 34–124.

Присоединение Туркмении к России. Сборник документов / ред. А. Ильясов. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1960.

Россия. Военное министерство. Россия и Великобритания в Центральной Азии. Ташкент: Штаб Туркестанского военного округа, 1908.

Россия. Военное министерство. Генеральный штаб. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии / ред. А.Е. Снесарев. СПб: Военная типография, 1883–1914. Вып. 1–87.

Россия. Военное министерство. Туркестанский военный округ. Сведения, касающиеся стран, сопредельных с Туркестанским военным округом / сост. М. Грулев, А. Снесарев, Г. Ярило. Ташкент: Штаб Туркестанского военного округа, 1898–1906. Вып. 1–85.

Россия. Военное министерство. Туркестанский военный округ. Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания / сост. А.Г. Серебренников. Ташкент: Штаб Туркестанского военного округа, 1914–1915. Т. 17. Ч. 1–2; Т. 19. Ч. 1; Т. 20. Ч. 2; Т. 21. Ч. 1; Т. 22. Ч. 2.

Россия. Министерство иностранных дел. Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией 1872–1885. СПб., 1886.

Россия. Министерство иностранных дел. Документы, касающиеся заключения между Россией и Японией общеполитического соглашения 17 (30) июля 1907. СПб., 1907.

Россия. Министерство торговли и промышленности. Департамент таможенных сборов. Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границам. СПб., 1857–1907.

Русско-индийские отношения в XIX в. Сборник архивных документов и материалов / отв. ред. П.М. Шаститко. М.: Восточная литература, 1997.

Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925) / сост. Е.Д. Гримм. М.: Институт востоковедения, 1927.

Царская дипломатия о задачах России на Дальнем Востоке / сост. А.Л. Попов // Красный архив. 1926. Т. 5 (18). С. 3–29.

Aitchinson C. (comp.) A Collection of Treaties, Engagements, and Sanads Relating to India and Neighboring Countries. Calcutta: Government of India Central Publication Branch, 1929–1933. Vol. 1–14.

Gooch G., Temperley H. (eds) British Documents on the Origins of the War 1898–1914. London: His Majesty's Stationery Office, 1929. Vol. I–V, VIII, X.

Great Britain. War Office. Memorandum on the Military Forces in the United Kingdom. London: HMSO, 1907.

Lansdowne H. Correspondence with Secretary of State for India, 1888–1894. Calcutta: Indian Government Office, 1894. Vol. 1–5.

Lieven D. (ed.) British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print. Russia, 1859–1914. Washington: University Press of America, 1983–1989. Part I. Ser. A. Vol. 1, 2, 4, 5.

Rezvan E. (comp.) Russian Ships in the Gulf 1899–1903. Reading: Ithaca Press, 1993.

Russian Advance in Asia, 1873. London: War Office, 1873.

Парламентские материалы (Parliamentary Papers)[2]*

Extracts of Correspondence relating to the Mission of Mr. Douglas Forsyth to Yarkand. London: Her (His) Majesty's Stationary Office (HMSO), 1871.

Correspondence with Russia respecting Central Asia (Oct. 1872 – Jan. 1873). London: HMSO, 1873.

Further Correspondence (Mar. 1869 – Febr. 1873) (Central Asia No. 2). London: HMSO, 1873.

Correspondence respecting Central Asia (Russia No. 2). London: HMSO, 1874.

Correspondence respecting Central Asia (Central Asia No. 1). London: HMSO, 1878.

Correspondence respecting the Relations between the British Government and that of Afghanistan, since the Accession of Ameer Sher Ali Khan (1863–1878). London: HMSO, 1878.

Further Correspondence respecting Central Asia (Sept. – Nov. 1878) (Central Asia No. 2). London: HMSO, 1878.

Further Papers relating to the Affairs of Afghanistan (Afghanistan No. 2). London: HMSO, 1878.

2 Материалы расположены в хронологической последовательности.

Further Correspondence (Dec. 1878 – Jan. 1879). (Central Asia No. 1). London: HMSO, 1879.
Further Papers relating to the Affairs of Afghanistan (Afghanistan No. 3). London: HMSO, 1879.
Correspondence relating to the Affairs of Afghanistan (Afghanistan No. 1). London: HMSO, 1880.
Further Correspondence respecting Affairs in Central Asia, 1879 (Central Asia No. 1). London: HMSO, 1880.
Correspondence respecting Affairs in Central Asia (Central Asia No. 1). London: HMSO, 1881.
Further Dispatch respecting Affairs in Central Asia (Central Asia No. 2). London: HMSO, 1881.
Further Correspondence (Dec. 1879 – Mar. 1881) (Central Asia No. 3). London: HMSO, 1881.
Further Correspondence (Mar. – Oct. 1881) (Central Asia No. 4). London: HMSO, 1881.
Correspondence respecting Affairs in Central Asia (Central Asia No. 1). London: HMSO, 1882.
Correspondence respecting the Affairs of Asia (Central Asia No. 1). London: HMSO, 1884.
Telegram from Lieutenant-General Sir Peter Lumsden relative to the Fight between the Russians and the Afghans at Ak Tepe (Central Asia No. 1). London: HMSO, 1885.
Further Correspondence respecting Central Asia (Central Asia No. 2). London: HMSO, 1885.
Maps (Central Asia No. 3). London: HMSO, 1885.
Further Correspondence respecting Central Asia (Central Asia No. 4). London: HMSO, 1885.
Correspondence respecting the Affairs of Central Asia (Central Asia No. 1). London: HMSO, 1887.
Further Correspondence (Central Asia No. 2). London: HMSO, 1887.
Further Correspondence (Central Asia No 1). London: HMSO, 1888.
Further Correspondence (Central Asia No. 2). London: HMSO, 1888.
Correspondence in regard to the Pamir Frontier, 1890–1891. London: HMSO, 1891.
Correspondence relating to Chitral. London: HMSO, 1895.
Pamirs: Agreement between the Government of Great Britain and Russia with regard to the Spheres of Influence of the Two Countries in the Region of the Pamirs (Treaty Ser. No. 8). London: HMSO, 1895.
Correspondence relating to the Occupation of Chitral. London: HMSO, 1896.
Papers regarding British Relations with the Neighboring Tribes on the North-West Frontier of India and the Military Operations undertaken against them during the Year 1897–1898. London: HMSO, 1898, 2 vols.
Correspondence between Her Majesty's Government and the Russian Government with regard to their Respective Interests in China (China No. 2). London: HMSO, 1899.
Correspondence respecting the Insurrection Movement in China (China No. 3). London: HMSO, 1900.

Dispatches from His Majesty's Ambassador at St Petersburg respecting the Russo-Chinese Agreement as to Manchuria (China No. 2). London: HMSO, 1901.
Correspondence respecting the Imperial Railways of North China (China No. 7). London: HMSO, 1901.
Correspondence respecting the Russian Occupation of Manchuria and Newchuang (China No. 2). London: HMSO, 1904.
Papers relating to Tibet. London: HMSO, 1904.
Further Papers relating to Tibet. London: HMSO, 1904.
Convention between the United Kingdom and China respecting Tibet, signed at Peking, April 27, 1906 (Treaty Ser. No. 9). London: HMSO, 1906.
Anglo-Russian Convention signed on August 31, 1907, between Great Britain and Russia, containing Arrangements on the Subject of Persia, Afghanistan, and Tibet (Russia No. 1). London: HMSO, 1908.
The Hansard Parliamentary Debates (PD). London: C. Buck, 1908. Ser. III. Vol. 71. Ser. IV. Vols. 183–185, 190.

Мемуары, дневники, отчеты, путевые заметки и эпистолярные материалы

Алиханов-Аварский М.В. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Я. Либерман, 1898.
Англо-бурская война 1899–1902 гг. / сост. Н.Г. Воропаева, Р.Р. Вяткина, Г.В. Шубин. М.: Восточная литература, 2001.
Бабков И.Ф. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири, 1859–1875 гг. (разграничение с Западным Китаем 1869 г.). СПб.: В. Киршбаум, 1912.
Бларамберг И.Ф. Воспоминания. М.: Наука, 1978.
Богданов Р.К. Воспоминания амурского казака о прошлом, с 1849 по 1880 г. // Приамурские ведомости. 1900. № 340–344, 348–349.
Валиханов Ч.Ч. О состоянии Алтышара или шести восточных городов китайской провинции Нан-лу (Малой Бухарии) в 1858–1859 гг. — Собр. соч. Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1962. Т. 2.
Витте С.Ю. Воспоминания. Берлин: Слово, 1922. Т. 1–3.
Венюков М.И. Из воспоминаний. Амстердам: б/изд., 1895–1901. Кн. 1–3.
Вонлярлярский В.М. Мои воспоминания 1852–1939 гг. Берлин: Русское национальное издательство, 1939.
Гродеков Н.И. Через Афганистан. Путевые записки. СПб.: Новое время, 1880.
Громбчевский Б.Л. Отчет о поездке в Кашгар и Южную Кашгарию в 1885 г. Новый Маргелан: Штаб Туркестанского военного округа, 1886.
Дионео. Очерки современной Англии. СПб.: Русское богатство. 1903.
Дионео. Английские силуэты. СПб.: Русское богатство, 1905.
Доржиев А. «Предание о кругосветном путешествии» или повествование о жизни Агвана Доржиева. Улан-Удэ: Бурятский институт общественных наук СО РАН, 1994.

Доржиев А. Занимательные заметки. Описание путешествия вокруг света. М.: Восточная литература, 2003.

За кулисами царизма (архив тибетского врача Бадмаева) / ред.-сост. В.П. Семенников. Ленинград: Государственное издательство, 1925.

Залесов Н.Г. Записки / сост. Н.Н. Длусская // Русская старина. 1903. Т. 115. С. 21–37; 321–340.

Зеланд Н.Л. Кашгария и перевалы Тянь-Шаня. Путевые заметки. Омск: Штаб Сибирского военного округа, 1887.

Игнатьев Н.П. Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г. флигель-адъютанта полковника Н. Игнатьева. СПб.: Государственная типография, 1897.

Из тегеранского дневника полковника В.А. Косоговского / сост. Г.М. Петров. М.: Восточная литература, 1960.

Извольский А.П. Воспоминания. М.: Международные отношения, 1989.

Каульбарс А.В. Заметки о Кульджинском крае // Материалы для статистики Туркестанского края. СПб.: К. Трубников, 1874. Вып. III. С. 115–149.

Кляшторный С.Г., Колесников А.А. Восточный Туркестан глазами русских путешественников (вторая половина XIX века). Алма-Ата: АН Казахской ССР, 1988.

Кляшторный С.Г., Колесников А.А., Басханов М.К. Восточный Туркестан глазами европейских путешественников. Алма-Ата: Гылым, 1991.

Козлов П.К. Тибет и Далай Лама. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2004.

Корнилов Л.Г. Кашгария или Восточный Туркестан. Опыт военно-статистического описания. Ташкент: Штаб Туркестанского военного округа, 1903.

Коростовец И.Я. Страница из истории русской дипломатии. Русско-японские переговоры в Портсмуте в 1905 г. Дневник И.Я. Коростовца, секретаря графа Витте. Пекин: Типография Российской Духовной миссии, 1923.

Косоговский В.А. Персия в конце XIX в. (дневник генерала Косоговского) // Новый Восток. 1923. Кн. 3. С. 446–469.

Косоговский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 390–402.

Крестовкий В. В гостях у эмира Бухарского. Путевой дневник // Русский вестник. 1884. Т. CLXIX. № 2. С. 469–532; Т. CLXX. № 3. С. 113–154; Т. CLXXI. № 5. С. 5–75, № 6. С. 608–659; Т. CLXXII. № 7. С. 49–110, № 8. С. 478–559.

Куропаткин А.Н. Всеподданнейший отчет о поездке в Тегеран в 1895 г. СПб.: Штаб Петербургского военного округа, 1895.

Ламздорф В.Н. Дневник, 1886–1890. М.: Госиздат, 1926.

Ламздорф В.Н. Дневник, 1891–1892. М.: Академия, 1934.

Ламздорф В.Н. Дневник, 1894–1896. М.: Международные отношения, 1991.

Линии Маннергейма. Письма и документы. Тайны и открытия / сост. Э. Йоффе. СПб.: Звезда, 2005.

Логофет Д.Н. По Каспийскому морю и персидской границе. Путевые очерки по Средней Азии. СПб.: Главное управление уделов, 1903.

Логофет Д.Н. На границах Средней Азии. Путевые очерки. СПб.: В. Березовский, 1909. Кн. 1–3.

Маннергейм К.Г.Э. Предварительный отчет о поездке, предпринятой по Высочайшему повелению через Восточный Туркестан и северные провинции Китая в г. Пекин в 1906–1907 и 1908 гг. // Россия. Военное министерство. Главное управление Генерального штаба. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб.: Военная типография, 1909. Вып. 81. С. 1–173.

Маннергейм К.Г.Э. Мемуары. М.: Вагриус, 1999.

Марков Е.Л. Россия в Средней Азии. Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге. СПб.: Вольф, 1901. Т. 1–2.

Матвеев. Поездка Генерального штаба полковника Матвеева по бухарским и афганским владениям в феврале 1877 г. // Россия. Военное министерство. Главный штаб. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб: Военная типография, 1883. Вып. 5. С. 1–57.

Мещерский В.П. Мои воспоминания. СПб.: Тип. В.П. Мещерского, 1897–1912. Т. 1–3.

Милютин Д.А. Воспоминания. 1860–1862. М.: Российский архив, 1999.

Милютин Д.А. Воспоминания. 1843–1856. М.: Российский архив, 2000.

Милютин Д.А. Воспоминания. 1863–1864. М.: Росспэн, 2003.

Милютин Д.А. Воспоминания. 1856–1860. М.: Росспэн, 2004.

Милютин Д.А. Воспоминания. 1865–1867. М.: Росспэн, 2005.

Милютин Д.А. Воспоминания. 1868–1873. М.: Росспэн, 2006.

Милютин Д.А. Дневник. М.: ОР ГБЛ, 1947–1950. Т. 1–4.

Минаев И.П. Дневники путешествий в Индию и Бирму. М.: Изд-во АН СССР, 1955.

Набоков В.Д. Из воюющей Англии. Путевые очерки. Петроград: Унион, 1916.

Нидермиллер А.Г. От Севастополя до Цусимы: Воспоминания. Русский флот за время с 1866 по 1906 гг. Рига: М. Дидковский, 1930.

Обручев В.А. От Кяхты до Кульджи. Путешествие в Центральную Азию и Китай. М.: Изд-во АН СССР, 1950.

Огородников П. На пути в Персию и прикаспийские провинции ее. СПб.: М. Попов, 1878.

Пашино П.И. Туркестанский край в 1866 г. Путевые заметки. СПб.: Тиблен (Неклюдов), 1868.

Пашино П.И. Вокруг света. По Индии. Путевые впечатления. СПб.: А. Суворина, 1885. Т. 1.

Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. М.: Канон-Пресс-Ц – Кучково поле, 1999. Т. 1–2.

Ресалэ-и-Якуби. Воспоминания о Якуб-беке кашгарском Камиль-хана-ишана / сост. И. Первышев // Историк-марксист. 1940. № 3. С. 127–135.

Роборовский В.И. Экскурсии по Тибету и Кашгарии. СПб.: А.С. Суворин, 1892.

Российские путешественники в Индии XIX – начала XX века. Документы и материалы / ред. П.М. Шаститко. М.: Наука, 1990.

Скобелев М.Д. Посмертные бумаги // Исторический вестник. 1882. Т. X. № 10. С. 109–138; № 11. С. 275–294; 1883. Т. XIV. № 12. С. 543–555.

Скобелев М.Д. Проект М.Д. Скобелева о походе на Индию // Исторический вестник. 1883. Т. XIV. С. 543–555.

Соловьев Ю.Я. Воспоминания дипломата. 1893–1922. Москва: Издательство социально-экономической литературы, 1959.

Уоддель А. Лхаса и ее тайны. Очерк тибетской экспедиции 1903–1904 гг. СПб.: Тип. П.Ф. Пантелеева, 1906.

Хрулев С.А. Записка о походе в Индию // Русский архив. 1882. Кн. 3. Вып. 5. С. 42–66.

Цыбиков Г.Ц. О центральном Тибете. СПб.: ИРГО, 1903.

Чиркин С.В. Двадцать лет службы на Востоке. Записки царского дипломата. М.: Русский путь, 2006.

Энгельгард М.Н. Н.М. Пржевальский. Его жизнь и путешествия. СПб., 1891.

Яворский И.Л. Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878–1879 гг. СПб.: М. Хан, 1882. Т. 1–2.

Японские дневники А.Н. Куропаткина / сост. Е.Ю. Сергеев, И.В. Карпеев // Российский архив. 1995. Т. VI. С. 393–444.

Barnes W. Colonel Grambchefsky's Expeditions in Central Asia, and the Recent Events on the Pamirs // *The Imperial and Asiatic Quarterly Review,* 1892, vol. 3, no. 5, pp. 17–52.

Basily N. Diplomat of Imperial Russia, 1903–1917. Memoirs. Stanford: Hoover Institute Press, 1973.

Bellew H. Kashmir and Kashgar. A Narrative of the Journey of the Embassy to Kashgar in 1873–7. London: Truebner, 1875.

Benckendorff C. Half a Life: The Reminiscences of a Russian Gentleman. London: Richards Press, 1954.

Blacker L. On Secret Patrol in High Asia. London: J. Murray, 1922.

Blunt W. India under Ripon. A Private Diary. London: T. Fisher Unwin, 1909.

Bower H. Dairy of a Journey across Tibet. Katmandu: Ratna Pustak Bhandar, 1976.

Brackenbury H. Some Memories of My Spare Time. Edinburgh–London: W. Blackwood and Sons, 1909.

Bradley J. (ed.) Lady Curzon's India. Letters of a Vicereine. New York: Beaufort Books, 1985.

Brett M. (ed.) Journals and Letters of Reginald Viscount Esher. London: I. Nicholson and Watson, 1934. Vol. 1–2.

Burnaby F. A Ride to Khiva: Travels and adventures in Central Asia. London, Paris, New York: S. n., 1877.

Burnes A. Travels into Bokhara. New Delhi: Asian Educational Services, 1992 (Repr. ed., London: J. Murray, 1834). Vol. 1–2.

Chamberlain A. Politics from Inside. An Epistolary Chronicle 1906–1914. London, etc.: Cassell, 1936.

Chirol V. Fifty Years in a Changing World. London: J. Cape, 1927.

Churchill W. Great Contemporaries. London: Collins, Fontana Books, 1937.

Cockerill G. A Few Notes on the Possible Lines of Advance from the Russian Base upon Chitral and Gilgit. Simla: Government Central Printing Office, 1894.

Conolly A. Journey to the North of India. London: R. Bentley, 1834. Vol. 1–2.
Cotton S. Nine Years on the North-West Frontier of India. From 1854 to 1863. London: R. Bentley, 1868.
Curzon G. A Visit to Bokhara, the Noble // The Fortnightly Review. 1889. Vol. 51. P. 122–143.
Das C.S. Indian Pundits in the Land of Snow. Calcutta: Baptist Mission Press, 1893.
Deasy H. In Tibet and Chinese Turkestan; Being the Record of Three Years' Exploration. London: T. Fisher Unwin, 1901.
Dobson G., Russia's Railway Advance into Central Asia. Notes of a Journey from St Petersburg to Samarkand. London–Calcutta: W. Allen, 1890.
Durand A. The Making of a Frontier. Five Years' Experience and Adventures in Gilgit, Hunza, Nagar, Chitral, and the Eastern Hindukush. London: J. Murray, 1899.
Elles E. (comp.) History of Our Relations with Hunza and Nagar from 1886 to June, 1, 1892, and of the Military Operations against Those States in December 1891. Simla: Government Central Printing Office, 1892.
Evans M. (ed.) The Great Game. Britain and Russia in Central Asia. London–New York: RoutledgeCurzon, 2004.
Fairbank J. (ed.) The I. G. in Peking. Letters of Robert Hart. Chinese Maritime Customs 1868–1907. Cabridge, Ma. — London: Harvard University Press, 1975.
Filchner W. Sturm ueber Asien. Erlebnisse eines diplomatischen Geheimagenten. Berlin: Verlag Neufeld und Henius, 1924.
Forsyth D. Report of a Mission to Yarkand in 1873. Calcutta: Foreign Department Press, 1875.
Forsyth D. Autobiography and Reminiscences. London: Bentley, 1887.
Galton D. Sir Bernard Pares and Slavonic Studies in London University, 1919–39 // Slavonic and East European Review. 1968. Vol. 46. № 107. P. 481–491.
Gordon T. The Roof of the World. Edinburgh: Edmonton and Douglas, 1876.
Grey E. Twenty Five Years. 1892–1916. London: Hodder and Stoughton, 1925. Vol. 1.
Grey E. Speeches on Foreign Affairs, 1904–1914. London: G. Allen and Unwin, 1931.
Gwynn S. (ed.) The Letters and Friendships of Sir Cecil Spring Rice. London: A. Constable, 1929. Vol. 1–2.
Haldane R. Before the War. London, etc.: Cassell, 1920.
Haldane R. An Autobiography. London: Hodder and Stoughton, 1929.
Hamilton G. Parliamentary Reminiscences and Reflections, 1886–1906. New York: Dutton, 1917.
Hardinge H. Old Diplomacy: The Reminiscences of Lord Hardinge of Penshurst. London: J. Murray, 1947.
Hedin S. Central Asia and Tibet. Towards the Holy City of Lhasa. London: Hurst and Blackett, 1903. Vol. 1–2.
Henderson G., Hume A. (comp.) Lahore to Yarkand. Incidents of the Route and Natural History of the Countries Traversed by the Expedition of 1870 under D. Forsyth, Esq. Lahore: Niaz Ahmad Sang-E-Meell Publishers, 1981.
Hosie A. Three Years in Western China. London: G. Philip and Son, 1897.
Hosie A. Report on a Journey to the Eastern Frontier of Tibet. London: HMSO, 1905.

Izwolsky A. Au service de la Russie. Correspondence diplomatique 1906–1911. Paris: Les Editions Internationales, 1937. T. 1.

Kalmykov A.D. Memoirs of a Russian Diplomat: Outposts of the Empire, 1893–1917. New Haven–London: Yale University Press, 1971.

Kawaguchi E. Three Years in Tibet. Madras, etc.: Theosophical Publishing Society, 1909.

Killbracken, Lord. Reminiscences of Lord Kilbracken. London: Macmillan, 1931.

King P. (ed.) A Viceroy's India. Leaves from Lord Curzon's Note-Book. London: Sidgwick and Jackson, 1984.

King P. (ed.) Curzon's Persia. London: Sidgwick and Jackson, 1986.

Kuropatkin A.N. Kashgaria (Eastern or Chinese Turkistan). Calcutta: Thacker and Co., 1882.

Lawrence W. The India We Served. London: Cassell, 1928.

Lensen G. (ed.) Revelations of a Russian Diplomat: The Memoirs of Dmitrii I. Abrikossov. Seattle: University of Washington Press, 1964.

Lockhart R. British Agent. New York–London: Putnam's Sons, 1933.

Loftus A. The Diplomatic Reminiscences, 1837–1862. London: Cassel, 1892. Vol. 1–2.

Maxwell H. The Life and Letters of George William Frederick Fourth Earl of Clarendon. New York: Longman, Green and Co.; London: E. Arnold, 1913. Vol. 1–2.

Meyendorff A. (ed.) Correspondence diplomatique du Baron de Staal (1884–1900). Paris: Libraire des Sciences Politiques et Sociales, 1929. T. 1–2.

Michell J., Michell R. (comps) The Russians in Central Asia. London: E. Stanford, 1865.

Michie A. The Englishman in China during the Victorian Era. Edinburgh and London: W. Blackwood and Sons, 1900. Vol. 1–2.

Midleton, Earl. Records and Reactions. 1856–1939. London: J. Murray, 1939.

Moorcroft W. Travels in the Himalayan Provinces of Hindustan and the Punjab. Lahore: Faran Academy, 1976 (First publ., London: J. Murray, 1837). Vol. 1–2.

Morley J. Recollections, London: Macmillan, 1921. Vol. 1–2.

Muir W. Records of the Intelligence Department of the Government of the North-West Provinces of India during Mutiny of 1857. Edinburgh: T. and T. Clark, 1902. Vol. 1–2.

Narzounof O. Trois voyages a Lhasa (1898–1901) // Tour de Monde. 1904. №. 10. P. 217–240.

Norman H. The Peoples and Politics of the Far East. Travels and Studies in the British, French, Spanish and Portuguese Colonies, Siberia, China, Japan, Korea, Siam and Malaya. New York: C. Scribner's Sons, 1895.

O'Connor F. On the Frontier and Beyond. A Record of Thirty Years' Service. London: J. Murray, 1931.

O'Donovan E. The Merv Oasis: Travels and Adventures East of the Caspian during the Years 1879–80–81, Including Five Months' Residence among the Tekke of Merv, London: n. p., 1882.

Pallmer R. (ed.) Earl of Selborne, Lord High Chancellor. Memorials Personal and Political, 1865–1895. London: Macmillan, 1898. Part 2. Vol. 1.

Pares B. My Russian Memoirs. London: J. Cape, 1931.

Pearse H. (ed.) Soldier and Traveler. Memoirs [chiefly in his own words] of Alexander Gardner, Colonel of Artillery in the Service of Maharaja Ranjit Singh. Edinburgh: W. Blackwood and Sons, 1898.

Ramm A. (comp.) The Political Correspondence of Mr. Gladstone and Lord Granville, 1868–1876. London: Royal Historical Society, 1952, 2 vols.
Reed S. The India I Knew, 1897–1947. London: Long Acre, 1952.
Roberts F. Forty-One Years in India from Subaltern to Commander-in-Chief. London: Macmillan, 1897. Vol. 1–2.
Robertson W. From Private to Field-Marshal. London: A. Constable, 1921.
Ronaldshay, Earl. On the Outskirts of Empire in Asia. Edinburgh and London: W. Blackwood and Sons, 1904.
Rosen R.R. Forty Years of Diplomacy. London: G. Allen and Unwyn, 1922. Vol. 1–2.
Schuyler E. Turkistan. London: S. Low, M. Searle and Rivington, 1876. Vol. 2.
Stead W. (ed.) The M. P. for Russia. Reminiscences and Correspondence of Madame Olga Novikoff. London–New York: A. Melrose, 1909, 2 vols.
Stein A. On Ancient Central Asian Tracks. Brief Narrative of Three Expeditions in Innermost Asia and North-Western China. London: Macmillan, 1933.
Sykes P. Ten Thousands Miles in Persia or Eight Years in Iran. London: J. Murray, 1902.
Tcharykov N.V. Glimpses of Higher Politics through War and Peace, 1855–1929. London: G. Allen and Unwin, 1931.
Temple R. Men and Events of My Time in India. London: J. Murray, 1882.
Vambery A. His Life and Adventures. London, Leipzig: T. Fisher Unwin, 1914.
Vansittart R. The Mist Procession. The Autobiography of Lord Vansittart. London: Hutchinson, 1958.
Waters W. "Secret and Confidential". The Experiences of A Military Attaché. London: J. Murray, 1926.
Waters W. "Private and Personal". Further Experience of a Military Attaché, London: J. Murray, 1928.
Wolff J. Narrative of a Mission to Bokhara in the Years 1843–1845, to Ascertain the Fate of Colonel Stoddart and Captain Conolly, London: J. Parker, 1845. Vol. 1–2.
Yate A. England and Russia Face to Face in Asia. Travels with the Afghan Boundary Commission. Edinburgh and London: W. Blackwood and Sons, 1887.
Younghusband F. The Heart of a Continent. London, J. Murray, 1904.
Younghusband F. India and Tibet. London: J. Murray, 1910.
Younghusband F. Lord Curzon. A Personal Recollection // The Nineteenth Century and After. 1925. Vol. XCVII. №. 579. P. 621–633.
Younghusband F. The Light of Experience. London: A. Constable, 1927.

Работы современников

Абаза К.К. Завоевание Туркестана. Рассказы из военной истории, быта и нравов туземцев в общедоступном изложении. СПб.: М. Стасюлевич, 1902.
Андогский А.И. Военно-географическое описание Афганистана как района наступательных операций русской армии. СПб.: А. Суворин, 1908.
Анненков М.Н. Ахалтекинский оазис и пути в Индию. СПб.: Штаб. Петербургского военного округа, 1881.

Андреев А.П. Туркменский аламан (эскиз) // Исторический вестник. 1902. № 7. С. 110–141.

Баторский А. Опыт военно-статистического очерка Монголии // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. 1889. Вып. 37. С. 1–285.

Богданович Е.В. Россия на Дальнем Востоке. СПб.: Общество Красного Креста, 1901.

Богданович Л.А. Англия и Россия в Средней Азии // Русская мысль, 1900. Кн. 2. С. 139–161; Кн. 3. С. 19–29.

Бродовский М. Колониальное значение наших среднеазиатских владений для внутренних губерний. М.: Д. Иноземцев, 1891.

Буксгевден А.О. Русский Китай. Очерки дипломатических сношений России с Китаем. Порт-Артур: Новый край, 1902.

Вамбери А. Очерки Средней Азии. М.: А. Мамонтов, 1868.

Венюков М.И. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. СПб.: В. Безобразов, 1873, 1876. Вып. 1–2.

Венюков М.И. Краткий очерк английских владений в Азии. СПб.: В. Безобразов, 1875.

Венюков М.И. Россия и Восток. СПб.: В. Безобразов, 1877.

Вернадский И.В. Политическое равновесие и Англия. М.: Тип. Московского университета, 1855.

Гейнс А.К. О восстании мусульманского населения, или дунганей, в Западном Китае // Военный сборник. 1866. № 8. С. 185–208.

Герцулин М. Движение летучего отряда полковника Ионова в Рушан в 1893 г. // Военный сборник. 1900. № 4. С. 272–289.

Григорьев В.В. Русская политика в отношении к Средней Азии (историографический очерк). СПб.: В. Безобразов, 1874.

Григорьев В.В. Россия и Азия. Сборник исследований и статей по истории, этнографии. СПб.: Типография Пантелеевых, 1876.

Гродеков Н.И. Война в Туркмении. СПб.: В. Балашев, 1883–1884. Т. 1–4.

Громбчевский Б.Л. Доклад, читанный в Николаевской Академии Генерального штаба, 14 (26) марта 1891 г. Ташкент: Типография Туркестанского военного округа, 1891.

Громбчевский Б.Л. Наши интересы на Памире. Военно-политический очерк. СПб.: Штаб Петербургского военного округа, 1891.

Грулев М.В. Соперничество России и Англии в Центральной Азии. СПб.: В. Березовский, 1909.

Деникин А.И. Русско-китайский вопрос. Варшава: Штаб Варшавского военного округа, 1908.

Дубровин Н.Ф. Николай Михайлович Пржевальский. Биографический очерк. СПб.: Военная типография, 1890.

Жуковский С.В. Сношение России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг.: Труды Общества русских ориенталистов, 1915.

Зайченко. Памиры и Сарыкол. Очерк возникновения, последовательного развития и современного положения Памирского вопроса. Ташкент: Штаб Туркестанского военного округа, 1903.

Зиновьев И.А. Россия, Англия и Персия. СПб.: А. Суворин, 1912.

Зыков С. Очерк утверждения русского владычества на Аральском море и реке Сыр-Дарья с 1847 по 1862 г. // Морской сборник. 1862. Т. LIX. № 6. С. 298–348.

Идаров С.А. Значение Индии в политике России с Турцией и Англией // Русский вестник. 1884. Т. CLXXI. № 6. С. 487–553.

Кадников В.С. Из истории Кульджинского вопроса // Исторический вестник. 1911. Т. 124. № 6. С. 893–909.

Клейнборт Л.М. Русский империализм в Азии. СПб.: Знание, 1906.

Ковалевский М. Начало русско-английского сближения // Вестник Европы. 1912. № 3. С. 241–264.

Коренные интересы России глазами ее государственных деятелей, дипломатов, военных и публицистов / сост. И.С. Рыбаченок. М.: Институт российской истории РАН, 2004.

Коростовец И.Я. Россия на Дальнем Востоке. Пекин: Восточное Просвещение, 1922.

Костенко Л.Ф. Исторический очерк распространения русского владычества в Средней Азии // Военный сборник. 1887. № 8. С. 145–178; № 9. С. 5–37; № 10. С. 139–160; № 11. С. 5–35.

Костенко Л.Ф. Чжунгария. Военно-статистический очерк. СПб.: Типография Военно-ученого комитета Главного штаба, 1887.

Куропаткин А.Н. Кашгария. Историко-географический очерк страны. Ее военные силы, промышленность и торговля. СПб.: В. Балашев, 1879.

Куропаткин А.Н. Завоевание Туркмении (поход в Ахал-Теке в 1880–1881 гг.). С очерком военных действий в Средней Азии с 1839 по 1876 г. СПб.: В. Березовский, 1899.

Куропаткин А.Н. Русско-китайский вопрос. СПб.: Новое время, 1913.

Лакост Г. Россия и Великобритания в Центральной Азии. Ташкент: Штаб Туркестанского военного округа, 1908.

Лебедев В.Т. В Индию! Военно-статистический и стратегический очерк. Проект будущего похода. СПб.: А. Пороховщиков, 1898.

Левитов И.С. Желтая Россия. СПБ.: Г. Бернштейн, 1901.

Лессар П.М. Заметки о Закаспийском крае и сопредельных странах. СПб.: А. Суворин, 1884.

Лессар П.М. Военные пути сообщения на индо-афганской границе // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. 1890. Вып. 41. С. 1–69.

Лобысевич Ф.И. Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и дипломатическо-военном отношении. СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1900.

Логофет Д.Н. Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние. СПб.: В. Березовский, 1909.

Логофет Д.Н. Бухарское ханство под русским протекторатом. СПб.: В. Березовский, 1911. Т. 1–2.

Максимов А.Я. Наши задачи на Тихом океане. Политические этюды. СПБ.: П. Бабкин, 1894.

Макшеев А.И. Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских. СПб.: Военная типография, 1890.

Маркс К. Британское владычество в Индии. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. Т. 9. С. 130–136.

Маркс К. Ост-Индская компания, ее история и результаты ее деятельности. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. Т. 9. С. 151–160.

Маркс К. Будущие результаты британского владычества в Индии. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы. Т. 9. С. 224–230.

Мартенс Ф.Ф. Россия и Англия в Средней Азии. СПб.: Э. Гартье, 1880.

Маслов А.Н. Россия в Средней Азии // Исторический вестник. 1885. Т. 20. С. 372–423.

Наливкин В.П. Краткая история Кокандского ханства. Казань: Казанский университет, 1886.

Небольсин П. Очерки торговли России со странами Средней Азии, Хивой, Бухарой и Коканом (со стороны Оренбургской линии). СПб.: Русское географическое общество, 1856.

Недзвецкий В. Иностранное военное обозрение // Военный сборник. 1885. № 6. С. 203–228.

Нотович Н.А. Россия и Англия. Историко-политический этюд. СПб.: Государственная типография, 1907.

Пантусов Н.Н. Война мусульман против китайцев. Казань: Казанский университет, 1881. Вып. 1–2.

Петров А. Как защищают свои интересы в Азии Англия и Россия. СПб.: А. Попов, 1910.

Пржевальский Н.М. Современное положение Центральной Азии // Русский Вестник. 1886. Т. 186. С. 473–524.

Путята Д.В. Китай. Очерки географии, экономического состояния, административного и военного устройства Срединной империи. СПб.: Военная типография, 1893.

Раабен Л.Р. Краткий очерк Тибета // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. 1905. Вып. 78. С. 40–70.

Романовский Д.И. Заметки по среднеазиатскому вопросу. СПб.: Тип. Второго отделения собственной е. и. в. канцелярии, 1868.

Семенов Тян-Шанский А. П. Наши ближайшие задачи на Дальнем Востоке. СПб.: Санкт-Петербургские ведомости, 1908.

Симанский П.Н. События на Дальнем Востоке, предшествовавшие русско-японской войне, 1891–1903 гг. СПб.: Военная типография, 1910. Т. 1–2.

Скальковский К.А. Внешняя политика России и положение иностранных держав. СПб.: А. Суворин, 1897.

Скиф. Персидский вопрос. Англо-русское соглашение, его основные принципы и цели, и пятилетние итоги. М.: А. Стрельцов, 1912.

Снесарев А.Е. Памиры (военно-географическое описание). Ташкент: Штаб Туркестанского военного округа, 1903.

Снесарев А.Е. Восточная Бухара (военно-географический очерк) // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. 1906. Вып. 79. С. 1–148.

Снесарев А.Е. Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе. СПб.: А. Суворин, 1906.

Снесарев А.Е. Англо-русская конвенция 1907 г. СПб.: Общество ревнителей военных знаний, 1908.

Снесарев А.Е. Афганистан. М.: Госиздат, 1921. Т. 1.

Соболев Л.Н. Англо-афганская распря (очерк войны 1879–1880 гг.) СПБ.: М. Хан, 1880–1885. Т. 1–4. Вып. 1–8.

Соболев Л.Н. Возможен ли поход русских в Индию? М.: Штаб Московского военного округа, 1901.

Старый дипломат. Англия и Россия в Средней Азии // Русская мысль. 1900. № 2. С. 139–161; № 3. С. 19–29.

Стеценко В. Крейсера и Тихий океан. СПб.: Типография Морского министерства, 1893.

Субботин А.П. Россия и Англия на среднеазиатских рынках. СПб.: Тип. редакции «Экономического журнала», 1885.

Сярковский Г. О туркестанских походах 1864–1865 гг. // Военный сборник. 1891. Т. 197. № 2. С. 357–381; Т. 198. № 3. С. 157–164.

Тагеев (Рустам-Бек) Б.Л. Памирские походы 1892–1895 гг. Десятилетие присоединения Памира к России. Варшава: Типография Губернского правления, 1902.

Теплов В.А. Английская экспедиция в Тибет. СПб.: В. Комаров, 1904.

Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб.: П. Меркурьев, 1875.

Терентьев М.А. Россия и Англия в борьбе за рынки. СПб.: П. Меркурьев, 1876.

Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. СПб.: В. Комаров, 1906. Т. 1–3.

Ухтомский Э.Э. Из китайских писем. СПб.: Восток, 1901.

Ухтомский Э.Э. Из прошлого. СПб.: Восток, 1902.

Ухтомский Э.Э., Из области ламаизма. К походу англичан в Тибет. СПБ.: Восток, 1904.

Федоров М.П. Соперничество торговых интересов на Востоке. СПб.: Н. Стойкова, 1903.

Шепелев А.А. Очерк военных и дипломатических сношений России со Средней Азией. Ташкент: Типография Военно-народного управления, 1879. Ч. 1.

Шипов Н.Н. Россия и Англия (православный царь и король в парламенте). СПб.: Отечественная тип., 1908.

Энгельс Ф. Перспективы англо-персидской войны. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1958. Т. 12. С. 126–131.

Энгельс Ф. Персия и Китай. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1958. Т. 12. С. 218–224.

Энгельс Ф. Продвижение России в Средней Азии. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1958. Т. 12. С. 614–619.

Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1962. Т. 22. С. 11–54.

Южаков С.Н. Англо-русская распря. Небольшое предисловие к большим событиям. Политический этюд. СПб.: Тип. Товарищества «Общая польза», 1885.

Янчевецкий Д.Г. Гроза с Востока. Задачи России и задачи Японии на Дальнем Востоке. Очерки. Ревель: Ревельские известия, 1908.

Aberigh-Mackay G. [Some] Notes on [the Situation in] Western Turkistan. Calcutta, etc.: Thacker, Spink and Co., London: Thacker and Co., 1875.

Adye J. Russia in Central Asia. Gibraltar: s. n., 1885.

Argyll, Duchess (ed.) George Douglas, Eighth Duke of Argyll: Autobiography and Memoirs. London: J. Murray, 1906. Vol. 1–2.

Argyll, Duke. The Afghan Question, from 1841 to 1878. London: Strahan, 1879.

Barker E. The Anti-British Policy of Germany // The Nineteenth Century and After. 1907. Vol. LXI. № 367. P. 345–364.

Barker E. The Triple Entente and the Triple Alliance // The Nineteenth Century and After. 1908. Vol. LXIII. № 377. P. 1–17.

Baxter W. England and Russia. London: S. Sonnenschein, 1885.

Beaufort F. Russian Advances in Asia. London: M.O.D., 1884.

Beresford C. The Break-Up of China. London–New York: Harper and Brothers, 1899.

Beresford C. Russian Railways towards India. London: Central Asian Society, 1906.

Beveridge A. The Russian Advance. New York–London: Harper and Brothers, 1903.

Bland J. Li Hung-Chang. London: A. Constable, 1917.

Boulger D. The Life of Yakoob Beg, Athalik Ghazi and Badaulet, Amir of Kashgar. London: W. Allen, 1878.

Boulger D. England and Russia in Central Asia. London: W. Allen, 1879. Vol. 1–2.

Boulger D. Central Asian Questions: Essays on Afghanistan, China, and Central Asia. London: T. Fisher Unwin, 1885.

Boulger D. Why Not a Treaty with Russia // The Fortnightly Review. 1900. Vol. LXVIII. № 406. P. 677–686.

Boulger D. The Life of Sir Halliday Macartney. London – New York: J. Lane, 1908.

A British Subject. The Great Game: A Plea for a British Imperial Policy. London: Simpkin, Marshall and Co., 1875.

Bruce R. The Forward Policy and its Results. London: Longmans, Green and Co., 1900.

Brunnhofer H. Russlands Hand ueber Asien. Historisch-Geographische Essays zur Entwicklungsgeschichte des russischen Reichsgedankens. St Petersburg: Typographie der Allerhohsten bestaetigten Typographie-Aktien-Gesellschaft, 1897.

Calchas. The Anglo-Russian Agreement // The Fortnightly Review. 1907. Vol. LXXXVIII. № 490. P. 535–550.

Callwell C. Instructions for Intelligence Officers Abroad. London: War Office, 1889.

Cazalet E. England's Policy in the East: Our Relations with Russia and the Future of Syria. London: E. Stanford, 1879.

Chirol V. The Far Eastern Question. London–New York: Macmillan, 1896.

Chirol V. The Middle Eastern Question, or Some Political Problems of Indian Defense. London: J. Murray, 1903.
Clarke G. Imperial Defense. London: The Imperial Press, 1897.
Clarke G. Russia's Sea Power Past and Present, or the Rise of the Russian Navy. London: J. Murray, 1898.
Cobbold R. Innermost Asia. Travel and Sport in the Pamirs. London: W. Heinemann, 1900.
Collen E. The Defense of India. London: Harrison and Sons, 1906.
Colquhoun A. Russia against India. The Struggle for Asia. London – New York: Harper and Brothers, 1900.
Colquhoun J. Essay on the Formation of an Intelligence Department for India // Proceedings of the United Service Institution of India. 1875. Vol. IV. № 18. P. 1–73.
Cory A. Shadows of Coming Events, or the Eastern Menace. London: H. King, 1876
Cotton S. A Prophecy Fulfilled. 1869. The Central Asian Question. Dublin: W. Macgee; London: Simpkin, Marshall and Co., 1878.
Curzon G. The "Scientific Frontier" as an Accomplished Fact // The Nineteenth Century. 1888. № 136. P. 901–917.
Curzon G. The Fluctuating Frontier of Russia in Asia // The Nineteenth Century. 1889. № 144. P. 267–283.
Curzon G. Russian and British Competition in Central Asia // Asiatic Quarterly Review. 1889. Vol. 8. P. 438–457.
Curzon G. Russia in Central Asia in 1889. London: Cass, 1967 (rep. ed. of 1889).
Curzon G. Persia and the Persian Question. London: Longmans, Green, 1892. Vol. 1–2.
Curzon G. Problems of the Far East. Japan–Korea–China. Westminster: A. Constable, 1896.
Curzon G. The Pamirs and the Source of the Oxus. London: Royal Geographical Society, 1897.
Curzon G. Speeches by Lord Curzon of Redleston as Viceroy of India, 1898–1905. London: Macmillan, 1906.
Curzon G. Frontiers. Oxford: Clarendon Press, 1907.
Curzon G. The True Imperialism // The Nineteenth Century and After. 1908. Vol. LXIII. № 371. P. 151–165.
Curzon G. The Place of India in the Empire. London: J. Murray, 1909.
Curzon G. Subjects of the Day, London: G. Allen and Unwin, 1915.
Curzon. G. Tales of Travel. New York: G. Doran, 1923.
Curzon G. British Government in India. The Story of Viceroys and Government Houses. London, etc.: Cassell, 1925, Vol. 1–2.
David C. Is Russian Invasion of India Feasible? London: E. Stanford, 1877.
Dilke C., Wilkinson S. Imperial Defense. London–New York: Macmillan, 1892.
Dillon E. The Anglo-Russian Agreement // The Contemporary Review. 1907. Vol. XCII. № 503. P. 690–700.
Edwards H. Russian Projects against India from the Czar Peter to General Skobeleff. London: Remington, 1885.

Escott T. The Story of British Diplomacy. Its Makers and Movements. London: T. Fisher Unwin, 1908.

Esher R. The Committee of Imperial Defense. Its Functions and Potentialities. London: J. Murray, 1912.

Evans G. de Lacy. On the Designs of Russia. London: S. n., 1828.

Evans G. de Lacy. On the Practicability of an Invasion of British India, and on the Commercial and Financial Prospects and Resources of the Empire. London: S. n., 1829.

Faris S. The Decline of British Prestige in the East. London: T. Fisher Unwin, 1887.

Forbes A. The Afghan Wars 1839–42 and 1878–80. London: Seeley and Co., 1892.

Frazer L. India under Curzon and After. London: W. Heinemann, 1911.

Gerrare W. Greater Russia: The Continental Empire of the Old World. London: W. Heinemann, 1903.

Goldsmid F. Central Asia and Its Questions. London: Macmillan, 1873.

Green H. The Defense of the North-West Frontier of India with Reference to the Advance of Russia in Central Asia. London: Harrison, 1873.

Grenard F. L'Angleterre et la Russie au Tibet // Bulletin du Comite de l'Asie francaise. 1907. T. 7. № 79. P. 375–383.

Halliday A. The Retention of India. London: Tinsley Brothers, 1872.

Hamilton A. The Anglo-Russian Agreement: the Question of Persia // The Fortnightly Review. 1907. Vol. LXXXVIII. № 491. P. 734–743.

Hamilton A. Problems of the Middle East. [S.l.]: Eveleigh Nash, 1909.

Hanna H. Can Russia Invade India? London: A. Consatble, 1895.

Harlan J. A Memoire of India and Afghanistan. Philadelphia: S. n., 1842.

Hedin S. General Prschewalskij in Innerasien. Leipzig: F. Brockhaus, 1928.

Hellwald F. Die Russen in Centralasien. Eine geographisch-historische Studie. Wien: Verlag des Verfassers, 1869.

Heumann A. Les Russes et les Anglais dans l'Asie Centrale. Paris: Libraire Militaire, 1885.

Holdich T. England's Strength in Asia. London: Central Asian Society, 1905.

Hunter W. Life of the Earle of Mayo, Fourth Viceroy of India. London: Smith, Elder and Co., 1875. Vol. 1–2.

An Indian Army Officer [*Roberts F.*]. Russia's March towards India. London: Samp, Marston and Co., 1894. Vol. 1–2.

Jerningham H. Russia's Warnings. London: Chapman and Hall, 1885.

Kaye J. Lives of Indian Officers: Illustrative of the History of the Civil and Military Services of India. London: A. Strahan, 1867. Vol. 1–2.

Kent P. Railway Enterprise in China. An Account of Its Origin and Development. London: E. Arnold, 1907.

Kipling R. Kim. London: Macmillan, 1966.

Knight E. Where Three Empires Meet. London: Longmans, 1897.

Kostenko L.F. The Turkistan Region. Calcutta: Office of the Superintendent of Government Printing, 1882–1884. Vol. 1–3.

Krahmer G. Russland in Mittel-Asien. Leipzig: Zuckschwerdt, 1898.

Krause A. Russia in Asia. A Record and Study, 1558–1899. London: G. Richards; New York: H. Holt, 1900.

Landon P. The Opening of Tibet. New York: Doubleday Page, 1905.

Langlois V. Herat. Dost Mohammed et les influences politiques de la Russie et de l'Angleterre dans l'Asie centrale. Paris: S. n., 1864.

Lansdell H. Russian Central Asia. Boston: Houghton, Miffin, 1885. Vol. 1–2.

Lessar P. La Russie et l'Angleterre en Asie Centrale. Paris: Libraire Militaire, 1886.

Lipsett C. Lord Curzon in India 1898–1903. London: R. Everett, 1903.

Macgahan J. Campaigning on the Oxus and the Fall of Khiva. New York: Harper and Brothers, 1874.

Macgregor C. The Defense of India: A Strategic Study. Simla: Government Central Branch Press, 1884.

Macgregor C. (ed.) The Life and Opinions of Major-General Sir Charles Metcalfe Macgregor. Edinburgh–London: W. Blackwood and Sons, 1888. Vol. 1–2.

Mackinder H. The Geographical Pivot of History // The Geographical Journal. 1904. Vol. XXIII. № 4. P. 421–444.

Mackinder H. India. London: G. Philip and Son, 1910.

Mahan A. The Problem of Asia and Its Effect upon International Policy. London: Sampson Low, Marston and Co., 1900.

Mahfuz Ali, Muhammad. Truth about Russia and England from a Native's Point of View, Lucknow: R. Graven, 1886.

Malleson G. Herat: The Granary and Garden of Central Asia. London: W. Allen, 1880.

Malleson G. The Russo-Afghan Question and the Invasion of India. London: G. Routledge and Sons, 1885.

Martens F.F. Russia and England in Central Asia. London: W. Ridgway, 1879.

Marvin C. The Russian Advance towards India. Conversation with Skobeleff, Ignatiev, and Other Distinguished Russian Generals and Statesmen on the Central Asian Question. London: Sampson Low, Marston Searle and Rivington, 1882.

Marvin C. The Russians at Merv and Herat, and Their Power of Invading India. London: Allen, 1883.

Marvin C. Reconnoitering Central Asia: Pioneering Adventures in the Region Lying between Russia and India. London: W. Swan Sonnesheim and Co., 1884.

Michell R. Eastern Turkistan and Dzungaria and the Rebellion of Tungans and Taranchis, 1862–1866. London: E. Stanford, 1871.

Morell J. Russia and England. Their Strength and Weakness. New York: Ricker, Thorne and Co., 1854.

Newwall D. The Highlands of India Strategically Considered. London: Harrison and Sons, 1882–1887. Vol. 1–2.

Nixon J. Notes for Staff Officers on Indian Field Service. Lahore: Civil and Military Gazette Press, 1897.

[Pirbright] H. England's Policy in the East. London: Chapman and Hall, 1877.

Popowski J. The Rival Powers in Central Asia, or the Struggle between England and Russia in the East. Westminster: A. Constable, 1893.

Prioux A. Les Russes dans l'Asie Centrale, la derniere campagne de Skobelev (1880–1881). Paris: Libraire Militaire, 1886.

Probyn-Nevins W. Apologia for Russia. London: Simpkin, Marshall, Hamilton, Kent and Co., 1895.

Putnam-Weale B. The Re-Shaping of the Far East. London: Macmillan, 1905. Vol. 1–2.

Pyasetskii P. Russian Travelers in Mongolia and China. London: Chapman and Hall, 1884. Vol. 1–2.

Rawlinson H. England and Russia in the East. London: J. Murray, 1875.

Roberts F. Notes on the Central Asian Question and the Coast and Frontier Defenses of India, 1877–1893. London: War Office, 1902.

Ronaldshay, Lord. The Life of Lord Curzon. London: E. Benn, 1928. Vol. 1–3.

Rouire A. La rivalite anglo-russe au XIX-e siecle en Asie. Golf Persique –Frontiere de l'Inde. Paris: Libraire A. Colin, 1908.

Russel R. India's Danger and England's Duty. London: Ward, Lock and Co., 1885.

Russia and England in Central Asia. A Problem. New York: American Church Press Print, 1873.

Seely J. Expansion of England. S. l.: Macmillan, 1883.

Showers C. The Cossack at the Gate of India. London: Simpkin, Marshall and Co, 1885.

Skrine F., Ross E. The Heart of Asia. A History of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the Earliest Times. London: Methuen, 1899.

Sykes H. Our Recent Progress in Southern Persia and Its Possibilities. London: Central Asian Society, 1905.

Towle G. England and Russia in Asia, Boston: J. Osgood, 1885.

Trench F. The Russo-Indian Question, Historically, Strategically, and Politically Considered. London: Macmillan, 1869.

Ular A. A Russo-Chinese Empire. Westminster: A. Constable, 1904.

Urquart D. The Progress of Russia in the West, North and South. London: Truebner and Co., 1853.

Vambery A. Rivalry between Russia and England in Central Asia. London: W. Allen, 1868.

Vambery A. Central Asia and the Anglo-Russian Frontier Question. London: E. Smith and Co., 1874.

Vambery A. The Coming Struggle for India. London, etc.: Cassell, 1885.

Vambery A. Western Culture in Eastern Lands. A Comparison of the Methods Adopted by England and Russia in the Middle East. London: J. Murray, 1906.

Vambery A. The Anglo-Russian Convention // The Nineteenth Century and After. 1907. Vol. LXII. № 370. P. 895–904.

Verney F. Six Generations of Czars // The Nineteenth Century. 1889. Vol. XLIV. № 148. P. 827–837.

Wellesley F. With the Russians in Peace and War. Recollections of a Military Attaché. London: Eveleigh Nash, 1905.

Whigham H. The Persian Problem. London: Isbister and Co., 1903.

White A. Anglo-Russian Relations // The Fortnightly Review. 1904. Vol. LXXXII. № 456. P. 960–968.

Wolfe M. Military Operations in the Event of a War with Russia. London: HMSO, 1885.

Справочники, энциклопедии, библиографии

Виткинд Н.Я. Библиография по Средней Азии. (Указатель литературы по колониальной политике царизма). М.: Коммунистический университет трудящихся Востока, 1929.

Дмитровский Н.В. Библиографический указатель сочинений о Средней Азии, напечатанных в России на русском языке с 1692 г. // Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. СПб.: К. Трубников, 1874. Вып. III. С. 181–250.

Межов В.И. Библиография Азии. СПб.: В. Безобразов, 1891. Т. 1.

Соколов В.С., Виноградова С.М. Периодическая печать Великобритании. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2000.

Bence-Jones M. The Viceroys of India. London: A. Constable, 1982.

Blake D. Catalogue of the European Manuscripts in the Oriental and India Office Collections of the British Library. London: British Library, 1998.

Cecil A. British Foreign Secretaries, 1807–1916. Studies in Personality and Policy. London: G. Bell and Sons, 1927.

Guralnik D. (ed.) Webster's New World Dictionary. Oxford, etc.: Oxford and IBH Publishing, 1974.

Hartley J. (ed.) Guide to Documents and Manuscripts in the United Kingdom Relating to Russia and the Soviet Union. London–New York: Mansell, 1987.

Marshall J. Britain and Tibet, 1765–1947: The Background to the India-China Border Dispute. A Select Annotated Bibliography of Printed Material in European Languages. Bundoora: La Trobe University Library, 1977.

Mersey, Viscount. The Viceroys and Governor-Generals of India, 1757–1947. London: J. Murray, 1949.

Porter A. (ed.) Bibliography of Imperial, Colonial, and Commonwealth History since 1600. Oxford: Oxford University Press, 2002.

Raugh H. (comp.) The Victorians at War, 1815–1914: An Encyclopedia of British Military History. Santa-Barbara, Ca., Oxford: ABC – CLIO, 2004.

Temperley H., Penson L. A Century of Diplomatic Blue Books, 1914–1914. New York: Barnes and Noble, 1966.

Woodraft P. The Men Who Ruled India. London: J. Cape, 1953–1954. Vol. 1–2.

Периодические издания, 1856–1914

Вестник Европы
Военный сборник
Голос
Исторический архив
Исторический вестник
Морской сборник
Новое время
Приамурские ведомости

Российский архив
Русская мысль
Русский архив
Русский вестник
Русский мир
Русская старина
Туркестанские ведомости
Bombay Gazette[3*]
British Mail
Bulletin du Comite de l'Asie Francaise
Cabul News*
China Gazette
Civil and Military Gazette*
Contemporary Review
Daily News
Daily Telegraph
Delhi Gazette*
Edinburgh Review
Englishman*
Fortnightly Review
Gazette of India*
Geographical Journal
Hindu Patriot*
Imperial and Asiatic Quarterly Review
Indian Christian Herald*
Indian Daily News*
Indian Statesman*
Journal de St Petersburg
Lucknow Times*
Madras Mail*
Madras Times*
Manchester Guardian
Morning Post
Moscow Gazette
Nineteenth Century and After
Pall Mall Gazette
Pioneer Mail*
Quarterly Review
Proceedings of the United Service Institution of India
Punch
Simla News
Spectator

3 IOLR/Mss Eur E 218/163. Извлечения из индийских газет, 1876–1879 гг.

Statesman*
Times
Times of India
Tour de Monde
Turkestan Gazette

Исследовательская литература

На русском языке

Абдилдабекова А.М. Почему была табуирована история восстания Кенесары Касымова в советское время? // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 12 (150). История. Вып. 31. С. 138–144.

Абдурахимова Н.А. Становление и особенности экономической политики России в Туркестане во второй половине XIX – начале XX вв. // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. 2008. № 1–4. С.62–88.

Абдурахимова Н.А., Рустамова Г.К. Колониальная система власти в Туркестане во второй половине XIX – первой половине XX вв. Ташкент: Фан, 1999.

Авдеев В.Е. Александр Петрович Извольский // Вопросы истории. 2008. № 5. С. 64–79.

Айзенштат М.П., Гелла Т.Н. Английские партии и колониальная империя Великобритании в XIX в. (1815 — сер. 1870-х гг.). М.: Институт всеобщей истории РАН, 1999.

Айрапетов О.Р. Забытая карьера «русского Мольтке». Николай Николаевич Обручев (1830–1904). СПб.: Алетейя, 1998.

Айрапетов О.Р. Внешняя политика России, 1801–1914. М.: Европа, 2006.

Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. М.: Изд. Дом «Русская разведка», 1998. Т. 1.

Аминов А.М., Бабаходжаев А.Х. Экономические и политические последствия присоединения Средней Азии к России. Ташкент: Изд-во «Узбекистан», 1966.

Андреев А.И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб.: Изд. Санкт-Петербургского государственного университета — Изд. Терентьева «Нартанг», 2006.

Андреев О.Е. К вопросу о развитии англо-российских отношений второй половины XIX века в освещении официальной дворянской историографии. — В сб.: Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, новое и новейшее время. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 6 / ред. Е.В. Кузнецов. Арзамас: Арзамасский государственный педагогический институт, 2010. С. 81–85.

Андрей Евгеньевич Снесарев. Жизнь и научная деятельность / ред. В.В. Балабушевич, Г.Г. Котовский. М.: Наука, 1973.

Ахмеджанов Г.А. Советская историография присоединения Средней Азии к России. Ташкент: Фан, 1989.

Ахмеджанов Г.А. Российская империя в Центральной Азии (история и историография колониальной политики царизма в Туркестане). Ташкент: Фан, 1995.

Ахмедова Л.Ш. Политика Англии в зоне Персидского залива в последней трети XIX – начале XX в. (1870–1914 гг.). СПб.: СПГУ, 2006.

Ахметжанов А. Агрессивные устремления английского капитализма в Западном Китае в 60-е-70-е гг. XIX в. // Алма-Атинский педагогический институт им. Абая. Ученые записки. Алма-Ата: Казахское государственное учебно-педагогическое издательство, 1956. Т. 11/1. С. 141–154.

Ахметжанов А. Возвращение Россией Кульджинского района Китаю // Алма-Атинский педагогический институт им. Абая. Ученые записки. Алма-Ата: Казахское государственное учебно-педагогическое издательство, 1957. Т. 14/2. С. 269–290.

Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. Ленинград: Ленинградский институт живых восточных языков, 1925.

Басин В.Я., Несипбаева К.Р. Внешняя торговля России со странами Востока на рубеже XIX–XX вв. — В сб.: Из истории международных отношений в Центральной Азии (средние века и новое время) / ред. Г.М. Исхаков. Алма-Ата: Гылым, 1990. С. 176–183.

Басханов М. Политика Англии в отношении государства Якуб-бека. — В сб.: Из истории международных отношений в Центральной Азии (средние века и новое время) / ред. Г.М. Исхаков. Алма-Ата: Гылым, 1990. С. 100–133.

Белов Е.А. Россия и Китай в начале XX в. М.: Восточная литература, 1997.

Берлин Л.Е. Англия и Тибет // Новый Восток. 1922. Кн. 2. С. 355–366.

Берлин Л.Е. Хамбо Агван Доржиев (к борьбе Тибета за независимость) // Новый Восток. 1923. Кн. 3. С. 139–156.

Богомолов С.А. Стратегические основы политики Британской индии на северо-западном фронтире (последняя треть XIX в.) // Восток. 2010. № 4. С. 34–44.

Бойкова Е.В. Российские военные экспедиции в Монголии в конце XIX в. — В сб.: Altaica I / ред. В.М. Алпатов. М.: ИВ РАН, 1997. С. 23–33.

Бокиев О.В. Англо-русское соперничество в Средней Азии в связи с присоединением территории Таджикистана к России. — В сб.: Актуальные проблемы истории и историографии Средней Азии (вторая половина XIX – начало XX в.) / ред. М.Б. Бабаханов. Душанбе: ТГУ, 1990. С. 3–29.

Бокиев О.Б. Завоевание и присоединение Северного Таджикистана, Памира и Горного Бадахшана к России. Душанбе: ТГУ, 1994.

Бондаревская Л.Г. Англо-русские отношения в Персии накануне Первой мировой войны. — В кн.: Россия на рубеже XIX–XX вв. / ред. А.Г. Голиков, А.П. Карелин. М.: Росспэн, 1999. С. 325–335.

Бондаревский Г.Л. Английская политика и международные отношения в бассейне Персидского залива (конец XIX – начало XX в.). М.: Наука, 1968.

Бугрова М.С. Британские экспедиции в Китай и соседние районы (70–90-е гг. XIX в.) // Восток. 2008. № 1. С. 130–137.

Бузынина Н.К., Виноградов К.Б. Лорд Керзон // Новая и новейшая история. 1973. № 5. С. 102–11; № 6. С. 116–27.

Бунаков Е.В. К вопросу о политических связях России с Восточным Туркестаном в правление Якуб-бека (1865–1877 гг.) // Академия наук Узбекской ССР. Бюллетень № 5. Ташкент, 1945. С. 21–24.

Бушев П.П. Герат и англо-иранская война 1856–1857 гг. М.: Восточная литература, 1959.

Вальская Б.А. Путешествия Егора Петровича Ковалевского. М.: Государственное географическое издательство, 1956.

Виноградов В.Н. Лорд Пальмерстон в европейской дипломатии // Новая и новейшая история. 2006. № 5. С. 182–209.

Виноградов В.Н. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и европейские державы // Новая и новейшая история. 2009. № 1. С. 127–143.

Виноградов К.Б., Бузынина Н.К. Лорд Керзон: рекорды тщеславия. — В сб.: Монархи, министры, дипломаты XIX–начала XX в. / ред. К.Б. Виноградов. СПб.: СПГУ, 2002. С. 259–291.

Виноградов К.Б., Науменков О.А. Маркиз Солсбери: последний архитектор Pax Britannica. — В сб.: Монархи, министры, дипломаты XIX–начала XX в. / ред. К.Б. Виноградов. СПб.: СПГУ, 2002. С. 157–192.

Витухновский А.Л. Из истории англо-русских отношений на Среднем Востоке в начальный период англо-бурской войны // Петрозаводский университет. Ученые записки. 1958. Т. 7. Исторические и философские науки. Вып. 1. С. 115–130.

Воскресенский А.Д. Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 г. М.: Памятники исторической мысли, 1995.

Воскресенский А.Д. Китай и Россия в Евразии. М.: Муравей, 2004.

Гелла Т.Н. Либеральная партия Великобритании и империя в конце XIX – начале XX вв. Орел: Орловский государственный педагогический институт, 1992.

Гелла Т.Н. Политические круги Великобритании о русско-английском соперничестве на Среднем Востоке (60-е – начало 70-х гг. XIX в.). — В сб.: Россия и Европа. Дипломатия и культура / ред. А.О. Чубарьян. М.: Наука, 1995. С. 117–128.

Гелла Т.Н. Либерализм и «новый империализм» в Великобритании в 80–90-х гг. XIX в. // Новая и новейшая история. 2001. № 2. С. 52–65.

Геогргиев В.А., Киняпина Н.С., Шеремет В.А. и др. Восточный вопрос во внешней политике России, конец XVIII – начало XX в. М.: Наука, 1978

Глущенко Е.А. Герои Империи: портреты российских колониальных деятелей. М.: XXI в. — Согласие, 2001.

Гневушева Е.И. Забытый путешественник. Жизнь и путешествия Петра Ивановича Пашино. М.: Географгиз, 1958.

Грудзинский В.В. На повороте судьбы: Великая Британия и имперский федерализм (последняя треть XIX–первая четверть XX в.). Челябинск: Челябинский государственный университет, 1996.

Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII –первой половине XIX века. М.: Наука, 1983.

Давидсон А.Б. О роли культурных связей в международных отношениях: Англо-российское литературное общество (1892–1930 гг.) // Новая и новейшая история. 2009. № 4. С. 85–98.

Давлетов Д., Ильясов А. Присоединение Туркмении к России. Ашхабад: Ылым, 1972.

Данилова Е.Н. Завещание Петра Великого. — В сб.: Проблемы методологии и источниковедения истории внешней политики России / ред. А.Л. Нарочницкий. М.: Наука, 1986. С. 213–279.

Данков А.Г. Британская историография второй половины XIX в. об англо-русских противоречиях в Центральной Азии // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 300 (I). С. 87–90.

Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М.: Русская панорама, 2003.

Дегоев В.В. Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918. М.: Росспэн, 2004.

Джамгерчинов Б.Д. Присоединение Киргизии к России. М.: Социально-экономическое государственное издательство, 1959.

Дубовицкий В.В. Востоковедческое образование как компонент подготовки офицеров русской армии в Средней Азии в XVIII – начале XX вв. (архив автора).

Дубовицкий В.В. Забытый путешественник (архив автора).

Дубовицкий В.В. Ликвидация исторической безграмотности. Арминий Вамбери — дервиш из Будапешта, www.ferghana.ru, 9 февраля 2007.

Дубовицкий В.В. Николай Леопольдович Корженевский: имя на карте Памира, www.ferghana.ru, 16 февраля 2007.

Дубровская Д.В. Судьба Синьцзяна. Обретение Китаем новой границы в конце XIX в. М.: ИВ РАН, 1998.

Егоров К.Б. Армейский офицерский корпус и имперская политика Великобритании во второй половине XIX века. — В сб.: Дипломатия и война. Вопросы истории международных отношений в новое и новейшее время / ред. А.Б. Соколов. Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет, 1998. С. 53–61.

Емец В.А. А.П. Извольский и перестройка внешней политики России (соглашения 1907 г.). — В кн.: Российская дипломатия в портретах / ред. А.В. Игнатьев, И.С. Рыбаченок, Г.А. Санин. М.: Международные отношения, 1992. С. 336–355.

Ерофеев Н.А. Английский колониализм в середине XIX века. М.: Наука, 1977.

Жигалина О.И. Великобритания на Среднем Востоке (XIX – начало XX в.). Анализ внешнеполитических концепций. М.: Наука, 1990.

Зайончковский А.М. Подготовка России к мировой войне в международном отношении. Ленинград: Тип. Управления делами Наркомвоенмор и РВС СССР, 1926.

Захарова Л.Г. Александр II и место России в мире // Новая и новейшая история. 2005. № 2. С. 164–193.

Зашихин А.Н. «Глядя из Лондона». Россия в общественном мнении Британии. Вторая половина XIX – начало XX в. Архангельск: Поморский международный педагогический университет, 1994.

Звавич А.И. Русско-английские отношения, 1909–1914 // Московский областной педагогический институт, Ученые записки. 1961. Т. 105. Вып. 6. С. 73–103.

Зырянов А.В. Великобритания: взгляд из России. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2005.

Иванов В.А. Россия и Туркестан в контексте Большой Игры: детерминизм и виртуальность в истории их взаимодействия. — В кн.: Россия – Средняя Азия. М.: URSS, 2011. Т. 1. С. 96–123.

Игнатьев А.В. Русско-английские отношения накануне первой мировой войны (1908–1914 гг.). М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1962.

Исиев Д.А. Уйгурское государство Йэттишар (1864–1877). М.: Наука, 1981.

Искандаров Б. И. Социально-экономические и политические аспекты истории памирских княжеств (X–первая половина XIX в.). Душанбе: Дониш, 1983.

История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века (от русско-французского союза до Октябрьской революции) / ред. А. В. Игнатьев. М.: Международные отношения, 1997.

История дипломатии / ред. В.М. Хвостов. М.: Государственное издательство политической литературы, 1963. Т. 2.

История народов Восточной и Центральной Азии с древнейших времен до наших дней / ред. Ю.В. Ганковский и др. М.: Наука, 1986.

История отечественного востоковедения с середины XIX в. до 1917 г. / ред. А.А. Вигасин и др. М.: Восточная литература, 1997.

Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII – начале XX в. М.: Наука, 1985.

Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии, М.: Центрполиграф, 2004.

Калинин А.И. О некоторых аспектах среднеазиатской политики России в 40-х – 80-х гг. XIX в. // Восточный архив. 2000. № 4–5. С. 49–54.

Каспарян К.В. Российско-британские отношения в 80-е гг. XIX в. Конец политики «блестящей изоляции» Великобритании. — В сб.: Проблемы отечественной и зарубежной истории: мнения, оценки, размышления. Пятигорский государственный лингвистический университет. Кафедра отечественной и зарубежной истории. Ученые записки / ред. В.П. Ермаков. Пятигорск: ПГЛУ, 2008. Вып. X. С. 212–240.

Кастельская З.Д. Из истории Туркестанского края (1865–1917). М., 1980.

Кертман Л.Е. О политических разногласиях в Англии по вопросу о сближении с царской Россией в период и после революции 1905–1907 гг. // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1961. № 1. С. 115–131.

Киняпина Н.С. Средняя Азия во внешнеполитических планах царизма (50-е – 80-е гг. XIX в.) // Вопросы истории. 1974. № 2. С. 36–51.

Киняпина Н.С. Генерал Д.А. Милютин и присоединение Средней Азии. — В кн.: Российская дипломатия в портретах / ред. А.В. Игнатьев, И.С. Рыбаченок, Г.А. Санин. М.: Международные отношения, 1992. С. 221–238.

Киняпина Н.С. Средняя Азия в планах и действиях России в 60-е – 80-е гг. XIX в. — В кн.: Россия и страны ближнего зарубежья: история и современность / ред. С.Л. Тихвинский. М.: ИРИ РАН, 1995. С. 127–142.

Киняпина Н.С., Блиев М.Н., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России (вторая половина XVIII – 80-е гг. XIX в.). М.: МГУ, 1984.

Клименко Н.П. Колониальная политика Англии на Дальнем Востоке в середине XIX в. М.: Наука, 1976.

Кнорринг Н.Н. Генерал Михаил Дмитриевич Скобелев. Исторический этюд. Париж: Иллюстрированная Россия, 1939.

Кожекина М.Т., Федорова И.Е. Политика Великобритании и США на Среднем Востоке в английской и американской историографии (очерки). М.: Наука, 1989.

Кожекина М.Т. Миссия генерала Н.С. Ермолова в Индию (1911 г.) // Восточный архив. 1999. № 2–3. С. 72–85.

Кожекина М.Т. Форпост России на Индостане. К 100-летию российского консульства в Индии // Восточный архив. 2001. № 6–7. С. 89–99.

Кожекина М.Т. Поездка П.П. Атаева в Индию (1906–1908). Из истории российской разведки в Азии // Восточный архив. 2002. № 8–9. С. 68–79.

Колесников А.А. Русские в Кашгарии (вторая половина XIX–начало XX в.). Миссии, экспедиции, путешествия. Бишкек: Раритет, 2006.

Корнеев В.В. Центрально-азиатский регион в военной политике России (XVIII – начало XX в.) // Восток. 2004. № 4. С. 5–16.

Котляр П.С. Русско-афганские отношения в середине XIX – начале XX в. и англо-русское соперничество на Среднем Востоке // Ташкентский педагогический институт. Ученые записки. История. 1962. Т. XXXIII. Вып. II. С. 57–249.

Кулешов Н.С. Россия и Тибет. М.: Восточная литература, 1992.

Леонтьев В.П. Иностранная экспансия в Тибете в 1888–1919 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1956.

Леонтьев М. Большая Игра. М.–СПб.: АСТ – Астрель, 2008.

Лисицына Н.Н. Пендинское сражение 1885 г. Новые документы // Восточный архив. 2004. № 11–12. С. 66–72.

Литвинов П.П. Британская Индия и русский Туркестан во второй половине XIX – начале XX в. — В сб.: Россия – Индия: перспективы регионального сотрудничества / ред.-сост. Г.И. Кузнецов. М.: Институт востоковедения РАН, 2001. С. 60–68.

Лихарев Д.В. Эра адмирала Фишера. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 1993.

Лужецкая Н.Л. Очерки истории Восточного Гиндукуша во второй половине XIX в. М.: Наука, 1986.

Лунева Ю.В. Лорд Эдуард Грей — мастер английской тайной дипломатии начала XX в. // Новая и новейшая история. 2009. № 5. С. 182–200.

Маннанов Б.С. Современная буржуазная историография о некоторых аспектах истории англо-русских отношений на Среднем Востоке (из истории «Большой игры»). — В сб.: Фальсификаторы истории (критика буржуазной историографии Средней Азии и стран зарубежного Востока) / ред. М.М. Хайруллаев, Н.А. Халфин. Ташкент: Фан, 1985. С. 51–75.

Мартиросов С.З. Англо-русские противоречия в Средней Азии в дореволюционной и советской исторической литературе. Чарджоу: Туркменский государственный педагогический институт, 1962.

Мартиросов С.З. Из истории англо-русского соперничества в Средней Азии в связи с присоединением Туркмении к России. Ашхабад, 1966.

Масальский В.Н. Скобелев. Исторический портрет. М.: Андреевский флаг, 1998.

Медяков А.С. История международных отношений в новое время. М.: Просвещение, 2007.

Мендельсон В.И. Англо-русское соглашение 1907 г. в освещении советских историков // Исторические записки. 1979. Т. 104. С. 268–281.

Моисеев В.А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Барнаул: Аз Бука, 2003.

Муханов В.М. Михаил Дмитриевич Скобелев // Вопросы истории. 2004. № 10. С. 57–81.

Мясников В.С. Договорными статьями утвердили: дипломатическая история русско-китайской границы XVII – XIX вв. М.: ИДВ РАН, 1996.

Нарочницкий А.Л. Англия, Россия и корейский вопрос накануне нападения Японии на Китай летом 1894 г. // Исторические записки. 1947. Вып. 24. С. 160–183.

Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке, 1860–1895. М.: Госполитиздат, 1956.

Нуриддинов З. Р. Англия и афгано-русское разграничение в 80-х гг. XIX в. // Ташкентский государственный педагогический институт. Ученые записки. История. Ташкент, 1962. Вып. 2. Т. XXXIII. С. 250–329.

Обухов В.Г. Схватка шести империй. Битва за Синьцзян. М.: Вече, 2007.

Орлов А.А. Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М.: Прогресс-Традиция, 2005.

Орлов А.А. «Теперь вижу англичан вблизи...»: Британия и британцы в представлениях россиян о мире и о себе (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.). Очерки. М.: Гиперборея, Кучково поле, 2008.

Орлов Е.А. Вопрос об «обороне Индии» от «русской угрозы» в историографии. — В сб.: Против колониализма и неоколониализма / ред. В.И. Данилов. М.: Наука, 1975. С. 38–59.

Остальцева А.Ф. Англо-русское соглашение 1907 г. Саратов: СГУ, 1977.

Остриков П.И. Английская помощь Японии во время русско-японской войны 1904–1905 гг. // Курский педагогический институт. Ученые записки. Курск, 1961. Вып. 13. С. 91–116.

Остриков П.И. К истории империалистической экспансии Англии в Иране в начале XX в. — В кн.: Против фальсификации истории колониализма / ред. К.М. Попов. М.: Восточная литература, 1962. С. 77–103.

Очерки истории российской внешней разведки / ред. Е.М. Примаков. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1.

Павленко И.И. Три так называемых завещания Петра I // Вопросы истории. 1979. № 2. С. 129–144.

Павлов Д.Б. Русско-японская война 1904–1905 гг. Секретные операции на суше и на море. М.: Материк, 2004.

Пак Б.Д. Россия и Корея. М.: Восточная литература, 1979.

Панин С.Б. «Советская угроза» Британской Индии: афганский плацдарм (20-е гг. XX в.) // Восток. 2001. № 6. С. 24–35.

Парфенов И.Д. Колониальная экспансия Великобритании в последней трети XIX в. (движущие силы, формы и методы). М.: Наука, 1991.

Пашуканис С. К истории англо-русского соглашения 1907 г. // Красный архив. 1935. № 2–3 (69–70). С. 3–39.

Петров В.И. Мятежное «сердце» Азии. Синьцзян: краткая история народных движений и воспоминания. М.: Крафт Плюс, 2003.

Плескачевская И. Китайский Туркестан // Вокруг света. 2006. № 8. С. 78–98.

Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1923.

Полинов И.Г. Происки английских и японских империалистов в Синьцзяне (конец XIX – начало XX вв.) // Труды Института востоковедения АН УзССР, Ташкент, 1954. Вып. 2. С. 80–90.

Попов А.Л. Англо-русское соперничество на путях Ирана // Новый Восток. 1926. Кн. 12. С. 127–148.

Попов А.Л. Россия и Тибет // Новый Восток. 1927. Кн. 18. С. 101–119; 1928. Кн. 20. С. 33–54.

Попов А.Л. Борьба за среднеазиатский плацдарм // Исторические записки. 1940. Т. 7. С. 182–235.

Попов А.Л. Из истории завоевания Средней Азии // Исторические записки. 1940. Т. 9. С. 198–242.

Порохов С.Ю. Битва империй. Англия против России. М.–СПб.: АСТ – Астрель, 2008.

Постников А.В. Схватка на «крыше мира». Политики, разведчики, генералы в борьбе за Памир в XIX веке. М.: Рипол–Классик, 2005.

Раскольников Ф. Россия и Афганистан. Исторический очерк // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 12–48.

Ревякин А.В. История международных отношений в новое время. М.: Роспэн, 2004.

Ремнев А.В. Как обустроить Россию. Геополитические прогнозы бывшего министра Куропаткина // Родина, 2004. № 9. С. 32–34.

Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск: Омский государственный университет, 2004.

Ремнев А.В. У истоков российской имперской геополитики: азиатское «пограничное пространство» в исследованиях М.И. Венюкова // Исторические записки. М.: Наука, 2001. Т. 4 (122). С. 344–369.

Рибер А. Сравнивая континентальные империи. — В сб.: Российская империя в сравнительной перспективе / ред. А.И. Миллер. М.: Новое издательство, 2004. С. 33–70.

Рожкова М.К. Экономические связи России со Средней Азией, 40-е–60-е гг. XIX в. М.: Изд-во АН СССР, 1963.

Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892–1906). Ленинград: Госполитиздат, 1928.

Романова Г.Н. Экономические отношения России и Китая на Дальнем Востоке XIX – начало XX вв. М.: Наука, 1987.

Романова Е.В. Путь к войне: развитие англо-германского конфликта, 1898–1914. М.: Макс Пресс, 2008.

Романова М.И. Англо-русское морское соперничество на Дальнем Востоке в середине XIX в. и отношение к нему либеральных кругов Великобритании. — В кн.: Российский флот на Тихом океане: история и современность. Владивосток, 1996. Вып. 2. С. 11–15.

Ростовский С.Н. Царская Россия и Синьцзян в XIX – XX вв. // Историк-марксист. 1936. Кн. 3 (155). С. 36–53.

Русское географическое общество: 150 лет / ред. А.Г. Исаченко. М.: Прогресс–Пангея, 1995.

Рустамов У. Из истории английской агрессии на границах Памира в конце 80-х и в начале 90-х гг. XIX в. // Труды Института востоковедения АН УзССР. Ташкент, 1954. Вып. II. С. 70–79.

Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский мир, 2006.

Семенов Л.С. Россия и международные отношения на Среднем Востоке в 20-е гг. XIX века. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1963.

Семенов Л.С. Россия и Англия. Экономические отношения середины XIX в. Ленинград: ЛГУ, 1975.

Сенокосов А.Г. Эволюция Антанты как военно-политического союза (1891–1923) // Вестник РГГУ. Сер. Международные отношения. Регионоведение. 2009. № 14/09. С. 72–81.

Сергеев Е.Ю. Образ Великобритании в представлении российских дипломатов и военных в конце XIX – начале XX вв. — В сб.: Россия и Европа в XIX – XX вв. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М., ИРИ РАН, 1996. С. 166–174.

Сергеев Е.Ю. Политика Великобритании и Германии на Дальнем Востоке 1897–1903 гг. М.: ИВИ РАН, 1998.

Сергеев Е.Ю. Военная разведка России в борьбе с Японией, 1904–1905 гг. // Отечественная история. 2004. № 3. С. 78–92.

Сергеев Е.Ю. Имперские военные элиты России и Великобритании в конце XIX – начале XX вв.: опыт сравнительного анализа. — В сб.: Россия и Британия. Связи и взаимные представления. XIX–XX века / ред. А.Б. Давидсон. М., Наука, 2006. Вып. 4. С. 228–247.

Сергеев Е.Ю. Англо-российская Антанта 1907 г. Новые аспекты // Новая и новейшая история. 2007. № 5. С. 50–65.

Сергеев Е.Ю. «Дипломатическая революция» 1907 г. в отношениях России и Великобритании // Восток. 2008. № 2. С. 80–93.

Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М.: Наука, 1977.

Смирнов А. У стен Индии. Памирские походы при Александре III // Родина. 2001. № 8. С. 67–70.

Сутеева К.А. Русские военные историки XIX в. о причинах и мотивах движения России на Восток (в Среднюю Азию и Южный Казахстан), www.kungrad.com/history/st/rushis/

Сухов И. Солдат «Большой игры» // Время новостей, 26 февраля 2009 г.

Сухоруков С.А. Иран между Британией и Россией. От политики до экономики. СПб.: Алетейя, 2009.

Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д. Неизвестный Пржевальский // Араиварта. 1997. № 1. С. 207–226.

Телепина Г. Русская печать о политике Англии в Тибете в начале XX в. // Институт Дальнего Востока. Информационный бюллетень. 1983. № 120. Ч. 2. С. 62–71.

Тер-Егизарова Р.М. Туркестанское генерал-губернаторство и англо-русское соглашение 1907 г. // Ташкентский государственный университет. Научные труды. 1969. Вып. 343. Материалы по истории присоединения Средней Азии к России. Ч. 1. С. 93–99.

Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада: период трансформации (1894–1903) // Восток. 2010. № 3. С 69–79.

Тихомиров М.Н. Присоединение Мерва к России. М.: Восточная литература, 1960.

Тихонов Д.И. Восстание 1864 г. в Восточном Туркестане // Советское востоковедение. М.–Л., 1948. Вып. 5. С. 155–172.

Тихонов Н.С. Вамбери. М.: Мысль, 1974.

Тихонов Ю.Н. Новый источник по истории «Большой Игры» в Афганистане в период двух мировых войн // Восточный архив. 2005. № 13. С. 102–111.

Трухановский В.Г. Бенджамин Дизраэли, или история одной невероятной карьеры. М.: Наука, 1993.

Улунян А.А. Магистрализация пространства. Центрально-азиатский вектор в оценках и прогнозах имперских военных и гражданских чиновников (конец XIX – начало XX в.) // Ирано-Славика. 2004. № 3–4. С. 16–23.

Улунян А.А. «Центрально-Азиатская игра» российской бюрократии (конец XIX – начало XX в.) // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. 2008. № 1–4. С. 89–107.

Улунян А.А. Новая политическая география. М.: ИВИ РАН, 2009.

Улунян А.А. Британский концепт «этнополитического пространства» в «Большой игре» и его крушение (70-е–80-е гг. XIX в.) // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. 2009. № 1. С. 175–190.

Усманов К. Уйгурские источники о восстании в Синьцзяне 1864 г. // Вопросы истории. 1947. № 2. С. 87–89.

Уткин А.И. Русско-японская война. В начале всех бед. М.: Эксмо, Алгоритм, 2005.

Фальсификаторы истории (критика буржуазной историографии Средней Азии и стран Зарубежного Востока) / ред. М.М. Хайруллаев, Н.А. Халфин. Ташкент: Фан, 1985.

Фесенко П.И. История Синьцзяна. М.: Институт востоковедения, 1935.

Халфин Н.А. Английская колониальная политика на Среднем Востоке (70-е гг. XIX в.). Ташкент: САГУ, 1957.

Халфин Н.А. Провал британской агрессии в Афганистане (XIX – начале XX в.). М.: Соцэкгиз, 1959.

Халфин Н.А. Политика России в Центральной Азии. М.: Наука, 1960.

Халфин Н.А. Миссии из Индии в Россию во второй половине XIX века. М.: Восточная литература, 1963.

Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России (60–90-е гг. XIX в.). М.: Наука, 1965.

Халфин Н.А. Драма в спальне отеля // Вопросы истории, 1966. № 10. С. 216–220.

Халфин Н.А. А.Е. Снесарев и «среднеазиатский вопрос». — В сб.: Андрей Евгеньевич Снесарев. Жизнь и научная деятельность / ред. В.В. Балабушевич, Г.Г. Котовский. М.: Наука, 1973. С. 97–109.

Халфин Н.А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). М.: Наука, 1974.

Халфин Н.А. Россия и Бухарский эмират на Западном Памире (конец XIX – начало XX в.). М.: Восточная литература, 1975.

Халфин Н.А. Лорд Керзон — идеолог и политик британского империализма // Новая и новейшая история. 1983. № 1. С. 120–40.

Халфин Н.А. Дж.Н. Керзон в российской Средней Азии // Вопросы истории. 1988. № 3. С. 106–115.

Халфин Н.А., Рассадина Е.Ф. Н.В. Ханыков — востоковед и дипломат. М.: Наука, 1977.

Харюков Л.Н. Англо-русское соперничество в Центральной Азии и исмаилизм. М.: МГУ, 1995.

Хевролина В.М. Российский дипломат граф Н.П. Игнатьев. М.: ИРИ РАН, 2004.

Хидоятов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60-е–70-е гг.). Ташкент: Фан, 1969.

Хидоятов Г.А. Россия и Средняя Азия во второй половине XIX века // Ташкентский государственный университет. Научные труды. Ташкент, 1969. Вып. 343. Материалы по истории присоединения Средней Азии к России. Ч. 1. С. 11–30.

Хидоятов Г.А. Британская экспансия в Средней Азии (Пенде, март 1885 г.). Ташкент: Фан, 1981.

Хидоятов Г.А., Маннанов Б.С. Против фальсификации исторического значения присоединения Средней Азии к России. — В сб.: Фальсификаторы истории (критика буржуазной историографии Средней Азии и стран зарубежного Востока) / ред. М.М. Хайруллаев, Н.А. Халфин. Ташкент: Фан, 1985. С. 38–50.

Хохлов А.Н. Военная помощь России Китаю в конце 50-х – начале 60-х гг. XIX в. — В сб.: Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (история и экономика) / ред. И.С. Казакевич. М., 1967. С. 121–130.

Хохлов А.Н. Российская школа переводчиков в Кульдже // Восточный архив. 1998. № 1. С. 24–30.

Хохлов А.Н. Российская школа переводчиков в Урге (1864–1884) // Восточный архив. 2001. № 6–7. С. 35–46.

Худзиевская Я., Ястер Я. Люди великой отваги. Рассказы о польских путешественниках. М.: Географгиз, 1957.

Центральная Азия в составе Российской империи / ред. С.Н. Абашин, Д.Ю. Арапов, Н.Е. Бекмаханова. М.: Новое литературное обозрение, 2008.

Чичерин Г.В. Статьи и речи по вопросам международной политики / сост. Л.И. Трофимова. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1961.

Шалина А.В. Политика Великобритании в Средней Азии и на Дальнем Востоке в 1904–1906 гг.: от противостояния с Россией к англо-русской конвенции (по доне-

сениям российских военных агентов). — В сб.: Проблемы всеобщей истории: события, люди, факты / ред. И.Г. Жиряков. М.: МГОПУ, 2000. С. 80–93.

Шаститко П.М. К вопросу о мифической «русской угрозе» Индии. — В кн.: Против фальсификации истории колониализма / ред. К.М. Попов. М., 1962. С. 182–196.

Шаумян Т.Л. Тибет в международных отношениях в начале 20 века. М.: Наука, 1977.

Широкорад А.Б. Россия – Англия: неизвестная война, 1857–1907. М.: АСТ, 2003.

Шкваров А.Г. Генерал-лейтенант Маннергейм. Рожден для службы царской... СПб.: Русская военная жизнь, 2005.

Шкунов В.Н. Бухарские евреи и торговые связи России с ханствами Средней Азии во второй половине XVIII – XIX в. // Восток. 2010. № 4. С. 129–133.

Шолохов А.Б. Полководец, Суворову равный, или минский корсиканец Михаил Скобелев. М.: ЮниВестМедиа, 2008.

Штейнберг Е.Л. Английская версия о «русской угрозе» Индии в XIX – XX вв. // Исторические записки. 1950. Т. 33. С. 47–66.

Штейнберг Е.Л. История британской агрессии на Среднем Востоке. М.: Военное издательство, 1951.

Юлдашева Ф. Из истории английской колониальной политики в Афганистане и Средней Азии (70-е–80-е гг. XIX в.). Ташкент: Фан, 1963.

На иностранных языках

Addy P. Imperial Prophet or Scaremonger? Curzon's Tibetan Policy Reconsidered // Asian Affairs. 1983. Vol. 14. Part. 1. P. 54–67.

Addy P. Tibet on the Imperial Chessboard: The Making of British Policy towards Lhasa, 1899–1905. Calcutta, New Delhi: Academic Publishers, 1984.

Alder G. British India's Northern Frontier, 1865–95. A Study in Imperial Policy. London: Longmans, 1963.

Alder L., Dalby R. The Dervish of Windsor Castle: The Life of Arminius Vambery. London: Bachman and Turner, 1979.

Allen C. Soldier Sahibs: The Men Who Made the North-West Frontier. London: J. Murray, 2000.

Allen C. Duel in the Snows: The True Story of the Younghusband Mission to Lhasa. London: J. Murray, 2004.

Allworth E. (ed.) Central Asia, 120 Years of Russian Rule. Durham–London: Duke University Press, 1989.

Allworth E. (ed.) Central Asia, 130 Years of Russian Dominance. *A Historical Overview.* Durham, London: Duke University Press, 1994.

Anderson M. The Eastern Question, 1774–1923: A Study in International Relations. London, etc.: Macmillan; New York: St Martin's Press, 1966.

Andrew C. Secret Service. The Making of the British Intelligence Community. London: Heinemann, 1985.

Andrew C. Secret Intelligence and British Foreign Policy, 1900–1939. — In: C. Andrew, J. Noakes (eds) Intelligence and International Relations, 1900–45. Exeter: University of Exeter, 1987. P. 9–28.

Andreeva E. Russia and Iran in the Great Game: Travelogues and Orientalism. London–New York: Routledge, 2007.

Andreyev A. Indian Pundits and the Russian Exploration of Tibet: An Unknown Story // Central Asiatic Journal. 2001. Vol. 45. P. 163–180.

Andreyev A. Soviet Russia and Tibet. A Debacle of Secret Diplomacy. — In: A. Mckay (ed.) The History of Tibet. London–New York: RoutledgeCurzon, 2003. Vol. 3. P. 434–454.

Anwar Khan M. England, Russia and Central Asia: A Study in Diplomacy, 1857–1878. Peshawar: University Book Agency, 1963.

Armitage D. The Ideological Origins of the British Empire. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Arthur G. Life of Lord Kitchener. S. l.: Macmillan, 1920. Vol. 2.

Avery P. Modern Iran. London: E. Benn, 1965.

Bacon E. Central Asians under Russian Rule: A Study in Culture Change. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1966.

Barrow I. Making History, Drawing Territory: British Mapping in India, c. 1756–1905. New Delhi, Oxford: Oxford University Press, 2003.

Bassin M. Russia between Europe and Asia: The Ideological Construction of Geographical Space // Slavic Review. 1991. Vol. 50. № 1. P. 1–17.

Bayly C. Empire and Information: Intelligence Gathering and Social Communication in India, 1780–1870. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

Becker S. Russia's Protectorates in Central Asia: Bokhara and Khiva, 1865–1924. Cambridge, Ma: Harvard University Press, 1968.

Becker S. Russia's Central Asian Empire, 1885–1917. — In: M. Rywkin (ed.) Russian Colonial Expansion to 1917. London and New York: Manswell Publishers, 1988. P.235–256.

Becker S. The Russian Conquest of Central Asia and Kazakhstan: Motives, Methods, Consequences. — In: H. Malik (ed.) Central Asia: its Strategic Importance and Future Prospects. New York: St Martin's Press, 1994. P. 21–38.

Beckett I., Gooch J. (eds) Politicians and Defense: Studies in the Formulation of British Defense Policy, 1845–1970. Manchester: Manchester University Press, 1981.

Beloff M. Britain's Liberal Empire, 1897–1921. London: Methuen, 1969.

Benians E., Butler J., Carrington C. (eds) The Cambridge History of the British Empire. Cambridge: Cambridge University Press, 1959. Vol. 3.

Bilof E. China in Imperial Russian Military Planning, 1881–1887 // Military Affairs. 1982. Vol. 46. № 2. P. 69–75.

Blake R. Disraeli. London: Eyre and Spottiswoode, 1966.

Bourne K. The Foreign Policy of Victorian England, 1830–1902. Oxford: Clarendon Press, 1970.

Brown J.,Louis W. (eds) The Oxford History of the British Empire. Oxford: Oxford University press, 1999. Vol. 3.

Braun P. Die Verteidigung Indiens, 1800–1907. Das Problem der Vorwaertsstrategie. Koeln: Boehlau Verlag, 1968.

Broadbent T. On the Younghusband's Path Peking to Pindi. King's Lynn: Head-Hunter Books, 2005.

Brobst P. The Future of the Great Game. Sir Olaf Caroe, India's Independence and the Defense of Asia. Akron, Ohio: The University of Akron Press, 2005.

Brower D. Turkestan and the Fate of the Russian Empire. London: RoutledgeCurzon, 2003.

Burroughs P. Imperial Defense and the Victorian Army // Journal of Imperial and Commonwealth History. 1986. Vol. XV. № 1. P. 55–72.

Caroe O. The Pathans: 500 B.C. – A.D. 1957. Oxford: Oxford University Press, 1984.

Cecil G. Life of Robert, Marquis of Salisbury. London: Hodder and Stoughton, 1921–1932. Vol. 1–4.

Chamberlain M. "Pax Britannica"? 1789–1914, London: Longman, 1988.

Chang, Sungkwan. Russian Designs on the Far East. — In: T. Hunczak (ed.) Russian Imperialism from Ivan the Great to the Revolution. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1974. P. 299–321.

Charmley J. Splendid Isolation? Britain, the Balance of Power and the Origins of the First World War. London: Hodder and Stoughton, 1999.

Chavda V. India, Britain, Russia. A Study in British Opinion, 1838–1878. Delhi: Sterling Publishers, 1967.

Cho Myung Hyun. Korea and the Major Powers. An Analysis of Power Structure in East Asia. Seoul: Research Center for Peace and Unification of Korea, 1989.

Chu Wen-Djang. The Moslem Rebellion in North West China, 1862–1878. A Study of Government Minority Policy. The Hague–Paris: Mouton, 1966.

Churchill R. Anglo-Russian Convention of 1907. Cedar Rapids, Ia.: The Torch Press, 1939.

Clubb E. China and Russia. The"Great Game". New York and London: Columbia University Press, 1971.

Clyde P. International Rivalries in Manchuria, 1689–1922. Columbus: The Ohio State University Press, 1928.

Dabbs J. History of the Discovery and Exploration of Chinese Turkistan. The Hague: Mouton, 1963.

Dallin D. The Rise of Russia in Asia. New Haven: Yale University Press, 1950.

Darby P. Three Faces of Imperialism. British and American Approaches to Asia and Africa, 1870–1970. New Haven and London: Yale University Press, 1987.

Das D. India from Curzon to Nehru and After. New York: J. Day, 1970.

Davies C. Lord Curzon's Frontier Policy and the Formation of the North-West Frontier Province, 1901 // Army Quarterly. 1927. Vol. 13. P. 261–273.

Davis C. Railway Imperialism in China. — In: C. Davis, W. Kenneth, jr. (eds) Railway Imperialism. New York: Greenwood Press, 1991, pp. 155–73.

Davis H. The Great Game in Asia, 1800–1844. London–Oxford: H. Milford – Oxford University Press, 1927.

Davis L., Huttenback R. Mammon and the Pursuit of Empire. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.

Deacon R. A History of the British Secret Service. New York: Taplinger Publishing Co., 1970.

Deacon R. A History of the Russian Secret Service. London: F. Muller, 1972.

Dilks D. Curzon in India. London: Rupert Hart-Davis, 1969. Vol. 1–2.

D'Ombrain N. War Machinery and High Policy. Defense Administration in Peacetime Britain 1902–1914. Oxford: Oxford University Press, 1973.

Dugdale B. Arthur James Balfour. London: Hutchinson, 1939. Vol.1–2.

Duthie J. Some Further Insights into the Working of Mid-Victorian Imperialism: Lord Salisbury and Anglo-Afghan Relations: 1874–78 // Journal of Imperial and Commonwealth History. 1980. Vol. VIII. № 3. P. 181–208.

Duthie J. Pragmatic Diplomacy of Imperial Encroachment? British Policy towards Afghanistan, 1874–79 // History Review. 1983. Vol. V. № 4. P. 475–495.

Edwardes M. High Noon of Empire: India under Curzon. London: Eyre and Spottiswood, 1965.

Edwardes M. Playing the Great Game. London: Hamish Hamilton, 1975.

Eldridge C. England's Mission: The Imperial Idea in the Age of Gladstone and Disraeli. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1974.

Eldridge C. Victorian Imperialism. London, etc.: Hodder and Stoughton, 1978.

Elliott G. The Frontier. The Story of the North-West Frontier of India. London: Cassell, 1968.

Evans J. Russian Expansion on the Amur, 1848–1860. The Push to the Pacific. New York, etc.: The Edwin Mellen Press, 1999. Vol. 1.

Fairbank J. (ed.) The Chinese World Order: Traditional China's Foreign Relations. Cambridge, Ma: Harvard University Press, 1968.

Fergusson T. British Military Intelligence, 1870–1914. The Development of a Modern Intelligence Organization. Frederick, Md.: University Publications of America, 1984.

Fleming P. Bayonets to Lhasa. The First Full Account of the British Invasion of Tibet in 1904. London: Rupert Hart-Davis, 1961.

Fletcher J. China and Central Asia, 1368–1884. — In: J. Fairbank (ed.) The Chinese World Order. Traditional China's Foreign Relations. Cambridge, Ma.: Harvard University Press, 1968. P. 206–224.

Ford B. (ed.) The Cambridge Cultural History of Britain. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. Vol. 8.

Fraser-Tytler, W. Afghanistan. A Study of Political Developments in Central and Southern Asia. London: Oxford University Press, 1967.

Frechtling L. Anglo-Russian Rivalry in Eastern Turkistan, 1863–1881 // The Journal of the Royal Central Asian Society. 1939. Vol. XXVI. Part III. P. 471–489.

French D., Reid B. (eds) The British General Staff: Reform and Innovation c. 1890–1939. London: Cass, 2002.

French P. Younghusband: The Last Great Imperial Adventurer. London: Harper Collins, 1994.

Friedberg A. The Weary Titan: Britain and the Experience of Relative Decline, 1895–1905. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1988.

Fromkin D. The Great Game in Asia // Foreign Affairs. 1980. Vol. LVIII. № 4. P. 936–951.

Galton D. The Anglo-Russian Literary Society // Slavonic and East European Review. 1968. Vol. 46. № 107. P. 19–38.

Garthoff R. Military Influences and Instruments. — In: I. Lederer (ed.) Russian Foreign Policy. Essays in Historical Perspective. New Haven and London: Yale University Press, 1962. P. 243–277.

Geyer D. Der Russische Imperialismus. Studien ueber den Zusammenhang von innerer und auswaertiger Politik 1860–1914. Goettingen: Vandenhoeck and Ruprecht, 1977.

Gibbs N. The Origins of Imperial Defense. Oxford: Clarendon Press, 1955.

Gillard D. Salisbury and the Indian Defense Problem, 1885–1902. — In: K. Bourne, D. Watt (eds) Studies in International History. London: Longmans, 1967.

Gillard D. The Struggle for Asia 1828–1914: A Study in British and Russian Imperialism. London: Methuen, 1977.

Gilmor D. Curzon. London: Papermac, 1994.

Glatfelter R. Russia, the Soviet Union, and the Chinese Eastern Railway. — In: C. Davis, K. Wilburn, jr. (eds) Railway Imperialism. New York, etc.: Greenwood Press, 1991. P. 137–154.

Gleason J. The Genesis of Russophobia in Great Britain. A Study in the Interaction of Policy and Opinion. Cambridge, Ma: Harvard University Press, 1950.

Goldfrank D. Crimea Redux? On the Origins of the War. — In: J. Steinberg, et al. (eds) The Russo-Japanese War in Global Perspective: World War Zero. Leiden-Boston: Brill, 2005. P. 87–101.

Goodlad G. British Foreign and Imperial Policy, 1865–1919. London–New York: Routledge, 2000.

Gopal S. British Policy in India, 1858–1905. Cambridge: Cambridge University Press, 1965.

Goradia N. Lord Curzon. The Last of the British Moguls. Delhi, etc.: Oxford University Press, 1993.

Greaves R. Persia and the Defense of India, 1884–1892. A Study in the Foreign Policy of the Third Marquis of Salisbury. London: The Athlone Press, 1959.

Grenville J. Lord Salisbury and Foreign Policy: The Close of the Nineteenth Century. London: The Athlone Press, 1964.

Gruening I. Die Russische oeffentliche Meinung und ihre Stellung zu den Grossmaechte vom Berliner Kongress bis zum Abschluss des franko-russischen Buendnis. Berlin: F.W. Universitaet zu Berlin, 1927.

Guedalla P. Palmerston. London: Hodder and Stoughton, 1926.

Guillen P. L'Expansion 1881–1898. Paris: Imprimerie nationale, 1984.

Habberton W. Anglo-Russian Relations Concerning Afghanistan, 1837–1907. Urbana, Il: University of Illinois Press, 1937.

Handel M. War, Strategy and Intelligence. London: F. Cass, 1989.

Handel M. Intelligence and Military Operations. London, Portland, Or: Cass, 1990.

Hargreaves J. Entente Manquée: Anglo-Russian Relations 1895–1896 // Cambridge Historical Journal. 1953. Vol. 1. P. 65–92.

Hassnain F. British Policy towards Kashmir (1846–1921). (Kashmir in Anglo-Russian Politics). New Delhi: Sterling Publishers, 1974.

Hauner M. The Last Great Game // The Middle East Journal. 1984. Vol. 38. № 1. P. 72–84.

Hauner M. What is Asia to Us? Russia's Asian Heartland Yesterday and Today. Boston: Unwin Hyman, 1990.

Henze P. The Great Game in Kashgaria: British and Russian Missions to Yakub Bek // Central Asia Survey. 1989. № 2. P 61–95.

The History of the Times. London: The Office of the Times, 1947. Vol. 3.

Holdsworth M. Turkistan in the Nineteenth Century. A Brief History of the Khanates of Bukhara, Kokand and Khiva. Oxford: Central Asian Research Institute, 1959.

Hopkins B. The Myth of the "Great Game": The Anglo-Sikh Alliance and Rivalry // University of Cambridge, Centre of South Asian Studies. Occasional Paper. 2004. № 5. P. 1–36.

Hopkirk P. Trespassers on the Roof of the World. The Race for Lhasa. London: J. Murray, 1982.

Hopkirk P. The Great Game: On Secret Service in High Asia. London: J. Murray, 1990.

Hopkirk P. On Secret Service East of Constantinople. The Plot to Bring Down the British Empire. London: J. Murray, 1994.

Hopkirk P. The Quest for Kim. In Search of Kipling's Great Game. Oxford: Oxford University Press, 1996.

Hou Chiming. Foreign Investment and Economic Development in China, 1840–1937, Cambridge, Ma: Harvard University Press, 1965.

Howard C. Splendid Isolation. A Study of Ideas Concerning Britain's International Position and Foreign Policy during the Latter Years of the Third Marquis of Salisbury. London, etc.: Macmillan, 1967.

Hsu I. The Ili Crisis. A Study of Sino-Russian Diplomacy, 1871–1881. Oxford: Clkarendon Press, 1965.

Huggler J., Connan C. China Reopens a Passage to India // The Independent, 20 June 2006.

Hughes M. Bernard Pares, Russian Studies and the Promotion of Anglo-Russian Friendship, 1907–1914 // The Slavonic and East European Review. 2000. Vol. 78. № 3. P. 510–535.

Hughes M. Diplomacy before the Russian Revolution. Britain, Russia and the Old Diplomacy, 1894–1917. Houndmills, Basingstoke and London: Macmillan, 2000.

Hunczak T. (ed.) Russian Imperialism from Ivan the Great to the Revolution. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 1974.

Hundley H. Tibet's Part in the "Great Game // History Today. 1993. Vol. 43. P. 45–50.

Huttenback R. The "Great Game" in the Pamirs and Hindu Kush: The British Conquest of Hunza and Nagar // Modern Asian Studies. 1975. Vol. 9. № 1. P. 1–29.

Hyam R. Britain's Imperial Century. 1815–1914: A Study of Empire and Expansion. London: Batsford, 1976.

Hyam R. The Primacy of Geopolitics: The Dynamics of British Imperial Policy, 1763–1963', in: R. King and R. Kilson (eds.) *The Statemancraft of British Imperialism,* London-Portland, Or: Cass, 1999. pp. 27–52.

Ignatiev A.V. The Foreign Policy of Russia in the Far East at the Turn of the Nineteenth and Twentieth Centuries. — In: H. Ragsdale (ed.) Imperial Russian Foreign Policy. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 247–267.

Ingle H. Nesselrode and the Russian Rapprochement with Britain, 1836–1844. Berkeley: University of California Press, 1976.

Ingram E. The Beginning of the Great Game in Asia, 1828–1834. Oxford: Clarendon Press, 1979.

Ingram E. Commitment to Empire: Prophesies of the Great Game in Asia, 1797–1800. Oxford: Clarendon Press, 1981.

Ingram E. In Defense of British India: Great Britain in the Middle East, 1775–1842. London: Cass, 1984.

Jackson J. The Committee of Imperial Defense, the Foreign Office and the Drift to a Continental Commitment: A Study in British Policy Making, 1902–1914. Tors Park, Ilfracombe: Arthur H. Stockwell, 2002.

James L. The Rise and Fall of the British Empire. London: Little, Brown and Co., 1994.

James R. Rosebery. A Biography of Archibald Philip, Fifth Earl of Rosebery. London: Weidenfeld and Nicolson, 1963.

Jeffrey K. The Eastern Arc of Empire: A Strategic View, 1850–1950 // The Journal of Strategic Studies. 1982. Vol. 5. № 4. P. 531–545.

Jelavich B. British Means of Offence against Russia in the Nineteenth Century // Russian History. 1974. Vol. 1. Part 2. P. 119–135.

Jelavich B. St Petersburg and Moscow. Tsarist and Soviet Foreign Policy, 1814–1974. Bloomington-London: Indiana University Press, 1974.

Jenkins R. Gladstone. A Biography. New York: Random House, 1995.

Johnson F. Defense by Committee: The British Committee of Imperial Defence, 1885–1959. London, etc.: Oxford University Press, 1960.

Johnson R. British Imperialism. Houndmills, Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2003.

Johnson R. Russians at the Gates of India? Planning the Defense of India, 1884–1899 // Journal of Military History. 2003. Vol. 67. № 3. P. 697–743.

Johnson R. Spying for Empire. The Great Game in Central and South Asia, 1757–1947. London: Greenhill Books, 2006.

Judd D. Balfour and the British Empire. A Study in Imperial Evolution 1874–1932. London: Macmillan, 1968.

Kaminsky A. The India Office, 1880–1910. London: Mansell, 1986.

Kazemzadeh F. Russia and the Middle East. — In: I. Lederer (ed.) Russian Foreign Policy. Essays in Historical Perspective. New Haven and London: Yale University Press, 1962. P. 489–530.

Kazemzadeh F. Russia and Britain in Persia, 1864–1914, New Haven: Yale University Press, 1968.

Keay J. Where Men and Mountains Meet: The Explorers of the Western Himalayas, 1820–1875. London: J. Murray, 1977.

Keay J. The Gilgit Game: The Explorers of the Western Himalayas, 1865–1895. Hamden, Conn.: Archon Books, 1979.

Kelly J. Salisbury, Curzon and the Kuwait Agreement of 1899. — In: K. Bourne, D. Watt (eds) Studies in International History. London: Longmans, 1967. P. 249–90.

Kelly J. Britain and the Persian Gulf, 1795–1880. Oxford: Clarendon Press, 1968.

Kennedy A. Salisbury, 1830–1903: Portrait of a Statesman. London: J. Murray, 1971.

Kennedy P. The Realities behind Diplomacy. Background Influences on British External Policy, 1865–1900. London: G. Allen and Unwin, 1981.

Kennedy P. Strategy and Diplomacy, 1870–1945. London: G. Allen and Unwin, 1983.

Kiernan E. British Diplomacy in China, 1880 to 1885. Cambridge: Cambridge University Press, 1939.

Kim E., Kim H. Korea and the Politics of Imperialism, 1876–1910. Berkeley: University of California Press, 1967.

Kim Hodong. Holy War in China: The Muslim Rebellion and State in Chinese Central Asia, 1864–1877. Stanford: Hoover Institutions Press, 2004.

King P. The Viceroy's Fall: How Kitchener Destroyed Curzon. London: Sidgwick and Jackson, 1986.

Klein I. The Anglo-Russian Convention and the Problem of Central Asia, 1907–1914 // The Journal of British Studies. 1971. Vol. XI. № 1. P. 126–147.

Kleveman L. The New Great Game: Blood and Oil in Central Asia (oil and gas resources and the struggle to control them). New York: Atlantic Monthly Press, 2003.

Knaplund P. Gladstone's Foreign Policy. London: Cass, 1970.

Korff S. Russia's Foreign Relations during the Last Half-Century. London: Macmillan, 1922.

Koskikallio P., Lehmuuskallio A.(eds) K.G. Mannerheim in Central Asia, 1906–1908. Helsinki: National Board of Antiquities, 1999.

Kowner R. "Lighter than Yellow, but not Enough", Western Discourse on the Japanese Race // The Historical Journal. 2000. Vol. 43. № 1. P. 103–131.

Kowner R. (ed.) The Impact of the Russo-Japanese War. London: RoutledgeCurzon, 2006.

Kuleshov N. Agvan Dorjiev, the Dalai Lama's Ambassador. — In: A. Mckay (ed.) The History of Tibet. London–New York: RoutledgeCurzon, 2003. Vol. 3. P. 57–68.

Lamb A. Britain and Chinese Central Asia. The Road to Lhasa, 1767–1905. London: Routledge and Keagan Paul, 1960.

Lamb A. Asian Frontiers. Studies in a Continuing Problem. London: Pall Mall Press, 1968.

Lamb A. British India and Tibet, 1766–1910. London: Routledge and Keagan Paul, 1986.

Langer W. The Diplomacy of Imperialism, 1890–1902. New York–London: A. Knopf, 1935. Vol. 1–2.

Latham A. The International Economy and the Underdeveloped World, 1865–1914. London: Groom Helm, 1978.

Laruelle M., et al. (eds) China and India in Central Asia: A New 'Great Game'? Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010.

Lattimore O. Inner Asian Frontiers of China. London–New York: Oxford University Press, 1940.

Lederer I. (ed.) Russian Foreign Policy. Essays in Historical Perspective. New Haven and London: Yale University Press, 1962.

Ledonne J. The Russian Empire and the World, 1700–1917. New York–Oxford: Oxford University Press, 1997.

Lensen G. (ed.) Russia's Eastward Expansion. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall Inc., 1964.

Levine P. The British Empire. Sunrise to Sunset. London, etc.: Longman, 2007.
Lieven D. Empire: The Russian Empire and Its Rivals. London: J. Murray, 2000.
Liska G. Russia and the Road to Appeasement. Cycles of East-West Conflict in War and Peace. Baltimore–London: John Hopkins University Press, 1982.
Lobanov-Rostovskii A. Russia and Asia. Ann Arbor, Mich: George Wahr Publishing Company, 1951.
Locart, L. The Political Testament of Peter the Great // History. 1937. № 37. P. 156–178.
Lowe C. The Reluctant Imperialists. British Foreign Policy, 1878–1902. London: Routledge and Keagan Paul, 1967. Vol. 1–2.
Lowe C., Dockrill M. The Mirage of Power. British Foreign Policy 1902–1922. London: Routledge and Keagan, 1972. Vol. 1–3.
Lowe P. Britain in the Far East: A Survey from 1819 to the Present. London–New York: Longman, 1981.
Maccarthy M. Anglo-Russian Rivalry in Persia // The University of Buffalo Studies. 1925. Vol. IV. № 2. P. 27–67.
Maccordock R. British Far Eastern Policy, 1894–1900. New York: Octagon Books, 1931.
Macdermott, W. The Immediate Origins of the Committee of Imperial Defense: A Reappraisal // Canadian Journal of History. 1972. Vol. 7. P. 253–272.
Macdonald D. Tsushima's Echoes: Asian Defeat and Tsarist Foreign Policy. — in: J. Steinberg, et al. (eds) The Russo-Japanese War in Global Perspective: World War Zero. Leiden-Boston: Brill, 2005. Vol. 1. P. 545–563.
Macdonald R. The Language of Empire: Myths and Metaphors of Popular Imperialism, 1880–1980. Manchester and New York: Manchester University Press, 1994.
Macgregor J. Tibet, A Chronicle of Exploration. London: Routledge and Kegan Paul, 1970.
Macfie A. The Eastern Question, 1774–1923. London: Longman, 1989.
Mackay A. Tibet and the British Raj: The Frontier Cadre, 1904–1907. Richmond: Curzon Press, 1997.
Mackay A. (ed.) The History of Tibet. London–New York: RoutledgeCurzon, 2003. Vol. 3.
Mackenzie D. Expansion in Central Asia: St Petersburg vs. the Turkistan Generals (1863–1866) // Canadian Slavic Studies. 1969. Vol. 3. № 2. P. 286–311.
Mackenzie D. Turkistan's Significance to Russia (1850–1917) // Russian Review. 1974. Vol. 33. № 2. P. 167–188.
Mackenzie D. Lion of Tashkent: The Career of General M.G. Cherniaev. Athens: University of Georgia Press, 1974.
Mackenzie D. The Conquest and Administration of Turkestan, 1860–1885. — In: M. Rywkin (ed.) Russian Colonial Expansion to 1917. London and New York: Manswell Publishers, 1988. P. 208–234.
Mackenzie D. Imperial Dreams, Harsh Realities. Tsarist Russian Foreign Policy, 1815–1917. Fort Worth: Harcourt Brace College Publishers, 1994.
Mackenzie J. Propaganda and Empire: The Manipulation of British Public Opinion, 1880–1960. Manchester: Manchester University Press, 1985.

Mackintosh J. The Role of the Committee of Imperial Defense before 1914 // The English Historical Review. 1962. Vol. LXXVII. № 304. P. 490–503.

Maclean D. Britain and Her Buffer State. The Collapse of the Persian Empire, 1890–1914. London: Royal Historical Society, 1979.

Macrae M. In Search of Shangri-La: The Extraordinary True Story of the Quest for the Lost Horizon. London: M. Joseph, 2003.

Madan P. Tibet: Saga of Indian Explorers (1864–1894). New Delhi: Manohar Publishers and Distributors, 2004.

Magnus P. Gladstone. A Biography. London: J. Murray, 1954.

Magnus P. Kitchener, Portrait of an Imperialist. London: J. Murray, 1958.

Mahajan S. The Defense of India and the End of Isolation. A Study in the Foreign Policy of the Conservative Government, 1900–1905 // Journal of Imperial and Commonwealth History. 1982. Vol. X. № 2. P. 168–193.

Malozemoff A. Russian Far-Eastern Policy. 1881–1905. Berkley–Los Angeles: University of California Press, 1958.

Mancall M. The Ch'ing Tribute System: An Interpretive Essay. — In: J. Fairbank (ed.) The Chinese World Order. Traditional China's Foreign Relations, Cambridge, Ma: Harvard University Press, 1968. P. 63–69.

Mariott J. The English in India: A Problem of Politics, Oxford: Clarendon Press, 1932.

Mariott J. Anglo-Russian Relations 1689–1943. London: Methuen, 1944.

Marks S. Road to Power. The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asian Russia, 1850–1917. London: I.B. Tauris Publishers, 1991.

Marks S. "Bravo, Brave Tiger of the East!" The War and the Rise of Nationalism in British Egypt and India. — In: J. Steinberg, et al. (eds) The Russo-Japanese War in Global Perspective: World War Zero, Leiden-Boston: Brill, 2005. P. 609–627.

Marshall A. The Russian General Staff and Asia, 1800–1917. London: RoutledgeCurzon, 2005.

Matthew C. Gladstone. 1809–1874. Oxford: Clarendon Press, 1986.

Mehra P. The Younghusband Expedition. An Interpretation. London: Asia Public House, 1968.

Menon K. The "Russian Bogey" and British Aggression in India and Beyond. Calcutta: Priyadarshi Banerji, Eastern Trading Company, 1957.

Meyer K., Brysac S. Tournament of Shadows: The Great Game and the Race for Empire in Central Asia. London: Abacus, 2001.

Mojtahed-Zadeh P. The Small Players of the Great Game: the Settlement of Iran's Eastern Borderlands and the Creation of Afghanistan. London: RoutledgeCurzon, 2004.

Moreman T. The Army in India and the Development of Frontier Warfare, 1849–1947. London: Macmillan Press; New York: St. Martin's Press, 1998.

Morgan G. Myth and Reality in the Great Game // Asian Affairs. 1973. Vol. LX. New Ser. Vol. IV. Part I. P. 55–65.

Morgan G. Anglo-Russian Rivalry in Central Asia: 1810–1895. London: Cass, 1981.

Morris A. The Scaremongers. The Advocacy of War and Rearmament, 1896–1914. London, etc.: Routledge and Keagan Paul, 1984.

Morris J. Pax Britannica. The Climax of an Empire. London: Faber and Faber, 1968.

Morris L. British Secret Service Activity in Khorassan, 1887–1908 // The Historical Journal. 1984. Vol. 27. № 3. P. 657–675.

Mosley L. Curzon. The End of an Epoch. London: Longmans, 1960.

Mosley L. The Glorious Fault. The Life of Lord Curzon. New York: Harcourt, Brace and Co., 1960.

Nazem H. Russia and Great Britain in Iran (1900–1914). Teheran: Sherkat Iran Chap, 1975.

Neilson K. Strategy and Supply: The Anglo-Russian Alliance, 1914–17. London, etc.: Allen and Unwin, 1984.

Neilson K. Wishful Thinking: The Foreign Office and Russia 1907–1917. — In: B. Mackercher, D. Moss (eds) Shadow and Substance in British Foreign Policy 1895–1939. Edmonton: University of Alberta Press, 1984. P. 151–180.

Neilson K. Britain and the Last Tsar: British Policy and Russia 1894–1917. Oxford: Oxford University Press, 1995.

Neilson K. "Control the Whirlwind": Sir Edward Grey as Foreign Secretary, 1906–16. — In: T. Otte (ed.) The Makers of British Foreign Policy. Basingstoke: Palgrave, 2002. P. 128–149.

Newton, Lord. Lord Lansdowne. A Biography. London: Macmillan, 1929.

Nicolson H. Sir Arthur Nicolson, Bart. First Lord Carnock. A Study in the Old Diplomacy. London: A. Constable, 1930.

Nish I. The Anglo-Japanese Alliance: The Diplomacy of Two Island Empires, 1897–1907. London: Athlone Press, 1966.

Nish I. Great Britain, Japan and North-East Asia, 1905–1911. — In: F. Hinsley (ed.) British Foreign Policy under Sir Edward Grey. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. P. 362–367.

Nish I. British Foreign Secretaries and Japan, 1892–1905. — In: B. Mackercher, D. Moss (eds) Shadow and Substance in British Foreign Policy 1895–1939. Edmonton: University of Alberta Press, 1984. P. 57–76.

Noelle C. State and Tribe in Nineteenth-Century Afghanistan. The Reign of Amir Dost Muhammad Khan (1826–1863). Richmond: Curzon, 1997.

Nyman L. The Great Game: A Comment // Asian Affairs. 1973. Vol. LX. New Ser. Vol. IV. Part III. P. 299–301.

Otte T. Great Britain, Germany, and the Far Eastern Crisis of 1897/98 // English Historical Review. 1995. Vol. 110. № 5. P. 1157–1179.

Otte T. "It's What Made Britain Great": Reflections on British Foreign Policy from Malplaquet to Maastricht. — In: T. Otte (ed.) The Makers of British Foreign Policy. Basingstoke: Palgrave, 2002. P. 1–34.

Otte T. "Floating Downstream?" Lord Salisbury and British Foreign Policy, 1878–1902. — In: T. Otte (ed.) The Makers of British Foreign Policy. Basingstoke: Palgrave, 2002. P. 98–127.

Otte T. "Almost a Law of Nature?" Sir Edward Grey, the Foreign Office and the Balance of Power in Europe, 1905–1912. — In: E. Goldstein, B. Mackercher (eds) Power and Stability. British Foreign Policy, 1865–1965. London–Portland, Or.: Cass, 2003. P. 77–118.

Otte T. Old Diplomacy: Reflections on the Foreign Office Before 1914. — In: G. Johnson (ed.) The Foreign Office and British Diplomacy in the Twentieth Century. London–New York: Routledge, 2005. P. 31–52.

Otte T. The China Question: Great Power Rivalry and British Isolation, 1894–1905. Oxford: Oxford University Press, 2007.

Page S. The Creation of a Sphere of Influence: Russia and Central Asia // International Journal. 1994. Vol. 49. № 4. P. 788–813.

Paine S. Imperial Rivals: Russia, China and Their Disputed Frontier, 1858–1924. New York–London: M.E. Sharpe, 1996.

Palace W. The British Empire and Tibet 1900–1922. London–New York: RoutledgeCurzon, 2005.

Palmer A. Lord Salisbury's Approach to Russia // Oxford Slavonic Papers. 1955. Vol. VI. P. 102–14.

Parker G. Western Geopolitical Thought in the Twentieth Century. London–Sydney: Groom Helm, 1985.

Parker I. Liberal Government and Politics, 1905–1915. London: Palgrave, 2006.

Parritt B. The Intelligencers: The History of British Military Intelligence up to 1914. Ashford, Kent: Intelligence Corps Association, 1971.

Pelcovits N. Old China Hands and the Foreign Office. New York: King's Crown Press, 1948.

Penson L. The New Course in British Foreign Policy, 1892–1902. — In: I.R. Christie (ed.) Essays in Modern History. London, etc.: Macmillan Press; New York: St Martin's Press, 1968. P. 308–328.

Pethybridge, R. W., 'British Imperialists in the Russian Empire', *Russian Review,* 1971. Vol. 30. № 4. P. 346–355.

Pierce R. Russian Central Asia, 1867–1917. A Study in Colonial Rule. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1960.

Popplewell R. Intelligence and Imperial Defense: British Intelligence and the Defense of the Indian Empire, 1904–1924. London: Cass, 1995.

Porter B. The Lion's Share. A Short History of British Imperialism 1850–1970. London–New York: Longman, 1975.

Preston A. Sir Charles Macgregor and the Defense of India, 1857–1887 // The Historical Journal. 1969. Vol. 12. № 1. P. 58–77.

Quested R. The Expansion of Russia in East Asia, 1857–1860. Kuala Lumpur: University of Malaya Press, 1968.

Ragsdale H. (ed.) Imperial Russian Foreign Policy. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.

Ramm A. Lord Salisbury and the Foreign Office. — In: R. Bullen (ed.) The Foreign Office, 1782–1982. Frederick, Md.: University Publications of America, 1984. P. 46–55.

Rayfield D. The Dream of Lhasa: The Life of Nikolay Przhevalsky, Explorer of Central Asia. London: P. Elek, 1976.

Renouvin P. La question d'Extreme Orient, 1840–1940. Paris: Libraire Hachette, 1946.

Riasanovsky N. Asia through Russian Eyes. — In: W. Vucinich (ed.) Russia and Asia. Essays on the Influence of Russia on the Asian Peoples. Stanford: Hoover Institute Press, 1972. P. 3–29.

Rich D. Building Foundations for Effective Intelligence: Military Geography and Statistics in Russian Perspective, 1845–1905. — In: D. Schimmelpenninck van der Oye, B. Menning (eds) Reforming the Tsar's Army. Military Innovation in Imperial Russia from Peter the Great to The Revolution. Washington: Woodrow Wilson Center Press; Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 168–185.

Richards D. The Savage Frontier. A History of the Anglo-Afghan Wars. London: Macmillan, 1990.

Rieber A. Persistent Factors in Russian Foreign Policy: An Interpretive Essay. — In: H. Ragsdale (ed.) Imperial Russian Foreign Policy. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 315–359.

Robbins K. Sir Edward Grey. A Biography of Lord Grey of Fallodon. London: Cassell, 1971.

Robbins R. The Tsar's Viceroys. Russian Provisional Governors in the Last Years of the Empire. Ithaka and London: Cornell University Press, 1987.

Roberts A. Salisbury: Victorian Titan. London, 1999.

Robinson R. Railways and Informal Empire. — In: C. Davis, W. Kenneth, jr. (eds) Railway Imperialism. New York: Greenwood Press, 1991. P. 175–196.

Robinson R., Gallagher J. Africa and the Victorians: The Climax of Imperialism. New York: Anchor Books, 1968.

Robinson R., Gallagher J. Africa and the Victorians: The Official Mind of Imperialism. London: Macmillan, 1981.

Robson B. The Road to Kabul. The Second Afghan War, 1878–1881. London, etc.: Arms and Armour Press, 1986.

Rose K. Superior Person: A Portrait of Curzon and His Circle in Late Victorian England. London: Weidenfeld and Nicolson, 1969.

Rosenbaum, A. The Manchurian Bridgehead: Anglo-Russian Rivalry and the Imperial Russian Railways of North China, 1897–1902 // Modern Asian Studies. 1976. Vol. 10. № 1. P. 41–64.

Rywkin M. (ed.) Russian Colonial Expansion to 1917. London and New York: Manswell Publishers, 1988.

Sahadeo J., Russian Colonial Society in Tashkent, 1865–1923. Bloomington and Indianopolis: Indiana University Press, 2007.

Said E. Orientalism. Western Conceptions of the Orient. New York: Vintage, 1979.

Sareen T. India and the War. — In: R. Kowner (ed.) The Impact of the Russo-Japanese War, London–New York: RoutledgeCurzon, 2006. P. 239–250.

Sarila, Narendra Singh. The Shadow of the Great Game — The Untold Story of India's Partition. London: Constable, 2006.

Sarkisyanz M. Russian Conquest in Central Asia: Transformation and Acculturation. — In: W. Vucinich (ed.) Russia and Asia. Essays on the Influence of Russia on the Asian Peoples, Stanford: Hoover Institute Press, 1972. P. 248–288.

Schimmelpenninck van der Oye D. Tournament of Shadows: Russia's Great Game in Tibet // Tibetan Review. 1994. Vol. 29. № 1. P. 13–20.

Schimmelpenninck van der Oye D. Toward the Rising Sun. Russian Ideologies of Empire and the Path to War with Japan. DeKalb, Ill.: Northern Illinois University Press, 2001.

Schimmelpenninck van der Oye D. Reforming Military Intelligence. — In: D. Schimmelpenninck van der Oye, B. Menning (eds) Reforming the Tsar's Army. Military Innovation in Imperial Russia from Peter the Great to the Revolution. Washington: Woodrow Wilson Center Press; Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 133–150.

Searle G. A New England? Peace and War 1886–1918. Oxford: Clarendon Press, 2004.

Seaver G. Francis Younghusband: Explorer and Mystic. London: J. Murray, 1952.

Sergeev E. Russian Military Intelligence. — In: J. Steinberg, et al. (eds) The Russo-Japanese War in Global Perspective: World War Zero, Leiden-Boston: Brill, 2005. Vol. 1. P. 281–304.

Sergeev E. Russian Military Intelligence in the War with Japan, 1904–05. Secret Operations on Land and at Sea. London – New York, Routledge, 2007.

Sharma A. India's Foreign Problem and Lord Curzon (1899–1905) // Journal of Historical Research. 1969. № 12(1). P. 81–92.

Sharma A. The Russian Menace to India and Lord Curzon (1899–1905) // Proceedings of Indian History Congress. 1969. №. 31. P. 476–481.

Shaumian T. Tibet. The Great Game and Tsarist Russia. New Delhi: Oxford University Press, 2000.

Siegel J. Endgame: Britain, Russia and the Final Struggle for Central Asia, 1907–1914. London–New York: I.B. Tauris Publishers, 2002.

Sinclair A. The Other Victoria. The Princess Royal and the Great Game of Europe. London: Weidenfeld and Nicolson, 1981.

Skrine C., Nightingale P. Macartney at Kashgar. New Light on British, Chinese and Russian Activities in Sinkiang, 1890–1918. London: Methuen, 1979.

Snelling J. Buddhism in Russia. The Story of Agvan Dorzhiev, Lhasa's Emissary to the Tsar. Longmead, Shaftsbury: Dorset, 1993.

Soothill W. China and the West. A Sketch of Their Intercourses. London: Curzon Press; Totowa, N.J.: Rowman and Littlefield, 1974.

Spence J. The Chan's Great Continent: China in Western Minds. New York–London: W.W. Norton and Co., 1998.

Steele E. Salisbury at the India Office. — In: R. Blake, H. Cecil (eds) Salisbury. The Man and His Policies. New York: St Martin's Press, 1987. P. 116–147.

Steele E. Lord Salisbury: A Political Biography. London: University College of London Press, 1999.

Steiner Z., Neilson K. Britain and the Origins of the First World War. Basingstoke: Palgrave, Macmillan 2003.

Stewart J. Spying for the Raj. The Pundits and the Mapping of the Himalaya. Phoenix Mill: Sutton Publishing, 2006.

Storry R. Japan and the Decline of the West in Asia, 1894–1943, London and Basingstoke: Macmillan, 1979.

Strebelsky I. The Frontier in Central Asia. — In: J. Bates, R. French (eds) Studies in Russian Historical Geography. London: Academic Press, 1983. Vol. 1. P. 143–173.

Strong J. The Ignatiev Mission to Khiva and Bokhara in 1858 // Canadian Slavonic Papers. 1975. Vol. XVII. № 2–3. P. 236–269.

Sukash C. Afghanistan and the Great Game. Delhi: New Century Publications, 2002.
Sumner B. Tsardom and Imperialism in the Far East and Middle East, 1880–1914. London: Humphrey Milford Amen House, 1940.
Sweet D., Langhorne R. Great Britain and Russia, 1907–1914. — In: F. Hinsley (ed.) British Foreign Policy under Sir Edward Grey. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. P. 236–255.
Sykes P. The Right Honorable Sir Mortimer Durand. A Biography. London: Cassell, 1926.
Tada Tokan. The Thirteenth Dalai Lama. Tokyo: Centre for East Asian Cultural Studies, 1965.
Tatsuo Nakami. Qing China Northeast Crescent: The Great Game Revisited. — In: D. Wolff, et al. (eds) The Russo-Japanese War in Global Perspective. World War Zero. Leiden-Boston: Brill, 2007. Vol. 2. P. 513–512.
Taylor R. Lord Salisbury, London: Allen Lane, 1975.
Tchalenko J. Images from the Endgame: Persia through a Russian Lens, 1901–1914. London: Al-Saqi Press, 2006.
Terenzio P.-C. La Rivalité Anglo-Russe en Perse et en Afghanistan jusqu'aux accords de 1907. Paris: Rousseau, 1947.
Thornton A. British Policy in Persia, 1858–1890 // English Historical Review. 1954. Vol. LXIX. № 273. P. 554–579.
Thornton A. The Reopening of the "Central Asian Question", 1864–1869 // History. 1956. New Ser. Vol. XLI. № 141–143. P. 122–136.
Thornton A. Doctrines of Imperialism, New York, etc.: John Wiley and Sons, 1965.
Towle P. The Russo-Japanese War and the Defense of India // Military Affairs. 1980. Vol. 44. № 3. P. 111–117.
Trench C. The Frontier Scouts. London: J. Cape, 1985.
Trevelyan G. Grey of Fallodon. The Life and Letters of Sir Edward Grey, Aftermath Viscount Grey of Fallodon. Boston: Houghton Mifflin, 1937.
Verrier A. Francis Younghusband and the Great Game. London: Jonathan Cape, 1991.
Vucinich W. (ed.) Russia and Asia. Essays on the Influence of Russia on the Asian People. Stanford: Hoover Institute Press, 1972.
Waldron P. The End of Imperial Russia, 1855–1917. Houndmills, Basingstoke: Macmillan, 1997.
Waller D. The Pundits. British Exploration of Tibet and Central Asia. Lexington, KY: The University Press of Kentucky, 1990.
Walsh W. The Imperial Russian General Staff and India: A Footnote to Diplomatic History. // Russian Review. 1957. Vol. 16. № 2. P. 53–58.
Wang Furen, Suo Wenting. Highlights of Tibetan Policy. Beijing: New World Press, 1984.
Ward A., Gooch G. (eds) The Cambridge History of British Foreign Policy, 1783–1919. Cambridge: Cambridge University Press, 1923. Vol. 3.
Warikoo K. Central Asia and Kashmir. A Study in the Context of Anglo-Russian Rivalry. New Delhi: Gian Publ. House, 1989.
Warikoo K. (ed.) Himalayan Frontiers of India: Historical, Geo-Political and Strategic Perspectives. London: Routledge, 2009.

Weale A. Secret Warfare. Special Operations' Forces from the Great Game to the SAS. London: Hodder and Stoughton, 1997.

Wheeler G. Russian Conquest and Colonization of Central Asia. — In: T. Hunczak (ed.) Russian Imperialism from Ivan the Great to the Revolution. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1974. P. 264–298.

Whitteridge G. Charles Masson of Afghanistan: Explorer, Archaeologist and Intelligence Agent. Warminster: Aris and Phillips, 1986.

Wilgus M. Sir Claude MacDonald, the Open Door, and British Informal Empire in China, 1895–1900. New York–London: Garland, 1987.

Williams B. The Strategic Background to the Anglo-Russian Entente of August 1907 // Historical Journal. 1966. vol. IX. № 3. P. 360–373.

Williams B. Great Britain and Russia, 1905 to the 1907 Convention. — In: F. Hinsley (ed.) British Foreign Policy under Sir Edward Grey. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. P. 133–147.

Williams B. The Politics of Entente: Essays on the Determinants of British Foreign Policy, 1904–1914. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

Williams R. Defending the Empire: Conservatives and Defense Policy, 1899–1915, New Haven and London: Yale University Press, 1991.

Wilson K. The Policy of Entente. Essays on the Developments of British Foreign Policy, 1904–1914. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

Wilson K. Empire and Continent: Studies in British Foreign Policy from the 1880's to the First World War. London: Mansell, 1987.

Wilson K. The Anglo-Japanese Alliance of August 1905 and the Defence of India: A Case of the Worst Case Scenario // Journal of Imperial and Commonwealth History. 1993. № 21. P. 334–356.

Winstone V. The Illicit Adventure: The Story of Political and Military Intelligence in the Middle East from 1898 to 1926. London: J. Cape, 1982.

Wint G. The British in Asia. London: Faber and Faber, 1947.

Wolf L. The Life of the First Marquees of Ripon. London: J. Murray, 1921. Vol. 1–2.

Woodcock G. The British in the Far East. New York: Atheneum, 1969.

Woodman D. Himalayan Frontiers. A Political Review of British, Chinese and Russian Rivalries. London: Barrie and Rockliff, The Cresset Press, 1969.

Wren M. The Western Impact upon Tsarist Russia. Chicago, etc.: Holt, Rinehart and Winston, 1971.

Wright D. The English amongst the Persians during the Qajar Period, 1787–1921. London: Heinemann, 1977.

Wynn A. Persia in the Great Game. Sir Percy Sykes: Explorer, Consul, Soldier, Spy. London: J. Murray, 2003.

Yakhontoff V. Russia and the Soviet Union in the Far East. New York: Coward-Maccann, 1931.

Yang Liensheng. Historical Notes on the Chinese World Order. — In: J. Fairbank (ed.) The Chinese World Order. Traditional China's Foreign Relations. Cambridge, Ma: Harvard University Press, 1968. P. 20–33.

Yapp M. Strategies of British India. Britain, Iran and Afghanistan, 1798–1850. Oxford: Clarendon Press, 1980.

Young L. British Policy in China, 1895–1902. Oxford: Clarendon Press, 1970.

Авторефераты, неопубликованные диссертации, рецензии

Авдеев В.Е. А.П. Извольский — глава внешнеполитического ведомства России (1906–1910). Автореф. дисс... к.и.н. М.: Московский государственный университет, 2006.

Алымбаева Ж.Б. Историография завоевания Туркестана Россией в XIX – начале XX в. Автореф. дисс... к.и.н. Ташкент: Ташкентский государственный университет, 2002.

Ананьич Б.В. Англия и Россия в Персии накануне соглашения 1907 г. Автореф. дисс... к.и.н. Л.: Ленинградский государственный университет, 1960.

Бушев П.П. Английская агрессия в Иране в 1855–1857 гг. Автореф. дисс... к.и.н. М.: Институт востоковедения АН СССР, 1952.

Васильев А.Д. Взаимоотношения Османской империи и государств Центральной Азии в середине XIX – начале XX в. Автореф. дисс... к.и.н. М.: Российская академия государственной службы, 2007.

Винокур А.В. От конфронтации к согласованному курсу: политика Великобритании и России в Иране (1900–1914). Автореф. дисс... к.и.н. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2004.

Вуль Н.А. Политическая история Тибета во время правления Далай-Ламы XIII (1895–1933). Автореф. дисс... к.и.н. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2007.

Гальков Ч.В. Туркестанский военно-топографический отдел и его работы по картографированию Средней Азии (1867–1914). Автореф. дисс... к.г.н. Ташкент: Среднеазиатский государственный университет, 1958.

Глеб М.В. Эволюция имперской идеи в Великобритании во второй половине XIX века. Автореф. дисс... к.и.н. Минск: Белорусский государственный университет, 2003.

Гопов О.А. Роль офицеров Генерального штаба в осуществлении внешней политики Российской империи на мусульманском Востоке во второй половине XIX в. Автореф. дисс... к.и.н. М.: Институт востоковедения РАН, 2004.

Дамдинов А.В. Агван Доржиев: дипломат, политический, общественный и религиозный деятель. Автореф. дисс... к.и.н. Иркутск: ИГУ, 1996.

Данков А.Г. Отечественная и британская историография о соперничестве России и Великобритании в Центральной Азии (XIX – начало XXI вв.). Автореф. дисс... к.и.н. Томск: Томский государственный университет, 2009.

Демичев К.А. Политика Великобритании в Пенджабе в XIX в.: сущность, основные направления и региональные особенности. Автореф. дисс... к.и.н. Нижний Новгород: Нижегородский государственный педагогический университет, 2007.

Егоренко О.А. Бухарский эмират в период протектората России (1868–1920 гг.). Историография проблемы. Автореф. дисс… к.и.н. М.: Российский государственный университет туризма и сервиса, 2008.

Есмагамбетов К.Л. Проблемы истории Казахстана XIX – начала XX вв. в англо-американской историографии. Автореф. дисс… к.и.н. Алма-Ата: Институт истории, археологии и этнографии, 1972.

Жданов Ю.В. Дипломатия Эдуарда Грея и основные направления внешней политики Великобритании в 1905–1916 гг. Автореф. дисс… к.и.н. Ленинград: ЛГУ, 1986.

Иванов К.Е. Таможенная политика Российской империи в конце XIX – начале XX вв.: переход к системе конвенциональных торговых соглашений. Автореф. дисс… д.и.н. СПб.: СПГУ, 2006.

Игнатьев Р.Н. Влияние политических границ на этническое самосознание. Автореф. дисс… к.и.н. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2002.

Казарян Э.Э. Русский Дальний Восток в системе российской и мировой торговли на рубеже XIX–XX вв. Автореф. дисс… к.и.н. Нижний Новгород: НГУ, 2006.

Каландарова М.С. Геополитика Англии в Центральной Азии в 20-е – 30-е гг. XIX века (по материалам экспедиции А. Бернса в Бухару в 1831 г.). Автореф. дисс… к.и.н. М.: ИВ РАН, 1995.

Калмыкова М.В. Политика Великобритании в борьбе великих держав за нефтяные источники Ближнего и Среднего Востока в период с 1901 по 1920 гг. Автореф. дисс… к.и.н. Владимир: Владимирский государственный педагогический университет, 2006.

Каспарян К.В. Российско-британские внешнеполитические отношения и династические связи (конец 30-х гг. XIX в. – начало XX в.), 1837–1907 гг. Автореф. дисс… к.и.н. Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2006.

Кручинина Н.А. Политическая элита Великобритании в период социальных реформ либеральных кабинетов Г. Кэмпбелл-Баннермана и Г. Асквита (1905–1914). Автореф. дисс… к.и.н. Екатеринбург: Уральский государственный университет, 2004.

Кубанов К.Г. Походы в Индию в проектах российских военных и политических деятелей XVIII – начала XX в. Автореф. дисс… к.и.н. Нижневартовск: Нижневартовский государственный гуманитарный университет, 2007.

Лисицына Н.Н. Закаспийский край в англо-русских отношениях (1880-е–1907 г.). Автореф. дисс… к.и.н. М.: Московский открытый педагогический университет, 2006.

Литвинов С.В. Англомания в России как социокультурное явление (последняя треть XVIII – середина XIX в.). Автореф. дисс… к. культ. н. М.: Московский государственный университет, 1998.

Лихарев Д.В. Морская политика Великобритании в 1900–1930 гг. Автореф. дисс… д.и.н. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 1995.

Лунева Ю.В. Черноморские проливы в англо-российских отношениях (1907–1914 гг.). Автореф. дисс… к.и.н. М.: ИВИ РАН, 2003.

Лурье С.В. Российская и Британская империи на Среднем Востоке в XIX – начале XX вв.: идеология и практика. Автореф. дисс... к.и.н. М.: ИВ РАН, 1996.

Мартиросов С.З. Англо-русское соперничество в период присоединения Туркмении к России. Автореф. дисс... д.и.н. М.: МГПИ, 1966.

Масалиева О.М. История Бухарского, Хивинского, Кокандского ханств в англо-американской историографии. Автореф. дисс... к.и.н. Ташкент, 1999.

Мирзаева Л.Р. Сборник «Туркестанский край» А.Г. Серебренникова и его значение для среднеазиатской историографии. Автореф. дисс... к.и.н. Ташкент: Институт истории и археологии АН Узбекской ССР, 1963.

Нишанова Д.А. Англо-русский конфликт в Средней Азии в конце XIX в. в современной зарубежной литературе. Автореф. дисс... к.и.н. Ташкент, 1994.

Осипова И.Н. Дискуссия по проблеме «империализма» в английском общественной мысли в XIX – начале XX века. Автореф. дисс... к.и.н. Саратов: СГУ, 1998.

Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея (1876–1898). Автореф. дисс... д.и.н. М.: Институт востоковедения РАН, 2007.

Петухов Л.А. Образ Великобритании в российском общественном мнении в период англо-бурской войны (1899–1902 гг.). Автореф. дисс... к.и.н. М.: ГАУГН, 2008.

Плеханов А.Е. Англо-русские политические отношения в 1907–1914. Автореф. дисс... к.и.н. Владимир: ВГУ, 2006.

Пубаев Р.Е. Экспансия Англии в Тибете и борьба тибетского народа против английских захватчиков (конец XIX – начало XX вв.). Автореф. дисс... к.и.н. Ленинград: ЛГУ, 1955.

Пясковский А.В. Революция 1905–1907 гг. в Туркестане. Автореф. дисс... д.и.н. М.: Институт истории АН СССР, 1956.

Рыженков М.Р. Роль военного ведомства России в развитии отечественного востоковедения в XIX – начале XX вв. Автореф. дисс... к.и.н. М.: ИВ АН СССР, 1991.

Сенокосов А.Г. Англия и Антанта: на пути к военно-политическому союзу (1907–1914 гг.) Автореф. дисс... к.и.н. М.: МГУ, 2005.

Степанов И.В. Идеология и политика британского милитаризма в конце XIX – начале XX в. Автореф. дисс... к.и.н. Самара: Самарский государственный университет, 2006.

Сухоруков С.А. Англо-персидские отношения в середине XIX века. Автореф. дисс... к.и.н. СПб.: СПГУ, 2003.

Сушанло М. Дунганское восстание второй половины XIX века и роль в нем Бай Яньху. Автореф. дисс... к.и.н. М.: ИВ АН СССР, 1953.

Терентьева Н.В. Советская историография англо-русского соперничества в Средней Азии в первой половине XIX века. Автореф. дисс... к.и.н. Барнаул: БГУ, 2003.

Ферцев А.В. Феномен англомании в России XVI – первой половины XIX вв.: культурологический аспект. Автореф... дисс. к. философ. н. Саранск: Б/и, 2004.

Халфин Н.А. Политика России в Средней Азии и англо-русское соперничество (1857–1876). Автореф. дисс... д.и.н. М.: МГПИ, 1962.

Шевченко Д.В. Басмаческое движение. Политические процессы и вооруженная борьба в Средней Азии. 1917–1931 гг. Автореф. дисс... к.и.н. Иркутск: ИГПУ, 2006.

Beaver W. The Development of the Intelligence Division, and Its Role in Aspects of Imperial Policy Making, 1854–1901. The Military Mind of Imperialism. Ph.D. Diss. University of Oxford, 1976.

Bell P. Review of *Dockrill M., Mackercher B.* (eds) Diplomacy and World Power: Studies in British Foreign Policy, 1830–1950 // Diplomacy and Statecraft. 1997. Vol. 8. № 2. P. 196–197.

Johnson R. Review of *Brobst P.* The Future of the Great Game: Sir Olaf Caroe, India's Independence and the Defence of Asia, Akron, OH: University of Akron Press, 2005 // Journal of British Studies. Vol. XLV. № 2. P. 486–487.

Harris J. British Policy on the North-West Frontier — 1889–1901. Ph.D. Diss. University of London, 1960.

Koot J. The Asiatic Department of the Russian Foreign Ministry and the Formation of Policy toward the Non-Western World, 1881–1894. Ph.D. Diss. Harvard University, 1980.

Lydgate J. Curzon and Kitchener and the Problem of Indian Army Administration 1899–1909. Ph.D. Diss. University of London, 1965.

Morris L. Anglo-Russian Relations in Central Asia, 1873–1887. Ph.D. Diss. University of London, 1968.

Poltz L. Die Anglo-Russische Entente, 1903–1907. Ph.D. Diss. Universitaet Winsen (Luhe), 1938.

Preston A. British Military Policy and the Defense of India, 1876–1880. Ph.D. Diss. University of London, 1966.

Ritchie G. The Asiatic Department during the Reign of Alexander II, 1855–1881. Ph.D. Diss. Columbia University, 1970.

Schimmelpenninck van der Oye D. Ex Oriente Lux: Ideologies of Empire and Russia's Far East, 1895–1904. Ph.D. Diss. Yale University, 1997.

Yetisgin M. How the Times of London Covered and Interpreted Russian Expansion into Central Asia in the Second Half of the 19th Century. Ph.D. Diss. Texas Technological University, 2000.

Приложения

Приложение 1.

Именной список монархов, государственных деятелей, дипломатов и военных администраторов, деятельность которых имела отношение к *Большой Игре*, 1856–1907[1]

Табл. 1: Российские императоры

Имя	Период правления
Александр II	1855–1881
Александр III	1881–1894
Николай II	1894–1917

Табл. 2: Британские монархи

Имя	Период царствования
Королева Виктория I	1837–1901
Король Эдуард VII	1901–1910

[1] См.: PRO/FO/181; IOLR/Mss Eur F 111-112; *Mackinder H.* India. Eight Lectures. London: G. Philip & Son, 1910; *Ward A.*, *Gooch G.* (eds) The Cambridge History of British Foreign Policy, 1783-1919. Cambridge: Cambridge University Press, 1923. Vol. 3; *Viscount Mersey.* The Viceroys and Governors-General of India, 1757-1947. London: J. Murray, 1949; *Woodruff P.* The Men Who Ruled India. London: J. Cape, 1953. Vol. 2; *Benians E.* et al. (eds) The Cambridge History of the British Empire. Cambridge: Cambridge University Press, 1959. Vol. 3; *Holdsworth M.* Turkestan in the Nineteenth Century. A Brief History of Bokhara, Khokand and Khiva. Oxford: Central Asian Research Centre, 1959; *Pierce R.* Russian Central Asia, 1867-1917. A Study in Colonial Rule. Berkeley-Los Angeles: University of California Press, 1960; *Yetisgin M.* How the Times of London Covered and Interpreted Russian Expansion into Central Asia in the Second Half of the 19th Century. Ph.D. Diss., Texas Technological University, 2000.

Табл. 3: Правители Персии, Афганистана и ханств Центральной Азии

Имя	Период правления
Персия	
Насир-у-Дин	1848–1896
Музаффар-у-Дин	1896–1907
Афганистан	
Дост Мохамед	1842–1863
Шер Али	1863–1879
Абдур Рахман	1880–1901
Хабибулла	1901–1919
Бухара	
Насрулла	1826–1860
Саид Музаффар-у-Дин	1860–1885
Саид Абдул аль-Ахад	1885–1910
Хива	
Саид Мохамед	1856–1864
Мехмет Рахим	1864–1910
Коканд	
Мохамед Худояр	1845–1858, 1865–1875
Малле	1858–1862
Саид Мохамед	1862–1865
Саид Насир-у-Дин	1875–1876

Табл. 4: Британские премьер-министры

Имя	Срок пребывания в должности
Лорд Пальмерстон	1855–1858; 1859–1865
Лорд Дерби	1858–1859; 1866–1868
Лорд Расселл	1865–1866
Уильям Гладстон	1868–1874; 1880–1885; 1886; 1892–1894
Бенджамин Дизраэли	1868; 1874–1880
Лорд Солсбери	1885–1886; 1886–1892; 1895–1902
Артур Бальфур	1902–1905
Генри Кэмпбелл-Баннерман	1905–1908
Генри Асквит	1908–1916

Табл. 5: Российские министры иностранных дел

Имя	Срок пребывания в должности
Александр Михайлович Горчаков	1856–1882
Николай Карлович Гирс	1882–1895
Александр Борисович Лобанов-Ростовский	1895–1896
Михаил Николаевич Муравьев	1896–1900
Владимир Николаевич Ламздорф	1900–1906
Александр Петрович Извольский	1906–1910

Табл. 6: Министры иностранных дел Великобритании

Имя	Срок пребывания в должности
Лорд Кларендон	1853–1858, 1865–1866, 1868–1870
Лорд Малмсбери	1858–1859
Лорд Расселл	1859–1865
Лорд Дерби	1866–1868, 1874–1878
Лорд Грэнвилл	1870–1874, 1880–1885
Лорд Солсбери	1878–1880, 1885–1886, 1887–1892, 1895–1900
Лорд Розбери	1886, 1892–1894
Лорд Кимберли	1894–1895
Лорд Лэнсдаун	1900–1905
Сэр Эдвард Грей	1905–1915

Табл. 7: Российские генерал-губернаторы Туркестана

Имя	Срок пребывания в должности
Константин Петрович Кауфман	1867–1882
Михаил Григорьевич Черняев	1882–1884
Николай Оттонович Розенбах	1884–1889
Александр Борисович Вревский	1889–1898
Сергей Михайлович Духовской	1898–1901
Николай Александрович Иванов	1901–1904
Николай Николаевич Тевяшов	1904–1905
Дмитрий (Деян) Иванович Субботич	1905–1906
Николай Иванович Гродеков	1906–1908

Табл. 8: Британские вице-короли Индии

Имя	Срок пребывания в должности
Лорд Каннинг	1858–1862 (1856–1858 — генерал-губернатор)
Лорд Эльджин	1862–1863
Сэр Джон Лоуренс	1864–1869
Лорд Майо	1869–1872
Лорд Нортбрук	1872–1876
Лорд Литтон	1876–1880
Лорд Райпон	1880–1884
Лорд Дафферин	1884–1888
Лорд Лэнсдаун	1888–1894
Лорд Эльджин	1894–1899
Лорд Керзон	1899–1905
Лорд Минто	1905–1910

Табл. 9: Послы Российской империи в Соединенном Королевстве

Имя	Срок пребывания в должности
Филипп Иванович Бруннов	1855–1874
Петр Андреевич Шувалов	1874–1879
Александр Борисович Лобанов-Ростовский	1880–1882
Егор Егорович Стааль	1883–1903
Александр Константинович Бенкендорф	1903–1917

Табл. 10: Послы Соединенного Королевства в Российской империи

Имя	Срок пребывания в должности
Лорд Уодхауз	1856–1859
Сэр Джон Крэмптон	1859–1861
Лорд Нэпир	1861–1865
Сэр Эндрю Бьюкенен	1865–1872
Лорд Лофтус	1872–1879
Лорд Дафферин	1879–1882
Сэр Эдвард Торнтон	1882–1886
Сэр Роберт Морьер	1886–1894
Сэр Фрэнк Лэсселльс	1894–1899
Сэр Чарльз Скотт	1899–1904
Сэр Чарльз Гардинг	1904–1906
Сэр Артур Никольсон	1906–1910

Приложение 2.

Краткая хронология

***Большой Игры*, 1856–1907 гг.**

Дата	Событие
1856, март	Окончание Крымской войны. Подписание Парижского мира. Начало *Большой Игры* в Центральной и Восточной Азии
1856–1860	Вторая опиумная война в Китае
1856, окт.	Захват Герата Персией Начало англо-персидской войны
1856, дек.	Британские войска оккупируют Бушир в Персидском заливе.
1857, апр.	Окончание англо-персидской войны
1857, 10 мая – 1858, апр.	Восстание сипаев в Индии
1858, март	Миссия Ханыкова в Кабул
1858, авг.	India Act — переход управления Индией от Ост-Индской Компании к Британской Короне
1858, лето – осень	Миссия Игнатьева в Хиву и Бухару
1858, май	Айгуньский договор России и Китая
1859, весна – 1860, ноябрь	Миссия Игнатьева в Пекин
1859	Победа русских в Кавказской войне (пленение Шамиля)
1860, нояб.	Пекинский договор России и Китая
1863	Захват Герата войсками эмира Дост Мохамеда
1864, окт.	Наступление России в ЦА: захват Чимкента и северных районов Кокандского ханства (Черняев). Поражение русских войск под Шарабханом и неудача первого штурма Ташкента (Черняев)
1864, окт.	Подписание Чугучакского протокола между Россией и Китаем
1864, дек.	Нота Горчакова европейским державам о целях политики России в ЦА
1865, янв.	Якуб-бек прибывает в Кашгар из Коканда
1865, 23 июня	Русские войска занимают Ташкент (Черняев)
1865, 6 февр.	Учреждение новой Туркестанской области на территории между Иссык-кулем и Аральским морем (Черняев)
1866, май	Русские войска наносят решительное поражение войскам эмира Бухары у Ирджара (Романовский)
1866, июнь	Русские войска занимают Ходжент (влад. Бухары)

1866, сент.	Русские войска занимают Ура-Тюбе (влад. Бухары)
1866, окт.	Русские войска занимают Джизак (влад. Бухары)
1867, 28 июля	Учреждение Туркестанского генерал-губернаторства (Кауфман)
1868, май	Поражение войск эмира Бухары под Таш-Копру, захват русскими войсками Самарканда и Зерафшана (Кауфман)
1868, июнь	Русские войска разгромили войска эмира Бухары у Зир-Булака и под Самаркандом
1868, 5 июля	Мирный договор России и Бухары, установление протектората
1868, сент. – дек.	Миссия Р. Шоу и Дж. Хэйворда к Якуб-беку Кашгарскому
1869, янв. – март	Строительство форта Красноводск на побережье Каспийского моря
1870–1873	Первая экспедиция Н.М. Пржевальского
1871, май – июнь	Захват русскими войсками Кульджинского султаната (Кауфман)
1871	Прокладка прямого подводного кабеля между Лондоном и Индией
1872, весна	Русская миссия к Якуб-беку
1873, янв.	Соглашение Грэнвилл – Горчаков по афганскому вопросу
1873, май	Захват русскими войсками Хивы (Кауфман) и установление русского протектората
1873, лето	Первая миссия Д. Форсайта к Якуб-беку
1873, окт.	Мирный договор России и Бухары
1873	Афганский эмир Шер Али предлагает британцам оборонительный союз против России, но получает отказ
1874	Подписание торгового договора между Россией и Якуб-беком
1875, авг.	Подавление восстания в Кокандском ханстве — победа русских войск при Махране (Кауфман)
1875, сент.	Русские войска занимают Коканд без сопротивления
1875, окт.	Русские войска вновь занимают Андижан
1875, нояб.	Русские войска занимают Наманган
1876, 21 февр.	Аннексия Россией Кокандского ханства
1876–1878	Вторая экспедиция Н.М. Пржевальского
1877, 24 апр.	Начало русско-турецкой войны
1877, май	Смерть Якуб-бека

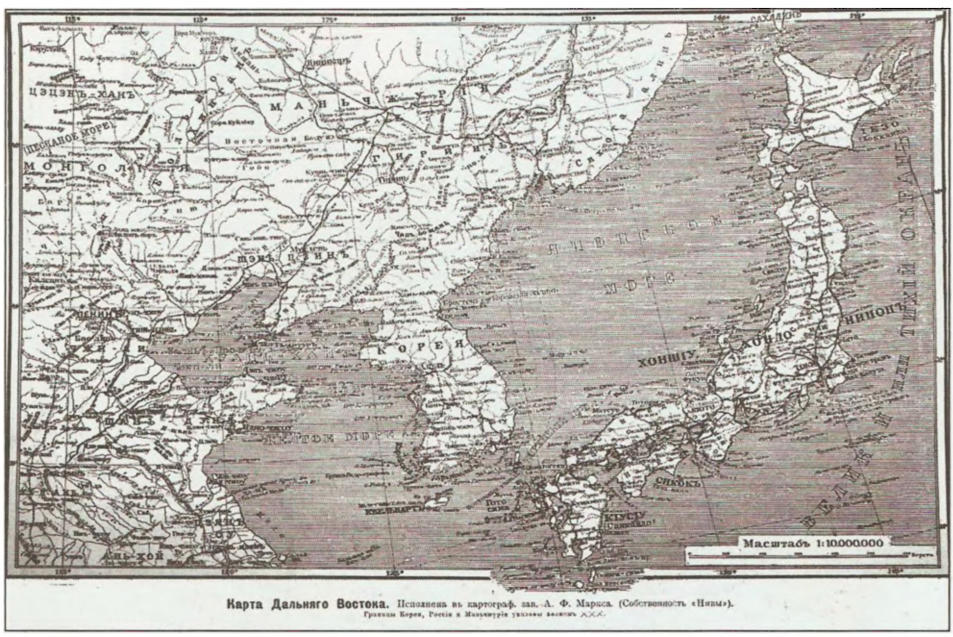
1877, дек.	Китайские войска восстанавливают власть империи Цин в Кашгаре
1878, 1 янв.	Провозглашение королевы Виктории императрицей Индии на дурбаре (съезде правителей Индостана)
1878, авг.	Миссия Столетова в Кабул, попытка подписать договор о союзе между Россией и Афганистаном
1878 нояб. – 1879 май	Вторая англо-афганская война
1879–1880	Третья экспедиция Н.М. Пржевальского
1879, июль	Прибытие в Кабул миссии Л. Каваньяри
1879, сент.	Поражение русских войск под Геок-Тепе (Ломакин и Лазарев)
1879, сент.	Уничтожение восставшими британской миссии в Кабуле
1879, окт.	Заключение Ливадийского договора между Россией и империей Цин
1879, окт.	Занятие Кабула англо-индийскими войсками (Робертс)
1880, февр.	Возвращение в Кабул Абдур Рахмана и провозглашение его эмиром
1880, июнь	Поражение британских войск в битве при Майванде от Аюб-хана, правителя Герата
1880, июль	Британцы покидают Кабул, оставив на троне эмира Абдур Рахмана
1880	Прокладка русскими ж/д от Красноводска до Ташкента
1881, янв.	Захват русскими войсками крепости Геок-Тепе (Скобелев)
1881, июнь	Заключение Санкт-Петербургского договора между Россией и империей Цин
1881, дек.	Конвенция между Россией и Персией о разграничении территорий между Туркменией и Персией
1882	Русский консул в Кашгаре Н. Петровский приступил к своим обязанностям
1883–1885	Четвертая экспедиция Н.М. Пржевальского
1884, фев.	Занятие русскими войсками Мерва
1884, нояб.	Создание Синьцзяна
1885, 30 марта	Столкновение русских и афганцев в Пенде (Комаров)
1885, весна–лето	Военная тревога в Лондоне по поводу русских захватов в Туркмении

1885–1887	Объединенная комиссия по демаркации афганской границы
1887	Обращение Дулипа Сингха к России за поддержкой в случае восстания сикхов против англичан
1887, апр. – дек.	Путешествие Янгхазбенда от Пекина до Индии
1888	Путешествие Керзона по ЦА
1889, авг. – дек.	Поездка Янгхазбенда в Хунзу и встреча с Громбчевским
1890	Янгхазбенд и Макартни обследуют Памир и совершают путешествие в Кашгар.
1891, июль	Памирский поход Ионова
1891, авг.	Янгхазбенд встречает русский отряд на Памире
1891, нояб.	Британцы и кашмирцы занимают Хунзу
1893, лето	Столкновения русских с афганцами и китайцами на Памире
1895, фев. – апр.	Экспедиция британских воск в Читрал
1895, 11 марта	Англо-русское соглашение по Памиру (Кимберли – Стааль)
1896б июнь	Подписание Московского протокола между Россией и империей Цин о союзе
1898–1902	Миссии Доржиева в Санкт-Петербург
1899, 28 апр.	Англо-русское соглашение о разграничении ж/д концессий в Китае (Муравьев – О'Коннор)
1902, 30 янв.	Заключение англо-японского союза
1903, апр. – 1904, сент.	Миссия Янгхазбенда в Тибет. Занятие британскими экспедиционными силами Лхасы
1904, февр. – 1905, авг.	Русско-японская война на Дальнем Востоке
1905	Миссия Козлова в Урге
1906, май – 1907, авг.	Британо-русские переговоры о разграничении сфер влияния в Центральной и Восточной Азии
1907, 31 авг.	Подписание англо-русской конвенции. Окончание Большой Игры

Приложение 3.

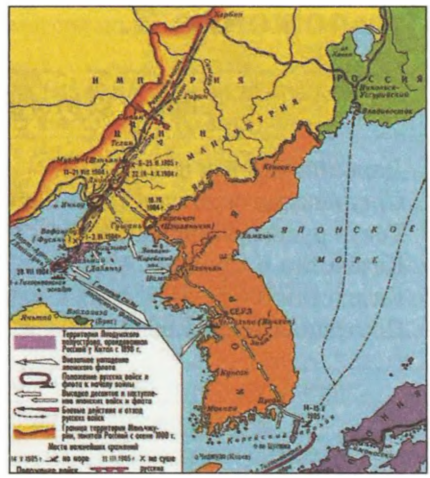
Список картографических материалов

1. Дальний Восток в конце XIX – начале XX в.
2. Среднеазиатские ханства в первой половине XIX в.
3. Театр русско-японской войны 1904-1905 г.
4. Казахстан и Средняя Азия к 1873 г.
5. Казахстан и Средняя Азия к началу XX в.
6. Восточная Азия в начале XX в.

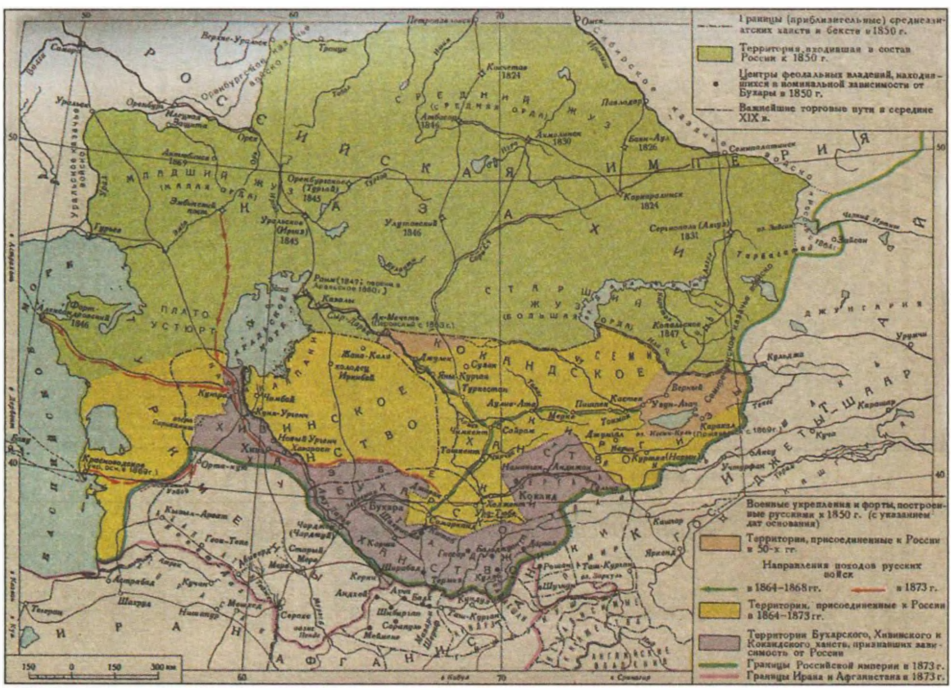


Дальний Восток в конце XIX – начале XX в.

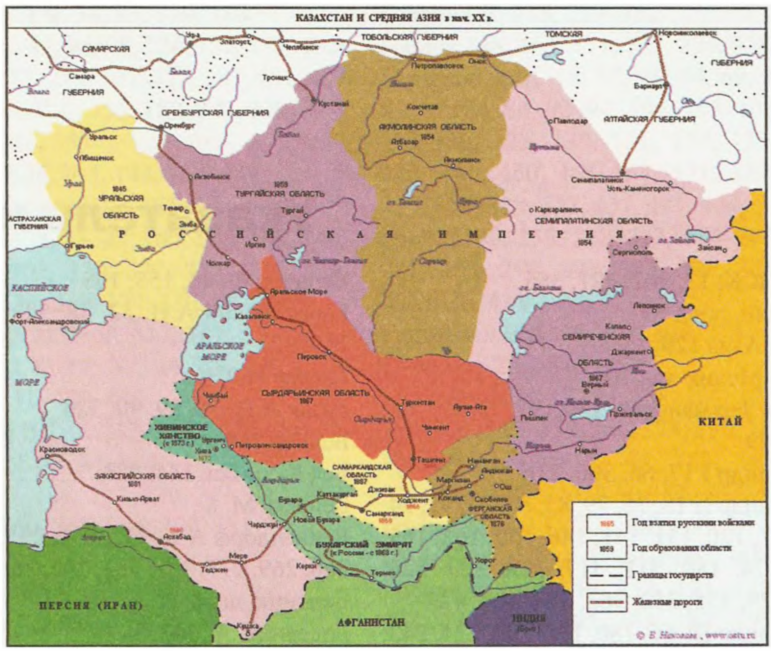
Среднеазиатские ханства в первой половине XIX в.



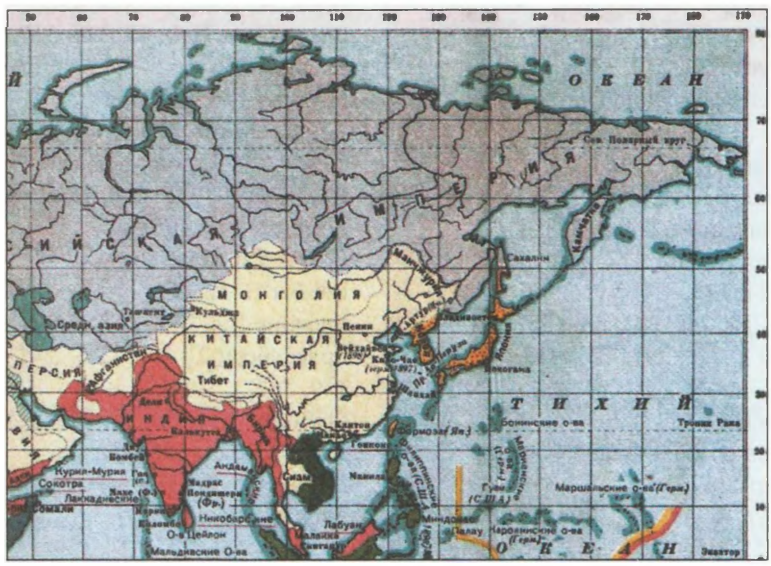
Театр русско-японской войны 1904-1905 г.



Казахстан и Средняя Азия к 1873 г.



Казахстан и Средняя Азия к началу XX в.



Восточная Азия в начале XX в.

Указатель имен

Абаза К.К. 13, 302, 321, 386
Абердин, лорд 59
Абдул Азиз 129
Абдул Мелик-хан 104
Абдур Рахман-хан 189,197, 205, 206, 346, 349
Александр I 17, 66, 306, 316
Александр II 18, 78, 79, 85, 86, 92, 93, 94, 95, 107, 120, 131, 141, 146, 159, 163, 165, 168, 174, 180, 311, 317, 318, 320, 325, 328, 329, 335, 352, 363, 373, 401, 429
Александр III 66, 180, 192, 196, 221, 242, 305, 341, 344, 346, 373, 406, 429
Александр Македонский 164
Александра Федоровна, императрица 269, 363
Алексеев Е.И. 230, 373
Алексей Александрович, великий князь 243
Алиханов М. 177, 181,
Альфтан В. 244, 358
Амтхилл, лорд 234, 237, 355
Аргайлл, герцог 112, 115, 116, 133, 164, 311, 324, 325
Ардаг Дж. 240, 241, 349, 357
Асквит Г. 270, 291, 426, 430

Бабков И.Ф. 91, 380
Бадмаев П. 220–223, 353
Бакстер У. 179
Бальфур А. 49, 201, 206, 216, 229, 238, 254, 255, 256, 259, 263, 265, 349, 355, 361, 430
Баранов 222
Баркер Э. 290
Барнэби Ф. 48, 155, 168
Барятинский А.И. 32, 38, 52, 53, 69, 83, 159, 323
Батлер 169
Безак А.П. 78, 89, 90, 320
Бейкер 169
Бек Кули-бек 144, 326
Белофф М. 8
Бенкендорф А.К. 212, 231, 235, 256, 265, 266, 269, 277, 351, 363, 365, 366, 367, 432
Бентинк, лорд 17
Беверидж А. 246, 247
Бересфорд Ч. 245
Берн О. 41, 340
Бернс А. 7, 46, 57, 314, 426
Бларамберг И.Ф. 69, 314, 317, 380
Блейк Р. 136
Бодиско 148, 149, 332
Бондаревский Г.Л. 217, 351, 352, 363, 399
Боулджер Д. 135, 138, 141, 142, 247
Бофорт 179, 340, 341
Брайсек Ш. 11, 71
Бробст П. 12, 20
Бродрик Дж. 234, 237, 355
Брэкенбери Г. 193, 205, 241, 344, 345, 349, 357
Бруннов Ф.И. 35, 95, 100, 111, 116, 118, 322, 323, 324, 325, 432
Буллер Ч. 40, 358
Буркан-у-дин 125
Бутаков А.И. 77, 318
Бьюкенен Э. 105, 119, 133, 323, 324, 325, 370, 432
Бэйли К. 97, 334, 345, 346

Валиханов Ч.Ч. 34, 83, 319, 380
Вамбери А. 41, 96, 98, 124, 132, 133, 135, 178, 179, 277, 278, 307, 323, 387, 401, 407
Ванновский П.С. 152, 182, 243, 339, 341, 342, 343, 345, 357
Васильев В.П. 143, 144, 158, 331
Веллингтон, лорд 17, 281
Венюков М.И. 13, 98, 102, 105, 108, 144, 157, 251, 302, 320, 322, 323, 324, 329, 330, 331, 334, 360, 374, 380, 387, 405
Вернадский И.В. 68, 317, 387
Виктория I 8, 17, 37, 44, 65, 154, 180, 261, 310, 311, 429, 435
Вильгельм II 182, 247, 263, 267, 269
Виткевич Я. 57, 81, 314
Витте С.Ю. 186, 215, 220, 221, 243, 268, 281, 353, 360, 367, 374, 380, 381
Вольф Г. 208, 209
Вольф Л. 277
Воронцов-Дашков 126, 327
Воскресенский А.Д. 147, 306, 332, 400
Вревский А.Б. 431
Вревский А.В. 196
Вуд Ч. 99, 103, 323
Вышнеградский И. 287

Галлахер Дж. 65
Гамильтон Дж. 49, 181, 224, 227, 228, 231, 240, 263, 355, 357, 363
Гардинг Ч. 193, 267, 273, 279, 289, 291, 354, 361, 363, 365–368, 432
Гарднер А. 284
Гейден А.Ф. 265
Гейден Ф.Л. 159
Генри Н. 248
Георгий Александрович, великий князь 251
Гилмор Д. 217
Гирс Н.К. 68, 71, 105, 151, 159, 162, 174, 182, 219, 317, 335, 336, 339, 340, 341, 343, 345, 346, 350, 352, 431
Гладстон У. 39, 113, 118, 130, 136, 172, 178, 181, 197, 325, 430
Глисон Дж. 42, 43,
Головин Н. 218, 219, 352
Горлов 148, 165, 171, 332, 336, 338
Горчаков А.М. 18, 35, 46, 64, 69, 74, 78, 81, 82, 84–86, 92–94, 101, 105–108, 111, 116–120, 123, 130, 131, 134, 135, 141, 143, 146, 150, 165–167, 171, 187, 195, 317, 319–328, 337, 431, 433, 434
Грей Э. 40, 259, 268–272, 274–277, 279, 281, 283, 290, 291, 293, 361, 364–370, 403, 426, 431
Григорьев В.В. 13, 302, 309, 374
Гриерсон 200, 348, 357
Гродеков Н.И. 13, 50, 168, 169, 175, 270, 280, 302, 337–339, 360, 374, 380, 387, 431
Громбчевский Б.Л. 47, 153, 188–190, 331, 333, 342–344, 374, 380, 387, 436
Грулев М.В. 13, 281, 302, 368, 387
Грум-Гржимайло, братья 190, 368
Грэнвилл, лорд 40, 112, 121, 130, 131, 134, 135, 141, 165, 181, 187, 195, 326, 328, 337, 339–342, 431, 434
Гуч Дж. 282

Дархэм, лорд 40
Дас, Сарат Чандра 218, 224, 329, 352
Дафферин, лорд 151, 171, 181, 193, 337, 339, 340, 341, 344, 357, 432
Дейн Л. 207, 349, 362, 365
Дерби, лорд 141, 154, 171, 333, 430, 431,
Джеймс Л. 12, 42
Джелавич Б. 92
Джентер А. 236
Джиллард Дж. 10, 12, 297,
Джонсон Р. 12, 16, 98, 156, 308, 335, 343
Дидро 45
Дизраэли Б. 39, 135–137, 141, 147, 154, 165, 172, 312, 330, 407, 430
Диллон Э. 271, 276,
Долгорукий Н. 208
Дондуков-Корсаков А.М. 177, 210, 339, 350, 374
Доржиев А. 222–228, 230, 232, 236, 292, 353, 354, 356, 380, 381, 399, 425, 436
Дост Мохамед-хан 55–57, 60, 78, 80, 81,

314, 319, 430, 433
Доусон У. 41
Духовской С.М. 431
Дэвис Г. 9, 10
Дэвис Р. 100, 123
Дэвисон 194
Дюгамель А.И. 68
Дюранд Г. 112, 189, 197, 201, 211, 212, 286, 345, 346, 351, 369

Екатерина II 66
Ермолов 250, 293, 303, 360, 362, 370, 377, 403
Ерофеев Н.А. 42, 312, 317, 401

Жигалина О.И. 14, 301, 303, 401
Жомини А.Г. 171
Жуковский С.В. 79, 319, 387

Зайченко 196, 345, 346, 388
Залесов Н.Г. 73, 318, 381
Захаров 82, 319
Зиновьев И.А. 174, 183, 190, 264, 274, 338, 339, 343, 370, 388,

Иванов Н.А. 431
Игнатьев Н.П. 47, 54, 72–74, 78–80, 82, 83, 86–88, 90, 106, 150, 205, 281, 314, 318–320, 332, 333, 373, 381, 408, 433
Иессен Л. 160
Извольский А.П. 237, 257, 268–272, 274, 275, 277, 279, 281, 293, 356, 361, 364, 365–367, 370, 373, 381, 398, 401, 425, 431,
Илайэс Н. 46, 153, 189, 219, 343, 352,
Ингрэм Э. 10, 11, 16, 17
Ионов М.И. 47, 92, 194–196, 345, 346, 387, 436
Истник Э. 121, 122
Исхак-хан 189

Кавагучи Э. 218, 352,
Каваньяри Л. 172, 336, 435
Казалет Э. 137
Кайе Дж. 7, 41
Калмыков А.Д. 257, 353
Калхас 277
Камерон А. 180, 340
Каннинг, лорд 44, 432
Кардуэлл 34, 155
Катенин А.А. 83
Каульбарс 127, 328
Кауфман К.П. 47, 102, 106–111, 115, 18, 128, 132, 133, 137, 138, 142–147, 150, 155, 158, 159, 161–164, 166, 168–170, 177, 324–326, 328, 329, 331, 334–337, 374, 431, 434
Квестед Р. 62
Кеннеди П. 181, 261, 277
Керзон Дж. 9, 43, 45, 49, 93, 180, 191, 194, 198, 199, 201, 206, 207, 209–217, 224, 227–231, 233–235, 237–241, 245, 247, 249, 251, 254, 255, 260, 263, 277, 278, 285, 307, 311, 344, 347–352, 354, 355, 357, 360, 361, 363, 364, 367, 399, 400, 408, 432, 436
Кимберли, лорд 151, 193–196, 198, 345, 346, 431, 436
Киняпина Н.С. 14, 303, 306, 318, 319, 328, 330, 400, 402,
Ким 8
Киплинг Р. 8, 9, 26, 186, 367,
Китченер Г. 210, 233, 235–238, 251, 260, 261, 271, 278, 351, 355, 362, 367
Кларендон, лорд 46, 95, 116, 119, 120, 133, 167, 319, 321, 324, 325, 431,
Кларк Дж. 260, 261, 271
Кларк Ф. 163
Клемансо Ж. 224
Клемм В.О. 202, 235, 236, 258, 285, 348, 356, 361, 368
Кобольд Р. 151, 198,
Ковалевский Е.П. 84, 400
Козлов П.И. 43, 153, 22, 226, 235, 237, 354, 356, 374, 381, 436
Коковцов В.Н. 270, 365
Кокорев В.А. 32
Кокс П. 214

Колдуэлл 179
Колоколов С. 257, 258
Колпаковский Г.А.
Колумб Х. 11
Комаров А.В. 177, 178, 180, 181, 184, 342, 348, 435
Конолли А. 4, 6–8, 19, 46, 59, 60, 79, 111, 315,
Константин Константинович, великий князь 251
Константин Николаевич, великий князь 81, 85,
Кори А. 160
Косоговский В.В. 208, 350, 351, 381,
Костенко Л.Ф. 13, 111, 128, 175, 302, 322, 328, 329, 333, 337, 388,
Кройц 193
Кропоткин П.А. 182
Кросс Э. 42, 193, 312, 344, 345
Крыжановский Н.А. 106, 107, 111, 159, 323, 324, 329
Крэмптон Дж. 95, 321, 432
Куропаткин А.Н. 13, 24, 127, 142, 144, 145, 153, 168, 198, 200, 210, 223, 235–237, 258, 265, 280, 286, 292, 294, 302, 331, 333, 337, 347, 348, 350, 357, 360, 363, 371, 373, 381, 383, 388, 405
Кутайсов П.И. 119, 120, 137, 325, 330,
Кэмпбелл-Баннерман Г. 426, 430
Кэмпбелл Дж. 41
Кэмпбелл У. 64
Кэро О. 12

Лаярд О. 162
Ламздорф В.Н. 197, 202, 204, 205, 212, 224, 226, 230, 235, 237, 247, 264–266, 268, 269, 344, 346–349, 356, 359–361, 363, 373, 381, 431
Ле Ке У. 204
Лебедев В.Т. 200, 348, 388
Левитов И.С. 244, 358, 388
Леонтьев М. 15, 17, 303, 304, 306, 309, 403
Лесовский 149, 332
Лессар П.М. 175, 229, 257, 264, 338, 339, 356, 360, 388
Лессепс Ф. 138
Ли Хунчжан 149
Ливен В.К. 69
Ливингстон Д. 219
Ливкин Д.И. 202, 203, 284, 285, 348, 368
Литтон, лорд 45, 145, 155–157, 165, 248, 333, 334, 336, 359, 342
Лобанов-Ростовский А.Б. 165, 243, 252, 431, 432
Локкарт Р. 390
Локкарт У. 166, 189,
Ломакин Н.П. 168, 170, 172, 337, 435
Лоуренс, лорд 100, 103, 111, 133, 323, 432
Лоуренс Дж. 12, 42, 45
Лофтус, лорд 35, 130, 154, 162, 326, 333, 336, 432
Лумсден П. 181
Лэнсдаун, лорд 40, 188, 193, 195, 196, 205, 216, 229–231, 235, 237, 238, 265–268, 279, 344–346, 354, 355, 363, 367, 431, 432
Лэмб А. 20
Лэмбтон У. 97
Лэнгер У. 204
Лэсселльс Ф. 432
Лэттимор О. 138

Майо, лорд 113, 115–117, 127,
Макаров С.О. 242
Макгрегор Ч. 169, 179, 180, 192, 200, 340, 349,
Макдональд Д. 232,237, 261,
Макдугал П. 134
Макензи Д. 46, 326
Макиавелли 191
Маккартни Дж. 151, 258
Маккартни Х. 147, 151
Маккордок Р. 253
Маклеод Дж. 117, 325,
Макнейлл Дж. 55, 67
Макшеев А.И. 13, 302, 315, 322, 329,

331, 389,
Маллесон 200
Малмсбери, лорд 319, 431
Малькольм-хан 161
Маннергейм К.Э. Г. 47, 366, 381, 382,
Марвин Ч. 51, 176, 179, 200, 331, 333, 335,
Маркс К. 33, 75, 311, 318, 389,
Мартенс Ф.Ф. 50, 140, 331, 389
Меджид А. 98
Мейер К. 11, 16, 71
Мехмет Рахим-хан 430
Мещерский В.П. 316, 341, 382
Мид Р. 214
Милль Дж. 28
Милютин Д.А. 46, 48, 49, 73, 74, 81, 86, 89–93, 107, 15, 123, 125, 128, 131, 137, 138, 143, 148, 154, 155, 158–162, 164, 166, 171, 177, 219, 240, 313, 314, 318, 320, 321, 323–332, 334–338, 352, 374, 382, 402
Минто, лорд 238, 278, 290, 362, 365, 369, 432
Михаил Николаевич, великий князь 170
Михельсон А.А. 264
Мичелл Д. 130
Мичелл Р. 126
Мичелл Т. 30
Молесворт У. 40
Монтгомери Р. 41, 100
Монтгомери Т. 97
Моренгейм А.П. 68, 71, 317,
Морли Дж. 270, 290, 362, 365, 369
Морган Дж. 10, 16
Моррисон 277, 367,
Морьер Р. 38, 196, 209, 238, 345, 359, 432
Мохамед Худояр-хан 60, 61, 142, 316, 440
Муир У. 41
Музаффар-у-дин 104, 430
Муравьев-Амурский Н.Н. 63, 127, 328
Муравьев М.Н. 63, 204, 205, 249, 250, 251, 328, 349, 351, 360, 431, 436
Мэхен А. 27, 244

Наполеон I 11, 17, 67, 316
Наполеон III 68, 75
Нарзунов 224
Насир-у-дин 54, 80, 90, 142, 143, 209, 211, 430
Насрулла-хан 59–61, 78, 79, 430
Нассауский, принц 66
Невельской Г.И. 62
Неверовский А.А. 69
Нельсон, адмирал 64
Нессельроде К.В. 10, 59, 106, 301
Николай I 17, 37, 52, 53, 58, 59, 68, 106, 306, 315,
Николай II 37, 38, 204–206, 210, 211, 215, 223–226, 230, 235, 243, 248, 249, 251, 260, 263, 267, 269, 271–273, 280, 289, 294, 298, 359, 363, 373, 398, 429
Николай Николаевич (мл.), великий князь 269
Никольсон А. 269, 271, 272, 274–277, 291, 294, 432
Никольсон Дж. 46
Новикова О. 51, 183
Новицкий Н. 100, 202, 322,
Нольде 193
Нортбрук, лорд 112, 129, 133, 141, 213, 311, 324, 331, 342, 357, 432
Норткот, лорд 103, 323
Нотович Н.И. 47, 151, 190, 280
Нэпир, майор 169
Нэпир, лорд 297, 432

Обручев Н.Н. 92, 243, 313, 321, 347, 349, 360, 398
О'Донован Э. 173, 174, 338
О'Коннор Н. 220, 222, 249, 251, 259, 360, 436,
Окума 254
Орлов, атаман войска Донского 66
Орлов А.А. 17, 306, 404
Острогорский М.А. 270
Отте Т. 282, 334

Павел I 17, 66, 316

Павлинов К. 125
Павлов 170, 338, 353, 358,
Палицын Ф.Ф. 210, 269,
Панкратова А.М. 13
Пальмерстон Г. 39, 49, 67, 96, 281, 311, 400, 430,
Пасек Н. 217
Пашино П.И. 102, 330, 335, 382, 400,
Пелли Л. 156, 158,
Перовский В.А. 47, 58, 59, 315
Петр I 27, 31, 57, 175, 309, 401, 404
Петровский Н.Ф. 150, 151, 190, 191, 195, 333, 343–345, 347, 435
Петрусевич Н.Г. 170, 338
Пикок 81
Пиль Р. 7
Поклевский-Козелл С. 274, 276, 366
Покотило 190
Покотилов Д.Д. 272, 273
Покровский М.Н. 13, 342, 405,
Поло Марко 219
Полосов 202
Попов 133, 318
Попов А.Л. 14, 303, 313, 315, 320, 322–324, 326, 327, 333, 348–351, 365, 405,
Поповски Й. 252
Потанин 190
Потемкин 66
Проценко 201, 346, 348
Пржевальский Н.М. 38, 47, 50, 153, 219, 222, 224, 226, 307, 352, 374, 383, 387, 389, 407, 434, 435,
Путятин Е.В. 85, 88
Пэрс Б. 271, 278, 290

Рабданов Б. 236, 356,
Разгонов Н.О. 166
Райпон, лорд 45, 103, 176, 188, 323, 339, 432
Рамбольд Г. 46
Раскольников Ф. 201, 336, 348, 405
Расселл, лорд 35, 95, 100, 111, 323, 324, 430, 431 (в тексте и Рассел, и Расселл)
Раундс Дж. 86
Редигер А.Ф. 38, 281, 311, 382
Рейналь 127
Рейснер И. 267, 364, 365
Рейтер Д. 51, 122,
Рейтерн М.А. 92, 111, 324,
Рибер А. 29, 306, 310, 405
Риккардо Д. 28
Робертс Ф. 41, 121, 167, 194, 195, 200, 205, 345, 347, 435
Робертсон У. 137, 362, 363
Робинсон Р. 65
Робсон Б. 167
Рональдсхэй, лорд 217
Розбери, лорд 197, 198, 251, 298, 347, 431
Розен Р.Р. 92, 245, 280
Розенбах Н.О. 182, 189, 431
Рокхилл У. 224, 233
Романовский Д.И. 13, 47, 67, 92, 99, 118, 191, 293, 302, 318, 321–324, 329, 389, 433
Ротшильд 224
Роулинсон Г. 6, 41, 46, 114, 137, 179, 325
Рузвельт Т. 271

Сазонов С.А. 293
Саид Абдул аль-Ахад 430
Саид Мохамед-хан, кокандский 130, 131, 430
Саид Мохамед-хан, хивинский 78, 430
Саид-Музаффар-у-дин 104, 430
Саид Насир-у-Дин 142, 143, 430
Саид Э. 8, 35, 406
Сайкс П. 210, 211
Сандерсон Т. 279, 363, 366, 367
Сафдар Али-хан 190, 195
Свистунов А. 108, 324
Святополк-Мирский Д.А. 170, 171, 338,
Сеид Якуб-хан 145
Семенов Тян-Шаньский А.П. 370
Семечкин 148, 332
Серебренников А.Г. 24, 60, 202, 308, 322, 427
Сесил Р. 40, 208
Сигел Дж. 19, 20

Сингх Д. 192, 344, 436
Сингх М. 97
Сингх Н. 97
Сингх Р. 56, 133, 192, 284
Сингх Р.Р.Т. 71
Скерский 191
Скобелев М.Д. 47, 48, 92, 131, 143, 159, 168, 172–175, 328, 335, 337–339, 382, 383, 403, 404, 409, 435
Скотт Ч. 256, 361, 432
Смит А. 28, 351
Снесарев А.Е. 13, 47, 92, 93, 187, 202, 281, 300, 302, 321, 340, 342, 367, 368, 374, 390, 408
Соболев Л.Н. 13, 109, 158, 168, 173, 302, 324, 337, 338, 372, 390
Солсбери, лорд 38–40, 134, 141, 155, 156, 161, 162, 165, 178, 185, 205, 206, 208, 211, 214, 216, 248–250, 252, 254, 262, 263, 312, 331, 334, 336, 342, 343, 350, 359–361, 363, 400, 430, 431
Спринг-Райс С. 208, 212, 225, 266, 269, 271, 273, 276, 277, 350, 351, 354, 361, 363–366
Стааль Е.Е. 182, 195, 197, 198, 204, 205, 209, 212, 215, 249, 250, 252, 263, 340, 341, 343, 346, 349, 350, 360, 432, 436,
Стоддарт Дж. 59, 60, 79, 111, 315
Столетов Н.Г. 110, 162–167, 176, 177, 206, 336, 339, 435
Столыпин П.А. 274, 277, 288, 290,
Стремоухов П.Н. 110, 125, 129, 144, 289, 324, 326, 327, 331,
Стэд У. 264
Стюарт Дж. 12, 97
Стюарт Ч. 174
Субботин А. 36, 311, 390
Субботич Д.И. 431
Сухозанет Н.О. 69, 73, 314, 317
Сэтоу Э. 229, 233, 254, 360, 361
Сюэ И. 146

Тевяшов Н.Н. 431
Тендерден, лорд 117
Тер-Гукасов А.А. 170
Терентьев М.А. 13, 103, 111, 172, 302, 310, 313, 315, 316, 322–325, 327, 329, 336–338, 340, 342, 345, 390
Теренцио П.-К. 281
Тимур (Тамерлан) 36, 57
Того 255
Томпсон Р. 159, 181, 341
Торнау Н.Е. 159, 335
Торнтон Э. 432
Тревельян Ч. 286
Тренч Ф. 133
Троцкий В.Н. 161, 308
Тубдэн Гьятцо (Далай-лама XIII) 222, 273, 353, 425

Уинт Г. 10
Уигхэм Г. 9
Уиттеридж Г. 11
Уланов Н. 235, 236, 356
Ульянов Д. 235, 236, 356
Уоддель О. 221, 355
Уодхауз, лорд 78, 319, 320, 432
Уоллер Д. 97
Уоллис Дж. 271
Уотерс У. 250, 360
Уотсон Р. 251
Уркварт Д. 41, 52, 67
Ухтомский Э.Э. 203, 220, 221, 223, 243, 348, 357, 390
Уэбстер 295
Уэйкфилд Э. 40
Уэллесли Ф. 133

Форсайт Т. 117, 120, 126, 127, 129, 145, 218, 326, 328, 352,
Фредерикс Б.В. 154, 324
Фромкин Д. 11
Фукусима 255

Хабибулла-хан 206, 207, 270, 173, 275, 430
Хамид М.А. 98
Халфин Н.А. 14, 303, 310, 314, 315, 317,

319, 320, 322, 324, 329, 336, 347, 348, 372, 407, 408, 427
Хантингтон С. 26
Харт Р. 149, 247, 248, 258, 332, 357, 359, 361
Хартингтон, лорд 134, 172, 176, 184
Ханыков В.Н. 59, 80–83, 319, 433
Хеллвальд Ф. 51, 139,
Хидоятов Г.А. 14, 281, 303, 336, 339, 340, 368, 408
Хитц Ф. 12
Хози А. 153, 333, 355
Холден Г. 270, 291
Холдсуэз М. 105
Хопкинс Б. 96
Хопкирк П. 6, 11, 12, 16, 78, 81, 88, 173, 275, 301,
Хрулев С.А. 68, 69, 74, 75, 318, 383
Хрущов 125, 327, 328
Хэй Дж. 233, 254,
Хэйуорд Дж. 126, 327, 434

Черемпил 224
Цзо Цзунтан 128, 146,
Циммерман 89
Цыбиков Г. 222, 224, 353, 383,

Чавда В. 16, 22
Чайрол В. 51, 207, 208, 246, 260, 277, 350, 364, 367
Чарыков Н.В. 137
Чемберлен Н. 165
Чемберлен О. 290
Черняев М.Г. 47, 73, 78, 92, 101, 102, 106–108, 168, 177, 319, 323, 324, 329, 339, 374, 431, 433
Черчилль Р. 267
Черчилль Рандольф, лорд 72, 193,
Чириков Е.И. 72, 318,
Чихачев П.И. 68, 317, 341, 342
Чичагов Н.М. 244, 358,
Чун Хоу 147

Шамиль 53, 433,
Шекспир Р. 56
Шен В. 275
Шер Али-хан 109, 121, 156, 159–167, 306, 336, 400, 434
Шоу Р. 126, 129, 218, 434,
Шоуолтер Э. 12
Штейнберг Е.Л. 14, 303, 317, 318, 335, 338, 409,
Шувалов П.А. 166, 170, 323, 432
Шуджа Шах 56, 57
Шуйлер Ю. 160, 168,

Эванс Дж. де Лэси 53, 67,
Эверест Дж. 97
Эдвардес М. 10, 16, 47,
Эдуард VII 37, 216, 235, 269, 271, 279, 290, 291, 355, 356, 367, 370, 429
Эленборо, лорд 17
Эллес Э. 192
Эллис У. 7, 344
Эльджин, лорд 87, 88, 222, 432
Энгельс Ф. 75, 76, 311, 318, 390, 391
Эшер Р. 172, 183, 258, 342, 361

Южаков С.Н. 182, 341, 342, 391,

Якуб-бек 124–129, 131, 142–146, 187, 218, 321, 326–328, 331, 332, 382, 399, 400, 433, 434
Янгхазбенд Ф. 9, 20, 46, 49, 151, 153, 188–190, 194, 200, 221, 231–238, 254, 265, 289, 343, 345, 347, 355, 356, 361, 436
Япп М. 56

Указатель географических названий

Австралия 149, 183, 242, 256, 258
Австро-Венгрия 131, 179, 252, 267, 274, 282
Ак-Мечеть 59, 60, 76,
Алайский хребет 260
Алтышар 83
Аляска 47
Амбала 26
Амударья (Окс) 22, 58, 61, 78, 79, 88, 90, 98, 99, 106, 108, 110, 113, 120, 130, 131, 133, 135, 142, 158, 170, 173, 180, 187, 189, 190, 195, 260,
Амур 24, 38, 52, 54, 62, 63, 84–86, 88, 242
Амурская область 239
Аравийское море 202
Аральское море 58, 60, 65, 106, 114, 260
Архангельск 27
Ассам 56
Атлантический океан 27, 33, 52, 120
Атрек 155, 170, 175,
Аули-Ата 94
Афганистан 5, 7, 12, 14, 16, 18, 19, 21–23, 31, 32, 36, 50, 51, 54, 56–58, 60, 61, 68, 69, 72, 79, 80, 88, 91, 93, 94, 96, 105, 110, 111, 113, 114, 116, 118, 119, 121, 127, 130, 141, 147, 151–154, 156–160, 162–167, 169–173, 175, 177, 180, 181, 188, 189, 191, 192, 194, 198–200, 203–206, 219, 227, 228, 230, 235, 238–240, 254, 260, 261, 266, 270–272, 275, 278, 279, 281, 289, 292, 294
Ахал-Теке 168, 170,
Ашхабад 174, 177, 286, 287

Багдад 11, 21, 211,
Бадахшан 121, 125, 130, 188, 189, 191, 198–200, 206,
Байкал 220
Балканы 143, 144, 146, 147, 153, 154, 157, 159, 240, 282, 294
Балтийское море 64, 204,
Балх 73, 133, 200
Бальморал 249
Басра 293
Батум 205
Бахрейн 213
Белуджистан 171, 210, 211, 227
Бендер-Аббас 122, 210, 214, 216, 217
Берлин 83, 136, 161, 195, 207, 249, 254, 263, 264, 268, 281, 292, 294
Бирма 144, 219, 220
Бирмингем 204
Ближний Восток 15, 18, 19, 26, 65, 67, 88, 96, 109, 137, 153, 154, 210, 219, 241, 266, 268, 292, 294
Бозай Гумбаз (пер.) 196
Бомбей 6, 44, 202, 235–237, 258, 185, 292,

* *В связи с постоянным использованием в тексте следующие географические названия не включены в указатель: Азия, Британская империя (Великобритания, Соединенное Королевство), Евразия, Европа, Лондон, Малая Азия, Санкт-Петербург, Российская империя (Россия), Центральная Азия, Юго-Восточная Азия, Южная Азия.*

Босфор 133, 153, 182, 204, 274
Брахмапутра 218
Бристоль 125
Брэдфорд 125
Бурятия 223
Бутан 219, 228
Бухара
Бушир 54, 122, 213, 214, 217
Бъорко 267

Вазиристан 199
Ванкувер 148
Ватерлоо 42
Вахан 130, 179, 187, 188, 197,
Веллингтон 21
Вена 26
Владивосток 27, 120, 182, 203, 210, 222, 241, 242, 246, 257
Внешняя Монголия 128, 234, 294
Волга 58, 214,
Восточная Азия
Восточный Туркестан 18, 21, 33, 36, 38, 50, 61, 73, 76, 82, 83, 89, 93, 97, 105, 106, 120–129, 144, 146, 147–153, 189, 192, 245, 292, 294
Вэйхайвэй 222, 249, 250, 254,

Газни 172
Галифакс 125
Гамильтона, порт 181, 182, 240
Ганьсу 124
Геок-Тепе 172–174
Герат 19, 54–56, 67–70, 80, 81, 84, 100, 103, 114, 122, 133, 141, 154, 159, 161, 163, 169, 170, 172–174, 179, 180, 183, 198, 200, 206, 207, 210, 227, 261
Гилгит 164, 188, 192, 195, 197
Гималаи 218, 232
Гиндукуш 12, 22, 33, 97, 102, 108, 129, 133, 157, 165, 173, 187, 189, 196, 198, 199, 205, 291
Глазго 125
Гонконг 33, 148, 182, 242, 246
Гуанчжоу 84
Гуль 257
Гурьев 58

Дагу 86
Дальний Восток 10, 14, 18, 21, 22, 42, 50, 53, 61–63, 65, 84–88, 92, 147–149, 198, 204, 210, 222, 230, 238–244, 246–256, 259, 263–265, 268, 270–272, 279, 280, 284, 287, 292, 294, 296, 297
Дарданеллы 204
Дели 43
Дехра-Дан 51, 97
Джам 161, 162
Джунгария 122, 125
Доггер-Банка 236, 237, 257
Дунай 52

Египет 11, 27, 32, 136, 177, 248, 262,

Желтое море 149, 245,

Забайкальская область 239
Закаспийская область 59, 74, 83, 108, 110, 132, 152, 155, 156, 167, 168, 170, 173–175, 177, 181, 183, 198, 200, 201, 205, 210, 239, 261, 287,
Зульфикарский проход 180, 184

Иберийский п-ов 26
Или 82, 83, 123, 128, 129, 135, 146, 147, 149, 150, 152, 187, 241
Инд 70, 78, 157
Индийский океан 27, 53, 114, 120, 203, 204, 210, 215, 282
Индия 5, 7, 8, 11–23, 30, 32–35, 39–45, 51–56, 60, 64–76, 80–83, 86, 88–91, 93–97, 100, 103–105, 108, 111, 112–116, 118–123, 125, 126, 129–141, 143–146, 151, 153–161, 163–174, 176–180, 182–197, 199–203, 205–211, 213–221, 223, 224, 226–241, 243, 245, 246, 248, 250–252,

256, 259–261, 268–271, 273, 274, 276, 278–280, 282, 284, 285, 287, 290, 291, 293, 294, 296, 297
Индокитай 95, 194, 220
Индостан, см. Индия
Иргиз 58
Иртыш 58
Иссык-куль 93, 106
Исфаган 211
Италия 113, 135, 224

Йемен 214
Йессе 94
Йеттишар 124–129, 131, 142, 144–146

Кабул 6, 11, 55–57, 73, 81, 82, 114, 121, 133, 156–158, 161–167, 170–172, 188, 199, 200, 205–207, 237, 281
Кавказ 10, 18, 21, 38, 42, 52, 53, 68, 83, 89, 105, 108, 137, 159, 160, 168, 169, 177, 207, 260, 287
Калькутта 7, 21, 44, 45, 56, 65, 81, 94, 96, 104, 105, 112, 121, 131, 133, 145, 156, 157, 162, 163, 169, 171, 175, 188, 196, 201, 207, 209, 214, 219–221, 228, 230, 237, 278,
Камчатка 63, 239,
Канада 28, 148, 183, 242,
Кандагар 56, 68, 73, 114, 135, 156, 163, 172, 200, 211, 237
Кара-Куль 188
Карун 207
Каспийское море 33, 51, 53, 54, 67, 72–73, 75, 81, 91, 10, 122, 131, 169, 175
Кафиристан 165, 166
Кашгар 108, 122, 125, 127, 128, 146, 147, 150–152, 189–191, 200, 221, 258, 293
Кашмир 9, 21, 56, 66, 73, 75, 98, 125, 127, 151, 164, 188, 192, 192, 193, 197, 200, 202, 206, 218, 225
Кветта 156
Келат 156
Кембридж 28
Керби 121
Китай 6, 8, 10, 14–16, 19, 21, 22, 30–32, 39, 49, 52, 54, 55, 58, 61, 63, 68, 73, 77, 82, 84–89, 100, 123–126, 140, 144, 146–152, 156, 179, 183, 187, 188, 189, 191, 192, 194, 198, 204, 211, 217, 219, 220–222, 224, 226, 227, 229–231, 234, 237, 241–243, 245–251, 253, 254, 258, 260, 274, 275, 278, 288, 292, 294
Коканд 14, 20, 22, 56, 58, 61, 74, 79, 80, 89–91, 93, 94, 96, 98–100, 104–107, 109, 110, 114, 15, 124, 126, 142–145, 179, 187, 191,
Комундо, о-ва 240, 242
Константинополь 18, 26, 27, 39, 67, 136, 141, 143, 145, 154, 158, 162, 174, 183, 256
Корейский пролив 183, 240
Корея 15, 18, 22, 181, 182, 230, 242–247, 253, 255, 257, 265
Красноводск 115, 118, 172, 173
Кремль 26
Крым 71
Куала-Лумпур 62
Кувейт 213, 214, 217,
Кульджа 51, 61, 82, 122, 123, 125, 128, 129, 145, 147, 150, 221,
Кум 211
Кушка 206, 260,
Кяхта 85

Ла-Манш 214
Ладакх 127, 223, 228
Лазарева, порт 240, 245
Ланьчжоу 220
Либава 27
Ливадия 165
Ливерпуль 125, 290,
Лидс 125
Лхаса 205, 218–221, 223, 224, 226–238, 277, 296

Мадрас 44, 202
Мазари-Шариф 166

Майванд 173
Маймана 200
Мальта 158
Манчестер 125, 204, 278
Маньчжоу-Го 245
Маньчжурия 14, 15, 18, 22, 61, 76, 86, 185, 186, 220, 228, 230, 240, 241, 243 246, 252–256, 262, 284, 286, 288, 297
Марвар 71
Маргелан 198
Марин 143
Марокко 272
Маскат 213–215, 217,
Мастудж 197
Мельбурн 149
Мерв 122, 159, 161, 168, 170–175, 177–181, 287
Месопотамия 137, 293, 294
Мехран 211
Мешхед 174, 208, 211, 227,
Монголия 21, 52, 220, 221, 227, 230, 237, 246, 274,
Москва 14, 26, 52, 57, 177, 234, 295
Мосул 293
Мраморное море 158
Мукден 230, 258,
Мурманск 27

Нагар 188, 197,
Наманганская область 143
Нева 130, 140, 146, 147, 149, 178, 214, 223, 277
Непал 144, 218, 219, 227, 228
Николаевск 62, 120, 241,
Нил 39, 136
Нью-Йорк 28
Ньюкасл 148

Одесса 149, 203, 246
Оксфорд 9, 28
Оман 213
Оренбург 57, 58, 74, 133, 260,
Орск 58
Османская империя 16–18, 26, 42, 52–54, 109, 118, 127, 136, 143, 144, 153, 163, 211, 213, 241, 252, 259, 262, 268, 294

Палестина 26
Пакистан 12, 15, 21, 46
Памир 9, 20, 22, 33, 151, 164, 179, 185–200, 205, 243, 245, 258
Пекин 61, 84, 85, 87, 92, 129, 144, 146, 147–150, 187, 196, 220, 229, 231, 232, 237, 239, 241–243, 245, 247, 254, 272, 275
Пенде 179–182, 184, 185, 189, 207, 237, 240,
Пенджаб 56, 100, 143, 187, 192, 193, 201,
Персидский залив 21, 22, 27, 45, 54, 122, 137, 157, 204, 205, 207, 208–211, 213–217, 226, 244, 256, 268, 270, 271, 274, 276, 292
Персия 5, 7, 9, 14, 16–19, 22, 23, 31, 32, 36, 38, 39, 50–56, 59, 61, 65, 67–69, 72, 75, 76, 80–83, 88, 91, 93, 95, 103, 105, 110, 111, 118, 121, 122, 137, 141, 152, 154–156, 159–161, 163, 167, 169–175, 177, 179, 183, 199, 204, 206–212, 214–217, 226, 228, 230, 238–240, 254, 260, 265, 266, 270, 272–279, 281, 282, 288, 289, 292–294, 296
Пешавар 56, 75, 98, 117, 141, 156, 172, 236,
Пишкек 83, 91
Поволжье 32
Польша 42, 53, 91, 210
Порт-Артур 22, 27, 241, 246, 249, 260, 265,
Посьет 241
Приморский край 241
Принцевы, о-ва 158
Пруссия 112, 113
Пхеньян 242
Пяндж 170

Радж 73, 75, 96, 97, 99, 102, 104, 112, 114, 123, 125, 139, 155, 157, 178, 188,

191–193, 195, 196, 201, 202, 217, 219, 221, 278,
Ревель 279, 290,
Рига 27
Рошан 179, 187, 188, 194,
Русский Туркестан 24, 99–115, 123, 127, 139, 142, 143, 145, 155, 158, 160, 166, 172, 186, 189, 192, 197, 201, 219, 230, 236, 260, 261, 269, 292, 298
Рюкю, о-ва 149

Самара 83, 89, 106
Самарканд 31, 57, 67, 103, 109, 111, 137, 154, 161, 163
Сан-Стефано 159
Сан-Франциско 148
Сарыкол 125, 164, 187, 195, 258,
Сатледж 218
Сахалин 62, 63, 239
Севастополь 52, 68, 298
Северная Африка 19, 26
Сеистан 210, 211, 227, 261
Семипалатинск 58
Семиречье 125, 288
Сибирь 62, 127, 210, 240, 287, 288
Сибирь, Восточная 21, 63, 74, 127, 147, 154, 239
Сибирь, Западная 21, 73, 93, 105
Сибирь, Южная 32, 60
Сидней 21, 149
Сикким 219, 220, 221, 223
Симла 43, 44, 217
Сингапур 148, 242, 291
Синд 211
Синьцзян 15, 21, 61, 150, 151, 153, 190, 195, 198, 220, 221, 227, 244, 294
Сирия 39, 136, 137
Советский Союз (СССР) 11, 12, 14, 15, 287
Соединенные Штаты Америки (США) 5, 6, 9,12, 15, 19, 27, 30, 32, 44, 47, 54, 63, 92, 140, 213, 233, 239, 242, 253, 259, 268, 271, 278, 280,
Средиземное море 27, 64, 137, 160, 205, 256, 257, 266, 274
Средний Восток 7, 10, 15, 16, 18, 19, 21, 34, 45, 52–54, 56, 60, 63, 65, 81–83, 90, 96, 105, 109, 110, 112, 114, 117, 120, 122, 125, 141, 152, 154, 155–157, 159, 160, 166, 172, 186, 187, 194, 199, 200, 207–210, 212, 213, 216, 256, 259, 267, 271, 277, 280, 281, 284, 292–294, 297, 298
Судан 177, 179,
Сузак 91, 94
Суэцкий канал 120, 138, 273,
Сырдарья (Яксарт) 22, 54, 58, 60, 73, 88, 93, 114, 143, 260
Сычуань 228

Таш-Кепри 181, 184
Ташкент 14, 57, 73, 89, 90, 99, 101–104, 107, 108, 112, 133, 146, 147, 162, 164, 166, 180, 188, 205, 215, 270, 297
Тегеран 7, 45, 53, 54, 67, 68, 80, 81, 118, 122, 159, 160, 169, 175, 181, 183, 207, 208, 210–212, 215, 227, 275,
Теджен 179
Темза 56, 111, 133, 140, 182, 194, 212, 237, 254, 280, 292
Термез 260
Тибет 9, 15, 21–23, 49, 97, 185, 186, 199, 205, 217–238, 244, 245, 254, 272–275, 278, 289, 292, 294
Тихий океан 21, 27, 40, 51, 62, 63, 74, 84, 86, 88, 120, 148, 186, 199, 224, 240–250, 255–259, 265, 282
Трокъяланг 224
Тургай 58
Турфан 125
Туркмения 23, 48, 163, 167, 171, 179, 181
Тяньцзин 229, 255
Тянь-Шань 22, 82, 88, 122, 123, 127, 128, 152,

Узбекистан 23
Уйгурская республика 153

Улан-Удэ 223
Улясутай 128
Урал 32, 58
Урга 51, 128, 221, 234, 236, 237
Уссури 62, 85–87, 242, 246
Уссурийская область 147, 239, 242
Уч-Турфан 125

Фашода 204
Ферганская область 104, 143, 199,
Франция 10, 11, 30, 52, 55, 65, 84, 85, 87, 89, 95, 112, 113, 131, 136, 146, 184, 193, 194, 204, 213, 214, 220, 224, 241, 243, 247, 248, 255, 259, 263, 265, 267, 271, 277, 279, 281, 282, 291,

Хабаровск 241
Хайан Аксай 190
Хайберский перевал 161, 166
Хамба Йонг 232
Хива (Хорезм) 14, 20, 22, 31, 32, 56–58, 73–80, 82, 92, 93, 102, 108, 115, 129–135, 142, 144, 156, 150, 167, 168, 172,
Хорасан 80, 102, 159, 169, 170, 175,
Хорог 198
Хотан 126
Хунза (Канжут) 188, 190, 192, 195, 197

Цзяочжоу 247
Цинская империя, см. Китай

Чамдо 226
Чарджуй (Чарджоу) 161
Черное море 33, 67, 113, 182, 204, 205
Черноморские (Турецкие) проливы 18, 27, 67, 153, 179, 205, 212, 248, 250, 257, 263, 274, 294
Чжилийский залив 250
Чимкент 94, 102–104
Чита 63
Читрал 9, 151, 161, 188, 189, 197, 198, 200, 205
Чугучак 61, 123,
Чумби 220, 233, 236, 275, 292,

Шанхай 86, 246, 255
Шаньси 124
Шарджа 217
Шат-эль-Араб 207
Шигацзе 224
Ширабад 159
Шугнан 179, 187, 188, 194

Янцзы 62, 86, 220, 230, 234, 245, 251, 252
Яны-Курган 83, 94
Японская империя (Япония) 9, 18, 19, 63, 65, 85, 86, 149, 182, 207, 213, 218, 226, 227, 229, 233, 239, 241, 242–247, 253–260, 263, 265, 266, 268, 272, 275, 280, 282, 296
Яркенд 97, 98, 100, 103, 113, 126, 129, 190
Ясин 188, 197
Яск 213
Ятунг 223

Содержание

От автора 3

Введение 4

Глава 1. Происхождение *Большой Игры* 26

Глава 2. Российский вызов и британский ответ, 1856–1864 64

Глава 3. Дорога к Оксу, 1864–1873 99

Глава 4. Кульминация *Большой Игры*, 1874–1885 135

Глава 5. Стратегический тупик, 1886–1903 186

Глава 6. Конец *Большой Игры* 239

Эпилог 289

Примечания 300

Список источников и литературы 373

Приложения 429

Указатель имен 440

Указатель географических названий 448

Серия «Сфера Евразии»

СЕРГЕЕВ Евгений Юрьевич

БОЛЬШАЯ ИГРА, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии.
М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. — 454 с., 8 вкл.
при участии ИП Михайлова К.Г.

Вёрстка: М.В. Скороходова
Редактор: К.Г. Михайлов

Для заявок:
123100, Москва, а/я 16, Издательство КМК;
электронный адрес: mikhailov2000@gmail.com
http://avtor-kmk.ru

Подписано в печать 17.10.2011 . Формат 70×100/16. Объём 28,5 + 0,5 п.л.
Бумага офсетн. и мелов. Тираж 800 экз. Заказ № 4034
Отпечатано в ГУП ППП «Типография «Наука» АИЦ РАН,
121099, Москва, Шубинский пер., 6.

Сфера Евразии

На основе широкой информационной базы, включающей ранее неизвестные или слабо изученные архивные материалы, автор предлагает новую концепцию Большой Игры, понимаемой им как сложный процесс взаимодействия двух наиболее могущественных империй второй половины XIX в. — Британской и Российской — на просторах Центральной и Восточной Азии. В монографии раскрываются предпосылки, основные этапы и последствия соперничества — сотрудничества англичан и россиян на протяжении нескольких десятилетий. Книга содержит анализ влияния Большой Игры не только на динамику двухсторонних отношений в контексте викторианской эпохи, но и на эволюцию тех регионов и стран Востока, которые усилиями Лондона и Петербурга оказались интегрированными в формировавшуюся систему мировых политических, экономических и культурных связей.

Для историков международных отношений, аспирантов, студентов и всех интересующихся проблемами развития российско-британского диалога в новое и новейшее время.